
VE
RI
TAS

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

издаваемыя подъ редакціею Секретаря Общества.

Томъ III.

1880–1882 годъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1884.



ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

издаваемыя подъ редакціею Секретаря Общества.

Томъ III.

1880—1882 годъ.



КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1884.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Казань, 31 мая 1884 года.

Секретарь Общества *С. К. Кузнецовъ*.

Настоящій III томъ «Извѣстій» Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи печатался подъ редакціей *Н. П. Загоскина*, бывшаго Секретаря Общества. Ради ускоренія выхода въ свѣтъ этого тома печатаніе протоколовъ Общества за 1880—82 гг. отложено до слѣдующаго тома, къ которому присоединены будутъ также чертежи и планы городищъ и кургановъ, упоминаемыхъ въ этомъ томѣ. Слѣдующій томъ будетъ выходить выпусками, по мѣрѣ печатанія. Согласно постановленію Совѣта Общества содержаніе слѣдующихъ томовъ впредь будетъ разбиваемо на слѣдующіе отдѣлы: а) протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній; b) археологія; с) исторія; d) этнографія и е) смѣсь. Статьи, по мѣрѣ возможности, будутъ сопровождаться планами, чертежами и рисунками.

О ЗАДАЧАХЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КАЗАНСКАГО ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

И

О ВОЗМОЖНОМЪ СОДѢЙСТВІИ ОБЩЕСТВУ СО СТОРОНЫ ЖИТЕЛЕЙ МѢСТНАГО КРАЯ.

Рѣчь Товарища Предсѣдателя Общества О. М. ШПИЛЕВСКАГО, произнесенная въ I Годичномъ Публичномъ Собраніи Общества 19 марта 1879 г.

Важность административной децентрализаціи, являющейся въ формѣ мѣстнаго самоуправленія, сознается не только въ интересахъ отдѣльныхъ самоуправляющихся мѣстностей, но и всего политическаго цѣлаго. Подобно этому признается важность изученія отдѣльныхъ мѣстностей не только въ интересахъ этихъ мѣстностей, но и цѣлаго государства и даже—всего человѣчества. Извѣстный публицистъ Градовскій объясняетъ, что „участіе въ администраціи лицъ непосредственно заинтересованныхъ необходимо въ виду разнообразныхъ интересовъ общества и государства. Оно выводитъ на сцену дѣйствительно насущныя потребности... Между тѣмъ сознаніе этихъ потребностей утрачивается, какъ скоро обсуждающая власть покидаетъ мѣстность и сосредоточивается исключительно въ центрѣ. Отсюда проистекаютъ весьма важныя невыгоды для общества и государства. Мѣстныя нужды начинаютъ обсуждаться подъ вліяніемъ однихъ обще-государственныхъ соображеній (1)". Подобно этому извѣстный археологъ Забѣлинъ говоритъ: „Пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій, будутъ голословны,

(1) «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи», т. I, Введеніе, стр. CIV.

шатки, даже легкомысленны, чему легко указать множество примѣровъ" (¹).

Новѣйшія изслѣдованія по русской исторіи вообще, по исторіи словесности, права и т. п. все болѣе и болѣе начинаютъ удовлетворять новымъ научнымъ требованіямъ и задачамъ, обращая особенное вниманіе на областное различіе.

Наша Волжско-Камская область представляется особенно интересною и важною въ отношеніи многихъ научныхъ вопросовъ, изъ которыхъ предметы спеціальнаго изученія Общества археологіи, исторіи и этнографіи опредѣляются самымъ названіемъ Общества; существующее уже 10 лѣтъ при Казанскомъ университетѣ Общество естествоиспытателей имѣетъ задачею „изслѣдованіе въ естественно-историческомъ отношеніи восточнаго края Россіи и Сибири". Понимая неразрывную солидарность между всѣми науками, тѣмъ болѣе между такими, какъ археологія, исторія и этнографія съ одной стороны, и науки естественныя съ другой, мы не сомнѣваемся, что старѣйшее, сравнительно съ нами, Общество, уже успѣвшее не мало сдѣлать на пользу естествовѣдѣнія, радушно встрѣчаетъ своего младшаго брата и всегда поможетъ ему, когда это будетъ необходимо.

Цѣль нашего новаго Общества при Казанскомъ университетѣ выражается въ первомъ § устава Общества: „изученіе прошедшаго и настоящаго русскаго и инородческаго населенія въ территоріи бывшихъ Булгарско-Хазарскаго и Казанско-Астраханскаго царствъ, съ прилежащими къ ней мѣстностями". Такимъ образомъ пространство территоріи, составляющей предметъ изученія нашего Общества, опредѣляется историческими признаками—границами преемственно существовавшихъ царствъ. На сѣверѣ, по среднему теченію Волги и по Камѣ было царство Булгарское, на югъ отъ него, по обѣимъ сторонамъ нижняго теченія Волги—царство Хазарское; въ XIII вѣкѣ все это пространство было завоевано Татарами и взошло въ составъ Золотой Орды. Но отдѣльныя булгарскія владѣнія въ качествѣ подчиненныхъ Золотой Ордѣ существовали и во время полнаго господства

(¹) «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», т. II. стр. 109.

и процвѣтанія послѣдней ([1]). Послѣ паденія Золотой Орды въ половинѣ XV ст. въ предѣлахъ древняго Булгарскаго царства основалось новое татарское царство—Казанское, а въ предѣлахъ древняго Хазарскаго другое татарское царство Астраханское.

Нынѣшняя Казанская губернія была центромъ Булгарскаго царства, древніе памятники котораго должны быть важнѣйшимъ предметомъ изученія нашего Общества—предметъ вполнѣ достойный вниманія ученыхъ, имѣющій важное значеніе не только для исторіи Россіи, но и во всемірно-историческомъ отношеніи! Это царство соединяло Европу съ Азіею, здѣсь было складочное мѣсто товарамъ, идущимъ изъ Азіи въ Европу и на оборотъ; отсюда шла пропаганда ислама, которая не ограничивалась только ближайшими сосѣдними странами, но проникала до Кіева, гдѣ проповѣдники ислама предлагали князю Владиміру ученіе Мухаммеда.

Булгары окончательно и оффиціально приняли исламъ въ началѣ X стол., по этому поводу было посольство къ булгарскому царю отъ халифа багдатскаго. Въ этомъ посольствѣ участвовалъ Ибнъ-Фадланъ, который оставилъ записку о своемъ посольствѣ—древнѣйшій и важнѣйшій источникъ исторіи Булгаръ.

Другіе арабскіе писатели, современники Ибнъ-Фадлана, Ибнъ- Даста и Масуди свидѣльствуютъ объ обширной торговлѣ Булгаръ, которая составляла главную силу Булгарскаго царства.

Ибнъ-Даста упоминаетъ о торговыхъ сношеніяхъ между Булгарами и Русскими и говоритъ, что круглые диргемы приходятъ къ Булгарамъ изъ странъ мусульманскихъ, путемъ мѣны за ихъ товары ([2]). Масуди упоминаетъ, что постоянно ходили караваны изъ Булгаріи въ Хаварезмъ (Хива) и на оборотъ ([3]).

О торговыхъ сношеніяхъ Булгаръ говорятъ и позднѣйшіе мусульманскіе писатели, а также и русскія лѣтописи.

([1]) См. мое изслѣдованіе «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ нынѣшней Каз. губ.»

([2]) «Извѣстія Ибнъ-Даста» Хвольсона, стр. 25.

([3]) Ibid. 81.

Торговыя сношенія Булгаръ съ Среднею Азіею продолжались постоянно и не прекращаются донынѣ: извѣстны современныя торговыя сношенія казанскихъ купцовъ, преимущественно Татаръ, съ Среднею Азіею. Сырыя кожи и даже юфть доселѣ называются на востокѣ „булгари", т. е. булгарскими; наши орѣхи въ Средней Азіи называются тоже булгарскими—„гюзи - булгаръ (1). Наконецъ замѣтимъ, что Казанскіе Татары называютъ себя и въ настоящее время Булгарами, а къ названію „Татаринъ" они до сихъ поръ не привыкли и готовы считать его даже оскорбительнымъ (2).

Кромѣ города Булгара, арабскіе и другіе мусульманскіе питатели, а также и русскія лѣтописи упоминаютъ и другіе булгарскіе города. Русскія лѣтописи свидѣтельствуютъ не только о торговыхъ сношеніяхъ между Русскими и Булгарами, но и о войнахъ между этими народами. Изъ русскихъ лѣтописей видно, что г. Булгаръ, развалины котораго въ настоящее время находятся въ селѣ Успенскомъ Спасскаго уѣзда, послѣ того, какъ былъ разоренъ Андреемъ Боголюбскимъ, уступилъ свое первенство Великому городу, подъ которымъ должно разумѣть нынѣшній Билярскъ Чистопольскаго уѣзда (3).

Владѣтель г. Булгара, по свидѣтельству Ибнъ-Фадлана, былъ первенствующимъ между другими, ему подвластными царями.

Съ матеріальнымъ могуществомъ въ древней Булгаріи замѣтны и зачатки мусульманской культуры, встрѣчаются указанія даже на литературные труды. Посѣтившій въ XII стол. городъ Булгаръ Абу-Хамидъ-Андалузянинъ разсказываетъ, что одинъ булгарскій кади (судья) написалъ исторію г. Булгара. Извѣстный русскій оріенталистъ Хвольсонъ объясняетъ, что въ Булгарѣ распространился не только исламъ, но и науки, извѣстныя мусульманамъ: встрѣ-

---

(1) П. С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи русской исторіи», стр. LXXXIV, LXXXV.

(2) «Первый Опытъ словаря народно-татарскаго языка по выговору крещеныхъ татаръ Каз. губ.» Остроумова, Каз. 1876, стр. 10.

(3) См. мое изслѣдованіе «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ нынѣшней Каз. губ.»

чается извѣстіе объ одномъ ученомъ уроженцѣ этого края, который составилъ комментаріи къ прославившейся между мусульманами книгѣ Адабъ, соч. Самарканди, комментаріи къ книгѣ Иссери о риторикѣ и написалъ сочиненіе „о простыхъ лекарствахъ (1)."

Во время господства Золотой Орды, кромѣ г. Булгара, который послѣ разрушенія во время монгольскаго нашествія Великаго города, т. е. Билярска, опять сталъ первенствующимъ и даже резиденціею самихъ хановъ Золотой Орды, встрѣчаются и другіе города и владѣтели въ предѣлахъ бывшаго самостоятельнаго Булгарскаго царства. Мусульманскіе источники и русскія лѣтописи указываютъ Бюляръ (нынѣшній Билярскъ), Кошанъ и Жукотинъ на Камѣ, Керменчукъ въ нынѣшнемъ Мамадышскомъ уѣздѣ, Тубулгу-Атау на Шешмѣ въ Чистоп. уѣздѣ и наконецъ Казань, бывшую первоначально на рѣкѣ того же названія, верстахъ въ 50 выше настоящей Казани.

Булгарской землѣ приходилось неоднократно выдерживать враждебныя нападенія владѣльцевъ Золотой Орды, напр. въ концѣ XIII стол.—Менгу-Тимура.

Особенно раздоры въ самой Золотой Ордѣ отражались на Булгарской землѣ; во второй половинѣ XIV стол. эта земля была завоевана Пуладъ Теймуръ Ханомъ; сохранились и баснословныя преданія о разгромѣ Булгарской страны Тамерланомъ въ концѣ XIV стол., но я доказалъ въ своемъ изслѣдованіи „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Каз. губ.", что въ этихъ преданіяхъ Тамерланъ смѣшивается съ Менгу-Тимуромъ.

Въ тоже время на булгарско-татарскіе города дѣлали нападенія и новгородскіе ушкуйники; съ городомъ Булгаромъ, а не съ Казанью, какъ обыкновенно принимали всѣ наши историки, и что я опровергаю въ вышеуказанномъ моемъ изслѣдованіи, воевали и московскіе великіе князья, пока въ 1431 году вся Булгарская земля не была покорена воеводою великаго князя Василія Васильевича Темнаго княземъ Пестрымъ. Этотъ успѣхъ Москвы давалъ надежду, что Булгарія должна войти въ составъ Московскаго государства. Но къ половинѣ XV стол. обстоятельства такъ

(1) «Извѣстія Ибнъ-Даста» Хвольсона, 89, 90.

сложились, что Москвѣ еще на 100 лѣтъ была положена преграда усиливаться на счетъ Булгаріи: на Волгѣ, въ западныхъ предѣлахъ собственно Булгарской земли, образовалось новое, сильное татарское царство—Казанское. Это новое царство Москва не скоро поборола; самимъ московскимъ владѣніямъ пришлось выдержать многія разоренія отъ Казани. Государь князя Пестраго, покорившаго Булгарію, великій князь Василій Васильевичъ, черезъ 14 лѣтъ послѣ счастливаго похода своего воеводы, самъ попался въ плѣнъ къ основателямъ Казанскаго царства. Съ половины XV вѣка до половины XVI борьба Москвы съ Казанью представляетъ важнѣйшій предметъ внѣшней исторіи Московскаго государства. Борьба эта была очень трудная, она велась съ перемѣннымъ счастьемъ, пока не пали казанскія стѣны передъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ памятный не для Казани только день 2 октября 1552 г Это было великимъ событіемъ не только русской, но всемірной исторіи. „До тѣхъ поръ, говоритъ новѣйшій историкъ Россіи Соловьевъ, пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе Европы въ Азію было невозможно (1)". Казань представляла послѣдній оплотъ Азіи противъ Европы.

И послѣ присоединенія Казанскаго царства къ Московскому, исторія области, бывшей самостоятельнымъ татарскимъ царствомъ, представляется очень важною. Возстаетъ цѣлый рядъ историческихъ вопросовъ по отношенію къ этой области, столь важныхъ для русской исторіи вообще—о русской колонизаціи, о просвѣщеніи инородцевъ, о вліяніи Русскихъ на инородцевъ и на оборотъ, объ особенностяхъ управленія въ этомъ инородческомъ краѣ, о сопротивленіи русскому владычеству и недовольствѣ инородцевъ. Послѣднее продолжалось очень долго и приводило инородцевъ въ шайки Стеньки Разина и Пугачева, поэтому можно сказать, что окончательное покореніе этого края послѣдовало только послѣ усмиренія пугачевскаго бунта.

Городъ Казань постоянно былъ важнѣйшимъ изъ русскихъ городовъ, не только по своему административному значенію, но по условіямъ историческимъ и топографиче-

(1) «Исторія Россіи», т. VI, стр. 160.

скимъ. По прежнему этотъ городъ былъ важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ Восточной Россіи. Съ развитіемъ просвѣщенія въ Россіи Казань становится однимъ изъ центровъ этого просвѣщенія: начало Казанской духовной семинаріи восходитъ ко времени Петра I, впослѣдствіи изъ нея возникла академія; въ царствованіе Елисаветы Петровны, черезъ три года послѣ основанія перваго русскаго университета въ Москвѣ, въ Казани является первая въ Россіи гимназія; а въ въ 1804 г. былъ основанъ Казанскій университетъ.

Историкъ Русской Казани можетъ указать знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, начиная съ великихъ святителей Гурія, Варсанофія и Германа, можетъ привести рядъ историческихъ именъ, связанныхъ съ Казанью и принадлежащихъ лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ—администраторовъ, ученыхъ и знаменитыхъ писателей.

Но, разсказывая о громкихъ событіяхъ и выдающихся личностяхъ, современный историкъ главною задачею своею имѣетъ цѣлый народъ; онъ слѣдитъ за условіями народной жизни; за видоизмѣненіями этихъ условій и вмѣстѣ съ ними различныхъ сторонъ народнаго быта.

Историкъ, исполняя свои задачи, согласно съ современными научными требованіями, долженъ указать все разнообразіе различныхъ вліяній на народную жизнь—политическое вліяніе, т. е. вліяніе различныхъ законодательныхъ и особенно финансовыхъ мѣръ, вліяніе мѣстнаго управленія, за тѣмъ вліяніе церкви, просвѣщенія и экономическихъ условій. Подъ народомъ разумѣется не одинъ только такъ называемый нисшій слой населенія, но совокупность всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ населенія· Историкъ долженъ указать на взаимныя отношенія между отдѣльными разрядами населенія и на различіе результатовъ вліянія однихъ и тѣхъ же началъ въ различныхъ средахъ населенія. Казанскій край въ отношеніи къ народной массѣ представляетъ многія особенности: здѣсь историку придется остановиться и передъ волжскимъ бурлакомъ, который тянетъ свою тяжелую лямку, и передъ разбойникомъ, который такъ долго гулялъ свободно по широкой Волгѣ. Одна изъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ прошедшемъ столѣтіи въ Собраніи Кано-

выхъ пѣсень, въ приложеніи къ описанію жизни извѣстнаго вора и ссыщика Ваньки Каина, поетъ:

Еще что же вы, братцы, призадумалися,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что повѣсили свои буйны головы,
Что потупили ясны очи во сыру землю.
Еще ходимъ мы, братцы, не первой годъ.
И мы пьемъ ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасенное.
Еще лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй, генералъ лихой,
Посылаетъ изъ Казани часты высылки (1)....

Только въ 1847 г. были казнены особенно прославившіеся казанскіе разбойники Быковъ и Чайкинъ.

Но существуютъ ли памятники для изученія столь важной исторіи нашего края? Какіе это памятники? Много ли ихъ?

Первыми важнѣйшими памятниками быта древнихъ обитателей нашего края я считаю такъ называемые памятники вещественные. Во первыхъ—городища, т. е. мѣста древнихъ укрѣпленныхъ поселеній, отъ которыхъ до настоящаго времени остались земляныя насыпи, рвы, а иногда и признаки каменныхъ сооруженій. Булгарское городище представляетъ и нѣсколько каменныхъ зданій, болѣе или менѣе сохранившихся; о существованіи такихъ зданій въ другихъ городищахъ, сравнительно не въ давнее время, имѣются положительныя свидѣтельства. Знаменитый историкъ прошедшаго столѣтія Татищевъ указываетъ на существовавшія въ его время въ Билярскѣ каменныя древнія зданія, между которыми особенно замѣчательны порталъ или врата великаго храма и столбы. Во вторыхъ—курганы, т. е. могильныя насыпи, заключающія въ себѣ различные предметы, съ которыми погребали умершихъ. Это—предметы первой необходимости въ обыденной жизни, необходимые и для загробной жизни, которая представлялась только продолженіемъ земной. Въ курганахъ встрѣчаются и вещи, которыя характеризуютъ званіе и спеціальное занятіе по-

(1) Обстоятельныя и вѣрныя исторіи Ваньки Каина и Картуша. М. 1794, стр. 193.

койника, напр. оружіе при воинѣ, вѣсы и гири при купцѣ. Понятно, что по курганнымъ находкамъ можно возстановить подробности быта того народа, къ которому принадлежали погребенные.

Графъ А. С. Уваровъ, столь много потрудившійся на пользу русской археологіи, въ своемъ классическомъ сочиненіи „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ", на основаніи найденныхъ въ курганахъ вещей, не только опредѣляетъ обряды погребенія, религіозныя вѣрованія и обширность торговыхъ сношеній Мерянъ, западныхъ сосѣдей нашей Булгаріи, но и внутренній бытъ ихъ и степень цивилизаціи: указываетъ нѣкоторыя принадлежности жилищъ, построекъ; предметы религіознаго вѣрованія; одежду и украшенія; домашнюю утварь; разныя принадлежности хозяйства и ремеслъ; доказываетъ существованіе хлѣбопашества; обработки льна, скотоводства, звѣриной охоты, рыболовства, обработки металловъ, выдѣлки кожъ, употребленія красокъ; указываетъ принадлежности торговли—вѣсы, гири и т. п.; наконецъ разбираетъ разные виды оружія.

На всемъ пространствѣ, которое составляетъ предметъ спеціальнаго изученія нашего Общества, находится множество городищъ и кургановъ. Существуютъ особыя причины, по которымъ у насъ, въ Россіи, особенно въ глуши, городища и курганы могли сохраниться въ большемъ, сравнительно съ Западной Европой, количествѣ и въ лучшей сохранности. Это объясняется, конечно, не большею нашею заботливостью о сохраненіи этихъ памятниковъ, а причинами естественно-историческими—меньшею густотою населенія, рѣдкостью поселеній и большимъ обиліемъ пустопорожнихъ земель.

Въ Западной Европѣ болѣе должно было погибнуть древнихъ памятниковъ при расчищеніи земли подъ хлѣбопашество, при устройствѣ новыхъ поселеній, при проложеніи дорогъ и т. п. Наше богатство приводитъ насъ къ обязанностямъ. Европа имѣетъ право ожидать отъ Россіи, въ интересахъ общенаучныхъ, всеміpночеловѣческихъ, что мы позаботимся о дальнѣйшемъ сохраненіи этихъ памятниковъ и объ изученіи ихъ. Извѣстные академики Бэръ и Шифнеръ, указывая на важность изученія древностей, сохранившихся на русской почвѣ, въ интересахъ общечеловѣческой науки, справедливо говорятъ, что „если Россія не займется

изученіемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства; дѣло уже перестало быть народнымъ, оно дѣлается общечеловѣческимъ ([1])".

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, становится понятнымъ, почему въ одно изъ первыхъ засѣданій нашего Общества, когда былъ поднятъ вопросъ, на что мы должны обратить особенное вниманіе, что считаемъ первымъ, важнѣйшимъ предметомъ своего изученія, я указалъ на городища и курганы. Сознаніе особенной важности этого вопроса привело меня и къ приготовленію обширнаго изслѣдованія, посвященнаго бывшему въ Казани IV Археологическому Съѣзду,—„Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Каз. губ." Особенное вниманіе, оказанное моему труду русскими и иностранными учеными и тѣ награды, которыми удостоили меня Императорская Академія Наукъ и Императорское Археологическое Общество, я объясняю особенною важностью предмета, избраннаго мною для изслѣдованія. Въ своемъ изслѣдованіи я представляю сводъ всего доселѣ бывшаго извѣстнымъ объ этихъ памятникахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняю и всю недостаточность этихъ свѣдѣній. Курганы напр. разрывались только случайно, большею частію кладоискателями или людьми мало свѣдущими и неприготовленными къ такой важной работѣ, какъ изученіе кургановъ. Что бы объяснить вполнѣ научно находимое въ курганахъ, не говорю уже о необходимости научныхъ способовъ самаго раскрытія кургановъ, требуется очень много разнородныхъ знаній. Спеціальнымъ свѣдѣніямъ археолога должны придти на помощь данныя естественныхъ наукъ, напр. антропологіи,—при изслѣдованіи курганныхъ костяковъ и череповъ; далѣе, при изслѣдованіи различныхъ находимыхъ въ курганахъ бронзовыхъ вещей, необходимо опредѣлить самый составъ бронзы, который представляется различнымъ, это приводитъ къ необходимости химическаго анализа бронзы.

Мѣстный знатокъ древнихъ вещей, находимыхъ въ нашемъ краѣ, почтенный В. К. Савельевъ объясняетъ, что

([1]) «Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ, выбранныя и объясненныя профессоромъ Ворсо». Предисл., стр. IX.

бронза вещей булгарскихъ отличается отъ бронзы вещей мерянскихъ, найденныхъ графомъ Уваровымъ, а послѣднiй на IV Археологическомъ Съѣздѣ самъ заявилъ о необходимости химическаго анализа для объясненiя древнихъ памятниковъ (1).

Графъ Уваровъ можетъ служить намъ наилучшимъ образцомъ при изслѣдованiи курганныхъ находокъ: для химическаго разложенiя бронзовыхъ мерянскихъ вещей онъ обращался къ химику г. Феррейну, а пять череповъ изъ мерянскихъ кургановъ онъ представлялъ профессору Ландцерту для изслѣдованiй. Вотъ примѣръ необходимости совокупной дѣятельности различныхъ спецiалистовъ для изслѣдованiя одного и того же предмета, что составляетъ главную силу и значенiе ученаго общества, гдѣ unitis viribus agunt (соединенными силами дѣйствуютъ).

Это и примѣръ возможности содѣйствiя нашему Обществу со стороны мѣстнаго Общества естествоиспытателей.

Моя настоящая Рѣчь имѣетъ цѣлью указать и на возможность содѣйствiя нашему Обществу со стороны мѣстныхъ жителей. Возможность и необходимость этого содѣйствiя открывается уже при разсмотрѣнiи главнаго предмета изученiя нашего Общества—городищъ и кургановъ. По этому поводу можно повторить слова, обращенныя членомъ Московскаго Археологическаго Общества г. Гатцугомъ, къ этому Обществу: „Мы прежде всего обязаны обратиться не черезъ посредство одной лишь публицистики, но порознь къ каждому изъ гг. землевладѣльцевъ—съ просьбою: 1) принять подъ свое просвѣщенное покровительство имѣющiяся на ихъ земляхъ древнiя насыпи и искуственно сложенные или разложенные камни; опредѣлить ихъ мѣсто, ихъ внѣшнiй видъ, размѣръ и относительное расположенiе въ группѣ, о чемъ и увѣдомить Общество; 2) не допускать къ раскопкѣ кургановъ людей не авторизованныхъ учеными обществами и вообще оберегать отъ истребленiя или порчи; 3) если будетъ предстоять почему либо надобность снять ту или другую насыпь, то благоволить заранѣе извѣстить Общество о времени предстоящей съемки или же, если насыпь уже

(1) «Извѣстiя о занятiяхъ IV Археол. Съѣзда въ Казани» стр. 37.

сията, то по крайней мѣрѣ доставить свѣдѣнія о томъ, что именно найдено было при раскопкѣ насыпи и какого она была объема и формы (¹)".

Въ заключеніе вопроса о курганахъ въ нашемъ краѣ, въ доказательство чрезвычайной важности изслѣдованія ихъ и полной возможности ожидать отъ этого очень важныхъ результатовъ вспомнимъ о богатствѣ Ананьинскаго могильника. Такъ называется мѣстность, которая считается древнимъ кладбищемъ, на правомъ берегу Камы, въ 5 верстахъ къ юго-востоку отъ города Елабуги Вятск. губ., около деревни Ананьиной. Здѣсь находятся два кургана, больщій изъ нихъ подвергали раскопкѣ изслѣдователь вятскихъ древностей г. Алабинъ, впослѣдствіи, съ перемѣною мѣстожительства, не мало потрудившійся уже для изученія древностей Самарскаго края, затѣмъ командированный отъ Императорской Археологической Коммиссіи г. Лерхе. Послѣдній говоритъ, что „вещи здѣсь найденныя даютъ довольно ясное понятіе о бытѣ того языческаго племени, которое послѣ сожженія своихъ покойниковъ, хоронило прахъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ вооруженіемъ, украшеніемъ и частію утвари. Оружія большею частію бронзовыя, въ особенности наконечники стрѣлъ и копій, равно какъ и топоры. Кинжалы же и ножи сдѣланы изъ желѣза; рукоятки этихъ кинжаловъ, иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ, находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири; шейные обручи и украшенія на одеждѣ были бронзовыя, ожерелья состояли изъ глиняныхъ и янтарныхъ бусъ. Бронзовые топоры представляютъ по своей формѣ прямой переходъ отъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменныхъ орудій. Вообще можно заключать, что Ананьинскій могильникъ принадлежитъ къ началу періода введенія въ употребленіе въ здѣшнемъ краѣ желѣза. Слѣдовъ золота и серебра въ немъ не найдено, тогда какъ серебряныя гривны нерѣдки въ сѣверныхъ уѣздахъ Вятской губерніи (²)".

(¹) «Изслѣдованіе кургановъ Моск. губ.» въ прилож. къ 1 тому Древностей, издаваемыхъ Моск. Арх. Обществомъ.

(²) Труды I. Археол. Съѣзда. стр. 608, 609.

Разныя вещи въ этомъ курганѣ были найдены при скелетахъ, которыхъ оказалось 48, нѣкоторые изъ нихъ были положены въ каменныхъ ложахъ, другіе на каменныхъ плитахъ; вмѣстѣ съ человѣческими костями здѣсь встрѣчаются лошадиныя и другихъ животныхъ.

Результаты изслѣдованій гг. Алабина, Лерхе и мѣстнаго елабужскаго знатока древностей Шишкина, съ присоединеніемъ результатовъ собственныхъ расслѣдованій на мѣстѣ и сравненіе этого кургана съ извѣстными западно-европейскими, представляетъ покойный Невоструевъ въ своей обширной и замѣчательной статьѣ подъ заглавіемъ „Ананьинскій Могильникъ“, напечатанной въ Трудахъ I Археологическаго Съѣзда. Невоструевъ относитъ могильникъ не къ концу бронзоваго вѣка, когда бронза вытѣснялась желѣзомъ и стала только предметомъ роскоши, а ко времени преобладанія бронзы, и поэтому не сомнѣвается отнести могильникъ ко временамъ до Рождества Христова.

Наконецъ укажу, что графъ Уваровъ считаетъ возможнымъ найти мѣста погребеній около г. Булгара, о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Фадланъ. Свои соображенія объ этомъ графъ Уваровъ мнѣ лично объяснялъ во время IV Археол. Съѣзда, указывая на чрезвычайную важность подобной находки, которая представила бы наглядное объясненіе описанныхъ Ибнъ-Фадланомъ обрядовъ сожиганія Русами своихъ покойниковъ. Такимъ образомъ были бы найдены отличительные признаки настоящихъ могилъ древнихъ Русовъ, что особенно важно въ виду того, что обыкновенно недостаетъ твердыхъ доказательствъ о принадлежности расслѣдованныхъ кургановъ опредѣленной народности, отъ того выводы, получаемые изъ разбора курганныхъ находокъ, отличаются неопредѣленностью въ смыслѣ этническомъ. О необходимости обратиться къ особенно тщательному осмотру окрестностей древняго Булгáра съ цѣлью попытаться найти могилы, упоминаемыя Ибнъ-Фадланомъ, графъ Уваровъ повторяетъ и въ разборѣ моего вышеупомянутаго сочиненія, представленномъ въ Академію Наукъ, которая, какъ она заявляетъ въ „Отчетѣ о XXI присужденіи наградъ графа Уварова“: „желая получить разборъ этого сочиненія составленный лицомъ, близко знакомымъ съ предметомъ, обратилась съ просьбою о содѣйствіи ей въ этомъ случаѣ къ самому учредителю премій, какъ къ та-

кому ученому, который не только неусыпными заботами своими объ изслѣдованіи древностей въ Россіи, но и собственными литературными трудами по этой части, способствовалъ успѣхамъ русской археологіи и пріобрѣлъ право на уваженіе и признательность ученаго міра". Понятно, почему въ настоящей Рѣчи я не одинъ разъ останавливаюсь на заслугахъ графа Уварова русской археологіи. По моему твердому убѣжденію, наше начинающееся Общество обязано признаніемъ этихъ заслугъ выразить благодарность тому, который постоянно заявлялъ о необходимости изученія мѣстныхъ древностей и основанія для этого новыхъ Археологическихъ Обществъ, отъ котораго идетъ иниціатива открытія Археологическихъ Съѣздовъ и который былъ главнымъ дѣятелемъ на всѣхъ четырехъ Съѣздахъ. А кто не знаетъ, что эти Съѣзды много содѣйствовали развитію изученія мѣстныхъ древностей. Многіе ученые члены IV Археологическаго Съѣзда и особенно предсѣдатель его графъ А. С. Уваровъ съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслись къ явившейся между нѣкоторыми казанскими учеными еще до открытія Съѣзда мысли о необходимости основать въ Казани постоянное Археологическое Общество. Графъ Уваровъ особенно много во время Съѣзда объяснялъ на пользу осуществленія этой мысли!

Продолжая обозрѣніе древнихъ памятниковъ въ нашемъ краѣ, останавливаюсь на мусульманскихъ могилахъ, которыя не представляютъ возвышенностей, кургановъ, но древнѣйшія изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе находимыми при нихъ надгробными надписями, которыя имѣютъ очень важное значеніе, при отсутствіи другихъ современныхъ имъ памятниковъ мусульманской письменности, принадлежащихъ предѣламъ Булгарскаго царства. На этихъ надписяхъ извѣстный знатокъ тюркскихъ нарѣчій и важнѣйшій дѣятель по просвѣщенію здѣшнихъ инородцевъ Н. И. Ильминскій видитъ слѣды чувашскаго языка. „Такимъ образомъ, какъ выражается онъ, мы положительно имѣемъ чувашскіе факты пятисотлѣтней древности (¹)".

(¹) «Извѣстія Археол. Общ. т. V. О фонетическомъ отношеніи между чувашскимъ и тюркскими языками».

Свидѣтельства о такихъ древностяхъ чувашскихъ получаютъ особенное значеніе: это единственные памятники о Чувашахъ въ столь отдаленное время, первое же упоминаніе о Чувашахъ въ историческихъ источникахъ, именно въ русскихъ лѣтописяхъ, встрѣчается только въ началѣ XVI вѣка. Затѣмъ признаки чувашскаго языка на мусульманскихъ надгробныхъ надписяхъ начала XIV в. приводятъ къ объясненію труднаго вопроса о народности древнихъ Булгаръ. Доселѣ на этотъ вопросъ даютъ только неопредѣленные отвѣты, что Булгарское царство представляетъ соединеніе нѣсколькихъ народностей—финской, тюркской и славянской. Но какая народность была преобладающею? Можно ли опредѣлить булгарскую народность въ смыслѣ особаго вида? Были предположенія о господствѣ славянской стихіи; объясняли имя булгарскаго царя, современника Ибнъ-Фадлана, славянскими именами. Въ настоящее время многіе склоняются къ признанію въ Булгарскомъ царствѣ господствующимъ элементомъ—тюркскаго ([1]), подтвержденіемъ послѣдняго мнѣнія могутъ служить и признаки чувашско-тюркскаго языка на древнѣйшихъ булгарскихъ надгробныхъ надписяхъ.

Само собою разумѣется, что изученіе надгробныхъ мусульманскихъ надписей возможно для нашего Общества, только съ помощью оріенталистовъ. Это только одинъ примѣръ важности и необходимости содѣйствія намъ оріенталистовъ, которые, по моему убѣжденію, должны составлять нашу важнѣйшую силу; я даже не могу представить наше Общество безъ содѣйствія ему знатоковъ тюркскихъ и финскихъ нарѣчій. На наше счастье мы имѣемъ въ своей средѣ знатоковъ восточныхъ нарѣчій, каковы гг. Готвальдъ, Золотницкій, Ильминскій, Радловъ; но не можемъ не пожалѣть о перенесеніи восточнаго факультета изъ Казанскаго университета въ С.-Петербургъ. Поэтому нельзя не сочувствовать сказанному г. попечителемъ Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковымъ еще въ первый годъ его управленія округомъ, въ первомъ его Отчетѣ г. министру на-

---

([1]) Статья г. Куника «О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами по славяно-болгарскому Именнику». Прибавл. къ «Извѣстіямъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ». Спб. 1878 г.

роднаго просвѣщенія: „Дѣйствительно въ Казани восточный факультетъ стоялъ на своей настоящей почвѣ, а потому и процвѣталъ". Далѣе г. попечитель, заявляя, что онъ не можетъ сродниться съ грустною мыслію о томъ, что восточный факультетъ навсегда оставилъ Казань, выражаетъ надежду, что этотъ факультетъ рано или поздно возвратится на свою настоящую почву.

Но чѣмъ могутъ помочь намъ въ отношеніи къ надгробнымъ памятникамъ мѣстные жители? Тѣмъ же чѣмъ и въ отношеніи къ городищамъ и курганамъ—сохраненіемъ этихъ надписей, сообщеніемъ объ нихъ свѣдѣній, и, въ случаѣ возможности, представленіемъ Обществу самыхъ надгробныхъ камней или снимковъ съ надписей; желающимъ Общество можетъ указать и самые способы перевода надписей на бумагу.

На выставкѣ IV Археологическаго Съѣзда красовался камень, найденный на одномъ дворѣ въ Казани; на этомъ камнѣ оказалась, впрочемъ, не надгробная надпись, а оригинальное и любопытное извѣщеніе, что въ извѣстномъ разстояніи и направленіи отъ этого камня лежитъ кладъ. Недавно я слышалъ о другомъ камнѣ съ восточными надписями, находящемся на другомъ дворѣ въ Казани; сообщали мнѣ и о томъ, что будто бы у одного помѣщика въ Спасскомъ уѣздѣ выложенъ на дворѣ цѣлый тротуаръ изъ камней съ надписями. Другой спасскій помѣщикъ самъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ распорядился о перевозѣ огромнаго камня съ надписями изъ села Успенскаго, т. е. Булгарскаго городища, къ себѣ въ имѣніе, но, къ сожалѣнію, по дорогѣ, этотъ камень вощики разбили. Вспомнимъ наконецъ показаніе одного изъ старинныхъ описателей древностей г. Булгара, Кафтанникова, что многіе надгробные памятники свезены окрестными жителями подъ фундаменты частныхъ домовъ ([1]).

Различныя древнія вещи находятъ и внѣ могилъ, въ разныхъ мѣстахъ, по одиночкѣ; опредѣлились и особенно богатыя по этимъ находкамъ мѣстности, которыми обыкновенно являются городища, т. е. мѣста бывшихъ укрѣпленныхъ поселеній. Извѣстны цѣлыя коллекціи булгарскихъ

([1]) Библ. для чтенія 1847 г. іюль, статья «Древніе Болгары».

древностей, нѣкогда существовавшія и нынѣ существующія ([1]), изъ которыхъ особенно важною и богатою представляется коллекція нашего почтеннаго сочлена А. Ѳ. Лихачева, который напечаталъ систематическое описаніе своей коллекціи въ Трудахъ II Археологическаго Съѣзда. Эта статья г. Лихачева носитъ названіе „Бытовые памятники Великой Булгаріи“, въ ней авторъ представляетъ очеркъ булгарской культуры и обозрѣваетъ памятники народнаго быта Булгаръ, на основаніи собственной своей коллекціи.

Но А. Ѳ. Лихачевъ, представляющій соединеніе особенной ревности къ отысканію и собиранію древностей съ спеціальнымъ занятіемъ археологіею, какъ наукою, является исключеніемъ: обыкновенно разныя находки расходятся по рукамъ и пропадаютъ для науки безслѣдно.

Понятно, чѣмъ мѣстные жители могутъ служить нашему Обществу въ отношеніи къ находимымъ древнимъ вещамъ: если не пожертвованіемъ самыхъ вещей, то, по крайней мѣрѣ, сообщеніемъ объ нихъ свѣдѣній. Призывая къ содѣйствію себѣ, въ интересахъ науки, каждаго владѣльца какой нибудь вещи, мы конечно не имѣемъ въ виду научныхъ объясненій этихъ вещей, литературной обработки сообщеній и т. п. Кромѣ точнаго описанія вещи, необходимо только указать мѣсто находки ея и обстоятельства, сопровождавшія находку. Было бы также желательно и полученіе изображенія вещей въ рисункахъ или фотографическихъ снимкахъ.

Особый отдѣлъ находокъ составляютъ такъ называемыя каменныя орудія, которыми, какъ доказало послѣднее время, нашъ край особенно богатъ. Гг. Пельцаму и Заусайлову, дѣйствительнымъ членамъ нашего Общества, удалось въ недавнее и короткое время составить двѣ богатыя коллекціи каменныхъ орудій, собранныхъ преимущественно въ мѣстностяхъ близкихъ отъ г. Казани.

Особенно въ отношеніи къ каменнымъ орудіямъ чрезвычайную важность имѣютъ показанія о мѣстѣ и обстоятельствахъ находокъ, при чемъ для точнаго и вполнѣ научнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ требуются соображенія геологическія и палеонтологическія. Образецъ пріемовъ научнаго

([1]) См. мое изслѣд. «Древніе города и другіе булгарско-татар. памятники въ Казан. губ».

изслѣдованія мѣстности нахожденія двухъ каменныхъ орудій въ Тетюшскомъ уѣздѣ представляетъ статья профессора Головкинскаго, напечатанная въ Трудахъ I Съѣзда естествоиспытателей—„Древніе остатки человѣка въ Каз. губ." Результатомъ изслѣдованія профессора Головкинскаго представляются слѣдующія три эпохи для мѣстности нахожденія упомянутыхъ двухъ каменныхъ орудій: 1) эпоха мамонта и носорога; 2) эпоха степи, образованія чернозема, употребленія каменныхъ орудій; 3) эпоха лѣсовъ, время употребленія металлическихъ орудій; 4) современная эпоха, въ которой высшій уровень Волги по крайней мѣрѣ на 15 фут. ниже, чѣмъ въ предшествующую эпоху.

Считаю вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь слова Академіи Наукъ, обращенныя въ 1861 г. къ владѣльцамъ доисторическихъ древностей, слѣдовательно и каменныхъ орудій. Академія, предлагая представлять такіе предметы въ этнографическій музей Академіи или какому нибудь другому ученому Обществу, говорила, что ей „дорога отечественная археологія, ей дорога и научная честь Русскаго государства, и потому ей было бы очень жаль, если бы древности сохранялись любителями безъ письменныхъ показаній о мѣстностяхъ и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ихъ нахожденіе. По смерти первыхъ владѣльцевъ обыкновенно никто не знаетъ, откуда эти предметы; они нисходятъ на степень дѣтскихъ игрушекъ и разтериваются. Снова найденныя, они уже не имѣютъ прежняго значенія: ихъ свидѣтельства не достовѣрны, иногда ложны (1)".)

Кромѣ предметовъ древности доисторической и принадлежавшихъ насельникамъ не русскихъ Поволжскихъ царствъ, встрѣчаются въ нашемъ краѣ и древнія русскія вещи, особенно церковныя. Такъ какъ этотъ край взошелъ въ составъ Русскаго государства только въ XVI в., то трудно было предполагать здѣсь возможность находокъ особенно древнихъ русскихъ вещей, но IV Археологическій Съѣздъ доказалъ противное. Академику И. И. Срезневскому посчастливилось во время Съѣзда открыть въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ образовъ изъ темносѣраго аспида,

---

(1) «Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ, собр. и объясн. Ворсо», изд. Император. Акад. Наукъ, предисл. XI. XII.

этотъ образокъ ученый академикъ относитъ къ XIII вѣку, если не ранѣе, а надписи на немъ—позднѣйшія, XIV в.; въ Свіяжскомъ женскомъ монастырѣ г. Срезневскій нашелъ каменный образокъ XII в.; въ церкви села Болгаръ—мѣдную, позолоченную рипиду, которая несомнѣнно относится къ XII вѣку.

Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1877 г., сообщая объ этихъ находкахъ, говоритъ: „Такимъ образомъ небольшой списокъ отечественныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ XII—XIII вѣковъ, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ академика Срезневскаго, разомъ увеличился тремя, и при томъ найденными въ такихъ мѣстахъ, которыя вошли въ составъ Московскаго государства съ половины XVI вѣка (1).

Вмѣстѣ съ разными вещами попадается множество древнихъ монетъ русскихъ и особенно восточныхъ. Чрезвычайную важность имѣютъ монеты восточнаго происхожденія и во главѣ ихъ битыя въ X вѣкѣ въ булгарскихъ городахъ Булгарѣ и Суварѣ. Послѣднихъ монетъ доселѣ извѣстно всего только шесть. Особенно важны нумизматическія показанія о городѣ Суварѣ: онѣ подтверждаютъ отрывочныя и немногочисленныя свидѣтельства арабскихъ писателей объ этомъ городѣ, мѣстонахожденіе котораго доселѣ остается неизвѣстнымъ.

Нашъ край представляетъ также рядъ находокъ древнихъ азіатскихъ монетъ съ конца VII вѣка до начала XI в. Знаменитый Френъ, котораго можно назвать отцомъ не только восточной нумизматики въ Россіи, но и вообще оріентальной науки въ Россіи,—Френъ, который представляетъ въ лицѣ своемъ особенное украшеніе исторіи Казанскаго университета, гдѣ онъ былъ профессоромъ до перехода въ Петербургъ, указываетъ на важность находокъ азіатскихъ монетъ, которыя называются саманидскими, такъ какъ они чеканились въ Великой Бухаріи и Харасанѣ, владѣтелями которыхъ были Саманиды. „Нельзя по справедливости, говоритъ Френъ, не причислить къ важнѣйшимъ услугамъ, оказаннымъ восточною нумизматикою исторіи, то, что она въ вырытыхъ на означенномъ географиче-

(1) «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1878 г. мартъ.

скомъ протяженіи (къ которому, прибавимъ, принадлежитъ и нашъ край) азіатскихъ арабскихъ монетахъ доставила ей указатель для опредѣленія направленія замѣчательнаго, долго остававшагося неизвѣстнымъ и отчасти оспариваемаго пути, по которому обращалась нѣкогда, въ VIII, IX и X столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія, дѣятельная торговля Сѣверной Европы съ Средней Азіею... Перемѣшанныя съ саманидскими, булгарскія деньги (собственныя монеты этого народа или перечеканенныя имъ саманидскія)—указываютъ намъ первыхъ посредниковъ этой азіатской торговли съ Европейскимъ Сѣверомъ въ Волжскихъ Булгарахъ вмѣстѣ съ Хазарами (1)".

Недавно я докладывалъ нашему Обществу полученное мною отъ знаменитаго нашего синолога В. П. Васильева сообщеніе о китайской монетѣ XI вѣка, купленной однимъ членомъ IV Археологическаго Съѣзда въ селѣ Булгаръ, во время экскурсіи туда Съѣзда. В. П. Васильевъ объясняетъ, что эта находка можетъ вести къ предположенію о сношеніяхъ Булгаръ съ Китаемъ въ XI вѣкѣ.

Въ огромномъ количествѣ въ нашемъ краѣ встрѣчаются монеты джучидскія, т. е. хановъ, происходящихъ отъ старшаго сына Чингизхана—Джучія, владѣльцевъ Золотой Орды,—иначе монеты Золотой Орды. Самое мѣстонахожденіе этой орды принадлежитъ уже къ области, составляющей предметъ спеціальнаго изученія нашего Общества. Ханы Золотой Орды чеканили свои монеты, кромѣ другихъ городовъ, и въ Булгарѣ, Хаджи-Тарханѣ (Древняя Астрахань) и Укекѣ, развалины котораго находятся при Волгѣ, верстахъ въ 8 ниже г. Саратова. Вмѣстѣ съ джучидскими монетами попадаются и другія современныя имъ и позднѣйшія азіатскія.

Подобно цѣлымъ коллекціямъ находимыхъ въ нашемъ краѣ древнихъ вещей, составлялись весьма богатыя нумизматическія коллекціи, хотя огромная масса монетъ разошлась безслѣдно по рукамъ и переплавлена серебренниками. Преимущественно на тѣхъ же опредѣленныхъ мѣстахъ, которыя богаты находками древнихъ вещей, находятъ и древнія монеты. Наше Общество смѣетъ ожидать, что не желающіе представлять въ Общество самыхъ монетъ и не

(1) «О восточныхъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи». Прилож. къ «Мухаммеданской Нумизматикѣ» П. С. Савельева.

имѣющіе возможности передавать въ письменныхъ сообщеніяхъ восточныя надписи на монетахъ, пожертвуютъ Обществу снимки съ монетъ, которые дѣлаются разнообразными, извѣстными и легкими способами, напр, съ помощью воска, сургуча, фольги. Особенно удачнымъ представляется послѣдній способъ, открытіемъ котораго нумизматика обязана одному изъ почтенныхъ въ нашемъ краѣ дѣятелей по археологіи и особенно нумизматики, покойному кн. Мих. Петр. Баратаеву, бывшему владѣльцемъ богатыхъ собраній древнихъ вещей и монетъ ([1]).

За памятниками вещественными слѣдуютъ памятники письменности русской и иностранной, особенно мусульманской Кромѣ напечатанныхъ памятниковъ, должно обратить особенное вниманіе на рукописный матеріалъ, который мы должны не только изучать, но и отыскивать. Принятіе особенныхъ мѣръ къ приведенію въ извѣстность и сохраненію старинныхъ рукописей, хранящихся въ разныхъ болѣе или менѣе офиціальныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ, представляется важнѣйшею задачею дѣятельности нашего Общества.

Еще въ прошедшемъ столѣтіи извѣстный въ исторіи г. Казани директоръ Казанской гимназіи Каницъ, раненый во время вторженія Пугачева въ Казань, указывалъ, что онъ, для объясненія составленнаго имъ плана древняго города Казани, пользовался старинными манускриптами, которые получилъ изъ библіотеки Казанскаго митрополита, изъ окрестъ лежащихъ монастырей и другихъ мѣстъ ([2]).

Въ Совѣтъ нашего Общества послѣдовало заявленіе члена этого Совѣта, директора народныхъ училищъ Казанск. губ. И. А. Износкова, что при многихъ церквахъ Казанской эпархіи имѣются большіе архивы, въ которыхъ, по всей вѣроятности, заключаются болѣе или менѣе цѣнные матеріалы для исторіи мѣстнаго края. В. К. Савельевъ сообщилъ о находящемся въ Нижегородской гимназіи цѣломъ сундукѣ старинныхъ рукописей, неизвѣстнаго содержанія.

([1]) Некрологъ кн. Баратаева, напечат. въ I т. Изв. Императ. Археол. Общества.

([2]) «Сборникъ Древностей Казанской эпархіи», составл. Плат. Любарскимъ. Каз. 1868, стр. 117.

Въ настоящее время, послѣ сношеній Совѣта нашего Общества съ гимназіею, уже извѣстно приблизительно содержаніе этихъ бумагъ, которыя будутъ намъ высланы для разсмотрѣнія.

Весьма важные рукописные матеріалы для исторіи нашего края могутъ быть найдены и въ такихъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ ожидать этого было бы трудно, такъ напр. профессоръ Московскаго университета А. С. Павловъ сообщилъ мнѣ, что въ библіотекѣ Спб. Духовной Акад. (№ 315) хранится составленное въ прошедшемъ столѣтіи Историческое описаніе Казанской губерніи съ картою.

У многихъ частныхъ лицъ также сохраняются не только отдѣльные, болѣе или менѣе древніе и важные акты и другіе памятники письменности, но цѣлые фамильные архивы, напр. архивъ кн. Баюшева въ Симбирской губерніи. Благодаря просвѣщенному вниманію кн. Баюшева къ цѣлямъ науки, бумаги этого архива переписаны, приведены въ систему и съ разными научными объясненіями уже приготовлены къ печати ученымъ и дѣятельнымъ секретаремъ нашего Общества Н. П. Загоскинымъ. Далѣе мнѣ извѣстно существованіе богатаго фамильнаго архива гг. Толстыхъ, потомковъ сподвижника Петра Великаго, Азовскаго губернатора, слѣдовательно представителей самой старшей линіи этой исторической фамиліи, одна отрасль которой пользуется графскимъ титуломъ. Архивъ гг. Толстыхъ находится въ ихъ наслѣдственномъ имѣніи на р. Камѣ, Мурзихѣ.

Въ примѣръ различныхъ интересныхъ актовъ, хранящихся у частныхъ лицъ, я укажу на слѣдующее. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Казанск. губ. Вѣдом. ([1]), при описаніи села Никольское—Полянки въ Спасскомъ уѣздѣ, упоминается, что у владѣтельницы этого села г.-жи Лихачевой хранится печатная грамота объ отпущеніи грѣховъ, данная Іерусалимскимъ патріархомъ Парѳеніемъ въ 1748 г. полковнику Лихачеву, который путешествовалъ ко святымъ мѣстамъ. „Это не единственный ли въ Россіи памятникъ подражанія Іерусалимскихъ патріарховъ церкви западной?“— говоритъ авторъ статьи о с. Никольскомъ. Указаніе на

([1]) «Замѣчат. селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Казанск. губ.» статья С. Мельникова въ Каз. губ. Вѣдом 1858 г. № 14.

важныя старинныя рукописи, хранящіяся у помѣщиковъ здѣшняго края, можно было бы очень увеличить. Благодаря доброму расположенію ко мнѣ нѣкоторыхъ владѣльцевъ старинныхъ рукописей, я самъ получилъ отъ нихъ многое въ свое собственное распоряженіе.

Но старинные акты сохранились не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ, что мнѣ самому лично извѣстно и о чемъ заявляетъ г. Мельниковъ, въ предисловіи къ своему изданію „Акты историческіе и юридическіе Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній“. „Обозрѣвая нѣкоторыя замѣчательныя селенія Казанской губерніи, я встрѣтилъ, говоритъ г. Мельниковъ, въ мірскихъ бумагахъ, сохраняющихся у выборныхъ, старостъ и повѣренныхъ, множество длинныхъ свитковъ, заключающихъ въ себѣ царскія грамоты и грамоты воеводъ казанскихъ и свіяжскихъ XVI и XVII вѣковъ“.

Въ интересахъ не только науки, но и для сохраненія достойнымъ образомъ памяти о владѣльцахъ этихъ документовъ наше Общество обращается съ покорнѣйшею просьбою не оставить безъ вниманія его предложенія—если не жертвовать Обществу, можетъ быть, дорогихъ для семейной памяти документовъ, то передавать ихъ только на разсмотрѣніе для снятія, въ случаѣ надобности, копій и напечатанія. Это будетъ и лучшимъ средствомъ къ предупрежденію окончательной гибели памятниковъ письменности, къ сожалѣнію такъ часто случающейся. Извѣстна обыкновенная несчастная судьба богатыхъ библіотекъ, дорогихъ собраній древнихъ вещей и рукописей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, по смерти послѣднихъ: библіотеки и собранія разхищаются, распродаются по частямъ, истребляются невѣжествомъ.

Рядомъ съ писаніемъ стоитъ преданіе. Необходимо собирать всѣ имѣющіяся преданія о различныхъ урочищахъ, лицахъ и событіяхъ. Какъ бы повидимому не были недостовѣрны, сравнительно съ положительными историческими данными, эти преданія, какъ бы они не отличались анохронизмами и другими несообразностями—все таки даже подобныя преданія составляютъ очень важный историческій или этнографическій матеріалъ. Такъ какъ здѣшній край представляетъ совмѣстное существованіе разныхъ народностей, то, само собою разумѣется, что одинаковую важ-

ность имѣютъ преданія русскія и инородческія, послѣднія даже имѣютъ преимущество передъ первыми, какъ принадлежащія племенамъ болѣе древнимъ въ данной мѣстности. Авторъ Казанской исторіи Баженовъ заявляетъ, что „разныя преданія Татаръ могли бы питать мечты поэзіи. Въ разговорахъ съ Татарами о какомъ нибудь мѣстѣ, они тотчасъ прочитываютъ цѣлую легенду, основанную на слѣпой увѣренности въ дѣйствительности былаго (¹)". Но, къ сожалѣнію, подобныхъ легендъ въ печати извѣстно очень немного. Наше Общество можетъ надѣятся на содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ жителей въ собираніи народныхъ преданій; въ этомъ можетъ принять участіе почти каждый, только что грамотный, п. ч. не требуется ничего, кромѣ точной передачи разсказа, безъ всякихъ прибавленій, исправленій и критическихъ объясненій.

Вмѣстѣ съ историческими преданіями должно собирать и памятники устной словесности русскаго и инородческаго населенія —пѣсни, сказки, пословицы, заговоры, загадки, надгробныя причитанья и т. п. Все это богатый матеріалъ не только для этнографіи, но и для исторіи.

Есть, милостивые государи, особенно важный историческій источникъ, показанія котораго иногда древнѣе всѣхъ памятниковъ вещественныхъ и письменныхъ, древнѣе и самой первоначальной миѳическо-обрядовой пѣсни—это данныя языка. „Слово человѣческое, говоритъ извѣстный русскій археологъ, профессоръ Кіевск. унив. Котляревскій, явилось не съ воздуха, безъ всякаго повода и причины: прежде чѣмъ существовать названію предмета, долженъ былъ существовать самый предметъ, дѣйствительный или фантастическій, но принимаемый за дѣйствительный. Вотъ почему языкъ можетъ быть названъ вѣрнымъ показателемъ матеріальнаго и нравственнаго быта извѣстнаго народа, такъ сказать—археологическимъ складомъ предметовъ его культуры... Тамъ, гдѣ, повидимому, прерывается всякая путеводная нить археолога и онъ отказывается идти впередъ, опасаясь заблудиться въ лабиринтѣ догадокъ и предположеній, тамъ онъ встрѣчаетъ лингвиста, который смѣло и прочно ведетъ его далѣе, даже до предѣла таинственнаго

(¹) Казанская Исторія. Каз. 1847, III, 25.

возникновенія народовъ (¹)". При такомъ отношеніи лингвистики къ исторіи, принимая въ соображеніе инородческое населеніе здѣшняго края, мы приходимъ опять къ сознанію особенной важности для нашего Общества помощи знатоковъ тюркскихъ и финскихъ языковъ. Наше Общество не можетъ не признать особенной важности трудовъ, подобныхъ „Корневому Чувашско-Русскому словарю" Н. И. Золотницкаго, въ которомъ объясняются многія стороны чувашской культуры, или попытки г. Золотницкаго, по даннымъ чувашскаго языка, объяснить значеніе названія столицы Булгарскаго царства—Булгаръ. При необходимости для каждаго изъ занимающихся мѣстною исторіею и этнографіею справокъ съ инородческими словарями, не можемъ не признать важности и имѣющаго преимущественно практическую цѣль „Словаря народно-татарск. языка по выговору крещеныхъ Татаръ Казанск. губ." г. Остроумова.

Наше Общество не только археологическое и историческое, но и этнографическое. Я убѣжденъ, что при современномъ пониманіи отношенія этнографіи къ исторіи, нѣтъ надобности объ этомъ распространяться. Я приведу только слова извѣстнаго историка Костомарова, особенно ясно и точно выражающія это отношеніе: „Исторія, занимаясь народомъ, имѣетъ цѣлію изложить движеніе жизни народа, слѣдовательно, предметомъ ея должны быть способы и пріемы развитія силъ народной дѣятельности во всѣхъ сферахъ, въ которыхъ является жизненный процессъ человѣческихъ обществъ. Этнографія занимается изображеніемъ жизни народа, дошедшаго до извѣстной степени историческаго развитія, имѣя точкой отправленія опредѣленный моментъ настоящаго (²)». Къ сказанному г. Костомаровымъ прибавлю, что движеніе жизни народовъ, постепенность развитія и преемственность формъ жизни представляются неодинаковыми у разныхъ народовъ. Особенною силою движенія жизни и вмѣстѣ съ этимъ, возможностью развитія

(¹) «Металлы и ихъ обработка въ до-историч. эпоху у племенъ индо-европ.» статья А. А. Котляревскаго. См. «Древности. Труды Моск. Археол. Общества», т. I, стр. 44,45.

(²) «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи» въ III. т. Историч. Монографій Костомарова, стр. 355.

отличаются только племена высшія, называемыя историческими; у другихъ племенъ почти незамѣтно постепеннаго развитія или оно останавливается. Къ послѣднимъ племенамъ принадлежатъ и инородцы нашего края, поэтому признаки ихъ современнаго быта объясняютъ и давнопрошедшую жизнь, которая является для нихъ прошедшею только по времени, а не по существу. Далѣе, если мы вспомнимъ, что самая великорусская народность слагалась и развивалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ сосѣднихъ инородческихъ племенъ, входившихъ въ составъ Булгарскаго, а впослѣдствіи Казанскаго царства, перерождая инородцевъ въ себя и многое воспринимая отъ нихъ въ свое существо, то поймемъ всю важность изученія признаковъ жизни этихъ племенъ для уясненія самой великорусской народности.

Этнографія представляетъ длинный рядъ вопросовъ о различныхъ сторонахъ жизни народовъ, я не буду перечислять этихъ вопросовъ. Наше Общество должно составить подробную программу этихъ вопросовъ и распространить ее, по возможности, между большимъ числомъ лицъ, отъ которыхъ можно будетъ ожидать отвѣтовъ на заданные вопросы. Затѣмъ наше Общество должно озаботиться объ обогащеніи археологическаго и этнографическаго музеевъ, начало которымъ уже положено.

Пять лѣтъ тому назадъ, во время бывшаго въ Казани IV Съѣзда естествоиспытателей, П. Д. Шестаковъ, нынѣ почтенный предсѣдатель нашего Общества, представилъ предложеніе объ образованіи въ Казани этнографическаго музея. „Никто не станетъ отрицать, говорилъ П. Д. Шестаковъ, что въ Казани, единственномъ университетскомъ городѣ громаднаго по пространству восточнаго края Россіи, нѣкоторыя губерніи котораго по племенному составу населенія болѣе инородческія, чѣмъ русскія, слѣдовало бы скорѣе всего ожидать богатаго этнографическаго музея, представляющаго въ полной по возможности картинѣ всѣ особенности многочисленнаго разноплеменнаго населенія края (¹)". П. Д. Шестаковъ указывалъ и на средства обогащенія музея: онъ имѣлъ въ виду частныя пожертвованія,

---

(¹) Протоколъ четв. засѣданія секціи этнографіи и антропологіи IV Съѣзда естествоиспытателей.



затѣмъ указывалъ на необходимость обратиться къ гг. губернаторамъ, къ представителямъ земствъ и городовъ, къ директорамъ гимназій и къ инспекторамъ народныхъ училищъ, къ послѣднимъ въ настоящее время должно прибавить и директоровъ этихъ училищъ. Послѣдніе, по своимъ обязанностямъ, постоянно объѣзжаютъ сельскія училища ввѣренныхъ имъ районовъ и потому могутъ на мѣстѣ доставать предметы для музея и собирать интересныя этнографическія данныя.

Извѣстный археологъ Забѣлинъ указываетъ на необходимость для земствъ принять участіе въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи: „Необходимо же когда либо подумать о томъ, что каждая мѣстность есть живая часть общаго цѣлаго, а не какое нибудь департаментское отдѣленіе; что, какъ живая часть, каждая мѣстность имѣетъ самостоятельный, своеобразный смыслъ, который обнаруживается не только въ экономическихъ, но и въ историческихъ ея условіяхъ. Раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ смыслъ можетъ только исторія этой мѣстности, или области. Безъ исторіи, и этнографическіе и даже статистическіе факты остаются нѣмыми памятниками. Мы увѣрены, что современемъ не обойдутъ этой мысли и наши земскія собранія, которыя могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу (¹)“.

Милостивые государи! Пора русскому обществу снять съ себя упрекъ въ пренебреженіи къ родной старинѣ. Въ такомъ смыслѣ выразилось Императорское Археологическое Общество, по поводу рѣчи гр. Уварова, произнесенной при открытіи Московск. Археологич. Общества. Указывая, какъ на важнѣйшую цѣль новаго Общества—сохраненіе памятниковъ возбужденіемъ къ нимъ общественнаго вниманія, Императорское Археологическое Общество говоритъ: „Пока большинство нашей образованной публики будетъ либо совершенно равнодушно относиться ко всему, что не составляетъ интереса животрепещущаго, либо чуждаться произведеній сѣдой старины, какъ отжившей ветоши, до тѣхъ поръ много дорогихъ и живыхъ свидѣтелей прошлаго быта будетъ пропадать безвозвратно. И эти пропажи лягутъ на

(¹) «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи» II, 111.

совѣсть не одного безграмотнаго люда или полуграмотныхъ мѣстныхъ властей, какъ иные думаютъ (¹)“. Графъ Уваровъ въ вышеупомянутой рѣчи говоритъ: „Не только мы, но и наши предки не умѣли цѣнить важности родныхъ памятниковъ“. Но гр. Уваровъ указываетъ и на тѣ обстоятельства, которыя могутъ побѣдить наше равнодушіе къ памятникамъ отечественной древности—это пробужденное чувство народности, какъ было въ Зап. Европѣ, которая въ борьбѣ съ властью Наполеона опиралась на чувство народности: и это пробужденное чувство по умиреніи Европы обратилось на изученіе всего роднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ археологіи (²).

Мы—защитники народности! Но мы любимъ нашу народность и дорожимъ ею не по чувству только родства нашихъ личныхъ свойствъ со всѣми добрыми и худыми сторонами обще-народнаго свойства, а за тоже, за что уважаемъ и цѣнимъ всякую другую народность,—что составляетъ въ отдѣльной народности самостоятельное выраженіе общечеловѣческихъ достоинствъ. Мы всѣми силами должны отстаивать свою народность отъ внѣшняго насилія, п. ч., сберегая свое, мы съ этимъ вмѣстѣ на пользу общечеловѣческую сохраняемъ то, чѣмъ наша народность самостоятельно увеличиваетъ сокровищницу общечеловѣческихъ достоинствъ. Мы признаемъ самостоятельный голосъ за каждою народностію и желаемъ, чтобы эти здоровые и звучные, но различные голоса составляли одинъ стройный хоръ, который поетъ на общее благо человѣчества!

Особенно между нами, въ нашемъ ученомъ Обществѣ, которое имѣетъ цѣлію изученіе различныхъ народностей, не можетъ быть какой нибудь нетерпимости, враждебности или несправедливости къ чужому. При историческомъ изученіи мы одинаково признаемъ важность историческихъ явленій, какой бы народности онѣ не принадлежали, и, изучая племенныя различія настоящаго времени, мы не скроемъ дурнаго, хотя бы это было отличительнымъ признакомъ нашей народности, и признаемъ все хорошее въ каждой другой народности. Свое и чужое мы должны судить по высшимъ общечеловѣческимъ принципамъ.

(¹) Извѣстія Импер. Арх. Общ., т. VI, отд. 2, стр. 19.

(²) «Древности. Труды Моск. Арх. Общ.» т. I. Вступит. рѣчь гр. А. С. Уварова.

Мы желаемъ и надѣемся при непосредственной встрѣчѣ съ инородцами дѣйствовать такъ. чтобы они вполнѣ намъ довѣряли, чтобы необразованные, но нелишенные чувства правды они помогли бы намъ, не скрывали бы передъ нами своихъ вѣрованій и преданій, безъ страха повели бы насъ и къ священнымъ могиламъ, и въ глубину лѣсовъ на священныя мѣста своихъ жертвоприношеній. Инородцы должны будутъ понять, что мы приходимъ къ нимъ не для разрушенія ихъ святынь, не для кощунства и насмѣшекъ надъ ними и даже не для поученій, что мы хотимъ только знать все, какъ было когда нибудь и какъ существуетъ теперь у насъ самихъ и у нихъ, живущихъ вмѣстѣ съ нами на одной землѣ и подъ однимъ солнцемъ. Если мы уважаемъ свои святыни, то не имѣемъ права, какъ бывали къ сожалѣнію случая, посягать, хотя бы и для цѣлей научныхъ, на неприкосновенность напр. священныхъ для мусульманъ могилъ, если противъ этого возстаютъ ихъ почитатели. Особенно мы будемъ радоваться, когда нашему Обществу будутъ помогать наши иноплеменные сосѣди. Мы имѣемъ возможность ожидать этого отъ болѣе образованныхъ изъ нихъ—Татаръ, такъ какъ у нихъ обнаруживаются уже ясные признаки стремленія къ изученію своей старины. Доказательствомъ этому служитъ напр. здѣшній ахунъ Шамсудинъ Баговеддиновъ, принимавшій участіе въ IV Археологическомъ Съѣздѣ, авторъ написанной на татарскомъ языкѣ Казанской исторіи, которую переводитъ на русскій языкъ г. Радловъ.

Вотъ, милостивые государи, наши задачи и ожиданія, для ознакомленія съ которыми мы пригласили Васъ въ настоящее наше засѣданіе. Мы не смѣемъ думать, что Вы не признаете важности цѣлей, къ достиженію которыхъ мы служимъ вполнѣ безкорыстно.

Наше Общество—ученое братство, въ которое вступаютъ всѣ безъ различія чиновъ, званій, народностей и вѣроисповѣданій, въ которомъ всѣ пользуются одинаковыми правами. Для вступленія въ нашу среду требуются только доказательства желанія и способности трудиться. Единственное право, или, лучше сказать, выгоду, которую представляетъ наше Общество—облегченіе личнаго труда содѣйствіемъ другихъ и принадлежащими Обществу матеріалами, необходимыми для ученаго труда. Наше Общество не мо-

жетъ представлять никакихъ внѣшнихъ наградъ даже и за самые ревностные и несомнѣнно полезные труды; но эта то свобода отъ всякихъ внѣшнихъ побужденій и вліяній въ труду и составляетъ нравственное достоинство ученаго общества, организація котораго удовлетворяетъ присущимъ человѣку идеальнымъ стремленіямъ — работать на пользу только одной истинѣ и въ видахъ скорѣйшаго приближенія къ ней работать сообща, помогая другъ другу!

Успѣхи нашего будущаго въ значительной степени зависятъ отъ всего мѣстнаго общества, разумѣя послѣднее въ самомъ обширномъ смыслѣ. При полномъ равнодушіи къ нашимъ цѣлямъ и работамъ, при совершенномъ отсутствіи поддержки въ вышеуказанномъ смыслѣ, наше ученое братство, замкнувшись въ немногочисленномъ составѣ лицъ, бѣдное матеріалами и средствами для ученаго труда, не можетъ быть ни производительнымъ, ни даже долговѣчнымъ! Да, гг. представители мѣстнаго общества, мы зависимы отъ Васъ! Ваши вниманіе, сочувствіе и помощь намъ необходимы!

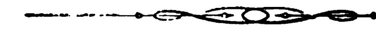
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

О НАЗВАНІЯХЪ

БУЛГАРЪ, БИЛЯРЪ И МОРКВАШЫ.

Н. И. ЗОЛОТНИЦКАГО.

(Читана въ Общемъ Собраніи гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, 30 ноября 1878 года).



ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

О НАЗВАНІЯХЪ

БУЛГАРЪ, БИЛЯРЪ И МОРКВАШЫ.

Послѣ научной разработки историческихъ и филологическихъ данныхъ, касающихся Булгарской страны, Булгарскаго народа и города Булгара и еще послѣ разработки такими корифеями науки, какъ Френъ, Эрдманъ, Григорьевъ, Хвольсонъ, Гаркави, Березинъ и др. и имѣя предъ собою капитальный трудъ С. М. Шпилевскаго, поднесенный имъ IV-му Археологическому Съѣзду, представляется безполезнымъ предпринимать новыя изысканія къ разъясненію недоразумѣній, оставшихся въ тщательно изслѣдованной области. Однако же два-три живыя слова въ устахъ народа, подкрѣпляемыя историческими указаніями и народнымъ преданіемъ и оправдываемыя лингвистическими соображеніями, при твердомъ убѣжденіи, что сравнительная филологія можетъ оказать значительныя услуги въ разрѣшеніи этнографическихъ и археологическихъ недоразумѣній, побуждаютъ меня представить вниманію людей науки замѣтку, касающуюся предметовъ той же области.

Наибольшему развитію лингвистическихъ соображеній, заключающихся въ моей замѣткѣ, способствовали пропускъ изслѣдователями такихъ фактовъ, которые, на мой взглядъ, имѣютъ высокую научную цѣнность, и ихъ недомолвки, избѣжаніе которыхъ могло бы придать выводамъ рѣшающее значеніе. Не говоря уже о трудахъ предшественниковъ С. М. Шпилевскаго, не могу умолчать что и въ его книгѣ „Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, изчерпавшей, пристроившей къ мѣсту и оцѣнившей по достоинству все относящееся къ дѣлу, встрѣ-

чаюся возбуждающіе сожалѣніе пропуски и недомолвки,— такъ напр.

а) Дѣлая множество ссылокъ на матеріалы, заключающіеся въ „Корневомъ Чувашско-Русскомъ Словарѣ", С. М. Шпилевскій почему-то отстранилъ указаніе на то, что Вотяки Татаръ зовутъ *Бигер*, т. е. *Булгар*" (¹); тогда какъ это указаніе, не говоря уже о цѣнности его съ лингвистической точки зрѣнія, подтверждаетъ слова Шереф-Эддина-Булгари: „городъ *(Булгаръ)* раззоренъ, обращенъ въ ничто и небытіе: въ мірѣ *осталось* только одно *имя его*" (²),— разумѣя имя не только въ смыслѣ преданія, но и въ смыслѣ *живаго* имени—*названія* народа—и дополняетъ свидѣтельство В. В. Григорьева тѣмъ, что *не только* „нынѣшніе Татары, *въ воспоминаніе* древней славы, *иногда* еще *съ гордостію* величаютъ себя *Булгарлык'*омъ, Булгарствомъ" (³), но что нынѣшнихъ даже Татаръ Вотяки зовутъ *не иначе* какъ Булгарами (⁴).

б) Разсматривая статью г. Шарловскаго „Изюлеевская волость", С. М. Шпилевскій признаетъ „*важнымъ указаніе* на существующее *преданіе о переселеніи* сюда (въ свіяжскій уѣздъ) съ вост., *изъ Булгари*" (⁵), но въ тоже время и опять неизвѣстно почему опускаетъ указаніе „Корневаго Чув. Рус. Словаря" на то, что „*по преданію* основателемъ деревни Уразметтевой чебокс. уѣзда, называемой по-чувашски *Моргар*, былъ Меди, *родомъ Булгаръ*, по чувашскому выговору *Моргар*, убитый въ битвѣ у р. Бувы и похороненный на старомъ кладбищѣ у дер. Васюковой, свіяж. уѣзда и что надъ его могилой есть камень съ арабскою надписью" (⁶); между тѣмъ какъ здѣсь при указаніи на преда-

---

(¹) «Корн. Чув. Рус. Словарь», стр. 245.

(²) «Древніе города», стр. 30.

(³) Тамъ же, стр. 41.

(⁴) Не могу для дальнѣйшихъ соображеній пропустить позднѣйшаго извѣстія Куника (Извѣстія Ал-Бекри и др. автора о Руси и славянахъ, Спб. 1878 г. стр. 154 и 155), драгоцѣннаго въ археолого-этнографическомъ отношеніи, что «Казанскихъ Татаръ и по сію пору въ средней Азіи называютъ *Болгарами*».

(⁵) «Древніе города», стр. 495.

(⁶) «Корн. Чув. Рус. Слов.», стр. 248.

ніе стоитъ еще *названіе Булгара по чувашскому выговору*, что, и не зависимо отъ преданія и отъ надгробной надписи, должно обратить на себя особенное вниманіе археолога и возбудить запросъ объ отношеніяхъ чувашскаго выговора къ древне-булгарскому, подобно тому какъ самъ же С. М. Шпилевскій, признавъ „особенно важнымъ слово *Трунове*, указалъ на него, какъ на единственное древнее булгарское слово" ([1]), или подобно тому какъ самъ же онъ сдѣлалъ запросъ: „что такое *Маркъвашъ?*" ([2]).

и в) С. М. Шпилевскій великолѣпно доказалъ, что со времени сожженія Русскими, въ 1164 г., города *Булгара-Бряхимова* „Великимъ городомъ" назывался городъ *Бюляръ-Булымеръ*, и что названіе это вновь перешло къ Булгару-Бряхимову послѣ сожженія Татарами, въ 1236 г., города Бюляра-Булымери. Но если бы онъ, сказавши, что „между именами погребенныхъ (въ Булгарѣ-Бряхимовѣ) встрѣчаются *пришельцы* изъ отдаленныхъ странъ: шейхъ Ширванскій, Хаганъ Самаркандскій, сынъ Мухаммеда Джендскаго, сынъ шейха Кердарскаго и Махмудъ Шамахинскій" ([3]),—въ тоже время обратилъ вниманіе еще на 4 надгробныя надписи надъ погребенными въ томъ же Булгарѣ-Бряхимовѣ съ именами: Реджеба, сына Мусы *Булгарскаго*,—Серихъ, дочери Хюсейна, сына Мансура *Булгарскаго*,—Ахмеда Хаджи, сына Мумина, сына Мир-Хусейна Насыра *Булгарскаго* и—Фатьмы, дочери Акба, сына Мухаммеда, сына Юсуфа *Булгарскаго* ([4]), и если бы при этомъ сообразилъ, что на прочихъ Булгаро-Бряхимовскихъ памятникахъ, какъ поставленныхъ *надъ мѣстными* Бряхимовскими жителями или потомками мѣстныхъ жителей, въ надписяхъ при именахъ покойниковъ и ихъ предковъ *нѣтъ* указаній на *мѣстопроисхожденія* ихъ, въ чемъ, очевидно, и надобности не было; то онъ, С. М., вѣроятно, не отказался бы и поименованныхъ 4-хъ покойниковъ признать *пришельцами* или потом-

---

([1]) «Древніе города», стр. 156.

([2]) Тамъ же, стр. 174.—На запросъ о *Маркващахъ* отвѣчу въ этой же замѣткѣ, а о *Труновѣ*—въ особомъ изслѣдованіи.

([3]) «Древніе города», стр. 241.

([4]) «Булгаръ на Волгѣ» И. Березина, стр. 38, 42, 45 и 46; надписи подъ №№ 24, 39, 45 и 46.

ками *пришельцевъ* изъ *другой* мѣстности, называвшейся также *Булгаромъ*, какъ и Булгаръ-Бряхимовъ; а признавши это, припомнивши мнѣніе Сенковскаго, что „были *два города*, которые назывались *Булгарами*, *Билярами* и *Великими*“ (¹) и согласившись съ мнѣніемъ В. В. Григорьева, что „*Булгаръ* и *Биляръ (Буларъ, Билеръ, Буляръ)* суть только два различныя діалектныя произношенія *одного и того же слова*“ (²), онъ самъ, навѣрное, пришелъ бы къ заключенію, что поименованные 4 покойника или предки ихъ были *пришельцы* или потомки *пришельцевъ изъ* города *Буляра-Булымери*, что слѣдовательно этотъ послѣдній городъ назывался и писался *Булгаромъ*, также какъ и Булгаръ-Бряхимовъ и что поэтому названіе *Булгара*, относящееся къ обоимъ городамъ—Бряхимову и Булымери, должно быть вполнѣ тожественно съ названіемъ „*Великаго города*“, принадлежавшимъ обоимъ же городамъ, и если бы затѣмъ С. М. принялъ лингвистическое указаніе, что названіе „*Великій Градъ*“ есть почти буквальный *переводъ* слова *Булгаръ*, то въ концѣ концовъ онъ блистательно доказалъ бы, что оба названія, т. е. тюркское *Булгаръ* и *Бюляръ* (въ отношеніи города) и русское „*Великій Градъ*“, просто означаютъ *столицу* царства или страны.

Вотъ этого-то послѣдняго вывода, къ которому С. М. Шпилевскій могъ бы придти, при всѣхъ прочихъ своихъ соображеніяхъ, путемъ надгробныхъ надписей, я надѣюсь достигнуть *своею* дорогой.

Вышеприведенные три пропуска въ книгѣ С. М. Шпилевскаго составляютъ, по моему мнѣнію, главную причину того, что его выводы не получили рѣшающаго значенія, между тѣмъ какъ онъ уже *почти* сказалъ тоже самое, что̀ нами высказано сейчасъ о значеніи слова *Булгаръ* по отношенію къ городамъ и что̀ въ другихъ отношеніяхъ мнѣ приходится доказывать начиная ab ovo. Для убѣжденія въ справедливости этого возмемъ два мѣста изъ его книги.

Стр. 173. „Можно указать и причину молчанія лѣтописей объ этомъ городѣ (*Булгаръ-Бряхимовъ*, отъ 1164 до 1374 г.): онъ былъ взятъ и раззоренъ въ 1164 г. Андреемъ Боголюбскимъ и съ этого времени онъ долженъ былъ поте-

---

(¹) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 100.
(²) Энциклопед. Лексик. Прюшара 1836 г., т. VII, стр. 293.

рять свое *значеніе Славнаго города* и не могъ привлекать вниманіе лѣтописцевъ. Въ послѣдующихъ походахъ 1184 и 1220 г. Русскіе направлялись не противъ него, а противъ *Великаго города — Бюлара* и при нашествіи Татаръ долженъ разумѣться *Великій Городъ Бюларъ, какъ сильнѣйшій въ то время*, а не разоренный *Булгаръ*. Со времени нашествія Татаръ, когда былъ сожженъ *Великій городъ, первенство опять переходитъ къ Булгару*, который имянно подъ татарскимъ владычествомъ долженъ былъ *опять подняться*... Поэтому понятно, по чему во время татарскаго владычества *не упоминается Великій городъ и говорится* только *о Булгарѣ*, а въ 1399 г. *онъ называется Великимъ*, подобно тому, *какъ прежде назывался Бюларъ*".

Стр. 184. „Подъ *Болгарами Великими* (въ 1399 г.) должно разумѣть *г. Булгаръ*, который *въ это время*, послѣ сожженія Великаго города — Бюлара, *былъ важнѣйшимъ и величайшимъ городомъ въ Булгаріи*... Съ перемѣною обстоятельствъ, съ уничтоженіемъ *прежняго значенія Бюляра*, прозванье, которое прежде принадлежало послѣднему (*Великій Городъ*), *лѣтописи присвоили Булгару*".

Но для того, чтобы говорить о происхожденіи, первоначальномъ значеніи слова Булгаръ и его отношеніяхъ къ другимъ названіямъ, необходимо выслушать еще нѣкоторыя мѣста изъ древнихъ и современныхъ писателей, въ которыхъ недомолвки и недоразумѣнія будутъ для насъ еще яснѣе.

Изъ всѣхъ сказаній арабскихъ писателей о Булгарѣ только два относятся къ самому названію:

а) Сообщаемое Хвольсономъ сказаніе *Эль-Бальхи*, умершаго въ половинѣ X ст.: „*Булгаръ — имя страны*, жители которой исповѣдуютъ *исламъ*, и *имя города*, въ которомъ находится *главная мечеть*. Не далеко отъ этого города лежитъ другой городъ *Сиваръ*, гдѣ также находится *главная мечеть*... число жителей *обоихъ этихъ городовъ* простирается до 10 тысячъ". Въ другомъ мѣстѣ Эль-Бальхи говоритъ: „*Внѣшній Булгаръ* маленькій *городъ*, не занимающій большаго пространства, и извѣстенъ только тѣмъ, что *онъ главнѣйшій торговый пунктъ* этого *государства*".— С. М. Шпилевскій поясняетъ: „Подъ выраженіемъ *Внѣшній Булгаръ* арабскіе писатели всегда разумѣли страну Дунайскихъ Булгаръ въ противоположность *Внутреннему Булгару*, т. е. странѣ Камско-Волжскихъ Бул-

гаръ, но здѣсь, очевидно, Эль-Бальхи разумѣетъ городъ на Волгѣ" ([1]).—По этому предмету имѣемъ указаніе В. В. Григорьева: „*Греки* означали *Волжскую Булгарію* именемъ *Великой*, а *Аравитяне* называли ее—Дàхеле, *Внутреннею*, точнѣе—*Входящею*, а названіе *Великой* давали они *Булгаріи Дунайской*" ([2]).—Съ своей стороны, осмѣлюсь замѣтить, что хотя арабскіе писатели, употребляя слово „беледъ" —страна, государство въ значеніи города, имѣютъ обыкновеніе называть столицу именемъ самой страны; однако же, если Эль-Бальхи (во второмъ мѣстѣ) довольно ясно опредѣлилъ отношеніе города—*Внѣшняго* Булгара—къ государству и разумѣлъ подъ этимъ именемъ городъ Булгаръ на Волгѣ; то здѣсь слово *Внѣшній* нельзя считать прямо ошибкою (въ родѣ замѣчательной ошибки Масуди, помѣстившаго городъ Булгаръ на берегу Азовскаго моря); напротивъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что онъ этимъ словомъ хотѣлъ отличить *приволжскій* Булгаръ, какъ *главный городъ* государства, отъ какого-то *Внутренняго главнаго же* города—Сивара или другаго, такъ какъ въ первомъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ городахъ *какъ о главныхъ*.

б) *Абу-Хамидъ-эль-Андалуси*, посѣтившій Булгаръ въ 1135 г., говоритъ, что „*Булгаръ большой городъ*; вокругъ Булгара *безчисленныя племена Тюрковъ;* назывался онъ *Бюларомъ* по имени благочестиваго мусульманина *Бюляра*, исцѣлившаго жену булгарскаго царя, слѣдствіемъ каковаго исцѣленія было принятіе Булгарами ислама, но впослѣдствіи названіе это подверглось арабскому измѣненію—въ *Булгаръ*".—*Абуль-Феда*, арабскій писатель начала XIV ст., вѣроятно основываясь на Андалуси, говоритъ, что „*Боларъ, названный Арабами Болгаръ*, городъ на крайнемъ обитаемомъ Сѣверѣ".—Френъ и Хвольсонъ отвергаютъ арабизированіе названія. Первый говоритъ, что *Бюларъ* былъ городъ отдѣльный отъ *Булгара*; но Хвольсонъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ „очень любопытнымъ указаніе Абу-Хамида, что имя „*Бюляръ*" вмѣсто *Болгара* было извѣстно уже въ началѣ XII стол. *Это имя* принимали тогда даже за *первоначальное и туземное*" ([3]).—Выше я уже привелъ мнѣніе по этому предме-

([1]) «Древніе города», стр. 8.
([2]) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 90.
([3]) «Древніе города», стр. 12.

ту В. В. Григорьева и еще буду имѣть надобность говорить объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Приводимыя Эрдманомъ изъ Ибн-эль-Варди, умерш. въ 1349 г., мѣста говорятъ, что *г. Булгаръ* лежитъ на самомъ берегу Волги, что онъ *былъ прежде извѣстенъ, какъ главный городъ* и гавань *этой страны, пока его не разрушили Руссы* ([1]).

Приведу еще нѣкоторыя болѣе замѣчательныя мѣста изъ русскихъ лѣтописей. Подъ 985 г.: „Иде Володимиръ *на Болгары*... и побѣди *Болгары*... и сътвори миръ *съ Болгары*".

Подъ 1164 г.: „Иде князь Андрей *на Болгары*... и одва вмалѣ дружинѣ утече *князь Больгарскый до Великаго города*; князь же Ондрей... шедше *взяша градъ ихъ Славный Бряхимовъ*".

Въ сказаніи о убіеніи Андрея Боголюбскаго: „Князь великій много воева *Болгарскую землю*".

Подъ 1236 г.: „Придоша отъ восточныѣ страны *в Болгарьскую землю*, безбожни Татаре, и взяша *Славный Великый городъ Болгарьскый*".

Подъ 1229 г.: „Страсть новаго мученика Христова, его же убиша *Болгаре в Великомъ градѣ* **ихъ**... за кровь его погорѣ у него большая половина *города Великаго*".

Подъ 1360 г.: „Булактемирь кн. Ордынскій *Болгары взялъ* и всѣ городы по Волзѣ и улусы". — При этомъ С. М. Шпилевскій говоритъ: „Здѣсь Булгары я разумѣю въ смыслѣ земли и народа, подобно тому, какъ лѣтописи говорятъ — въ Болгарахъ, т. е. въ Булгарской землѣ, или въ Болгары, т. е. въ Булгарскую землю" ([2]).

Наконецъ примемъ къ свѣдѣнію два указанія В. В. Григорьева о названіи города Булгара.

„Нѣтъ сомнѣнія, что въ этнографіи Булгаровъ есть весьма важные поводы усматривать турецкое начало... Самое слово „*Булгаръ*", или по другому произношенію „*Вулярь*", *какъ нельзя болѣе татарское*. Въ словѣ *Бохмитъ* заключаются еще сильнѣйшія улики Волжскихъ Булгаровъ въ татарщинѣ: ежели сами Булгары называли *Магомета Бахметомъ*, то они несомнѣнно говорили по-татарски... Названіе

([1]) Тамъ же, стр. 20.

([2]) Тамъ же, стр. 126.

русскаго дома „Бахметевыхъ" удостовѣряетъ, что и Монгольскіе Татары, въ началѣ своей мусульманской образованности, *по свойству восточно-турецкихъ нарѣчій*, точно также произносили имя пророка" ([1]).

Говоря далѣе о славянскомъ характерѣ Булгара, В. В. Григорьевъ замѣчаетъ: „Можно даже сомнѣваться, назывался ли Булгаръ, на самомъ мѣстѣ не иначе какъ „Великимъ Городомъ"; имя *Булгаръ* могло быть *присвоено ему Аравитянами*, по обыкновенію ихъ—*называть столицу именемъ самой области* для избѣжанія трудныхъ иностранныхъ звуковъ" ([2]).

Чтобы узнать, кому первоначально принадлежало названіе *Булгар*—странѣ ли, народу ли, или же городу,—необходимо въ точности опредѣлить *значеніе названія*, распознавъ составныя его части и выяснивъ взаимныя отношенія ихъ по законамъ сравнительной филологіи, не увлекаясь, соблазнительными въ подобной работѣ, сходственными и однозвучными комбинаціями.

Извѣстно, что во всѣхъ нарѣчіяхъ тюркскаго и монгольскаго происхожденія господствуетъ *законъ созвучія* или *гармоніи гласныхъ*, по которому каждое слово, со всѣми грамматическими приставками и придаточными частицами, должно состоять или исключительно изъ *толстыхъ* гласныхъ (тат. *Казан-да-гы*—казанскій), или же изъ однихъ *тонкихъ* гласныхъ (чуваш. *Чөкмө-ри-зэм*—козмодемьянскіе) звуковъ.

Въ такихъ же фонетическихъ отношеніяхъ къ опредѣляющимъ словамъ состоитъ существительное джагатайско-турецкое *йѐр*, по произношенію—татарское *јир*, киргизское и алтайское *јерь*, чувашское *сьирь* (башкир. *зир*, якут. *сір*)—„земля, мѣстность, страна", которое въ названіяхъ мѣстностей составляетъ какъ бы окончаніе слова. Въ большинствѣ случаевъ это существительное, какъ окончаніе, подчиняется фонетическому вліянію опредѣляющаго (предшествующаго) слова и является въ видѣ *ирь*, *эрь*, ер, ӓр и ар ([3]), такъ напр. *Шин-эрь* (тур. адербидж. *шен*)—обильная или весе-

---

([1]) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 95.
([2]) Тамъ же, стр. 97.
([3]) Корн. Чув. Рус. Словарь, стр. 258.

лая мѣстность ([1]), *Кин-эрь* (= чув. *кине сьирь*) — мѣстность, въ которую вошли, *Типьн-эрь* (= чув. *типне сьирь*) — обсохшая мѣстность, *Шемж-эрь* (= чув. *сьэмзе сьирь*) — мягкая, нѣжная мѣстность, *Кäрмäн-ер* — укрѣпленная мѣстность ([2]): сюда относится — **Виг-ер**, **Вiйг-ер** — вотяцкое названіе Татаръ; *Косн-ар* (= чув. *косны сьирь*) — мѣстность, на которую перешли, *Шын-ар* (= чув. *шынны сьирь*) — замерзшая мѣстность, *Чыган-ар* (= тат. *чыккан jир*) — страна, изъ которой вышли: сюда относятся **Вулг-ар** и по чувашскому выговору **Морг-ар** или **Мург-ар** (звукъ *у* произносится какъ глухой *о*). Но не рѣдко это тонко-звучное слово, какъ существительное, при полномъ сліяніи съ предшествующимъ опредѣляющимъ, вліяетъ на фонетическое утонченіе послѣдняго, напр. *Вӳрм-эрь* (чув. толстозвучное *вурум*) — длинная мѣстность, *Кäш-ир* (джагат. толстозвуч. *каш* — холмъ, грива горы) — возвышенная мѣстность ([3]): сюда относится **Вӳл-äр**, **Вил-äр**.

Указавъ, такимъ образомъ на причину измѣненія звуковъ по закону гармоніи *гласныхъ*, въ словахъ

В	**У**	**Л**	**Г**	**А Р**
В	**Ӳ**	**Л**	—	**Ä Р**
В	**І**	**Й**	**Г**	**Е Р**
М	**У**	**Р**	**Г**	**А Р**

и заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ о тожествѣ и безразличіи между собою всѣхъ этихъ четырехъ разнозвучныхъ словъ, я долженъ разъяснить: разницу въ *согласныхъ* I) между начальными **В** и **М**, II) между послѣдующими **Л**, **Й** и **Р** и III) отсутствіе **Г** въ словѣ *Бӳлäр*.

I. Въ вышеприведенномъ мнѣніи В. В. Григорьева о присутствіи въ Булгарахъ турецкаго начала и о соблюденіи Монгольскими Татарами, въ началѣ своей мусульманской образованности „свойства восточно-турецкихъ нарѣчій"

([1]) Тамъ же, стр. 259.

([2]) Тамъ же, стр. 262.

([3]) Селенія въ мензелинскомъ уѣздѣ уфимской губ. и въ бугульминскомъ — самарской, называемыя мѣстными татарами: *Кäшир-башы*, *Иске Кäшир*, *Јаңа Кäшир*, а по русски *Кашыр-башы*, средній, старый *Кашыръ* и новые *Кашыры*.

при произношеніи звука б вмѣсто м, указано на слово **Вохмитъ**, **Вахметъ** вм. **Магометъ** и на названіе дома **Вахметевыхъ**. Къ тому же періоду относится и слово *бусурманъ* вм. *мусульманъ*. Но кромѣ этихъ двухъ можно привести еще цѣлую сотню словъ въ доказательство перехода звуковъ **м** въ **п**=**б** и обратнаго **п**=**б** въ **м** не только въ разныхъ нарѣчіяхъ тюркскаго корня, какъ напр.: чуваш. **пинь** (тысяча)=турец *бин*=тат. **мен**=киргиз. **мынг**=алтай. **мунг**; чув. тат. **мамык**=турец. **пумух**, *бумух*=русск. *бумага* хлопчатая и т. п.; но даже въ словахъ и формахъ словъ одного и того же нарѣчія: алтай. **макаттыр**, **маатыр** и **пааттыр**—богатырь, **пажак** и **мажак**—колосъ, **палта** и **малта**—топоръ; алтайско-кондомское **мӱӱзӱк** и **пӧзӱк** (алтай. *пійік*, чуваш, *пызык*, турец. *буйук*, татар. *бейек*)—большой, великій; чуваш. *эпь* (я) и **ман** (мой), *кил-епь* и *кил-емь* (приду я), *из-ебер* (попьемъ мы) и *исьр-емер* (пили мы) и т. п. А что взаимный обмѣнъ звуковъ **М** и **В** не есть исключительное „свойство восточно-турецкихъ нарѣчій", то стóитъ указать на русское слово **блинъ**, иначе **млинъ**, перешедшее въ чувашскій языкъ въ видѣ **племъ**, **пилемъ**, въ черемисскій **мельна**, въ вотяцкій **мылым**. Такимъ образомъ употребленіе звука **М** вмѣсто **В** въ чувашскомъ выговорѣ слова **Мургар** вмѣсто **Вургар** представляется достаточно разъясненнымъ.

II. Что касается до разницы между звуками **Л**, **Р** и **Й** въ словахъ *Булгар*, *Мургар* и *Бійгер*, то она только съ перваго раза кажется довольно значительною, между тѣмъ какъ мы безпрестанно съ нею встрѣчаемся въ житейскомъ быту. Такъ человѣкъ и преимущественно дитя, у котораго органъ языка наименѣе развитъ и еще неспособенъ къ нужнымъ въ данный моментъ подъёму и вибраціи, чаще всего произноситъ звуки **Л** и **Р** какъ **Й**=*j* (йоту): *быјн* на *јѣкѣ*, *јовији јибу*, *пијији дјова*, *којова*, *кујица* и т. п. При усовершенствованіи же органа языка дитя свободнѣе выговариваетъ звукъ **Л**, на первыхъ порахъ йотируя его, или смягчая слѣдующую за нимъ гласную: *люна быля польна*, *тольчокъ* и т. п., и, до полнаго развитія органа, этимъ же звукомъ **л** замѣняетъ и **р**: *либа*, *люка*, *длӧва*, *колӧва*, *кулица* и т. п. Такъ русскій простолюдинъ, въ заимствованныхъ словахъ, звуки **л** и **р** то замѣняетъ одинъ другимъ: перьмень (вм. пель-нянь), то переставляетъ одинъ звукъ на мѣ-

кто другаго: леверскій полкъ (вм. ревельскій), особенно же когда звукъ р встрѣчается дважды въ одномъ и томъ же словѣ: левизоръ, секлетарь, дилехторъ, паликмахеръ, левольверъ, лесора, леторта, оларь (орарь), Листархъ (вм. Аристархъ), листократъ (вм. аристократъ) и т. п. Впрочемъ, обращаясь къ фактамъ болѣе научнымъ, не станемъ доискиваться причинъ, почему напр. въ древне-персидскомъ языкѣ вмѣсто звука л вездѣ находится р, или почему Японцы не выговариваютъ звука л и также замѣняютъ его звукомъ р, говоря: Паверъ, Никорай, или почему Китайцы поступаютъ наоборотъ, говоря: Олос вмѣсто взятаго ими у Татаръ Орос — Русскій; но обратимъ вниманіе на произношеніе нѣкоторыми инородцами одного и того же слова:

Русскій или			Р	у	с	ь:
Черемисинъ говоритъ			Р	у	ш	
Пермякъ —			Р	ө	ч	ь
Якутъ —			Л	у	ч	а
Тунгузъ —			Й	у	ч	ы
Вотякъ —		З	й	у	с	ь
Татаринъ —		О	р	у	с	
Китаецъ —		О	л	у	с	
Чувашинъ —	В	ы	р	ы	с	.

Кромѣ того, въ доказательство, что **Л = Р** и что **Й = Л** и **Р**, мы найдемъ много фактовъ въ сравненіи словъ татарскихъ, киргизскихъ, алтайскихъ съ чувашскими, напр.

тат. *балта* = чув. *порда* — топоръ;
тат. *эйӑмле* = чув. *илемле* — красивый,
тат. *уйна* = чув. *выляя* — играй;
тат. *кой* = чув. *хор* — положи,
тат. *кайын* = чув. *хорын* — береза,
тат. *туйын* = чув. *туран* — насыться,
тат. *уйан* = чув. *вуран* — проснись,
алт. *ій* = чув. *яр* — пошли,
тат. *айак* = чув. *ора* — нога;
тат. *јукары* = чув. *сьӳле* — верхъ,
кирг. *ӳрґяр* = чув. *ӳлыгярь* — плеяды и т. п.

Если же ко всему этому припомнимъ еще, что и Монгольскіе Татары, „въ началѣ своей мусульманской образованности“, называли себя *бусурман* вмѣсто *мусульман*, то можемъ безъ

сомнѣнія признать тожественными слова *Булгар*, *Мургар* и *Бiйгер*. Между тѣмъ ниже излагаемое объясненіе слова *Моркваш* еще разъ подтвердитъ эту тожественность.

III. Еще въ началѣ XII вѣка, какъ видно изъ сказанія Абу-Хамида-эль Андалуси и замѣчанія на него Хвольсона, городъ *Булгар* назывался *Бўлăр*'омъ и это послѣднее названіе принималось тогда за первоначальное и туземное, названіе же *Булгар* признавалось арабизированіемъ слова *Бўлăр*. Но намъ уже извѣстно мнѣніе В. В. Григорьева, что „*Булгар* и *Билар* (*Булар*, *Билер*, *Бўляр*) суть только два различныя діалектныя произношенія *одного и того же слова*". Доказательства справедливости этого мнѣнія не требуютъ обширнаго развитія: кажется, достаточно будетъ указать на то обстоятельство, что и въ настоящее время согласные гортанные звуки **к** и **г** въ чувашскомъ нарѣчіи при всякомъ удобномъ случаѣ или замѣняются другими или вовсе выбрасываются, что̀ и производитъ своеобразность въ произношеніи чувашскихъ словъ сравнительно съ произношеніемъ прочихъ тюркскихъ нарѣчій. Это обстоятельство побудило меня напечатать особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Особенности чувашскаго языка, зависящія отъ измѣненія и выпуска согласныхъ гортанныхъ звуковъ" (¹). Въ числѣ, указанныхъ въ томъ изслѣдованіи, 20-ти фонетическихъ и этимологическихъ формъ встрѣчается также исчезаніе **г** послѣ плавнаго **л**, напр. татар. *алгыз*=чув. *ил-ер* — возмите, *кильгез*=*кил-ер* — приходите, *бильгăн*=*биль-не* — знаемый, *булгачын*=*бол-зассын* — если будетъ и пр. т. п. Если же при этомъ принять во вниманіе высказанныя въ одномъ изъ засѣданій IV Археологическаго Съѣзда (2 авг. 1877 г.) мнѣнія: В. В. Радлова, что „нынѣшніе Чуваши суть потомки древнихъ Болгаръ" и Н. И. Ильминскаго, что встрѣчающіяся въ болгарскихъ надписяхъ (на могильныхъ памятникахъ) чувашскія формы, по звуковому отношенію къ нынѣшнему чувашскому языку, составляетъ какъ бы среднюю ступень между нынѣшними чувашскими и татарскими формами (²); то можно дать полную вѣроятность тому, что *оба города* (Бряхимовъ и Булымерь) по народному (булгарско-чувашскому) выговору назывались *Бўлăр* (*Билăр*), а по

(¹) Въ Учен. Запискахъ. Казан. Университета 2 № за 1877 г.

(²) Извѣстія о занятіяхъ IV Археол. Съѣзда, стр. 50.

обще-тюркскому (булгарско татарскому) назывались и писались *Булгар*, по буквальному же переводу въ русскихъ лѣтописяхъ тотъ и другой именовались „*Великимъ Градомъ*“, смотря по тому, который изъ нихъ и въ какое время былъ столицею царства; этимъ вполнѣ оправдывается мнѣніе Сенковскаго, что „были *два города*, которые назывались *Булгарами*, *Билярами* и *Великими*“.

Окончивъ объясненія относительно тожества и безразличія въ словахъ *Булгар*, *Бўлӓр*, *Бійгер* и *Мургар*, я долженъ опредѣлить происхожденіе и точное значеніе этихъ словъ.

Первоначальнымъ изъ нихъ я признаю *Бійгер*, такъ какъ оно 1) вполнѣ соотвѣтствуетъ изложенному мною (во II-мъ пунктѣ объясненій) закону постепеннаго развитія звука *й* въ *л* и *р*, 2) точно опредѣляетъ значеніе названія и сохраняется во всей чистотѣ у бывшихъ сосѣдей Булгаръ—Вотяковъ, именно у такого народа, который и въ настоящее время едва начинаетъ выходить изъ состоянія первобытной культуры, на который менѣе всѣхъ прочихъ мѣстныхъ инородцевъ вліяли совершавшіяся по сосѣдству съ ними историческія событія и перевороты и который по этому долженъ быть устойчивѣе въ храненіи преданій, и притомъ—сохраняется (это названіе) у нихъ въ теченіи шести съ половиною столѣтій уже послѣ того, когда окончательно палъ Булгарскій ханатъ и когда сами Булгары начали называться именемъ побѣдителей—Татарами.

Слово *Бійгер* я считаю (какъ отчасти объяснилъ уже прежде) составнымъ изъ татарско-булгарскаго **бійік** (алт. *пійік*, турец. *бўйук*)—„большой, главный, великій“ и изъ **ӓр**—*јер*, *јерь*, татар. *јирь*—„земля, страна, мѣсто“, т. е. —полагаю, что первоначальное названіе было тонкозвучное *бійг-ӓр* (¹), толстозвучное *бўйуг-ар*—„**великая страна**“.

Послѣдующими, по закону развитія звуковъ, измѣненіями въ названіи страны должны были быть тонкозвучное *Билиг-ӓр*, *Бильг-ӓр*, а по народному выговору (чувашско-болгарскому, за выпускомъ гортаннаго г)—*Бил-ӓр*, *Бўлӓр*, толстозвучное—*Булг-ар*—народному *Бул-ар* (²) и наконецъ позднѣйшее—заволжско-чувашское *Мургар*, *Моргар*.

(¹) Звукъ *к* между гласными и послѣ плавныхъ *л* и *р* переходитъ въ г.

(²) Эту форму находимъ въ имени *Булар-тай* на XXVI надгробной надписи, «Булгаръ на Волгѣ», стр. 38.

Но и въ первоначальномъ названіи *Бійг-äр*, прежде чѣмъ *й* перешелъ въ *л* и образовалось *Бил-äр*, слѣдуетъ также допустить, по народному выговору, выпускъ гортаннаго *г*, а имянно—названіе *Бій-äр*, *Бі-äр*. Если же перенести эту форму на названіе цѣлой страны; то очевидно, она можетъ пояснить названіе загадочной **Віäр-міи**, обладавшей баснословными богатствами и производившей обширную торговлю,—Біарміи, о которой Скандинавскія и Византійскія лѣтописи даютъ самыя сбивчивыя извѣстія, неподтверждаемыя никакими историческими доказательствами и неприложимыя къ нынѣшней *Перми* (¹). Поводъ къ такому предположенію даютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Хотя въ этнографіи Нестора при исчисленіи финскихъ племенъ, населявшихъ сѣверъ и востокъ нынѣшней Европейской Россіи, встрѣчается имя *Пермь*, но точныхъ предѣловъ мѣста жительства этаго племени вовсе не обозначено; 2) Сами себя Пермяки называютъ *Коми-отир*, а о словахъ *Пермь* и *Пермякъ* ничего опредѣленнаго сказать не могутъ; 3) Первое упоминаніе о странѣ Пермской (*Перемь*), какъ уже подвластной Новгороду, находится въ двухъ грамотахъ, данныхъ Новгородцами великому князю Ярославу Ярославичу въ 1263 г., т. е. уже послѣ уничтоженія самостоятельности Булгарскаго ханата (²); между тѣмъ 4) по мнѣнію В. В. Григорьева, „границы Булгарскихъ владѣній простирались отъ Горъ Уральскихъ до Суры и Оки и отъ Вятки и *Камы* (разумѣя ихъ *истоки*) до истоковъ Дона, Хопра и Самары и, нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ пространствѣ жили вмѣстѣ съ Булгарами и другіе народы, 5) „Греки означали *Волжскую Булгарію* именемъ *Великой*“ (³) и 6) *Пермь* въ русскихъ лѣтописяхъ и документахъ XIV и XV в., можно сказать, безпричинно и какъ бы по преданію, называется тоже *Великою*. А поэтому можно допустить, что и пермскій край съиздревле входилъ въ составъ булгарскихъ владѣній подъ общимъ именемъ *Бі-äр*

(¹) Пермскій Сборникъ, кн. I. М. 1859, стр. 2, 4.

(²) Тамъ же, стр. 6, 7. Объясненіе же Волегова о происхожденіи названія *Пермь* отъ *Парма*—гора, поросшая густымъ лѣсомъ (тамъ же, стр. 33)—не выдерживаетъ критики.

(³) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 92 и 90.

(*великой* страны) (¹); а если Ками и финны, не понимая этаго тюркскаго слова, прибавляли къ нему еще свое собственное вырянско-пермяцкое *му* или финское *маа*—земля, область; то оттуда у лѣтописцевъ и вышло *Бі-ăр-мя*(*мія*)—„великой страны земля“ (²), а это названіе могло сохраниться въ пермскомъ краѣ послѣ паденія Болгарскаго ханата по тѣмъ же причинамъ, по коимъ у Вотяковъ сохранилось названіе *Бійгер*.

Итакъ названіе *Бійгăр*, *Билăр* и *Булгар* первоначально принадлежало всей странѣ или всѣмъ булгарскимъ владѣніямъ. А такъ какъ названіе страны не рѣдко переносится и на народъ и на главный городъ страны (Вятка, Вятчане и г. Вятка—бывшій Хлыновъ; Пермь, Пермяки и г. Пермь); то и въ названіи Булгара было то же самое и потому становится излишнимъ вышеприведенное указаніе В. В. Григорьева на то, что „имя *Булгар* могло быть присвоено „Великому городу“ Аравитянами, по обыкновенію ихъ—называть столицу именемъ самой страны для избѣжанія иностранныхъ звуковъ“, ибо самое слово *Булгар* означаетъ „великое, главное мѣсто“ или *столица*.

Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ С. М. Шпилевскаго о томъ, что собственныя имена городовъ были: Булгара на Волгѣ—Бряхимовъ (Ибрагимовъ), а Билярска—*Булымеръ*, кстати замѣчу, что послѣднее названіе, имѣющее близкое отношеніе къ названію мѣстности *Балым-ат*, означаетъ „мѣсто или городъ *Балын*'а“ и находится въ тѣсной связи съ именами *Балын-гозя* (царя или князя Булымерскаго), *Ма'люм-Ходжа* (мухаммеданскаго шейха), *Мéлим-хузя̀* (бывшаго предметомъ поклоненія чувашъ) и съ названіями нѣсколькихъ селеній и киреметей, каковыя имена и названія составляютъ предметъ особаго моего изслѣдованія.

Вполнѣ закончивъ мою замѣтку о названіяхъ *Булгар* и *Биляр*, позволю себѣ задаться вопросомъ: не могутъ ли иногда подобныя работы, преслѣдующія, по видимому, чисто-научныя цѣли, имѣть какого-либо практическаго при-

---

(¹) Въ музеѣ Казан. Арх. Общ. находится бронзовый предметъ (№ 226), найденный въ *Билярскомъ* городищѣ, а подобные ему по «Antiquités du Nord Finno-Ugrien» (Helsinki, 1877, p. 130) значатся *пермскими*.

(²) Подобно тому, какъ у русскаго лѣтописца вышло *Болгары Великіе* т. е. «Великій градъ великій».

мнѣнія? и въ настоящемъ случаѣ могу отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Такъ напр., если бы благочестивымъ людямъ пришла мысль построить храмъ во имя св. Авраамія, мученика Булгарскаго, въ мѣстности его проповѣди, его страданій и мученической за имя Христово кончины; то они, руководствуясь не только обычнымъ названіемъ нынѣшняго села Успенскаго *Болгарами*, но и лѣтописнымъ сказаніемъ о мученикѣ „его же убиша *Болгаре в Великомъ градѣ* ихъ", навѣрное построили бы тотъ храмъ въ бывшемъ Булгарѣ-Бряхимовѣ и поступили бы въ этомъ совершенно ошибочно, ибо событіе убіенія св. Авраамія было въ 1229-мъ году, когда *Булгаромъ* или *Великимъ градомъ* назывался и былъ нынѣшній Билярскъ — *Билăр-Булымеръ*, сожженый Татарами въ 1236 году, послѣ чего названіе „Великаго града" или „*столицы ихъ*" (Булгаръ) снова перешло къ Булгару-Бряхимову.

При настоящемъ изслѣдованіи какъ нельзя болѣе кстати и болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ удобнымъ нахожу отвѣтить на запросъ С. М. Шпилевскаго: „что такое *Маръкваш*ъ?" (¹).

Десять лѣтъ тому назадъ этотъ же самый запросъ я получилъ отъ А. Ф. Риттиха, нуждавшагося, при составленіи своей книги, въ разъясненіи того же самаго лѣтописнаго сказанія о пограбленьи ушкуйниками, въ 1374 г., *всего Засурья и Маркваш*ъ, по поводу котораго дѣлаетъ свой запросъ и С. М. Шпилевскій. Откровенно сказать, что въ то время будучи еще недостаточно сильнымъ въ сравнительной лингвистикѣ мѣстныхъ нарѣчій, имѣя при томъ указаніе вятскаго историка Вештомова на то, что черемисы перешли въ Вятскую губернію изъ Казанской и принимая во вниманіе, что Черемисы сами себя называютъ *Мари*, что черемисское *рок* значитъ „земля" (хотя только въ смыслѣ стихіи), а *важ*—„корень",—я предположилъ, что *Map-рок-важ* можетъ значить „корень черемисской земли", о

(¹) «Древніе города», стр. 174.

чемъ и сообщилъ г. Риттиху, который, придавши такому предположенію слишкомъ высокую цѣну, возвелъ его въ значеніе факта и въ названіи свіяжскихъ Марквашъ нашелъ доказательство, что „Черемисы нѣкогда пребывали даже въ свіяжскомъ уѣздѣ“ (1). С. М. Шпилевскій, относясь ко всему съ научной осторожностью, пропустилъ указаніе г. Риттиха и, какъ бы въ отвѣтъ на свой запросъ, привелъ хотя мало опредѣляющее, но все-таки имѣющее нѣкоторое основаніе мнѣніе чувашина Спиридона Михайлова, „что *Маръквашами* въ лѣтописи *названы*, по всей вѣроятности, Черемисы, называющіе себя Мара, или *Чуваша*, жившіе съ ними смѣжно около р. Суры; нынѣ—говоритъ далѣе Михайловъ —слово *Морквашъ* существуетъ *только* въ названіяхъ приволжскихъ селеній Свіяжскаго уѣзда—с. Морквашъ и дер. Набережный Морквашъ, въ которыхъ живутъ уже всѣ Русскіе“ (2). Въ предположеніи Михайлова оказывается, какъ увидимъ, та доля правды, что упоминаемые въ лѣтописи *Морквашы* были *Чуваши*, жившіе смѣжно съ козмодемьянскими черемисами, хотя и не въ близкомъ разстояніи отъ р. Суры.

Сущность лѣтописнаго сказанія о походѣ новгородскихъ ушкуйниковъ въ 1374 г., состоитъ въ слѣдующемъ: Взявши *Булгаръ* (Брахимовъ), половина ушкуйниковъ поднялась *вверхъ по Волгѣ*, дошла до *Обухова*, пограбила все *Засурье* и *Маръквашъ*, потомъ *перешла Волгу* и, истребивъ суда, пошла на коняхъ къ Вяткѣ, пограбя много селъ *по Ветлугѣ*.

По отношенію къ центральной Россіи, гдѣ писана лѣтопись и сообразуясь съ мѣстомъ высадки ушкуйниковъ, *Засурьемъ*, очевидно, названа вся мѣстность по правому берегу Суры отъ поворота ея противъ или ниже г. Ядрина на сѣверо-западъ до г. Василя-Сурска, т. е. до впаденія Суры въ Волгу и затѣмъ по правому берегу Волги внизъ до с. Ильинской Пустыни и отъ нея обратно по прямой линіи на юго-западъ до вышеуказаннаго поворота Суры,—иначе сказать: Засурье это—весь засурскій уголъ васильсурскаго уѣзда и вся сѣверо-западная половина нагорной

(1) «Матеріалы для этнографіи Россіи, Казанская губернія», ч. II, стр. 122.
(2) «Древніе города», стр. 174.

части козмодемьянскаго уѣзда—т. е. вся страна горныхъ Черемисъ съ очувашившимися Черемисами. Въ предѣлахъ этой мѣстности С. М. Шпилевскій находитъ рѣчку *Обуховку*, при истокѣ которой лежитъ с. Бусурманово (Владимірское) на правомъ же берегу Волги. Впрочемъ, бусурмановскій *истокъ Обуховъ* такъ ничтоженъ, что имя его едва ли могло быть извѣстнымъ лѣтописцу; справедливѣе допустить, что *Обуховымъ* называлось значительное селеніе или мѣстность; но нельзя сомнѣваться, что лѣтописное названіе *Обухова* относится къ горно-черемисской сторонѣ, ибо здѣсь находятся два черемисскія селенія—*Туш*-евъ и *Туш*-нал, названія которыхъ, очевидно, происходятъ отъ черемисско-чувашскаго *туш* (зырянск. *тыш*)—„обухъ". Крайній сѣверо-западный пунктъ Засурья, или горно-черемисской страны, находится противъ самаго устья р. *Ветлуги*, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны (верстахъ въ 12-ти отъ р. Обуховки).

Но что же за мѣстность *Маръкашъ* или *Моркашы*, упоминаемая въ вышеприведенномъ сказаніи?

Возможностью точнѣе опредѣлить эту мѣстность я обязанъ, можно сказать, случаю. Узнавъ, что Чуваши, говоря про свіяжскіе *Моркашы*, обыкновенно называютъ ихъ *Моргаушы* и сообразивъ, что, по законамъ татарско-чувашской фонетики, и нельзя иначе произносить слово *Моркашы* (имянно—потому что рус. *ква*=тат. чув. *кау:* Моск*ва*=Му*скау*, Мос*кав*, а *к*, слѣдуя за *р*, по чув. всегда переходитъ въ *г*),—я обратился къ списку населенныхъ мѣстъ Казан. губерніи (1866), гдѣ и нашелъ чувашскую деревню 1-ю Васькину *Моргоушы* (Ени-кассы) и при ней два околодка: а) Анат-кас *Моргоушы* и б) Сыстырган (1) *Моргоушы*. Затѣмъ, принявъ во вниманіе, что въ чувашскихъ названіяхъ селеній *ушы* есть ни что иное, какъ окончаніе тюркскаго причастія прошедше-настоящаго времени—*учы* (2) и имѣя

(1) Напечатано *Сыстрыганъ* очевидно по ошибкѣ, ибо сочетаніе трехъ согласныхъ невозможно ни въ одномъ изъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ.

(2) Окончаніе означающее: начавшій и продолжающій дѣйствовать; напр. с. *Кошлоушы*=тат. *кышлаучы*—отъ *кыш*—зима, *кышла*—зимовать=зим-овавшій, зим-ующій, зим-овникъ; *Шумшавашы*=тат. *јумшаучы*—отъ *јумша*—смягчаться, смиряться=смирявшійся, смиренный.

въ виду объясненный выше (I и II) переходъ согласныхъ звуковъ **б** въ **м** и **л** въ **р** въ словѣ ***Мурıар*—*Вулıар*,**—я вполнѣ убѣдился въ тожествѣ словъ:

М О Р К В А Ш Ы
М О Р Г А У Ш Ы
В У Л Г А У Ч Ы

т. е.—что первыя два слова въ отношеніи къ послѣднему составляютъ лишь діалектное (чувашское) произношеніе слова—*булıаучы*, отъ глагола *булıа*—возмущаться, бунтоваться (булгачиться) и значатъ: возмущающійся, неуживчивый, *бунтующійся* (народъ или край).

Обратившись затѣмъ къ планамъ и картамъ и лично осмотрѣвъ (въ минувшемъ лѣтѣ) мѣстность, я нашелъ, что селенія *Морıаушы*—старинныя чувашскія и окольными жителями называются сокращенно *Морıашы*, состоятъ въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 15—18 отъ Волги, въ 52—отъ г. Козмодемьянска и въ 5—7—отъ с. Акрамова ([1]), расположены при верховыхъ притокахъ *рѣчки Морıаушки*, имѣющей теченія болѣе 20-ти верстъ съ запада на востокъ и впадающей въ р. Унгу противъ с. Ишакъ. Верховья же Моргаушки находятся вблизи той линіи, которою я отграничилъ Засурье. При этой рѣчкѣ и ея притокахъ расположено до 30-ти разноимянныхъ селеній орининскаго, акрамовскаго, ишаковскаго, оточевскаго и моргоушскаго приходовъ ([2]). Кромѣ указанныхъ по списку 3-хъ Моргаушъ и другія селенія, расположенныя при верховыхъ притокахъ Моргаушки, каждое имѣя свое особое названіе, именуются также Моргаушами: *Чыıанар-Морıаушы*, *Съиньял-Морıаушы* и пр. т. п.; показанный же по списку отдѣльнымъ околодкомъ *Сыстырıан-Морıаушы* въ натурѣ не составляетъ особаго селенія: такъ называется южная часть села Моргаушъ—1-ой Васькиной. Да и верховые притоки Моргаушки, имѣя каждый свое особое названіе только для обитающихъ при нихъ чувашъ (Кунар, Йыдакварь и т. п.),

---

([1]) По Списку населен. мѣстъ казан. губерніи значатся подъ №№ 787, 788 и 789.

([2]) Моргаушскій приходъ открытъ недавно съ назначеніемъ церкви въ Моргаушахъ 1-й Васькиной.

въ сосѣднихъ деревняхъ извѣстны подъ общимъ именемъ *Моргаушки*. Такъ что, судя по этому, можно съ достовѣрностію допустить, что нѣкогда весь край по р. Моргаушкѣ и ея притокамъ—на пространствѣ болѣе 20-ти верстъ—назывался *Моргаушами*.

Названія селеній этаго края одни—чисто-чувашскія (¹), другія—тюркскія (²), а иныя—производныя отъ языческихъ чувашскихъ именъ (³). Но, по отношенію къ названію *Моргоушы=булгаучы—„бунтующійся“*, въ этой мѣстности замѣчательны названія трехъ селеній: 1) *Сыстырган (-Моргаушы)* по формѣ—явно тюркское *сиздергӓнь*—настояще-прошедшее причастіе отъ глагола *сизь*—чувствовать, въ понудительной формѣ *сиздерь*—внушать, возбуждать чувство и буквально значитъ: возбуждавшій или *„подстрекатель“* (почувашски: въ прошедшемъ—*сисьтэрьне*, въ настоящемъ—*сисьтэрэгэнь*), 2) *Кашмаш* по формѣ—тюркское *Качмыш*—настоящее причастіе отъ глагола *кач*—убѣгать, значитъ: убѣгающій=*„трусъ“*, и 3) *Акрам* по производству съ тюркскаго—*ак-урам*—бѣлая улица, собств.—бѣлое жниво; но оно можетъ быть обратившееся въ чувашское толстозвучное (подобно *Сыстырган=Сиздергӓнь*) арабское слово сравнит. степени *экрэм*—„благороднѣе“ другихъ, которое у татаръ употребляется въ смыслѣ: „тише, *осторожнѣе*“.

За симъ становится очевиднымъ, что русскій лѣтописецъ, говоря „пограбиша (ушкуйники) *все* Засурье *и* Маръквашъ“, разумѣлъ подъ послѣднимъ не какія-нибудь деревушки, но *значительную мѣстность*, извѣстную тогда своимъ характеристичнымъ названіемъ, оставшимся теперь лишь за рѣчкою, протекающею въ этой мѣстности, и за селеніями, старожилы которыхъ въ свое время могли по чему-либо быть вліятельными и считаться настоящими виновниками названія, распространеннаго изъ-за нихъ на всю мѣстность, смежную съ Засурьемъ. Поэтому можно безъ большой ошибки опредѣлить, что лѣтописное названіе *Марьквашъ* относится ко всей юго-восточной половинѣ нагорной части коз-

(¹) Шор-кассы, Хыр-кассы, Чырш-кассы, Вурман-кассы, Лапра-кассы, Туры-кассы, Анач-кассы, Хура-кассы, Сьинь-ял, Карт-ой, Вурм-ой.

(²) Чыган-ар, Яныш, Ишли, Ишак, Кичень-Ижек, Бусурман.

(³) Елеменей-кассы, Тойдеряк-кассы, Кӳстяряк, Питти-кассы, Семень-кассы, Сендимир-кассы.

модемьянскаго уѣзда, заселенной чувашами,—имянно по той прямой линіи, которую я провелъ для опредѣленія Засурья.

Козмодемьянскіе *Моргоушы* получили это названіе, разумѣется, не позже какъ за пять слишкомъ столѣтій до нашего времени, если не за полную тысячу лѣтъ. Но кѣмъ и по какимъ обстоятельствамъ названы такъ (Моргоушы, Морквашы) двѣ (безъ сомнѣнія) чувашскія мѣстности (козмодемьянская и свіяжская)—во времена ли Болгарскаго ханата или въ періодъ Монгольскаго владычества, за отстаиваніе ли политической независимости, или за упорную преданность шаманству при навязываніи имъ ислама „сподвижниками пророка" и ихъ послѣдователями—все это, конечно, неизвѣстно и едвали какой-нибудь счастливый случай освѣтитъ хоть что-нибудь изъ сокрытаго во глубинѣ столѣтій. Между тѣмъ это освѣщеніе крайне желательно по отношенію къ козмодемьянскимъ Морквашамъ, которые представляютъ и современный этнографическій интересъ по такому совпаденію обстоятельствъ, которое какъ бы указываетъ на сохраненіе до настоящаго времени въ этой мѣстности безпокойнаго и неуживчиваго характера народа, а имянно: въ той самой мѣстности, гдѣ находятся „бунтующіяся" (Моргаушы) съ „подстрекателемъ" (Сыстырган)—близь села Акрамова—въ 1842 году разыгралась кровавая драма чувашскаго „*акрамовскаго бунта*" противу распоряженія „о посѣвѣ картофеля", окончившаяся пораженіемъ и разсѣяніемъ многочисленнаго сборища вооруженныхъ чувашъ высланными для усмиренія ихъ казаками и солдатами казанскаго баталіона.

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить одно замѣчаніе въ предупрежденіе могущаго послѣдовать вопроса: не происходитъ ли и самое названіе *Булгар* отъ того же *булга*, которымъ объяснено названіе *Маркваш*, съ приставкою *ар*—страна? Такъ какъ *булга* есть корень глагола (т. е. 2-е лицо повелит. накл. и значитъ: возмущайся, возмутись); то таковая формація въ названіи мѣстности наименѣе всего возможна, ибо глаголъ предъ существительнымъ при образованіи названій употребителенъ исключительно въ формѣ опредѣляющаго т. е. прошедшаго или настоящаго причастія, какъ мы это и видѣли выше въ названіяхъ *Типн-*

ѳръ, *Чиган-ар* и пр. Объ этомъ не стоило бы и говорить, если бы нельзя было ожидать такого вопроса и если бы мы не наталкивались на уродливыя объясненія названій, построенныя на сочетаніи повелительнаго наклоненія съ существительнымъ. Таковы напр., изъ числа многихъ, объясненія: г. Шарловскаго—названія татарской деревни *Кара-шам*—„смотри—свѣча" (1) и Спиридона Михайлова—чувашскаго названія села Малаго Сундыря—*Ар-Сюндерь*—„мели Сундырь или гаси Сундырь" (2). По такому образцу не трудно было бы производить и названіе *Бі-ăр* отъ корня татарскаго глагола *біĭе* и переводить его „пляши страна". Научная правда для изслѣдователя должна быть всего дороже.

(1) *Карашам*—искаженное имя *Герасимъ*.—Шарловскаго «Изюлеевская волость» Казан. Губ. Вѣд. 1873 г. № 31.

(2) «Сундырская гора» Казан. Губ. Вѣд. 1852 г. № 29.—Чувашское *ар* есть тюркское *аз* и значитъ «малый».—А. И. Артемьевъ сказалъ о Спиридонѣ Михайловѣ, что *„онъ, какъ природный чувашенинъ, зналъ превосходно языкъ своего племени"*. Такъ говорить, вѣроятно, было извинительно въ 50-хъ годахъ; но, вѣдь, это значитъ не постигать самой простой истины, что говорить природнымъ языкомъ и знать его—двѣ вещи разныя: спеціальныя научныя познанія ни кому не даются природою, а пріобрѣтаются одною лишь наукою. Да, къ сожалѣнію, и въ наше время нѣкоторые люди науки также слѣпо вѣруютъ въ какія-то *природныя познанія* инородцевъ.

ПО ПОВОДУ СООБЩЕНІЯ Н. И. ЗОЛОТНИЦКАГО:

„ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА О НАЗВАНІЯХЪ БУЛГАРЪ, БИЛЯРЪ И МОРКВАШЫ".

Г. Предсѣдателя Общества **П. Д. Шестакова.**

Признавая достоинство замѣтки Н. И. Золотницкаго, я не могу не обратить вниманія на нѣкоторую натянутость его объясненій и выводовъ и на слишкомъ строгое отношеніе къ другимъ изслѣдователямъ. Такъ н. п. онъ упрекаетъ С. М. Шпилевскаго за то, что тотъ не обратилъ вниманія еще на 4 надгробныя надписи надъ погребенными въ Булгарѣ-Бряхимовѣ съ именами сына Мусы *Булгарскаго*, сына Мансура *Булгарскаго* сына Мир-Хуссеина Насыра Булгарскаго и сына Юсуфа *Булгарскаго* и обвиняетъ С. М. Шпилевскаго въ недостаткѣ сообразительности, говоря: „если бы при томъ сообразилъ, что на прочихъ Булгаро-Бряхимовскихъ памятникахъ, какъ поставленныхъ надъ *мѣстными* Бряхимовскими жителями или потомками мѣстныхъ жителей, въ надписяхъ при именахъ покойниковъ и ихъ предковъ *нѣтъ* указаній на *мѣстопроисхожденія*(?) ихъ, въ чемъ, очевидно, и надобности не было—то онъ, С. М., вѣроятно, не отказался бы и поименованныхъ 4-хъ покойниковъ признать *пришельцами* или потомками *пришельцевъ* изъ другой мѣстности, называвшейся также *Булгаромъ*, какъ и Булгаръ-Бряхимовъ; а признавши это и согласившись, что *Булгаръ* и *Биляръ* суть только два различныя діалектныя произношенія *одного и того же* слова, онъ самъ, навѣрное, пришелъ бы къ заключенію, что поименованные 4 покойника или предки ихъ были *пришельцы* или *потомки пришельцевъ* изъ города *Биляра-Булымери*, что слѣдова-

тельно этотъ послѣдній городъ назывался и писался *Булгаромъ* и что поэтому названіе *Булгара*, относящееся къ обоимъ городамъ Бряхимову и Булымери, должно быть вполнѣ тожественно съ названіемъ *Великаго города*" и т. д. При всемъ уваженіи къ учености и трудолюбію Н. И. Золотницкаго, въ данномъ случаѣ я вынужденнымъ нахожусь признать, что онъ слишкомъ поспѣшно обвинилъ С. М. Шпилевскаго въ „возбуждающемъ будто бы сожалѣніе пропускѣ" и въ недостаткѣ сообразительности, и слишкомъ поспѣшно пришелъ къ заключенію, что погребенные, надъ могилами которыхъ находятся упомянутыя 4 надписи, непремѣнно пришельцы изъ другой мѣстности, называвшейся также Булгарами. Самъ Н. И. Золотницкій сначала признавалъ только *вѣроятнымъ*, что С. М. не откажется признать поименованныхъ 4-хъ покойниковъ пришельцами или потомками пришельцевъ, но потомъ, увлекаемый потокомъ собственной рѣчи, выражается, что С. М. *навѣрное* пришелъ бы къ заключенію, что 4 покойника или предки ихъ были пришельцы изъ города Бюляра-Булымери, что этотъ послѣдній городъ назывался и писался Булгаромъ и что *поэтому(?)* названіе Булгара должно быть вполнѣ тожественно съ названіемъ „Великаго Города". Ну а когда основаніе невѣрно, то стало быть и всѣ *слѣдовательно* и *поэтому* невѣрны. А основаніе признать вѣрнымъ трудно. А если эпитеты *Булгарскаго*, приданные въ означенныхъ 4-хъ надписяхъ Мусѣ, Мансуру, Мир-Хусейну Насыру и Юсуфу, означаютъ, что эти три лица были особенно замѣчательны, и что ихъ сограждане хотѣли въ надписяхъ увѣковѣчить, не только ихъ имена, но и ихъ родину? Родной ихъ городъ Булгаръ-Бряхимовъ гордился ими и потому при ихъ лишь именахъ означилъ, что они мѣстные *Булгарскіе* жители. Неужели, если въ Казани встрѣтите вы надгробный памятникъ съ обозначеніемъ, что погребенное лице родилось въ Казани, то слѣдуетъ изъ этого заключить, что оно родилось въ другой Казани, что слѣслѣдовательно была другая Казань и т. п.|

По моему убѣжденію, нѣтъ основанія навѣрное заключать, что поименованные 4 покойника были пришельцы, и нѣтъ нималѣйшаго основанія выводить изъ вышеозначенныхъ 4-хъ надписей, что названіе Булгара вполнѣ тожественно съ названіемъ Великаго города. Такой произвольный выводъ сдѣланъ единственно потому, что онъ былъ нуженъ Н. И.

Золотницкому для дальнѣйшаго вывода, состоящаго въ томъ, что *Биляръ* и *Булгаръ*, по мнѣнію его, означаютъ въ буквальномъ русскомъ переводѣ „*Великій Градъ*".

Первоначальнымъ названіемъ Н. И. Золотницкій считаетъ слово *Бійгеръ* или *бигеръ*, а самое это слово объясняетъ такъ „великая страна" (бійіг—äр, буйуг-аръ). Съ основаніями признанія слова *бійгеръ* первоначальнымъ и съ толкованіемъ онаго я не вполнѣ согласенъ, но объясненіе объ этомъ признаю нужнымъ отложить. Предположеніе же Н. И. о томъ, что въ Булгарскія владѣнія входилъ и Пермскій край, подтверждается, въ моихъ глазахъ, и общимъ гербомъ Перми и Булгаръ. Въ томъ и другомъ гербѣ—медвѣдь, который, какъ извѣстно, и теперь еще обожается Вогулами—язычниками, и имя котораго звучитъ въ названіи древняго Болгарскаго города *Ошелъ* (1) (Ошъ—по зырянски медвѣдь; ѣль молоко), какъ въ названіи древняго булгарскаго селенія *куль* (2) можно видѣть Зырянскаго куля—діавола, поклоненіе которому несомнѣнно было въ Булгарской сторонѣ, и который въ образѣ крылатаго дракона является въ Казанскомъ гербѣ, а за тѣмъ, послѣ покоренія Казанскаго царства, и въ гербѣ Московскомъ у ногъ лошади *ѣздца*, подъ копьемъ Великаго князя Московскаго.

(1) Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Каз. губ. С. М. Шпилевскаго стр. 151—151.

(2) Ibid. 142—143.

КТО БЫЛИ ДРЕВНІЕ БУЛГАРЫ?

(замѣтка по поводу толкованія Н. И. Золотницкимъ значенія слова булгаръ).

Г. Предсѣдателя Общества Н. Д. Шестакова.

Эта замѣтка написана мною еще въ прошломъ году, не читана же тогда потому, что я желалъ прочитать ее въ присутствіи Н. И. Золотницкаго, противъ мнѣнія котораго она направлена; но такъ какъ Н. И. Золотницкій по болѣзни не посѣщалъ засѣданій нашего общества, то я и откладывалъ чтеніе замѣтки. И вотъ мнѣ пришлось читать ее уже тогда, когда смерть отняла у насъ почтеннаго нашего сочлена. Н. И. Золотницкій долго и съ пользою трудился въ дѣлѣ образованія инородцевъ и въ качествѣ члена совѣта братства св. Гурія, и въ качествѣ инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго Учебнаго Округа. Онъ любилъ чувашъ, среди которыхъ прошло его дѣтство и съ языкомъ которыхъ онъ освоился еще въ лѣта дѣтства и юности. Этою любовію къ чувашамъ объясняется, по моему убѣжденію, и стараніе Н. И. Золотницкаго выдвинуть любимое имъ племя и сдѣлать его преобладающимъ племенемъ древней Булгаріи, или, какъ онъ самъ выражался, „Булгарскаго союза" (1); Булгаръ и Чувашъ онъ признавалъ „господствовавшими здѣсь (въ Восточномъ краѣ Европейской Россіи) и значительными численностію туземцами" (2). По духу своему Н. И. Золот-

---

(1) Корневой чувашско-русскій словарь составленъ Н. И. Золотницкимъ. Казань. 1875 года. стр. 265.

(2) Тамъ же стр. 246.

ницкій былъ миссіонеръ, и вся его дѣятельность направлена была къ тому, чтобы утвердить чувашъ въ вѣрѣ Христовой. Съ этою цѣлію онъ занялся переводомъ священнаго писанія на чувашскій языкъ. Съ этою цѣлію онъ принялся и за составленіе чувашскаго словаря; но самая работа и указанія филологовъ свели его, такъ сказать, съ перваго предначертаннаго имъ пути и его словарь вышелъ ученымъ трудомъ, словаремъ сравнительнымъ, „корневымъ чувашско-русскимъ словаремъ, сравненнымъ съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ Тюркскаго, Финскаго и другихъ племенъ". Этотъ трудъ его былъ оцѣненъ ученымъ міромъ и озолотилъ закатъ его скорбныхъ дней почетною медалью, данною ему Русскимъ Географическимъ Обществомъ. За чувашскимъ словаремъ онъ предполагалъ издать словарь черемисскій; но тяжкая болѣзнь, подтачивавшая уже давно его здоровье и отравившая особенно послѣдніе годы его жизни, свела его въ безвременную могилу. Миръ его праху!

Въ одномъ изъ общихъ собраній нашего общества Н. И. Золотницкій читалъ рефератъ, въ которомъ старался доказать что названіе Булгаръ означаетъ великій городъ и что это слово сложено изъ *бюйюкъ* важный, великій и *ар*, *ер* мѣсто, страна. *Бюйюк-еръ*, по его мнѣнію, слилось въ *бигеръ*, а бигеръ—древнее названіе Булгара, каковымъ именемъ и теперь еще называютъ татаръ Вотяки ([1]). Въ этомъ рефератѣ Н. И. Золотницкій высказывалъ свое мнѣніе о происхожденіи имени Булгаръ только въ видѣ предположенія, а потому, думаю, его мнѣніе и не вызвало особенно настойчивыхъ возраженій. Но, какъ нерѣдко бываетъ, высказанное сначала скромно въ видѣ предположенія, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, обращается въ категорическое утвержденіе подобно тому, какъ слухъ, сначала темный и робкій, съ теченіемъ времени выдается за несомнѣнную истину. Такъ сталось и съ мнѣніемъ о значеніи слова Булгаръ: высказанное сначала какъ предположеніе значеніе имени Булгаръ, Бигеръ—великая страна, великій городъ послѣ самимъ же Н. И. Золотницкимъ выдавалось какъ несомнѣнный фактъ. Въ изданной подъ его редакціею брошюрѣ „Ознакомленіе съ фонетикой и формами чувашскаго

([1]) Корневой чувашско-русскій словарь стр. 245.

языка“ (стр. 28) Н. И. Золотницкій уже категорически говоритъ: „Булгаръ, по другому діалектическому произношенію Буляръ, Биляръ въ дословномъ переводѣ значитъ „Великая страна“. Названіе перешло на народъ и потомъ на городъ. Въ отношеніи къ городу слово Булгаръ, Биляръ значитъ столица. Въ русскихъ лѣтописяхъ вмѣсто Буляръ—городъ почти вездѣ говорится „Великій градъ“.

Подтверждается ли приведенное мнѣніе о значеніи слова Булгаръ авторитетомъ русскихъ лѣтописей? Дѣйствительно ли слово Булгаръ въ дословномъ переводѣ означаетъ великая страна? Вотъ вопросы, которые представляются намъ при чтеніи приведенныхъ словъ Н. И. Золотницкаго. По моему мнѣнію, авторитетъ рускихъ лѣтописей тутъ нисколько не помогаетъ и помочь не можетъ. Что русскія лѣтописи называютъ Булгаръ великимъ городомъ, это можетъ служить доказательствомъ только того, что Булгаръ былъ дѣйствительно большимъ и знатнымъ городомъ, а вовсе не того, что имя Булгаръ означаетъ великій городъ. Разсуждая такъ, пришлось бы признать, что имя *Roma* (Римъ) означаетъ *городъ*, такъ какъ у древнихъ римскихъ писателей Римъ назывался просто urbs, какъ бы городъ по преимуществу. Производство имени Булгаръ или Бигеръ отъ бюйюкер во 1-хъ произвольное, во 2-хъ не имѣетъ филологическаго основанія, потому что никакими законами перехода звуковъ не объяснится образованіе бигер—изъ бюйюк-ер. Да если бы и можно было образовать, то основывать выводы на одномъ производствѣ словъ весьма рискованно и можетъ повести къ большимъ ошибкамъ и заблужденіямъ. Приведу здѣсь слова извѣстнаго Миллера изъ его описанія живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ (¹): „Учинившійся изданіемъ Россійской ландкарты и описаніемъ сѣверной и восточной части Европы и Азіи знаемымъ г. Стралембергъ пишетъ, что помянутой городъ (т. е. Булгаръ) прямо надлежитъ называть *Бумганъ*, а не Булгаръ, потому что первое званіе на татарскомъ языкѣ значитъ лагерь ханской валомъ обведенной; того ради и на ландкартѣ означилъ онъ остатки помянутаго мѣста подъ именемъ rudera urbis Bulgan, т. е. остатки города *Бумгана*.

(¹) Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ яко то: Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ, сочиненное Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, по возвращеніи его въ 1743 году изъ камчатской экспедиціи. Спб. 1791 года.

Но сіе должно считать между прочими отъ чрезмѣрнаго послѣдованія произвѐденію словъ происходящими погрѣшностями, ибо восточныхъ странъ писатели, изъ которыхъ Гербелотъ нѣсколько приводитъ, всегда пишутъ Булгаръ". Мы видимъ, что и академикъ Миллеръ противъ чрезмѣрнаго послѣдованія произведенію словъ, отъ котораго происходятъ погрѣшности. И въ самомъ дѣлѣ, опираясь только на производство словъ, какихъ значеній нельзя приписать имени Булгаръ. Желающій въ Булгарахъ видѣть славянъ производитъ это имя отъ рѣки Волга и читаетъ оное Волгары; желающій видѣть черемисъ произведетъ отъ *Гул* - Волга и *ар* малый, молодой, что будетъ означать тоже, что и Волгаръ—волжскаго человѣка; желающій видѣть Зырянъ или Пермяковъ произведетъ отъ *ю* рѣка и *гортъ* домъ или *каръ*—городъ, что будетъ означать рѣчной городъ, и можетъ быть пожалуй сопоставлено съ татарскимъ *булаг-еръ*—рѣчная земля, а булаг-ер легко сократился въ булгер, бургар- и т. п. Всѣ эти объясненія столь же основательны, сколько и объясненіе Н. И. Золотницкаго, но нисколько не рѣшаютъ вопроса о значеніи слова Булгаръ. Рѣшенію этого вопроса могло бы способствовать рѣшеніе другаго вопроса: кто далъ такое имя Болгарамъ, сами-ли себя они такъ называли или ихъ звали этимъ именемъ другіе народы; искони ли они такъ назывались, или получили это названіе послѣ, по какому либо особому случаю? Если они сами себя называли Булгарами, то корня этого слова слѣдуетъ искать въ языкѣ господствующаго въ древней Булгаріи племени. Но здѣсь-то именно и представляется затрудненіе, состоящее въ неизвѣстности, какое племя скрывается подъ именемъ Булгаръ и одно ли было это племя. Восточные писатели и русскіе лѣтописцы называютъ это племя Булгарами, Византійскіе временники называли этотъ народъ Оногундурами, что напоминаетъ намъ Ун-угаръ (Великихъ Угровъ) и Котрагами, слово, переиначенное, можетъ быть, изъ Коми-отиръ (Камскій народъ, Пермяки). Я дѣлаю сопоставленіе имени Оногундуръ съ Унугарами и Котраговъ съ Комиотирами потому, что корня этихъ словъ въ греческомъ языкѣ мы не находимъ, а такъ какъ безсмысленнаго названія Греки цѣлому народу дать не могли, то и есть основаніе предполагать, что оно только переиначенное названіе того имени, какое эти народы давали сами себѣ. А что изъ Унугаръ Византійскіе хронографы могли сдѣлать Оногундуръ, а изъ Комиотировъ Кот-

раговъ, т. е. переиначить названія, то интересный примѣръ такого переиначенія представляютъ названія славянскихъ буквъ у Константина Порфиророднаго. Такъ глаголь онъ называетъ *γλάωδ*, есть—*γεεςτι*, твердо (*ντεβὲρδω*), фертъ—*φερωτ*, ять—*γέατ* и т. п. ([1]).

Константинъ Порфирородный въ сочиненіи своемъ, цитируемомъ ниже ([2]), говоритъ: „И Булгарія, и самый Истръ, и знаменитая гора, называемая Гемосъ, идущая до самаго моря, суть части Ѳракіи, теперь же чужія. Эта часть Ѳракіи поставлена была подъ власть Константинопольскаго Императора, и въ ней до сего времени не было правителя. А съ тѣхъ поръ какъ ненавистное Богу Булгарское племя (*τo θεομίσητον τῶν Βουλγάρων ἔθνος*) перешло черезъ рѣку Истръ, самъ Императоръ вторженіемъ Скифовъ и Булгаръ вынужденъ былъ ввести порядокъ въ эту часть Ѳракіи и поставить въ ней правителя. Произошелъ же переходъ варваровъ чрезъ Истръ рѣку въ концѣ царствованія Константина Погоната. Тогда и это имя ихъ сдѣлалось извѣстнымъ, прежде же ихъ называми Оногундурами".

Изъ этихъ словъ Константина Порфиророднаго мы видимъ, что Булгарское племя перешло рѣку Дунай въ концѣ царствованія Константина Погоната, который царствовалъ съ 668—685 годъ, и что только съ этого времени сдѣлалось извѣстнымъ имя Булгаръ, прежде же ихъ называли Оногундурами (*Ὀνογουνδούρους*). Землю, въ которой жили эти Оногундуры Константинъ Порфирородный называетъ черною Вулгаріею (*μαυρη Βουλγαρία*) ([3]). Вѣрно-ли слово *μαύρη* переведено черная? *Μαῦρος* (или *ἀμαυρός*) значитъ темный, неясный, неизвѣстный. Я полагаю, что этимъ послѣднимъ словомъ вѣрнѣе перевести *μαύρη*—неизвѣстная

([1]) Constantinus Porphyrogenitus de thematibus et de administrando imperio recoguovit Immanuel Bekkerus. Bonnae. MDCCGXL., стр. 363: *ἆς* (азъ), *μπούκη* (буки), *βέτδ* (вѣди), *γλάωδ* (глаголь), *δοπρῶ* (добро), *γέεςτι* (есть), *ζήβητ* (живете), *ζελῶ* (зело), *ζεπλέα* (земля), *ἥ* (иже), *ζεῆ* (и), *κάκο* (како), *λουδία* (люди), *μῆ* (мыслете), *νᾶς* (нашъ), *πόκοη* (покой), *ρετζίη* (рцы), *σθλοβω* (слово), *ντεβερδω* (твердо), *ἥκ* (укъ), *φερωτ* (фертъ), *χερ* (хѣръ), *ὦτ* (отъ), *τζῆ* (цы), *τζέρβη* (червь), *σάα* (ша), *σ'θία* (ща), *γέορ* (еръ), *γερῆ* (еры), *γέρ* (ерь), *γέατ* (ять), *γίου* (ю), *γέους* (юсъ), *γέα* (я).

([2]) Gonstansinus Porphyrogenitus de Thematibus и т. д. стр. 45 и 16.

([3]) Тамъ же стр. 130.

или малоизвѣстная. Мнѣ приходитъ на мысль, не передѣлано ли μαγ'ρη Константина Порфиророднаго изъ Мари, а этимъ именемъ и теперь еще называютъ себя черемисы (Мари значитъ люди, жители). Слово Мари напоминаетъ намъ извѣстное въ нашихъ лѣтописяхъ племя Меря. Можетъ быть, въ числѣ племенъ, населявшихъ Булгарію, были и Мари.

Левъ Діаконъ пишетъ: „Булгары (Дунайскіе) называются и Мизійцами. Говорятъ, что Мизійцы произошли отъ самыхъ сѣверныхъ народовъ (ὑπερβορέων) Котраговъ, Хазаровъ и Хумановъ. Блуждая по Европѣ, они заняли ее и поселились въ ней во время царствованія Константина, которому прозвище Погонатъ" (¹).

Извѣстный своею многостороннею эрудиціею Никифоръ Грегора (²) въ своей Византійской исторіи, изложивъ о вторженіи Булгаръ во Ѳракію, говоритъ: „Теперь я объясню, откуда получила имя Булгарія. Есть страна, лежащая по ту сторону и сѣвернѣе Истра, и рѣка чрезъ нее протекаетъ Булга, отъ нея и сами туземные жители получили названіе Булгаръ, а сначала были они Скиѳы. Оттуда съ дѣтьми и женами переселились они сюда въ то время, когда язва иконоборства напала на благочестивыхъ. Перешли они рѣку Истръ въ громадномъ числѣ и распространились по обѣимъ Мизіямъ. Подобно саранчѣ или молніи охватили они Македонію съ лежащею по ту сторону Иллиріею,—понравились имъ здѣшнія удобства". По распространеніи имени этого народа и страна прозвана Болгаріею". На страницахъ 30—35 Никифоръ Грегора описываетъ Скиѳовъ, „Народъ многочисленнѣйшій (πολυανθρωποτατον), живущій гораздо сѣвернѣе всѣхъ народовъ. Гомеръ называетъ ихъ молокоядными (γαλάκτοφάνους), бѣдными и справедливѣйшими изъ людей. У нихъ не было изобрѣтено ни искусства поваровъ ни роскоши стола. О воздѣлываніи земли и насажденіяхъ они даже и во снѣ не мечтали. Пищей имъ служили сама по себѣ произрастающая трава, кровь и мясо подъяремныхъ и другихъ животныхъ. Дикія животныя и птицы, которыхъ они ловили, служили имъ безъискусствен-

---

(¹) Leonis Diaconi. Hasii Bonnae. MDCCCXXVIII. 103. 20. Здѣсь Левъ Діаконъ говоритъ о Дунайскихъ Булгарахъ.

(²) Nicepcorae Gregorae Bysantina historia cura Ludovici Schopeni. Bonnae. MDLCCXXIX. стр. 26 и 27.

ною пищею. Платье недѣланное—шкуры животныхъ. Серебро и золото, жемчугъ и самоцвѣтные камни были для нихъ не дороже пыли. Не было у нихъ никакихъ народныхъ торжественныхъ игръ, никакихъ зрѣлищъ, возбуждающихъ честолюбіе, —но царила полная отчужденность ото всего подобнаго, жизнь безъ всякихъ волненій и т. д. Названія различныя даютъ имъ древніе мудрецы: Гомеръ называетъ ихъ Киммерійцами, Геродотъ разнородными Скиѳами, Плутархъ Кимврами и Тевтонами, называютъ ихъ такъ, не довѣряя себѣ, съ сомнѣніемъ, ибо настоящее ихъ названіе можно было бы узнать только изъ ихъ языка. А называющіе ихъ греческими именами, каждый зоветъ по своему ихъ, которые, подобно бурному потоку, нахлынули на нашу землю. Какъ часто насылаются Богомъ на людей ужасы: молніи и пожары, проливные дожди, землетрясеніе и разверзаніе земли, тифоны и бури, такъ и эти, такъ сказать, сѣверныя страшилища посланы Богомъ, какъ бичъ и наказаніе. Изъ нихъ нѣкоторые, оставивъ свое отечество, опустошили многія страны и наложили ярмо рабства на многіе народы, какъ разливъ великаго моря затопляетъ и уничтожаетъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути. Выходя изъ родины нагими и бѣдными, они измѣняютъ свой образъ жизни, подражая обычаямъ тѣхъ, гдѣ они получаютъ осѣдлость. Какъ рѣки, сбѣгающія съ высочайшихъ горъ и вливающіяся въ море, не тотчасъ у берега измѣняютъ свою годную для питья воду въ соленую, но еще далеко въ морѣ текутъ безъ смѣси, а потомъ уже смѣшиваются съ солью, уступая силѣ болѣе обильной воды, такъ и Скиѳы: тѣ, которые поселились ближе всѣхъ къ древней Скиѳской землѣ, сохранили неизмѣненнымъ свое названіе, ибо и сами называются Скиѳами, и земля, питающая ихъ, зовется Скиѳской землей; а другіе Скиѳы, послѣ многихъ вѣковъ вышедшіе изъ великаго первоначальнаго источника, дѣлятся на двѣ части—одни, сокрушившіе азіятскихъ Савроматовъ, дошедшіе до Каспійскаго моря, позабыли даже и имя отеческое, и называются Савроматами, Массагетами, Меланхленами;—другіе же, отправившіеся въ Европу, измѣнили свои имена на имя Сарматовъ, Германцевъ и т, д.

И такъ, по свидѣтельству Никифора Грегора, племя, занявшее земли по Дунаю, прежде называлось Скиѳами (*Σκῦϑαι*—Чудь), а потомъ прозвалось Булгарами по име-

ни большой рѣки, которую туземцы называли Булга или Вулга. Въ этой рѣкѣ не трудно узнать нашу Волгу, которая вѣроятнѣе всего носитъ славянское имя Волога, Влага, вода по преимуществу и названа такъ славянами, можетъ быть, первоначально въ своихъ верховьяхъ. Въ произношеніи Тюркскихъ племенъ Волга измѣнилась въ Болга, Булга, откуда городъ построенный на берегу, рѣки, прозвался Булгаръ ([1]), народъ Булгарами, а страна Булгаріей. Но сами себя туземцы этой страны называли иначе, по своему; имя Булгаръ стало извѣстно Византійцамъ только со времени занятія Дунайскихъ земель многочисленными пришельцами съ рѣки Волги,—съ этихъ то поръ Волжскіе Скиѳы получили названіе Булгаръ, такъ говорятъ Византійскія хроники.

Съ особенною подробностію о разселеніи Булгаръ, Оногундуровъ и Котраговъ говоритъ Ѳеофанъ въ своей хронографіи ([2]) подъ 671 годомъ.

„Въ этомъ году умеръ Мавій, первый царь Сарацинъ апрѣля мѣсяца въ 6 день, былъ онъ вождемъ своего народа 20 лѣтъ. Послѣ него вождемъ сдѣлался сынъ его Изидъ. Въ это-то время вторгнулось во Ѳракію Болгарское племя. Необходимо сказать и о прежней жизни Оногундуровъ, Булгаровъ и Котраговъ. Въ сѣверныхъ по ту сторону лежащихъ частяхъ Евксинскаго понта есть такъ называемое Меотійтійское болото, въ которое впадаетъ великая рѣка, текущая изъ океана по Сарматской землѣ, по имени Аталъ ([3]) въ

([1]) *Булгаръ* можетъ быть сложное изъ Булга-яръ *яр*: по татарски берегъ, названіе города Черноярскъ вѣроятно дословный переводъ татарскаго Караяръ.

([2]) Theophanis Chronographia. Bonnae. MDCCCXXXIX. 545—547.

([3]) Въ Animadversiones Bondarii на вышеуказанное сочиненіе Константина Порфиророднаго мы читаемъ: Patzinacitae, qui et Patzinacae, a principio incoluerunt antiquam magnamque Bulgariam circa flumen Atel dictum, quod Theophani Atalis dicitur, et Edel tartarice, a Rutenis vero seu Wolga appellatur, olim Ra Ptolemeo, (стр. 367). Арабскій писатель Ибн-Хордадбе (въ 60 или 70 годахъ IX вѣка) называетъ Волгу рѣкою Славоніи (сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ-Гаркави. Спб. 1870 г. стр. 49). *Ра* по персидски путь, дорога. Это названіе Волга и теперь еще удержала въ Мордовскомъ языкѣ: Мордва называетъ Волгу *Рау*, произносится *Рав*.

нее впадаетъ такъ называемая Танаисъ-рѣка, выходящая отъ Иберійскихъ воротъ, что въ Кавказскихъ горахъ. Отъ сліяже Танаиса и Атала (Аталъ отдѣляется выше Меотійскаго болота) происходитъ такъ называемая Куфисъ рѣка и впадаетъ у конца Понтійскаго моря близь мертвыхъ воротъ (Νεκροπυλῶν) у мыса, именуемаго лицемъ барана (κριοῦ πρόσωπον). Отъ сказаннаго выше болота море, подобное рѣкѣ, впадаетъ въ заливъ Евксинскаго понта чрезъ Боспоръ и Киммерійскую область. Въ этой рѣкѣ ловится Мурзулій и подобныя ей рыбы. У восточной части лежащаго впереди залива близь Фанагуріи и живущихъ тамъ Евреевъ расположены многія племена. Отъ того же самаго болота къ предѣламъ рѣки Куфиса, гдѣ ловится Булгарская рыба Ксистъ, расположена Великая Булгарія; тамъ же такъ называемые Котраги, одноплеменные съ Булгарами. Во времена Константина Кробатъ, повелитель сказанной Булгаріи и Котраговъ, скончался, оставивъ пять сыновей. Онъ завѣщалъ имъ отнюдь не выходить съ родины и не отдѣляться другъ отъ друга, чтобы самимъ всегда быть повелителями и не подпасть въ рабство другому народу. Немного времени спустя послѣ его смерти эти пять его сыновей разсорившись разошлись, каждый съ подвластнымъ ему народомъ. Старшій сынъ Батбайянъ, занявъ восточную часть отцовскихъ владѣній, остался въ своей родинѣ до сего времени. Второй братъ по имени Котрагъ, передши рѣку Донъ, поселился напротивъ старшаго брата. Четвертый и пятый перешли рѣку Истръ или Дунай, и, одинъ изъ нихъ вошелъ въ Паннонію Аварскую и подчинившись Аварскому Хагану, остался тамъ со своею силою; а другой, занявши Пентаполисъ у Равенны, призналъ власть царя христіанъ. За тѣмъ третій братъ, по имени Аспарухъ, перешедши Днѣпръ, Днѣстръ и занявши Олгу (эти рѣки сѣвернѣе Дуная), поселился между Дунаемъ и этими рѣками, признавъ это мѣсто безопаснымъ и трудноодолимымъ со всѣхъ сторонъ; ибо спереди было оно болотистое, а съ другихъ сторонъ окружено рѣками и потому представляло большую безопасность отъ непріятелей для народа ослабленнаго отдѣленіемъ (отъ своихъ собратьевъ).

Послѣ раздѣленія ихъ на пять частей и вслѣдствіе этого ослабленія вышедшее изъ внутреннихъ странъ Вердзиліи, что прежде Сарматія, великое племя Хазаровъ овладѣло всею

страною до Каспійскаго моря, сдѣлало своимъ данникомъ старшаго брата Батбайяна, властителя первой Булгаріи, и беретъ съ него дань до сегодня. А царь Константинъ, услышавъ, что народъ нечистый и грязный разбилъ свои шатры по ту сторону Дуная и Олги рѣки, что онъ опустошаетъ прилежащія къ Дунаю земли, и что страною, которою прежде владѣли христіане, завладѣлъ этотъ народъ, сильно опечалился".

Изъ этого мѣста Өеофана мы можемъ видѣть, гдѣ первоначально, по его мнѣнію, жили Оногундуры, Булгары и Котраги, при чемъ невольно обращаетъ наше вниманіе указаніе на сліяніе Атала или Волги съ Дономъ. Не соединялись ли эти рѣки въ то время? Изъ мѣста своего пребыванія, эти племена, имѣвшія разныя названія и состоявшія подъ властью князей одного рода (какъ здѣсь сыновей Кробата), разселились по разнымъ странамъ, и часть ихъ подъ предводительствомъ третьяго сына Кробатова Аспаруха поселилась между Дунаемъ, Днѣстромъ и Олгою. И Өеофанъ говоритъ тоже, что и другіе, что переселеніе этого племени съ Аспарухомъ совершилось въ царствованіе Константина. Годъ, подъ которымъ разсказывается объ этомъ событіи, 671-й объясняетъ, что этотъ Константинъ былъ Константинъ Погонатъ, о которомъ говорятъ и Левъ Діаконъ и Константинъ Порфирородный.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ мною выдержекъ изъ Византійскихъ хронографовъ есть основаніе заключить, что ставшія въ послѣдствіи извѣстными подъ именемъ Булгаръ племена носили въ древности въ Маури Булгаріа (въ *малоизвѣстной* Булгаріи) имя Оногундуровъ, Котраговъ, а еще древнѣе Киммерійцевъ и Сарматовъ, что всѣ эти племена почитались Скиѳами, что они получили прозваніе Булгаръ въ VII вѣкѣ по Р. Х. При этомъ не могу не замѣтить, что *Маури* звучитъ сходно съ *Мари*, *Оногундуры*, какъ я выше сказалъ, напоминаетъ *Унгаровъ*—Великихъ Угровъ, *Котраги* (Котиры) можетъ быть сопоставлено съ *Комиотирами* (такъ называютъ себя Пермяки и Зыряне), *Киммерійцы*—можетъ быть, измѣненное *чи-мари* или *кересъ-мари* (чимари и теперь еще называютъ себя некрещеные черемисы), имя *Сарматы* созвучно съ *сярмысъ*, какъ еще въ настоящее время называютъ Черемисъ Чуваши, а *сярмысъ*, по объясненію Н. И. Золотницкаго, означаетъ во-

ниственный. Вспомнимъ, что, по свидѣтельству Арабскихъ писателей, въ то время, когда пришли въ Булгарію посланники Магомета, Булгарскимъ царемъ былъ Айдаръ-Ханъ изъ черемисъ. Не показываетъ ли это, что въ большой или великой Булгаріи на Волгѣ жили Скиѳскія, Чудскія, Финно-Угорскія племена, Унугары, Комиотиры (Зыряне, Пермяки, Вотяки, Вогулы, Черемисы). Къ этимъ племенамъ въ давнее время примѣшалось Тюркское (Чуваши) и Славянское племя, оставшееся здѣсь, быть можетъ, отъ первоначальнаго движенія народовъ. Арабскій писатель Ибн-фодланъ, бывшій въ посольствѣ, посланномъ къ новообращеннымъ въ мусульманство Волжскимъ Булгарамъ въ 922 году, называетъ Булгаръ городомъ Славянъ. По показанію Шемседдина Демешки, Булгары сами на вопросъ, предложенный имъ въ Багдадѣ: „изъ какого вы народа и что такое Булгаръ", отвѣчали: „народъ смѣшанный изъ Тюрковъ и Славянъ". Слѣд. вѣроятно съ Финнскими племенами въ Булгарскомъ царствѣ сливались Тюркскія и Славянскія, большинство послѣднихъ быть можетъ, удалилось съ Аспарухомъ къ Дунаю рѣкѣ и основало Болгарское царство изъ владѣній Византійской имперіи. Чувашскія слова, найденныя въ извѣстіи о преемникахъ Аспаруха, не могутъ служить доказательствомъ, что пришельцы были Чуваши, а показываютъ только, что въ средѣ Славянъ, пришедшихъ съ Аспарухомъ въ области Византійской имперіи, были и Чуваши, на присутствіе которыхъ среди Волжскихъ Булгаръ указываютъ и надписи на многихъ памятникахъ Булгарскихъ городищъ. Шафарикъ на основаніи того, что окончаніе на *гары*, *горы*, *гуры* и *гиры* встрѣчается часто въ именахъ племенъ Финно-Уральскихъ, какъ н: п. Унгары, Утригуры, Кутригуры, Сарагуры и т. п. заключаетъ, что и имя Булгаръ того же происхожденія. У Волжскихъ и Дунайскихъ Булгаръ, говоритъ Гаркави [1], смѣшеніе, Славянскаго племени съ Тюркскимъ или Финнскимъ привело къ противоположнымъ результатамъ: у первыхъ Турки взяли перевѣсъ, а у вторыхъ Славяне". По моему мнѣнію, такая разница могла произойти отъ того, что славянскій элементъ Волжской Булгаріи былъ сильно ослабленъ уходомъ съ Аспарухомъ большой массы Сла-

---

[1] Сказанія Мусульманскихъ писателей Гаркави, стр. 85 и 105.

вянъ въ Дунайскую Болгарію, и что въ ушедшей массѣ тюркскихъ и Финнскихъ элементовъ было несравненно менѣе, чѣмъ элемента славянскаго.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести: 1) что Волжскую Булгарію населялъ въ древности союзъ племенъ Славянскихъ, Тюркскихъ и Финно-угорскихъ, что названіе страны Булгарія происходитъ отъ имени рѣки Волга, по тюркскому произношенію Булга и *яр* берегъ или *ар* человѣкъ; 3) что большая часть Славянскаго племени, входившаго въ составъ древней Волжской Булгаріи, вышла съ Аспарухомъ и заняла часть Византійской Имперіи; 4) что среди этихъ выходцевъ Финновъ и Тюрокъ было вѣроятно незначительное число, и потому на Дунаѣ выходцы основали славянское царство, а на Волгѣ перевѣсъ остался за тюркскими и финно-угорскими племенами.

Представляя эту замѣтку, я почитаю долгомъ присовокупить, что я не выдаю своихъ выводовъ за непреложную истину, что высказанныя мною заключенія, можетъ быть, не болѣе какъ смѣлыя предположенія, особенно тѣ выводы, которые обоснованы на созвучіи словъ и именъ народовъ. Но я дозволилъ себѣ допустить смѣлое сопоставленіе *μαύρη* (Маури) съ Мари, Оногундуровъ съ Унугурами, Котраговъ (Котировъ) съ Коми-отирами, Киммерійцевъ съ Чимари и Кересмари, Сарматовъ съ Сярмысъ единственно потому; что, кромѣ созвучія, за это сопоставленіе говорятъ показанія Арабскихъ и Византійскихъ писателей, настоящее положеніе здѣшней страны, и тѣ находки, которыя здѣсь дѣлаются. Вся бывшая булгарская страна полна Финно-угорскими названіями мѣстностей, древнія находки и древніе могильники носятъ характеръ чудскихъ находокъ и чудскихъ могильниковъ. Съ принятіемъ нашихъ предположеній понятны будутъ и новые результаты изслѣдованій г. Европеуса, и слова Ейхвальда, сказанныя имъ объ Ананьинскомъ могильникѣ, въ которомъ, по мнѣнію Ейхвальда, погребены Скифы и предшественники происшедшихъ изъ того же племени Гунновъ, которые подъ именемъ Угорской или Югорской чуди занимали главныя долины сѣвернаго Урала, оттуда пошли на Югъ и подъ именемъ Угровъ поселились на Дунаѣ". Съ принятіемъ нашихъ предположеній понятны будутъ и финнскія находки и чувашскія надписи на памятникахъ Булгарскихъ городищъ, понятно будетъ, почему

выходцы изъ Волжской Булгаріи основали на Дунаѣ Славянское Болгарское царство.

Съ Дунайскимъ Булгарскимъ царствомъ, мнѣ кажется, повторилась исторія Волжской Булгаріи. Какъ Волжская Булгарія въ древности, даже у Арабскихъ писателей, слыла Славоніей, а рѣка Волга прозывалась рѣкою Славоніи, а потомъ заметенъ былъ и слѣдъ Славянства въ Великой Булгаріи, и сначала Финнское, а за тѣмъ Тюркское и Татарское племена утвердили господство на берегахъ Волги до тѣхъ поръ, пока могущественное славянское племя не возвратило себѣ обладанія своею родною славянскою рѣкою; такъ и въ Дунайской Болгаріи Славянское царство, нѣкогда наводившее страхъ на Византійскую Имперію, подпало подъ власть Турокъ, и лишь недавно освободилось изъ подъ-ярма, благодаря дорогой, ручьями пролитой крови того же могучаго славянскаго племени, которое освободило изъ-подъ татарскаго владычества славянскую рѣку Волгу

ЗАМѢТКИ

О ГОРОДКАХЪ, КУРГАНАХЪ И ДРЕВНИХЪ ЖИЛИЩАХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ И О ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ НИХЪ НАХОДКАХЪ.

(*Продолженіе*) ([1]).

Дѣйствительнаго члена И. А. Износкова.

Въ первой статьѣ составляемыхъ мною во время поѣздокъ по Казанской губерніи замѣтокъ было уже высказано, что, не ручаясь за полную достовѣрность свѣдѣній получаемыхъ отъ крестьянъ, я, тѣмъ не менѣе, полагаю, что свѣдѣнія эти могутъ быть не безполезны до тѣхъ поръ, пока объ археологическихъ памятникахъ Казанской губерніи не будутъ собраны болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія. Считая пріятною обязанностію для себя выразить мою искреннюю благодарность члену Совѣта нашего Общества П. А. Пономареву за принятой имъ на себя трудъ провѣрить во время своей экскурсіи лѣтомъ 1880 года добытыя мною свѣдѣнія, пополнить ихъ и исправить вкравшіяся въ нихъ неточности, я на столько же искренно былъ бы благодаренъ, если бы и другія лица, имѣющія возможность провѣрять на мѣстѣ, доставляли мнѣ лично, или въ Общество, свои исправленія и дополненія къ собираемымъ мною свѣдѣніямъ.

Желая дать болѣе точныя указанія мѣстъ гдѣ находятся древніе памятники, я привожу въ этой статьѣ всѣ названія селеній, при которыхъ эти памятники находятся, разстояніе этихъ селеній отъ города и возможно точное положеніе ихъ.

Казанскій уѣздъ. Село *Столбищи*, *Гурьево*. На Оренбургскомъ почтовомъ трактѣ, въ 18 вер. отъ города; жители русскіе. Названіе села—Столбищи—указываетъ на

([1]) См. «Извѣстія» томъ I стр. 110 и 124 и томъ II стр. 103.

недавнее возникновеніе его на „столбовой“ дорогѣ; Гурьевымъ же оно названо въ честь Казанскаго Святителя Гурія. Въ селѣ есть озеро „Кирби“ по берегамъ котораго до покоренія Казани жили татары, выселившіеся впослѣдствіе въ Лаишевской уѣздъ и основавшіе деревню Кирби (Татарскія, между большимъ почтовымъ и старымъ торговымъ трактами, въ 25 вер. отъ г. Лаишева.)

С. Никольское, Караево. По правую сторону Оренбургскаго почтоваго тракта, въ 30 вер. отъ города; жит. русскіе, въ числѣ ихъ нѣсколько раскольниковъ. Судя по названію—Караево—можно предполагать, что основатели села были черемисы. Въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ сь такимъ же названіемъ встрѣчается нѣсколько черемисскихъ селеній. Въ селѣ есть озеро „Попово“ или, по списку населенныхъ мѣстъ, „Гусиное болото“. По берегамъ его болѣе 300 лѣтъ назадъ тому была татарская деревня; сохранилось преданіе, что какая-то татарка бросила въ это озеро разческу и гребень и съ тѣхъ поръ оно заросло травою. Въ прошедшемъ году, когда озеро разчищали, въ немъ была найдена татарская посуда: мѣдные кулганъ, подносъ и чашка. Въ 4-хъ вер. отъ села по направленію къ Оренбургскому почтовому тракту есть озеро „Чердаки“, на берегахъ котораго тоже было когда-то селеніе; при распахиваніи земли вокругъ озера находили напрясла и черепки глиняной посуды.

Спасскій уѣздъ. Деревня *Христофоровка, Русскіе Измери.* На почтовомъ трактѣ изъ г. Спасска въ г. Лаишевъ, при р. Ахтаѣ, отъ гор. въ 25 вер.; жит. русскіе. Первое названіе деревни дано по имени бывшаго помѣщика, а второе потому, что крестьяне около 90 лѣтъ назадъ тому были выселены сюда изъ разныхъ селеній Спасскаго и Тетюшскаго уѣздовъ на землю, купленную у татарскихъ мурзъ сосѣдней съ этою деревнею деревни Татарскіе Измери. О древнихъ памятникахъ, окружающихъ эту деревню, упоминается въ книгѣ С. М. Шпилевскаго (Древніе города и пр.) стр. 324 и 325; нашему Обществу представлены также чертежи ихъ, составленные членомъ—сотрудникомъ Н. Н. Вечеславомъ. Крестьяне даютъ этимъ памятникамъ или такъ называемымъ „стариннымъ жилищамъ“ разныя названія, а именно: 1) „Калинникъ или середняя грива“, на которой около десяти лѣтъ тому назадъ однимъ изъ крестьянъ былъ найденъ кладъ серебряныхъ денегъ, за который выдано было ему болѣе 100 руб., на

той же гривѣ найденъ мѣдный сосудъ, представляемый при семъ въ музей общества; 2) „Курганъ“ (городокъ?), занимающій болѣе двухъ десятинъ земли и обмываемый водою во время весенняго разлива; 3) „Штабъ“—берегъ р. Ахтая, по которому находятъ старую глиняную посуду.

Дер. *Комаровка*, *Волхонка*, *Волхонщина*. На почтовомъ трактѣ изъ гор. Спасска въ г. Тетюши, при озерѣ „Зыбучемъ“, въ 33 вер. отъ города и въ 10 отъ с. Болгаръ; жит. русскіе. Первое названіе деревни дано по изобилію въ этой мѣстности комаровъ, а послѣднія по фамиліи бывшаго владѣльца. Къ сѣверу отъ дер. на разстояніи 100 саж. находится истокъ Чертыка, по склонамъ котораго видны признаки жилыхъ избъ. Народъ говоритъ, что тутъ жили разбойники, а на днѣ Чертыка зарыта лодка, наполненная серебромъ. Къ юго-западу отъ деревни, на разстояніи двухъ верстъ, находится урочище „Буланка“, расположенное по берегу „Виловатаго“ озера; по этому урочищу также видны признаки землянокъ. Отъ Буланки къ селу Три-Озера идетъ старинная, такъ называемая „ущельная“, дорога, которая, какъ передаютъ Комаровскіе крестьяне, служила когда-то русломъ р. Камы, протекавшей около Болгаръ. На юго-востокъ, тоже на разстояніи двухъ верстъ отъ деревни, на землѣ принадлежащей Булымерскимъ крестьянамъ находится городокъ. Кромѣ того, по словамъ крестьянъ, въ сторонѣ отъ дороги идущей изъ с. Болгаръ къ Ага-базару, или, какъ они его называютъ,—„Ягой базаръ“, въ лѣсу есть нѣсколько каменныхъ полатокъ (1). Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ попадаются разныя находки. Крестьяне говорятъ что, кромѣ вещей уцѣлевшихъ послѣ Булгаръ, въ мѣстностяхъ, окружающихъ дер. Комаровку, находятъ много кладовъ, оставшихся послѣ разбойниковъ. Въ памяти народа сохранилось преданіе объ атаманѣ, котораго звали Моськой (Моисей?) и который разбойничалъ, будто бы, вмѣстѣ съ Разинымъ. Говорятъ, что этотъ Моська былъ крестьяниномъ изъ дер. Льяшева Починка, Больше-Шемяковской во-

---

(1) Полатками крестьяне д. Коморовки называютъ такія же каменныя сооруженія, о какихъ упоминаетъ г. Кротовъ въ сообщеніи своемъ Общему Собранію 31-го окт. 1878 г. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, т. 1, стр. 90.

дости Тетюшскаго уѣзда. Изъ Казанской губерніи онъ бѣжалъ въ Астрахань, откуда и увѣдомлялъ своихъ родныхъ о мѣстахъ, гдѣ были зарыты его клады, причемъ крестьяне говорятъ, что никто этихъ кладовъ не искалъ и только нѣкоторые изъ нихъ были открыты случайно. Такъ, гдѣ то въ лѣсу былъ положенъ кладъ серебрянныхъ денегъ въ дупло стараго вяза; лѣтъ пять назадъ тому ребятишки подожгли этотъ вязъ съ двухъ сторонъ и вскорѣ замѣтили часть растопившагося серебра, которая и вытекла изъ дерева въ видѣ сосулекъ, а остальная часть высыпалась; въ другомъ случаѣ найденъ былъ кладъ положенный въ бахилѣ (большой валеный сапогъ). Оба эти клада, состоявшіе изъ русскихъ серебряныхъ денегъ, были проданы по частямъ въ с. Болгары. Отецъ крестьянина Бурмистрова, у котораго я остановился, нашелъ также нѣсколько лѣтъ назадъ тому кладъ съ татарскими деньгами, находившимися въ мѣдномъ кубѣ, закрытомъ двумя небольшими жерновыми камнями; камни эти и до сихъ поръ хранятся у Бурмистрова: они очень тверды и принадлежатъ къ породѣ камней, невстрѣчающихся въ окрестностяхъ деревни Комаровки. Кромѣ денегъ, Комаровскимъ крестьянамъ попадалось также много находокъ. Такъ въ землянкахъ находили много старинныхъ кремневыхъ ружей. На Чертыкѣ и въ урочищѣ Буланка находили серебряные браслеты, куски серебра, имѣющіе видъ клиньевъ съ сдѣланными на нихъ нарѣзами [1], разныя мѣдныя вещи и много черепковъ глиняной посуды. Такъ какъ я пробылъ въ дер. Комаровкѣ болѣе сутокъ, выжидая установленія зимняго пути черезъ р. Волгу, то у меня было достаточно времени, чтобы ознакомиться съ окрестностями этой деревни. По склонамъ Чертыка, несмотря на зимнее время, я нашелъ подъ снѣгомъ нѣсколько глиняныхъ черепковъ. У крестьянъ же изъ находокъ я ничего не пріобрѣлъ, п. ч. цѣнныя вещи они продаютъ въ Болгары, а остальныя бросаютъ.

Какъ въ д. Измерахъ, такъ и въ д. Комаровкѣ—всего больше встрѣчается находокъ послѣ спада весеннихъ водъ, около половины іюня.

---

[1] Такіе куски въ Болгарахъ и Комаровкѣ называютъ старыми булгарскими рублями.

Дер. Татарская Тюгульбаева, Бездна. По лѣвую сторону проселочнаго тракта изъ г. Спасска въ с. Базарные Юрткули, въ 36 верстахъ отъ города, при рч. Безднѣ. На юго-востокъ отъ этой деревни, при истокѣ рч. Бездны, находится круглый городокъ, занимающій около двухъ десятинъ и обнесенный валомъ и рвомъ; площадь городка возвышенная и ровная.

Тетюшскій уѣздъ. *Село Чудовка, Калунецъ, Архангельское.* На Симбирскомъ торговомъ трактѣ, въ 7-ми верстахъ отъ города, при рр. Людоговка и Калунецъ. Названіе села „Чудовка" происходитъ отъ слова *чудо*, а не напоминаетъ собою, какъ предполагаетъ г. Риттихъ ([1]), древнюю *Чудь*, точно также какъ и сельцо Чудиново (Чистопольскаго уѣзда) получило названіе отъ фамиліи владѣльца Чудинова; второе названіе селу дано по рѣкѣ, а третье—по церкви. Старинныя жилища въ окрестностяхъ этого села слѣдующія: 1) „Яма у студенаго ключа," въ разстояніи одной версты на югъ отъ села. Здѣсь находятъ черепки глиняныхъ сосудовъ и небольшія желѣзныя подковы (?) съ передними шипами. 2) „Долкова", урочище состоящее изъ овраговъ, въ пяти верстахъ отъ села къ востоку; въ немъ находятъ пули и „громовыя чарки", т. е. окаменѣлыя раковины, два экземпляра которыхъ представлены мною въ музей. Пули въ Долковѣ находятъ въ большомъ количествѣ, такъ что, по разсказамъ крестьянъ, ребятишки „собираютъ ихъ пригоршинами и другъ въ друга лукаютъ". 3) „Чирбыши", урочище на которомъ находятся ямы; также къ востоку, въ трехъ верстахъ отъ села, на Биляевскомъ полѣ. 4) „Старое жилище", въ самомъ селѣ: находятъ черепки глиняной посуды.

Село Яшевка, Малая Кіять, Рѣка, Богородское. По лѣвую сторону почтоваго тракта изъ гор. Тетюшъ въ гор. Буинскъ, при рѣчкахъ Улемѣ и Айгерлѣ, въ 20-ти верстахъ отъ города. Село названо Малой Кіятью въ отличіе отъ села Большая Кіять, находящагося не далеко отъ него—въ Симбирской губерніи. По направленію къ этому послѣднему селу, въ оврагахъ, находящихся на такъ называемомъ „графскомъ полѣ", замѣтны признаки стараго жилья; здѣсь

([1]) Матеріалы для этнографіи Россіи, Казанская губернія, сост. Риттихъ, стр. 15.

находятъ свѣтлые камни и громовыя чарки. О послѣднихъ мнѣ удалось въ Яшевкѣ записать такой разсказъ: громовыя чарки пастухи находятъ послѣ грозы наполненными водою; эти чарки какъ разъ приходятся въ тѣхъ мѣстахъ земли, гдѣ съ нею сливается радуга, опускающаяся въ чарки своими свѣтлыми, разноцвѣтными, концами,—послѣ дождя матушка радуга пьетъ изъ нихъ воду. Громовыя чарки употребляются крестьянами, также какъ и громовыя стрѣлы, для лѣченія дѣтей: для этого ихъ скоблютъ по краямъ, образовавшуюся на днѣ чарки пыль смѣшиваютъ съ дождевою водою и этою смѣсью поятъ больныхъ дѣтей.

С. Бишево, Ивановское. По лѣвую сторону почтоваго тракта изъ г. Казани въ г. Симбирскъ, при р. Свіягѣ, въ 36-ти верстахъ отъ города. Русскіе крестьяне выселились въ эту мѣстность около 200 лѣтъ назадъ тому изъ с. Ивановскаго Свіяжскаго уѣзда, отчего и этому селу тоже дано названіе Ивановскаго. До переселенія русскихъ жителями въ этой мѣстности были татары, на что указываетъ другое названіе села—Бишево, отъ тат. слова *биш*—пять (т. е. при основаніи селеніе, вѣроятно, состояло изъ пяти домовъ), названіе одной изъ улицъ въ селѣ—„татарскій конецъ" и народныя преданія. Въ одной верстѣ отъ села, на правомъ берегу р. Свіяги, находится городокъ, высота насыпи котораго простирается до 1½ саж. и заканчивается рвомъ и валомъ. Говорятъ, что городокъ былъ устроенъ во времена Грознаго для защиты отъ нападеній какихъ то инородцевъ. Въ настоящее время онъ весь распахивается подъ посѣвы и при этомъ ничего на немъ не находятъ.

Цивильскій уѣздъ. *Село Высоково, Высоковка.* По лѣвую сторону Симбирскаго торговаго тракта изъ г. Цивильска въ г. Буинскъ, въ 30 вер. отъ города, на рч. Яндоушкѣ; жители русскіе, бывшіе крѣпостные. Названіе селу, образовавшемуся изъ приходской деревни въ 1875 году, дано по возвышенной мѣстности на которой оно расположено. По рч. Яндоушкѣ находятъ во время лѣта разныя каменныя орудія, два экземпляра которыхъ представлено мною для Музея.

С. Ивановское, Иваново, Никольское. По лѣвую сторону Симбирскаго торговаго тракта изъ г. Цивильска въ г. Буинскъ, при р. Цивилѣ, въ 5-ти вер. отъ города; жители русскіе, бывшіе крѣпостные. Прежде, по разсказамъ жите-

лей, были не подалеку одна отъ другой двѣ деревни: Иванова и Исламова. Изъ дер. Исламовой народъ ушелъ неизвѣстно куда, а на мѣстѣ гдѣ она была—поселились Ивановскіе крестьяне и основали село Иваново. На разстояніи одной версты отъ этого села и до сего времени замѣтны признаки мѣста, на которомъ была дер. Иванова. Недалеко отъ села есть также лѣсъ, называющійся „Деревушка", гдѣ около 20-ти лѣтъ назадъ тому была деревня, состоящая изъ четырехъ домовъ. Точно также указываютъ поле, называемое „Кашплатка", на которомъ прежде была чувашская деревня; но признаковъ жилья на этомъ мѣстѣ нѣтъ и когда была тутъ деревня—неизвѣстно.

Ядринскій уѣздъ. *С. Большая Яндоба, Воскресенское*. По правую сторону бывшаго почтоваго тракта изъ г. Ядрина въ г. Цивильскъ, при рч. Пормарѣ, въ 54 вер. отъ города; жители Чуваши. О названіи этого села сохранилось такое преданіе: въ прежнія времена на мѣстѣ с. Яндобы было жилище разбойниковъ; мѣсто было лѣсное и черезъ него трудно было проѣхать не встрѣтивъ нападенія. Частыя кровавыя схватки разбойниковъ, положившихъ основаніе настоящему селу, съ проѣзжающими были причиною того, что село получило названіе отъ сосѣднихъ чувашъ „йон-дабы", отъ словъ *йон*-кровь и *дабас*-бить. Въ двухъ верстахъ отъ с. Яндобы и въ 20-ти саженяхъ отъ дороги, идущей изъ этого села въ с. Сугуть—Торбиково (при р. Большомъ Цивилѣ, въ 62 верстахъ отъ города), находится небольшой курганъ, распахиваемый подъ посѣвы.

О курганахъ Ядринскаго уѣзда мною уже было сдѣлано заявленіе, записанное въ протоколѣ втораго засѣданія секціи этнографіи и антропологіи IV-го съѣзда естествоиспытателей и перепечатанное изъ этого протокола въ сочиненіи С. М. Шпилевскаго „Древніе города и пр.", стр. 529. По тѣмъ находкамъ, которыя были сдѣланы при раскопкахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ бывшимъ мировымъ посредникомъ Ядринскаго уѣзда г. Суворовымъ, я и теперь полагаю, что отличительный признакъ этихъ кургановъ состоитъ въ религіозномъ характерѣ ихъ происхожденія. Такому предположенію не противорѣчитъ объясненіе покойнаго Н. И. Золотницкаго, относящееся къ укрѣпленію близь деревни Карманеръ Козмодемьянскаго уѣзда, ибо,

вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Золотницкаго относительно происхожденія этого укрѣпленія и допуская, что записанное мною преданіе о немъ ошибочно, я тѣмъ не менѣе предполагаю, что по крайней мѣрѣ тѣ изъ числа кургановъ Ядринскаго уѣзда, въ которыхъ были уже производимы раскопки, принадлежатъ по своему происхожденію къ болѣе раннему періоду, въ который могли и не быть шаманскія жертвоприношенія и уѣздъ въ то время могъ быть заселенъ другою народностью. Сопоставляя курганы, находящіеся въ Ядринскомъ уѣздѣ, съ курганами въ уѣздахъ Казанскомъ и Лаишевскомъ, я замѣтилъ, что послѣдніе курганы должны быть отнесены къ разряду тѣхъ искуственныхъ сооруженій, какія вызывались въ древнюю пору желаніемъ создать оборону противъ вражескихъ нападеній. Такое замѣчаніе о курганахъ Лаишевскаго уѣзда, по моему мнѣнію, подтверждается раскопками произведенными въ этомъ уѣздѣ гг. Стояновымъ, Пономаревымъ и Загоскинымъ, а что касается кургановъ въ Казанскомъ уѣздѣ (напр. „муравьевка" около деревни Троицкая, Нокса; „клады" по рч. Ноксѣ около дер. Малыя Дербышки) то заявленіе мое можетъ считаться дѣйствительно не доказаннымъ, п. ч. до сего времени эти курганы не были достаточно изслѣдованы.

Хормалыхъ, околодокъ села Хочашева, Хочашевскаго прихода, по правую сторону Цивильскаго транзитнаго тракта, при ручьѣ Челъ-Сирмы, въ 16 вер. отъ города; жители чуваши. Хормалыхъ по чувашски значитъ *вязникъ* и названъ такъ потому, что на его мѣстѣ, до времени основанія, былъ вязовый лѣсъ Недалеко отъ этого селенія находится яма, имѣющая въ окружности 1½ сажени. Объ этой ямѣ сохранилось такое преданіе: въ прежніе годы изъ ямы выходила по временамъ какая-то волшебница, которая, приходя на мѣсто селенія Хормалыхъ, вынимала ядъ изъ подъ вязовыхъ деревьевъ и пускала его по вѣтру; много народу отъ этого яду умирало. Впослѣдствіи волшебница не удовольствовалась этимъ: во время жатвы она вышла на поле и стала пожирать жителей. Это вывело наконецъ чувашъ изъ терпѣнія и они, собравшись въ числѣ трехсотъ человѣкъ, погнались за волшебницей и сбросили ее въ ровъ; впослѣдствіе же они ровъ этотъ засыпали землей и заложили мельничнымъ камнемъ.

С. Малое Чурашево, Богородское, между Цивильскимъ и Козмодемьянскимъ почтовыми трактами, при рч. Вылѣ, въ 15 вер. отъ города. Названіе села заимствовано отъ сосѣдней приходской деревни Большое Чурашево, п. ч. первые поселенцы жили на землѣ, принадлежащей жителямъ этой деревни. Недалеко отъ села указываютъ мѣста, на которыхъ были прежде чувашскія деревни, но никакихъ признаковъ отъ этихъ деревень въ настоящее время не сохранилось. Въ двухъ верстахъ отъ села, къ востоку, находится небольшой курганъ.

Д. Иванькова, на Козмодемьянскомъ почтовомъ трактѣ, при р. Сурѣ, въ 12 вер. отъ города. Крутой берегъ Суры, по которому расположена эта деревня, во время весны обваливается, вслѣдствіе чего крестьяне часто перестраиваютъ свои дома и относятъ ихъ дальше отъ берега. Въ верстѣ отъ деревни, на юго-западъ внизъ по Сурѣ, находится мѣстность, называемая крестьянами *городищемъ* и хотя никакихъ признаковъ, характеризующихъ городища, въ этой мѣстности не сохранилось, но когда крутой Сурскій берегъ обсыпается во время разливовъ, тогда на этомъ мѣстѣ находятъ много человѣческихъ череповъ и костей. По берегу Суры крестьяне указываютъ также и другое мѣсто, подъ Никиткинской горой, на которой расположены селенія Иваньково и Никиткина и гдѣ въ прошедшемъ году были найдены котелокъ и сабля, доставленные въ Ядринское полицейское управленіе. Здѣсь же были найдены разныя мелкія вещи изъ бронзы и девять нитокъ бусъ въ жестяныхъ коробкахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей мною представляются при этомъ въ Музей.

Козмодемьянскій уѣздъ. *С. Пайгусова гора, Пернягаши, Пинель-Пернягаши, Христорождественское.* Между лѣвой стороной Московскаго почтоваго тракта и правымъ берегомъ р. Суры, въ 25 вер. отъ города, при вершинѣ р. Сумки. Объясненіе названій этого села было мною уже приведено въ статьѣ „Горно-Черемисскіе приходы Козмодемьянскаго уѣзда“ (¹) и хотя это объясненіе записано со словъ мѣстныхъ старожиловъ, но я долженъ согласиться, что объясненіе, представляемое Золотницкимъ (Корневой чу-

(¹) Труды Казанскаго губерн. статистическаго Комитета 1869 г. I. 4.

вашскій словарь, стр. 251), болѣе вѣроятно. Гористая мѣстность, на которой расположено село, въ прежнее время была кладбищемъ; весною, когда текутъ по Пайгусовской горѣ ручьи, не рѣдко вымываются изъ земли человѣческія кости. Въ 1869 г діаконъ с Пайгусова, Лавинскій, устраивая при своемъ домѣ погребъ, сдѣлалъ довольно замѣчательную находку: на глубинѣ одной сажени, дорывшись до материка, онъ замѣтилъ усыпанную по этому материку мелкими камнями дорожку, на которой стояло пять шарообразныхъ сосудовъ изъ сѣрой глины, наполненныхъ какимъ то маслянистымъ веществомъ, а неподалеку отъ этихъ сосудовъ онъ нашелъ каменный шлифованный топоръ изъ діорита и два кремневыхъ долота тоже отшлифованныхъ. Горшки вскорѣ были разбиты и куда-то заброшены, а остальныя вещи были представлены мною въ этнографическій музей Казанскаго Университета (¹).

Два кургана, означенные въ книгѣ С. М. Шпилевскаго „Древніе Города и пр.“ на стр. 542, подъ номерами 5 и 6, въ послѣднюю мою поѣздку были вновь мною осмотрѣны. Оба они находятся на возвышенныхъ мѣстахъ и можно предполагать, что съ вершины одного виденъ другой курганъ. Оба, вѣроятно, были сторожевыми пунктами. Болѣе точное положеніе этихъ кургановъ можно опредѣлить такъ: первый находится въ четырехъ верстахъ отъ города, по лѣвую сторону почтоваго тракта изъ г. Козмодемьянска въ г. Казань, примѣрно саженяхъ въ 60-ти отъ него. Второй курганъ (№ 6) находится на возвышенномъ берегу рѣки Волги, по правую сторону проселочнаго тракта изъ г. Козмодемьянска въ Троицкій посадъ, въ одной верстѣ отъ города и саженяхъ въ 20-ти отъ дороги.

С. Малый Сундырь, *Аккозино*, *Троицкое*, между правымъ берегомъ Волги и правою стороною Московско-Казанскаго почтоваго тракта, при рч. Малой Сундыркѣ, въ 15 верстахъ отъ города. Укрѣпленіе на горѣ при с. Маломъ Сундырѣ подробно описано въ книгѣ С. М. Шпилевскаго „Древніе города и пр.“ стр. 531—538, но, судя по находкамъ по рч. Малой Сундыркѣ, протекающей между селомъ и подо-

---

(¹) Въ указателѣ выставки при четвертомъ Археологическомъ Съѣздѣ онѣ означены подъ №№ 21, 366, 367 и 368.

швою Сундырской горы, и на гумнахъ, прилегающихъ къ селу съ юго-востока, можно предположить, что, не только гора, но и мѣстность, занимаемая селомъ, были давно уже населена. Это предположеніе оправдывается впрочемъ и тѣмъ, что село носитъ названіе Аккозина, по имени Аккоза, черемисина, бывшаго при Иванѣ Грозномъ въ числѣ старшинъ, получившихъ въ свое владѣніе землю. Въ с. Маломъ Сундырѣ мнѣ доставленъ былъ металическій обломокъ серьги, которая хотя и найдена была цѣльною на гумнѣ, но владѣлецъ ея преломилъ ее на нѣсколько кусочковъ, которые и употреблялъ на грузила къ удочкамъ.

Въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ я долженъ сказать, что сочиненіе проф. Шпилевскаго „Древніе города и пр.", на которое я уже неоднократно ссылался, оказало мнѣ большую помощь при разспросахъ крестьянъ, которые часто тогда только передавали болѣе или менѣе извѣстныя имъ подробности о древнихъ памятникахъ, когда я прочитывалъ имъ изъ этого сочиненія описанія знакомыхъ имъ кургановъ, городищъ и проч. При чтеніи же я позволялъ себѣ дѣлать дополненія и поправки къ тѣмъ описаніямъ, въ которыхъ, не смотря на желаніе автора дать точныя указанія положенія каждой упоминаемой имъ мѣстности, могли вкрасться неточности. Такимъ образомъ въ дер. Комаровкѣ мнѣ удалось провѣрить, по указаніямъ крестьянъ, описанія насыпи и могильныхъ кургановъ около сельца Булымера (стр. 308). Огромная насыпь „Шеломъ" находится по правую сторону дороги изъ с. Болгаръ въ сц. Булымеры, на горѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ сельца. Крестьяне и до сихъ поръ указываютъ мѣсто, гдѣ былъ видѣнъ проходъ въ этой насыпи. Городокъ, упоминаемый въ „Замѣткахъ о курганахъ и городищахъ въ Казанской губ." и на стр. 310 сочиненія С. М. Шпилевскаго—тотъ самый, о которомъ передавали мнѣ Комаровскіе крестьяне и который находится въ двухъ верстахъ отъ деревни Комаровки. Размѣры его показаны совершенно вѣрно. Въ деревнѣ Тетюшскаго уѣзда Чирки-Кильдуразовы мною провѣрены описанія городища около деревни Деушевой и древнихъ кладбищъ (стр. 495 и 496). Въ деревнѣ Малыхъ Яльчикахъ, того же уѣзда, провѣрено описаніе кургановъ и древняго татарскаго

селенія около деревни Большіе Яльчики (стр. 502). Въ этомъ описаніи, вмѣсто словъ: „саженъ около 2000“, нужно читать: „саженъ около 200“. Въ с. Большая Тояба, того же уѣзда, провѣрено мною описаніе городка въ 360 саж. отъ этого села (стр 503—504); что же касается вала, идущаго отъ этого села къ г. Буинску, то, проѣзжая по дорогѣ занесенной снѣгомъ, я не могъ его замѣтить и, основываясь на показаніяхъ крестьянъ, полагаю весьма возможнымъ, что лица, сообщавшіе мнѣ о существованіи этого вала, смѣшали его съ валомъ городка, пересѣкающимъ въ 360 саж. отъ села дорогу, идущую изъ дер. Малыхъ Яльчикъ въ это село. Въ описаніи городка слѣдуетъ исправить названіе ручья, который зовется по чувашски киве-сёртъ (сьорт = старое строеніе [1]) — и на ручьѣ дѣйствительно сохранились признаки старыхъ построекъ), а не киве сіолъ = старая дорога.

---

(1) Корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго стр. 73.

ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ НАХОДКАХЪ, СДѢЛАННЫХЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ВЪ ПРИГОРОДѢ БИЛЯРСКѢ, ЧИСТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Дѣйствительнаго члена **И. А. Износкова**).

Въ пригородѣ Билярскѣ, Чистопольскаго уѣзда, и въ его окрестностяхъ—до сего времени сохранились признаки городищъ и древнихъ кладбищъ, обнесенныхъ валами. Подробное описаніе Бюлярскаго городища съ сосѣдними кладбищами находится въ сочиненіи г. товарища предсѣдателя нашего общества С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе Булгаро-Татарскіе памятники Казанской губерніи". Въ этомъ сочиненіи приводится сначала старинный планъ Билярскаго городища, по которому оно представляется въ видѣ почти прямоугольнаго четыреугольника, образуемаго рядомъ четыреугольныхъ валовъ. Затѣмъ приводятся размѣры этихъ валовъ и рвовъ и подробное описаніе ихъ, а также каменнаго столба (минарета) и древнихъ развалинъ такъ, какъ они найдены были разными лицами, посѣтившими пригородъ Билярскъ въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ теченіе настоящаго, т. е. начиная съ Татищева и Рычкова, указывающихъ на нѣсколько каменныхъ зданій, которыя хорошо сохранились—„а особливо порталъ или врата великаго храма и столбы"—и оканчивая Второвымъ, Артемьевымъ и Ешевскимъ, которые видѣли только валы и слѣды каменныхъ зданій, заключающіеся въ однихъ только буграхъ и ямахъ съ грудами камней, во множествѣ разсѣянныхъ среди укрѣпленій.

Надо полагать, что и эти слѣды зданій къ началу 70-хъ годовъ почти изгладились и Билярскія археологическія находки—древности, которыхъ сначала находимо было много, сдѣлались довольно рѣдки, такъ что, по замѣ-

чанію покойнаго проф. Ешевскаго, безъ особеннаго случая ихъ было трудно пріобрѣсти. Но послѣ сильныхъ пожаровъ, истребившихъ большую часть домовъ въ пригородѣ Билярскѣ въ 1877 и 1878 годахъ, и послѣ неурожаевъ, бывшихъ въ тѣхъ же годахъ, многіе жители стали заниматься собираніемъ костей разныхъ животныхъ и сбытомъ ихъ на заводы. При раскопкахъ, производимыхъ съ этою цѣлью, крестьяне въ окрестностяхъ Билярска находили очень много изрубленныхъ костей, а между ними встрѣчались и разныя археологическія находки. По словамъ крестьянъ были такія мѣста, въ которыхъ находили отъ 20 до 30 пудовъ рубленной кости.... Съ 1879 года въ пригородѣ стали заготовлять также фундаментъ для вновь строющейся каменной церкви и такъ какъ въ окрестностяхъ Билярска нельзя добыть камень годный для бута, то крестьяне вспомнили, что для фундамента находящейся и теперь въ пригородѣ деревянной церкви они брали камень изъ древнихъ Билярскихъ развалинъ. Съ цѣлью добыть этотъ камень они стали производить раскопки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по указаніямъ стариковъ, были эти развалины и гдѣ дѣйствительно, снявъ верхній слой земли, они нашли значительное количество камня, съ которымъ попадались также и разныя древности, а въ числѣ ихъ иногда золотыя и серебрянныя вещи. Такъ, одна крестьянская дѣвушка нашла нѣсколько пластинокъ червоннаго золота, за которыя ей выдано было впослѣдствіе изъ чистопольскаго казначейства 18-ть золотыхъ. Нѣсколько золотыхъ и серебрянныхъ вещей найдены были также отставнымъ солдатомъ, который передалъ ихъ становому приставу. Въ производствѣ такихъ раскопокъ для добыванія бутоваго камня, вмѣстѣ съ крестьянами, принималъ также участіе одинъ изъ землекоповъ, переселившійся въ пригородъ и занимавшійся до того времени добываніемъ руды на заводахъ. При его содѣйствіи были находимы, недалеко отъ мѣста гдѣ было основаніе каменнаго столба, глубокіе колодцы, срубы которыхъ были покрыты какимъ то цементомъ и подвалы, въ которыхъ оказалось много, слежавшагося и негоднаго къ употребленію, пороху и много разныхъ, будто бы, кузнечныхъ вещей.

Большое количество археологическихъ находокъ, попадавшихся при раскопкахъ, производимыхъ для добыва-

нія костей и бутоваго камня, можетъ быть видно отчасти уже и изъ того, что въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ въ очень короткое время мнѣ удалось пріобрѣсти въ пригородѣ Билярскѣ, хотя и не большую, но, кажется, довольно разнообразную коллекцію такихъ находокъ, состоящую изъ нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ, черепковъ отъ нихъ и разныхъ костяныхъ, каменныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей. Кромѣ того я пріобрѣлъ три серебрянныхъ и двѣ мѣдныхъ монеты и нѣсколько металическихъ слитковъ и сплавовъ. Я могъ бы пріобрѣсти и значительно большую коллекцію изъ тѣхъ вещей, которыя мнѣ приносили со всѣхъ концовъ пригорода; но, не имѣя достаточно мѣста въ своемъ экипажѣ, я ограничился только тѣмъ, что можно было хорошо уложить и сохранить во время продолжительной поѣздки.

Изъ пріобрѣтенныхъ мною вещей заслуживаютъ, мнѣ кажется, болѣе вниманія: глиняный сосудъ, на днѣ котораго находится изображеніе похожее на двуглаваго орла; наконечникъ стрѣлы изъ желтой кости и что-то похожее на вязальный крючекъ изъ черной кости; желѣзный молотокъ, другой экземпляръ котораго, болѣе сохранившійся, найденъ также въ чистопольскомъ уѣздѣ и доставленъ въ музей Общества членомъ сотрудникомъ В. А. Казариновымъ и желѣзная гиря, другой экземпляръ которой также имѣется въ музеѣ.

Раскопки, производившіяся въ теченіи осени прошедшаго года, будутъ продолжаться, какъ передавали мнѣ крестьяне, съ наступленіемъ весны. До сихъ поръ еще многіе изъ крестьянъ вѣрятъ, что колодцы и подвалы не всѣ ими раскопаны и что въ нераскопанныхъ хранятся сокровища; вѣрятъ они въ это потому, что дѣйствительно имъ удалось когда-то отрыть колодецъ, въ которомъ найдено было много мѣдной посуды, проданной впослѣдствіе крестьянами помѣщику Ермолову. Вѣру въ такія сокровища поддерживаетъ въ крестьянахъ также и землекопъ, который, говорятъ, ѣздилъ въ Казань, гдѣ „ученые“ муллы разсказывали ему о рукописяхъ, въ которыхъ указывается, будто бы, мѣсто гдѣ сохраняются сокровища.

Во всякомъ случаѣ тѣ археологическія находки, которыя уже сдѣланы были крестьянами въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, едва ли остановятъ ихъ въ дальнѣйшихъ по-

искахъ, а для того что бы находки эти не пропадали для нашего Общества безслѣдно—необходимо было бы весною, или въ теченіи лѣта, осмотрѣть мѣста, гдѣ были сдѣланы находки, привести въ извѣстность, что въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ было найдено и пріобрѣсти всѣ найденныя вещи, которыя сохраняются у крестьянъ. Расходовъ на это едва ли потребуется много, тѣмъ болѣе что Общество можетъ надѣятся, кажется, во первыхъ на то, что многія изъ находимыхъ въ пригородѣ Билярскѣ вещей будутъ доставляемы въ музей Общества дѣйствительнымъ членомъ А. Н. Островскимъ, отъ котораго и поступила уже въ музей довольно хорошая коллекція такихъ вещей, а во вторыхъ и на то, что членъ сотрудникъ нашего Общества В. А. Казариновъ вѣроятно не отказался бы наблюсти за тѣмъ, чтобы раскопки производились по возможности правильно и чтобы тѣ находки, которыя въ глазахъ крестьянъ не имѣютъ никакого значенія, поступали бы въ музей Общества, а не утрачивались.

ОПИСАНІЕ
БИЛЯРСКИХЪ И БАРАНСКАГО
ГОРОДИЩЪ.

(Члена сотрудника В. А. Казаринова).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1881 года я осмотрѣлъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ городища, находящіяся при пригородѣ Бирярскѣ и въ его окрестностяхъ. Имѣю честь въ настоящее время сдѣлать Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи докладъ о результатахъ означеннаго осмотра.

I.

Городище, находящееся у пригор. *Билярска*. я снялъ на планъ; планъ этотъ я не могу назвать математически вѣрнымъ, потому что я снималъ его на глазомѣръ, при помощи компаса. Билярское городище состоитъ изъ тройной системы валовъ, изъ коихъ наружные валы—средній и внѣшній—почти на всемъ протяженіи отстоятъ одинъ отъ другаго на разстояніи 40—60 саженъ; внутренніе валы отстоятъ отъ наружныхъ валовъ на разстояніи 100—300 саженъ. Какъ это видно на планѣ, внутренніе валы образуютъ неправильную фигу-

ру съ болѣе или менѣе прямой стороной на югѣ, съ выпуклыми сторонами на востокѣ и западѣ и съ выдающимся угломъ на сѣверѣ; это внутренное укрѣпленіе расположено не въ срединѣ площади, окруженной наружными валами; оно ближе къ югозападной сторонѣ наружнаго укрѣпленія—въ этомъ мѣстѣ оно отстоитъ отъ наружныхъ валовъ не болѣе 100 саженъ; на СЗ, С и СВ и частію на В внутренній валъ отстоитъ отъ наружныхъ валовъ саженъ на 300. Площадь, занимаемая внутреннимъ укрѣпленіемъ, имѣетъ съ В къ З не болѣе 1¼ версты, а съ Ю на С около одной версты. Наружные валы преоставляютъ собою четыреугольникъ, обращенный углами къ главнымъ странамъ горизонта; юговосточная сторона этого четыреугольника предстановляетъ дугу; западный уголъ также представляетъ не очень крутую дугу. Съ ЮВ на СЗ этотъ четыреугольникъ занимаетъ не болѣе 2½ версты, а съ ЮЗ до СВ стороны разстояніе будетъ не болѣе 2 верстъ, такъ что окружность внѣшняго укрѣпленія должна быть не болѣе 10 верстъ. Къ южному углу наружнаго укрѣпленія подходитъ съ ЮВ рѣчка *Билярка*, которая на этомъ углу пересѣкаетъ оба наружные вала и идетъ почти въ томъ же направленіи къ внутреннему укрѣпленію, выпуклую западную сторону котораго огибаетъ и затѣмъ пересѣкаетъ почти въ томъ же направленіи наружные валы на сѣверозападной сторонѣ ихъ и впадаетъ въ рѣку *Малый Черемшанъ*. У западной стороны внутренняго укрѣпленія впадаетъ въ *Билярку* съ лѣвой стороны родникъ; есть слѣды высохшаго ключа и на правой сторонѣ *Билярки*, нѣсколько повыше впаденія родника, около самаго вала. На сѣверовосточной сторонѣ наружнаго укрѣпленія между внѣшнимъ и среднимъ валомъ протекаетъ рѣчка *Елшанка*, которая образуется изъ трехъ ключей на восточномъ углу укрѣпленія; эта *Елшанка* на сѣверномъ углу какъ видно искуственно переведена черезъ средній валъ, проходитъ угломъ и снова пересѣкаетъ средній валъ и наружный уже на сѣверозападной сторонѣ и впадаетъ въ р. *Малый Черемшанъ*. Такимъ образомъ *Билярское* городище расположено на склонѣ, имѣющемъ сѣверо-западное направленіе къ рѣкѣ *Малому Черемшану*, отъ котораго городище отстоитъ версты на 2; этотъ склонъ постепенно понижается къ рѣкѣ, гдѣ и оканчивается лугами.

Сравнивая планъ Билярскаго городища, снятый мною, съ описаніемъ плана, сдѣланнымъ пр. С. М. Шпилевскимъ въ его книгѣ: „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи" (стр. 349), мы увидимъ, что *Билярка* течетъ не въ СЗ углу городища, а къ южному; протекаетъ же на западной сторонѣ городища, а не на восточной. *Серебрянка* находится по описанію пр. Шпилевскаго внутри городища, на самомъ же дѣлѣ Серебрянка впадаетъ съ лѣвой стороны въ Билярку внѣ городища, по крайней мѣрѣ въ разстояніи $1/2$ версты отъ послѣдняго; на мѣстѣ же, гдѣ должна быть по описанію пр. Шпилевскаго Серебрянка, теперь есть незначительный родникъ, о которомъ я упоминалъ выше. Рѣчка *Елшанка* течетъ не на южной сторонѣ городища, а на сѣверовосточной. Пригородъ Билярскъ лежитъ по обѣ стороны рѣчки Билярки, простираясь на Ю за внутренній валъ, а къ С далеко за внѣшніе валы; валы проходятъ чрезъ пригородъ Билярскъ, какъ видно на планѣ, съ ЮЗ на СВ. Ошибка въ опредѣленіи странъ свѣта произошла вѣроятно отъ того, что на планѣ, бывшемъ на разсмотрѣніи С. М. Шпилевскаго, была неправильно указана СЮ-ая линія. Наконецъ и очертанія валовъ на планѣ, бывшемъ у пр. Шпилевскаго, значительно отступаютъ отъ дѣйствительности во многихъ пунктахъ.

Сдѣлавъ общій обзоръ Билярскаго городища, я перейду къ описанію городища въ частности и къ указанію остатковъ бывшихъ зданій на площади внутренняго укрѣпленія. Описаніе валовъ я начну съ сѣвернаго угла укрѣпленій.

Наружные укрѣпленія состоятъ изъ системы двойныхъ валовъ, тѣсно связанныхъ между собой, а потому и описаніе этихъ валовъ я долженъ сдѣлать вмѣстѣ. На сѣверной оконечности городища мѣстность представляетъ низину; по берегу *Елшанки* находится мочажинникъ, который весною покрывается сплошной водой саженъ на 100—150 отъ валовъ; этотъ мочажинникъ вѣроятно въ прежнее время представлялъ значительную болотистую низменность. Наружный валъ на этомъ углу очень незначителенъ и не высокъ; только саженъ черезъ 100 отъ угла на ЮВ валъ начинаетъ дѣлаться высокимъ, крутымъ; средній же валъ и здѣсь очень высокъ и хорошо сохранился. Въ пунктѣ *а* наружный валъ имѣетъ въ высоту до 2 саж.

Средній валъ имѣетъ почти такіе же размѣры и профиль. Валы идутъ почти одинаковаго размѣра до пункта *б*; здѣсь валы пересѣкаетъ дорога изъ *Билярска* въ деревню *Шаму*—Егорьевская Слобода тожъ. Средній валъ, подходя къ этому мѣсту, идетъ нѣсколько извиваясь; выгнутая къ наружи часть средняго вала представляетъ характеристическую особенность: валъ раздваивается; средина между валами находится на уровнѣ съ окружающею мѣстностью, побочные же валы сравнительно ниже одиночно идущаго; такое раздвоеніе продолжается на протяженіи 70 саженъ. Далѣе валъ дѣлаетъ небольшую дугу внутрь, и на этой дугѣ находится второе раздвоеніе валовъ на протяженіи 10 саженъ; чрезъ 10 саж. замѣтна значительная четыреугольная яма. Противъ этого мѣста въ наружномъ валу, тамъ гдѣ проходитъ Шаминская дорога, есть новое раздвоеніе въ валу на протяженіи саженъ 20; гдѣ идетъ дорога—тамъ совсѣмъ нѣтъ вызвышеній, такъ что можно думать, что тутъ и прежде также была дорога. Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что здѣсь были деревянныя укрѣпленія, бойницы, башни и подъ ними проходилъ проѣздъ; что здѣсь былъ проѣздъ—можно заключить изъ множества укрѣпленій, находящихся на этомъ мѣстѣ. Эти укрѣпленія изображены мною на планѣ подъ лит. Б; какъ видно, валы представляютъ собою рядъ сооруженій, которыми могли защищать проходъ; яма, находящаяся въ пунктѣ *а* заставляетъ предполагать, что тутъ могла быть башня или другое четыреугольное строеніе. Нѣкоторые изъ валовъ представляютъ видъ дуги съ концами загнутыми къ среднему валу; затѣмъ съ внутренней стороны замѣтны впадины, представляющія собою какъ бы заваленные землей входы внутрь этихъ валовъ.—Далѣе, саженъ чрезъ 200, опять встрѣчается подобная же система укрѣпленій, но еще болѣе развитая. Въ среднемъ валу встрѣчаются раздвоенія три раза: первое около 70 саженъ длиною, а другія саженъ по 10 длиною; противъ перваго раздвоенія въ наружномъ валу есть также раздвоеніе, не болѣе саженъ 20, и яма въ валу, заставляющая думать, что тутъ было какое нибудь зданіе. Между обоими валами находится много маленькихъ валовъ, расположеніе коихъ представлено мною на планѣ подъ лит. В; можно думать, что и здѣсь могли находиться башни, бойницы и ворота. Проѣздъ черезъ эти валы представляетъ изломанную линію; въ нѣко-

торыхъ валикахъ также замѣтны съ внутренней стороны впадины. Валы имѣютъ видъ дуги съ загнутыми внутрь концами. Правый берегъ Елшанки укрѣпленъ небольшимъ валомъ; незначительные валы находятся также по берегу Елшанки и около Шаминской дороги. Берега рѣчки Елшанки часто представляютъ здѣсь мочажинники. Нѣсколько выше этихъ укрѣпленій идетъ дорога изъ *Билярска* въ деревню *Адамъ*. Саженъ чрезъ 250 отъ упомянутыхъ укрѣпленій вступаетъ съ ЮВ въ пространство между валами рѣчка *Елшанка*; между валами же течетъ въ Елшанку ключъ, одинъ источникъ котораго берется изъ за наружнаго вала въ оврагѣ, а другой источникъ начинается выше, между валами, саженъ чрезъ 100; около начала этого источника находится сухой оврагъ, пересѣкающій внѣшній валъ. Весною отъ накопившагося между валами снѣга, а также и съ задняго возвышающагося пространства течетъ много воды—и Елшанка представляетъ тогда значительную рѣчку; въ настоящее же время (въ іюлѣ) она представляетъ мелкій ключъ, не болѣе аршина шириной. Между верхнимъ оврагомъ и рѣчкой Елшанкой по берегу нѣтъ почти средняго вала: тутъ берегъ очень крутой и высокій; правый же берегъ Елшанки укрѣпленъ довольно значительнымъ валомъ, который идетъ параллельно среднему, приближаясь къ нему саженъ на 10, и идетъ далѣе до окончанія у южнаго угла укрѣпленій средняго вала. На этомъ же пространствѣ, довольно овражистомъ, отъ наружнаго вала по берегамъ овраговъ тянутся на нѣкоторыхъ разстояніяхъ валы, такъ что встрѣчается въ иныхъ мѣстахъ до 4 паралельныхъ валовъ. Нѣсколько выше втораго оврага, откуда вытекаетъ одинъ изъ источниковъ, на высокомъ лѣвомъ берегу находятся укрѣпленія, расположеніе коихъ мною представлено на планѣ подъ лит. Г.; среди валовъ, представляющихъ части средняго вала, находится четыреугольная яма, заставляющая предполагать, что тутъ могло быть зданіе; отсюда есть спускъ въ рѣчкѣ, къ роднику, изъ котораго крестьяне берутъ воду для питья. За послѣднимъ оврагомъ наружный валъ идетъ на разстояніи 25 саженъ отъ обоихъ среднихъ валовъ и прекращается вмѣстѣ съ ними въ 70 саженяхъ отъ южнаго угла городища. Отъ вступленія рѣчки *Елшанки* во внутрь валовъ наружные валы идутъ дугой и при окончаніи отстаютъ отъ внутренняго

укрѣпленія не болѣе 125 саженъ. При окончаніи валовъ, дмежду двойными срениими валами образуются 2 родника, которые потомъ соединяются въ одинъ и впадаютъ въ *Билярку*; въ сухое время они почти совсѣмъ пересыхаютъ. Высота и размѣры валовъ почти вездѣ на пройденномъ разстояніи одинаковы; у средняго вала съ внутренней стороны замѣтны уступы, но не вездѣ, большею частью валы идутъ безъ всякихъ уступовъ, крутымъ и высокимъ возвышеніемъ, спускающимся на обѣ стороны; по вершинѣ валовъ во многихъ мѣстахъ свободно можно ѣхать на лошадѣ въ экипажѣ. Къ южному углу городища идетъ съ ЮВ рѣчка *Билярка* (не много болѣе *Елшанки*) и глубокимъ оврагомъ пересѣкаетъ наружные валы на самомъ углу средняго вала и въ 50 саженяхъ отъ наружнаго вала; уголъ лежитъ на западъ отъ рѣчки. Отсюда оба вала—наружный и средній—идутъ сначала нѣсколько расходясь до 80 саженъ, а потомъ снова сходясь до 40 саженъ; саженъ чрезъ 300 отъ угла почти совсѣмъ нѣтъ валовъ въ настоящее время; назадъ тому не особенно много лѣтъ здѣсь были очень высокіе большіе валы, но при постепенномъ распахиваніи они изчезали, и теперь только кое гдѣ встрѣчаются небольшіе бугорки, свидѣтельствующіе о бытности тутъ валовъ. Около мельницы (пунктъ *в*) средній валъ постепенно принимаетъ тройную систему и въ такомъ видѣ входитъ въ пригородъ, гдѣ постепенно изчезаетъ въ огородахъ. Эта часть вала представляетъ весьма внушительный видъ. На внутреннемъ (третьемъ) валу встрѣчается вдоль вала, на вершинѣ, углубленіе, точно по вершинѣ вала шла узкая продольная постройка въ родѣ забора, но не въ одну стѣну, а въ двѣ стѣны (если принимать въ соображеніе нынѣшніе заборы). Наружный валъ постепенно принимаетъ двойную систему [1].

Валы эти входятъ на зады Муллинской улицы, гдѣ на огородахъ и дворахъ дѣлаются уже незамѣтными. Я тщательно разсматривалъ мѣстность, гдѣ должно быть продолженіе валовъ въ пригородѣ и думаю, что средній валъ, въ

---

[1] Наружные валы около пригорода отстоятъ отъ среднихъ на 5 саженъ.

тройномъ или въ двойномъ составѣ, упирается въ *Билярку* противъ церкви, которая должна стоять на мѣстѣ среднихъ валовъ; наружный же валъ долженъ проходить по двору занимаемому училищемъ; училищный домъ устроенъ уже за валомъ, точно также и вновь устраиваемая церковь строится за валомъ—валъ проходитъ восточнѣе церкви и училищнаго дома. Гдѣ *Билярка* дѣлаетъ около церкви оборотъ къ В, тутъ еще не очень давно, лѣтъ 15— 20, впадалъ въ самый уголъ *Билярки* небольшой ключъ, и дѣйствительно, во рвахъ между средними валами, которые заваливаются теперь навозомъ, еще до сихъ поръ видна влажная земля. Недалеко за мельницей, саженъ чрезъ 50, отъ средняго вала отдѣляется еще одинъ невысокій валикъ и соединяется съ наружнымъ валомъ; затѣмъ далѣе опять отдѣляется отъ наружнаго вала такой же валикъ для соединенія снова со средними валами; на сѣверной половинѣ этого загороженнаго пространства находится теперь православное кладбище. За *Биляркой* слѣды наружныхъ валовъ появляются на огородахъ по направленію къ сѣверному углу наружныхъ валовъ; здѣсь внѣшній валъ имѣетъ уже одиночный гребень, а въ среднемъ валу замѣтны слѣды раздвоенія по крайней мѣрѣ на протяженіи 40—50 саженъ, уже по выходѣ изъ пригорода, но средній валъ сильно разрушенъ устроенными по валу избушками для разныхъ промысловъ; далѣе за пунктомъ ɪ средній валъ имѣетъ тоже одиночный гребень.

Обозрѣвая еще разъ наружные валы, я долженъ указать, что линія сѣверовосточная наиболѣе укрѣплена; въ 2 мѣстахъ были сильно укрѣпленные проѣзды черезъ валы, а въ 3-мъ мѣстѣ, тамъ гдѣ подходятъ овраги—находится еще укрѣпленіе; юговосточная линія представляетъ тройную систему валовъ; наконецъ на западномъ углу также являются очень хорошо устроенные тройные средніе валы и двойной внѣшній валъ. Прекращеніе вала къ востоку отъ *Билярки* могло произойдти отъ того, что валы были распаханы, какъ и на юго-западной сторонѣ; еще на памяти 40-лѣтнихъ людей во рвахъ валовъ и кое гдѣ около валовъ росли березы, ольхи, липы, а въ разстояніи 2—3 верстъ къ югу отъ городища былъ густой лѣсъ, который окружалъ городище съ ЮВ, Ю и ЮЗ сторонъ; въ настоящее время лѣсъ отодвинулся верстъ на 7 отъ городища. Расчистка лѣса на памяти еще не старыхъ людей заставляетъ заключить, что жители *Билярска*

южную часть своихъ земель стали обработывать не особенно давно. Р—нъ, описавшій свою поѣздку въ Билярскъ въ Заволжскомъ Муравьѣ въ 1833 году (ст. 196, № 4), также замѣтилъ, что валъ мѣстами былъ поросшій лѣсомъ (Др. Гор. С. М. Шпилевскаго, стр. 351).

Точно въ такомъ же порядкѣ я опишу строеніе внутренняго вала, который также имѣетъ много характеристическихъ особенностей, раскрывающихъ намъ средства въ защиты жителей отъ нападенія и устройство проѣздовъ чрезъ валы. Отъ сѣвернаго угла идетъ одиночный валъ до восточнало угла, дѣлая сильный изгибъ внутрь укрѣпленія; изгибѣ, въ пунктахъ *д д*, валъ совершенно уничтоженъ. Тутъ около валовъ были обширныя ямы съ костями; для добыванія этихъ костей крестьяне должны были разрывать и самые валы.

На разстояніи 10—12 саженъ идетъ другой, незначительный, валъ—снаружи главнаго вала; между валами растетъ трава, сѣютъ ленъ и просо, а въ самомъ изгибѣ есть сырыя мѣста. Не эта ли сырая мѣстность побудила строителей сдѣлать такое уклоненіе вала? Отъ поворота вала къ западу начинается раздвоеніе въ валѣ, которое съ большими или меньшими промежутками идетъ по всей южной линіи укрѣпленія; болѣе значительные перерывы встрѣчаются среди этой линіи. На планѣ я обозначилъ эти раздвоенія, а черточками отмѣтилъ выходы изъ этихъ раздвоеній; у однихъ видны выходы изъ раздвоеній только во внутрь городища, у другихъ есть выходы и къ наружи; замѣчательно, что эти выходы расположены не одинъ противъ другаго, а на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго; впрочемъ наружные выходы замѣтны только въ 4 мѣстахъ. Какъ во внѣшнихъ валахъ на сѣверовосточной линіи у выѣздовъ были устроены ряды дополнительныхъ укрѣпленій, такъ и здѣсь они встрѣчаются на двухъ мѣстахъ. На самомъ восточномъ углу устроена довольно обширная и сложная система валовъ, планъ которыхъ мною изображенъ подъ лит. Д; валы эти, почти всѣ съ загнутыми внутрь концами, имѣютъ видъ дугъ; съ внутренней стороны этихъ валовъ замѣтны впадины, какъ будто завалившіеся входы во внутрь валовъ. Въ валу *а* была сдѣлана раскопка крестьяниномъ Григорьемъ Емельяновымъ; по его разсказу была открыта въ валу комната, до 3 саженъ длиной и шириной; стѣны были

сдѣланы изъ кирпича, кладеннаго на пескѣ смѣшанномъ съ известью; въ 2 углахъ, лежавшихъ противъ входа, были устроены печи на подобіе нашихъ русскихъ печей, но гораздо большихъ размѣровъ; отъ нихъ къ верху поднимались трубы, которыя и выходили поверхъ вала. Въ валу *б* тоже была впадина, которую я велѣлъ раскопать, и при раскопкѣ открылся уголъ стѣны вышиною не болѣе 2 аршинъ,—но къ сожалѣнію концы открытыхъ мною стѣнъ были раньше разобраны; кладка кирпича весьма неровная. Образецъ кирпича, употребленнаго при постройкѣ, при семъ представляется. Мнѣ приходилось еще въ двухъ мѣстахъ дѣлать пробныя раскопки, и вездѣ кирпичъ попадался одинаковый—5½ верш. въ длину и шир. и 1 верш. въ толщину. Тотъ же крестьянинъ разсказывалъ, что въ п. *в* онъ разрылъ мѣстность, въ которой наверху повидимому былъ сдѣланъ обширный котелъ, а внизу этого мѣста была обгорѣлая, спекшаяся въ камень, земля. Ближе къ *Билярскѣ*, противъ того мѣста, гдѣ наружные валы прекращаются, находится замѣчательная система укрѣпленій; противъ этихъ укрѣпленій видны въ 3 мѣстахъ проѣзды черезъ валы. Система этихъ укрѣпленій мною изображена на планѣ подъ лит Е. Расположеніе валовъ таково, что желавшему попасть внутрь городища приходилось проѣхать мимо нѣсколькихъ рядовъ валовъ; въ срединѣ этой системы укрѣпленій, въ пунктѣ *а*, находится четыреугольная яма, очевидно оставшаяся послѣ какого либо зданія; съ внутренней стороны этихъ дополнительныхъ валовъ находится, особенно на самомъ внѣшнемъ, много впадинъ, вѣроятно имѣвшихъ одинаковое назначеніе съ замѣченными мною въ другихъ мѣстахъ. Отъ пункта *е* валъ принимаетъ одиночный видъ за исключеніемъ мѣстности *ж*, гдѣ валъ имѣетъ два гребня, одинъ по одну сторону вершины вала, а другой по другую, и при томъ гребни эти не приходятся одинъ противъ другаго, но съ окончаніемъ гребня по одной сторонѣ начинается его продолженіе по другой сторонѣ; гребни длиною саженъ 5 каждый. На этомъ же мѣстѣ находятся еще укрѣпленія снаружи вала: 2 вала, другой каждый по 7 саженъ длины, съ 2 впадинами въ каждомъ; съ внутренней стороны валовъ находятся два вала, лежащіе перпендикулярно къ нимъ; одинъ длиною 4 сажени, а другой 7 саж., разстояніе между ними 5 саженъ; на этихъ валахъ встрѣчаются по обѣ стороны

впадины. Эти два внутренніе вала слѣдовало бы раскопать. Нѣсколько ниже этого мѣста р. *Билярка*, ударяясь въ берегъ, разрушила валъ и круто отходитъ къ другому берегу; валъ идетъ далѣе по высокому берегу оврага, на днѣ котораго извивается *Билярка*; у поворота Билярки въ пунктѣ *э* на СВ и валъ поворачиваетъ на СВ и идетъ чрезъ пригородъ почти съ одномъ направленіи до исходнаго сѣвернаго угла. Въ началѣ этого направленія валъ имѣетъ тройной видъ. У сѣвернаго угла валъ принимаетъ одиночный гребень; здѣсь встрѣчается опять раздвоеніе на протяженіи 30 саженъ съ выходомъ къ наружи и въ самомъ углу находится большая яма. Часть внутренняго вала, находящаяся подъ училищемъ, уже довольно испорчена. Въ валу во многихъ мѣстахъ, особенно по берегу *Билярки*, устроены бани, въ которыхъ печи устроены изъ кирпича, добываемаго изъ бугровъ, находящихся внутри городища. Въ скоромъ времени здѣсь могутъ совершено пропасть слѣды валовъ, такъ какъ кое гдѣ они срываются, а рвы заваливаются навозомъ; кромѣ того въ валахъ еще устраиваются сухіе погреба для храненія разныхъ вещей, а сравненныя вершины валовъ служатъ хорошими мѣстами для молотьбы хлѣба.

Обозрѣвая вообще строеніе вала, мы видимъ, что южная линія представляетъ замѣчательную систему укрѣпленій; западная часть естественно защищается довольно глубокимъ оврагомъ, по которому течетъ *Билярка*; что касается до СЗ стороны, то о ней затруднительно теперь судить; съ СВ, какъ видно, защищалъ валъ мочажинникъ, который и до сихъ поръ находится въ изгибѣ валовъ.

Въ книгѣ пр. Шпилевскаго „Древ. города и проч". (стр. 350) упомянуто о трехъ укрѣпленіяхъ, находящихся между валами внѣшнимъ и среднимъ около Шаминской и Адамской дорогъ и объ укрѣпленіи, лежащемъ на восточомъ углу внутренняго городища, причемъ выказывается, что эти группы земляныхъ бугровъ составляютъ могильные курганы; но изъ сдѣланнаго мною описанія ихъ надо скорѣе и вѣрнѣе предполагать, что это были укрѣпленія, защищающія проходы въ валахъ. Далѣе упомянуто, что раздвоенія въ валахъ—родъ батарей, шанцевъ или ретраншаментовъ—могли быть позднѣйшими прибавками: не мудрено, говоритъ Второвъ (стр. 351), что, когда устраивалась закамская черта, древнія укрѣпленія были дополнены новыми; но мнѣ кажется, что всѣ валы были

устроены одновременно и не имѣютъ слѣдовъ позднѣйшихъ работъ. Кромѣ того, самыя укрѣпленныя мѣста по южной линіи внутреннаго вала и по сѣверовосточной линіи наружныхъ валовъ очень удалены отъ пригорода Билярска; нужно при этомъ имѣть въ виду и то, что поселенія первыхъ стрѣльцовъ располагались на сѣверѣ, между внутреннимъ и наружными валами.

Описавши строеніе валовъ и укрѣпленій Билярскаго городища, я перейду къ описанію слѣдовъ населенія, какія встрѣчаются на площади внутренняго городища и на пространствѣ, находящемся между внутреннимъ и наружными валами.

Площадь, окруженная внутреннимъ валомъ, очевидно представляетъ мѣсто жительство лицъ, управлявшихъ городомъ и страною. Внутри этой площади, почти въ центрѣ ея, находится много бугровъ; нѣкоторые изъ нихъ уже распахиваются, другіе остаются нетронутыми и покрыты травой; вся эта бугристая мѣстность называется собственно *„жилищемъ“*, а также называется *„столбомъ“*. Спросишь: гдѣ найдена вещь? получаешь въ отвѣтъ: „на жилищѣ“ или „на столбѣ“. Я старательно пытался опредѣлить, какая собственно мѣстность называется столбомъ,—и замѣтилъ что слово „столбъ“ пріурочиваютъ болѣе всего къ мѣстности обозначенной на планѣ подъ лит. *а*; остальные бугры называются просто буграми или „марками“. Относительно мѣстности, къ которой спеціально относится названіе „столбъ“, я замѣтилъ, что эта мѣстность перерѣзана каналами, имѣющими направленіе почти съ З на В; канавы имѣютъ до 1½ аршина глубины и ширины и до 10 саженъ длины; устроены на разстояніи сажени одна отъ другой. Семь канавъ хорошо сохранились. Пространство канавъ занимаетъ болѣе 11 саженъ съ С на Ю, съ незначительнымъ уклоненіемъ къ западу. Кругомъ этого пространства находятся продольныя канавы, служившія повидимому основаніемъ для стѣнъ зданія; канава по западной сторонѣ еще сохраняется, а на восточной сторонѣ частью засорилась. Въ канавахъ этихъ находились прежде очень большіе строевые камни; поверхъ земли и камней на всемъ этомъ пространствѣ былъ устроенъ полъ изъ алебастра; образчикъ этого пола представляется при семъ. Назадъ тому еще немного лѣтъ надъ этимъ мѣстомъ возвышалась большая груда строевыхъ бѣлыхъ камней; отцы те-

переншихъ 60-ти лѣтнихъ людей разсказывали своимъ сыновьямъ, что когда они были еще малыми парнями, то взлѣзали на эту груду камней при помощи жердей, для наблюденія за разошедшейся по сторонамъ скотиной; съ бугра были свободно видны дальніе валы. Слѣдовательно еще не болѣе 100 лѣтъ назадъ груда камней на этомъ мѣстѣ поднималась сажени на 2 или на 3. Разбирали эту груду постепенно, но особенно энергично за разборку ея принялись крестьяне въ послѣднія 15 лѣтъ, когда стали строить церкви въ селахъ Полянкахъ, Горкѣ и въ самомъ Билярскѣ. Когда дошли до пола, то на послѣднемъ было замѣчено нѣсколько человѣческихъ костей, изъ которыхъ однѣ лежали въ порядкѣ, а другія въ различныхъ направленіяхъ; я спрашивалъ двухъ крестьянъ, особенно потрудившихся при разборкѣ этой груды камней, о томъ, нельзя ли тутъ предполагать усыпальницы людей,—и крестьяне не считали возможнымъ допустить такое предположеніе, такъ какъ многія кости лежали на полу въ безпорядкѣ, что не могло бы быть въ усыпальницѣ. Одинъ изъ крестьянъ нашелъ здѣсь на полу серебряный перстень, кусокъ кожи, повидимому отъ сапога, и обрывокъ матеріи. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что на концахъ канавъ у стѣнъ возвышались столбы до 2 аршинъ въ толщину; затѣмъ нѣсколько въ срединѣ по канавамъ возвышались такой же величины столбы, на иной канавѣ по одному, на другихъ по 2 столба. Во время разборки стѣнъ эти столбы доходили до 2 аршинъ высоты; въ основаніи лежали большіе, хорошо обтесанные, камни, сверху клались камни меньшей величины—но во всей этой грудѣ кирпича не встрѣчали. На сѣверномъ концѣ этого замѣчательнаго остатка стариннаго зданія видны слѣды четыреугольника, примыкающаго къ послѣдней канавѣ, стороны котораго имѣютъ сажени по 2: здѣсь какъ будто были входныя сѣни. Въ углу между этими „сѣнями" и стѣной съ сѣверной стороны стояла башня: здѣсь въ настоящее время видна очень глубокая яма, имѣющая болѣе 3 саженъ въ діаметрѣ. Въ этомъ то именно мѣстѣ находился нѣкогда „столбъ", ширины и длины до 3 саженъ, который возвышался на нѣсколько аршинъ еще на памяти стариковъ: этотъ столбъ имѣлъ очень глубокій фундаментъ; разсказываютъ, что почти у основанія столба пожилые люди видѣли еще окна съ желѣзными рѣшетками, куда встари-

ну дѣти съ глубокимъ страхомъ посматривали. Рычкову передавали (Древ. гор. стр. 352), что подъ столбомъ находятся сокровища: крестьяне разобрали весь столбъ до основанія,—но ничего не было найдено. Р—нъ въ 1831 году еще видѣлъ на мѣстѣ этого строенія кучи камней, причемъ и слѣды столба еще были примѣтны. Остатки столба давали поводъ предполагать, что это могъ быть минаретъ,—слѣдовательно и описанную мѣстность можно признать за остатки храма, который имѣлъ весьма значительные размѣры. Съ юга примыкаетъ къ описанному четыреугольнику полукружіе, въ діаметрѣ саженъ около 8; очень легко можетъ быть, что это полукружіе, имѣющее видъ пристроя, подобнаго нашимъ полукруглымъ алтарямъ, было тою частью въ храмѣ, которыя и понынѣ устраиваются у мечетей для муллъ, и если эта мечеть была соборной, то и мѣсто для муллъ должно было быть большихъ размѣровъ. Отъ этого полукружія остались только канавы, въ которыхъ валяются кое гдѣ куски известковаго цемента и алебастра. Одинъ житель разсказывалъ мнѣ, что рядомъ съ этимъ столбомъ, ближе къ валамъ, было небольшое и невысокое каменное зданіе, при разборкѣ стѣнъ котораго были найдены человѣческія кости, большія и малыя,—лежавшія въ порядкѣ; но изъ словъ его я не могъ уяснить себѣ, по которую именно сторону столба находилась усыпальница. Можетъ быть полукружіе, о которомъ я только что говорилъ, и служило этой цѣли? Тѣла были похоронены въ нишахъ канавъ; украшеній при покойникахъ не находили. — Кромѣ этого мѣста, въ пунктѣ *в*, также называемомъ столбомъ, указываютъ существованіе другаго зданія, построенаго также изъ камней; камни были разобраны постепенно и теперь эта мѣстность запахивается. Тутъ встрѣчаются обломки кирпича и много извести, и вообще земля на этомъ мѣстѣ значительно отличается отъ окружающаго чернозема своимъ сѣропепельнымъ цвѣтомъ; здѣсь встрѣчаются и конусообразные сосуды съ отверстіемъ снизу, о назначеніи коихъ еще не условились; попадается также много битой посуды. Болѣе не указываютъ ни одного мѣста на всемъ городищѣ, гдѣ бы были остатки построекъ изъ тесовыхъ камней; во всѣхъ остальныхъ развалинахъ встрѣчаются одни кирпичи.

Къ западу отъ „столба" находятся, на одной линіи, два колодца; первый небольшихъ размѣровъ, не болѣе аршина

въ поперечникѣ, оказался сухимъ; о другомъ разсказываютъ много замѣчательнаго: сверху онъ также не болѣе аршина въ поперечникѣ, но далѣе въ глубь стѣнки колодца расширяются и на глубинѣ сажени колодецъ представляетъ довольно широкое помѣщеніе, въ которомъ могутъ свободно работать два человѣка; стѣнки этого колодца покрыты веществомъ, образчикъ котораго при семъ представляется; этимъ веществомъ покрытъ срубъ колодца особенно густо въ углахъ. На днѣ колодца находятся доски, подъ ними—вода. Упомянутый мною крестьянинъ Емельяновъ раскопалъ его весь, но на днѣ ничего замѣчательнаго не оказалось; будущей весной я постараюсь колодецъ этотъ внимательно осмотрѣть.

Отъ „столба" на З, СЗ и С находится много бугровъ или марковъ, представляющихъ слѣды старинныхъ зданій; я постарался нанести ихъ на планъ. Болѣе или менѣе отчетливо выдающихся бугровъ будетъ до 15, изъ нихъ 4 имѣютъ особенный видъ. Бугоръ подъ лит. *б* представляетъ продолговатый эллипсисъ, имѣющій направленіе съ СВ на ЮЗ, длиною сажень до 30, поперекъ саженъ до 15, вышиною же болѣе двухъ аршинъ — своего величиною и высотою онъ рѣзко выдается на площади внутри городища. Онъ въ настоящее время распахивается; состоитъ изъ черной земли; около него находятся большія массы кузнечныхъ огарковъ. По мнѣнію крестьянъ онъ представляетъ развалины кузницы большихъ размѣровъ, хотя кузнечныхъ инструментовъ до сихъ поръ не находили,—да онъ повидимому и не былъ раскопанъ. Къ нему примыкаетъ на СВ небольшой бугоръ, имѣющій овальную форму и широкою стороною почти сливающійся съ первымъ бугромъ; онъ будетъ до 15 сажень длины. На обоихъ буграхъ слѣдовъ кирпича совсѣмъ нѣтъ, но попадаются черепки битой посуды; земля на этомъ второмъ бугрѣ сѣропепельнаго цвѣта. На сѣверозападной сторонѣ большаго бугра находится круглый бугоръ, въ діаметрѣ имѣющій до 8 саженъ, весьма изрытый, на которомъ попадается масса обломковъ кирпичей и кусковъ извести и штукатурки, а также встрѣчаются и тѣ конусобразные сосуды, о которыхъ я выше говорилъ. Эти конусообразные сосуды встрѣчаются на всѣхъ буграхъ, гдѣ есть слѣды каменныхъ зданій: можно думать, что они служили архитектурными украшеніями.

Около этого бугра, въ СВ, встрѣчается масса битой посуды и саженяхъ въ 30—40 на всѣ стороны крестьяне вырываютъ изъ земли очень много костей животныхъ; кости попадаются не глубоко отъ поверхности земли, на ¼—¾ аршина. О добываніи костей будетъ мною сообщено далѣе.

Замѣчательный по величинѣ бугоръ находится также въ С отъ столба, саженяхъ въ 10; этотъ бугоръ представляетъ эллипсисъ съ В на З; весьма изрытъ; на этомъ бугрѣ масса извести, битаго кирпича и битой посуды; осколковъ строеваго камня нѣтъ. На этомъ именно бугрѣ былъ разрытъ колодецъ, въ которомъ найдено очень много мѣдной посуды, которая была продана землевладѣльцу Ермолову за 40 рублей, назадъ тому 4—5 лѣтъ. Другой колодецъ былъ разрытъ около кузнечнаго бугра; въ немъ былъ найденъ мѣдный сосудъ съ деревянными ложками, которыя имѣли ту особенность, что та часть ложки, которою черпаютъ, была не на одной линіи съ ручкой, а поперекъ къ ней. Эти находки находятся въ коллекціи А. Ѳ. Лихачева.

На СЗ отъ столба лежатъ два продолговатые бугра, длиною до 30 саженъ, шириною не болѣе 10, весьма сильно изрытые; оба они протягиваются параллельно одинъ другому, отстоя другъ отъ друга на 30 саженъ. Разстояніе между столбомъ и первымъ изъ этихъ бугровъ до 40 саженъ. Эти два продолговатые бугра невольно наводятъ на мысль, не были ли тутъ торговые ряды или каравансарай? Къ сожалѣнію люди, находящіе разныя вещи, мало запоминаютъ, на какомъ мѣстѣ они находятъ ихъ; по характеру находокъ можно было бы нѣсколько догадываться о назначеніи зданій, бывшихъ на мѣстахъ находокъ. Одинъ изъ бугровъ я велѣлъ частью раскопать. Этотъ бугоръ (подъ лит. і) кругловидный, вышиною около 1 аршина и около 10 саж. въ діаметрѣ; на югозападной сторонѣ его, чрезъ ½ аршина, оказалась каменная стѣна, сложенная изъ кирпича; верхніе слои были очевидно подъ сильнымъ вліяніемъ влажности, такъ какъ кирпичъ рѣзался легко заступомъ и разламывался; ниже слои кирпича пошли тверже. Одинъ экземпляръ кирпича при семъ представляется. Я предполагалъ разрыть весь бугоръ, но крестьянинъ, который работалъ при раскопкѣ, объявилъ мнѣ, что тутъ недавно разры-

вали и вынули много кирпича. По его словамъ здѣсь были найдены какія то печныя трубы, сложенныя изъ кирпича и покрытыя дресвой, образчикъ которой мною представляется; въ этихъ трубахъ онъ нашелъ много сажи; затѣмъ онъ встрѣтилъ что то въ родѣ желобовъ, по которымъ повидимому текла вода. Такъ какъ дѣйствительно бугоръ былъ сильно изрытъ, то я отъ дальнѣйшей раскопки отказался. Въ буграхъ, находящихся между столбомъ и крайними буграми, которымъ я готовъ дать названіе торговыхъ рядовъ, встрѣчалось вездѣ много кирпича, извести и битой посуды. По направленію отъ продолговатыхъ бугровъ къ пригороду, а также и къ валамъ, находящимся на СВ, встрѣчается много бугристыхъ мѣстъ, которыя уже распахиваются и очевидно представляютъ слѣды бывшихъ тутъ жилищъ и строеній; какъ ближайшія къ селенію, они скорѣе подверглись разрушенію. Собственно „столбъ" былъ кажется уничтоженъ послѣднимъ; Рычковъ (Др. гор. стр. 352), посѣтившій здѣшнее городище въ 1769 году, видѣлъ множество знаковъ каменныхъ развалинъ па площади внутренняго вала; Р-нъ, осмотрѣвшій городище въ 1831 году, кромѣ столба и кучи камней около него не замѣтилъ слѣдовъ каменныхъ развалинъ: слѣдовательно въ теченіи 60 лѣтъ эти бугры подверглись сильнѣйшему разрушенію.

Рычковъ видѣлъ множество знаковъ каменныхъ развалинъ между наружными и внутреннимъ валами. На западной половинѣ этого пространства и теперь есть два слѣда бывшихъ зданій, къ югу отъ внутренняго вала. Восточная половина городища была засѣяна хлѣбомъ, а потому трудно было замѣтить слѣды, но не далеко отъ сѣвернаго угла, на востокъ, есть признакъ обширнаго строенія; здѣсь была назадъ тому нѣсколько лѣтъ обширная широкая и глубокая печь на подобіе нашихъ русскихъ, отъ которой шло много трубъ въ разныя стороны; крестьянинъ Тюпинъ, который раскапывалъ тутъ, предполагаетъ какое либо промышленное заведеніе—заводъ, а можетъ быть баню. Эту мѣстность слѣдовало бы тщательно раскопать.

Я не разъ упоминалъ, что на остаткахъ старыхъ жилищъ встрѣчается много битой посуды. Битая посуда находится по всему городищу, а также и въ валахъ, особенно много битой посуды попадается на пространствѣ между внутреннимъ валомъ, Биляркою и внѣшнимъ валомъ,—такъ много, что это

удивляетъ даже жителей, которые имѣютъ тутъ свои земельные участки для пашни.

Затѣмъ очень много попадается костей въ землѣ, на глубинѣ ¼—¾ аршина, около кузнечнаго бугра, во всѣ стороны на 30—40 саженъ; отъ „столба“ къ СВ до валовъ мѣстность также изобилуетъ костями; еще указываютъ у р. Билярки, при вступленіи ея въ городище, мѣсто, также весьма обильное костями; тутъ и земля имѣетъ сѣропепельный цвѣтъ.

Рытьемъ костей занялись крестьяне въ 1877 году, когда былъ неурожай въ этой мѣстности,—ранѣе этого времени крестьяне и не думали объ этомъ промыслѣ; попадались ямы, изъ которыхъ добывалось пудовъ по 200 костей; въ 1877 году было продано костей тысячи на три рублей, и съ того времени бѣдные крестьяне до сихъ поръ занимаются добываніемъ и продажей ихъ; пудъ костей стоитъ отъ 20 до 30 копѣекъ Крестьяне мнѣ разсказывали, что въ ямахъ попадаются кости точно сортированныя: такъ въ иныхъ ямахъ по преимуществу попадаются ножныя кости отъ большихъ животныхъ, а въ другихъ ребра и т. п.; кости попадаются все вареныя (?). Подобная сортировка костей наводитъ на мысль, что нѣкоторыя мѣста, обильныя костью, могли быть кладовыми, гдѣ покупали и продавали кость; въ ямахъ попадаются кости, бывшія и въ обработкѣ, напр. много костей перепиленныхъ, много костей, подготовленыхъ къ дальнѣйшей обработкѣ, много обломковъ, очевидно сдѣланныхъ во время работъ. Къ ЮВ отъ большаго кузнечнаго бугра при мнѣ крестьяне выкопали много подобныхъ костей и костяныхъ вещей. Говорятъ, что особенно много костей было найдено около вала, къ СВ отъ бугровъ; крестьяне тутъ совсѣмъ разрушили въ 2 мѣстахъ валъ въ поискахъ за костями.

Обиліе костяныхъ находокъ свидѣтельствуетъ, что въ Билярскѣ процвѣтала костяная промышленность; съ другой стороны, обиліе костей свидѣтельствуетъ о томъ, что жители употребляли въ большомъ изобиліи животную пищу, а множество находимыхъ крупныхъ костей показываетъ, что крупный скотъ истреблялся въ большомъ количествѣ жителями Билярска; при раскопкѣ, сдѣланной мной въ укрѣпленіи на восточномъ углу внутренняго вала, въ короткое время было выкинуто весьма много костей.

Вырывая кости, одна женщина наткнулась и на человѣческія кости: онѣ попадаются на западной сторонѣ городища, на обоихъ берегахъ Билярки, тамъ, гдѣ въ Билярку впадаетъ слѣва небольшой родникъ. Попадаются кости и отдѣльно, и кучами; скученность костей заставляетъ думать, что здѣсь могли быть общія могилы; мѣсто, занимаемое этимъ древнимъ кладбищемъ, довольно значительно, не меньше нынѣшняго православнаго: оно, согласно указанію пр. Шпилевскаго, находится по обѣ стороны рѣчки, но не Серебрянки, а Билярки и родника. На этомъ кладбищѣ также попадается битая посуда, но памятниковъ нѣтъ никакихъ (¹). Г. Шпилевскій упоминаетъ и о чувашской деревнѣ, которая была въ западномъ же углу внутренняго городища; но у жителей не осталось никакихъ преданій о существованіи чувашской деревни. Наоборотъ, чуваши, живущіе въ дд. Верхней и Нижней Кондратахъ, имѣютъ преданіе, что во время поселенія ихъ въ Верхней Кондратѣ, между Билярскомъ и Баганою не существовало никакихъ селеній, слѣдовательно они появились позже основанія Билярска. Интересно знать, откуда было взято свѣдѣніе о существованіи Чувашской деревни въ этомъ углу городища, надо замѣтить очень неудобномъ для жительства по случаю влажной почвы?

Я исходилъ внутреннее городище по разнымъ направленіямъ—видѣлъ массу черепковъ на землѣ, кузнечные огарки, на глубинѣ ¼—¾ аршина находили при мнѣ кости,—но не находилъ на поверхности земли комковъ кирпича; обломки кирпича находились только на буграхъ; неужели въ Бюлярѣ жители обходились безъ печей? Я не мало спрашивалъ жителей, не замѣчали ли они гдѣ въ землѣ слѣдовъ печей, и очень немногіе могли сказать, что подъ почвой находили печи; по распросамъ моимъ оказалось, что извѣстно весьма немного находокъ печей. Открываемыя печи походили на наши русскія, но, по всѣмъ отзывамъ, были гораздо болѣе нашихъ: да еще удивляло крестьянъ то, что отъ нихъ расходились трубы по разнымъ направленіямъ. Я считалъ бы полезнымъ предложить премію отъ 5 рублей и болѣе тому,

(¹) У сѣвернаго угла наружнаго городища также указываютъ древнее кладбище.

кто нападетъ на древнюю печь и раскроетъ ее, а члена сотрудника общества Н. И. Дмитревскаго просить снять планъ и рисунокъ печи и, если можно, сохранить печь до пріѣзда кого либо отъ Общества.

Окончивъ описаніе Билярскаго городища, я сдѣлаю описаніе пріобрѣтенныхъ мною въ бытность въ пригородѣ Билярскѣ вещей.

I. *Монеты.*

Изъ монетъ, находимыхъ на жилищѣ, мнѣ принесли только одну мѣдную монету величиною съ 2 копѣйки, съ довольно хорошо сохранившеюся надписью, но года этой монеты я не могъ опредѣлить. При сообщеніи отъ 8 февраля сего года (1881) онѣ были представлены мною въ общество.

II. Предметы *изъ золота и серебра.*

Изъ золотыхъ вещей мною пріобрѣтены: 1) Кольцо, состоящее изъ проволоки съ утонченными концами, которые должны были между собою вѣроятно змѣевидно переплетаться на подобіе того, какъ видно это на кольцѣ у серебрянаго амулета; вѣситъ болѣе 1 золотника. 2) Привѣска къ булавкѣ или другому какому нибудь украшенію въ видѣ бубенчика, висящаго на цѣпочкѣ; на ней замѣчательно украшеніе, состоящее изъ двойнаго крученаго пояска, къ которому придѣланы по обѣ стороны 5 треугольниковъ изъ точекъ, заканчивающихся 2 крестиками изъ точекъ; подобный крученый поясокъ встрѣчается и у ушка, къ которому придѣлана цѣпочка изъ очень тонкой золотой проволоки; вообще вещь исполнена весьма изящно и искусно. 3) Маленькій кусочекъ листоваго золота, служившій украшеніемъ; этотъ кусочекъ представляетъ лепестокъ съ дырочкою, вѣроятно для пришиванія на одежду.

Изъ серебряныхъ вещей представляются слѣдующія: 1) Амулетъ въ видѣ коробочки, куда вкладывалась вѣроятно какая нибудь священная вещь, или молитва, или какое нибудь священное изрѣченіе, висящій на кольцѣ, концы котораго змѣевидно перевиты. 2) Два перстня,—у одного на плоской части ничего нѣтъ, а у другаго очень харак-

терное украшеніе. 3) Верхняя плоская часть перстня, съ украшеніями. 4) Слитокъ серебра въ 9 золотниковъ, согнутый въ видѣ желоба.

III. Издѣлія *изъ мѣди, свинца и олова.*

Изъ мѣдныхъ вещей замѣчательна вещь въ родѣ кистеня, очень хорошей, изящной, отдѣлки; 2) двѣ вещи, вѣроятно служившія игрушками, имѣющія видъ трубочекъ для свистѣнія, изъ нихъ одна съ ушками и довольно хорошо сдѣлана; 3) привѣска къ серьгамъ, а можетъ быть къ косѣ, съ ушкомъ и 3 привѣсками въ видѣ бубенцовъ; 4) двѣ восьмигранныя призмы съ точками на обоихъ основаніяхъ и по гранямъ—могли быть гирями; 5) 18-гранное тѣло съ инкрустаціями изъ другаго вещества; 6) вещь непонятнаго назначенія со сквознымъ отверстіемъ, на ней по нижнему ободку характеристическіе кружки съ точкою въ срединѣ; 7) мѣдный низкій цилиндръ съ ямой въ верхнемъ основаніи—тоже могъ быть гирей; 8) мѣдная стрѣлка; 9) мѣдная вещь съ ушкомъ вверху и 6 отверстіями на низу — неизвѣстнаго назначенія; 10) бубенчикъ; 11) чашечка на 3 ножкахъ; 12) 2 мѣдныхъ кольца съ украшеніями; 13) позолоченная сверху мѣдная вещь съ 3 отверстіями; 14) 3 мѣдныя пластинки; 15) ушко отъ сосуда; 16) петля; 17) скобка; 18) 4 вещи непонятнаго назначенія; 19) кусокъ бронзы; 20) вещь въ родѣ таганчика,—всего 28 вещей. При сообщеніяхъ отъ 28 іюня 1880 года и 8 февраля 1881 года мною было доставлено 15 мѣдныхъ вещей.

Изъ оловянныхъ и свинцовыхъ вещей могу указать: 1) весьма характерное головное или грудное украшеніе, состоящее изъ кружка, составленнаго изъ спирально согнутой проволоки; снизу къ нему придѣланы 3 украшенія въ видѣ гусиныхъ лапокъ, составленныя также изъ проволоки съ шариками на концахъ пальцевъ; этихъ лапокъ вѣроятно было четыре, съ задней стороны видно ушко; 2) перстень оловянный, можетъ быть и новѣйшаго времени; 3) двѣ вещи, которыя вѣроятно надѣвались на какой нибудь стержень; 4) кусокъ свинца, свернутый въ трубку; 5) четыреугольный свинцовый кусокъ,—

всего 6 вещей. Кромѣ того 28 іюня 1880 года и 8 февраля 1881 г. мною было доставлено въ Общество 2 вещи.

IV. Издѣлія *изъ желѣза и чугуна.*

Изъ желѣзныхъ вещей я пріобрѣлъ: 1) значительную коллекцію замковъ съ ключами, изъ нихъ лучшіе экземпляры при семъ представляются: 2 замка, отъ третьяго вкладная часть и 5 ключей; 2) 3 гири, одна большая съ ручкой, фунтовъ въ 5, а другія двѣ кубическія; 3) девять различныхъ желѣзныхъ стрѣлъ, изъ нихъ 1 особенно чисто выдѣлана, четырегранная, остальныя — формы лепестка, болѣе или менѣе широкія; 4) вещь въ родѣ каблучка; 5) ядро желѣзное съ 2 отверстіями; 6) желѣзное ушко отъ мѣднаго или бронзоваго сосуда, чрезвычайно грубой работы; крайняя несоотвѣтственность желѣзнаго матеріала тонкому бронзовому листу не можетъ ли свидѣтельствовать о значительной древности вещи, сдѣланной очевидно въ то время, когда еще не умѣли обращаться съ желѣзомъ? 7) 5 гвоздей, у двухъ шляпки пирамидальныя четырехгранныя; 8) сосудъ съ отверстіемъ на днѣ; 9) желѣзная бабка въ родѣ маленькой наковальни; 10) 4 скобки, изъ нихъ 3 довольно хорошо сдѣланы; 11) Семь ножей разныхъ величинъ, всѣ неболѣе средней величины, лезвіе вогнутое; 12) вещь въ родѣ скалпеля, съ одного конца зубчатаго, а съ другаго гладкаго, найдена на жилищѣ; 13) удочка; 14) шило; 15) два долота; 16) звѣно отъ цѣпи; 17) 2 вещи въ родѣ огнивъ; 18) крученая вещь неизвѣстнаго назначенія, — всего 51 вещь. Желѣзныхъ вещей мною доставлено въ Общество 28 іюня 1880 г. и 8 февраля 1881 г. 20 штукъ.

V. Издѣлія *изъ кости и рога.*

Издѣлій изъ этихъ предметовъ встрѣчается очень много на Билярскомъ городищѣ. Имѣю честь представить вниманію Общества слѣдующія вещи.

а) Вещи наиболѣе обработанныя: 1) 8 острыхъ наконечниковъ и 3 наконечника тупыхъ; 2) обрубокъ рога, вѣроятно

приготовленный для обработки; 3) кусокъ рога, очень хорошо обточенный неизвѣстно для какого употребленія съ углубленіемъ внизу; 4) костяная крышечка съ мѣднымъ ушкомъ, въ которомъ есть отверстіе; 5) шпилька напоминающая формою змѣя, съ головою на одномъ концѣ съ разинутою пастью и сквознымъ отверзстіемъ въ головѣ, соотвѣтственно глазамъ; другой конецъ нѣсколько отломленъ; 6) вещь въ родѣ шпильки съ отломленнымъ концомъ; 7) 2 амулета повидимому изъ дорогой кости—одинъ не совсѣмъ отдѣланный, а другой выдѣланный; на немъ съ обѣихъ сторонъ по 9 кружковъ съ точкою въ рединѣ, въ шейкѣ продѣлано отверзстіе для подвѣшенія на ниткѣ и въ верхней части сдѣланы по 2 нарѣза — это обыкновенная форма этого рода издѣлій.

б) Еще изъ кости выдѣлывались кружки съ отверстіями на срединѣ и съ украшеніями на верхней сторонѣ— вѣроятно, эти вещи служили пуговицами. Ихъ представляется 7 предметовъ. Устройство ихъ довольно однообразное: кругомъ отверстія устроенъ ободокъ; на нѣкоторыхъ есть насѣчки прямыя, косыя и углами; между насѣчками встрѣчаются кружки съ точкою въ срединѣ, а на зеленой пуговицѣ эти кружки даже и на насѣчкахъ сдѣланы; число насѣчекъ обыкновенно 3 между кружками; тройственность встрѣчается и на гребняхъ; пуговицы окрашены въ разнообразные цвѣта—зеленый, коричневый и чорный.

в) Попадаются еще особыя подѣлки изъ кости, состоящія изъ продолговатыхъ, продырявленныхъ костей, нѣкоторыя изъ нихъ хорошо отшлифованы; у 2 изъ нихъ задняя сторона изсѣчена, точно для удобства ихъ наклейки; у одной вещи по бокамъ находятся характерные кружки съ точками; вещей этого рода представляется 7 предметовъ.

г) Наконецъ попадаются костяныя издѣлія на различныхъ степеняхъ производства. Я собралъ много предметовъ этого рода промышленности для болѣе обширнаго ознакомленія съ нею, такъ какъ она была очевидно въ цвѣтущемъ состояніи: 1) 5 кусковъ ножныхъ костей; онѣ были надпилены и за тѣмъ переломлены; но еще ранѣе пилки онѣ были расколоты вдоль,—для распилки костей какъ видно употреблялся очень хорошій инструментъ; 2 изъ нихъ подверглись дальнѣйшей переработкѣ — изъ

нихъ предполагалось вѣроятно выдѣлать гребень и амулетъ; 2) 6 издѣлій, изъ нихъ 4 готовыхъ гребня, одинъ изъ нихъ былъ на обѣ стороны — съ одной частый, а съ другой рѣдкій; 2 куска кости приготовленные для выпилки гребней; на готовыхъ гребняхъ находится характерное украшеніе: кружки съ точкою внутри — на одномъ 3 раза по одному кружку, на другихъ 3 раза по 3 кружка вмѣстѣ; 3) 6 предметовъ, представляющихъ производство амулетовъ на разныхъ ступеняхъ; изъ нихъ 2 обломка, гдѣ еще ушко не было выдѣлано; на выдѣланныхъ уже сдѣланы и кружки съ точками, по 7—12 на сторонѣ, — число кружковъ слѣдовательно было неопредѣлено, ставились они по окраинамъ; 4) кость съ налитымъ въ ней оловомъ очевидно для игры въ бабки, но этотъ налитокъ совершенно отличается отъ нашихъ. 5) 5 стрѣловидныхъ кусковъ; 1 въ родѣ указки, какія употребляются во время ученія; 6) одна ребреная кость съ 3 отверстіями по краямъ; 7) костяная дудочка, подобная мѣднымъ, упомянутымъ много въ отдѣлѣ мѣдныхъ издѣлій.

Всего представляется издѣлій изъ кости и рога 58 экземпляровъ; этого рода издѣлій мною представлено кромѣ того 28 іюня 1880 года и 8 февраля 1881 года 42 предмета.

VI. Очень часто находятъ на Билярскомъ жилищѣ разныя *пронизки*, которыя могли служить для ожерельевъ, пуговицъ, привѣсокъ, четокъ и пр. Всѣхъ пронизокъ собрано мною 28 штукъ, изъ нихъ изъ сердолика 5 шт.,—на двухъ изъ нихъ проведены бѣлыя полоски, на одномъ прямыя, а на другомъ въ перемежку съ зигзагами,—обѣ 12 гранныя; 1 четырехгранная, 1 представляетъ сплюснутый многогранникъ, 1 сферическая, по которой по серединѣ проходятъ линіи зигзагами и спирально; эти линіи сдѣланы выпукло на шарикѣ и весь шарикъ покрытъ бѣлою поливою; 2 пронизки изъ черной стекловидной массы съ зигзагами изъ бѣлой массы; 1 кружокъ изъ стекловидной просвѣчивающей массы темнокраснаго цвѣта; 1 пронизка цилиндрической формы изъ коричневой массы съ круглыми инкрустаціями; 1 пронизка приплюснутой формы изъ янтаря, 1 изъ сѣрой глины, окрашенная голубою краскою. Вещс-

ство другихъ пронизокъ не могу опредѣлить. Между пронизками находится обломокъ изъ голубой стекловидной массы съ вкрѣпленными разноцвѣтными кружками. Наконецъ двѣ раковины, на одной, перламутровой, есть кружки съ точками.

Къ числу предметовъ этого рода причислены мною: янтарный амулетъ, крестикъ, при мнѣ найденный на жилищѣ около столба, кусокъ янтаря, сердоликовый камень очевидно употреблявшійся въ перстняхъ и обломокъ какой то стекловидной массы.—Всего 33 штуки.

Въ числѣ предметовъ этого же разряда представляется кусокъ браслета, также изъ стекловиднаго вещества; онъ точно былъ посеребренъ.

VII. Издѣлія *изъ глины и простыхъ камней.*

а) На первомъ мѣстѣ я могу указать издѣлія простѣйшія: 1) Горшокъ въ 3½ вершка вышины, изъ черной глины, на верхней части сдѣланы на 4 мѣстахъ нарѣзки, напоминающія елки, вершиною къ низу; кромѣ того по горлышку сдѣланъ поясокъ; 2) Кувшинчикъ изъ красной глины вышиною въ 2½ вершка, онъ былъ найденъ цѣлымъ, но во время дороги часть его изломалась отъ тренія; у этого кувшина внизу есть отверстіе; 3) Кувшинчикъ изъ темно-сѣрой глины, имѣющій нѣкоторое сходство съ № 2, но безъ отверстія внизу. Замѣчу, что я видѣлъ множество обломковъ отъ маленькихъ горшковъ съ отверстіями на днѣ; для чего они могли служить? 4) Стаканъ изъ красной глины, въ 2½ вершка высотою, съ обломаннымъ верхнимъ краемъ; 5) Двѣ плошки, служившія для освѣщенія; 6) Большая чашка изъ черной глины, въ четверть шириною въ верхнемъ поперечникѣ; 7) 2 ручки отъ сосудовъ,—у одной отверзстіе насквозь, нижняя часть ручки съ выемками для удобства держанія, а на верхней части, по гребню, сдѣланы нарѣзки, вторая ручка отъ кувшина, на ней обращаетъ вниманіе шишка, сдѣланная на верхней части ея; 8) Обломокъ такой же ручки; 9) Пять крышекъ разной величины, на двухъ есть украшенія, на одной углубленіе; 10) 2 донышка отъ сосудовъ; 11) Глиняный пестъ. Всего 18 вещей.

б) Обращаютъ на себя вниманіе другаго рода сосуды, сдѣланные чрезвычайно прочно. Изъ нихъ 3 сосуда, имѣющіе конусообразную форму: одинъ изъ нихъ совершенно цѣлый, около узенькаго горлышка находятся 2 пояска, на верху къ вершинѣ замѣтны вырѣзки въ видѣ тамгъ; у 2-го горлышко немного изломано, на нижней части сосуда 2 пояска, а на пузатой выпуклости видны знаки (тамги); отъ 3-го сосуда представляется только верхняя половина, интересная тѣмъ, что гораздо тщательнѣе выдѣлана,—по пузатой выпуклости идетъ поясокъ съ украшеніями и тамгами. Сюда же надо причислить четвертый пирамидальнообразный сосудъ, шестигранный съ конусообразною вершиною; по разсказамъ жителей нижняя отломленная часть имѣла такую же форму, какъ и у первыхъ трехъ; на одной изъ граней есть какія то начертанія сверху книзу; стѣнки ихъ очень толсты и сдѣланы весьма твердо. Эти 4 предмета скорѣе всего слѣдуетъ считать архитектурными украшеніями: они могли надѣваться на желѣзные шпили у воротъ, стѣнъ и т. п.; въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что они находятся преимущественно на тѣхъ буграхъ, гдѣ есть слѣды кирпича и известки, т. е. гдѣ были жилища болѣе зажиточныхъ, богатыхъ, людей. Къ этой же категоріи чрезвычайно прочно сдѣланныхъ вещей я отнесу часть шарообразнаго сосуда изъ красной глины, вершка 3 въ діаметрѣ,—всего 5 вещей.

в) Отъ болѣе изящныхъ глиняныхъ издѣлій находятся только обломки; такихъ черепковъ я представляю 10 шт. Сдѣланы они изъ глины разныхъ цвѣтовъ, и всѣ покрыты разноцвѣтною глазурью или поливой весьма блестящей и хорошо исполненной; цвѣта этой поливы преимущественно бирюзовый, голубой, синій и зеленый. Особенно хорошо отдѣланы: кусокъ ручки коричневаго цвѣта съ бѣлыми пятнами и кусокъ горлышка синяго цвѣта.

г) По матеріалу скорѣе можно причислить къ группѣ *б* обломокъ какого то обширнаго сосуда съ украшеніями; здѣсь замѣчательно изображеніе животнаго, идущаго вправо, съ женскою головою, повернутою къ зрителю (Эль-Боракъ?); около него вытиснуты звѣзды лучевыя съ кружечкомъ внутри; между звѣздами есть выпуклый кругъ, конусовидный, по бокамъ конуса 10 кружковъ съ точкою

въ срединѣ; вершина конуса обрамлена пояскомъ; справа отъ изображенія выпуклый поясъ, идущій къ верху; по гребню пояса проведена черта, а по склонамъ пояса нарѣзки, идущія вкось,—такъ что это рельефное украшеніе напоминаетъ собою хлѣбный колосъ; судя по дугѣ обломка надо думать, что этотъ обломокъ принадлежалъ къ весьма большой посудинѣ.

д) Особыя издѣлія изъ глины и простыхъ камней составляютъ *„напрясла“*, которыхъ я собралъ 18 штукъ, нѣкоторыя изъ глины, другія изъ разныхъ камней. Эти напрясла различной величины и отдѣлки; такъ на одномъ есть угловая нарѣзка.

Всего вещей этого разряда представляется 52 экземпляра; 28 іюня 1880 года и 8 февраля было представлено 5 экземпляровъ.

VIII. Представляю присемъ еще камень, хорошо отполированный, съ ямкой на узкомъ концѣ: этому камню крестьяне даютъ названіе громовой стрѣлы; подобный же камень мною былъ представленъ 8 февраля 1881 года. Они представляютъ собой слѣды древнихъ вѣрованій, по которымъ извѣстнымъ камнямъ приписывали сверхъестественное значеніе, напр. цѣлебное: крестьяне думаютъ, что если этимъ камнемъ потереть больное мѣсто, то болѣзнь проходитъ.

Въ собираніи этой довольно обширной коллекціи, изображающей многія стороны жизни обитателей пригорода Билярска, принималъ весьма дѣятельное участіе членъ-сотрудникъ Общества учитель Билярскаго двухкласнаго училища Н. И. Дмитревскій, который принималъ также участіе въ изученіи городища и въ указаніи лицъ, отъ которыхъ можно было получить тѣ или другія свѣдѣнія.

Вся Билярская коллекція, доставленная мною съ 20 іюня 1880 года обошлась въ 15 рублей, въ числѣ коихъ израсходовано Н. И. Дмитревскимъ изъ выданныхъ ему Обществомъ 10 рублей 7 руб., а остальные 8 рублей непосредственно мною.

Упоминаемыя здѣсь вещи были мною переданы члену общества П. А. Пономареву въ сентябрѣ 1881 года для передачи въ Музей Общества.

II.

Въ 1 верстѣ къ сѣверу отъ Билярска течетъ рѣка *Малый Черемшанъ*, которую крестьяне—окрестные татары—въ разговорѣ между собой называютъ *„Черъмисянъ“*. Проѣхавши мостъ чрезъ рѣку *Черъмисянъ (Черемшанъ)*, приходится подниматься въ гору по довольно отлогому, но длинному, скату по Казанской дорогѣ. Поднявшись на верхъ, мы увидимъ широкое, ровное поле, простирающееся далеко на сѣверо-востокъ по правому берегу рѣки; повидимому эта возвышенность идетъ все возвышаясь до водораздѣла между *Малымъ Черемшаномъ*, текущимъ на ЮЗ къ Волгѣ, и *Шешмой*, текущей къ С въ Каму; этотъ водораздѣлъ отстоитъ отъ Билярска верстъ на 40, но еще верстъ за 20 отъ Билярска, по направленію къ селу Изгару, можно различать мѣстность, окружающую Билярскъ. Съ другой стороны, къ ЮЗ, эта возвышенность идетъ до рѣчки *Барана*, верстъ на 5, и оканчивается у рѣчки Барана очень крутымъ спускомъ. На этой возвышенности находятся нѣсколько городищъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по величинѣ и устройству; эти укрѣпленія должны были имѣть тѣсную связь съ древнимъ городомъ Бюляромъ.

Сперва я опишу мѣстность, извѣстную подъ именемъ *„Балынгузъ“*. Поднимаясь въ гору, на лѣво отъ Казанской дороги видно, на половинѣ горы, бугристое мѣсто, изъ котораго, говорятъ, было вынуто очень много большихъ строевыхъ камней хорошей тески; камни бывали до 30 пудовъ вѣсомъ. Еще ниже, внизу горы, у теперешней часовеньки, у дороги указываютъ мѣсто, гдѣ также были строенія изъ бѣлаго строеваго камня, имѣвшія повидимому видъ широкихъ башенъ; камни съ этого мѣста были разобраны еще нынѣ живущими людьми. Когда заводилось дѣло о постройки церкви въ пригородѣ Билярскѣ, то жители обязались приговоромъ на каждые 10 дворовъ доставить по кубической сажени строеваго камня,—и крестьяне принуждены были энергически взяться за разборку старинныхъ зданій, гдѣ и находили пригодный матеріалъ. По преданію на бугрѣ, лежащемъ по срединѣ ската, существовала прежде мечеть. Поднявшись на гору, влѣво отъ дороги встрѣ-

тимъ большое бугристое мѣсто, занимающее до 20 сажень въ поперечникѣ: эта то мѣстность и называется собственно „Балынгузъ“, а татары называютъ „Булюмерь, Балымерь“; я не могъ точнѣе опредѣлить, которое изъ этихъ названій вѣрнѣе. Земля на этомъ бугристомъ мѣстѣ во многихъ мѣстахъ изрыта. Я велѣлъ въ разныхъ мѣстахъ рыть землю, и оказалось, что почти вся земля состоитъ изъ мусора, въ которомъ попадаются мелкіе куски строеваго камня, кирпича разной величины и извести. Очевидно, этотъ бугоръ образовался изъ мусора, оставшагося послѣ разрушенія бывшихъ на этомъ мѣстѣ зданій. Рычковъ, посѣтившій это мѣсто въ 1769 году, видѣлъ остатки разрушенныхъ зданій, сдѣланныхъ на подобіе палатъ; кромѣ этихъ развалинъ Рычковъ видѣлъ множество памятниковъ. Р—нъ бывшій на этомъ мѣстѣ чрезъ 60 лѣтъ, въ 1831 году, надгробныхъ памятниковъ уже не видалъ—ихъ увозили подъ церкви, на фундаменты подъ домы и на другія нужды. Въ нынѣшнемъ столѣтіи не разъ сюда пріѣзжали различныя лица и разрывали землю; да и крестьяне, въ поискахъ за камнемъ, что можно также вырыли. Встрѣчается при раскопкахъ, говорилъ крестьянинъ Тюпинъ, напасть на могилу—попадается въ могилѣ ниша, въ которой лежатъ кости покойника, заложеннаго повидимому досками или камнями; попадались, говорятъ, каменные своды на подобіе ящиковъ, въ которыхъ оказывались кости, но украшеній при покойникахъ кажется не находятъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ объ этомъ разсказовъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ.

Вправо отъ дороги, саженяхъ во 100 отъ Балынгуза на В, есть такъ называемый „красный маръ“, гдѣ повидимому была кузница, судя по кузнечнымъ огаркамъ; тутъ кромѣ того замѣтно, будто земля на извѣстномъ мѣстѣ была выложена кирпичамъ. Этотъ маръ, я полагаю, слѣдовало бы раскопать. При нынѣшнемъ посѣщеніи Билярска я преимущественно обратилъ вниманіе на полное ознакомленіе съ городищами и слѣдами прежнихъ строеній и памятниковъ; на будущее время можно прямо обратиться къ указаннымъ мѣстамъ для раскопокъ, для которыхъ я могу указать наиболѣе удобное время—средину іюня, когда крестьяне свободны и охотно идутъ на подобныя работы.

Мельниковъ въ своихъ историческихъ актахъ (LXVI, стр. 180) приводитъ любопытную выпись изъ крѣпостныхъ дѣлъ, изъ коей видно, что въ 1677 году Казанскаго уѣзда мурзы, служилые татары и ясашные били челомъ Великому Государю, а въ своей челобитной сказали, что за Камой рѣкой изстари, до взятія Казани, былъ басурманскій городъ Балымерскій, и въ немъ былъ царь Балынъ-гозя; этого царя по смерти его похоронилъ татарскій царь Сафаралей и построилъ надъ нимъ каменную палату,. а для наблюденія за палаткою велѣлъ жить у той палатки, вмѣсто сторожей шести татарамъ и позволилъ имъ владѣть всякими угодьями. Послѣ взятія Казани поселенцы эти всѣ померли, а палата развалилась; татары по указу Великаго Государя снова построили палатку и били челомъ чтобы Великій Государь пожаловалъ, для наблюденія за этой палаткой дозволилъ поселиться служилому татарину Беремейлейку Кулаеву и ясашнымъ татаромъ Янсарину, Шимамстеву и Васильеву у той палатки поблизку, подлѣ рѣчки Терецкой въ одной сторонѣ, и владѣть всякими угодьями по обѣ стороны рѣчки Терецкой къ сѣверу отъ рѣки Малаго Черпана, на востокъ по рѣку Майну, а съ другой стороны по рѣчку Янбахтину (это не Баранка ли, текущая подъ Никольскимъ Бараномъ?); все это пространство длиною до 10 верстъ. Челобитье было уважено, и татары, назначенные быть въ сторожахъ у Балын-Гози, поселились, захвативъ третье поле и сѣнные покосы, отведенные еще ранѣе, въ 1654 году, стрѣльцамъ пригорода Билярска; татары поселились отъ Булярской городовой стороны версты съ полторы, а отъ слободы, которая за городомъ, только съ версту. По этимъ размѣрамъ судя, татарское селеніе было при подошвѣ горы Балынгуза, за Малымъ Черемшаномъ; тутъ дѣйствительно есть рѣчка Торѣцкая, нынѣ называемая чаще Рицкой. Гора Балангузъ обрывается къ З крутымъ оврагомъ, по которому и течетъ съ С къ Малому Черемшану рѣчка Рицка. Далѣе въ той же выписи (стр. 185) говорится, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ поселились татары, къ татарской мечети отнюдь татарской селитьбы не бывало; слѣдовательно, тутъ была татарская мечеть, можетъ быть остатокъ прежнихъ строеній. Долго тягались Билярскіе стрѣльцы съ татарами о землѣ и только въ 1698 году состоялось укрѣпленіе правъ Билярскихъ стрѣль-

цовъ на захваченную татарами землю; татаръ же велѣно было выселить на пустыя степныя ясашныя земли.

Я уже упоминалъ, что на бугрѣ, лежащемъ въ полугорѣ, по преданію была татарская соборная мечеть; но тутъ могли быть и надмогильныя палатки, можетъ быть устроенныя въ родѣ нынѣшнихъ каменныхъ палатокъ, сооружаемыхъ татарами надъ могилами. Мечеть же, о которой упоминается въ выписи, могла быть ниже подъ горой на томъ мѣстѣ около часовеньки, о которомъ я уже упоминалъ. У теперешнихъ жителей нѣтъ никакихъ преданій о бывшей тутъ татарской деревнѣ.

Я выше упоминалъ, что татары бугоръ на вершинѣ горы называютъ *Булюмеръ* или *Балымеръ*; татары передаютъ, согласно ихъ челобитью, что на горѣ былъ похороненъ Балымеръ или Балынъ Гозя, который былъ въ этой странѣ царемъ. По подъ именемъ Балынъ Гози можно разумѣть и другое лицо. Въ сочиненіи пр. Шпилевскаго (Древн. Город. на стр. 63) говорится, что на верху упоминаемой горы были похоронены 2 славнѣйшіе святыхъ, Меулимъ Хоззя и Шебелимъ Хоззя,—по разсказу муллы Рычкову; Шерифъ-Оддинъ Булгари также упоминаетъ сходственное имя Маалумъ Ходжа; Френъ нашелъ выписку, въ которой на вершинѣ Болярской горы въ числѣ похороненныхъ упоминается Малумъ Ходжа. Такъ какъ по свойству татарскаго языка *м* переходитъ въ *н* и *б*, а *у* переходитъ въ *ы*, то изъ именъ Меулимъ, Маалумъ, Малумъ могли образоваться имена Беулимъ, Баалымъ, Балым или Балынъ; Ходжа перешло въ Гозя; слѣдовательно изъ имени древнѣйшаго святаго могло получиться общеупотребительное Балынъ Гозя, а изъ Беулимъ—Булюм, Булюмеръ. Такъ какъ изъ трехъ святыхъ только о Меулимѣ или Малумъ Ходжѣ говорятъ согласно указанные источники, и такъ какъ онъ считается славнѣйшимъ изъ святыхъ, то вершина, гдѣ покоятся его остатки, могла принять его имя—Балынъ Гозя, Балынгузъ. Р-нъ, цитированный мною, также подтверждаетъ это мнѣніе: онъ говоритъ, что тамъ были похоронены святые, въ числѣ которыхъ былъ Баланъ Гозя, отчего гора и удержала имя Балангузъ.

Наконецъ, вчитываясь въ челобитную татаръ, невольно усматриваешь, что царь Балынъ Гозя былъ какъ будто сирота: его хоронитъ другой царь, изъ-за 150 верстъ; памят-

никъ надъ нимъ воздвигаютъ не родные и не подданные; распоряженіе о поселеніи татаръ для сохраненія надгробной палатки сдѣлано не наслѣдниками Балынъ Гозя, а другимъ, стороннимъ, царемъ; самое распоряженіе поселить около памятника сторожей свидѣтельствуетъ, что мѣсто, гдѣ былъ похороненъ царь Балынъ Гозя, было пустынное, не заселенное; когда эти сторожа послѣ взятія Казани умерли, то все было въ запустѣніи и палата развалилась. Вся эта обстановка не свидѣтельствуетъ ли о томъ, что уже не было никакого значительнаго города на мѣстѣ Билярска, ни въ близкихъ окрестностяхъ его въ то время, когда татарскій царь Сафаралей (Сафа-Гирей) построилъ памятникъ надъ могилою Балынъ Гози или Булюмеря, какъ произносятъ татары? О почитаніи этого святаго указано въ книгѣ пр. Шпилевскаго очень подробно.

III.

Саженей за 30 отъ *Балынгуза* начинаются валы, ограничивающіе огромное пространство. По краю оврага, на днѣ котораго течетъ рѣчка Торѣцкая, идетъ къ сѣверу валъ,—частію хорошо сохранившійся, частію исчезающій,—по крайней мѣрѣ на протяженіи 1½ версты; потомъ онъ заворачивается дугой къ востоку и доходитъ до овраговъ, раздѣляющихъ Балынгузскую возвышенность отъ возвышенности, на которой лежитъ *слобода Богоявленская—Горки* тожъ. На восточномъ направленіи валъ имѣетъ видъ дуги, выгнутой къ сѣверу, тянется на протяженіи около 2 верстъ и заворачивается постепенно къ югу, вдоль овраговъ. По краю возвышенности отъ Балынгуза тянется на востокъ валъ также до овраговъ, отдѣляющихъ эту возвышенность отъ Горской возвышенности; здѣсь валъ тянется на протяженіи 1½ версты. Такимъ образомъ городище представляетъ полукружіе, длиною на сѣверъ до 3 верстъ, на западъ до 2 и на югъ до 1½. На востокѣ, у оврага, находится новое городище, перегороженное на 3 части двумя средними валами. Изъ приложеннаго плана этого городища (лит. Е.) можно усмотрѣть, что здѣсь имѣется какъ будто 4 городища вмѣстѣ, какъ замѣтилъ это пр. Кондыревъ, бывшій здѣсь въ 1812 году (стр. 356, Древ. гор.). Описаніе этого особаго городища я сдѣлаю отдѣльно. Эти 4 городища,

составляющіе одно цѣлое, по величинѣ своей будутъ равны Билярскому городищу, т. е. окружность городища также будетъ до 10 верстъ. Рычковъ видѣлъ валы около Балынгуза, но не далъ болѣе точнаго обозначенія валовъ; что же касается его мнѣнія, будто они могли служить защитою каменныхъ гробницъ—то этого нельзя допустить: они слишкомъ пространны для этого; да и главное городище (тройное) находится въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ кладбища.

Валы этого нагорнаго городища уступаютъ въ величинѣ и отдѣлкѣ валамъ, находящимся въ пригородѣ Билярскѣ: валъ вездѣ идетъ одиночный, со рвомъ, лежащимъ снаружи валовъ; по наружному краю рва во многихъ мѣстахъ замѣтенъ низкій валъ. Перерывы въ валахъ произошли вѣроятно отъ распашки: поля на вершинѣ горы составляли третье поле Билярскихъ стрѣльцовъ, слѣдовательно они распахивались съ основанія Билярска въ 1652 году. Лучше сохранились валы въ югозападномъ углу и на сѣверо-восточной сторонѣ городища: валы довольно высоки и круто опускаются въ оврагъ. Южный валъ, идущій отъ Балынгуза на востокъ, особенно въ восточномъ его концѣ—сильно разрушенъ вслѣдствіе распашки.

Городище, находящееся на восточной оконечности Балынгузской возвышенности, представляетъ много особенностей. У Горскихъ овраговъ возвышенность имѣетъ выступъ къ югу, на протяженіи 1 версты, имѣющій въ началѣ выступа около 1 версты въ ширину, а на южномъ концѣ не болѣе 200 саженъ; этотъ выступъ огибается рѣкою Малымъ Черемшаномъ съ ЮВ и Ю сторонъ; на восточной сторонѣ возвышенность къ Черемшану обрывается крутымъ спускомъ; на западной сторонѣ, въ углу, образуемомъ выступомъ, склонъ возвышенности опускается довольно полого. Вотъ на этомъ то выступѣ и устроено особое городище. Я его опишу съ восточной стороны. Приходится подниматься на возвышенность оврагомъ по довольно крутой дорогѣ и такимъ образомъ подъѣхать къ СВ углу городища. Отсюда до внѣшняго вала, упоминаемаго выше, будетъ къ СВ неболѣе $\frac{1}{2}$ версты; внѣшній валъ на СВ идетъ по краю оврага, и между обоими валами возвышенность опускается довольно круто и распахана по краю; по склону растетъ довольно густой и крупный кустарникъ. Съ сѣверовосточнаго угла валъ идетъ на западъ

дугой, выгнутой къ сѣверу, на разстояніи болѣе версты; валъ, одиночный и хорошо сохранившійся, ограниченъ съ съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами.

На разстояніи саженъ 300 отъ СВ угла находились очевидно ворота и въѣздъ, такъ какъ валъ здѣсь понижается и рвы замѣтно засыпаны На сѣверозападномъ углу валъ постепенно загибается къ югу и опускается въ оврагъ; на этомъ углу также есть пониженіе въ валу и мелкость рва, что даетъ поводъ думать, что и тутъ былъ проѣздъ. Оврагъ, въ который опускается валъ, довольно крутой и глубокій; по краю оврага вала нѣтъ. Съ другой стороны оврага подходитъ отъ Балынгуза горный валъ и упирается въ оврагъ; по сю же сторону оврага начинается валъ, идущій далѣе къ востоку, поперекъ городища, дугой, выгнутой къ сѣверу; рвомъ отдѣляется отъ него на югѣ другой небольшой валъ, подобно тому какъ и у вала, идущаго отъ Балынгуза. По одинаковому строенію вала, идущаго внутри городища, съ валомъ, идущимъ отъ Балынгуза, можно думать, что этотъ валъ внутри городища есть продолженіе Балынгузскаго вала. На срединѣ вала замѣтно пониженіе, находящееся противъ сѣверныхъ воротъ. Этотъ валъ, также какъ и Балынгузскій, кое гдѣ прерывается, что вѣроятно произошло отъ распахиванія; въ сравненіи съ сѣвернымъ валомъ этотъ валъ является значительно меньшимъ и болѣе разрушеннымъ, тогда какъ сѣверный валъ отличается цѣлостностью и величиною. Длина городища по западной сторонѣ до края возвышенности будетъ около 250 саженъ. Гдѣ начинается выступъ, тутъ край возвышенности имѣетъ направленіе къ ЮЗ на протяженіи саженъ 200; здѣсь возвышенность имѣетъ довольно пологій спускъ,—эта часть городища слѣдовательно наиболѣе приступна снизу, а потому она и защищена тройными валами, идущими по скату горы у края возвышенности; по этому склону по видимому былъ устроенъ старинный въѣздъ на городище снизу, отъ рѣки; валы высокіе и хорошо сохранились. Далѣе край возвышенности принимаетъ южное направленіе и получаетъ крутой скатъ къ лугамъ у Малаго Черемшана; отъ этого угла идетъ опять поперечный валъ, также выгнутый къ сѣверу, по обѣ стороны котораго идутъ рвы глубиною до 1½ аршина; у южнаго рва на краю есть небольшой валикъ.

Въ серединѣ, соотвѣтственно первымъ двумъ валамъ, есть также пониженіе въ валу для проѣзда. Валъ этотъ лучше сохранился, чѣмъ предъидущій. Онъ идетъ на разстояніи 150 саженъ отъ предъидущаго вала. Весь четыреугольный выступъ, имѣющій отъ втораго поперечнаго вала къ югу около 1 версты. ограниченъ валомъ; этотъ выдающійся выступъ имѣетъ довольно чувствительный склонъ къ долинѣ Черемшана и на южномъ концѣ возвышенность поднимается не очень высоко—слѣдовательно дѣлается опять довольно доступной; вслѣдствіе этого здѣсь по склону идутъ двойные и тройные валы, довольно высокіе и хорошо сохранившіеся, за исключеніемъ валовъ, идущихъ по краю возвышенности, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распахиваются и уничтожаются. Черезъ эти валы на южной сторонѣ—у юго-западнаго угла — замѣтенъ въѣздъ на городище. Восточная сторона городища находится на краю крутаго обрыва къ Черемшану; здѣсь не вездѣ есть валы, но въ мѣстахъ, гдѣ склонъ не совсѣмъ крутой,—по склону устроены валы. Здѣсь внизу есть у самаго спуска 2 озера; преданіе говоритъ, что при разрушеніи здѣшняго города въ эти озера было скинуто изъ города много цѣнныхъ вещей. Хорошо устроенный по окраинѣ оврага валъ начинается на средней трети городища и замыкаетъ среднюю и сѣверную части городища.

Вся площадь этого городища имѣетъ съ С на Ю болѣе 1 ½ версты, съ З на В, въ сѣверной трети около версты, въ средней—около 300 саженъ и въ южной—около 200 саженъ, такъ что площадь заключаетъ около 1½ квад. версты. Городище это лежитъ на поляхъ принадлежащихъ пригороду Билярску и распахивается. Находокъ по всему городищу на Балынгузской возвышенности до сихъ поръ не оказывается; на бугрѣ Балынгузъ только изрѣдка находятъ серебряныя монеты; 5 монетъ мною было представлено 8 февраля 1881 года, да одну серебряную монету при семъ имѣю честь представить,—но къ сожалѣнію сильно истертую.

Было ли это отдѣльное городище устроено одновременно съ валами, идущими отъ Балынгуза, или оно устроено позднѣе, судя по первому поперечному валу—трудно рѣшить теперь. Не здѣсь ли былъ устроенъ Булюмеръ послѣ

разрушенія Бюляра,—о которомъ говорится у пр. Шпилевскаго на стр. 60 (Древ. города и пр.)?

IV.

Я описалъ восточную часть возвышенности Балынгуза; западная часть этой возвышенности также имѣетъ много замѣчательностей въ археологическомъ отношеніи. На западной оконечности эта возвышенность также дѣлаетъ далекій выступъ къ югу, но выступъ этотъ постепенно опускается къ рѣкѣ *Черемшану*, которая огибаетъ этотъ выступъ съ востока и юга и уходитъ далѣе на западъ; выступъ этотъ съ востока весьма круто поднимается и чрезъ $2^1/_2$ версты на западѣ почти отвѣсною стѣною обрывается къ рѣчкѣ *Барану*; форма этого выступа имѣетъ видъ полукруга, вытянутаго къ югу. Выступъ этотъ принадлежитъ къ слободѣ *Никольской* — Никольскій, Солдатскій Баранъ тожъ. На этомъ выступѣ, ближе къ вершинѣ, устроено городище (на планѣ подъ лит. Ж), которое удивляетъ какъ своею величиною, такъ и обширными размѣрами валовъ; мѣсто это находится надъ Никольской Слободой, въ 4 верстахъ отъ пригорода Билярска.

Отъ самаго берега Черемшана поднимается поперегъ выступа валъ по направленію на З на протяженіи $1^1/_2$ версты и доходитъ до крутаго берега рѣчки Барана; нарединѣ вала есть прорѣзъ въ валу, гдѣ должны были быть ворота; здѣсь теперь идетъ дорога изъ Барана на Черемшанскую, у устья Барана, мельницу. Валъ этотъ болѣе Билярскихъ валовъ. У Барана валъ по краю высокаго берега заворачивается къ сѣверу и идетъ на протяженіи 1 версты; съ внутренней стороны есть ровъ глубиною въ саженъ, а съ наружной стороны, гдѣ только склонъ не вполнѣ отвѣсенъ, есть ровъ и небольшой валъ. У оврага, идущаго съ возвышенности къ рѣчкѣ Барану, валъ заворачивается на востокъ, принимаетъ очень значительную высоту и подходитъ дугой къ рѣкѣ Черемшану, къ тому же мѣсту, съ котораго начатъ осмотръ вала. Городище занимаетъ такимъ образомъ около $1^1/_2$ кв. версты, слѣдовательно не менѣе городища, лежащаго на восточной части возвышенности, у слободы Богоявленской. Это городище еще не давно распахивается,—лѣтъ 10 не болѣе,—

9*

а прежде на этомъ мѣстѣ росъ очень густой лѣсъ, который постепенно снизу разчищаютъ. На этомъ городищѣ были найдены 2 серебряные перстня, одинъ очень хорошей работы и съ печатью или гербомъ, а другой также со знаками, но они значительны стерты. Эти перстни пріобрѣтены мною за 1 р. 50 к. при участіи Н. И. Дмитріевскаго. Баранское городище еще вновь распахивается и, судя по этимъ находкамъ, можно надѣяться, что тутъ можетъ быть сдѣлано много разныхъ находокъ и открытій.

Такимъ образомъ противъ Булярскаго городища на сѣверѣ лежатъ 2 значительныя по величинѣ городища: эти городища командуютъ окружающей мѣстностью. Съ нихъ далеко видно во всѣ стороны на З, Ю, и В—верстъ болѣе чѣмъ на двадцать.

V.

Въ книгѣ пр. С. М. Шпилевскаго упоминается (стр. 356) о двухъ городищахъ, расположенныхъ на высокихъ мѣстностяхъ въ 2 верстахъ отъ Билярска; площадь каждаго городища въ 360 кв. саженъ, слѣдовательно городища маленькія— сажень по 60 въ поперечникѣ. Въ 2 верстахъ высокая мѣстность—есть только сѣверная Балынгузская возвышенность: я ее всю *прошелъ* отъ слободы Богоявленской до слободы Никольской на протяженіи 7 верстъ,—и подобныхъ маленькихъ городищъ мнѣ не указывали нигдѣ по горамъ Есть внизу, на склонѣ къ югу отъ Баранскаго городища, у самаго берега Малаго Черемшана, небольшое городище, имѣющее скорѣе четыреугольную, чѣмъ круглую форму (съ 3 сторонъ дугообразную и съ 4-ой западной прямую); поперечникъ его имѣетъ до 60 саж.; городище это окружено валомъ, высотою 1½ сажени, со рвами съ обѣихъ сторонъ, глубиною болѣе 1½ аршина. Городище это лежитъ у рѣки такъ низко, что во рвахъ находится вода въ нижней части. На этомъ городищѣ находятся черепки битой посуды. Оно находится отъ Билярска въ 4 верстахъ, а отъ Баранскаго городища въ 1¼ версты.

Другое городище, величиною не болѣе 400 кв. саж., находится на склонѣ возвышенности, на поляхъ, принадлежащихъ деревнѣ *Нижней Татарской Майнѣ*, въ 6 верстахъ отъ

Билярска, на правомъ берегу Малаго Черемшана. Оно имѣетъ круглую форму, окружено валомъ съ рвомъ снаружи, въ діаметрѣ будетъ около 150 саженъ; валъ сильно распаханъ, а ровъ постепенно заносится землей; къ Черемшану въ нижнемъ концѣ городища замѣтенъ въѣздъ. Что это за городища,—трудно опредѣлить; подобныя имъ я встрѣчалъ нѣсколько въ уѣздѣ—судя по незначительной величинѣ ихъ, не были ли они жилищами какихъ нибудь князей или мурзъ Болгарскихъ?

VI.

Чтобы закончить съ описаніемъ мѣстности, лежащей около Билярска, я долженъ сказать еще о 2 вершинахъ, находящихся на Баранской возвышенности, въ 3 верстахъ отъ Билярска, около „святаго ключа". Гдѣ начинается Баранское городище, тутъ долина Черемшанская дѣлаетъ впадину въ возвышенность, отчего къ востоку отъ Баранскаго городища образуется небольшая лощина, а за лощиной, по дорогѣ къ Билярску, опять является выступъ, выдвигающійся къ рѣкѣ Черемшану. Внутри этой лощины, съ правой стороны выбивается изъ подъ горы ключъ, почитаемый всѣми окрестными жителями, какъ русскими, такъ и инородцами; сюда пріѣзжають татары помолиться изъ за 100 верстъ и болѣе; окрестные чуваши также сюда стекаются для моленій и религіозныхъ пиршествъ. Рычковъ, говоря о святомъ ключѣ (стр. 62, Древ. Гор.), помѣщаетъ его у горы Балынгуза; у подошвы Балынгуза съ западной стороны течетъ рѣчка Торѣцкая, но вода этого ключа не считается священной, хотя татары, ѣдущіе на святой ключъ на богомолье, считаютъ для себя обязательнымъ сдѣлать омовеніе въ этой рѣчкѣ. Надъ святымъ ключемъ поднимается крутая возвышенность, на которой находятся 2 холма, отдѣленные оврагами; на этихъ холмахъ, называемыхъ также „шеломами", будто бы похоронены какіе то святые мухамеданскіе. Шеломъ, поднимающійся надъ самимъ ключемъ, имѣетъ кругообразную вершину, саженъ въ 12 въ поперечникѣ, окруженную рвомъ глубиною отъ 1½ до 2 саженъ; ровъ очевидно искуственный; на эту вершину татары всходятъ и чинятъ моленія. Здѣсь на вершинѣ не замѣтно никакихъ слѣдовъ стро-

еній или памятниковъ; также нѣтъ остатковъ камня, кирпича или известки.

Съ этого холма тропинкой, идущей на востокъ, можно перейдти на другую вершину, которая собственно и называется „палати“; эта вторая вершина есть остроконечный утесъ, окруженный со всѣхъ сторонъ рвомъ и на сѣверѣ составляющій съ возвышенностью одну плоскость; отъ нея „палати“ отдѣляются валомъ вышиной до 1 сажени; чрезъ этотъ валъ и ровъ устроена была, какъ видно, дорога на „палати“. Эта вершина, имѣетъ неболѣе 25 саженъ въ поперечникѣ и вся изрыта; здѣсь было нѣкогда обширное каменное строеніе, палаты, которыя были разобраны очень давно, лѣтъ 60—100; назадъ изъ этого камня была строена церковь въ селѣ Арбузовомъ Баранѣ, Спасскаго уѣзда—а эта церковь существуетъ уже очень много лѣтъ. Здѣсь, по преданію, были похоронены 7 или 9 магометанскихъ дѣвъ, надъ которыми стояла палата или обширный памятникъ. Отсюда открывается очень далекій видъ—верстъ за 25, такъ что это мѣсто могло служить и прекраснымъ наблюдательнымъ пунктомъ. Сюда также ходятъ татары на моленіе.

Окинувъ взглядомъ всю эту мѣстность и принимая во вниманіе замѣчательныя особенности укрѣпленій Билярскаго городища,—приходится придти къ заключенію, что здѣсь существовалъ замѣчательнѣйшій городъ. Укрѣпленные пункты лежали на обоихъ берегахъ Черемшана, который и доселѣ носитъ еще древнее названіе *Черьмисянъ*. Русскіе лѣтописцы, описывая походъ русскихъ противъ болгаръ въ 1184 году (стр. 132, Древ. гор.), разсказываютъ, что русскіе шли отъ берега Волги нѣсколько дней къ „Великому городу Болгарскому“ и, когда пришли къ городу, то перешли „Черьмисянъ“ и нарядили полки. Упоминаемая здѣсь рѣка, довольно значительная, такъ какъ ее переходили цѣлый день—есть Черемшанъ, который и доселѣ у татаръ носитъ старинное имя; слѣдовательно есть одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ, что здѣсь подъ Великимъ городомъ долженъ разумѣться Билярскъ.

Географъ XIV-го столѣтія Абуль-Феда пишетъ о г. Болярѣ слѣдующее (стр. 19, Древ. гор.): „Боларъ, называемый Арабами Болгаръ, городъ на... сѣверѣ, недалеко отъ

берега Амоли, стоитъ на низкомъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ горы на день пути". Слова эти С. М. Шпилевскій относитъ къ г. Булгару, находившемуся въ нын. Спасскомъ уѣздѣ; но Болгарское городище. какъ видно изъ описанія его (стр. 198, Древ. гор.), стоитъ на горѣ, тогда какъ Абдуль-Феда помѣщаетъ свой Болгаръ на низкомъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ горы. Билярское городище именно находится на низкомъ мѣстѣ, такъ что мѣстность, идущая отъ города къ Черемшану, особенно по Билярке, изобильна мочажинниками;—а потому не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть подъ Болгаромъ также Билярскъ? А гора, о которой упоминаетъ Абуль-Феда, находится дѣйствительно не въ далекомъ разстояніи отъ пригорода. Сказавши что она находится на день пути, онъ конечно значительно преувеличилъ время; подобное же преувеличеніе времени встрѣчается у Ибнъ-Фадлана, который сказалъ, что разстояніе менѣе фарсанга можно идти цѣлый зимній день (стр. 5, Др. гор.). Наконецъ названіе рѣки Амоли, на берегу которой стоялъ Боларъ, слѣдователо-бы тщательнѣе прочитать,—можетъ быть что нибудь подобное еще и сохранилось въ народной рѣчи.

ЗАМѢТКА
О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ БЫТА
КАЛМЫКОВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Члена-сотрудника священника отца П. Смирнова.

Между калмыками Астраханской губерніи сохранилось много обычаевъ, которые переходятъ изъ рода въ родъ и строго соблюдаются кочевниками. Между прочими особенно замѣчателенъ обычай — угонять чужую скотину и продавать на ярмаркахъ, которыя бываютъ: или на урочищѣ Цабдыръ, или въ станицѣ Карповкѣ, находящейся въ землѣ Донскаго войска, или же въ предѣлахъ Ставропольской губерніи. Не смотря на неоднократныя распоряженія правительства, предостерегающія кочевниковъ отъ подобныхъ преступленій и строгія мѣры наказанія, которымъ подвергались и подвергаются виновные, угонъ скота существуетъ, между калмыками, и доселѣ. По сложившимся убѣжденіямъ, угнать чужую скотину и скрыть слѣды преступленія—не составляетъ преступленія. По этому поводу одинъ изъ почтенныхъ скотоводовъ разсказывалъ мнѣ, что будто-бы въ Монголіи и доселѣ существуетъ правило, освященное временемъ, по которому хозяинъ похищенной скотины, если бы чрезъ два года и узналъ похитителей или опозналъ бы свою скотину,— то не имѣетъ права требовать ни удовлетворенія за убытки, ни возврата своей скотины, потому что не умѣлъ во время отыскать пропавшую скотину.

Во время нападеній на табуны или стада удальцы не различаютъ, кому принадлежатъ животныя, пасущіяся въ привольныхъ степяхъ Астраханской губерніи—казаку, кал-

мыку или русскому скотоводу. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только скотина, принадлежащая *Хуруламъ* и лицамъ калмыцкаго духовенства въ частности. Если въ темнотѣ ночной иногда, по ошибкѣ, и захватываютъ *хурульную* скотину, то на разсвѣтѣ, когда можно отличать тавро (*тамга*) наложенное хурульнымъ *нирбою* (экономомъ) на животныхъ, то животныхъ отбиваютъ отъ другихъ и оставляютъ въ ближайшей мѣстности, на пастбищахъ.

Калмыки угоняютъ обыкновенно лошадей, рогатый скотъ и верблюдовъ; овецъ же никогда не воруютъ, потому что эти животныя слабы, не могутъ выносить большихъ перегоновъ и скоро устаютъ. Если и бываютъ иногда случаи, что хищники проѣздомъ украдутъ одну или двѣ овцы, то единственно „на котелъ", т. е. чтобы убить и сварить ихъ. Украденныхъ овецъ недалеко отъ стада, гдѣ нибудь въ лощинѣ зарѣжутъ, освѣжуютъ, сварятъ и скушаютъ на здоровье. Внутренности животныхъ бросаютъ среди поля, такъ какъ при спѣшной ѣздѣ имъ нѣтъ времени очищать ихъ, шкуры же убитыхъ животныхъ всегда увозятъ съ собою. Но при большомъ скотоводствѣ бываютъ случаи, что пастухи сами продаютъ хозяйскихъ овецъ постороннимъ лицамъ, потому что многіе кочевники, имѣя по пяти, десяти и пятнадцати тысячъ овецъ, не знаютъ точнаго числа ихъ, пастухи же, пользуясь этимъ случаемъ по дешевымъ цѣнамъ продаютъ по нѣскольку десятковъ, а иногда цѣлую сотенку овецъ, въ постороннія руки, безъ вѣдома хозяина, употребляя деньги, вырученныя продажею, въ свою пользу. Отъ чего пастухи, въ свою очередь, часто дѣлаются хорошими скотоводами.

Но о торговлѣ пастуховъ чужими овечками рѣдко узнаютъ хозяева. Калмыки никогда ни выдаютъ одинъ другаго, никогда не донесутъ о продѣлкахъ своего товарища. Единственный случай, по которому можетъ огласится тайная продажа овецъ—это неправильный раздѣлъ суммъ, вырученныхъ продажею украденнаго скота, и то неиначе какъ черезъ годъ или два послѣ событія.—Вотъ это обстоятельство и поставляетъ въ необходимость заботливыхъ скотоводовъ часто повѣрять число своихъ овецъ. Эта операція производится такъ: не вдалекѣ отъ *хотона* устроиваютъ круглый загонъ, изъ особо для сего устроенныхъ складныхъ деревянныхъ, въ родѣ кибиточныхъ, *теремовъ*, которые привязываются одинъ къ другому *хошлонами* (шерстяными толстыми тесьмами,

пальца въ два ширины) или же кусками *аркановъ* (веревокъ изъ верблюжьей и овечьей шерсти). Разставленныя рѣшетки имѣютъ высоты не выше полутора аршина; квадратныя клѣточки этого рода рѣшетокъ гораздо болѣе кибиточныхъ: онѣ бываютъ не менѣе шести вершковъ. Устроенный такимъ образомъ загонъ можетъ вмѣстить сотни полторы или двѣ овецъ. Пастухъ, пригнавшій свой гуртъ къ *хотону* вечеромъ, загоняетъ стадо въ загонъ, въ которомъ скученныя овцы и ночуютъ; двери загона закрываются рѣшеткой, которая оконечностями привязывается къ другимъ. Заботливый хозяинъ рано утромъ, еще до восхода солнца, выходитъ изъ своей кибитки, отвязываетъ рѣшотку съ одного края, дѣлая небольшое отверстіе, и выпускаетъ овецъ по одиночкѣ, производя счетъ.

Бывали случаи, что скотоводы, желая узнать объ угонѣ скота или тайной продажѣ овецъ, пытались угощать пастуховъ; напаивали ихъ до пьяна въ предположеніи, что водка развяжетъ имъ языкъ, что они все подробно разскажутъ имъ; но ошибались въ расчетахъ! Калмыки и въ нетрезвомъ видѣ оставались вѣрными завѣту своихъ предковъ, которые научили ихъ, чтобы они не смѣли преслѣдовать хищниковъ, неизвѣстно гдѣ укравшихъ скотину, и если бы видѣли, что мимо ихъ *хотона* гонятъ уворованную скотину—не доносить о томъ улусному пачальству, а также не извѣщать хозяина и о тайной продажѣ овецъ. На всѣ вопросы, предложенные пастуху, онъ обыкновенно отвечаетъ: *мэдкишибъ*—„незнаю"! хотя бы достовѣрно зналъ и число головъ украденнаго скота и лицъ угнавшихъ его. По сложившимся между кочевниками понятіямъ—угнать скотину и скрыть слѣды преступленія составляетъ степное удальство, которое разнообразитъ ихъ монотонную, пастушескую, жизнь. Съ другой стороны, отзываться невѣдѣніемъ принято у калмыковъ еще потому, чтобы, въ случаѣ наѣздничества ихъ самихъ на чужіе табуны или стада, можно было пользоваться большей свободой въ своихъ дѣйствіяхъ. Одинъ богатый скотоводъ, сравнивая эту сдержанность кочевниковъ съ характеромъ народа русскаго, высказалъ, что потому-то калмыкамъ и нежелательно имѣть русскихъ поселенцевъ среди привольныхъ калмыцкихъ степей, что они будутъ стѣснять ихъ не столько пастбищами, которыхъ у нихъ весьма много излишнихъ, сколько обычаемъ русскаго народа—ловить воровъ (*хул-*

хаачй) и выдавать ихъ начальству. Тогда не легко будетъ калмыкамъ скрывать слѣды преступленія.

Партіи удальцовъ изъ разныхъ *хотоновъ*, а иногда и изъ разныхъ улусовъ *(нутуковъ)* составляются изъ пяти, шести и десяти человѣкъ подъ начальствомъ опытныхъ лицъ, извѣстныхъ своею распорядительностью. Сначала удальцы разбиваются на части для производства рекогносцировокъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Чтобы скрыть настоящую причину ихъ разъѣздовъ, одинъ или два калмыка отправляются въ улусныя ставки, къ попечителямъ, заявляютъ имъ о небываломъ угонѣ скота и просятъ выдать имъ свидѣтельство на розысканіе пропавшей, будто бы, у нихъ скотины. Заручившись такими свидѣтельствами они разъѣзжаютъ по *хотонамъ* разныхъ улусовъ, высматривая гдѣ бы удобнѣе произвести нападеніе на стада или табуны. Для этой цѣли, будто бы мимоходомъ, подробно узнаютъ: чья именно пасется скотина, гдѣ она ночуетъ, сколько при ней пастуховъ, какого они свойства, и чѣмъ вооружены ([1])? И потомъ, сооб-

---

([1]) Особый способъ рекогносцировки употребляютъ калмыки, если хотятъ ограбить проѣзжающихъ. Всадникъ, отдѣлившись отъ своей партіи подъ видомъ охотника, съ одной или двумя гончими собаками, будто-бы отыскивающаго своихъ товарищей, или же подъ видомъ пастуха, разыскивающаго неизвѣстно куда забѣжавшую лошадь или другое животное, подъѣзжаетъ къ экипажамъ и спрашиваетъ проѣзжающихъ: не встрѣчали-ли они его товарищей—охотниковъ или же отыскиваемое имъ животное. Между тѣмъ зорко смотритъ: кто ѣдетъ, что везетъ и сколько людей при обозѣ, и, сопровождая проѣзжающихъ версты три, соглядатай ведетъ разговоръ, или на ломаномъ русскомъ языкѣ или же по калмыцки; въ это время онъ старается узнать, куда они именно ѣдутъ? Забравши нужныя свѣдѣнія, съ пожеланіемъ счастливаго пути, отдѣляется отъ проѣзжающихъ и скрывается за буграми. Возвратившись къ товарищамъ, которые гдѣ нибудь въ лощинѣ ожидаютъ его, онъ разсказываетъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Сообразивши разсказъ съ обстоятельствами дѣла, большинствомъ голосовъ—рѣшаютъ: дѣлать-ли нападеніе, или оставить обозъ въ покоѣ? Если рѣшатъ дѣлать нападеніе, то производятъ оное въ полномъ составѣ; внезапно выѣзжая изъ за бугра, несутся въ полный карьеръ къ обозу, производя ружейные выстрѣлы вверхъ, чтобы запугать проѣзжающихъ. Если проѣзжающіе люди бывалые, знаютъ тактику калмыцкихъ разбойниковъ, то два или три человѣка могутъ отбится отъ десятерыхъ. Стоитъ имъ остановится и взять по ружью (а они всегда бываютъ въ запасѣ) хотя бы вовсе не заряженному, взвести курокъ и держа



разивъ все это, въ темную ночь дѣлаютъ нападеніе, угоняя или весь табунъ, или же—если онъ слишкомъ великъ—то отбиваютъ часть его и безпощадно гонятъ животныхъ всю ночь. Если исхудалыя или хворыя животныя начи-

---

ружье на взводѣ попеременно наводить прицѣлъ ружья то на того, то на другаго всадника, говоря: «не подъѣзжай близко, убью»! Каждый джигитъ, завидя цѣлящагося въ него человѣка, старается ускакать подальше отъ выстрѣла. Пробывши въ такой осадѣ около часа и продержавши хищниковъ въ почтительномъ отдаленіи, чрезъ нѣсколько времени освобождаются отъ нападенія, потому что наѣздники, утомленные безполезной атакой храбрецовъ, ни съ чѣмъ возвращаются домой.

Замѣчательно, что въ хотонахъ, гдѣ имѣютъ ночлегъ проѣзжающіе—калмыки никого никогда не грабятъ: это, по ихъ мнѣнію, несогласно съ правилами степнаго гостепріемства,—но всегда даютъ возможность ночевавшимъ у нихъ путникамъ отъѣхать далеко отъ хотона, въ открытую, безлюдную степь. Въ такомъ случаѣ нападенія всегда производятся большею частію на русскихъ торговцевъ, которые возятъ разные товары въ калмыцкіе *нутукй* изъ гг. Чернаго Яра или Царицина. Рекогносцировка и пріемы нападеній тѣже самые, какіе бываютъ вообще на проѣзжающихъ. Въ случаѣ успѣха нападенія, т. е. когда проѣзжающіе струсили или нападеніе случилось ночью, неожиданно, то хищники прежде прежде всего требуютъ у хозяина деньги, угрожая смертію въ случаѣ его упрямства Получивши деньги, отбираютъ ружья и кинжалы; всѣхъ людей, бывшихъ при обозѣ, перевяжутъ и съ завязанными глазами положатъ въ разныхъ мѣстахъ. Глаза завязываютъ имъ для того, чтобы погонщики и хозяинъ не могли видѣть ни лицъ, производящихъ грабежъ, ни мѣстности, въ которую поѣдутъ они съ награбленными вещами. Управившись съ людьми, начинаютъ хозяйничать въ возахъ; берутъ штуками: нанку, бязь, холстъ, сарпинку и другіе товары. Товаровъ набираютъ столько, сколько могутъ вмѣстить ихъ *дайлинки* (это двѣ переметныя сумки изъ кожи или толстой шерстяной матеріи: ихъ калмыки перекладываютъ черезъ сѣдло, такъ что одна сумка—виситъ около праваго стремени, а другая—около лѣваго; вмѣстимость дайлинокъ различна: въ дайлинку средней величины можно помѣстить ведерный боченокъ). Во время этой операціи одинъ калмыкъ наблюдаетъ за связанными, чтобы они неоткрыли глазъ или не развязались. Когда всѣ хищники наберутъ достаточное для нихъ количество товара и уѣдутъ въ разныя стороны, тогда и часовой, съ завязаннымъ лицемъ, на которомъ оставлено только мѣсто для глазъ, беретъ приготовленную для него часть товара и скачетъ въ сторону, скрываясь за буграми. Перевязанные же люди перекликаются, подползаютъ одинъ къ другому, зубами развязываютъ узлы и освобождаютъ взаимно другъ друга.

наютъ отставать—то ихъ бросаютъ на дорогѣ. Утромъ, когда сдѣлается свѣтло, такъ что можно отличать хорошую скотину отъ дурной, они хорошую скотину отдѣляютъ и гонятъ далѣе, плохую же оставляютъ на мѣстѣ. При чемъ замѣчателенъ слѣдующій обычай: если отберутъ лошадей или верблюдовъ, которые неохотно разстаются съ своими косяками, то шеи ихъ перевязываютъ *арканомъ* (длинною веревкою изъ верблюжьей или овечьей шерсти) по три или по четыре штуки, чтобы они не могли разбѣгаться въ разныя стороны, когда ихъ погонятъ далѣе. Если же угоняютъ рогатый скотъ, то ему шеи не перевязываютъ, потому что быки или коровы не могутъ бѣжать быстрѣе лошади: ихъ обыкновенно гонятъ вмѣстѣ по нѣскольку штукъ, въ одной кучкѣ. Всякій степнякъ, завидѣвъ воровъ, безошибочно отличаетъ воровскую скотину отъ скотины обыкновеннаго кочевника: если кочуетъ *хотонъ* съ одного мѣста на другое, то вмѣстѣ съ табунами лошадей, стадами коровъ, верблюдовъ и овецъ съ ихъ молодымъ поколѣніемъ, тянется караванъ верблюдовъ, навьюченныхъ кибиточными *теремами*, *унинами*, кошмами и домашнимъ скарбомъ калмыцкаго быта. Тутъ вы увидите женъ и дѣтей калмыцкихъ, размѣщенныхъ на вьючныхъ животныхъ; молодыхъ людей обоего пола, въ праздничныхъ нарядахъ, гарцующихъ вдали отъ каравана. Если же гонятъ уворованную скотину - то при ней видно только нѣсколько всадниковъ, которые ѣдутъ по сторонамъ гурта и гонятъ заарканенныхъ лошадей или верблюдовъ или же десятка два—три головъ рогатаго скота; ихъ приплода при нихъ никогда не бываетъ, хотя бы угнаны были и матки. Послѣднихъ калмыки узнаютъ по ржанію кобылицъ и сильному реву коровъ и верблюдицъ; верблюдица, скучая по своемъ верблюженкѣ, испускаетъ густые басовые звуки и ревомъ своимъ наводитъ какой то ужасъ, особенно ночью: въ ея ревѣ слышится что-то скорбное, раздирающее душу, какъ бы плачь надъ покойникомъ!

Въ случаѣ угона скота хозяинъ, получивши извѣщеніе отъ пастуховъ, отправляется въ улусную ставку заявить попечителю о количествѣ и примѣтахъ угнаннаго скота и проситъ свидѣтельство на розыскъ пропавшей скотины, при чемъ, иногда, проситъ казака или двухъ, для конвоированія сыщиковъ. Ближайшіе же родственники хозяина и однохотонцы, не ожидая возвращенія хозяина изъ ставки,

тотчасъ же ѣдутъ по слѣдамъ угнаннаго скота по тому направленію, которое указано имъ пастухами. Преслѣдователи вооружаются двумя или тремя ружьями, револьверами (которыхъ въ послѣднее время достаточное число можно найти въ каждомъ хотонѣ), кинжалами, пиками, а иногда и дротиками, на верхнія оконечности которыхъ, вмѣсто остраго желѣза, привязываютъ отточенный кинжалъ. Получивши свидѣтельство на розысканіе скота—потерпѣвшій скотоводъ присоединяется къ кавалькадѣ сыщиковъ.

Во время преслѣдованія замѣчательна опытность кочевниковъ, по которой они, не смотря на множество слѣдовъ разнаго рода пасущейся скотины, безошибочно отличаютъ слѣдъ недавно прогнаннаго скота. По слѣду лошадей, идущему по сторонамъ и въ арріергардѣ угнанной скотины, калмыки вѣрно опредѣляютъ число хищниковъ *(хулхаачи)* и далеко ѣдутъ въ открытую степь. Если хищники, желая скрыть слѣдъ угнанной скотины, погонятъ животныхъ по проѣзжимъ степнымъ дорогамъ или же по сыпучимъ пескамъ, или перегонятъ скотину черезъ *цандыки* (¹) или *ильмень* (²) и такимъ образомъ стараются скрыть слѣдъ, то преслѣдователи снимаютъ мѣрку со слѣдовъ угнанной скотины, особенно, если нѣкоторыя животныя имѣли какую нибудь особенность въ копытахъ. Въ случаѣ подобныхъ уклоненій сыщики разбиваются на партіи. Одни ѣдутъ по дорогѣ, другіе – разъѣзжаютъ по сторонамъ отъ дороги: дѣлаютъ значительные объѣзды около *цандыковъ* и *ильменей*, розыскивая слѣдъ—и, послѣ долгихъ поисковъ, находятъ слѣдъ украденнаго скота и даже отыскиваютъ хищниковъ.

При розыскѣ пропавшей скотины замѣчателенъ одинъ обычай, свято соблюдаемый кочевниками. Когда кавалькада преслѣдующая хищниковъ ѣдетъ по слѣдамъ угнанной скотины, то непременный долгъ всѣхъ обитателей *хотоновъ*, ле-

---

(¹) Большія лужи, въ родѣ озеръ, образующіяся послѣ дождей.

(²) Въ центрѣ степей называются такъ ямины, въ которыхъ остается снѣговая вода,—онѣ имѣютъ различныя формы и величины; берега зарастаютъ чаканомъ или камышемъ.—Въ мѣстахъ приволжскихъ и приморскихъ такъ называются длинные заливы отъ рѣки Волги, проходящіе между грядами бугровъ, идущихъ параллельно отъ востока къ западу, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ во внутренность калмыцкихъ степей.

жащихъ по пути угона, отвести слѣдъ отъ своего *хотона*, т. е. указать—въ какую именно сторону направились хищники, согласно направленію слѣдовъ угнанной скотины. Если бы слѣдъ шелъ отъ хотона на версту или двѣ, но въ виду *хотона*, то обитатели послѣдняго обязаны отвести слѣдъ; если же калмыки тѣхъ *хотоновъ* не согласятся на требованія сыщиковъ, не отведутъ слѣда, то ихъ считаютъ виновными въ похищеніи и заставляютъ быть отвѣтственными въ кражѣ. Въ этомъ случаѣ кочевники имѣютъ въ виду то, что если обитатели извѣстнаго *хотона* сами и не украли скотину, то непремѣнно видѣли и знаютъ, кто именно хищники,—но скрываютъ воровъ, и потому считаются соучастниками преступленія. Послѣднее обстоятельство и служитъ самымъ лучшимъ побужденіемъ къ тому, что калмыки, живущіе по пути угона, принимаютъ дѣятельное участіе въ розыскахъ пропавшаго скота, а также и виновниковъ преступленія.

Когда лицамъ, ѣдущимъ по слѣдамъ, удается нагнать скотину, то хищники, если они малочислены, оставляютъ уворованную скотину среди степей, скачутъ въ разныя стороны и такимъ образомъ скрываются за буграми, которыми испещрена мѣстность калмыцкихъ степей. Догнать воровъ невозможно во первыхъ потому, что они имѣютъ подъ собою отличныхъ бѣгуновъ, которыхъ въ степяхъ называютъ *„салькйнг ла адлй“* т. е. „подобными вѣтру“; во вторыхъ потому, что они всегда скачутъ въ разныя стороны по одиночкѣ и пока преслѣдователи пораженные неожиданностію, уговариваются кому какого хищника преслѣдовать, кому остаться при найденной скотинѣ,—удальцы уже скрываются изъ вида, чему много способствуетъ холмистая мѣстность. Единственный случай поимки воровъ вмѣстѣ съ поличнымъ,—это если въ расплохъ настигнутъ ихъ ночью или-же около *хотона*. Тутъ дѣло большею частію оканчивается миромъ, на деньгахъ, количество которыхъ должно покрыть всѣ расходы хозяина по заявленію въ ставкѣ и по содержанію сыщиковъ. Всякій воръ, отправляясь на добычу, запасается деньгами, которыми бы могъ въ случаѣ неудачи или устроить мировую или же откупится отъ ареста при ставкѣ. Если же хищниковъ много и они хорошо вооружены, такъ что надѣются одолѣть разыскивающихъ скотину, то завязывается между ними ссора, драка, перестрѣлка изъ ружей и револьверовъ, которыми богаты кочевники; а потому недружелюбная встрѣча сыщиковъ

съ хищниками нерѣдко оканчивается пораненіями и даже убійствомъ.

Единственнымъ препятствіемъ къ отысканію слѣдовъ угнаннаго скота служитъ то, если вскорѣ послѣ пропажи животныхъ пойдетъ сильный дождь или выпадетъ снѣгъ, изъ которыхъ первый размываетъ слѣды, а послѣдній—заноситъ ихъ. Въ такомъ случаѣ сыщики возвращаются въ свой *хотонъ* ни съ чѣмъ; развѣ иногда находятъ среди степей нѣсколько штукъ тѣхъ слабыхъ или хворыхъ животныхъ, которыхъ хищники сочли неудобнымъ да и невыгоднымъ гнать далѣе. Но это случается весьма рѣдко; небольшой дождь или снѣжокъ не служитъ помѣхою: преслѣдователи очень скоро находятъ слѣды угнанныхъ животныхъ.

Въ случаѣ неотысканія слѣдовъ—кочевники разсылаютъ по одному, а иногда и по два, человѣка въ сосѣдніе хотоны своего улуса, а иногда и въ отдаленные, подъ различными предлогами. Имъ поручается стороною разузнать какъ о пропавшемъ скотѣ, такъ и о похитителяхъ. Тутъ посланные забираютъ всѣ нужныя имъ свѣдѣнія и отъ пастуховъ, и отъ взрослыхъ прохожихъ, которыхъ встрѣчаютъ по пути, и отъ малолѣтнихъ дѣтей; но все это дѣлается какъ бы мимоходомъ, такъ что бы спрашиваемый не могъ догадаться о причинѣ ихъ любопытства. Сверхъ того посланные нарочто заѣзжаютъ въ *хотоны* для ночлега. Днемъ очень мало бываетъ взрослыхъ калмыковъ въ *хотонахъ*: всѣ они заняты, одни пастьбою скота, другіе—напоеніемъ животныхъ, иные—очисткою *худуковъ* (копаней) и т. п. Вечеромъ же всѣ пригоняютъ скотину ближе къ *хотону*, оставляютъ ее подъ охраною караульныхъ, а сами группируются въ одной или двухъ кибиткахъ, гдѣ для нихъ приготовляютъ сначала кирпичный чай, а потомъ варятъ баранину, или говядину,—смотря потому, что имѣется въ запасѣ: падаль ли или мясо убитаго животнаго—дѣло безразличное! Пока хозяйка кибитки хлопочетъ о приготовленіи чая или супа—„*шулюмд*"—взрослые калмыки, въ числѣ пяти, шести, а иногда и болѣе человѣкъ, собираются въ одну кибитку и садятся на карточки или поджавши подъ себя ноги вокругъ котла, въ которомъ хозяйка намѣревается готовить для ихъ кушанье. Пока она раскладываетъ подъ котломъ скотской сухой пометъ (*аргасунъ*) въ видъ круглой башеньки, съ амбразурами, для того чтобы удобнѣе развести огонь, калмыки, ожидающіе уго-

щенія, начинаютъ между собою бесѣду о приключеніяхъ дня. Предметами разговоровъ служатъ слѣдующіе факты: кто кого видѣлъ; кто съ кѣмъ встрѣчался; о чемъ говорилъ; какія слышалъ новости административныя или же—о состояніи скотоводства и пастбищъ; что случилось особеннаго при водопояхъ или очисткѣ худуковъ? и т. п. Когда же хозяйка разведетъ огонь, поставитъ котелъ и нальетъ воды, собравшіеся гости вынимаютъ изъ кармановъ бешметей своихъ небольшія трубки *(ганза)* съ кожаными колпачками *(маахлатд)*, желая заняться табакокуреніемъ. Крошеный, картузный табакъ *„махорку“* имѣютъ немногіе; большинство калмыковъ куритъ листовой табакъ, который продается папушами, потому что перваго не всегда можно найти у торговцевъ; а втораго—всегда въ избыткѣ. При этомъ замѣчателенъ обычай кочевниковъ: если онъ увидитъ, что товарищи, вынувшіе трубки, не имѣютъ табаку, то имѣющій непремѣнно раздастъ имъ по листу или по два изъ своей напуши. Затѣмъ начинаютъ просушивать табакъ, повертывая листы онаго предъ разгорѣвшимся *аргасуномъ*.—Высохшій листъ сминаютъ въ лѣвой ладони пальцами правой руки; затѣмъ набиваютъ трубки и, положивши кусочекъ разгорѣвшагося *аргасуна*, начинаютъ курить табакъ.—Во все время приготовленій къ табакокуренію и вечерней трапезѣ разговоръ не прекращается и въ концѣ концевъ всегда сводится къ тому, что начинаются разсказы о томъ, какіе были встарину удальцы кочевники; какъ ловко или отважно нападали они на табуны татаръ—каранагаевъ или туркменъ, кочующихъ въ Ставропольской губерніи, въ сосѣдствѣ съ кочевьями калмыковъ. Отъ разговоровъ о старинѣ незамѣтно дѣлается переходъ и къ событіямъ не очень отдаленнымъ, съ подробнымъ описаніемъ того, кто, когда, гдѣ, какъ и у кого угналъ скотину? Какія принимали мѣры къ сокрытію слѣдовъ? Если же воры были пойманы, то какъ освободились отъ отвѣтственности? и т. п. Молодые парни, полукругомъ сидя за спинами старшихъ кочевниковъ, внимательно слушаютъ разсказы пожилыхъ, опытныхъ людей, принимая оные къ свѣдѣнію и руководству. Вотъ въ этихъ-то откровенныхъ разсказахъ не рѣдко проговариваются и о новѣйшихъ удальцахъ и угонахъ скота, не подозрѣвая того, что въ числѣ слушателей есть лица, особенно заинтересованныя новѣйшими событіями.

Въ случаѣ значительнаго угона скота, состоящаго изъ сотни головъ и болѣе, если хозяинъ достовѣрно узнаетъ похитителя, но юридически доказать этого не можетъ, то заявляетъ на него подозрѣніе и проситъ его принять *очистительную* или *великую присягу*, называемую *шаханъ*, которая рѣшаетъ дѣло безаппеляціонно, какъ увидимъ ниже. Если же угонъ скота состоитъ изъ трехъ, пяти и десяти головъ и начать дѣло по недостатку уликъ невозможно, то истецъ и отвѣтчикъ рѣшаютъ споръ *присягою въ хурулѣ*. Во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ, производимыхъ русскимъ начальствомъ въ улусныхъ ставкахъ, существуетъ *третій родъ присяги*, которую можно назвать свидѣтельскою присягою предъ судомъ, положенную законами Россійской Имперіи для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.

Присягу, называемую *шаханъ* (по своей сложности и цѣнности нынѣ почти вышедшую изъ употребленія), принимали только въ случаяхъ препирательства или неясныхъ уликъ въ угонѣ значительнаго числа головъ скотины, т. е. сотни и болѣе штукъ, когда по свѣдѣніямъ, собраннымъ хозяиномъ отъ разныхъ лицъ, онъ подозрѣваетъ извѣстное лицо, которому и предлагаетъ принять очистительную присягу. Нынѣ этотъ обычай измѣнился; значительные угоны скота оканчиваются мировою сдѣлкою, потому что это выгоднѣе, и для потерпѣвшаго убытокъ, и для угнавшаго скотину, и для миротворителей, т. е. русскихъ чиновниковъ, которые за это получаютъ хорошее вознагражденіе.

По разсказамъ гэлюнговъ, присяга *шаханъ* должна совершаться слѣдующимъ образомъ, согласно ученію буддистовъ:

Въ *хотонѣ*, гдѣ проживаетъ отвѣтчикъ, привозятъ *бѣлую хурульную кибитку*, называемую *Бурханѣ Оргэ* (жилище боговъ). Ее отставляютъ недалеко отъ *хотона*, дверями на югъ. Внутри кибитки, къ сѣверу, ставятъ деревянный столъ, накрытый парчею, въ родѣ жертвенника, отъ угловъ котораго, по направленію къ дверямъ, двумя линіями развѣшиваютъ священныя изображенія *(Зурўкъ Шютэнь)* высшихъ карательныхъ божествъ, при чемъ грозный *Цойрджилъ*, онъ же и *Махалага*, занимаетъ первое мѣсто. На столѣ, въ деревянномъ футлярѣ съ дверцами, въ родѣ божницы, ставятъ нѣсколько отливныхъ изображеній боговъ. Предъ ними зажигаютъ сальную свѣчу, или же *зулу*, т. е.

лампадку, въ родѣ металлической плошки, налитой бараньимъ саломъ или коровьимъ масломъ, со свѣтильникомъ по срединѣ. По сторонамъ зажигаютъ *курительныя тибетскія свѣчи*, которыя издаютъ пріятный запахъ. По направленію развѣшанныхъ изображеній боговъ къ дверямъ постилаютъ въ два ряда *шурдыкй* (стеганныя кошмы), оставляя средину, идущую прямо къ столу, ничѣмъ незанятою. На *шурдыкахъ* должны помѣщаться *гэлюнгй* и другія духовныя особы съ музыкальными инструментами, которые употребляются при богослуженіяхъ ламаитовъ.

Затѣмъ, на счетъ обиженнаго, покупаютъ корову или быка черной шерсти, съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Отыскать въ степяхъ рогатую скотину черной масти съ бѣлымъ пятномъ составляетъ немалое затрудненіе и требуетъ большихъ расходовъ, потому что кочевники имѣютъ скотъ большею частію красной шерсти или же пестрой, съ бѣлыми, желтыми или черными пятнами. Найденную рогатую скотину приводятъ къ *хурульной кибиткѣ* и, согласно буддійскому уставу, закалаютъ невдалекѣ отъ дверей, ведущихъ въ *бурханй оргэ*. Закланіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: связанное животное роняютъ на землю и между ребрами дѣлаютъ большой прорѣзъ, чрезъ который вынимаютъ сердце; животное моментально умираетъ. Во время этой операціи кровь животнаго, текущую въ изобиліи, собираютъ въ большую посуду. Голову убитой скотины отдѣляютъ отъ туловища вмѣстѣ съ кожею, вырѣзавъ бѣлое пятно на лбу. Кожу не отдѣляютъ совершенно, а оставляютъ висящей. Пока голова еще не остыла, глаза животнаго раскрываютъ; языкъ вытягиваютъ въ сторону и въ такомъ положеніи окровавленная голова застываетъ. Кожу съ убитаго животнаго разстилаютъ въ кибиткѣ на пути къ жертвенному столу, шерстью внизъ, между двумя линіями *шурдыковъ*, предназначенныхъ для засѣданія духовенства. Туго натянутую шкуру прикрѣпляютъ къ землѣ деревянными кольями, а чаще всего желѣзными шпигорьями, пропустивъ подъ порогъ внѣ *хурульной кибитки* на аршинъ или болѣе ту часть кожи, которая покрывала правую ногу животнаго. Скользкую, сырую поверхность растянутой шкуры, какъ въ кибиткѣ, такъ и внѣ оной, предъ входомъ, обливаютъ кровью того животнаго, которое убито для *шахана*. Сердце убитой скотины полагаютъ на металлическую тарелку и ставятъ на край

жертвеннаго стола, предъ отливными *бурхáнами*, рядомъ съ *эулой*. Внутри кибитки, въ правой сторонѣ дверей, прикрѣпляютъ голову убитой скотины, съ открытыми, застоявшимися глазами, вытянутымъ и завернутымъ въ сторону языкомъ. Кожу только съ черепа сдираютъ и всю голову намазываютъ кровью. Къ ноздрямъ головы привѣшиваютъ куски печени убитаго животнаго. По лѣвую сторону кибиточной двери привѣшиваютъ черепъ человѣческой головы, обративъ глазовыя отверстія на присягающаго. Внизу, около входа въ *хурульную кибитку*, на сошкахъ утверждаютъ два ружья, заряженныхъ порохомъ, со взведенными курками. Духовенство, вооруженное музыкальными инструментами, занимаетъ свои мѣста, въ двѣ линіи, отъ жертвеннаго стола и до порога. Между ними находится растянутая кожа убитаго животнаго. Внѣ кибитки, влѣво и вправо, недалеко отъ дверей, стоятъ посредники, въ числѣ которыхъ долженъ быть одинъ или два *зэлюнга*; вмѣстѣ съ ними стоитъ истецъ и отвѣтчикъ. Стеченіе народа всегда бываетъ значительное.

Присягу долженъ принимать не самъ обвиняемый, а одинъ изъ его богатыхъ родственниковъ, котораго избрать долженъ истецъ. Подобный выборъ дѣлается въ томъ убѣжденіи, что богатый человѣкъ добросовѣстнѣе бѣдняка и не захочетъ быть клятвопреступникомъ.

Лицо, назначенное истцомъ къ исполненію *шахана*, не въ правѣ отказаться отъ присяги, но, страшась принять оную неправильно въ пользу другаго и тѣмъ предать душу свою „*Ээрлику*"—черту, стороною развѣдываетъ о происшествіи и убѣждаетъ самого отвѣтчика сказать ему: не учинилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ воровства? Такъ какъ послѣдній долженъ быть предъ нимъ настолько откровененъ, насколько добрый христіанинъ на исповѣди,— то, въ случаѣ признанія его, лицо, избранное присягать, подъ разными предлогами уклоняется отъ присяги и платитъ истцу за украденное сполна, со всѣми проторями и убытками. Но если же удостовѣрился въ невинности отвѣтчика, то изъявляетъ согласіе принять въ томъ присягу и участь процесса зависитъ уже отъ удачнаго или неудачнаго исполненія ея.

Приступающій къ исполненію *шахáна* снимаетъ съ себя всю верхнюю одежду и остается въ одной бѣлой рубахѣ и исподнемъ бѣльѣ. Рукава рубахи—до локтей, а шаравары—до колѣнъ засучены, и онъ, съ непокрытой головой,

босыми ногами становится предъ дверьми затворенной кибитки, на выпущенную подъ порогъ кожу животнаго; дѣлаетъ три поклона въ землю и отворяетъ дверь *хурульной кибитки*. Въ тотъ моментъ, когда присягающій шагнетъ чрезъ порогъ, раздаются ружейные выстрѣлы, а духовенство начинаетъ играть на инструментахъ духовой музыки. Трубы ревутъ неистово; раковины издаютъ пронзительные звуки; литавры, барабаны, колокольчики, рожки—производятъ торжественные, но оглушительные, звуки (для чего каждаго инструмента бываетъ по два экземпляра), съ цѣлію поразить воображеніе и потрясти душу присягающаго. Когда присягающій, босыми ногами, неспѣшно перейдетъ чрезъ скользкую растянутую кожу животнаго по землѣ и ступитъ ногою на землю ничѣмъ не покрытую, шумъ музыкальныхъ инструментовъ прекращается и начинается едва слышное внѣ кибитки чтеніе молитвъ, во время котораго могильные звуки басовъ ([1]) торжественно разносятся по кибиткѣ и снова поражаютъ воображеніе присягающаго. Во время чтенія молитвъ присягающій приближается къ жертвеннику и, сложивши оконечности пальцевъ обѣихъ рукъ, прикладываетъ ихъ ко лбу. Послѣ каждаго осѣненія чела, неспѣшно дѣлаетъ три поклона до земли и троекратно прикладывается головою къ *бурханамъ*. Окончивши молитву и поклоненія, по уставу буддистовъ онъ долженъ съ одного раза погасить горящую свѣчу или лампаду, и, нагнувшись къ стоящей рядомъ съ ней тарелкѣ, на которой лежитъ сердце зарѣзанной скотины, взять его зубами, тоже съ одного раза, и, обернувшись къ дверямъ, тѣмъ же путемъ вынести обличительную ношу вонъ изъ кибитки и въ присутствіи истца отдать оную *гэлюнгамъ*, которые, по разсмотрѣніи сердца и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ *шахана*, постановляютъ словесное рѣшеніе.

Если благополучно исполнятся всѣ вышеизложенные обряды—подозрѣваемый объявляется невиннымъ и истецъ, за напрасное оклеветаніе отвѣтчика, *платитъ ему вдвое* противъ

([1]) Между *гэлюнгами* мнѣ случалось встрѣчать *бакшей* и *гунзутовъ*, имѣющихъ сильные и густые голоса, которыми они славятся между калмыцкимъ духовенствомъ. Въ случаѣ *шахана* ихъ нарочно привозятъ изъ *хуруловъ* другихъ улусовъ.

цѣны иска. Но если тотъ, кто присягаетъ, входя въ хурульную кибитку или выходя изъ оной, хотя нѣсколько поскользнется, погаситъ горящую лампадку не съ одного раза, а также если схватитъ зубами сердце животнаго не съ одного раза, сильно прокуситъ его или выронитъ изъ зубовъ при выходѣ изъ кибитки,—присяга считается ложною и обвиняемый безусловно платитъ истцу, какъ *за все украденное, такъ и за расходы* по приготовленію и совершенію *шахана*. А расходовъ-то бываетъ не мало! Во-первыхъ, нужно заплатить за путевое содержаніе лицъ, отыскивавшихъ по степямъ черное животное, которое всегда покупается по высокой цѣнѣ. Во-вторыхъ, сдѣлать порядочный, по количеству денегъ, вкладъ въ *хурулъ* за перевозку изъ онаго кибитки *(бурхани бргэ)* вмѣстѣ съ священными изображеніями, музыкальными инструментами и *нòмами*—священными книгами и наконецъ отблагодарить деньгами или же скотиной отдѣльно каждую духовную особу, приглашенную для участія въ *шаханѣ*; сверхъ того, угостить всѣхъ лицъ, которыя были свидѣтелями исполненія *шахана*.

Опредѣленіе доказательствъ вѣрности или несправедливости присяги возлагается на *гэлюнговъ* и *посредниковъ*, которые вмѣстѣ съ тяжущимися стоятъ внѣ *хурульной* кибитки. Они, получивъ изъ зубовъ присягающаго сердце рогатой скотины, предъявляютъ его для обзора посредникамъ, избраннымъ враждующими сторонами, чтобы составить рѣшеніе по возникшему дѣлу. На приговоръ ихъ никакихъ аппеляцій не допускается.

Вся обстановка *шахана* такими предметами, по объясненію *гэлюнгд*, имѣетъ слѣдующее значеніе. Черная корова составляетъ аллегорическое представленіе смерти; пройти по ея шкурѣ,—напоминаетъ присягающему, что онъ принимаетъ на себя отвѣтъ въ тяжкомъ грѣхѣ, если противъ совѣсти исполнитъ принятую на себя обязанность. Выстрѣлы изъ ружій и человѣческій черепъ изображаютъ внезапную кару небесъ и лишеніе жизни лжесвидѣтеля. Обезображенная голова коровы напоминаетъ ему, что, въ случаѣ ложной присяги, душа его будетъ переселена въ безобразнѣйшихъ животныхъ, которые наводятъ ужасъ на человѣка. Громкая игра на музыкальныхъ инструментахъ прогоняетъ злыхъ духовъ—*Ассуріевъ*—которые всегда стараются вредить человѣку, внушая ему ложь. Тихое чтеніе молитвъ—приводитъ душу

присягающаго къ сознанію величія долга, имъ на себя принимаемаго. Изображеніе *Бурханá (Нюдюберъ узю кчй)* имѣющаго нѣсколько глазъ, и грозныхъ *бурхановъ*—напоминаютъ ему о присутствіи, при совершеніи присяги, всевидящаго Судіи. Зажженная свѣча или лампа—означаетъ свѣтъ, проливаемый Творцомъ на вселенную; а благовонія курительныхъ свѣчей—милости Божіи, отъ которыхъ присягающій потушеніемъ свѣтильника отказывается. Всѣ эти дѣйствія служатъ доказательствомъ того, что онъ принимаетъ неложную присягу. Сердце убитой коровы изображаетъ простосердечіе присягающаго и чистоту его намѣреній, безъ которыхъ его ожидаютъ страшныя мученія, во всѣхъ восемнадцати отдѣленіяхъ ада ([1]).

([1]) По ученію Ламаитовъ адъ состоитъ изъ 18 отдѣленій, окружающихъ жилище *Йэрликъ хана*. Въ каждомъ отдѣленіи есть свои управляющіе (*эзэдъ*, собственно хозяева, господа). Они имѣютъ головы козлиныя, змѣиныя, разныхъ звѣрей и чудовищъ, и вообще представляются ужасными.

Безбожники, неуважающіе духовенство, убійцы (безъ нужды лишившіе жизни не только людей, но и насѣкомыхъ), тираны, клятвопреступники, злодѣи и всѣ грѣшники терпятъ въ аду различныя наказанія, по мѣрѣ преступленій.—Перечтемъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Однихъ растираютъ жерновыми каменьями и они, бывъ растерты, опять принимаютъ ту же плоть и снова поступаютъ въ жернова 2) Варятъ тѣла людей въ котлахъ. 3) Жарятъ на вертелахъ. 4) Бросаютъ на горящіе костры. 5) Заставляютъ таскать и укладывать горячіе матеріалы. 6) Разрываютъ тѣла желѣзными крючьями. 7) Заставляютъ грѣшниковъ бѣгать чрезъ гору, усѣянную острыми саблями. 8) Катаютъ тѣла людей черезъ горы, унизанныя саблями и они, бывъ изранены, внезапно исцѣляются только для того, чтобы снова подвергнуться тѣмъ же мученіямъ. 9) Толкутъ тѣла въ ступахъ. 10) Морозятъ среди нетающихъ льдовъ. 11) Заставляютъ плавать въ кровавыхъ моряхъ. 12) Въ нечистотахъ, т. е. человѣческихъ экскраментахъ. 13) Томятъ голодомъ. 14) Томятъ жаждою, давши соленой пищи. 15) Лѣнивыхъ изнуряютъ переносами огромныхъ тяжестей съ одного мѣста на другое. 16) Прожорливые постоянно ѣдятъ и никогда не насыщаются. 17) Обижавшіе людей безъ всякаго съ ихъ стороны повода воры наказываются тѣмъ, что терзаютъ одинъ другаго; подобно лютымъ звѣрямъ, и наконецъ 18 родъ мученій состоитъ въ томъ, что жестокосердые богачи, пресыщавшіеся обильною пищею и не оказывавшіе помощи бѣднымъ, а также не дѣлавшіе значительныхъ приношеній въ *хурулы*, наказываются тѣмъ, что, имѣя сильнѣйшій апетитъ и передъ глазами пищу, не могутъ ею пользоваться. Они превращаются въ

Второй родъ присяги, весьма часто употребляемый между кочевниками, состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ пререканій между калмыками, по случаю незначительнаго угона скота, истецъ и отвѣтчикъ, въ сопровожденіи постороннихъ лицъ отправляются въ *хурулъ*—въ просторѣчіи его называютъ *Кюрѣ*—и тамъ въ кибиткѣ, называемой *Бурханй бргэ*—жилище боговъ, совершаютъ присягу. Желающіе разрѣшить недоумѣніе присягою, должны заявить о предметѣ спора *Бакшѣ*—начальнику хурула—который, выслушавъ претензіи тяжущихся со всѣми подробностями, согласно степнымъ обычаямъ увѣщеваетъ ихъ окончить дѣло миромъ, съ нѣкоторыми уступками съ той и другой стороны Въ случаѣ же неуспѣха его совѣтовъ, приказываетъ *гэлюнгу*, носящему званіе *Бурхпачй* „Божничій" [онъ присматриваетъ за цѣлостію отливныхъ изображеній боговъ и вообще за благоустройствомъ въ молельной кибиткѣ], на жертвенномъ столѣ, гдѣ разставлены отливныя изображенія боговъ, зажечь лампадку—*зулу*—и поставить оную предъ отливнымъ изображеніемъ *Далай-Ламы*; по сторонамъ *зулы* зажечь двѣ тибетскія курительныя свѣчи, которыя издаютъ довольно пріятный запахъ, похожій на запахъ мускуса нѣсколько смѣшаннаго съ роснымъ ладаномъ. Передъ совершеніемъ присяги *гэлюнгъ* обязанъ прочитать поученіе обвиняемому въ томъ, что *бурханы*, присутствующіе въ *хурульной* кибиткѣ, все видятъ, все слышатъ и все знаютъ, а потому вторично предлагаютъ тяжущимся прекратить дѣло миромъ, потому что, если присягающій что нибудь знаетъ о происшествіи и не откроетъ — онъ тотъ же клятвопреступникъ и ложною присягою навлечетъ на себя гнѣвъ боговъ, которые не замедлятъ наказать его. Когда и послѣ втораго увѣщанія обвиняемый не сознаетъ себя виновнымъ,

---

уродовъ, съ огромною головою и маленькимъ ртомъ, который бываетъ не болѣе игольнаго ушка. Шея у нихъ тонка, какъ лошадиный волосъ, и въ добавокъ брюхо величиною съ гору, поддерживаемое тонкими ногами, въ родѣ спичекъ. Этому же наказанію подвергаются всѣ, пересудившіе духовную особу, почему набожные калмыки не только никогда не отзываются о своемъ духовенствѣ невыгодно, но еслибы посторонній, не изъ калмыковъ, сталъ дѣлать невыгодные отзывы о калмыцкомъ духовенствѣ, то онъ немедленно встанетъ и уйдетъ изъ кибитки, чтобы не слышать такого богохульства.

а истецъ не отстанетъ отъ своего иска, тогда *гэлюнгъ*, назначенный для привода къ присягѣ, возложивши на себя сверхъ халата *(лапшйкъ)* священную одежду, называемую *Доикъ*—парчевая пелерина съ фестонами, отъ которой по становому хребту проходитъ длинная лента до земли,—начинаетъ читать молитвы, пробуждающія чувство страха наказаній за ложную клятву. По окончаніи чтенія, лицо присягающее складываетъ оконечности пальцевъ обѣихъ рукъ, и, приложивъ ихъ ко лбу, дѣлаетъ три поклона до земли. Затѣмъ обнаженною головою трижды касается края жертвеннаго стола. Потомъ задуваетъ горящую лампадку *(зулу)* и гаситъ рукою курительныя свѣчи, зажженныя предъ *бурханами*. Задувая свѣтильникъ присягающій говоритъ: „да прекратится жизнь моя такъ же внезапно, какъ я гашу этотъ свѣтильникъ, если я учинилъ взводимое на меня преступленіе или что нибудь знаю о немъ". Погашая рукою курительныя свѣчи *(кюджи)* произноситъ: „да лишусь я милостей Божіихъ, если ложно присягаю"! По совершеніи этого обряда прекращаются всякіе споры, и дѣло считается рѣшеннымъ окончательно. Но на эту присягу не всякій калмыкъ соглашается, потому что онъ, если самъ и не учинилъ преступленія, то все таки многое знаетъ о происшествіи и старается скрыть отъ того лица, которое понесло матеріальные убытки отъ угона скота.

Въ случаѣ пререканій между кочевниками—обращаться къ чиновникамъ, назначеннымъ русскимъ правительстствомъ въ улусы для полицейскаго, административнаго надзора и судебнаго разбирательства, не принято между скотоводами, потому что это и продолжительно, и убыточно. Продолжительно потому, что когда обвиняемаго доставятъ въ улусную ставку, то его, прежде всякаго разбора дѣла, обыкновенно отправляютъ въ казачью казарму подъ строгій надзоръ, какъ арестанта. Время нахожденія подъ арестомъ до разбирательства дѣла зависитъ отъ произвола начальствующихъ лицъ, которыя, не имѣя ходатаевъ изъ родни арестованнаго, держатъ его по нѣскольку недѣль. Самое ходатайство родственниковъ объ отдачѣ на поруки арестованнаго удовлетворяется не скоро, потому что должно пройти нѣсколько инстанцій. Попечитель даетъ приказъ урряднику; урядникъ несетъ приказъ офицеру, завѣ-

дующему командой, вмѣстѣ съ поднадзорнымъ лицемъ; офицеръ передаетъ арестованнаго ефрейтору; ефрейторъ уже наличнымъ казакамъ (большинство казаковъ проводятъ время въ разныхъ командировкахъ), которые принимаютъ арестанта. Таже процедура совершается и при выдачѣ на поруки, которая во всякой инстанціи требуетъ расходовъ. Между тѣмъ скотоводъ, лишенный свободы, долженъ оставить степное хозяйство на нѣсколько недѣль, которое въ его отсутствіе часто несетъ значительный ущербъ отъ неимѣнія за нимъ надзора. Да и самое содержаніе при ставкѣ поднадзорнаго обходится ему не дешево, потому что ежедневно нужно купить себѣ провизіи, которая на базарахъ продается гораздо дороже, нежели въ городѣ. По этимъ-то проѣстямъ и волокитамъ между калмыками сложилось такое мнѣніе: какое бы въ степяхъ между кочевниками ни случилось происшествіе—не доносить русскому начальству, не разбираться судомъ по русскимъ законамъ, а предоставлять всѣ пререканія на судъ ламайскаго духовенства. Вотъ почему въ *хурулахъ* о всѣхъ происшествіяхъ между скотоводами знаютъ всѣ гораздо болѣе и обстоятельнѣе, нежели чиновники, живущіе въ улусныхъ ставкахъ.

Третій родъ присяги свидѣтельской называется „*андагаръ*"—клятва. Ее можно совершать въ улусныхъ управленіяхъ и въ квартирахъ попечителя улуса и его помощника, смотря потому, кто производитъ слѣдствіе. Если слѣдствіе производится въ калмыцкихъ кочевьяхъ, то въ простой, но болѣе чистой, кибиткѣ, по приглашенію слѣдователя является присяжный *гэлюнгъ*, котораго называютъ *андагарунъ бакшд*. Онъ приноситъ въ небольшомъ ковчежцѣ изображеніе *Бурхана*, именуемаго *Шакджй-Муній*, оттиснутое на глинѣ, которое будто бы привозится изъ Тибета. Оно величиною немного болѣе пятикопѣечной монеты—въ родѣ жетона—и, завернутая въ лоскутокъ шелковой матеріи, хранится въ закрытомъ ковчежцѣ, похожемъ на нашу дароносицу, съ которою православные священники ходятъ напутствовать больныхъ. Вошедши въ домъ или кибитку, гдѣ собраны свидѣтели, *андагарунъ бакшд* вынимаетъ изъ-за пазухи ковчежецъ и полагаетъ его на столъ, накрытый новымъ ситцевымъ платкомъ или салфеткою, зажигаетъ курительную свѣчу *(кюджи)* и окуриваетъ ею ковчегъ. По-

томъ, открывъ крышечку, утвержденную на шалнерахъ, вынимаетъ оттискъ священнаго изображенія изъ шелковаго лоскутка и полагаетъ его въ томъ же ковчежцѣ. Передъ приводомъ къ присягѣ свидѣтелей гелюнгъ дѣлаетъ имъ увѣщаніе о томъ, чтобы они все показывали по совѣсти. Затѣмъ *гэлюнгъ*, снявъ шапку, беретъ нарочно для сего составленный присяжный листъ и начинаетъ читать его во всеуслышаніе, заставляя присягающихъ повторять за нимъ тѣ слова, которыя онъ будетъ произносить по калмыцки. Смыслъ присяжнаго листа слѣдующій: „Боже, безошибочно различающій истину и неправду! Предъ „лицемъ твоимъ свидѣтельствую по чистой справедливости „и истинѣ въ томъ, о чемъ спрашиванъ буду; ни для „дружбы, вражды или корысти, ниже страха ради сильныхъ „лицъ, ничего не утаю что знаю, слышалъ или видѣлъ, „а буду показывать сущую правду. Если же посягну солгать предъ Тобою, Судія всевѣдующій, то да отнимется „языкъ мой; тѣло мое да низвергнуто будетъ въ преисподнюю земли и душа моя въ будущей жизни да будетъ предана царю (собственно: *Йэрлйкъ номŷнъ хáнъ*) адскихъ духовъ и ввержена въ вѣчно пламенѣющій адъ! Въ заключеніе сей моей клятвы возлагаю на главу мою Твой образъ и троекратно поклоняюсь Тебѣ, всесильному Бурхану“!—По окончаніи чтенія, присягающіе дѣлаютъ три поклона въ землю предъ изображеніемъ *бурхана*, а *гэлюнгъ* возлагаетъ на голову каждаго изъ нихъ раскрытый ковчегъ въ которомъ хранится изображеніе *Шакджй-Мунй*, (онъ же называется и „*Бурхáнъ-Бакшй*“, богъ учитель). Потомъ присяжный листъ подписывается присягавшими и *гэлюнгомъ*, въ присутствіи слѣдователя.

Не разъ случалось мнѣ бывать при приводѣ къ присягѣ свидѣтелей изъ калмыковъ—и въ большинствѣ случаевъ я замѣчалъ, что когда *гэлюнгъ* произноситъ слова, которыми присягающіе, въ увѣреніе справедливости своихъ словъ, изъявляютъ готовность, за неправильное свидѣтельство, подвергнуться страшнымъ адскимъ мученіямъ,—они слова эти проходятъ молчаніемъ... По окончаніи обряда я спрашивалъ ихъ, для чего они такъ поступаютъ? Калмыки отвѣчали что *гэлюнгъ*, читающій присяжный листъ, есть воплощенное божество; онъ не можетъ подвергнуться адскимъ мученіямъ,—его мѣсто въ *Нирваннѣ*, въ раю; „если же я не

произнесу этихъ словъ предъ *бурханомъ*, то я могу показать и не то, что дѣйствительно знаю, а то, что нужно по ходу дѣла для оправданія обвиняемаго; или просто скажу: „*Медкишйбъ*“—ничего не знаю, хотя бы многое и зналъ, и за это неправильное показаніе не подвергнусь адскимъ мученіямъ, потому—что предъ *бурханомъ* я этихъ страшныхъ словъ не произносилъ“. Вотъ почему весьма часто случается что калмыки, принимая свидѣтельскую присягу, смѣются надъ этою формальностью и съ умысломъ упуская страшныя слова, показываютъ не то, что слѣдовало бы показать. А потому улусному начальству, получившему свѣдѣніе о происшествіи въ степяхъ, весьма трудно узнать правду ([1]).

Такой взглядъ на свидѣтельскую присягу поддерживается еще и толкованіями калмыцкаго духовенства, которое, находясь въ близкихъ и даже родственныхъ связяхъ съ простыми калмыками (*хард кюнь*), если не дѣломъ, то совѣтами участвуетъ въ угонахъ скота. Проводя праздную жизнь, оно не занимается изученіемъ правилъ своей религіи, а постоянно бродитъ изъ кибитки въ кибитку, занимается распространеніемъ въ народѣ самыхъ нелѣпыхъ ученій, которыя принимаются кочевниками за непреложную истину. Такъ, напримѣръ, между калмыками въ ходу

([1]) При частныхъ спорахъ между калмыками, по случаю пропажи денегъ, когда возникаетъ подозрѣніе на кого-либо въ похищеніи, кочевники придумали *особый родъ присяги*. Не доводя о кражѣ денегъ до свѣдѣнія улуснаго начальства и не донося объ этомъ и своему духовенству, они употребляютъ иногда слѣдующій способъ: въ присутствіи истца и отвѣтчика посторонніе люди заряжаютъ ружье пулею и потомъ заводятъ курокъ ружья, насыпавъ на полку пороху для затравки (надобно замѣтить, что между кочевниками доселѣ еще въ употребленіи кременныя ружья), заставляютъ заподозрѣнное лицо поцѣловать дуло заряженнаго ружье. Если присягающій правъ, говорятъ они, то ружье не выстрѣлитъ; если же виноватъ, то чертъ дернетъ за собачку и ружье, въ моментъ поцѣлуя, сдѣлаетъ выстрѣлъ! По ученію буддистовъ, чертъ виновникъ смерти людей; онъ похищаетъ ихъ изъ среды живыхъ и препровождаетъ къ ихъ Плутону—*Йэрликъ хану*. По этому то мнѣ однажды случилось спросить одну женщину: были ли у ней дѣти? Она, вмѣсто того, чтобы сказать «были—да умерли», отвѣчала: «были, да чертъ взялъ»!..

такое ученіе, что если степнякъ, угнавшій чужую скотину, нѣсколько головъ изъ оной пожертвуетъ въ *хурулъ*, то воровствомъ своимъ не только не заслужитъ наказанія въ будущей жизни, а еще—награду, потому что питаніе духовенства, по ученію буддистовъ, считается величайшею заслугою людей въ дѣлѣ спасенія. Таковый благотворитель, хотя бы онъ и былъ грѣшникъ, по молитвамъ за него калмыцкаго духовенства получитъ блаженное перерожденіе или же *Нирвану*, т. е. рай. По такимъ то побужденіямъ, степные удальцы въ большинствѣ случаевъ и отдаютъ часть украденной скотины въ *хурулъ*. Поэтому, если внимательно пересмотрѣть хурульныя стада или табуны, то въ нихъ можно найти животныхъ съ *таврами* разныхъ улусовъ и родовъ. Если бы постороннія лица въ хурульныхъ табунахъ или стадахъ опознали свою скотину, привлекая къ отвѣтственности калмыцкое духовенство, то оно обыкновенно отвѣчаетъ такъ: „Мы живемъ подаяніями и не ведемъ записи, кто именно, сколько и когда жертвовалъ скотинъ; а потому и не знаемъ, кто именно *подарилъ* въ *хурулъ* опозначенное животное". И коротко и ясно!

Вотъ почему о всѣхъ происшествіяхъ между кочевниками въ ближайшихъ *хурулахъ* имѣются самыя вѣрныя свѣдѣнія. Угнали-ли у кого скотину, ограбили-ли проѣзжающаго—духовенство знаетъ всѣ обстоятельства дѣла, т. е., кто укралъ или ограбилъ, гдѣ и у кого хранится похищенное; но употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры скрыть слѣды преступленія отъ русскаго начальства или же запутать дѣло такъ, что его года въ два и не разберешь. Лишь только случилось въ степяхъ что либо выдающееся, одинъ или два *гэлюнга* отправляются въ ставку разузнать, знаетъ ли улусное начальство о происшествіи? Если знаетъ, то что̀ оно намѣрено предпринять? Эти визиты обыкновенно дѣлаются подъ видомъ будто бы дружескаго посѣщенія, узнать о здоровьѣ нѣкоторыхъ чиновниковъ, служащихъ при ставкѣ. Во время этихъ-то по видимому обыденныхъ разговоровъ о житьѣ-бытьѣ и узнаютъ все, что имъ нужно... Если намѣреваются розыскивать лицъ, угнавшихъ скотину или произвести внезапный обыскъ въ *хотонѣ* по случаю грабежа, то гораздо

прежде отправленія коммиссіи на мѣсто происшествія, даютъ узнать объ этомъ кому слѣдуетъ и тамъ принимаются зависящія мѣры къ сокрытію слѣдовъ преступленія, такъ что чиновники, прибывшіе въ *хотонъ*, не найдутъ ни лицъ, ни поличнаго! Если при нападеніи на кого бы то ни было совершено убійство и указано на лицъ, совершившихъ преступленіе, такъ что скрыть преступниковъ невозможно, то и въ этихъ случаяхъ калмыцкое духовенство нисколько не задумывается. Оно показываетъ преступника умершимъ; а между тѣмъ перемѣняетъ ему имя и живой мертвецъ, съ новымъ именемъ, преспокойно разгуливаетъ въ своихъ кочевьяхъ [1]. Бывали случаи что, съ цѣлію сокрыть слѣды преступленія, сожигали тѣла убитыхъ, которыми большею частью бываютъ или казаки, служащіе при ставкахъ, или же русскіе торговцы.—Для примѣра разскажу два выдающіеся случая сожженія убитыхъ, которые, въ свое время, долго служили предметомъ разгововоровъ между кочевниками. Въ первомъ случаѣ пострадалъ казакъ, служившій при ставкѣ Харахусовскаго улуса, а во второмъ урядникъ, служившій на *Майлихаринскомъ пикетѣ*, въ районѣ вѣдомства Эркетеневскаго улуса.

Въ шестидесятыхъ годахъ начальство Харахусовскаго улуса командировало казака въ какую то отдаленную мѣстность по дѣламъ службы. Для проѣзда по степямъ казаку данъ былъ билетъ (*халгднъ бичйкъ*), по смыслу котораго онъ долженъ брать въ подводу лошадь у кочевниковъ, живущихъ *хотднами* по пути слѣдованія, на извѣстное урочище. Окончивши возложенное на него порученіе, казакъ возвращался въ ставку. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ урочища „*Эрхднъ Бордъ*“, гдѣ находилась улусная ставка, паслись табуны одного родственника хурульнаго *Бакшй*. Этотъ

---

(1) По ученію буддистовъ, можно перемѣнять имя человѣку потому, что *оно несчастное*. Поводомъ къ сему служитъ болѣзнь извѣстнаго субъекта или несчастіе въ степномъ хозяйствѣ. Почему преступникъ, показанный умершимъ, на вопросъ однохотонцевъ, зачѣмъ онъ перемѣнилъ имя? обыкновенно отвѣчаетъ: «я часто хворалъ, нося прежнее имя; почему *зархачéи*,—астрологи—на основаніи *зурхачейскихъ книгъ* и открыли причину моей болѣзни, а перемѣнили мнѣ имя, увѣряя, что оно возвратитъ мнѣ здоровье и принесетъ счастіе.

послѣдній, зная что по распоряженію главнаго калмыцкаго управленія *хурульныхъ лошадей не приказано брать въ подводы* для проѣзжающихъ по дѣламъ службы, обманывалъ казака, говоря что это *хурульный табунъ*. Казакъ же, зная что это лошади не принадлежащія хурулу, а родственнику *Бакшй*, требовалъ подводу. Послѣ ссоры, а потомъ драки, пастухъ убилъ казака выстрѣломъ изъ ружья. Послѣднее обстоятельство видѣлъ русскій торговецъ, случайно верхомъ ѣхавшій на харахусовскій базаръ. Онъ, прибывши на мѣсто, разсказалъ своимъ товарищамъ о происшествіи на извѣстномъ урочищѣ, указалъ даже и на личность пастуха, зная его по имени. Тотчасъ-же дано было знать въ ставку попечителю, который на другой день отправился на мѣсто происшествія, взявъ съ собою казаковъ и разсыльныхъ изъ калмыковъ. Пока въ ставкѣ происходили сборы и калмыкъ пастухъ не дремалъ. Онъ поспѣшилъ заявить о томъ и хозяину табуна, и хурульному начальству. Калмыцкое духовенство на общемъ совѣтѣ порѣшило немедленно сожечь трупъ убитаго казака, что и приведено въ исполненіе. Изъ братской хурульной кухни *„замдн гэрь“* привезли большой трехъугольный *тагдн* (на которомъ ставятъ котёлъ, вмѣщающій ведеръ 10 воды, для приготовленія кирпичнаго чая или бараньяго супа), положили на него казака, обложили *„аргасуномъ“* (сухимъ скотскимъ пометомъ) и зажгли. Трупъ сгорѣлъ совершенно, не осталось ни одной косточки! Когда пріѣхалъ попечитель на мѣсто происшествія, онъ уже не нашелъ трупа убитаго казака, только большая куча золы свидѣтельствовала о его сожженіи. Узнать истину не было никакой возможности, потому-что калмыки ближайшихъ хотоновъ отзывались невѣдѣніемъ. *„Мэдкишйбъ“*—не знаю—говорили они на распросы попечителя. Поэтому терялась всякая надежда раскрыть преступленіе. Калмыкъ-пастухъ, котораго торговецъ называлъ по имени, уѣхалъ будто-бы недѣли двѣ тому назадъ въ Астрахань, какъ говорилъ хозяинъ табуна. На счастье попечителя и на бѣду калмыцкаго духовенства, при *хурулѣ* были *шабинёры*, т. е. крестьяне, подаренные когда-то владѣльцами *хурулў*, недовольные на хурульное начальство за жестокое съ ними обращеніе; они выдали своихъ повелителей. Подробно разсказали, кто совершилъ убійство, гдѣ скрывается преступникъ и кѣмъ именно произведено сожженіе трупа. Вслѣдствіе этого

всѣхъ *гэлюнговъ*, *гецюлэй* и *манджикдовъ*, участвовавшихъ въ сожженіи, сперва заарестовали при ставкѣ, потомъ подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ (для чего вызвано было по нѣскольку человѣкъ изъ другихъ ставокъ) отправили въ Астраханскій тюремный замокъ. По рѣшенію Астраханской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда, всѣ присланныя лица признаны виновными въ сожженіи трупа и за это были высланы къ Бурятамъ, въ Иркутскую губернію. Хурулъ, гдѣ они служили, велѣно было упразднить. Но первая половина рѣшенія исполнена; вторая же и доселѣ не исполняется. Во время разъѣздовъ моихъ по калмыцкимъ степямъ я видѣлъ этотъ *хурулъ*, который, вмѣсто большаго, называется малымъ; изъ богатаго сдѣлался бѣднымъ. Онъ кочевалъ недалеко отъ ставки, на урочищѣ *Эрхáнъ Бóрд*. Передъ входною дверью въ кибитку, называемую *Бурханй-Оргэ*, стоитъ тотъ *тагáнъ*, на которомъ былъ сожженъ казакъ. И калмыцкое духовенство, когда собирается на молитву, передъ совершеніемъ богослуженія, подъ начальствомъ *Бакшй*, трижды гуськомъ обходитъ хурульную кибитку, произнося тихо слова: *„ом-мá-нй-пад-мэ́-хомъ“*! Послѣ каждаго обхода останавливается противъ дверей кибитки, въ два или три ряда, и дѣлаетъ по три поклона въ землю. Окончивши этотъ обрядъ буддійскаго устава, оно дѣлаетъ три поклона и *тагáну*, на которомъ сожженъ казакъ и потомъ уже входитъ въ хурульную кибитку и послѣ обычныхъ поклоновъ занимаетъ свои мѣста и начинаетъ службу.

Второй случай сожженія—урядника—былъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Эркетеневскій улусъ занимаетъ обширное пространство степей, лежащихъ въ границѣ Ставропольской губерніи; для безопасности проѣзжающихъ и предупрежденія угоновъ скота, на мѣстахъ болѣе отдаленныхъ, какъ отъ жилищъ кочёвниковъ, такъ и отъ наблюденій улуснаго начальства, устроены пикеты (по калмыцки *„харуýлъ“*, кордонъ, караулъ). Каждый пикетъ имѣетъ до восьми человѣкъ казаковъ, вольнонаемныхъ калмыковъ, подъ начальствомъ русскаго урядника, назначаемаго изъ отдѣловъ Астраханскаго казачьяго войска на сроки отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Харуульные калмыки именуются казаками. Они вооружены шашками, а иные старинными тесаками, ружьями, пистолетами прежней конструкціи и патронами, на счетъ улуса. Для жительства имъ даются кибитки

и вся посуда, необходимая въ кочевомъ быту, улуснымъ начальствомъ. Жалованья получаютъ казаки по 8 рублей въ мѣсяцъ, а урядники—по 15 руб. изъ капитала, собираемаго съ калмыковъ на общественныя надобности. Урядникъ и пикетные казаки должны имѣть въ исправности по верховой лошади, на содержаніе которой отпускается фуражъ. Пикеты переходятъ съ одного мѣста на другое, смотря по временамъ года и принимая во вниманіе безопасность для проѣзжающихъ. Весною они занимаютъ извѣстное урочище; лѣтомъ — другое; осенью — третье; зимою — четвертое. При этомъ берётся во вниманіе то, какія именно мѣстности въ извѣстное время года бываютъ менѣе обитаемы кочевниками и болѣе удалены отъ наблюденія улуснаго начальства.

Одинъ изъ пикетовъ Эрнетеневскаго улуса въ сентябрѣ мѣсяцѣ кочевалъ на урочищѣ *Майлихаринскомъ*. Начальникомъ пикета былъ урядникъ *Ширяевъ*. Въ одно прекрасное утро пріѣзжаетъ къ нему верхомъ на лошади знакомый молодой калмыкъ и проситъ разобрать дѣло между его отцомъ и калмыкомъ другаго *хотона*. Суть жалобы заключалась въ томъ, что весною того года у отца молодаго калмыка кочёвникъ другаго хотона, проживающій верстъ за 15 отъ пикета, купилъ верблюда за тридцать пять руб., обѣщаясь заплатить деньги въ августѣ мѣсяцѣ, но денегъ не платилъ. „Если покупатель не можетъ заплатить денегъ, говоритъ проситель, то пусть отдастъ нашего верблюда. Отецъ мой ѣздилъ въ *хотонъ* купившаго; но онъ не даетъ ни денегъ, ни верблюда". Урядникъ, хорошо зная и мѣстность, и истца и отвѣтчика, отправился съ просителемъ, взявъ собою въ качествѣ переводчика одного казака изъ калмыковъ, хорошо умѣвшаго говорить по русски.—Осѣдлавши коней, втроемъ они отправились въ указанное мѣсто, при чемъ урядникъ почему-то не взялъ съ собою никакого оружія. Лошади путниковъ были не одинаковаго достоинства: подъ урядникомъ была лошадь посредственная, у калмыка-казака—хорошій рысакъ, у просителя—плохенькая, тощая степная лошадка. Проѣзжая легкой рысью по степямъ, калмыкъ-казакъ завидѣлъ вдали (¹), что хищники гонятъ „*заарканеныхъ лошадей*". — Казакъ,

(¹) Калмыки обладаютъ удивительною дальнозоркостью! Въ то время когда мы, вдали, едва видимъ силуетъ идущаго или ѣдущаго человѣка.

сказавши уряднику что это *хулхаачи*—„воры“, въ полный карьеръ пустилъ своего рысака къ хищникамъ, которые гнали перевязанныхъ лошадей. Урядникъ послѣдовалъ за казакомъ, а за нимъ—и молодой калмыкъ, по просьбѣ котораго они ѣхали на разбирательство спорнаго дѣла.

Въ то время когда урядникъ и пикетный казакъ преслѣдовали воровъ, послѣдніе спустились въ балку, гдѣ въ полторы кибитки (¹) кочевалъ калмыкъ по имени *Бурзава-Шургучіевъ*, и съ своей добычей остановились возлѣ его кибитки. Пикетный казакъ, далеко опередившій урядника, первый спустился въ балку, и, какъ степная полиція, началъ отнимать у хищниковъ лошадей.—Воры противились, не отдавали ихъ. При этомъ произошла схватка. Казакъ пустилъ въ дѣло холодное оружіе, но воры, превосходя его численностью, нанесли ему нѣсколько смертельныхъ ранъ кинжалами, положивъ на мѣстѣ дерзкаго полисмена. Въ то время когда пикетный калмыкъ плавалъ въ крови, испуская дыханіе и производя судорожныя движенія, къ мѣсту происшествія подъѣхалъ и урядникъ *Ширяевъ*, не имѣвшій при себѣ никакого оружія. Онъ, какъ начальникъ пикета, тоже спустился въ балку и вступилъ въ препирательство съ ворами, но и его постигла таже участь, которой подвергся казакъ. Молодой калмыкъ, ѣхавшій на плохой лошадкѣ, не зная о случившемся въ балкѣ, прискакалъ къ краю обрыва и лишь только увидѣлъ эту ужасную кар-

---

калмыкъ вѣрно и подробно раскажетъ вамъ кто идетъ или ѣдетъ: мужчина, или женщина; въ чемъ одѣты; что при себѣ имѣютъ: товаръ ли какой, если ѣдутъ съ базара; или везетъ барашка, перекинутаго черезъ сѣдло (на убой). Если пѣшеходъ, то подробно скажетъ, что онъ несетъ: *дойлинки*—переметныя сумки, перекидываемыя черезъ сѣдло или плечо пѣшехода, въ которыя кладутся болѣе цѣнныя вещи,—или же „*утту*“, суму, въ которую собираютъ сухой пометъ животныхъ. Бывало удивляешся этой отчетливой дальнозоркости кочевника.

(¹) Это значитъ, что около кибитки хозяина былъ разбитъ *джолонъ*. Такъ называется степная постройка, когда съ калмыцкой кибитки снимаютъ одну крышу, обтянутую кошмами, и ставятъ ее на землю. *Джолоны* предназначаются большею частію для кухни, рабочихъ, а потому всегда бываютъ изъ старыхъ копченыхъ кошомъ.—Впрочемъ, для спальни новобрачныхъ, если свадьба бываетъ у людей небогатыхъ, *джолоны* обтягиваются и новыми кошмами, которыя называются—деэбюръ.

тину—двухъ убитыхъ спутниковъ—поворотилъ было своего коня назадъ и въ полный карьеръ, какимъ могла бѣжать его лошадь, поскакалъ обратно. Хищники, не зная его личности, боялись какъ бы онъ не далъ знать на пикетъ, погнались за нимъ, догнали, воротили молодаго калмыка, стащили его съ лошади и, узнавши причину ихъ путешествія, не убили его, а, завязавъ ему глаза, привязали къ кибиткѣ калмыка *Бузавы-Шургучіева*, у котораго остановились для отдыха. Оставивъ при связанномъ калмыкѣ караульнаго, сами вошли въ кибитку *Бузавы*—напиться чаю. Въ то время когда варили чай, они сняли съ урядника всю верхнюю одежду и сожгли ее подъ котломъ. Потомъ, покрѣпившись пищею, выпили калмыцкой водки изъ молока *(арки)* и отправились далѣе. Молодаго калмыка посадили съ завязанными глазами, на его же собственную лошадь, а трупы убитыхъ урядника и пикетнаго казака привязали къ сѣдламъ ихъ же коней и отправились въ мѣста болѣе пустынныя, отдаленныя отъ кочевьевъ, захвативъ съ собою и калмыка *Базаву Шургучіева*. Пріѣхавши въ извѣстную мѣстность, набрали множество сухаго *бурьяна*—такъ называются высокія сорныя степныя травы—и сухаго скотскаго помета *(аргасунъ)*, устроили костеръ, на который возложили трупъ урядника и сожгли его.—Покончили съ трупомъ урядника,—но пикетнаго казака не удостоили такого почетнаго, по закону ламайскому, погребенія. Его трупъ во всей одеждѣ положили въ большую волчью нору, вырытую въ обрывѣ, и входъ засыпали землею. Затѣмъ отправились въ земли Малодербетьевскаго Улуса, отпустивъ калмыка *Шоргучіева* въ его кочевье. *Бузава*, возвратившись въ свою кибитку, поспѣшилъ передать ее одному своему родственнику, который перевезъ ее на другое урочище, а самъ съ однимъ *джолономъ* и рогатой скотиной въ туже ночь откочевалъ къ *Эрнетеневскому хурулу*, сидѣвшему на урочищѣ „*Джанай*", которое находится болѣе чемъ на 50 верстъ отъ мѣста убіенія урядника и казака,—подъ предлогомъ леченія отъ болѣзни. (Извѣстно, что въ степяхъ больныхъ калмыковъ лечатъ *Эмчи*—„лѣкаря" изъ *гэлюнговъ*; они приказываютъ бѣднякамъ, имѣющимъ въ нихъ нужду, подкочевать ближе къ *хурулу*, чтобы имъ удобнѣе было дѣлать визиты своимъ паціентамъ, а послѣднимъ—пользо-

ваться совѣтами и лекарствами степныхъ эскулаповъ). Объ описанномъ происшествіи скоро узнали и казаки, составлявшіе пикетъ *Майлихаринскій*.

Черезъ три или четыре дня послѣ происшествія караульные казаки, оставивъ на пикетѣ одного старика, въ полномъ составѣ пріѣхали въ зимнюю ставку Эркетеневскаго улуса заявить попечителю, что ихъ урядникъ *Ширяевъ*, а съ нимъ одинъ пикетный казакъ, не ночевали дома. Такое заявленіе удивило попечителя.—Онъ спросилъ ихъ: „а прежде этого, подобныя отлучки бывали"?—Они отвѣчали: „случались".—Такъ чтоже, прибавилъ попечитель, можетъ быть, они теперь воротились, такъ какъ вы уже третій день какъ уѣхали съ пикета?—„Незнаемъ, отвѣчали калмыки, мы пріѣхали только заявить вамъ объ этомъ"! Попечитель сейчасъ догадался, что на пикетѣ что-то не ладно. Побранивъ калмыковъ за то, что они бросили пикетъ и всѣ пріѣхали къ нему, хотя это могъ бы и одинъ сдѣлать, онъ немедленно приказалъ имъ ѣхать обратно на урочище *Майлихаринское*.—Какъ только пикетные казаки уѣхали изъ ставки, попечитель Эркетеневскаго улуса взялъ съ собою письмоводителя, переводчика и восемь казаковъ изъ ставки и отправился на мѣсто происшествія. По дорогѣ заѣзжалъ въ разные *хотоны*, разспрашивать у кочевниковъ: не знаетъ ли кто нибудь чего о случившемся?—Но отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ: *медкишибъ*—„незнаю" (¹). Только

(¹) Бывало удивляешься тому, съ какою быстротою кочевники узнаютъ всякую новость, случившуюся въ степяхъ: угнали ли у кого скотину, розыскиваютъ ли воровъ, случилось ли какое происшествіе—они довольно подробно разсказываютъ о томъ одинъ другому, но всегда стараются скрывать отъ русскаго начальства. Точно также калмыки узнаютъ всѣ распоряженія главнаго калмыцкаго управленія, касающіяся кочевниковъ. Лишь только состоится какое нибудь постановленіе въ Астрахани,—въ ставкѣ, отстоящей верстъ за двѣсти отъ города, дня черезъ два, уже довольно подробно говорятъ о предстоящихъ перемѣнахъ: или въ устройствѣ кочеваго народа, или же о перемѣнахъ въ составѣ лицъ улуснаго начальства. Черезъ недѣлю, дѣйствительно, получается оффиціальная бумага точно такого содержанія, какъ передавала молва.—Телеграфовъ калмыки не имѣютъ; но не смотря на то, что живутъ въ глухой степи, узнаютъ обо всемъ и скоро и обстоятельно отъ проѣзжающихъ чрезъ калмыцкій базаръ, гдѣ живутъ лица, служащія въ Главномъ Управленіи.

одинъ русскій торговецъ сказалъ попечителю, что такого-то числа урядникъ *Ширяевъ* и пикетный казакъ съ молодымъ калмыкомъ проѣздомъ *на такое-то урочище* заѣзжали въ его лавку, помѣщающуюся въ калмыцкой кибиткѣ, пили у него чай и, купивши по ситцевому платку, отправились *въ такой-то хотонъ.*—Между тѣмъ какъ торговецъ сообщаетъ эти свѣдѣнія, къ попечителю является отецъ молодаго калмыка и заявляетъ о безвѣстномъ отсутствіи сына, посланнаго на пикетъ по дѣлу о верблюдѣ. Болѣе никакихъ свѣдѣній о происшествіи не могъ собрать попечитель. Хорошо зная, что у всѣхъ калмыковъ принято за правило: „все скрывать отъ русскаго правительства", принялся допрашивать пикетныхъ калмыковъ, но они отзывались полнымъ незнаніемъ. Для раскрытія истины нужно было употребить строгія мѣры. И вотъ всѣхъ пикетныхъ калмыковъ велѣно было заковать въ кандалы, положить на открытомъ воздухѣ на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи, давать имъ въ день по одной чашкѣ кирпичнаго чая и по два кренделя *(тогушъ)* до тѣхъ поръ, пока они не скажутъ, куда дѣвался урядникъ съ пикетнымъ казакомъ. Къ размѣщеннымъ такимъ образомъ калмыкамъ приставилъ двухъ часовыхъ изъ числа привезенныхъ имъ казаковъ, а самъ проѣхалъ въ сосѣднія кочевья собирать свѣдѣнія объ изчезновеніи урядника и казака съ пикета. На другой день попечитель воротился изъ поѣздки, ничего не узнавши новаго, приказалъ сварить чай и началъ утолять жажду на открытомъ воздухѣ. Одинъ изъ пикетныхъ казаковъ, томимый голодомъ, рѣшился подробно разсказать попечителю всю исторію убіенія урядника и казака, какъ описано выше, но присовокупилъ, что, куда дѣвали тѣла убитыхъ—онъ не знаетъ. При этомъ просилъ попечителя взять его съ пикета въ ставку,—иначе пикетные товарищи убьютъ его за выдачу ихъ тайны. Попечитель, узнавши что калмыкъ *Бузава Шургучѣевъ*, кочевавшій въ балкѣ гдѣ совершенно убійство, откочевалъ *въ хурулъ*, продавши свою кибитку родственнику своему, проѣхалъ на мѣсто сдѣлать осмотръ той балки, при чемъ оказалось, что, во время спѣшнаго бѣгства, калмыкъ *Бузава* позабылъ много изъ такихъ предметовъ, которые необходимы въ кочевомъ быту, именно *шангу*—деревянный уполовникъ, *табину*—„полку", привязываемую къ *унинамъ*, на которой лежатъ деревянныя

чашки для чая и небольшой котелокъ, необходимый при фабрикаціи калмыцкой водки изъ молока. Въ золѣ *дулумты*—такъ называется мѣсто среди кибитки, гдѣ варятъ пищу—нашелъ нѣсколько мѣдныхъ бляхъ и пряжку отъ пояса; въ срединѣ *дулумты*—складной ножъ, воткнутый въ землю,—что и навело попечителя на мысль, что одежда урядника сожжена въ кибиткѣ *Бузавы*. Вокругъ кибитки много скотскаго помета,—это показывало, что у кочевавшаго здѣсь хозяина было много рогатаго скота.—Осмотрѣвши мѣстность, попечитель отправился *въ большой хурулъ на Джанай*, гдѣ и остановился жить, не давая вида о своемъ намѣреніи арестовать *Бузаву*, кочевавшаго около *хурула*. Поживши сутки—онъ ходилъ на базаръ и узналъ отъ русскихъ торговцевъ, что одинъ *манджикъ* (послушникъ) *того хурула* продавалъ рогатую скотину калмыка *Шургучіева*, по весьма сходной цѣнѣ, которую они и купили. На другой день калмыкъ *Бузава и жена его* были арестованы и подъ конвоемъ казаковъ отправлены въ ставку. Конвойнымъ приказано было не давать возможности женѣ и мужу видѣться и сговариваться по дорогѣ, а въ ставкѣ велѣно было держать ихъ по одиночкѣ. Оставшееся послѣ нихъ имѣніе отдано на храненіе въ хурулъ, который подтвердилъ, что *Бузава Шургучіевъ*, недавно прикочевавшій, дѣйствительно лечился *у хурульнаго эмчи*.—По дѣлу хотя и выяснилось, что убійство урядника и пикетнато казака совершено около кибитки Шургучіевыхъ, но они отказывались невѣдѣніемъ этого обстоятельства, а тѣмъ болѣе убійцъ. Въ показаніяхъ путались. Мужъ говорилъ, что онъ подарилъ кибитку родственнику; а жена говорила, что продалъ. Мужъ показывалъ, что у него не было рогатой скотины, а жена—что было, и притомъ довольно, что ее пригнали на „*Джанай*" и продали и т. п. Не смотря на запирательство подсудимыхъ, ихъ переслали въ астраханскій тюремный замокъ, гдѣ они содержались до весны, упорно отзываясь невѣдѣніемъ. Наступила весна и они невольно вспомнили о привольныхъ степяхъ и сильно тосковали. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался стряпчій. Посѣщая камеру заключеннаго *Бузавы* и видя его мрачное настроеніе, онъ сказалъ ему: „напрасно, братъ, скрываешь дѣло, сказалъ бы лучше правду и былъ бы свободенъ; поѣхалъ бы въ привольныя степи и зажилъ бы по прежнему". Эти рѣчи

понравились *Бузаев*, который хорошо говорилъ по русски,— и онъ разсказалъ все подробно. По его указанію, цѣлая коммиссія ѣздила въ степи. взявши съ собою и *Бузаеву* для указанія мѣстности, гдѣ сожгли урядника. Нашли не сгорѣвшій мизинецъ и двѣ обгорѣвшихъ берцовыхъ кости, надрубленныя кинжалами. Пикетнаго казака нашли въ волчьей норѣ, по указанію *Шургучіева*. Казакъ одѣтъ былъ въ кафтанчикъ изъ синей нанки; въ карманѣ у него было 5 коп. денегъ и кисетъ съ калмыцкою трубкою, табакомъ, огнивомъ, кремнемъ и трутомъ (этотъ способъ добывать огонь для трубки между многими калмыками практикуется и доселѣ). Пролежавши въ волчьей норѣ всю зиму, казакъ не разложился. Лице и руки его покрылись толстымъ слоемъ плесени, но когда лице обтерли губкою, то явственно можно было различить его черты. Самыхъ же убійцъ ни *Бузаева*, ни *жена* его, не открыли, почему они, кажется, и досихъ поръ не отысканы; тѣмъ не менѣе *Шургучіева* и жену его, какъ соучастниковъ преступленія, выслали къ бурятамъ. Молодой же калмыкъ, котораго будто бы „неизвѣстные ему“ хищники держали въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ (трудно повѣрить!),—въ исходѣ зимы явился въ ставку и заявилъ, что онъ, пользуясь темнотою ночи и опьяненіемъ кутившихъ воровъ послѣ одного удачнаго похода на чужую скотину, на осѣдланной лошади одного изъ нихъ убѣжалъ отъ хищниковъ, разсказывая разныя приключенія съ нимъ въ дорогѣ.—Такъ-то трудно открывать преступниковъ между калмыками: для этого нужно имѣть близкое знакомство съ *гелюнгами*, которые въ большинствѣ случаевъ одни только и знаютъ о подобнаго рода происшествіяхъ.

Членъ-сотрудникъ, протоіерей *П. Смирновъ*.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ СЕЛО ШУМАТОВО,

Ядринскаго уѣзда Казанской губ.

(Курганы. Киреметь. Жертвенныя приношенія „киреметямъ“ и „покойникамъ“. Покинутыя кладбища. Очувашившіеся черемисы. Повѣрья. Нарядъ чувашекъ. Дѣтскія куклы. Чувашскія слова, не вошедшія въ словарь Н. И. Золотницкаго).

Члена-сотрудника *В. К. Магнитскаго.*

Минувшимъ лѣтомъ первую половину августа мѣсяца мнѣ довелось прожить въ чувашскомъ селѣ Шуматовѣ, Ядринскаго уѣзда. Уѣзжая въ это село изъ Казани (гдѣ оканчивалось печатаніе собранныхъ мною „Матеріаловъ къ объясненію старой чувашской вѣры“, Казань. 1881 года), я имѣлъ въ виду: 1) пополнить имѣвшіяся у меня свѣдѣнія о курганахъ и покинутыхъ кладбищахъ, находящихся въ приходѣ села Шуматова и 2) составить списокъ названій урочищъ, извѣстныхъ подъ именемъ „киреметь“, съ описаніемъ ихъ топографіи и жертвенныхъ приношеній въ честь живущихъ на нихъ „духовъ“. Жившій лѣтомъ въ Казани извѣстный путешественникъ по Монголіи Г. Н. Потанинъ, кромѣ того, снабдилъ меня составленной имъ „Программой вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у сибирскихъ инородцевъ. Спб. 1881 г.“. Но я, къ сожалѣнію, время поѣздки выбралъ неудачно: народъ—чуваши были заняты жнитвомъ, пашней и сѣвомъ, и потому вступать съ ними въ разговоръ по поводу интересовавшихъ меня вопросовъ я имѣлъ мало случаевъ; къ тому же почти во все время моего пребыванія въ Шуматовѣ перепадали дожди. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ посѣтить нѣсколько „киреметей“ и

отыскать два мѣста, гдѣ чуваши поминаютъ своихъ покойниковъ.

Самая замѣчательная въ топографическомъ отношеніи „киреметь" въ Шуматовскомъ приходѣ — на „курганѣ", въ пахотномъ полѣ, принадлежащемъ чувашамъ дер. Ванькиной, въ 2-хъ верстахъ отъ села Шуматова на югъ. Мѣстность эта, примыкающая къ полямъ приходской дер. Ордашъ, считается въ Ядринскомъ уѣздѣ одной изъ самыхъ возвышенныхъ (¹). Описаніе находящагося въ ней „кургана" было составлено мной еще въ 1873 году, подъ заглавіемъ: „Археологическія достопримѣчательности въ приходѣ села Шуматова, Ядринскаго уѣзда"; въ томъ же году оно было прочитано на бывшемъ въ Казани Съѣздѣ Естествоиспытателей и предназначено къ напечатанію, но рукопись утратилась. Прочитавъ послѣ того въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе болгаро - татарскіе памятники въ Казанской губерніи (Казань. 1877 г.)" ссылку на эту рукопись (стр. 529), я, по сохранившейся у меня черновой наброскѣ, составилъ новое описаніе для Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи; но и оно не дошло до Общества. Поэтому я позволю себѣ въ настоящее время изложить все, что мнѣ извѣстно о данномъ урочищѣ. Въ утратившихся рукописяхъ я говорилъ только объ одномъ курганѣ въ этой мѣстности, именно о томъ, который считается „киреметью"; другой же, находящійся отъ кͥреметп въ 80 шагахъ на западъ, на краю полевой (для провоза сноповъ) дороги, считалъ простымъ бугоркомъ, или, какъ называютъ ихъ чуваши,—тӳмескэ̆. Чтобы остановиться на томъ или другомъ предположеніи, я, во время осмотра киремети, спросилъ жавшаго неподалеку отъ бугорка чувашина: какъ по ихнему называются такіе бугорки? и онъ мнѣ неожиданно отвѣтилъ: Олып тупры!—что по русски значитъ: „великанова земля",—а такъ чуваши называютъ „курганы". Этотъ второй курганъ имѣетъ въ окружности около 50 шаговъ, вышины онъ едва ли болѣе аршина; по формѣ—плоскій овалъ. Курганъ „киреметь"—въ окружности 100 шаговъ, вышиною не менѣе сажени, съ ровнымъ оваломъ

(¹) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Казанская губернія. Составилъ М. Лаптевъ. Спб. 1861 г. стр. 41.—Село Шуматово и его приходъ. Каз. Губ. Вѣд. 1870 г. №№ 63 и 68.



на всѣ стороны; на южной сторонѣ край его, на пространствѣ аршина, запаханъ; съ сѣверо-западной стороны къ этому кургану примыкаетъ небольшая луговина, въ концѣ коей ростетъ чахлая береза. Въ 50-хъ годахъ этотъ курганъ весь покрытъ былъ разнородными кустами; въ 1873 же году и минувшимъ лѣтомъ—я нашелъ на немъ только три чахлыхъ кустика.

Описанное урочище извѣстно у чувашъ подъ именемъ *ылдым тырбак* ([1]). *Ылдым* по чувашски—золото, слова же *тырбак* въ корневомъ чувашско-русскомъ словарѣ Н. И. Золотницкаго нѣтъ, и мнѣ въ Шуматовѣ значенія его никто сказать не могъ; посѣтившій же меня въ Казани священникъ—чувашенинъ села Старыхъ Шигалей, Цивильскаго уѣзда, Г. Ф. Филиповъ, ученикъ и сотрудникъ Н. И. Золотницкаго—объяснилъ, что въ словѣ *тырбак*, для созвучія, по особому закону чувашскаго говора, переставлены звуки, что взятое отдѣльно оно будетъ *тупрак*, а это слово по чувашски и по татарски значитъ—земля, пыль, розсыпь ([2]). вмѣстѣ же съ *ылдым*—золотая розсыпь, земля, содержащая золото. Несомнѣнно, что у чувашъ есть и сказанія объ этомъ урочищѣ; но они мнѣ неизвѣстны.

Мѣстомъ мольбищъ и склада жертвенныхъ приношеній Киремети на этомъ урочищѣ служатъ: большой курганъ, упомянутая береза и ростущая на сѣверъ отъ нихъ, шагахъ во 100, на межѣ двухъ загоновъ, старая лѣсная яблоня. Въ 1873 году я нашелъ на этомъ урочищѣ, кромѣ значительнаго количества „нохратокъ“ (жестяные кружечки), лежавшихъ—частью открыто на землѣ у стволовъ деревъ, частью—завернутыми въ лоскутки оберточной бумаги,—нѣсколько новыхъ круглыхъ холщевыхъ обрѣзковъ. Обрѣзки эти оказались вырѣзками отъ рубашекъ для шеи, какъ я узналъ тогда,—изъ вновь початаго холста. Вырѣзки эти приносятся въ жертву Киремети женщинами и дѣвушками, причемъ онѣ просятъ Киреметь объ урожаѣ льна и конопли. Все похищенное мной тогда у Киремети я тогда же препроводилъ въ

([1]) Точно также называется въ сосѣднемъ Балдаевскомъ (Сўгут) приходѣ, близь дер. Югуть, киреметь—роща изъ дуба и березы.

([2]) Корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго. Казань, 1875 г., стр. 86.

И. Рус. Геогр. Общество. Минувшимъ лѣтомъ, на тѣхъ же мѣстахъ, мнѣ удалось набрать только нѣсколько нохратокъ. Впрочемъ, ѣздившая со мной въ киреметь маленькая племянница нашла подъ яблоней 1 к. сер. Отецъ мой (священникъ) между прочимъ сообщилъ мнѣ, что разъ зимой вечеркомъ, возвращаясь изъ приходской деревни домой мимо этого урочища, онъ видѣлъ, какъ молившійся у яблони неузнанный имъ чувашенинъ, по окончаніи моленья, опрометью бросился отъ яблони на стоявшіе неподалеку запряженные сани и, нахлыстывая лошадь, помчался какъ будто отъ преслѣдующей его погони. Отъ дороги, идущей изъ села Шуматова въ приходскія деревни Юманай и Теньгеши—урочище находится не далѣе 15-ти саженъ, въ лѣво; по правую сторону дороги начинается оврагъ, идущій подъ деревню Ванькину и извѣстный подъ названіемъ *кивь зӧрт сирми*—оврагъ стараго жилища.

Узнавъ здѣсь отъ жнецовъ—чувашъ о существованіи кургана и киремети подъ деревней Новые Тиньгеши, я тотъ часъ же отправился туда,—тѣмъ болѣе, что ранѣе слышалъ о существованіи подъ этой деревней двухъ кургановъ. На западъ отъ Тиньгешъ, на правомъ ровномъ берегу рѣки Вылы, на самомъ краю, противъ устья впадающей въ нее слѣва рѣчки Иорбаша ([1])—я и дѣйствительно нашелъ огромный

([1]) Въ печатныхъ источникахъ неправильно называется Арбашка. Между прочимъ на «Хозяйственной картѣ Ядринскаго уѣзда», приложенной къ ст. Н. Вечеслава: «Экономическій бытъ крестьянъ Казанской губерніи. Статья 1-я, уѣздъ Ядринскій» (Труды Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета Вып. 1 и 2-й, 1870), показано три рч. Арбашки: Большая, Малая и просто Арбашка. Прежде всего—эти различія мѣстнымъ жителямъ совершенно неизвѣстны. Далѣе: на томъ мѣстѣ, гдѣ показана на картѣ Малая Арбашка, въ дѣйствительно течетъ незначащаяся на картѣ рѣчка *Пурдàсъ*, начинающаяся у деревни Ордашъ и впадающая въ р. Вылу справа, выше рч. Йорбашь, протекающей подлѣ села Хочашева, на лѣв. берегу р. Вылы.—Йорбашь, вытекающій изъ подъ дер. Исмендеръ, впадаетъ въ Вылу выше Пурдасъ. Третій—нижній Йорбашь, протекающій подъ селомъ Шуматовымъ, беретъ начало не за этимъ селомъ, а у околодка *Ой кассы* дер. Янасалъ и до села Щуматова дважды пересѣкаетъ ядринско-цивильскій коммерческій трактъ, причемъ на этомъ протяженіи принимаетъ въ себя справа непоказанный на картѣ притокъ Наржàу. Притокъ его слѣва, показанный на картѣ, въ дѣйствительности

сплющенный оваль, вышиною не менѣе саженъ трехъ, а въ окружности въ нѣсколько десятковъ саженъ; но онъ, несомнѣнно, естественная геологическая выпуклость. Этотъ бугоръ извѣстенъ у чувашъ подъ названіемъ „Хирь дип киреметь“—киреметь сухой берегъ или край. На глубинѣ саженъ двухъ—въ немъ обнаруживается известь, добывавшаяся между прочимъ на постройку только что оконченныхъ каменныхъ церквей въ селахъ Шуматовѣ и Шумшевашахъ. Вслѣдствіе этого жившая на „Хирь дип Киреметь“, какъ выразился мнѣ иронически одинъ молодой чувашинъ—*тарче*—убѣжала. Ранѣе же, до постройки упомянутыхъ церквей, на бугрѣ чуваши приносили жертвы Киремети и оставляли на немъ деньги. Пріѣзжавшій на дняхъ въ Казань чувашенинъ деревни Ванькиной, Яковъ Никитинъ, сообщилъ мнѣ о происхожденіи „Хирь дипъ“ слѣдующее сказаніе. Сорокъ дѣвушекъ заманили къ себѣ молодаго парня и предложили ему право супружества на нихъ. Парень согласился, но осуществить это право заразъ со всѣми по порядку оказался безсильнымъ. За это дѣвушки засыпали его живьемъ землей: на этомъ мѣстѣ и возникъ Хирь дипъ. Къ сожалѣнію, для болѣе обстоятельнаго распроса, была самая неблагопріятная обстановка.

Другой круглый бугорокъ, на томъ же берегу рч. Вылы, я нашелъ версты на двѣ ниже Хирь дип, насупротивъ деревни Симек кассы (пишется—ок. Семикеевъ села Хочашева). Этотъ бугорокъ оказался кучей песку, обросшей травой. Кромѣ „тў мексе“,—у жителей названной деревни онъ не носитъ никакого спеціальнаго названія.

Третій курганъ, извѣстный и у чувашъ подъ именемъ „олып тупры“,—я увидалъ случайно, во время прогулки на такъ

называется не *Сунаръ*, а *Пўгў*, что по русски значитъ—дуга. Ниже Пўгў, съ той же стороны, впадаетъ въ Шуматовскій Йорбашь рч. *Шогыльчар*, также не показанная на картѣ.—По поводу названія Йорбашь—Н. И. Золотницкій въ одномъ изъ писемъ сообщилъ мнѣ: «Въ ст. о Шуматовскомъ приходѣ Вы рѣчку *Ербаш* произвели отъ *йор*—снѣгъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что мелкія рѣчки у чувашъ—*сырмары шузам*—называются болѣе по мѣстности; по этому *ер* есть ничто иное, какъ тюркское (т. е. старо-чувашское, а оно же русское—*яр*, крутой берегъ=нынѣш. чуваш. сыр (а отъ него сырма); а *башъ*=татар. *башы*, такъ что Ербашь=нынѣш. чувашскому *сырма позе*—вершина оврага».

называемую „большую дорогу“ (Ядринско-Цивильскій коммерческій трактъ). Этотъ курганъ находится въ 2 верстахъ отъ села Шуматова и въ ¼ версты отъ „Старой деревни) (Йорбашъ сьом), на сѣверъ отъ того и другой, подлѣ самаго тракта, въ концѣ загона, въ углу между южнымъ краемъ тракта и проселочною дорогою изъ „Старой“ деревни въ „Новую (Вурман-гае“). Такъ какъ на курганѣ былъ несжатый овесъ, то измѣрить окружность его шагами я не рѣшился; глазомѣрно же—вышиною онъ не больше аршина, шириною въ діаметрѣ около сажени; форма его—овальная.

Четвертый курганъ, по разсказамъ, находится саженяхъ въ 200-хъ на юго-востокъ отъ околодка „Кўрдэ кассы“ деревни Янасалъ, у межи, въ пахатномъ полѣ, подлѣ проселочной дороги изъ названнаго околодка въ „Сўмўртъ кассы“, Чувашско-Сорминскаго прихода. Свѣдѣнія объ этомъ курганѣ мнѣ сообщилъ грамотный чувашинъ дер. Янасалъ В. Н. Никольскій, служившій техникомъ при Ядринской земской управѣ.

Имъ же сообщены мнѣ свѣдѣнія о слѣдующихъ кереметяхъ:

1) „Хорын бось“ — вершина березы; такъ называется разнородный кустарникъ въ полверстѣ на югъ отъ околодка Кобырля дер. Янасалъ (¹).

2) „Пыллых“—кустарникъ на востокъ отъ Кобырля, саженяхъ во 100 отъ Хорын-бось. Названіе урочища—пыллых, по мнѣнію Е. А. Малова, созвучно съ арабскими словами: a) فلاح (фелахъ)—счастіе, успѣхъ; спасеніе, убѣжище; فلاح حى على—идите къ спасенію, т. е. въ мечеть; b) فلك (фелекъ) множ. افلاك—небо, фортуна, судьба (²).

3) „Кивь зöрт“—старое жилище; кустарникъ въ полверстѣ, на юго-востокъ, отъ Кобырля.

4) „Сар’дван“—вязъ на горкѣ, на выгонѣ, въ 200-хъ саженяхъ на сѣверо-востокъ отъ Кобырля. Что значитъ названіе урочища—неизвѣстно. Значеніе приставки „сар“ въ концѣ словъ Н. И. Золотницкій объяснилъ въ своемъ сло-

---

(¹) Дер. Янасалъ состоитъ изъ 11-ти околодковъ.

(²) Киреметь съ именемъ «пыллыхъ» есть еще близь дер. Сареевой (Сар ялъ), Балдаевскаго прихода.

варѣ; относительно же этой приставки въ началѣ слова въ названіи кириметей—онъ пришелъ къ необходимости обратиться къ особому изслѣдованію ([1]), котораго за смертью не сдѣлалъ. Е. А. Маловъ сообщилъ мнѣ, что по персидски: 1) سر (аръ)—голова, старшина, دیوان (дуванъ) - бекъ или старшина, *сер - дуванъ* = главный старшина; 2) سرا (сера), سرای (серай)—дворъ, домъ, *дуван - серай*—сенатъ, высшее присутственное мѣсто. Урочище Сар'дван приходится на землѣ жителей ок. Кобырля, но молиться сюда приходятъ и жители ок. Рыковкина.

5) „Шўшкиллих“—орѣшникъ, иначе „Ишукà“ или „Шукка карды“—задній дворъ, загорода Ишука; кустарникъ, въ полверстѣ на югъ отъ ок. Васькина (Вась кассы), въ вершинѣ овражка, по которому запружены пруды (карасьники). Околодокъ Вась кассы считается въ Янасалахъ самымъ древнимъ. Въ 40-хъ годахъ при немъ была огромная священная киреметь—осиновая роща. Разъ бурей повалило въ рощѣ до 700 деревъ и Шуматовское духовенство тайно вывозило ихъ для отопленія въ теченіи двухъ лѣтъ.

6) „Мун кўрезе“—большая лопата } Мысы по берегу рѣ-
7) „Кизинь кўрезе“—малая лопата } ки Иорбаша.

8) „Хызялды кереметь“—задняя киреметь; роща, въ полверстѣ на сѣверо-востокъ отъ дер. Кильдишъ. Самая роща извѣстна подъ названіемъ Мигаковой, по имени владѣвшаго ею чувашина.

9) „Шинерь“—обильная или веселая мѣстность ([2]); дубовый лѣсокъ на правомъ берегу рѣки Иордаша, между притокомъ его Наржау и урочищемъ Сядыргў.

10) „Хорà дў“—черная гора; склонъ праваго берега рѣки Иорбаша, противъ дер. Анат-Сунаръ; по горѣ до послѣдняго времени росла осиновая роща.

11) „Сядыргў киреметь“—хворостовая киреметь; дубовые и березовые кусты на мысу, на сѣвомъ берегу суходола, начинающагося отъ озера Сьуда кўль—свѣтлое озеро—въ Тораевскомъ приходѣ и выходящаго на правый берегъ рѣки

([1]) Кор. чув. рус. сл.... стр. 260.

([2]) Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Морквашъ, Н. И. Золотницкаго.

Йорбаша, позади Солдатской Слободки (Салдак Павыл вырын). Пониже этой киремети, въ долу, находится мостикъ изъ тонкихъ жердей, извѣстный подъ названіемъ „вильны сын кибери"—мостъ жертвенныхъ людей. Такое названіе, по преданію, онъ получилъ отъ того, что въ этомъ мѣстѣ разбойники прятали убитыхъ ими людей, покрывая ихъ сверху хворостомъ (сядырга); отъ этого слова киреметь и носитъ свое названіе.

12) „Херле сыр"—красная земля ([1]); такъ называется правая сторона оврага, при которомъ расположена дер. Анат-Сунаръ; по ней, начиная отъ гуменъ на югъ, ростутъ одиночно березы, осины и частію дубъ. За цѣлостью деревъ до послѣдняго времени наблюдаетъ чувашенинъ, живущій вверхъ по оврагу крайнимъ.

Относительно урочищъ, извѣстныхъ у чувашъ съ именемъ „киреметь", я прихожу къ убѣжденію, что они—далеко не всѣ мѣстожительство самой Киремети; въ дѣйствительности большая часть такихъ урочищъ—просто „неприкосновенное" или „святое мѣсто"; на нихъ чуваши молятся и оставляютъ свои жертвенныя приношенія Киремети въ тѣхъ только случаяхъ, когда имъ нѣтъ времени ѣхать въ мѣстопребыванія самой Киремети. На такихъ урочищахъ живетъ только „духъ жертвъ"—„Чукъ", котораго чуваше также просятъ въ молитвахъ о помилованіи: „Чук сырлах"—духъ жертвы, помилуй! ([2]).

Въ Шуматовскомъ приходѣ складочнымъ и передаточнымъ мѣстомъ жертвенныхъ приношеній служитъ также ядринско-цивильскій торговый трактъ, или, по мѣстному названію, „большая дорога", по чувашски—„мун сьол". Наибольшую часть „нохратокъ", представленныхъ мной въ музей Общества, я собралъ подъ березами на тракту; пройдясь по этому послѣднему, во время прогулки, около версты, я не встрѣтилъ ни одной березы, подъ которой не было-бы нохратокъ. Кладутся нохратки здѣсь только по правую сторону тракта, считая направленіе отъ г. Ядрина къ Цивильску.

([1]) Матеріалы къ объясненію «старой чувашской вѣры». Казань. 1881 г.

([2]) О чувашахъ. Протоіер. Евв. Малова. Прав. Собесѣд. 1882 г., январь, стр. 55.

Въ теченіи 13 лѣтней жизни въ Чебоксарскомъ уѣздѣ— мнѣ не одну сотню разъ довелось проѣзжать идущими чрезъ этотъ уѣздъ цивильско-свіяжскимъ коммерческимъ и московскимъ почтовыми трактами; но въ этомъ уѣздѣ только на первыхъ порахъ моей жизни мнѣ удалось разъ найти пять крупныхъ нохратовъ, на третьей верстѣ отъ Вороновой Слободки, на Московскомъ трактѣ, по направленію въ Казань, и также на правой сторонѣ,—а именно 3 апрѣля 1864 г., какъ это оказалось у меня записаннымъ.

Въ дѣтствѣ мнѣ дважды доводилось находить копѣечныя восковыя свѣчи, въ почкахъ соломы, на зимнихъ вѣхахъ по проселочнымъ дорогамъ,—разъ въ Шуматовскомъ приходѣ, въ послѣднихъ числахъ марта, и въ другой разъ—зимой, не знаю близь какой деревни Козмодемьянкаго уѣзда, между селами Ипшеями (Пихтулино, Покровское) и Акрамовымъ; въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, кромѣ свѣчей, я нашелъ на снѣгу, у вѣхъ, нѣсколько кусочковъ чернаго хлѣба и блиновъ, попавшихъ сюда конечно не случайно.

Для выясненія—что именно разумѣютъ чуваши подъ именемъ „киреметь", я имѣлъ въ виду распросить: чѣмъ руководствуются они при выборѣ мѣстъ для своихъ шаманскихъ молбищъ,—но къ этому не представилось случая. Вопросъ этотъ интересовалъ меня и потому, что на Съѣздѣ Естествоиспытателей въ Казани, въ 1873 году, по прочтеніи моей затерявшейся рукописи, Н. И. Золотинцкій высказалъ, какъ видно изъ протокола засѣданія Съѣзда, будто „при мѣстахъ шаманскихъ жертвоприношеній чувашъ не встрѣчается никакихъ укрѣпленій". Пользуясь настоящимъ случаемъ, я позволю заявить на основаніи имѣющихся у меня свѣдѣній объ урочищахъ—кireметяхъ въ Чебоксарскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ, что мѣста тайныхъ шаманскихъ мольбищъ пріурачиваются къ городищамъ и къ курганамъ, особенно же къ покинутымъ кладбищамъ (киве сьува) и жилищамъ (кивь зӧрт). Нагляднымъ опроверженіемъ мнѣнія Н. И. Золотницкаго можетъ служить въ Чебоксарскомъ уѣздѣ киреметь на городищѣ подъ деревней Шымалахъ, извѣстномъ у чувашъ подъ названіемъ „хола дуй" (¹), что, по объясненію Н. И. Золотницкаго, значитъ „укрѣпленная гора".

(¹) Древніе города.... С. М. Шпилевскаго. Стр. 520.

Киреметями въ настоящее время называются и тѣ мѣста, на которыхъ ранѣе чуваши совершали публичныя общественныя моленья въ честь верховнаго Бога объ урожаяхъ и дождяхъ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ чуваши на мѣстныхъ урочищахъ—кcallеметяхъ молятся и приносятъ жертвы между прочимъ: 1) въ честь *Торханди Киреметь—Киреметь* (=*святой?*) *Тарханъ* и 2) *Сорым Киреметь*—киреметь Сорма; изъ нихъ первая находится гдѣ-то близь села Оточева, а вторая въ чувашско—Сорминскомъ приходѣ. Какія именно они чтятъ подъ именами Торханди и Сорымъ,—я не успѣлъ допытаться. О Сорминской киремети, впрочемъ, имѣется слѣдующая легенда, сообщенная мной еще въ 1866 году. „.... Когда Пугачевъ съ своей шайкой былъ окруженъ русскими войсками, то одинъ изъ его генераловъ (по выраженію чувашъ) успѣлъ убѣжать и, прискакавъ въ лѣсъ близь села Чувашской Сормы, остановился и сказалъ: пусть будетъ здѣсь Киреметь и пусть чуваши меня почитаютъ. На этомъ мѣстѣ генералъ былъ схваченъ и повѣшенъ на березѣ. Лошадь у него была сивая, а узда и подковы серебряныя“ (¹).

Сорымъ киреметь есть еще: 1) въ Балдаевскомъ приходѣ, близь дер. Перьсирланъ, на рч. Гремячкѣ—притокъ справа р. Суры — у такъ называемой Соколовской мельницы, и 2) въ Цивильскомъ уѣздѣ, гдѣ въ честь ея у чувашъ этого уѣзда и нѣкоторыхъ деревень Чебоксарскаго уѣзда бываетъ особый праздникъ (²).

Изъ жертвенныхъ приношеній киреметямъ мнѣ удалось пріобрѣсти только: 1) Свыше 200 нохратокъ, 2) двѣ тухланки и 3) маленькій холщевый лоскутокъ съ прилипшими къ нему: хмѣлемъ, мукой, льнянымъ и конопляннымъ семенемъ, крупой, рожью и овсомъ,—неболѣе щепоти каждаго продукта. Нохратками (араб. *нукрат*—серебряныя деньги (³)) называются кружечки, сдѣланные изъ бѣлой жести и листовой мѣди, а тухланками—такіе же кружечки, сдѣланные изъ олова; изъ нихъ заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія тухланки, потому что на лицевой ихъ сторонѣ имѣется

(¹) Замѣтка о Пугачевскомъ бунтѣ. Казан. Губер. Вѣдом. 1866 г. № 16.

(²) Матер. къ объясн. стар. чув. вѣр... Стр. 9 и 10.

(³) Кор. чув. рус. сл. стр. 45.

изображеніе въ видѣ древесной вѣтки, а на оборотной— неразобранная мной надпись русскими печатными буквами; къ тому же онѣ попадаются рѣдко. Представленные экземпляры тухланокъ—одного только малаго размѣра; въ дѣтствѣ же мнѣ доводилось находить тухланки величиною въ серебряный пятачекъ, а нахратки—изъ чистаго серебра, и притомъ только малаго размѣра. Одна изъ представленныхъ тухланокъ найдена мной у одиночно стоящей трехствольной липы, подлѣ дороги изъ деревни Кильдишъ въ Янасалы, и другая—при селѣ Шуматовѣ, также у одиночно ростущей одноствольной липы, близь дороги изъ села Шуматова въ деревню Анат-Сунаръ. Около этой послѣдней липы мной найденъ и лоскутокъ съ сельско-хозяйственными продуктами. Я допытывался названій этихъ урочищъ, но— безъуспѣшно. Одинъ чувашинъ изъ дер. Кильдишъ сообщилъ мнѣ, что когда онъ держалъ чувашскую вѣру, то у трехствольной липы оставлялъ жертвенныя приношенія въ честь Сорымъ киреметь (дѣлалъ онъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда ему по домашнимъ обстоящельствамъ не было времени ѣхать въ мѣсто пребыванія самой киреметі) и что урочище не носитъ никакого названія. Онъ же говорилъ, что лоскутки съ сельско-хозяйственными продуктами приносятся въ жертву въ честь Торханди женщинами, вышедшими въ замужество изъ того прихода, въ которымъ эта киреметь живетъ. Тухланки и нохратки приносятся въ жертву. кириметямъ вмѣсто настоящихъ денегъ, при чемъ сдѣланныя изъ жести замѣняютъ серебряныя, а мѣдныя—золото. Обманъ этотъ практикуется потому, что *йомзи*, угадывающіе, какая именно киреметь заломала чувашина, назначаютъ для умилостивленія ея такую сумму, какой иной чувашинъ не можетъ имѣть во всю свою жизнь.

Что любопытно это то, что въ послѣднее время и Киремети стали попивать водочку, иначе сказать—требовать себѣ въ жертву, устами йомзей, вино. И при этомъ йомзи, для непоколебимости своего авторитета, назначаютъ въ жертву кириметямъ сразу такую дозу вина, какую чувашинъ не въ состояніи купить; напр. преподнести четвертей 12-ть. На самомъ дѣлѣ выполняется это такъ. Беретъ чувашинъ пустую четвертную бутыль, идетъ съ ней въ питейный и смущенно начинаетъ просить сидѣльца отпустить ему 12-ть шкаликовъ, но только изъ разныхъ посудъ, а что онъ будетъ дѣ-

лать—не смотрѣть. Понятно, со стороны сидѣльца отказа въ просьбѣ не бываетъ. И вотъ сидѣлецъ начинаетъ подавать чувашину шкалики, а онъ, вливая ихъ въ бутыль, приговариваетъ: „вотъ тебѣ, кириметь, четверть; помилуй! Вотъ тебѣ другая“ и т. д. Упомянутый Кильдишевскій чувашинъ передавалъ мнѣ, что вино въ честь киреметей распивается самими покупателями у себя на дому; сопутствовавшій же меня на Сьуда—кӳль, показавъ мнѣ мѣстонахожденіе Шинеръ—киреметь, сказалъ, что на этомъ урочищѣ его пріятель, русскій солдатскій сынъ, недавно нашелъ полштофъ водки и живую курицу. Водку онъ тутъ же за здоровье киремети выпилъ, а курицу унесъ домой. По словамъ перваго разказчика, киремети стали требовать себѣ въ жертво вино потому, что приносимыя имъ въ жертву деньги у нихъ воруютъ.

Учитель—чувашинъ, дьяконъ села Абызова Ядринскаго уѣзда, Митрофанъ Дмитріевъ, въ письмѣ 23 марта 1876 г. сообщалъ Н. И. Золотницкому еще о слѣдующемъ видѣ жертвенныхъ приношеній чувашъ: „Еще не могъ добиться толку, что такое? На дняхъ ученики мои ходили по полю,—собирали кереметныя деньги; около одного пенька увидали изъ дерева сдѣланныхъ семь лошадей—стоятъ кругъ пенька—и одни санишки; лошади привязаны къ столбу; на столбѣ поставлена новая деревянная столовая чашка; въ чашкѣ семь ложекъ новенькихъ. Принесли они мнѣ въ училище. Что значитъ—незнаю“.

Одинаковую роль съ киреметями въ быту чувашъ играютъ „покойники“; и они, какъ и киреметы, напускаютъ на чувашъ болѣзни и похищаютъ у нихъ домашній скотъ для пропитанія себя,—если ихъ родственники сами недогадываются накормить ихъ, устроивъ въ честь ихъ поминки. Въ подверждeніе этого, я приведу слѣдующій случай, бывшій 3 мая 1875 г. въ чувашской деревнѣ Кугеевой (Чинге кассы), Чебоксарскаго уѣзда. Одинъ, только что женившійся чувашинъ, наѣвшись яшки (супъ, щи), принесенной ему молодой женой къ обѣду въ поле на пашню, вскорѣ почувствовалъ головокруженіе, затѣмъ началась съ нимъ рвота и прекратилась лишь послѣ того, какъ онъ, едва добравшись до

дому, отдалъ Богу душу. На другой день послѣ его смерти, близь того мѣста, гдѣ онъ пахалъ и гдѣ его начало рвать, была найдена мертвою неизвѣстно чья собака, а у его сосѣдки, подъ насѣдомъ, двѣ мертвыя курицы. Отсюда возникло подозрѣніе въ отравленіи, въ которомъ жена умершаго, послѣ вскрытія его трупа, и созналась. Допрашивая передъ вскрытіемъ трупа хозяйку курицъ, я между прочимъ спросилъ ее: какъ она думаетъ, отъ чего померли ея курицы?—„Анѝ тытны (мать взяла)!"—неожиданно отвѣтила она мнѣ скороговоркой. Непонявъ значенія такого отвѣта, я спросилъ: какъ именно мать взяла?—„Вотъ видишь-ли, разъяснила она мнѣ, спала я въ сѣняхъ, какъ разъ противъ куринаго насѣда; когда я, проснувшись утромъ, увидала, что двѣ курицы подъ насѣдомъ валяются мертвыми, то подумала, что ихъ ночью взяла мать (свекровь), умершая на страстной недѣлѣ, — за то, что и видно въ день ея похоронъ для поминокъ мало напекла „хыймаллу" (нѣчто въ родѣ ватрушекъ)"…. Мнѣ даже думается, что давно умершіе-то покойники, игравшіе при жизни среди чувашъ какую-либо выдающуюся роль,—и есть, по понятію чувашъ, киреметь (1). Данныя въ подтвержденіе этого я имѣю въ виду со временемъ представить Обществу въ особомъ сообщеніи. Теперь же приведу лишь слѣдующій фактъ, въ паралель къ извлеченному изъ письма М. Дмитріева. Въ Аттиковскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, въ верстѣ отъ села Аттикова (Пурмасъ), находится старинное кладбище съ сохраняющимися на немъ двумя надгробными камнями съ высѣченными на нихъ татарскими надписями; извѣстно оно у чувашъ подъ названіемъ „сиччькас музаре"—кладбище семи деревень. Подъ

---

(1) Авторъ рукописи. принадлежащей Л. А. Износкову: «Свѣдѣнія, собранныя Ксенофонтомъ Соловьевымъ (грамотный чувашинъ села Шемердянъ, изобрѣтатель нѣсколькихъ земледѣльческихъ орудій)» высказалъ слѣдующее воззрѣніе о киреметн: «Замѣчательно то, что киреметн занимаютъ такія мѣста, гдѣ много водныхъ источниковъ, мѣста топныя и болотистыя. Изъ этого я заключаю, что чуваши поклоняются не дереву, а мѣсту, гдѣ дерево растетъ быстро и благотворно. Слѣдовательно ихъ почитаніе идетъ болѣе водѣ, какъ элементу, благопріятствующему растительной жизни. На вопросъ мой: какъ люди могли знать, что киреметн живутъ именно на указанныхъ мѣстахъ?—отвѣтили, что деревья хорошо (сильно) растутъ: «Йывысь хватла сидинэть».

однимъ изъ камней, по разсказамъ чувашъ, погребенъ чувашинъ, славившійся при жизни колдовствомъ и называвшійся за свое искусство „азаймись“. Душа этого колдуна (киреметь), обитающая на кладбищѣ, и до сихъ поръ недаетъ чувашамъ покою: поражаетъ ихъ глазною болѣзнью, вообще—за что-то ненавидитъ ихъ и ихъ скотину. Для умилостивленія этого-то колдуна киремети, по сообщенію мѣстнаго учителя И. Е. Горбунова, „чуваши пускаютъ на кладбище живыхъ утокъ и куръ, иногда запряженныхъ въ маленькія телѣжки или санки съ посаженными въ нихъ куклами“.

Всѣ извѣстные мнѣ обряды чествованія чувашами „покойниковъ“ вошли въ мои „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры“ (Каз. 1881). Вызвавшись сдѣлать сообщеніе Обществу о томъ же предметѣ, я на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду сказать только нѣсколько словъ о значеніи представленныхъ мною въ Музей Общества одноножнаго столика и кухонной посуды, употребляемыхъ при поминкахъ.

О столикѣ и посудѣ, употребляемыхъ при поминкахъ въ Шуматовскомъ приходѣ, говорится и въ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ (стр. 184—185); но, оказалось, я придалъ имъ не совсѣмъ то значеніе, какое они имѣютъ въ дѣйствительности: я полагалъ, что за столиками чуваши поминаютъ покойниковъ во время общихъ годовыхъ поминокъ и именно весной, передъ Пасхой; изъ разспросовъ же минувшимъ лѣтомъ выяснилось, что столики дѣлаются одновременно съ гробомъ для покойника, притомъ—доска для столика выбирается непремѣнно изъ обрѣзковъ гробовыхъ досокъ, а подставка—дѣлается изъ того дерева, изъ котораго была сдѣлана поперечинка въ гробу въ предупрежденіе затаскиванія покойниками рукъ въ ротъ, что влечетъ за собою смерть живымъ людямъ и даже кончину міра (1). Размѣръ столиковъ назначаютъ передъ смертью сами покойники: бѣдняки завѣщаютъ сдѣлать для нихъ столикъ поменьше, богачи—пошире. Поминки за столиками устраиваются чрезъ нѣсколько дней по погребеніи покойника. Начинаются они на дому, а оканчиваются въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ,—за околицей, въ оврагѣ. Въ этомъ послѣд-

(1) Матер. къ объясн. ст. чув. вѣры, стр. 162.

немъ выбирается такое мѣсто, гдѣ сочилась-бы вода. Несомнѣнно, что вода имѣетъ при этомъ какое-то символическое значеніе, но я, къ сожалѣнію, распросить объ этомъ упустилъ изъ виду; въ дневникѣ у меня записано только, что душа покойника по смерти три дня купается въ водѣ и что при умирающемъ чувашами ставится вода. Близь того мѣста, гдѣ въ оврагѣ ставится столикъ, черезъ воду устраивается „мостъ“,— кладется поперекъ жердочка и вѣшается „парнѝ“ (подарокъ) изъ мелкихъ холщевыхъ лоскутьевъ. Этихъ предметовъ найти мнѣ не удалось.

Приносимая въ оврагъ кухонная посуда оставляется въ немъ для употребленія ее покойникомъ въ загробной жизни. Въ представленной въ Музей кадочкѣ или, по мѣстному названію, „чирясѣ“ приносится пиво, а въ чашкахъ и блюдахъ— каша и блины. Сверхъ того покойнику дается ковшичекъ для питья пива. Для приноса пива берется та кадочка (чирясъ), которою черпалась вода для обмыванія покойника; остальная же посуда выбирается изъ той, что намъ самимъ „негоже“ (негодится). По окончаніи поминокъ, посуда въ оврагѣ разбивается для того, чтобы жадные люди, соблазнившись чужимъ добромъ, не воспользовались имъ. Если же-это случится, то покойники одолѣютъ своихъ живыхъ родственниковъ надоѣдливымъ плачемъ о томъ, что ихъ люди обидѣли, что имъ не изъ чего ѣсть и пить.

Представленный экземпляръ столика найденъ мною на верхнемъ концѣ села Шуматова, въ околицѣ за гумнами, а кухонная посуда—подъ Старой Деревней. Здѣсь я нашелъ и еще шесть столиковъ, но такъ какъ они непредставляли никакихъ особенностей, то я ихъ невзялъ. Все взятое мной подъ Старой Деревней валялось въ грязи, на днѣ заброшеннаго пруда, гдѣ, видимо, и совершаются поминки.

Кладбищъ, на которыхъ погребались чуваши Шуматовскаго прихода до обращенія ихъ въ христіанство, въ приходѣ, по разспросамъ, оказывается два. Одно изъ нихъ находится въ верстахъ двухъ отъ Шуматова, на юго-востокъ, на берегу суходола, идущаго изъ подъ деревни Верхнихъ Снаръ, пониже осиновой рощи и называется *„съуволыг ой“*— кладбищенское поле; другое—на югъ отъ перваго, саженяхъ въ 400-хъ отъ деревни Кильдишъ на юго-востокъ, подлѣ дороги изъ этой деревни въ деревню Янасалъ и называется „ачà сьуви“, что значитъ, если принимать на-

званіе въ современномъ значеніи—дѣтское кладбище. Первое кладбище обращено жителями села въ пахотное поле и признакомъ бывшаго здѣсь кладбища служатъ валяющіяся по краю суходола выпаханныя кости; на второмъ же признаковъ кладбища я ни какихъ не нашелъ, кромѣ, какъ мнѣ и говорили, небольшаго незапаханнаго уголка земли, между дорогой и межой загона, поросшаго кустарникомъ, въ томъ числѣ черемухой. Уголокъ этотъ ненезапахивается потому, что на немъ находится кире́меть.

Съ именемъ *ача съуви*,, говорили мнѣ, находится кладбище еще на югъ отъ деревни Испуганъ, сосѣдняго Шумшевашскаго прихода.

Въ заключеніе приведу изъ дневника, веденнаго мной въ Шуматовѣ, нѣсколько отрывочныхъ сказаній, обрядовъ, повѣрій, примѣтъ и словъ, не вошедшихъ въ корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго.

1) О существованіи древнихъ Болгаръ, жившихъ на Волгѣ, чуваши знаютъ и называютъ ихъ по своему въ ядринскомъ и чистопольскомъ уѣздахъ *Пӧшкырт* (сообщилъ учитель—чувашинъ деревни Анатъ—Сунаръ П. Дмитріевъ, служившій учитилемъ въ Атлашкинской школѣ Братства Св. Гурія, Чистопольскаго уѣзда). Въ словарѣ Н. И. Золотницкаго (стр. 203) говорится, что Пушкырт—чувашское названіе Башкиръ. Съ именемъ *Пошкырт*, *Пошкырды*—есть чувашская деревня въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, близь границы ядринскаго уѣзда.

2) Шуматовскіе чуваши называютъ сосѣдніе съ ними приходы—ядринской и чиганарскій (Чыган-ар=тат. чыккан јир—страна, изъ которой вышли [1]), населенные чувашами,—„черемисской стороной“. Это, кажется, подтверждается и историческими актами. Въ оберегательной, напримѣръ, грамотѣ 1673 года октября 1 дня, данной отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича воеводѣ г. Ядрина Өедору Семеновичу Готовцеву, говорится, что она дана „по челобитной черемиски деревни Ядрины (нынѣ село Ядрино?) Есбайковы жены Сетички, чтобы черемиску Сетичку отъ ядринскихъ, и отъ кузмодемьянскихъ, и отъ чебоксарскихъ и отъ всякихъ чиновъ людей оберегать, чтобы ей ни отъ кого напрас-

---

[1] Лингв. замѣт.... Н. И. Золотницкаго, стр. 11.

ныхъ продажъ и убытковъ безъ суда и безъ сыску небыло" (¹). Въ виду этихъ данныхъ, я сталъ допытываться, не имѣютъ-ли чуваши названныхъ приходовъ какихъ—либо особенностей въ говорѣ, чуждыхъ говору шуматовскихъ чувашъ? Сообщившій мнѣ свѣдѣнія о кириметяхъ В. Н. Никольскій, неразъ бывавшій въ селѣ Ядринѣ по званію техника, сообщилъ мнѣ, что ядринскіе чуваши употребляютъ много такимъ словъ, которыя шуматовскимъ совершенно непонятны. Отецъ мой, служившій первые 9 лѣтъ своего священства въ селѣ Ядринѣ, припомнилъ, что въ селѣ Ядринѣ чуваши напр. говорятъ:

Йорза бар—замѣси (скотинѣ), а въ с. Шуматовѣ—путратса бар.

Йинэрьчек—поперечникъ у сѣделки, въ с. Шуматовѣ,—оргалых.

Варабы—воробей, въ с. Шуматовѣ—сала кайык.

Сестры мои обратили мое вниманіе на то, что чувашки, вышедшія въ замужество въ шуматовскій приходъ изъ ядринскаго, свѣшиваютъ на спину и затыкаютъ запоясъ оба конца „сарпана" (головная повязка) какъ черемиски въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, а шуматовскія—только одинъ конецъ, и что вышивки на сарпанахъ у первыхъ имѣютъ иныя особенности, чѣмъ у вторыхъ.

3) На свадьбахъ лице, подводящее молодымъ, по пріѣздѣ ихъ отъ вѣнца, въ подарокъ лошадь—одѣвается нарочно въ изорванный кафтанъ и подпоясывается лыкомъ. Въ Абызовскомъ приходѣ этотъ обрядъ называется *таянчик тыттарас* (²).

4) Въ Калым кон (³) женскій полъ заготовляетъ на цѣлый годъ кисточки для нарядовъ, по чувашски—*моркд*. (Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ тѣ же кисточки называются *яраба*. Экземпляръ „яраба" былъ представленъ мной 1874 году въ бывшій Отдѣлъ Антропологіи и Этнографіи при Казанскомъ Обществѣ Естествоиспытателей, причемъ онъ въ протоколѣ засѣданія Общества ошибочно названъ: „свадебный нарядъ": въ дѣйствительности же яраба носятъ парни на поясахъ во

(¹) Казан. Губерн. Вѣд. 1852 г. № 52.

(²) Матеріалы къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 204.

(³) Тамъ же, стр. 103—108.

всякое время; имъ дарятъ ихъ сестры и постороннія знакомыя дѣвушки).

5) Волкъ, когда Богъ не назначитъ ему въ пищу никакое животное, питается вѣтромъ или же собираетъ по дорогамъ гнилые лапти и грызетъ ихъ.

6) Самый большой и опасный змѣй — *ырыслэнь*; отъ укуса его никто не можетъ убѣжать. Разъ одинъ человѣкъ ѣхалъ верхомъ съ пещюромъ за спиной; увидѣвъ ырысленя, онъ тотчасъ же нахлысталъ лошадь, но, какъ ни шибко мчался на ней—ырыслэнь догналъ его, ударился о пещюръ и прошибъ его. Къ счастію этого человѣка въ пещюрѣ былъ у него горячій хлѣбъ, только что вынутый изъ печи; ырысленъ обжогся и умеръ, а человѣкъ спасся отъ смерти. Русскіе, въ селѣ Бѣловолжскомъ Чебоксарскаго уѣзда, такого же змѣя называютъ „полозъ".

7) *Съуда кўлъ* (свѣтлое озеро) (¹), по словамъ моего спутника на это озеро, перенеслось на теперешнее мѣсто съ поля подъ деревней Ар'замасъ сосѣдняго Чемеевскаго прихода. Случилось это, когда дѣдушкѣ разказчика было 12 лѣтъ (а дѣдъ его умеръ въ 1844 году 65-ти лѣтъ отъ роду). Перелетъ озера—разсказывалъ спутникъ со словъ своего дѣда—совершился такъ. Сначала появился надъ деревней Ар'замасъ густой туманъ и стоялъ три дня, потомъ поднялся вѣтеръ и погналъ туманъ. Когда туманъ дошелъ до того мѣста, гдѣ теперь озеро—ранѣе тутъ было небольшое болото—вдругъ изъ него упала на болото девяти—аршинная рыба. Рыбу эту долго никто не трогалъ, даже собаки. Но вотъ откуда-то прилетѣли какія-то птицы и рыбу разклевали; когда люди узнали объ этомъ, то сильно обрадовались. Такое же озеро—продолжалъ разскащикъ—есть еще.... я, къ сожалѣнію, забылъ записать гдѣ именно, но только въ ядринскомъ же уѣздѣ, на югъ отъ Шуматовскаго прихода. Въ этомъ другомъ озерѣ часто всплываютъ на верхъ доски разбившихся въ моряхъ кораблей, иногда съ надписями ихъ названій. Въ Съуда кўль живетъ духъ, котораго окрестные жители боятся. Благодаря этому духу, грязная вешняя вода, стекающая въ озеро съ окружающихъ его пахотныхъ полей, на средину озера никогда не заходитъ, а

(¹) Село Шуматово и его приходъ. Казан. Губ. Вѣдом. 1870 г. №№ 63 и 68.



бѣжитъ къ выходу по краямъ озера. Между прочимъ жители вѣрятъ, что, если лёдъ на Сьуда кӳль весной опустится на дно, то будетъ плохой урожай хлѣбовъ; если же растаетъ плавая по верху—хорошій.

Изъ *примѣтъ* мною записаны еще слѣдующія:

1) Сѣвъ хлѣбовъ въ Шуматовскомъ приходѣ не начинаютъ чуваши до рожденія новой луны. Въ деревнѣ Анатъ Сунаръ сверхъ того не начинаютъ сѣвъ въ тотъ день, въ какой былъ праздникъ Благовѣщенія.

2) Во время ущерба луны негодится: 1) золить холсты и 2) садить въ огородахъ овощи. Садить овощи не годится также послѣ „поворота", въ іюнѣ мѣсяцѣ.

3) Весенній сѣвъ начинаютъ съ того времени, какъ начнетъ пѣть птичка „Витрѐнь Турры"—русскаго названія незнаю, а озимовый—когда по пашнѣ начнутъ прыгать кобылки (шырчык).

4) Производить сѣвъ въ самый полдень, а также выѣзжать или начинать другое какое—либо дѣло въ это самое время—считается неблагополучіемъ. Для убѣдительности разсказывается такой случай. Разъ одинъ черемисинъ сѣялъ и все смотрѣлъ на солнце. Послѣ оказалось, что посѣянное имъ до полденъ уродилось хорошо, а въ самый полдень—плохо. Поэтому чуваши Шуматовскаго прихода въ земледѣліи стараются во всемъ подражать черемисамъ козьмодемьянскаго уѣзда, съ которыми они видятся во время своихъ поѣздокъ въ г. Козьмодемьянскъ (въ 60 верстахъ отъ села Шуматова) съ мукой для продажи. Въ самое недавнее время „апайки" (женскій полъ), въ подражаніе черемискамъ, стали зимой поголовно повязываться шалями и платками, взамѣнъ прежнихъ высокихъ шапокъ на подобіе митръ.

Для музея Общества изъ нарядовъ чувашекъ или, какъ ихъ въ селахъ русскіе называютъ, апаекъ, я пріобрѣлъ:

1) Двѣ „сара". Соотвѣтствующаго русскаго названія этому наряду нѣтъ. Надѣвается на поясъ сзади, вдоль обѣихъ ягодицъ. Покрой—старинный; нынѣшнія дѣлаются и ӳже и короче. Носятъ и женщины и дѣвушки. Ц. 20 к. сер.

2) Одну „пысй тупры"—кисточку. Носится на поясѣ на правомъ боку. Парни на этомъ мѣстѣ носятъ морка = яраба. Цѣна 25 к. сер.

3) Одинъ „хӳрэ" = хвостъ—кисть. Подвязывается сзади къ косѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя прикрѣпляется къ

поясу и служитъ продолженіемъ ея. У нѣкоторыхъ въ „хӳрэ“ вставляется до 6 мѣдныхъ дудочекъ; у пріобрѣтеннаго экземпляра ихъ только 3. Цѣна 50 коп. сер.

4) Два „той пось торы“—мѣдный головной гребешекъ. Какъ нарядъ, носились прежде женщинами и мущинами на ремешкахъ у поясовъ, на правомъ боку; теперь же почти вышли совсѣмъ изъ моды. Экземпляры—старинные. Цѣна отъ 3 до 5 коп. сер.

5) „Хорт посси“—ужовка, змѣиная головка (раковина). Нанизываются на „шульгемэ“ и на другіе наряды. (Въ чебоксарскомъ уѣздѣ эти раковины привозятъ татары изъ Москвы и продаютъ, крупныя—по 5 коп. сер. за штуку, мелкія—по 3 коп. сер.).

6) Двѣ дѣтскія куклы (поганя̀). Изображаютъ свахъ въ свадебномъ поѣздѣ. Крышка отъ спичечной коробки на груди у одной замѣняетъ „шульгемэ“. Пріобрѣтены въ деревнѣ Кильдишъ въ обмѣнъ на ситцевые лоскутья.

Невошедшія въ Словарь Н. И. Золотницкаго чувашскія слова:

Ага̀к шырзѝ—бисеръ.

Витрэ̀нь турры̀—птичка; русское названіе не извѣстно.

Ырыслэ̀нь—легендарный змѣй.

Копчага̀—мѣдный треугольникъ = ушко у шульгемэ для подвѣшиванія его къ сарпану.

Кӳбыл—мѣдная блёстка, въ видѣ шляпы, съ круглой верхушкой и широкими полями; нанизываются на бисеръ. Экземпляръ см. на пыси турры.

Лы́ба—корзинка изъ таловыхъ прутьевъ для сохраненія столовыхъ ложекъ.

Мужӳрла—парный, четный.

Нерѐть—вянтиры (рыболовный снарядъ); имъ ловятъ карасей въ Сьуда кӳль).

Пӳссир—неуступчивый.

Сьузѐ—кисточка безъ бисеру, бахрома (у сары, напр.).

Тӳгелле—одиночный, нечетный.

Тӳмеске—бугорокъ.

Хутламѝ—ватрушка съ загнутыми четвероугольникомъ краями.

Шала̀нга—птичка; русское названіе неизвѣстно.

Яраба—унизанная бисеромъ кисточка (въ ядр. у.).

О РАСКОПКАХЪ

ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ НА ГОРОДИЩѢ БЛИЗЬ ДЕР. ГАЛКИНОЙ,

на устьѣ р. Чусовой.

Члена-сотрудника *П. И. Кротова.*

Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи уполномочилъ меня производить въ теченіи прошедшаго лѣта раскопки, изслѣдованія и вообще всякаго рода изысканія для Общества. Пользуясь этимъ я, при своихъ разъѣздахъ прошедшимъ лѣтомъ по Пермской губерніи съ геологическою цѣлію, не упускалъ случая дѣйствовать и въ интересахъ Общества. Въ настоящее время я считаю своею обязанностію представить Обществу тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось добыть во время своей поѣздки.

Начну прежде всего съ Галкинскаго городища на устьѣ р. Чусовой, которое я имѣлъ случай осматривать уже лѣтомъ 1878 года вмѣстѣ съ А. А. Штукенбергомъ и которое нынѣшнимъ лѣтомъ мною было обслѣдовано болѣе полно и обстоятельно. Топографія Галкинскаго городища или „Стрѣлки", какъ его называютъ мѣстные жители, была уже очерчена проф. Штукенбергомъ въ IV общемъ собраніи Общества ([1]); тогда же имъ была сдѣлана и общая характеристика самаго городища, а равно и указано на значеніе его, какъ памятника отдаленной культуры, именно чудской, судя по находкамъ бронзовыхъ вещей на этомъ городищѣ, сдѣланнымъ мѣстными жителями. Но, такъ какъ въ прошлый разъ на этомъ городищѣ нами лично не было сдѣ-

---

([1]) См. «Извѣстія» Общества, т. I, стр. 95 и слѣд.

лано никакихъ находокъ, рѣшающихъ такъ или иначе вопросъ объ его древности, то у нѣкоторыхъ гг. членовъ Общества явилось сомнѣніе въ столь сравнительно большой древности его и была высказана надежда, что только путемъ раскопокъ и нахожденіемъ на мѣстѣ тѣхъ или другихъ предметовъ, указывающихъ на эпоху его сооруженія, и можно рѣшить вопросъ объ его древности. Раскопки съ этою цѣлью и произведены мною нынѣшнимъ лѣтомъ.

Желая прежде всего познакомиться съ строеніемъ вала и съ матеріаломъ, изъ котораго онъ сложенъ, я провелъ двѣ перпендикулярныя къ валу канавы въ 0,5 сажени шириною каждая, на нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другой, и такимъ образомъ пересѣкъ валъ въ поперечномъ направленіи, стараясь при этомъ дойти до коренной земли, на которой онъ насыпанъ. При этихъ раскопахъ оказалось, что весь валъ, до 2 арш. высоты, сложенъ изъ плитняковыхъ известняковъ съ примѣсью сѣрой глины и растительной земли, которая встрѣчается во всѣхъ горизонтахъ вала. Матеріалъ этотъ, очевидно, мѣстнаго происхожденія, такъ какъ плитняковые известняки совершенно сходны съ подобными же породами, слагающими самую „Стрѣлку“. Такъ какъ въ самомъ валѣ не было найдено никакихъ предметовъ, а они попадались только въ верхнихъ слояхъ вала, въ почвенномъ слоѣ, то мною и было обращено преимущественное вниманіе на этотъ слой: во многихъ мѣстахъ, какъ на склонахъ вала, такъ и въ прилегающей къ нему полосѣ, съ внутренней стороны городища, былъ снятъ дернъ и подпочвенный слой былъ осматриваемъ самымъ внимательнымъ образомъ. Оказалось при этомъ, что во многихъ мѣстахъ, непосредственно подъ дерномъ, въ растительномъ слоѣ залегаютъ иногда обломки костей животныхъ (нѣкоторыя изъ нихъ свиныя), небольшіе кусочки угля и черепки глиняной посуды съ характерными для нихъ „раковинками“. Вотъ—всѣ находки, сдѣланныя мною при этихъ раскопкахъ. Ни каменныхъ орудій, ни бронзовыхъ, ни желѣзныхъ предметовъ не было найдено. Но въ прежнее время, при распашкахъ на этомъ городищѣ, находили, какъ уже было замѣчено, нѣкоторые бронзовыя вещи. Находились также тамъ какія-то (серебряныя) монеты, но я не видѣлъ ни одной изъ нихъ. Желѣзныхъ вещей, по разсказамъ крестьянъ, никогда не было найдено.

Изъ сдѣланныхъ до настоящаго времени находокъ, конечно, только бронзовые предметы и черепки глиняной посуды могутъ хотя нѣсколько освѣтить вопросъ о древности этого городища, да и то далеко не безусловно, а только относительно. Именно, на основаніи добытыхъ теперь фактовъ, можно только приравнять это городище къ сотнѣ другихъ, ему подобныхъ, называемыхъ также *чудскими* и находящихся на востокѣ Россіи, и такимъ образомъ ждать рѣшенія этого вопроса до того времени, когда будетъ вырѣшенъ вопросъ о древности всѣхъ вообще чудскихъ городищъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя ставить городище при д. Галкиной въ исключительное положеніе, относя его напр. къ эпохѣ русской Строгановской колонизаціи, какъ это сдѣлали гг. П. А. Пономаревъ и проф. В. М. Флоринскій; нельзя также считать его, вмѣстѣ съ проф. Н. А. Ѳирсовымъ, относящимся къ эпохѣ борьбы между христіанствомъ и язычествомъ, такъ какъ подобное предположеніе, основанное только на преданіяхъ, нисколько не оправдывается фактами. Черепки глиняной посуды очень грубой работы, находимые въ другихъ мѣстахъ восточной Россіи обыкновенно съ каменными орудіями, говорятъ за гораздо большую древность этого городища, чѣмъ напр. эпоха Строгановской колонизаціи и т. под. Отъ этихъ эпохъ мы вправѣ ожидать остатковъ, сдѣланныхъ уже изъ желѣза. А ихъ-то и не найдено на этомъ городищѣ. Да если бы и были найдены тутъ желѣзныя орудія, если бы это городище и было обитаемо въ вышесказанное, сравнительно недавнее, время, все же первоначальное поселеніе на этомъ городищѣ и въ прилегающей къ нему мѣстности относится къ эпохѣ гогораздо болѣе отдаленной. Существующіе у меня факты говорятъ за то, что по устью Чусовой жилъ человѣкъ, употреблявшій каменныя и костяныя орудія и дѣлавшій себѣ глиняную посуду изъ рѣчнаго и озернаго ила. Вотъ эти данныя.

На обширной лѣсистой равнинѣ, разстилающейся у подножія „Стрѣлки", расположена небольшая деревня, Усть-Чусовская. Какъ самая деревня, такъ и пахатныя поля ея расположены на сравнительно невысокой террассѣ, нѣсколько возвышающейся надъ заливной равниной, окружающей ее съ востока, запада и юга. Заливная равнина изобилуетъ небольшими озерами, заливами, лѣтомъ разобщающимися отъ Камы и Чусовой и соединяющимися съ ними

только во время весенняго разлива. На пашнѣ, прилегающей къ этимъ озерамъ и заливчикамъ, мѣстные жители находили не разъ каменныя стрѣлки. Заинтересовавшись этимъ, я отправился на указанныя мнѣ мѣста и здѣсь, въ сравнительно короткое время, собралъ до 200 кремней, носящихъ на себѣ очевидные слѣды обдѣлки рукою человѣка, а два изъ нихъ (№№ 2 и 15) представляютъ уже хорошо обдѣланныя орудія. Тутъ же найдено нѣсколько черепковъ глиняной посуды очень грубой работы. Всѣ эти предметы собраны мною на пашнѣ къ югу и къ сѣверу отъ дер. Усть-Чусовской. Большинство осколковъ кремня мѣстнаго происхожденія, за исключеніемъ №№ 13 и 14, которые, вѣроятно, валуннаго происхожденія.

Изъ нахожденія около вышеупомянутой деревни кремневыхъ осколковъ вмѣстѣ съ каменными орудіями явствуетъ, что человѣкъ, употреблявшій эти орудія, жилъ гдѣ то въ этой мѣстности, можетъ быть на самой „Стрѣлкѣ", гдѣ мною найдены черепки глиняной посуды, а можетъ быть и на равнинѣ, около д. Усть-Чусовской, гдѣ онъ и дѣлалъ на мѣстѣ свои орудія.

Изъ этого краткаго очерка видно, что мѣстонахожденія каменныхъ орудій на устьѣ Чусовой совершенно сходны съ таковыми же мѣстонахожденіями на Волгѣ и Камѣ въ здѣшнемъ краѣ, что условія жизни, мѣста поселеній человѣка этого періода какъ здѣсь, такъ и тамъ, были въ общемъ сходны: и здѣсь, какъ и тамъ, мѣста поселеній находятся на средней рѣчной террасѣ, не много возвышающейся надъ заливной ровниной; и здѣсь, какъ и тамъ, они расположены около временныхъ озеръ и заливовъ, въ лѣсистой мѣстности,—условія, при которыхъ человѣкъ каменнаго періода могъ легче добывать себѣ необходимыя для жизни средства.

Каменныя орудія находятъ не только на устьѣ Чусовой, около д. Галкиной, но и въ другихъ мѣстахъ, выше по Чусовой. Такъ, напр., я пріобрѣлъ одно удлиненное 3-хъ гранное орудіе изъ темнаго кремня въ с. Красномъ, находящемся верстахъ въ 15—20 къ востоку отъ Галкиной, гдѣ оно найдено тоже въ полѣ, на пашнѣ.

Около Галкинскаго городища находятъ не только каменныя, но и костяныя орудія. Я пріобрѣлъ одно изъ нихъ отъ крестьянина д. Галкиной, найденное имъ на огородѣ,

въ самой деревнѣ. Это превосходно сдѣланный костяной наконечникъ стрѣлы. Но этотъ фактъ далеко не единственный въ тамошнемъ краѣ, такъ какъ г. Теплоуховъ находилъ костяныя орудія на такъ называемыхъ „костищахъ", и находилъ ихъ въ значительныхъ массахъ.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ относительно черепковъ глиняной посуды, находимыхъ въ Пермскомъ краю вмѣстѣ съ каменными и костяными орудіами, какъ на городищахъ, такъ и на костищахъ. Справедливо думаютъ, что глиняная посуда дѣлалась человѣкомъ того періода изъ рѣчнаго и озернаго ила, причемъ отъ нечистоты матеріала зависѣло, что въ стѣнки сосудовъ попадали вмѣстѣ съ глиной и разныя постороннія для нея вещества, напр. песчинки, мелкіе камешки, обломки створокъ моллюсковъ (преимущественно изъ рода Limnaeus и др. обитателей стоячихъ и тихотекущихъ водъ). Но г. Теплоуховъ въ своей статьѣ „Ueber die prähistorishen Opferstätten am Uralgebirge" высказалъ мнѣніе, что нахожденіе створокъ моллюсковъ въ стѣнкахъ глиняныхъ сосудовъ, появленіе въ нихъ раковинокъ, не было случайнымъ, не зависѣло отъ нечистоты матеріала, такъ какъ человѣкъ того періода долженъ по опыту знать, что посуда, сдѣланная изъ такого нечистаго матеріала, болѣе ломка и скорѣе подвержена разрушительному дѣйствію огня, чѣмъ посуда, сдѣланная изъ чистой глины. Онъ думаетъ, что человѣкъ того періода, втискивая въ массу глины обломки раковинъ, преслѣдовалъ скорѣе художественныя цѣли: онъ хотѣлъ придать этимъ своей посудѣ красивый, пестрый, видъ. Но если бы дѣйствительно обломки раковинъ употреблялись только для украшенія посуды, то, мнѣ кажется, они недолжны бы переполнять всю стѣнку посуда, а должны бы находиться только на наружной поверхности черепка. А между тѣмъ мы находимъ главную массу раковинокъ въ самой стѣнкѣ, а не на наружной поверхности ея. Отъ этого сосуды, конечно, не пріобрѣтали большей прочности и устойчивости, да не много выигрывали и въ художественномъ отношеніи. Поэтому, мнѣ кажется, болѣе справедливо объяснять появленіе въ стѣнкахъ сосудовъ раковинокъ нечистотою матеріала, а не въ томъ смыслѣ, какъ предлагаетъ г. Теплоуховъ.

Въ заключеніе я укажу еще на одно городище, видѣнное мною въ Пермской губерніи, которое, кажется, не извѣстно по литературнымъ указаніямъ. Слѣды этого городища

я видѣлъ на правомъ, высокомъ берегу р. Сылвы, въ 1,5 в. отъ г. Кунгура, на такъ называемой Ледяной горѣ, въ которой находится знаменитая Кунгурская пещера. Оно состоитъ теперь изъ валовъ и рвовъ, окружающихъ небольшое пространство земли, на вершинѣ горы, съ 3-хъ сторонъ: востока, сѣвера и юга, а съ запада это городище было защищено неприступнымъ для нападенія обрывомъ берега рѣки. При распашкѣ находили на городищѣ бусы, бронзовыя вещи и нѣкоторые другіе предметы. Но эти находки сдѣланы были уже давно, такъ что теперь всѣ онѣ затеряны и мнѣ, не смотря на всѣ старанія, не удалось видѣть ни одной изъ нихъ.

13

О НЕСУЩЕСТВУЮЩЕМЪ БОЛѢЕ ХАРАКТЕРНОМЪ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ ИЗОБРАЖЕНІИ ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ КУПОЛОВЪ ГЛАВНАГО ХРАМА КАЗАНСКАГО СПАСОПРЕОБРАЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Дѣйствительнаго члена *Апп. Ѳ. Можаровскаго.*

Время управленія Казанскимъ Спасскимъ монастыремъ (1866—1868) преосвященнаго Гурія, нынѣ Таврическаго, ознаменовано, между прочимъ, капитальнымъ исправленіемъ главнаго храма этого монастыря, того, въ коемъ почиваютъ мощи св. Варсонофія: изъ холоднаго этотъ храмъ сдѣланъ теплымъ; массивныя желѣзныя дуги на пяти громадныхъ главахъ храма, тяжестію своею давившія зданіе, замѣнены деревянными; входная сѣверная дверь обращена въ окно; по западной сторонѣ, внутри храма, устроены хоры; внутри стѣны раздѣланы масляными красками и расписаны историческою живописью, но только не въ томъ видѣ, какъ онѣ росписаны были прежде, а въ иномъ, хотя по мысли преосвящ. Гурія и должно было все изъ историческаго стѣннаго письма быть возстановлено по прежнему. Измѣненіе противъ прежняго стѣннаго письма послѣдовало отъ покойнаго владыки Антонія, который далъ иную редакцію этому письму, и живопись получила другой характеръ. Правда, что по этой иной редакціи въ настоящей стѣнной живописи все какъ нельзя болѣе осмыслено и соображено съ церковной исторіей и археологіей до того, что предъ взоромъ молящихся представляется въ лицахъ жизнь церкви, и вселенской, и, въ частности, русской и еще частнѣе—жизнь церкви Казанской, но изъ жизни послѣдней, вопреки прежней редакціи, сглажено и замѣнено другимъ изображеніе весьма характерное въ историческомъ отношеніи для Казанской страны и церкви, и при томъ такое, которое было, на сколько мнѣ извѣстно, единственнымъ изображеніемъ изъ всѣхъ изображеній въ храмахъ Казанской епархіи. Объ этомъ-то изображеніи—хотя и не существующемъ уже—я и хочу предложить посильное вниманію мѣстнаго историко-археологическаго Общества.

Въ темномъ купольцѣ надъ сѣверной олтарной дверью, или, иначе, вверху свода между лѣвомъ клиросомъ и бывшею внѣшнею входною дверью съ сѣвера, обращенною теперь въ окно, тамъ, гдѣ нынѣ представлено изображеніе святителя Варсонофія, пріобщающагося св. Таинъ въ келліи, до возобновленія въ 1867 году находилось слѣдующее изображеніе: святые Гурій и Варсонофій Казанскіе Чудотворцы, въ полныхъ святительскихъ одеждахъ, предъ ними колѣнопреклоненный преподобный Сергій Радонежскій съ непокровенной главой, въ характерной сине-крашенинной мантіи и съ распростертой правой рукой, указующей на стоящій нѣсколько вдали христіанскій градъ. Подписи подъ изображеніемъ не было никакакой, кромѣ указанія противъ ликовъ именъ святыхъ.

Когда, по начальной редакціи обновленія стѣннаго письма, положено было все оное возстановить по прежнему, тогда современный обновленію и наблюдавшій за работами казначей Спасскаго монастыря о. Спиридонъ—подъ вліяніемъ только-что прочитанной имъ въ „Правосл. Собесѣдникѣ“ моей статьи о покореніи Казани (сент. кн. 1866 г.“), обратился ко мнѣ, какъ къ лицу отчасти знакомому съ Казанской исторіею, за разрѣшеніемъ: что бы такое обозначало упомянутое изображеніе? Я тогда объяснилъ это изображеніе такъ (и отъ этого объясненія не отступаюсь и теперь): изображеніе это означаетъ передачу преподобнымъ Сергіемъ покрова и водительства надъ Казанскою страною и церковію мѣстнымъ прославленнымъ угодникамъ, святителямъ Гурію и Варсонофію; колѣнопреклоненнымъ же преподобный Сергій изображенъ въ знакъ смиренія и іерархическаго подчиненія предъ святителями, яко преподобный.

Основаніемъ къ такому толкованію этого изображенія для меня, какъ тогда, такъ и теперь, служило слѣдующее: первымъ изъ святыхъ предстателей и заслужниковъ земли русской освятилъ своимъ чудодѣйственнымъ явленіемъ иновѣрную Казанскую страну преподобный Сергій (1); ему же, по этому, воздвигнутъ былъ и первый христіанскій храмъ въ покоряемой странѣ, именно на Круглой горѣ (въ Свіяжскѣ),

(1) Карамз. И. Г. Р. т. VIII, примѣч. 229.

24 мая 1551 года (1). Самъ державный побѣдитель Казанскаго царства воевалъ Казань, предавши себя заступленію и водительству преподобнаго Сергія, и мы видимъ (по сказанію Казанской Исторіи), что разгромъ невѣрной Казани совершилъ въ моментъ, когда изъ обители преподобнаго „былъ принесенъ Царю, яко нѣкое пламенное оружіе, крестъ запечатленъ, а въ немъ мощи и образъ видѣнія св. Сергія“ (2). „О великій Чудотворце, преподобне Сергіе! Твоими молитвами ко общему Владыцѣ Христу желаемое свое получихомъ, и елико не начаемо, то содѣяшеся“—со слезами молился Іоаннъ предъ ракой преподобнаго Сергія послѣ побѣды надъ Казанью (3). И если мы видимъ, что побѣдоносный Царь „освятилъ покоренный градъ во имя св. Троицы и Богоматери и великихъ Чудотворцевъ“ (4), а самый кафедральный храмъ устроилъ въ немъ не во имя преподобнаго Сергія, заступленію и водительству котораго ввѣрялась Казань, но во имя Благовѣщенія, то это потому, что, какъ гласитъ тропарь, Благовѣщеніе, по смыслу церкви, „есть главизна нашего спасенія“, а желаніе Державнаго побѣдителя о побѣжденныхъ было: „да познаютъ Бога истиннаго невѣрные, и вмѣстѣ съ нами да славятъ св. Троицу во вѣки вѣковъ“ (5),—невѣрные, благовѣстіе о спасительномъ имени Христовомъ, для которыхъ должно было обильно изливаться отъ сего святаго храма, да освятятся всѣ улусы татаръ и всѣ обиталища чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвовъ и на всегда да упразднятся магометанскія мечети однихъ и языческія требища другихъ.

Съ прославленіемъ мѣстныхъ святителей какъ бы сама собою кончалась миссія, вѣрующимъ сердцемъ побѣдителя Царя, освященнаго Собора и всего русскаго народа возложенная на преподобнаго Сергія по покровенію новопріобрѣтеннаго града, страны и живущихъ въ нихъ: Казань и вся страна съ живущими въ нихъ становились теперь подъ непосредственное покровеніе своихъ святыхъ. Эту мысль и выразилъ художникъ въ описываемомъ изображеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

(1) Карамз. И. Г. Р. т. VIII, стр. 123 текста по изд. 1819 г. бр. Слениныхъ.

(2) Ibid. примѣч. 327.

(3) Пол. собр. рус. лѣт. т. VI, стр. 314.

(4) Карамз., примѣч. 347.

(5) Ibid. стр. 193 текста.

У ВОТЯКОВЪ ЕЛАБУЖСКАГО УѢЗДА.

Члена-сотрудника Г. Н. Потанина.

Южная окраина Вятской губерніи, прилегающая къ Камѣ и пересѣкаемая рѣками Ижемъ и Тоймой, ближе къ Камѣ населена татарами, а въ сѣверозападномъ углу, т. е. въ верхней части долины Тоймы и по двумъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Ижъ справа и носящимъ одно общее имя *Варзи*—вотяками. Въ свою поѣздку въ этотъ край лѣтомъ 1881 года мнѣ довелось немного дольше пробыть между вотяками. Именно, проѣхавъ вверхъ по Тоймѣ до села Асанова, куда я прибылъ 23 іюня, я съѣздилъ отсюда въ вотскую деревню Утчанъ, потомъ переѣхалъ въ село Варзи—Ятчи, гдѣ дождался праздника, который извѣстенъ подъ названіемъ „булда"; побывавъ въ сосѣднемъ селѣ Кырынды, населенномъ преимущественно старокрещеными татарами, живущими впрочемъ чисто по мусульмански, я оставилъ вотское населеніе и выѣхалъ въ Пьяный-Боръ, откуда съѣздилъ въ деревню Биму, чтобы взглянуть на черемисовъ.

Такимъ образомъ я видѣлъ три народности: вотяковъ, татаръ и черемисовъ. Татары на моемъ пути встрѣчались какъ чистые мусульмане (въ дер. Салагушъ), такъ и крещеные, живущіе по русски (дер. Мунайка, первая станція къ с. отъ Елабуги) или крещеные, но держащіеся корана (дер. Кырынды). Къ сожалѣнію, я провелъ въ дер. Салагушъ всего одинъ только день, а въ Кырындахъ и въ Мунайкѣ видѣлъ татаръ только изъ окна квартиры (1).

(1) Въ Мунайкѣ женщины носятъ особый головной уборъ—шапочку съ роговиднымъ придаткомъ, который торчитъ впередъ. Въ другихъ татарскихъ деревняхъ на моемъ пути такой шапки я не видѣлъ.

Вотское населеніе сидитъ по р. Toймѣ отъ вершины до середины ея теченія; послѣдняя деревня внизу Енгибардина, по вотски—Тереншуръ. Отъ вершины Тоймы вотскія селенія переходятъ и на рѣку Валà, текущую на сѣверъ. Къ востоку отъ Тоймы вотяки занимаютъ верхнія и среднія части рѣчекъ Варзи, но и здѣсь вотское населеніе не доходитъ до устій этихъ рѣкъ, которыя заняты татарами.

Названія многихъ урочищъ въ вотской области, не объяснимыхъ изъ вотскаго языка, какъ будто свидѣтельствуютъ, что вотяки не аборигены ея, а пришельцы въ краѣ. Только названія мелкихъ урочищъ, полей, овраговъ—носятъ названія, объяснимыя изъ вотскаго языка, напримѣръ: Гондыръ-кужъ, или Гондыръ-сэрэгъ, медвѣжій уголъ, капустный уголъ и т. п., но названія рѣчекъ, въ особенности болѣе значительныхъ, и деревень носятъ имена какъ будто заимствованныя изъ чуждаго языка, какъ наприм. Варзи, Калтымакъ, Вараги (три рѣчки, впадающія въ Калтымакъ; онѣ называются также Варяги, Варяжъ), Тойма, Ляли, Ятчи, Утчанъ, Усò, а также Омга, Пельга; послѣднія безпрестанно встрѣчаются въ соединеніи, наприм. Варзи-пельга, Варзи-омга, Усо-омга ([1]). Еще страннѣе имена Умья, Омья, Пубья и другія([2]), которыя своими окончаніями похожи на имена нѣкоторыхъ воршудовъ, приводимыхъ г. Гавриловымъ въ его „Произв. народ. слов. вотяковъ“ (стр. 161): жумья, джикъя, чипъя, пэбъя и др. На это—иногда совершенно полное сходство названій урочищъ съ именами воршудовъ, (такъ напр. изъ приведенныхъ г. Гавриловымъ, кромѣ побъя, встрѣчаются въ ряду урочищъ Какся (дер. Муки-какся), Тукля (дер. Ува-тукля), Селта (дер. Селта) и м. б. другія,—можно смотрѣть отчасти какъ на помѣху предположенію, что эти странныя имена чужды вотскому языку; они могутъ быть архаическими вотскими формами, сохранившимися вслѣдствіе сво-

---

([1]) Varsi, Varhsi, по мокша—мордовски ворона; по эрдзя—мордовски varsei, varaka, ворона; см. Ahlquist, Versuch ein Mokscha-mordw. Grammatik, S. Petbg. 1861 стр. 180. Wiedemann, Grammatik der ersä-mordw. Sprache, S. Ptsbg. 1865 стр. 167. Ятча, джатча—ласка (Mustela vulgaris) по татарски.

([2]) Это имя Пубья напоминаетъ одно изъ варяжскихъ именъ, упоминаемыхъ въ Игоревомъ договорѣ: Пубьмксарь.

его важнаго значенія безъ измѣненія, тогда какъ другія формы постоянно измѣнялись. Вопросъ этотъ рѣшать знатоки нарѣчія. Замѣчательно, что деревни, лежащія въ вершинахъ рѣкъ, имѣютъ сложныя названія, какъ напр. Аргабажъ, Тоймавашъ, Варзибажъ, въ которыхъ первый членъ происходитъ отъ рѣки, въ вершинахъ которой селеніе находится, а второй очевидно заимствованъ съ татарскаго „башъ", которое значитъ „голова", а также „вершина рѣки".

Сами вотяки мало могутъ разъяснить вопросъ о ихъ прежней родинѣ. Мнѣ только отъ одного вотяка удалось услышать показаніе, что прежняя родина вотяковъ была въ Бирскомъ уѣздѣ. Такъ какъ здѣшніе вотяки знаютъ, что въ Бирскомъ уѣздѣ есть часть ихъ племени, то можетъ быть этотъ фактъ навелъ сообщившаго мнѣ вышеупомянутое показаніе на мысль, что вотяки Бирскаго уѣзда—остатки племени на его старой родинѣ. Впрочемъ въ разсказѣ какъ будто сохранилась даже подробность древняго быта. Разсказчикъ добавилъ къ приведенному выше своему сообщенію, что вотяки были *кыр халыкъ*, степной народъ; домовъ съ печами тогда не имѣли, сидѣли кружкомъ всей семьей около огнища и такъ грѣлись зимой; они были тогда настолько глупы, что не догадывались отодвинуться отъ огня, а если начинало сильно жечь, обмазывали страдавшую часть тѣла глиной и продолжали лежать въ прежнемъ положеніи. Эта прибавка дѣлаетъ разсказъ похожимъ на старое преданіе (1).

Остатки древности въ краѣ—насыпи, валы и рвы (2)—вотяки приписываютъ не предкамъ своимъ, а великанамъ

(1) Замѣчательно сходство нѣкоторыхъ географическихъ названій вотской области съ названіями болѣе южнаго Поволжья, напр. деревня Биляръ въ вершинахъ р. Вала̀, село Билярское, Уржумск. у.; первое напоминаетъ древній городъ Биляръ, второе Булымеръ.

(2) Валы со рвами встрѣчаются преимущественно на мысахъ, которыми оканчиваются террасы надъ рѣчными низменностями. Одинъ такой мысъ съ подобнымъ сельдбищемъ около дер. Утчанъ называется у мѣстныхъ жителей *каръ-четкеръ*; *каръ*—по вотски: шалашъ, гнѣздо (птичье), городъ, *четкеръ*—высокая гора; такъ покрайней мѣрѣ намъ перевели намѣстѣ. Есть «четкеръ» и возлѣ деревни Кузебаевой: это просто высокій мысъ, значительно превышающій другіе; вершина его распахана; отъ мѣстныхъ жителей не скрылась та особенность его, что здѣсь много раскидано въ почвѣ камней, что на другихъ мысахъ не замѣчается. Не было ли здѣсь прежде сложено кучи камней, какія и теперь

или людямъ другой организаціи. Въ деревнѣ Утчанъ лежащей близь нея каръ-четкеръ приписывается *аланъ-гасарамъ* (¹). Это были древніе люди, слабые силой, которые ходили и то и дѣло падали, но роста были необыкновеннаго. По другому разсказу аланъ-гасары были великаны, жившіе прежде и сражавшіеся лучнымъ боемъ; на ходу они сминали лѣсъ, какъ мы крапиву.

О появленіи вотяковъ въ краѣ расказывается тоже, что чувашами расказывается объ алыпахъ (²), а русскими о чуди. Когда первый вотякъ появился на землѣ — онъ началъ пахать пашню; аланъ-гасаръ, увидѣвъ его, посадилъ его въ свой карманъ и принесъ домой; показывая матери онъ сказалъ: я какого то дятла (çизь) поймалъ. Мать ему отвѣчала: это не дятелъ, а новый человѣкъ; если они появились, это значитъ, что намъ пришелъ конецъ.

Странно, что двадцать верстъ восточнѣе, вотяки, живущіе на р. Варзи, уже не знаютъ аланъ-гасаровъ, а все что этимъ послѣднимъ приписывается, относятъ къ народу *нугой* или—по другимъ показаніямъ - къ народу *курукъ*.

Если Вотяки бѣдны преданіями о приходѣ цѣлаго племени, за то преданій о заселеніи отдѣльныхъ деревень въ

еще складываются набожными людьми въ Монголіи и называются «обо»? Въ дер. Варзи-ятчи и около села Ильинскаго мысы съ подобными же остатками зовутъ *каръ-гуресь*; гуресь—значитъ гора.

(¹) Это имя напоминаетъ прежде всего два народа—Аланъ и Хазаръ—которые жили рядомъ, первые при сѣверной подошвѣ Кавказа, вторые въ низовьяхъ Волги; не есть ли оно парное имя, члены котораго переселялись рядомъ, въ родѣ Джеты-у-ругъ? (Смотри мои «Очерки сѣверозападной Монголіи» в. II, 27 примѣчаніе къ 1 главѣ). Полагаемъ, что въ аланъ-гасарахъ вотскаго преданія не слѣдуетъ видѣть сохранившуюся память объ упомянутыхъ двухъ народовъ древности. Аланъ-гасаръ было вѣроятно миѳологическое имя громовника; до появленія человѣчества на землѣ, кто же властвовалъ надъ нею, какъ не громовникъ, личность котораго отчасти смѣшивалась съ медвѣдемъ? Отсюда повѣрья объ аборигенахъ—алыпахъ, чуди и проч. Близкое къ *аланъ* имя мы можемъ видѣть въ именахъ: тат. *иланъ* змѣй, *змѣуланъ* нашихъ сказокъ, монгольское *лун* драконъ и проч., а *гасаръ* можно сближать съ именами Казыръ, Азыръ, Гесеръ, которыя встрѣчаются въ южной Сибири и Монголіи и подъ которыми вѣроятно скрывается громовникъ. Ср. Хизръ-Ильясъ—громовникъ—въ мусульманскихъ легендахъ.

(²) См., Извѣст. по Казан. Эпарх. за 1876 г. № 21.

краѣ довольно. Эти преданія также повидимому космическія, локализировавшіяся на вотской почвѣ. О деревнѣ Черный ключь или Шӧд—Ошмесъ расказывается, что тутъ прежде было дикое незаселенное мѣсто. Черный быкъ (шӧд—ош) сталъ рыть землю; пошла вода, которой люди тутъ не подозрѣвали, и послѣ этого открытія основали на ключѣ деревню. Можно было бы думать, что это преданіе вызвано двусмысленнымъ названіемъ урочища: ошъ—быкъ, ошмесъ—ключь. Но оно напоминаетъ киргизское преданіе о космическомъ быкѣ, копытомъ вскрывшемъ родникъ, изъ водъ котораго образовался нынѣ существующій и окружающій землю океанъ (См. Очерки Сѣв. зап. Монголіи, II, 153). Другое преданіе—также какъ будто варіантъ одного киргизскаго преданія ([1])—разсказывается объ основаніи деревни Варзи—Ятчи. Одинъ житель деревни Ляли ([2]) (эта деревня считается самой древней въ этомъ краѣ, но, къ сожаленію, я упостилъ собрать свѣденія о ея началѣ), когда его сноха овдовѣла взялъ къ ней въ домъ какого-то проходящаго чужеземца изъ племени *ятчи*; впослѣдствіе, когда старикъ умеръ, лялинцы стали вздорить съ дѣтьми Ятчи и этотъ послѣдній со всѣмъ своимъ племенемъ выселился на то мѣсто, гдѣ теперь находится деревня Ятчи; по имени этого родоначальника деревня и донынѣ называется. Деревня Шудзя (или Шудья) названа по имени богатыря Шудзи. Богатырь Шудзя воевалъ съ богатыремъ Калмэзомъ и послѣдній пошелъ на встрѣчу первому съ своими родичами; Шудзя вырвалъ двѣ березы, свилъ ихъ веревкой и бросилъ на дорогу, гдѣ долженъ былъ проходить Калмезъ. Увидѣвъ свитокъ, Калмэзъ сказалъ своимъ: „нѣтъ, намъ не бороться съ этимъ богатыремъ“ и повернулъ назадъ ([3]). О селѣ Бусурманъ—Можга уроженецъ его, г. Бур-

---

([1]) См. мои: Очерки С. З. Монголіи, II, 6.

([2]) Ср. laläi, братъ жены—на эрдзянско-мордовскомъ нарѣчіи (См. Wiedemann, Grammatik der Ersa-mordw. Sprache, подъ словомъ Schwager).

([3]) О Калмэзѣ см. у г. Гаврилова: «Произв. народ. слов. вот.» стр. 149; это имя и богатыря и особаго поколѣнія вотскаго народа. О калмэзахъ, какъ о народѣ, и мнѣ приходилось слышать; такъ вотяки Елабужскаго уѣзда зовутъ вотяковъ Малмыжскаго и тѣхъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Можги. Калмэзы будто бы отличаются и языкомъ (такъ у нихъ

динъ, сообщилъ мнѣ слѣдующее преданіе. Прежде жилъ тутъ нѣкто по имени Морданъ; у него было три сына: Можга, Кинегылъ и Сиби. Впослѣдствіе племя ихъ разрослось, всѣмъ стало тѣсно; тогда Морданъ объявилъ, что онъ съ своимъ младшимъ сыномъ Можгой остается на томъ же мѣстѣ, а два другіе брата должны выселится. Кинегылъ и Сиби отошли отъ Можги по рѣкѣ Вала, но тутъ мѣста было для двоихъ мало, почему одному надо было переселятся за рѣку; ни Сиби, ни Кинегылу не хотѣлось этого. Рѣшили кинуть жеребій: кто, пнувъ болотную кочку, перекинетъ ее за рѣку, тотъ и останется на берегу. Сиби былъ сильнѣе, но, сорвавъ кочку съ мѣста, не могъ ее перекинуть; Кинегылъ предварительно подсѣкъ кочку и потому пинкомъ перебросилъ её за рѣку. Пришлось Сиби поселится на другомъ берегу (1). Такимъ образомъ возникли три деревни: Можга, Кинегылъ и Сиби. Впослѣдствіе Морданъ за что то осердиился на Можгу и обозвалъ его бусурманомъ (2); это было бранное слово: такъ называлось сосѣднее племя, которое причиняло много вреда вотякамъ. Вотъ почему произошло названіе Бусурманъ-Можга (3).

вмѣсто «ажкычэр», передняя ось, говорятъ «тынгылкикъ»; вмѣсто «тельбуга» вожжа, говорятъ «биньгозы») и обычаями: они синихъ рубахъ, какъ елабужскіе, неносятъ, а только бѣлыя; избы у нихъ топятся почерному, трубъ печи неимѣютъ. Въ Вятской губеніи есть р. Калмезъ; не одного ли корня это имя съ именемъ древнихъ Клобуковъ, Колпинговъ (*κουλπιγγων* византійскихъ историковъ?)

(1) Подобное преданіе у Гаврилова на стр. 145. Споръ о землѣ идетъ также на р. Валѣ, но между родоначальникомъ черемисовъ и вотякомъ Тутомъ. У чувашей также въ легендахъ о трехъ братьяхъ первонасельникахъ расказывается, что младшій братъ былъ обманутъ старшими; они раздѣлили землю когда тотъ спалъ и обдѣлили его.

(2) Проклятіе одного изъ братьевъ первонасельниковъ встрѣчается и у чувашей. О деревнѣ Пансариной и нѣкоторыхъ сосѣднихъ говорится, что онѣ населены потомствомъ семи братьевъ, изъ которыхъ старшій назывался Бишъ; этотъ Бишъ врылъ въ землю священный (?) столбъ. На торжество водруженія столба не пришелъ одинъ изъ братьевъ Тобахъ, за что Бишъ и осудилъ его на ничтожное потомство. См. Магницкаго: «Археол. достопримѣчательности Чебоксарск. уѣзда», Казань, 1864.

(3) Слово Бусурманъ принимается за испорченное мусульманъ. Не лишено будетъ почвы и другое предположеніе, что это было одно изъ племенъ, населявшихъ среднее Поволжье: здѣсь и теперь еще въ устахъ народа живетъ имя племени Мишаръ или Мижяръ, которое въ старину на-

О селѣ Пьяный Боръ, (по татарски Пеньджаръ) расказываютъ, что первые основатели его долго отыскивали мѣсто для поселенiи среди безводнаго бора, страдали жаждой и нашли упавшую борть, въ которой скопилась дождевая вода; они напились ея, но такъ какъ вода смѣшалась въ колодѣ съ медомъ и сыта отъ долгаго времени окрѣпла, то они сдѣлались пьяны; проспавшись, они дали тому бору прозвище Пьяный. Это преданіе знаютъ и русскіе. Другое преданіе, малораспространенное, говоритъ, что на горѣ, подъ которой стоитъ село, жила дѣвица богатырь; другая такая же богатырская дѣвица жила за Камой, на горѣ, которая находится близь татарской деревни Кулюковой, на правомъ берегу р. Ика. Закамская гора донынѣ называется Кызъ—тау, т. е. „дѣвичья гора"; она будетъ отъ Пьянаго Бора верстахъ въ 17. Эти двѣ богатырши по утрамъ передавали другъ другу гребень; имени дѣвицъ не сохранилось въ памяти народной.

Въ надворныхъ постройкахъ особенность вотяковъ составляетъ *куала*; русскіе переводятъ это слово „шалашъ„ (¹). Такъ называется постройка въ родѣ амбара; полъ земляной, на срединѣ котораго, ближе къ задней стѣнѣ, раскладывается огонь, надъ которымъ помѣщается котелъ или на камняхъ, или на крюкѣ, подвѣшанномъ къ балкѣ вверху. Потолка нѣтъ; крыша двускатная; тесницы лѣваго бока не доходятъ до конька, тесницы же праваго бока высовываются дальше конька; такимъ образомъ во всю длину крыши остается щель, прикрываемая отъ дождя верхними концами тесницъ праваго бока; эта щель служитъ вмѣсто дымоваго отверстія. Оконъ у куалы нѣтъ; входомъ въ нее служитъ низенькая дверь. Въ куалѣ лѣтомъ варятъ пищу и обѣдаютъ, для че-

---

зывалось Можары и Мещера. Съ такимъ предположеніемъ болѣе вяжется какъ существованіе названія села Бусурманъ Можга, такъ и существованіе лѣтописныхъ «бесерменъ». Въ пользу того же предположенія говорятъ существованіе въ средней Киргизской ордѣ поколенія Псурманъ; бесермены кажется и теперь еще есть въ Вятской губерніи. Не означало-ли слово «Бесерменъ» того же, что и «аланъ-госары»? Означая чудовищъ, первоначально населявшихъ землю и враждебныхъ человѣческому племени, это имя могло придаваться чуждымъ и особенно воинственнымъ народамъ. Такъ буряты русскихъ зовутъ «мангытами», а подъ этимъ именемъ въ ихъ сказкахъ являются змѣевидныя чудовища, поѣдающія людей.

(¹) У татаръ для куалы есть особое слово: алачикъ.

го въ ней стоитъ столъ съ лавками; зимой курятъ кумышку. Вотяки увѣряютъ, что лѣтомъ въ куалѣ безопаснѣе разводить огонь нежели въ избѣ. Куала, кромѣ хозяйственнаго, имѣетъ еще и религіозное значеніе: въ ней у задней стѣны на полкѣ помѣщается лубяной коробокъ, опрокинутый вверхъ дномъ на отдѣльную дощечку; подъ нимъ на доскѣ лежитъ обыкновенно нѣсколько еловыхъ вѣтокъ. Кромѣ того, тутъ же лежатъ бурачекъ и ложка: это домашній фетишъ—воршудъ или вожшудъ. Отъ пребыванія этой святыни куала сама считается священнымъ мѣстомъ; близь нея считается за грѣхъ мочиться.

Зимнія избы, по большей части, строятся каждымъ хозяиномъ двѣ въ одной связи. Внутри избы—большая русская печь и нары, какъ въ татарскихъ избахъ; полатей нѣтъ. У печи на шесткѣ, съ правой стороны отъ чела, устроена небольшая горнушка, которая затопляется съ шестка; въ нее сверху вмазанъ котелъ. Эта прибавка къ печи называется *учдгъ*. Въ переднемъ углу икона, на которую бываетъ перекинуто полотенце съ цвѣтными разшитыми концами, въ родѣ того, какъ въ русскихъ избахъ навѣшиваютъ полотенца на зеркала (1).

---

(1) Здѣсь кстати замѣтить, что упреки въ нечистоплотности, которыя дѣлаются вотякамъ вообще, не могутъ относится къ вотякамъ елабужскаго уѣзда; по крайней мѣрѣ они, если и заслуживаютъ ихъ, то отнюдь не въ большей мѣрѣ, какъ ихъ сосѣди—русскіе крестьяне, а русскихъ крестьянъ многихъ другихъ провинцій—какъ наприм. рязанск., калужск. и вологодск. губерніи—здѣшніе вотяки положительно опрятнѣе. Полы въ вотскихъ избахъ деревянные, а не земляные, какъ въ рязанской губ. у русскихъ крестьянъ; моются чаще, чѣмъ полы у крестьянъ вологод. губерніи, а широкія нары содержатся въ еще въ большой чистотѣ, чѣмъ полъ. Курныхъ избъ, какъ въ вологод. губ., нѣтъ; большія печи всегда чисто выбѣлены; потолки не закопчены; окна большія, около аршина высоты, а не маленькія, какъ въ вологодскихъ избахъ. Спятъ вотяки на перинахъ, которыя днемъ относятся въ клѣти, тогда какъ крестьяне во многихъ губерніяхъ перинъ не знаютъ. Клоповъ въ вотскихъ избахъ правда много, но отъ нихъ нѣтъ отбою и въ русскихъ и даже татарскихъ избахъ. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что типъ избъ по всему елабужскому уѣзду, какъ у вотяковъ, такъ у черемесовъ и татаръ, одинъ; только у татаръ печь обращена челомъ къ темной стѣнѣ, чтобы хозяйка, занятая приготовленіемъ пищи, не была видима гостямъ. Въ татарскихъ избахъ на окнахъ являются цвѣты въ банкахъ, чего нѣтъ у вотяковъ, а стѣны подъ потолкомъ завѣшиваются концами полотенцевъ, разшитыхъ красной бумагой.

Въ одеждѣ я обратилъ вниманіе только на женскія украшенія. Дѣвицы въ праздникъ покрываютъ голову цвѣтнымъ платкомъ, поверхъ котораго повязываютъ бахраму, состоящую изъ густыхъ прядей бити въ палецъ длиной; эта блестящая бахрама покрываетъ лобъ до бровей и называется *укотук*. Коса опущена вдоль спины и прикрыта во всю длину тесьмой, на которой въ два ряда нашиты монеты: эта покрышка косы называется по вотски *ершибылъ*; она кончается привѣской въ видѣ серебряной пластинки, которая называется *ершипунетъ*. Грудь прикрывается нагрудникомъ, который держится на ошейникѣ. Ошейникъ въ два пальца шириной, прикрывая горло, назади завязывается тесемками; верхній его край обшитъ корольками, нижній крупными монетами, въ серединѣ также нашитъ рядъ мелкихъ монетъ. Спереди къ ошейнику пришита пластина въ видѣ языка, прикрывающая разрѣзъ рубахи, которая также украшена монетами, нашитыми въ пять рядовъ; кромѣ того, шнуръ, усаженный монетами же, свободно облегаетъ этотъ языкъ, будучи обоими концами прикрѣпленъ къ ошейнику. Весь этотъ уборъ называется *чиркэртетъ*. Кромѣ него, на лѣвое плечо надѣвается перевязь или лямка, по вотски *бутъмаръ*. Она состоитъ изъ двухъ тесемъ,—одна приходится на спинѣ, другая на груди. Тесьмы концами своими не сшиты непосредственно, а пришиты къ кольцамъ: одно кольцо приходится на лѣвое плечо, другое подъ правой рукой, у пояса. Передняя тесьма обшита монетами въ два ряда, которыя, какъ и на ошейникѣ, идутъ вдоль тесьмы, и здѣсь нижній рядъ состоитъ изъ болѣе крупныхъ монетъ. На нижнее кольцо перевязи, приходящееся на правомъ бедрѣ, привѣшиваются: наперстокъ, гребень или туйсонъ, ключи и т. п. вещицы ([1]).

([1]) Гребни—туйсонъ—сдѣланы изъ мѣди; они прежде привозились татарами, теперь стали выходить изъ моды и потому въ елабужской уѣздъ болѣе не привозятся. Всѣ они имѣютъ одинаковый видъ: мѣдная пластинка, служащая основаніемъ для зубьевъ, прорѣзана большими дырами, между которыми остаются только узкія полоски. Кажется 14 зубьевъ (дважды семь) полагалось за правило. Для привѣшиванія у верхняго края гребенки дѣлалось ушко. На двухъ концахъ верхняго края у всѣхъ туйсоновъ были вырѣзаны конскія головки, обращенныя въ стороны. Поверхность пластинки, между вырѣзками, украшена рисункомъ двухъ видовъ:

Замужнія женщины въ первые годы замужества носятъ на головѣ *айшонъ*, а потомъ повязываютъ голову узкой повязкой. Айшонъ—это берестяный колпакъ въ поларшина высоты, который сшивается изъ двухъ берестяныхъ лоскутовъ. Нижній свертывается въ видѣ конуса, основаніемъ книзу, вершиной кверху; вверху оставляется отверстіе, въ которое вставляется другой меньшій кусокъ бересты; этотъ послѣдній свертывается воронкой или совкомъ, нижній острый конецъ его вставляется въ отверстіе конуса, верхній высовывается и надвѣшивается надъ передней стороной айшона. Нижній конусъ называется *ирбыртыламъ*, верхній совкообразный надставокъ—*иртукъ*. Нижній конусъ одѣтъ кускомъ чернаго сукна, который сзади завязывается въ трехъ мѣстахъ завязками. На черное сукно нашивается лоскутъ краснаго кумача, расширяющійся книзу; по кумачу нашиты серебряныя монеты и жетоны многими горизонтальными рядами, а внизу подъ самымъ лбомъ, въ видѣ каемки рядъ красныхъ корольковъ. Иртукъ также спереди имѣетъ покрышку въ видѣ трапеціи, расширяющейся книзу; она также обшита горизонтальными перемежающимися рядами изъ корольковъ, желтыхъ бусъ, жетоновъ, мелкихъ старинныхъ монетъ и рублевиковъ позднѣйшаго времени. Къ вершинѣ иртука пришивается *шюлыкъ*, т. е. большой лоскутъ черной или темноцвѣтной шелковой матеріи; верхнимъ концомъ онъ плотно

въ видѣ кружковъ съ точкой въ центрѣ (на пріобрѣтенномъ нами гребнѣ числомъ 9, кромѣ двухъ, поставленныхъ вмѣсто глазъ на конскихъ головкахъ) и въ видѣ ломаной линіи; оба эти рисунка встрѣчаются на шаманскихъ бубнахъ въ Алтаѣ и толкуются самими шаманами,—первыя солнцемъ и луной, вторыя молніями. Внѣшнимъ своимъ видомъ эти гребни напоминаютъ тѣ мѣдныя привѣски, которыя были находимы въ могилахъ сѣверной и средней Россіи и которыя г. Ешевскій сближалъ съ сустугами, нынѣ еще носимыми Мордвой, и съ сустугами лѣтописи (См. Ешевскаго «Замѣтка о Пермск. древностяхъ», въ Пермск. Сибирн., кн. 1, стр. 141). Только у привѣсокъ, находимыхъ въ могилахъ, вмѣсто зубьевъ сдѣланы ушки (тоже кажется преимущественно въ числѣ семи), на которыхъ были привѣшаны пустые колокольчики. Тотъ же типъ, но безъ конскихъ головокъ, можно видѣть и на рисункѣ сѣвернаго гребня, который былъ помѣщенъ въ «Древностяхъ», издаваемыхъ Археолог. обществомъ въ Москвѣ и въ которомъ г. Ефименко находитъ черты, сходныя съ изображеніемъ солнца.

прикрываетъ обращенныя назадъ крылышки совкообразнаго иртука, а нижній конецъ складками падаетъ вдоль спины, спускаясь до пояса. Кругомъ шюлыкъ обшитъ позументомъ („уко") и бахрамой („шюлыктукъ"), а въ серединѣ, если шюлыкъ одноцвѣтный, на немъ нашиты симметрически трехъугольные и ромбическіе лоскутки изъ свѣтлой матеріи. Изъ подъ айшона на спину свѣшиваются два конца бѣлаго полотенца, расшитые красной бумагой; они перехвачены поясомъ и плотно прилегаютъ къ заднимъ частямъ тѣла.

Позднѣе вотскія замужнія женщины измѣняютъ костюмъ: голову покрываютъ полотенцемъ, сверхъ котораго на лобъ надѣвается узкая, въ два пальца шириной, повязка, расшитая корольками и завязывающаяся на затылкѣ; концы полотенца болтаются по спинѣ. Въ праздничномъ нарядѣ это полотенце замѣняется кускомъ миткаля, обшитаго по краямъ кружевомъ, но безъ узоровъ изъ красной бумаги. Съ этимъ измѣненіемъ головнаго убора женщина начинаетъ носить на вискахъ *чужретъ* или *чучеретъ*, т. е. волосы на вискахъ свиваетъ въ толстые и короткіе булавовидные жгуты, утолщеннымъ концемъ обращенные внизъ. На груди замужнія женщины носятъ такіе же чиркэртэты и будьмары, какъ и дѣвицы.

Тѣже грудныя украшенія встрѣчаются и у черемисовъ и у татаръ. У черемисовъ въ Бимѣ перевязь черезъ плечо называется *бажмалдыкъ*, а нагрудникъ *сюэсь пидышъ*; накладка или покрышка на косу у дѣвицъ *часкакъ*. У крещеныхъ татаръ въ Мамадышскомъ уѣздѣ перевязь называется *муйтымаръ*, *хасыля* или *касита* (1). На шеѣ носится ошейникъ

---

(1) У Золотницкаго приводится чувашское названіе перевязи—*тэвэтъ* и татарское—*дильбугя* (См. Чувашскій словарь, стр. 242). Дильбугя авторъ сближаетъ съ татарскимъ дильбугя, возжа; а тэветь—съ арабскимъ *дэвэт*, чернильница, которая, говоритъ онъ, носилась на перевязи. Авторъ кажется думалъ, что обычай носить перевязь заимствованъ отъ писарей. Намъ кажется, что начало этого очень распространеннаго обычая (слѣды его замѣчаются у кавказскихъ горцевъ и у крымскихъ татаръ) надо искать въ шаманскихъ повѣрьяхъ и миѳологіи сѣверной Азіи. Въ долинѣ Тунки (въ Иркут. губ.) я видѣлъ замужнихъ бурятокъ, у которыхъ черезъ плечо былъ повязанъ кусокъ красной метеріи; такъ какъ это были молодыя женщины. имѣвшія мужей и носившія косы, то ихъ нельзя было принять за чибгунцъ, т. е. монахинь,

изъ монетъ, который называется *муинъ-джака.* Кромѣ того носятъ еще другой ошейникъ, который называется *чилбыръ-джака*; этотъ послѣдній отличается отъ перваго тѣмъ, что къ нему подвѣшаны нити съ подвѣсками. Онъ состоитъ изъ холстины, на которую нашитъ позументъ, а спереди

которыя, по словамъ о. Іакиноа (Записки о Монголіи, т. 1, с 198) также носятъ чрезъ плечо красныя перевязи; на мои распросы, мнѣ отвѣчали что не всѣ женщины носятъ подобную перевязь, а только тѣ, которымъ это указано ламами; изъ дальнѣйшихъ словъ разсказчиковъ я заключилъ, что эти перевязи носятся въ предупрежденіе какихъ то несчастій. Поэтому не будетъ лишнимъ поискать варіантовъ имени перевязи въ терминологіи азіатской миоологіи. Для «дильбугя» мы можемъ указать на тели бегенъ, ельбегенъ или джельбегенъ—алтайское названіе старухи людоѣдки - также сказочнаго семиглаваго чудовища. Тельбегенъ, въ одной сказкѣ черневыхъ татаръ, хочетъ съѣсть первенца рода человѣческаго Мешперека; вообще это существо стоитъ въ связи съ повѣріями о похищеніи младенцевъ чертомъ или мѣсяцемъ или вообще съ повѣрьями о смертности дѣтей; поэтому перевязь дильбугя не предназначалось ли для предотвращенія смертности дѣтей? Что дильбугя значитъ также вожжа, не удивительно: и русское «ужъ» сходно съ ужище, веревка (См. Афон. Поэт. Возвр. 1, 282). Тутъ виной сходство наружнаго вида змѣи и веревки. Вотское названіе перевязи—бутьмаръ—напоминаетъ черемисское названіе созвѣздія Оріона —Витьвара, что по черемисски значитъ еще коромысло (также вѣщь носимая черезъ плечо); не было ли названіе созвѣздія первоначальнымъ и только впослѣдствіи уже перешедшимъ на коромысло? Татарское названіе того же созвѣздія Кіанто также значитъ коромысло, а между тѣмъ оно имѣетъ, по нашему мнѣнію, генетическими варіантами Квенде: у симбирскихъ татаръ, Кобундей у дархатовъ. Киргизское названіе того же созвѣздія Таразы и вотское Тарази—значитъ вѣсы, что также близко подходитъ къ формѣ коромысла. И въ этомъ имени не слѣдуетъ ли значеніе созвѣздія считать болѣе древнимъ? Въ статьѣ «Легенда о трехъ братьяхъ» мы высказали предположеніе, что этому созвѣздію могли придаваться имена Тараканъ, Тарханъ и т. под. Ср. также названіе гребня: «таракъ»; первоначально это имя могло даваться привѣскамъ, вродѣ тѣхъ, которые встрѣчаемъ между древностями («сустуги») и которые могли имѣть мистическое значеніе; потомъ или одновременно могли существовать не такъ искусно сдѣланные подражанія этимъ привѣскамъ, которыя приспособились къ причесыванію волосъ. Что первобытный миоослагатель усматривалъ въ гребнѣ сходныя черты съ натуральными элементами миоа—указываетъ участіе гребня въ сказаніяхъ. Въ одномъ записанномъ нами монгольскомъ сказаніи передача шаманскаго вѣденія совершилась тѣмъ, что въ волосы будущей шаманки была воткнута гребенка; если это сказаніе есть сказаніе о началѣ шаманства, то не мѣшаетъ имѣть въ виду, что въ алтайскомъ сказаніи

прикрѣплены двѣ серебряныя бляхи, называемыя *каптырма*; къ бляхамъ подвѣшаны пять серебряныхъ цѣпочекъ, которыя состоятъ изъ колецъ и перемежающихся съ ними серебряныхъ пластинокъ въ видѣ сердечекъ, выемкой обращенныхъ къ верху. Такихъ сердечекъ, по татарски *кандала* (т. е. клопъ), въ каждой цѣпочкѣ до семи. Каждая цѣпочка кончается серебрянымъ рублевикомъ. Справа и слѣва отъ бляхъ къ ошейнику пришито еще по сердечку выемкой къ низу, отъ каждаго сердечка виситъ по три цѣпочки съ мелкими монетами на концахъ.

О религіозныхъ повѣрьяхъ вотяковъ мнѣ удалось собрать слѣдующее.

Какъ извѣстно вотяки называютъ бога *Иньмаръ*; это имя соотвѣтствуетъ черемисскому *Юмо*, и, въ родѣ того какъ черемисъ говоритъ Кого-юмо, великій богъ, вотякъ говоритъ: *Бадзинъ-Иньмаръ*, гдѣ бадзинъ также значитъ великій, большой. Но у вотяковъ пантеонъ боговъ бѣднѣе. У черемисовъ, какъ извѣстно, кромѣ Кого-юмо, есть еще Пуерше-юмо, дѣятельнѣйшій его помощникъ; онъ то собственно правитъ міромъ, а Кого-юмо только царствуетъ. За тѣмъ у черемисовъ замѣчательны пары боговъ: одна состоитъ изъ Кудурчо и Волгенче, грома и молніи, другая изъ Пигамбара и Кава; въ этой второй парѣ Пигамбаръ опять повидимому громовникъ. Такъ какъ Юмо, по мнѣнію Кастрена, также громовникъ, то въ черемисской миѳологіи мы имѣемъ одно и тоже божество подъ тремя наименованіями: Юмо, Кудурчо и Пигамбаръ. Это какъ будто говоритъ за то, что черемисская миѳологія сложилась не менѣе какъ изъ трехъ источниковъ Въ вотской миѳологіи ни этихъ паръ, ни повтореній (кромѣ развѣ пары Кого-юмо и Пуерше-юмо, какъ увидимъ ниже) не существуетъ. У нихъ есть одинъ только Иньмаръ. Громъ

шаманъ получаетъ этотъ даръ отъ старца, который ударилъ по нему змѣей. Какъ на примѣръ замѣны звуковъ, подобной той, которую видимъ въ названіяхъ тарак, тарази и пр. можно привести названія киргизскихъ поколѣній: Таракъ—тамга, отдѣленіе изъ племени Джалаиръ (Вельяминовъ-Зерновъ, Изсл. о Касим. царяхъ, II, 121) и Тарсь-тамчалы, отдѣленіе изъ племени Найманъ: очевидно, имена обоихъ племенъ суть только варіаціи. Относительно названія «тэвэть» пока можемъ указать только, что это имя напоминаетъ остятское «тэвэть», т. е. семь, что подаетъ намъ поводъ предполагать, не носило ли этого имени Большая Медвѣдица? Русское слово ламка ср. съ болгарскимъ ламія, ламя, съ греческимъ *λαμια*, змія.

вотяки называютъ *гудури*, но этому слову значенія божества не придаютъ, а грозовое явленіе приписывается все тому же Иньмару. Что подъ Иньмаромъ разумѣлся первоначально громовникъ, указывается вотскимъ названіемъ громовыхъ стрѣлокъ, которыя выпахиваются на поляхъ: онѣ называются *инъ-кыле* (кыле-галька: синъ-кыле т. е. глазное кыле, слеза, тол-кыле, т. е. огненное кыле, кремень). Но есть основаніе полагать, что подъ Иньмаромъ разумѣется и солнце; это солярное значеніе Иньмара особенно выступаетъ въ молитвахъ, которыя читаются во время моленій „большой куалѣ", Кромѣ частныхъ куалъ, которыя имѣются во дворѣ каждаго вотяка, есть еще общія куалы для всей деревни; такая общая куала называется *бадзинъ-куала*, т. е. большая, и находится внѣ деревни. Правилъ относительно выбора мѣста подъ большую куалу, а также куда она обращена дверью—къ сожалѣнію я не узналъ. Въ этой общественной куалѣ помѣщается общій для всей деревни воршудъ—фетишъ. Четыре раза въ годъ жители деревни отправляются молиться въ большую куалу: въ зимняго Николу, на масляницѣ, на второй день Пасхи и въ праздникъ Казанской Божіей Матери; при этомъ они несутъ туда блюда съ разной ѣдой (1). Но прежде чѣмъ отправиться изъ дому, отецъ семейства выходитъ на дворъ и, держа блюдо въ рукахъ, читаетъ молитву сначала Султану, потомъ Иньмару и наконецъ Акташу (2). Содержа-

---

(1) Большая куала деревни Варзи-ятчи находится на югъ отъ деревни, на р. Чесно, и по рѣчкѣ носитъ названіе Чесноииву.

(2) Г. В. Бехтеревъ (Вѣстн. Евр., 1880 г. сент.) въ своей статьѣ «Вотяки», Султанъ-дисa называетъ духомъ хранителемъ и приравниваетъ его къ черемисскимъ Вачевалъ-шукче и Шочекъ-абѣ (стр. 167; на стр. 150 сомпанъ-дисъ должно быть опечатка). Эта троица: Иньмаръ, Акташъ и Султанъ—напоминаетъ трехъ сыновъ бога въ легендахъ, ингушской: 1) Воскресенье, 2) Етеръ и 3) Елта (Соборн. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. VIII. ст. 7. Ахріева: «Ингуши», стр. 14); бурятской: 1) Шингебылъ, 2) Сагадай Эбугунъ и 3) Тольты; алтайской, записанной г. Ядринцевымъ и еще не напечатанной: 1) Ямгуръ-охту-Яжигаанъ, 2) Теморъ-ханъ и 3) Солтыгаанъ. Въ виду того, что о. Борисъ Гавриловъ говоритъ о Кылдышинѣ (Произв. народ. слов., обр. и повѣрья вотяковъ, Каз., 1880, стр. 142) какъ о покровителѣ человѣка, сопровождающемъ послѣдняго въ его путяхъ съ правой стороны, тогда какъ кереметь сопутствуетъ ему съ лѣвой—можно думать, что Кылдышинъ и Солтыганъ одно и тоже лицо.

ніе молитвы не измѣняется, только имена божествъ другія, —изъ чего сами вотяки, говорившіе со мной объ этомъ, выводили заключеніе, что всѣ три молитвы относятся къ одному божеству, которое только называется тремя разными именами. „О чемъ просимъ Иньмара, о томъ же и Султана и Акташа, разсуждали они, такъ видно онъ все одинъ, а это раздѣленіе только для молитвы сдѣлано". Во время молитвы Султану молящійся становится лицомъ ва востокъ, Иньмару—на югъ и Акташу—на западъ. О Султанѣ и Акташѣ говорятъ, что это кереметн. Это обращеніе во время молитвы по странамъ свѣта вслѣдъ за солнцемъ, движущимся по небу, и какъ бы ограниченіе моленія только свѣтлой половиной неба—свидѣтельствуютъ, повидимому, что подъ Иньмаромъ скрывается дневное свѣтило (1).

Здѣсь нужно замѣтить однакоже, что Султану приносятъ и отдѣльныя отъ Иньмара жертвы; на востокѣ отъ деревни, —такъ по кр. мѣрѣ въ дер. Варзи-ятчи—находится загородка пряслами; это загороженное мѣсто называется кереметь; въ другихъ частяхъ Вятской губерніи, по свидѣтельству о. Гаврилова, устно мнѣ переданному, въ кереметяхъ устраивается куалà, но въ елабужскомъ уѣздѣ внутри огороженнаго мѣста еще отгораживается уголъ—это и замѣняетъ куалу. Въ кереметѣ нельзя срубить ни одной вѣтки; если кто осмѣлится совершить такое кощунство, тому кереметь показывается въ видѣ медвѣдя. Въ отгороженный уголъ „керемета" съ пустыми руками не ходятъ: непремѣнно нужно что-нибудь нести на жертву; даже если отецъ съ сыномъ входятъ, то недостаточно, чтобы отецъ несъ жертву, нужно чтобы и сынъ внесъ хоть гуся, а если онъ провожаетъ отца безъ приношенія—онъ долженъ остаться въ загородкѣ, не входя въ отгороженный уголъ. Жертвы и моленія кереметю приносятся глубокой осенью, тогда какъ Иньмару и Колдышину только до Покрова,—позже этимъ послѣднимъ богамъ нельзя молится, потому что „земля въ это время спитъ". Жрецы кереметю особые; они должны держать обѣтъ не ѣсть никогда свинаго мяса.

---

(1) Г. В. Бехтеревъ говоритъ, что жилище Иньмара полагается на солнцѣ. Вѣстн. Европы, 1880, сент., стр. 150.

Кромѣ этихъ трехъ именъ: Иньмара, Султана и Акташа—мнѣ неудалось узнать, за исключеніемъ еще одного, котораго въ Елабужскомъ уѣздѣ зовутъ чаще всего *Му-колчинъ*, рѣже *Му-кылдышинъ*, а въ Глазовскомъ и другихъ уѣздахъ, по словамъ г. Гаврилова, употребительнѣе названіе *Кылдышинъ*. И это божество повидимому сливается съ Иньмаромъ, хотя жертвы имъ и приносятся отдѣльно. Во время пребыванія въ деревни Варзя-ятчи мнѣ удалось быть на такъ называемомъ соборномъ моленіи, бывающемъ только разъ въ три года; эти моленія тоже, что у черемисовъ „сюремы“; здѣшніе вотяки называютъ ихъ „*булда*“ (¹). Около деревни Варзиятчи есть три мѣстности, на которыхъ бываетъ булда: она совершается здѣсь черезъ годъ. Та булда, которую я видѣлъ, устраивается выше деревни, на р. Варзи; на неё обыкновенно съѣзжаются крестьяне пяти-семи окрестныхъ деревень. На другихъ урочищахъ бываютъ болѣе многочисленныя сборища; такъ, на западъ отъ села Асанова, въ Ушковской или Усовской дачѣ бываетъ булда, на которую собирается народъ изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень. Послѣдняя булда на этомъ урочищѣ была совершена передъ моимъ пріѣздомъ къ Асанову, въ іюлѣ 1881 года, а окончилось до него за недѣлю; слѣдующая будетъ на томъ же мѣстѣ въ 1884 году.

На булдѣ, которую я видѣлъ, сначала была принесена жертва Инмару, потомъ Му-колчину. Обрядъ начался на второй день послѣ Петрова дня. Вечеромъ на лугу за деревней закололи овцу и сварили; это были поминки по родителямъ: мнѣ не удалось бытъ на этомъ обрядѣ, и потому говорю съ чужихъ словъ. Тамъ же на лугу было выставлено корыто или, вѣрнѣе, чуманъ, сдѣланной изъ бересты; въ него сливаютъ кровь убитаго животнаго, а потомъ каждый изъ присутствующихъ долженъ плеснуть туда кумышки, бросить кусочекъ отъ принесенной на поминки лепешки и вылить ложку свареннаго въ полѣ навара отъ баранины; это берестя-

---

(¹) Г. В. Бехтеревъ (Вѣстн. Евр., сент. 1880 г.) передаетъ объ этомъ праздникѣ слѣдующую легенду: св. Николай, по любви къ русскимъ, поселился въ русскомъ селѣ Березовкѣ (на Камѣ), а три его меньшихъ брата, по имени Булдо, разсѣялись по вотяцкимъ деревнямъ; въ честь ихъ установлено праздновать каждое третье лѣто праздники: съ дер. Старой Зюмьѣ, въ дер. Арліановой и въ дер. Варзиатчи; въ послѣдней празднованіе установилось только съ 1826 г. (См. стр. 165).

ное корыто оставляется въ полѣ и содержимое его съѣдается собаками. На слѣдующій день утромъ всѣ моются въ баняхъ (¹). На мѣстѣ булды съ утра уже находились жрецы, но народъ лѣниво шелъ на праздникъ. Меня обѣщалъ взять съ собою сельскій староста, хозяинъ моей квартиры, но потомъ объявилъ, что онъ пойдетъ одинъ, а меня приведетъ его сынъ. Сначала я заподозрилъ желаніе устранить меня съ праздника вовсе, но оказалось дѣйствительно такъ, какъ говорилъ староста—до обѣда на булдѣ кромѣ жрецовъ никого не было и прійти туда не было интересно. Отправляясь на праздникъ, вотяки одѣваются въ чистое бѣлье, надѣваютъ бѣлые онучи и новые кафтаны. Послѣ обѣда и я съ Терентьемъ, сыномъ старосты, пошелъ на булду. Пройдя съ версту вверхъ по рѣкѣ Варзи, мы подошли къ самой рѣкѣ; тутъ передъ нами открылась небольшая, но живописная, картинка. По обоимъ берегамъ рѣки были устроены легкіе балаганы для куренія кумышки; они состояли изъ легкихъ повѣтей, накрытыхъ коекакъ и поддерживаемыхъ топенькими жердочками; подъ каждой повѣтью видна была женщина, двигающаяся среди бадей, ведерокъ, дровъ и другихъ припасовъ и посуды. Вдоль балагановъ, на высокихъ козлахъ, былъ уложенъ желобъ, по которому лилась вода, питающая котлы; изъ балагановъ выходилъ дымъ, который медленно расползался по верхушкамъ орѣшника, въ тѣни котораго были настроены эти постройки на живую нитку. Перейдя по бревну, переброшенному черезъ Варзи, я увидалъ мѣсто будущаго праздника: это былъ скатъ горы, огороженный пряслами. Пространство внутри загородки было чисто отъ лѣса, только по срединѣ стояла засохшая береза, а правѣе ее—липа. Подъ березой была видна небольшая толпа мущинъ, среди которыхъ выдѣлялись жрецы въ бѣлыхъ поддевкахъ. Выше этой толпы, отдѣльно, была видна другая группа, состоявшая изъ женщинъ въ красныхъ нарядахъ съ блестящими на солнцѣ, точно латы, чиркэртэтами и будьмарами на грудяхъ. Еще выше, у заднихъ пряслъ, въ тѣни липъ, стояли телѣги, плетенки и распряженныя лошади, на которыхъ пріѣхали на праздникъ гости изъ сосѣднихъ деревень. Подойдя къ толпѣ ближе, я разсмотрѣлъ, что подъ

(¹) Мнѣ говорили, что въ теченіи праздника вотяки моются въ баняхъ каждое утро.

сухой березой уже разложенъ костеръ, а надъ нимъ положена жердь для подвѣшиванья котловъ; отъ березы прямо на югъ, шагахъ въ шестидесяти, были воткнуты рядомъ три березки, а передъ ними поставленъ столъ. На березкахъ была протянута веревка, увѣшанная бѣлыми, расшитыми по концамъ, полотенцами. Ихъ было такъ много, что они образовали сплошную стѣну; эта драпировка называется чалма: впрочемъ вотяки такъ зовутъ вообще полотенца ([1]). На крайней лѣвой березѣ, на высотѣ человѣческаго роста, было свито гнѣздо или положенъ горизонтально вѣнокъ, въ немъ лежало блюдо, прикрытое полотенцемъ. Сюда, какъ я потомъ замѣтилъ, ссыпалъ главный жрецъ деньги, приносимыя жертвователями. На столѣ, передъ березками, стояло уже до 20-ти штофовъ съ кумышкой. Вправо отъ стола, на разосланныхъ орѣховыхъ вѣткахъ, были уставлены блюда съ овсяными лепешками и ковригами хлѣба, которыя съ верху были прикрыты или яркожелтыми яичными блинами, или увѣнчаны туесками съ масломъ. Эти приношенія занимали пространство до трехъ саженъ. Передъ столомъ были поставлены двѣ длинныхъ скамьи для стариковъ. Четыре жреца въ бѣлыхъ кафтанахъ, съ непокрытыми головами, также сидѣли на скамьяхъ, или уходили въ толпу, но время отъ времени они набрасывали себѣ на шею полотенце, такъ что концы его висѣли спереди на груди и призывали народъ къ молитвѣ. Они становились при этомъ передъ жертвеннымъ столомъ: тогда весь народъ

([1]) Видъ этихъ березокъ очень мнѣ напоминалъ алтайскій «ыыкъ», т. е. тоже березки, воткнутыя впереди жертвенника; на эти березки натягивается шнуръ, увѣшанный длинными лентообразными лоскутами бѣлой, синей, желтой и другихъ цвѣтовъ матеріи; эти лоскутья или тесемки называются по алтайски «*ялама*». У аларскихъ бурятъ (Ирк. губ.) также около жертвенниковъ ставятся березки, но не впереди, какъ у алтайцевъ, а съ боку; они также увѣшиваются лентами или тесемками; такіе березки у бурятъ называются *залмы*. Ср. тунгусское названіе березы *călbăn*, см. Кастрена Grundzüge ein. tungus. Sprachlehre, стр. 92 и 100. Совокупность этихъ фактовъ на нашъ взглядъ раскрываетъ значеніе темнаго мѣста въ сказаніи объ исцѣленіи больной болгарской царевны Туйбике; проповѣдники ислама, исцѣляя её, совершили чудо надъ какой-то чулманской березой. Френъ думалъ, что это значило «береза съ рѣки Камы», которая называется потатарски *Чулманъ*. Шпилевскій, «Др. города и пр.», стр. 31.

поднимался на ноги и обнажалъ головы. Старшій жрецъ, стоявшій крайнимъ съ лѣвой руки, взявъ въ руки чашу съ кумышкой начиналъ читать молитву; во время чтенія онъ иногда приподнималъ блюдо къ верху. Другіе жрецы также держали или чашки или деревянные ковши съ кумышкой. Молитва иногда прерывалась возгласомъ жрецовъ: аминь! который подхватывала вся толпа. Послѣ молитвы жрецы шли къ костру; отправляясь туда, они вмѣсто того чтобы повернуться на лѣво, что было бы прямѣе, повертывались направо и, сдѣлавъ полный оборотъ, шли гуськомъ вслѣдъ за главнымъ жрецомъ. Передъ огнемъ главный жрецъ еще читалъ молитву и въ заключеніе кропилъ кумышкой въ огонь. Мнѣ казалось, что онъ старался окропить огонь съ четырехъ странъ свѣта; каждый разъ онъ дѣлалъ три возліянія. Затѣмъ, опять сдѣлавъ цѣлый оборотъ слѣва на право, т. е. посолонь, жрецы возвращались къ столу, но теперь впереди шелъ тотъ, который прежде шелъ послѣднимъ. Подойдя къ столу, главный жрецъ пилъ кумышку и подавалъ ее своимъ товарищамъ; потомъ одинъ изъ жрецовъ обносилъ ею старичковъ, другіе же жрецы снимали съ себя полотенца и смѣшивались съ толпой. Въ другихъ мѣстахъ, какъ мнѣ говорили, кромѣ полотенца навѣшиваютъ на шею березовую вѣтвь: вырубается вѣтка, раздѣляется на двѣ отрасли и надѣвается на шею комлемъ назадъ, а концами впередъ; одна отрасль спускается черезъ правое, другая черезъ лѣвое плечо.

Когда я пришелъ на булду, лошадь уже была заколота; впереди березокъ, на разстояніи отъ нихъ сажень 15, нѣсколько человѣкъ было занято сниманіемъ шкуры. Разнявъ животное на части, наполнили ими четыре котла и развели подъ ними огонь. Между тѣмъ толпа росла: всякій вновь прибывавшій выкладывалъ изъ пестеря на орѣховыя вѣтви ковригу, лепешку и блины, а на алтарь ставилъ штофъ съ кумышкой. Послѣ каждой новой группы гостей жрецъ читалъ молитву, кончавшуюся либаціей въ огонь; тогда хозяева освященной кумышки брали свои штофы и обходили толпу, начиная съ жрецовъ и старцевъ, угощая виномъ. Когда толпа умножилась, жрецы начали отрѣзывать отъ принесенныхъ хлѣбовъ, лежащихъ на землѣ, ломти, брать доли изъ туесковъ и складывать это все въ отдѣльныя блюда. Обыкновенно отъ каждаго хлѣба и каждаго блина брали двѣ доли: одну клали въ одно блюдо, другую въ другое. Затѣмъ

была прочитана молитва, послѣ которой жрецы отнесли одно блюдо къ костру, гдѣ главный жрецъ и опустилъ кусочки въ огонь. Вотяки толкуютъ этотъ обрядъ такъ: будто съ дымомъ, поднимающимся отъ опущенныхъ въ огонь кусковъ хлѣба или капель вина поднимается на небо молитва. Другое блюдо было передано старикамъ. Послѣ этого толпа стала разбирать хлѣбы; зеленая скатерть изъ орѣховыхъ вѣтвей опустѣла. Толпа разбилась на группы; каждая семья брала свои хлѣбы, садилась къ сторонѣ и закусывала. Потомъ хлѣбы снова были уложены на старое мѣсто въ томъ же порядкѣ.

Такъ какъ дальнѣйшія церемоніи представляли только повторенія прежнихъ, дожидаться же раздачи мяса было бы долго, то я и оставилъ бýдду. На другой день мнѣ не удалось быть на праздникѣ, да думаю, что второй день былъ совершенной копіей стараго. Разница состояла только въ томъ, что вмѣсто коня кололи телку. На третій день я снова пошелъ на бýдду. Первые два дня моленіе совершалось Инъмару, на третій оно должно было совершится Му-колчину.

Му-колчину спеціально молятся объ урожаѣ озими. Моленія ему приноравливаются передъ ея посѣвомъ: „молимся ему говорятъ вотяки, чтобы далъ дождя на озимь". Которые побогаче, тѣ иногда и отдѣльно молятся Му-колчину на своей полосѣ, причемъ колятъ черную овечку и кости ея закапываютъ на полосѣ. Едва ли впрочемъ эти отдѣльныя моленья не прекратившійся уже обычай. При общемъ моленіи кости убитаго въ жертву чернаго быка также закапываются въ землю и могила закладывается сверху бревнами; въ этомъ состоитъ одно изъ отличій моленія Му-колчину. Кости жертвенныхъ животныхъ, заколотыхъ въ честь Инъмара, сжигаются на кострѣ. Сжиганье на кострѣ никакого символическаго значенія не имѣетъ, сжигаютъ затѣмъ, чтобы собаки не растаскали кости, что было бы оскорбленіемъ божеству. Эту особенность Му-колчина въ черемисской миѳологіи раздѣляетъ съ нимъ Маланд—ава, т. е. мать земля, въ честь которой также черемисы колятъ черную корову и кости зарываютъ въ землю, тогда какъ кости другихъ жертвъ сжигаютъ (такъ мнѣ разсказывали черемисы въ Бимѣ). Второе обстоятельство, обособляющее Му-колчина отъ Инъмара, состоитъ въ томъ, что для него стряпухи должны печь новые хлѣбы; съ тѣми же

хлѣбами, которые пролежали на булдѣ два дня, Му-колчину нельзя молится. Наконецъ, судя по торжественности обряда Му-колчину, онъ какъ будто важнѣе Иньмара или молитва ему существеннѣе; вотяки говорили мнѣ: „вѣдь Му-колчину не эдакъ молятся, какъ Иньмару; ему крѣпко молятся на колѣняхъ своихъ". По повѣрью вотяковъ, Му-колчинъ въ бѣломъ шабурѣ ходитъ по межамъ, „смотритъ полосы" и распредѣляетъ урожай: на одной полосѣ назначаетъ больше уродиться, на другой меньше; межи — это его дороги, поэтому нехорошо дѣлаетъ молодое поколеніе, настаивая на распахиваніи межъ. Тѣже повѣрья у бирскихъ черемисовъ о Мланда-вѣ; она также ходитъ по межамъ, которыя должны быть широки и просторны, потому что Мланд-ава сердится, если колосья бьютъ ее по спинѣ и даетъ той полосѣ плохой урожай, колосьями которой ее задѣло.

Когда я во второй день пришелъ на булду, я засталъ еще менѣе народу: но всѣ увѣряли, что сегодня будетъ такое собраніе, какого ни въ первые дни не было и въ послѣдующіе не будетъ. Это оправдалось. Черный быкъ былъ уже привязанъ въ сторонѣ отъ липы, и около одного костра лежали со связанными ногами также предназначенные въ жертву два гуся (¹). Жрецы, подославъ шабуры, валялись на землѣ; мужики также сидѣли или лежали группами; только дѣти бѣгали вокругъ и играли въ горѣлки. Моленіе началось старымъ порядкомъ у прежняго жертвенника, продолжали молиться Иньмару. Вѣроятно это молились отъ имени тѣхъ, которые изъ сосѣднихъ деревень въ первый разъ явились на булду и еще не молились Иньмару. Въ это время мой хозяинъ староста подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „пойдемъ, покажу тебѣ Му-колчина". Я пошелъ за нимъ. Онъ подвелъ меня къ большой липѣ, которая стояла на югѣ отъ сухой

(¹) Вотяки говорили мнѣ, что каждая жертва должна быть закончена закланіемъ гуся: «Гусь, говорятъ они, даетъ уаду принесенному въ жертву коню». Въ русскихъ сказкахъ Ивашка — бѣлая рубашка и Чуфиль Филюшка (Аѳон., Нар. Сказ., в. 2 стр. 113), избѣжавъ отъ гибели, которую готовила имъ вѣдьма или яга-баба, хотѣвшая изжарить ихъ, просятъ пролетающихъ гусей отнести ихъ на родину. Гуси или относятъ ихъ или даютъ перья, изъ которыхъ герой сказки дѣлаетъ себѣ крылья. — Не намекъ ли на отлетъ теплаго лѣта вмѣстѣ съ гусями въ дальную сторону?

березы. Къ югу отъ липы былъ виденъ небольшой бугорокъ, прикрытый десяткомъ древесныхъ полугнилыхъ обрубковъ, уложенныхъ рядомъ. „Вотъ Му-колчинъ"! сказалъ староста, указывая на эти обрубки. Это была могила костей животнаго, заколотаго три года тому назадъ. Влѣво было небольшое углубленіе, вѣроятно мѣсто, гдѣ были погребены кости шесть лѣтъ тому назадъ; болѣе старыхъ слѣдовъ жертвы не было замѣтно. Когда мы смотрѣли на „Му-колчина" подъ липой уже поддерживали небольшой огонь. Вскорѣ одинъ изъ жрецовъ привелъ сюда человѣка съ лопатой и приказалъ ему вправо отъ стараго „Му-колчина" рыть новую яму. Къ моему удивленію, яма была сдѣлана неглубокою, не болѣе какъ въ аршинъ глубиной; въ южномъ боку ея было сдѣлано горизонтальное углубленіе нѣсколько выше дна.

Когда яма была готова, раздался голосъ одного изъ жрецовъ: „перэсіоз! перэсіоз! ызбырто! Старики, старики! молитесь!" Въ это время народная толпа была уже большая; значительную часть ея составляли женщины, дѣвицы и дѣти Толпа двинулась къ липѣ; мужчины стали между вновь вырытой ямой и костромъ, задомъ къ послѣднему (1). Жрецы стали передъ ямой и опустились на колѣни, тоже самое сдѣлали старики и остальная толпа; женщины которыя, во время моленій держатся немного поодаль, остались на ногахъ; быка подвели ближе, связали и повалили на землю. Жрецъ, взявъ въ руки чашу съ кумышкой, прочелъ молитву съ словомъ: „аминь", послѣ которой сдѣлалъ либацію въ ямѣ. Порядка, въ которомъ онъ плясалъ на дно ямы я не видалъ, потому что находился не въ первыхъ рядахъ. Потомъ онъ взялъ одно изъ блюдъ съ вынутыми частями изъ ковригъ и лепешекъ, высыпавъ эти крохи въ берестяный, нарочно для этого сшитый, чунакъ, онъ втиснулъ его въ горизонтальное углубленіе, сдѣланное въ ямѣ; потомъ ему подали чашу съ кровью зарѣзаннаго быка и онъ кровью обрызгалъ стѣнки и дно ямы. За тѣмъ онъ всталъ. Молитва кончилась. Другое блюдо съ долями хлѣбовъ и большая чаша кумышки были предложены „перэсіоз'амъ", которые усѣлись въ кружокъ. За тѣмъ жрецъ сталъ на колѣни передъ толпой, протянувъ впредъ пустое блюдо; желающіе сдѣлать вкладъ въ „казну", какъ выражаются вотяки по русски, под-

(1) Костеръ и во время моленія Инмару приходится сзади толпы.

ходили къ нему, становились на колѣни и опускали на блюдо деньги, только не голой рукой, а прихвативъ монету концомъ рукава. Подававшія женщины также становились на колѣни. Затѣмъ вся толпа превратилась въ пьющихъ и ѣдящихъ семейными кружками; только перэсіозы сидѣли отдѣльной группой, въ родѣ пирующей артели боговъ. Я сознавалъ, что слѣдовало бы дождатся окончанія обряда и посмотрѣть процедуру укладыванья костей въ могилу и заваливанья ихъ землей и бревнами, но мнѣ сообщили, что эта церемонія будетъ совершена не ранѣе какъ завтра, что мясо будетъ вариться цѣлую ночь и цѣлую же ночь могила Му-колчина будетъ оставаться открытою. Завтра же утромъ у меня былъ назначенъ отъѣздъ изъ Варзи-ятчи и я не видалъ погребенія. Мнѣ, впрочемъ, говорили, что кости укладываются безъ соблюденія того порядка, въ которомъ они находились въ организмѣ; и это должно быть правда, потому что яма была мала, такъ что кости непремѣнно приходилось класть однѣ на другія.

Солнце приближалось къ горизонту. Народъ опять разсѣялся по всему загороженному мѣсту; болѣе значительная толпа стояла около жертвенника Иньмара и около Му-колчина; третья толпа собралась около торговца, который приютился въ углу подъ липами съ цѣлымъ возомъ сѣнокосныхъ косъ и пряниковъ; женщины образовали свою особую толпу, многія изъ нихъ, впрочемъ, со штофомъ подъ мышкой, обходили толпы мужчинъ, угощая самодѣльной кумышкой. Видъ толпы былъ праздничный: женщины въ своихъ яркихъ красныхъ костюмахъ, осыпанныя спереди и сзади серебромъ, представляли яркій контрастъ скромнымъ чернымъ и сѣрымъ кафтанамъ и войлочнымъ шляпамъ мущинъ. Дѣвицы двигались вереницами или устраивали игру въ горѣлки; прежде, говорятъ, молодежъ не допускалась внутрь загородки, но нынѣ на этотъ счетъ стало слабѣе. Впрочемъ и теперь, какъ я могъ убѣдится своими глазами, ничего унижающаго праздникъ молодежью не совершается, молодежь мужскаго пола вела себя скромно, вдали отъ женщинъ, держась ближе къ солидной толпѣ; ловеласничества никто не проявлялъ. Единственный случай, когда мущина вмѣшался въ толпу играющихъ, состоялъ въ томъ, что добродушный Ваня, мужикъ лѣтъ сорока, по словамъ вотяковъ „дурачекъ", вышивши началъ блажить: сталъ въ шутку гоняться за ребя-

тами, которые его дразнили; сознаная впрочемъ, что шумѣть въ загородкѣ не полагается, онъ увелъ толпу вонъ изъ нея; кончилось тѣмъ, что дѣти опрокинули его въ Варзю и выкупали; улыбаясь во весь ротъ, добродушный мужикъ возвратился за загородку, таща за собой толпу человѣкъ въ 50 изъ мальчиковъ и дѣвчатъ; вода стекала по его кафтану, лапти чвакали. Въ этомъ видѣ онъ годился бы въ Нептуны вотскаго пантеона. При видѣ его вся толпа, бывшая въ загородкѣ, въ одно горло захохотала. Другой случай необыкновеннаго оживленія толпы устроилъ одинъ богатый вотякъ разбрасываньемъ пряниковъ въ толпу. Этимъ участіемъ веселящейся молодежи вотскія моленія отличаются отъ черемисскихъ, на которыя женщины недопускаются. Несмотря однако на это, русскіе и даже татары, которые кажется невысокаго мнѣнія о нравственности вотяковъ въ обыденное время, говорятъ о вотскихъ праздникахъ: „въ это время у нихъ бываетъ очень строго". Выпившихъ было очень много, потому что обходъ съ штофами кумышки прекращался только во время молитвы; какъ только молитва кончалась—появлялись фигуры съ штофами подъ мышкой и одна за другой двигались вдоль рядовъ. Многіе старики такъ нализались, что уже едва плели слова языкомъ; однако никакого дебоша не было, молодежь видимо воздерживалась и пила мало. Необыкновенно тихо справлялся вотскій праздникъ.

Я спрашивалъ вотяковъ, кто такой Му-колчинъ? сынъ или братъ Иньмару? Вотяки отвѣчали мнѣ: „Кто можетъ это знать!" Точно также на вопросъ: есть ли у Иньмара жена? —они отвѣчали невѣденіемъ. Когдаже я спрашивалъ, какой видъ имѣетъ Иньмаръ и видалъ ли его кто? мнѣ отвѣчали: „Никто никогда Иньмара не видалъ и видѣть не можетъ. Онъ людямъ не показывается. Мы видимъ только, что онъ даетъ намъ дождикъ и вёдро, даетъ урожай; если онъ захочетъ дать намъ хлѣба, онъ даетъ дождикъ, не захочетъ—дождика не бываетъ. Вотъ мы и молимъ его, чтобы онъ далъ дождичка". Предоставляю другимъ изслѣдователямъ рѣшить вопросъ: этотъ „невѣдомый Богъ", которому молятся вотяки, навѣянъ ли сосѣдствомъ татаръ или онъ есть неотъемлемая часть вотскаго религіознаго міросозерцанія?

Хотя вотяки и заявили что Иньмаръ невидимъ, тѣмъ не менѣе мнѣ удалось услышать отъ нихъ легенды о томъ, какъ Колчинъ—Иньмаръ ходилъ по землѣ. Одна изъ нихъ

разсказываетъ слѣдующее: Жилъ одинъ человѣкъ богатый; Колчинъ-Иньмаръ сказалъ ему, что придетъ къ нему въ гости. Человѣкъ прибралъ избу, наготовилъ угощенія и ждетъ. Въ это время приходятъ къ нему два нищихъ и просятся пустить ночевать. Богачъ говоритъ: „жду Бога, уходите; не до васъ!“ „Дай хоть въ скотскомъ хлѣвѣ мѣсто“—просятъ нищіе. Пустилъ ихъ наконецъ въ хлѣвъ богатый человѣкъ. Приходитъ и ночь, а Колчина-Иньмара не можетъ дождаться богачъ. На завтра онъ перестаетъ ждать и высылаетъ своихъ работниковъ на работу молотить хлѣбъ. Нищіе просятъ и ихъ пустить на молотьбу; богачъ соглашается. Пришли нищіе на токъ, собрали весь хлѣбъ въ кучу и подожгли его съ двухъ концевъ; солома сгорѣла, верно осталось. Совершивъ это чудо, двое нищихъ, т. е. Колчинъ-Иньмаръ съ товарищемъ, пошли отъ богача прочь. Идутъ по дорогѣ: катится бочка съ золотомъ. Колчинъ-Иньмаръ велитъ ей катиться къ богачу. Товарищъ говоритъ: „за чѣмъ же ты велишь ей катиться къ богачю? развѣ забылъ какъ онъ не пускалъ ночевать?“ Идутъ дальше. Идетъ волкъ и проситъ ѣсть. Колчинъ-Иньмаръ посылаетъ его къ одной бѣдной вдовѣ. Товарищъ опять говоритъ: „лучше бы ты бочку послалъ ко вдовѣ, а волка къ богачю“. Идутъ дальше, приходятъ къ одному лугу: тутъ всякая гадость, лягушки, змѣи. Колчинъ-Иньмаръ говоритъ: „вотъ тутъ будущій вѣкъ богача“. Въ другомъ лугу течетъ ключъ съ водою, сладкою какъ медъ: „Тутъ будетъ вѣкъ доброй женщины“.

Другая легенда: „Эта по нашему сказывается опять о Колчинъ-Иньмарѣ-же (такъ началъ разсказывать Ладенъ, т. е. Владиміръ, хотя крещеный, но не грамотный и плохо владѣющій русскимъ языкомъ вотякъ). Идутъ два нищихъ; видятъ крестьянинъ пашетъ. Подходятъ къ нему. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ крестьянина: „пашешь?“ „Пашу!“ „Что хочешь посѣять?“ „Ячмень“. „Дай мы тебѣ попашемъ, выпряги свою лошадь“. Выпрягъ крестьянинъ лошадь. Впрягся одинъ нищій вмѣсто лошади, другой сталъ править. Когда отпахались, ходившій сзади спрашиваетъ крестьянина: „какъ тебѣ со стороны показалось, которому изъ насъ двухъ труднѣе было: тому ли, что въ оглобляхъ вмѣсто лошади ходилъ, или тому, что правилъ“. Крестьянинъ говоритъ: „по мнѣ ровно тому, что сзади былъ, труднѣе было“. Ушли нищіе. Тотъ нищій, что въ оглобляхъ ходилъ, обидился на мужика и побилъ его ячь-

мень градомъ, а Колчинъ-Иньмаръ послѣ того родилъ ему еще лучше. [1].

Кромѣ этихъ легендъ, которыя народная память относитъ къ старому времени, есть разсказы о лицахъ, нынѣ удостоившихся видѣть Колчинъ-Иньмара. Такъ однажды увидѣлъ его крестьянинъ Лёвъ, изъ дер. Куюкъ. Онъ пахалъ паръ: была засуха, пахать было трудно, мужикъ заревѣлъ. Сначала въ воздухѣ загудѣло, потомъ потемнѣло и ничего не видно стало; потомъ вдругъ стало свѣтло и передъ нимъ очутилось два человѣка. Одинъ изъ нихъ сказалъ крестьянину: „не реви, грѣшно ревѣть въ пахоту". Это былъ Колчинъ-Иньмаръ. Другой разсказъ. Крестьянинъ дер. Ятчи, по имени Мосей, ѣхалъ однажды верхомъ. Видитъ мимо него проѣхали два всадника, одинъ молодой, черный, другой сѣдой старикъ. Молодой говоритъ: „пора убить этого мужика". А старый сказалъ: „нѣтъ нельзя, онъ кормитъ большую семью". Я привелъ эти разсказы какъ свидѣтельствующіе о томъ, что въ повѣрьяхъ вотяковъ, повидимому, Колчинъ-Иньмаръ постоянно представляется въ видѣ двухъ лицъ.

Легенда о Колчинъ-Иньмарѣ, который ходитъ по землѣ подъ видомъ нищаго, сходна съ южно-русскими апокрифическими легендами о Христѣ, которыя до принятія христіанства можетъ быть разсказывались о Колядѣ. Вѣроятно эти апокрифическіе русскіе разсказы причиною, что вотяки сами приравниваютъ Му-колчина къ Христу. Когда я въ дер. Новой спрашивалъ вотяковъ о Му-колчинѣ, они мнѣ отвѣчали: „русскіе молятся же Христу; вотъ также и мы молимся Му-колчину". Въ такомъ-же родѣ и въ д. Варзи-ятчи вотяки говорили, что Му-колчинъ для вотяковъ тоже, что для русскихъ Христосъ. Наконецъ о. Гавриловъ говорилъ мнѣ, что и онъ слыхалъ такое мнѣніе отъ вотяковъ. Сопоставленіе Му-колчина со Христомъ усвоено отчасти и русскимъ духовенствомъ

[1] О хожденіи сына Бога по землѣ есть сказанія и на Кавказѣ; именно, у ингушей сынъ Бога, по имени Елта, помогаетъ, противъ воли отца, одному бѣдному мальчику засѣять пшеницу, сжать её и убрать — вопреки насылаемымъ Богомъ грозѣ, дождю и вѣтру. Легенда кончается тѣмъ, что разсердавшійся Богъ выкололъ Елтѣ глазъ, послѣ чего тотъ и остался одноглазымъ. Сбор. свѣд. о Кавказ. горцахъ, вып. VIII, Тифл. 1875. статья Чаха Ахріева: «Ингуши», стр. 11.

и толкуется имъ, какъ предвѣдѣніе христіанской истины въ язычествѣ. О. Гавриловъ показалъ намъ старинный рукописный словарь вотскаго языка, подъ заглавіемъ: „Новая отяцкая грамматика", сочиненная бывшимъ іереемъ о. Михаиломъ Мышкинымъ въ 1795 году". Въ немъ, между прочимъ, противъ слова *„кылдысьинъ"* приведено такое толкованіе: „слово Божіе, Богъ-Слово. *Кыл*—значитъ слово, рѣчь; *ис*—отъ, предлогъ; *ин*—значитъ Богъ, а собственно слово отъ Бога—колдысьинъ. Сіе о Христѣ Спасителѣ нашемъ мнѣніе какъ въ семъ отяцкомъ народѣ, потому что человѣкъ созданъ по образу Божію и по подобію. И сіе естественное о Божіемъ Словѣ въ душѣ начертаніе или изображеніе никоимъ образомъ человѣкъ потерять не можетъ, какимъ бы впрочемъ заблужденіямъ подверженъ не былъ. О чемъ пространно пишетъ Гугонъ Гроцій въ книгѣ: *О истинномъ христіанскомъ благочестіи*". Это сопоставленіе Му-колчина съ Христомъ, дѣлаемое вотяками, мнѣ кажется можетъ объяснится, когда будутъ собраны легенды о хожденіи Колчинъ-Иньмара по землѣ. Вѣроятно въ нихъ много сходнаго съ апокрифическими сказаніями о Христѣ или Иванѣ милостивомъ и съ чертами колядокъ. Сличая эти сказанія, которыя вотякъ можетъ слышать или отъ сосѣдей русскихъ, или попадая въ русскія области во время военной службы, онъ приходитъ къ отожествленію своего Му-колчина со Христомъ.

Что же касается до самыхъ вотскихъ легендъ о Колчинъ-Иньмарѣ, то считать ли ихъ заимствованіемъ отъ русскихъ или исконнымъ достояніемъ вотскаго племени, хранимымъ отъ первобытной древности—этотъ вопросъ вполнѣ рѣшить трудно при отрывочномъ состоятіи нашихъ знаній, какъ объ устныхъ памятникахъ старины вотскаго племени, такъ и о миѳологіи сѣверной Азіи. То немногое, что добыто по этой части, какъ намъ кажется, позволяетъ однако и теперь догадываться, что сказанія о Колчинѣ-Иньмарѣ принесены вотяками изъ Азіи. Легенда о хожденіи учителя по землѣ въ качествѣ нищаго встрѣчается уже въ Монголіи; ее разсказываютъ на разные лады о Бурханъ-Бакшѣ. Въ сказаніяхъ, записанныхъ мною у урянхайцевъ и бурятъ, является личность Колду-Бурхана или Галто-бурхана. Съ Колду-бурханомъ не связаны легенды о хожденіи въ качествѣ нищаго,—но между нимъ и Бурханомъ-бакши есть другія связи. Бурханъ-бакши есть основатель религіознаго ученія, есть первый учитель мо-

рали на землѣ; онъ смѣшивается монголами съ Шакіямуни, основателемъ буддизма. Колду-Бурханъ также является въ сказаніяхъ, которыя находятся въ связи съ фактомъ введенія буддизма въ Монголіи. Галто-Бурханъ упоминается въ бурятской пѣснѣ о винѣ и повидимому есть изобрѣтатель его; Бурханъ-Бакши есть изобрѣтатель животворной воды, напитка, который долженъ былъ сдѣлать людей безсмертными. Поэтому можно думать, что легенды о хожденіи учителя (1) принесены Вотяками изъ южной Сибири и въ Кылдышинѣ слѣдуетъ видѣть Колду урянхайскаго или Галту бурятскаго. Что же касается до отношенія вотскихъ легендъ и повѣрій къ южно-русскимъ апокрифамъ, осмѣливаемся здѣсь высказать мысль, что вѣроятно въ то отдаленное время, которое предшествовало сложенію русскаго государства распредѣленіе племенъ и языковъ по лицу русской земли было гораздо разнообразнѣе и смѣшаннѣе, чѣмъ въ болѣе позднее время; вѣрованія же, сказанія и обряды, напротивъ, имѣли много общаго, какъ у племенъ финскихъ, такъ и славянскихъ и даже скандинавскихъ. Одни и тѣже божества, однѣ и тѣже легенды объ этихъ божествахъ, одни и тѣ же обряды жертвоприношеній были какъ въ древней Прикамской Болгаріи, такъ и на Днѣпрѣ. Поэтому и не нужно объяснять сходныя черты, находимыя тамъ и здѣсь, заимствованіемъ; Колдышинъ—есть вотская варіація русскаго Коляды, уцѣлѣвшая на своемъ мѣстѣ отъ временъ отдаленныхъ.

Подобнымъ же положеніемъ дѣла можно объяснить и то обстоятельство, что нѣкоторыя черты первоначальной лѣтописи сходны съ повѣрьями и преданіями Прикамья и Поволжья. Нигдѣ кажется нѣтъ такого обилія легендъ о трехъ братьяхъ, сѣвшихъ въ трехъ урочищахъ, какъ въ Поволжьѣ. Эти легенды находятся повидимому въ связи съ монгольскими и киргизскими легендами о избраніи на царство изъ трехъ братьевъ одного или

(1) Вотяки также говорили мнѣ, что училъ людей, какъ вѣрѣ, такъ и земледѣлію, Му-колчинъ. У Черемисовъ въ Бамѣ, на вопросъ: какой Богъ ходилъ по землѣ и училъ народъ? Мнѣ отвѣчалъ одинъ старикъ: Тунза Пуюршо Юмо. На вопросъ же былъ ли у Юмонъ-авы сынъ?—онъ сначала отвѣчалъ отрицательно, но потомъ сказалъ: «постой! это Эрыга-Пуюршо-юмо! вотъ пашелъ!» Но не одно ли это лицо? Судя потому, что онъ стоитъ рядомъ съ Кого юмо и является дѣятельнымъ правителемъ природы, тогда какъ Кого-юмо представляется инертнымъ божествомъ, Пуюршо-юмо можно отчасти приравнивать къ вотскому Му-колчину.

о призваніи на царство трехъ братьевъ ([1]). Самый обрядъ жертвоприношенія Колчинъ-Иньмару не отражается ли въ легендѣ о мести Ольги за смерть Игоря? Г. Котляревскій („О погребальныхъ обычаяхъ“ стр. 114—118) сближаетъ черты этого эпизода съ обстановкой похороннаго обряда у русскихъ славянъ, похоронные же обряды повидимому имѣли много общаго съ жертвоприношеніями; не совершались ли обряды жертвоприношеній у русскихъ славянъ съ тѣми же чертами, какія видимъ въ разсказѣ о мести Ольги? По крайней мѣрѣ въ обрядѣ жертвоприношенія Иньмару и Му-колчину есть подобныя черты: баня передъ жертвоприношеніемъ (эта баня не есть ли замѣна обливанья жертвы водой, существующаго у черемисъ и не замѣченнаго мною у вотяковъ?), сжиганіе жертвы и отдѣльно отъ этого погребеніе ея въ яму, причемъ все это сопровождается пиромъ. Правда, подобныя черты слишкомъ общи, но не всегда онѣ соединяются такимъ образомъ вмѣстѣ. Къ этому можно еще напомнить имя Иньмара, которое имѣетъ сходство съ именемъ Инговаръ—одинъ изъ варіантовъ имени Игоря ([2]). Замѣчательно,

---

([1]) Киргизскія легенды см. въ моихъ «Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи» II, 148; впрочемъ мнѣ неизвѣстны варіанты, которые бы связывали киргизскую редакцію съ монгольской, упоминающей о бросаніи братьями жребія, кому управлять вселенной. Бурханъ-бакши получилъ управленіе, достигши этого посредствомъ обмана. Обманъ является и въ поволжскихъ сказаніяхъ о трехъ (или двухъ) братьяхъ. Мои монгольскія варіанты еще не напечатаны.

([2]) Въ исторіи Игоря разсказывается еще о жестокой казни, которой предали его Древляне, именно о повѣшеніи его на дерево. Не отголосокъ ли это обычая вывѣшивать жертвенную шкуру на шестѣ передъ жертвенникомъ, обычай еще теперь сохранившійся у алтайцевъ и у бурятъ? у послѣднихъ эти реликвіи называются «курукъ». Этотъ обычай вывѣшивать шкуру, хотя и не навсегда, а только на короткое время, существуетъ еще теперь у Мордвы. (См. Мельникова: Очерки Мордвы въ Русск. Вѣстн. 1867 г., окт., стр. 409). Игоря нѣкоторые сближаютъ съ Егоріемъ Храбрымъ (См. Иловайск. Розысканія о началѣ Руси, стр, 430). Укажемъ на одно идущее сюда преданіе: близь Рославля водились бѣлые медвѣди; за однимъ изъ нихъ поскакалъ княжескій любимый бояринъ Юрій; медвѣдь въ чащу, Юрій за нимъ,—на всемъ скаку Юрій налетѣлъ на сухое дерево и повѣсился на толстомъ суку; конь убѣжалъ и Юрій умеръ, не дождавшись помощи. Князь повелѣлъ ту гору звать Юрьевскою (Изв. Им. Рус. арх. общ., т. IX, Спб. Стат. Оп. собр. истор. зап. о Рославлѣ, Ракачевскаго, стр. 498). Въ собраніи загадокъ Садов-

что мордовское слово „сустуги“, грудныя украшенія, упоминаются въ лѣтописи, именно въ разсказѣ о смерти Игоря и мести Ольги.

никова есть одна: «по бокамъ батогамъ утыканный Семенъ среди поля на колъ посаженъ». Такъ загадывается зародъ сѣна (Заг: русск. народа, № 1262), но въ другой загадкѣ стогъ загадывается Егоромъ. Въ скандинавской миеологіи также встрѣчается тема повѣшенія. Имя мироваго ясеня Иггдразиля (Iggdrasill); Iggr—прозвище Одина, drasill—конь или носитель); при этомъ въ виду стараго нѣмецкаго выраженія о повѣшеніи: «am Galgen reitern» приводятъ свидѣтельство Hâramâl'я, что Одинъ девять дней висѣлъ на Иггдразилѣ, sich selber geweiht am windigen Baum. (Mannhardt, German. Mythen, 552). Маннгардтъ сближаетъ этотъ миеъ съ греческимъ о Герѣ, которую Зевсъ mit der Gewitterhämmer (ἄκμονες) повѣсилъ за ноги къ небу. Возможенъ ли переходъ Ингвара въ Иньмара могутъ рѣшить филологи; что касается до имени Иньмаръ, оно очевидно сложное и состоитъ изъ двухъ словъ *Инь* и *маръ* на это указываютъ приведенное уже выше слово *иньмале*. Окончаніе *мар* встрѣчается и въ другихъ словахъ: бутьмар, вилдримарское село, богатырь Яцтомыръ (см; Бор. Гаврилова: «Произв. народн. слов.» стр. 146—147). Ср. Маръ: предокъ славянъ у Массуди (См. у Котляревскаго, «О погреб. обычаяхъ» стр. 11, цитата изъ Шармуа [XXXII, p. 312 и 16]: Les Slaves descendent de Mar, fils de Japhet). Растеніе Расопаса, которое у насъ называется Марьины коренья, по вотски имѣетъ имя иньвожо. Не было ли первоначально Иньмаръ-вожо и не отсюда ли наше марьинъ-корень? У Мордвы имѣется божество Анге-Патяй, это божество женскаго пола, она покровительница всякаго плодородія; отчасти это божество соотвѣтствуетъ вотскому Колдышину и Черемисской Меляндъ-авѣ; Анге-Патяй спускается на землю то въ видѣ золотохвостой птицы, то въ видѣ голубя, но чаще всего люди видятъ только одну тѣнь благодѣтельной богини, когда она навѣщаетъ нивы. Случается, что въ ясный лѣтній день около полудня вдругъ пронесется по полю легкая тѣнь отъ едва замѣтнаго облачка, заслонившаго солнце. Это, по мнѣнію Мордвы, тѣнь Анге Патяй, которая невидимо для людей, ходитъ по землѣ оплодотворяя её и лелѣя любимыя ею животныя и растенія (Мельн. Оч. Мордвы, Русск. Вѣст. 1867, окт., стр. 309). Она представляется или чистою дѣвою или матерью боговъ, у нее четыре сына и четыре дочери; одинъ изъ сыновей называется Нишки-Пасъ: онъ былъ убитъ людьми, но потомъ воскресъ и вознесся на небо. Кромѣ того Анге-Патяй представляется пряхой, прядущей на серебряномъ гребнѣ; она надзираетъ, трудолюбивы ли женщины и каково онѣ прядутъ (ibid., стр. 398—400); это послѣднее сближаетъ ее съ нашей Пятницей. Вотяки, съ которыми мы имѣли дѣло, своему Колдышиву, соотвѣтствующему мордовскому Нишки-Пасу, матери не даютъ; не представлялось ли ею нѣкогда божество Иньмаръ? У В. Бехтерева (Вѣстн. Евр.,

По краткости пребыванія въ краѣ—мнѣ не было возможности видѣть свадебный обрядъ у вотяковъ. Изъ распросовъ я узналъ слѣдующее. Свадебный обрядъ распадается на три части: 1) отвозъ невѣсты въ домъ жиниха, 2) прибытіе „погонихъ" и пиръ въ домѣ жениха, 3) отвозъ невѣсты къ отцу и пиръ у него. Свадьба начинается тѣмъ, что сваты ѣдутъ къ отцу невѣсты; когда дѣло рѣшено, братъ или кто нибудь изъ родственниковъ отвозитъ невѣсту въ домъ жениха; при этомъ устраивается пирушка; отецъ жениха сзываетъ свою родню и пируетъ съ нею. Въ тотъ же вечеръ молодежъ, т. е. парни и дѣвицы, отводятъ жениха и невѣсту на подклѣть. Казакъ-парень, т. е. холостой парень, кладетъ въ постель жениха, казакъ-дѣвица укладываетъ невѣсту; невѣста сначала упирается, но потомъ уступаетъ. Тогда ихъ запираютъ и оставляютъ однихъ. На завтра невѣста идетъ за водой, ее провожаетъ молодежъ; на рѣчкѣ молодежъ брызгается и плещетъ водой другъ на друга; невѣста приходитъ домой мокрая. Здѣсь, въ избѣ, принесенной ею водой вновь начинаютъ брызгаться, такъ что весь полъ ульютъ водой; невѣсту заставляютъ полъ мести, а шутники нарочно стружатъ лучинку на вымѣтенное мѣсто (¹).

Главною частью обряда считается пріѣздъ „погонихъ" въ домъ жениха (²). Этотъ обрядъ совершается не вскорѣ пос-

---

1880, сент., 150) указывается на подобныя отношенія, только у него Муму-Кальцинъ, какъ онъ называетъ Кылдысина, мать, а Иньмаръ сынъ; Муму, въ самомъ дѣлѣ, по вотски значитъ мать; но и въ имени Иньмара можетъ быть заключается понятіе о матери; въ первомъ членѣ имени мордовскаго божества Анге можно видѣть вотское инь; ср. остяцкое анге—мать (Castren: Versuch ein Ostjak Sprch. 75) и остяцкое jig—отецъ (ib. 86). Всѣ эти формы *анге*, *иг*, *ин*, *ен* (названіе Бога по пермяцки) не происходятъ ли отъ одной первоначальной *ане* путемъ измѣненія носоваго звука, указаннымъ Н. И. Ильминскимъ (Bullet. de laclasse histoir. philo. d. I, (Ac. d. sc. XVI, 44) т. е. путемъ опуска *н* и *г*?

(¹) Обливаніе водой невѣсты существуетъ и у русскихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центральной Россіи. Обрядъ этотъ вѣроятно находится въ связи съ миѳомъ объ умыканіи дѣвицы громовникомъ во время грозоваго явленія и съ повѣрьемъ объ умываньи мѣсяца во время новолунія, т. е. съ повѣрьемъ, что во время новолунія всегда идутъ дожди.

(²) Терминъ «погонихи» заимствованъ нами отъ русскихъ крестьянъ Елабуж. уѣзда; и у нихъ есть обычай посылать «погонихъ» въ домъ жениха.

лѣ отъѣзда невѣсты, а мѣсяца черезъ три, иногда черезъ шесть. Время пріѣзда погонихъ назначается тогда же, какъ отвозятъ невѣсту. Обрядъ состоитъ въ томъ, что въ назначенное время изъ дома невѣсты въ домъ жениха пріѣзжаютъ родственники невѣсты, какъ бы въ погоню за ней, и заговорятъ, что у нихъ потерялась дѣвица. Невѣсту прячутъ въ это время и ведутъ погонихъ въ избу, гдѣ она спрятана. Казакъ-дѣвица, показывая её, говоритъ погонихамъ: „вотъ есть у насъ дѣвица, да это не ваша"; „это какъ будто не наша", говорятъ погонихи. Потомъ вдругъ закричатъ: „да вотъ она наша сестра! ну, давайте теперь пить! нашли сестру". И тутъ начинается большой пиръ, продолжающійся три дня и три ночи; потомъ погонихи уѣзжаютъ. Слѣдомъ за ними вскорѣ отвозятъ невѣсту къ ея отцу; его родственники ѣдутъ за ними и три ночи живутъ у тестя пируя. На время свадьбы избирается почетный предсѣдатель пира, который называется *тыръ* или *тэр;* за столомъ онъ сидитъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, почему у вотяковъ и передній уголъ носитъ названіе *тыръ интэ*, т. е. мѣсто тыра (¹). Тыру подносится первая чаша кумышки; каждый гость, начиная угощать своимъ виномъ, прежде всего подноситъ тыру; вмѣсто того, чтобы пригласить всю пирующую компанію въ свой домъ—приглашаютъ тыра; куда въ чей домъ пойдетъ по приглашенію тыръ, туда и всѣ пирующіе идутъ: „какъ пчелиной рой за маткой", прибавилъ мой разсказчикъ. Тыра стараются угощать по преимуществу и оказываютъ ему всякаго рода угощеніе; вечеромъ отвозятъ домой, стелютъ ему постель, укладываютъ, не безъ шутокъ впрочемъ, наприм. подкладывая полѣно вмѣсто подушки, а

(¹) Срав. *тöр*, переднее мѣсто въ юртахъ у южно-сибирскихъ инородцевъ. (См. Грам. алтайск. яз., Казань, 1869 г., стр. 272). Это слово можно сближать съ названіемъ бубна: тюръ (см. Магницкій, Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 78), что очень вѣроятно, потому что бубенъ именно занимаетъ почетное мѣсто въ юртѣ, которое и носитъ спеціальное названіе. Названіе бубна *тюръ* есть сокращеніе изъ «тюнгуръ», какъ бубенъ называется на другихъ татарскихъ нарѣчіяхъ Сибири и, какъ мы старались показать въ другой своей статьѣ, находится въ связи съ именами громовника: Тенгиръ, Тэнгри-ханъ, Торумъ, Тора и т. д.

утромъ онъ еще спитъ,—а лошадь съ санями или телѣгой уже ждетъ его (¹).

Изъ повѣрій мнѣ удалось записать слѣдующія:

По понятію вотяковъ и татаръ пожаръ отъ молніи можно залить только молокомъ черной коровы. Говорятъ также, что зажженный молніей домъ не нужно заливать, что сгоритъ только одно то зданіе, на которое упала молнія; бывали, говорятъ, случаи—ударитъ молнія въ „кабанъ" т. е. въ кладь, только одинъ этотъ кабанъ и сгоритъ, хотя бы рядомъ близко стоялъ другой кабанъ.

Громовая стрѣла—инькыле —уходитъ, по мнѣнію вотяковъ, на сорокъ саженъ въ землю и назадъ выходитъ черезъ сорокъ

(¹) Это ухаживанье за «тыромъ», котораго елабужскіе крестьяне приравниваютъ къ нашему «дружкѣ», напоминаетъ легенду о скандинавскомъ Торѣ, ходившимъ по свадьбамъ (Mannhardt's Ferm. Mythen, 99). Вздумалось Тору спуститься на землю и вотъ онъ зашелъ въ одинъ дворъ, гдѣ была свадьба; здѣсь его приняли съ большимъ почетомъ, женихъ самъ поднялъ цѣлую пивную бочьку и поднесъ её Тору, которую тотъ и опорожнилъ сразу. Очень довольный оказаннымъ вниманіемъ, богъ пошелъ въ другой сосѣдній дворъ, гдѣ также была свадьба. Тамъ не были къ нему такъ внимательны и поднесли ему напитокъ въ обыкновенной чашѣ. Богъ обидился, оттолкнулъ отъ себя чашу, махнулъ своимъ молотомъ и вышелъ. Потомъ молодыхъ, угостившихъ его изъ цѣлой бочки, онъ поднялъ со всѣми ихъ гостями на холмъ и показалъ имъ, какъ негостепріимный дворъ со всѣми бывшими въ немъ гостями былъ погребенъ подъ упавшей на него горой. Легенда о Торѣ наводитъ на мысль, что *вотскій тыръ есть представитель громовника*, откуда къ нему и такое какъ бы божеское почтеніе. Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени собрать болѣе черть, которыми характеризуется значеніе тыра на свадебномъ пиру. Отъ одного русскаго крестьянина мы слышали что и во время жертвоприношенія Муколчину и Иньмару избирается тыръ, который сидитъ на почетномъ мѣстѣ за столомъ установленнымъ съѣстными приношеніями и также получаетъ первую чашу вина изъ каждаго вновь откупориваемаго сосуда; но на булдѣ въ деревнѣ Варзи-ятчи такого тыра я не видалъ и мнѣ здѣсь сказали, что на бульдѣ его и не бываетъ. Что обрядовое званіе тыра или, покрайней мѣрѣ, нашего дружки, находилось въ связи съ представленіями о громовникѣ—въ этомъ едвали можно сомнѣваться: черты свадебнаго обряда указываютъ на дружку, какъ на такого же умыкателя дѣвицы, какимъ представлялся и громовникъ. Ср. въ нашихъ сказкахъ и былинахъ дядьку, который добываетъ невѣсту для царя и царевича: Удалъ молодецъ для Дмитрія Царевича, Ивашка Таракашка для Василья Окуловича и проч. Дядка подъ конецъ окаменѣваетъ—черта изъ миѳовъ о громовникѣ.

лѣтъ. Въ дер. Асановой одинъ вотякъ увѣрялъ меня, что, выпахавъ, ее оставляютъ въ полѣ, въ домъ не берутъ, потому что—опасно. Высѣкая огонь изъ громовой стрѣлы легко можно сдѣлать пожаръ, потому что огонь ходитъ за иньксыле. Въ деревнѣ Утчанъ, напротивъ, мнѣ приносили „иньксыле" выпаханные въ полѣ и сохраняемые въ домахъ; это были впрочемъ обломки крупныхъ валуновъ, обратившіе на себя вниманіе простолюдиновъ своей гладкой поверхностью.

Во время грома вотяки выгоняютъ изъ избы собакъ: въ нихъ прячется шайтанъ. Громъ преслѣдуетъ шайтана, который дразнитъ его: влезетъ на дерево, станетъ вверхъ ногами и кажетъ Иньмару голый задъ. Если Иньмаръ не попадаетъ въ шайтана, то раздираетъ дерево, если же попадаетъ, то сожжетъ его. Шайтанъ прогнанъ на землю съ неба. Всѣхъ было на небѣ семь братьевъ, которые молотами разбивали камень; всѣ братья говорили при каждомъ ударѣ: Господи благослови! а Шайтанъ—одинъ изъ братьевъ—приговаривалъ: Будь проклятъ! Изъ каждаго отлетавшаго осколка становился ему товарищъ; тогда братья прогнали его съ неба, какъ непослушнаго и вѣроломнаго, хотѣвшаго создать себѣ помощниковъ и сдѣлаться сильнѣе другихъ.

Если корова придетъ съ поля съ окровавленнымъ выменемъ,—татары приписываютъ это тому, что корову сосалъ убуръ. Другіе говорятъ, что коровъ сосутъ змѣи; онѣ оставляютъ въ вымени свои зубы, отъ чего вымя начинаетъ болѣть; тогда обмазываютъ вымя кислымъ молокомъ и трутъ шкурой кошки, думая, что змѣиные зубы выйдутъ на шкурку. У черемисовъ также есть повѣрье, что змѣи сосутъ коровъ. По вотскому повѣрью коровъ сосетъ *юберъ* или *ибыръ*; ему же приписывается и затмѣніе небесныхъ свѣтилъ. *Ибыръ*— это умершій видынь, т. е. колдунъ, который огнемъ выходитъ изъ своей могилы и летаетъ по воздуху; объ огненномъ метеорѣ вотяки говорятъ, что это видынь полетѣлъ кого нибудь ѣсть или портить. Черемисы огненные метеоры называютъ „убуръ".

О пятнахъ на мѣсяцѣ у вотяковъ и татаръ общее сказаніе: одна сиротка дѣвушка (вотяки иногда говорятъ черемисская дѣвушка) была гонима мачихой; рано утромъ, когда еще мѣсяцъ не закатался, мачиха уже выгоняла ее за водой. Однажды дѣвушка подошла къ рѣчкѣ, стала плакать и сказала: „хоть бы мѣсяцъ меня взялъ"; мѣсяцъ сжалился и взялъ её къ себѣ вмѣстѣ съ ведрами.

Если выйти въ полнолуніе на перекрестокъ дорогъ (вотское повѣрье) и приложить ухо къ землѣ, то узнаешь будущее: парень узнаетъ—уйдетъ ли онъ въ солдаты, дѣвица —выйдетъ ли замужъ.

Татарское повѣрье: если случится покража, покупаютъ ежа, хотя бы за десять рублей, и запираютъ въ ящикъ, гдѣ онъ и умираетъ; вѣрятъ, что тогда и вора сведетъ клубкомъ, —онъ умретъ и засохнетъ.

Вотяки думаютъ, что встрѣтить ужа къ худу и, встрѣтивъ, разсѣкаютъ его топоромъ.

Бобръ, по татарскому повѣрью, говоритъ по человѣчески; во время нападенія на него онъ проситъ охотника не убивать его и плачетъ.

О кротѣ вотяки думаютъ, что если онъ случайно прокопается на дорогу, на открытое мѣсто, и увидитъ свѣтъ Божій, —онъ долженъ умереть. Татары кормятъ жаренымъ, вѣрнѣе печенымъ, кротомъ дѣтей, когда у нихъ бываютъ язвы на загривкѣ.

Летучая мышь летаетъ только ночью, днемъ не можетъ летать потому, что у нея отъ солнца крылья вянутъ; такъ думаютъ вотяки и черемисы. У татаръ есть на этотъ счетъ особое сказаніе: Алла Тагали (Всевышній Богъ) отдалъ приказъ солнцу ходить отъ Магреба до Мешрика (отъ востока до запада). Солнце лѣниво пошло, соображая, что отъ одного края земли до другаго у него силы не хватитъ дойти. Въ это время джарканатъ (летучая мышь) сказала ему: „не медли! если ты будешь застаиваться на одномъ мѣстѣ, то сожжешь на немъ всю траву, а въ другихъ мѣстахъ въ это время трава не высохнетъ и сгніетъ. Вотъ почему тебѣ Богъ и повелѣлъ ходить отъ края до края". Солнце осердилось и сказало джарканату: „не смѣй ходить днемъ на моихъ глазахъ, иначе сожгу твои крылья". По этой то причинѣ летучая мышь и не летаетъ никогда днемъ.

По повѣрью вотяковъ медвѣдь стыдится человѣка; прежде онъ былъ человѣкъ, который умѣлъ обращаться въ медвѣдя, втыкая для этого ножъ въ дерево. Ножъ кто то вынулъ изъ дерева и колдунъ остался навсегда медвѣдемъ. Въ Утчанѣ одинъ вотякъ разсказалъ другое сказаніе: медвѣдь былъ человѣкъ; у него было такъ много дѣтей, что онъ не успѣвалъ одѣвать ихъ. Однажды Колчинъ—Иньмаръ сказалъ ему, что онъ придетъ къ нему въ гости. Какъ быть ему?—стыдно Богу

показать голыхъ дѣтей; придумалъ онъ попрятать дѣтей—кого въ баню, кого въ лѣсъ, кого въ погребъ. Пришелъ Колчинъ-Иньмаръ и спрашиваетъ: „а гдѣ же твои дѣти?“ „У меня нѣтъ дѣтей“, отвѣчалъ человѣкъ. „Какъ, ровно были?“ сказалъ Богъ. „Нѣтъ и не было“. „Ну пусть же и не будетъ!“ сказалъ Богъ. Какъ онъ сказалъ это, спрятанный въ банѣ сдѣлался *кузюрчи* (банный чертъ), спрятанный въ лѣсу—медвѣдемъ.

Русскіе (въ Елабуж. у.) кажутъ больному лихорадкой медвѣжью высушенную лапу, чтобы онъ испугался.

Укушеніе змѣи вотяки лечатъ, приставляя конецъ липовой палки къ укушенному мѣсту; по палкѣ ядъ выходитъ изъ тѣла. Отъ ужаленья пчелы прикладываютъ укладъ.

Русскіе въ Елабуж. уѣздѣ, при ужаленіи змѣи, привязываютъ къ ужаленному мѣсту живаго голубя и приматываютъ его такъ, что онъ тутъ же задыхается: вѣрятъ, что ядъ выйдетъ въ голубя.

Лебедя вотяки не стрѣляютъ,— домъ кончится, т. е. родъ прекратится; лебеди подобны людямъ, потому что у нихъ есть мѣсячныя очищенія.

Хотя именемъ „улыб-турум“ и зовутъ Sedum Telephium, —но это не настоящая улыб-турум. Настоящую люди не видятъ; она не велика. Присутствіе ея обнаруживается только тогда, когда, во время сѣнокошенія, литовка задѣвшая объ нее изломается. Эта трава дѣлаетъ способными къ половымъ отправленіямъ мужчинъ, утратившихъ мужскую силу и воскресаетъ убитыхъ змѣй. Чтобы найти эту траву нужно найти табунъ змѣй и убить одну; тогда змѣи принесутъ эту траву и проведутъ ею вдоль хребта убитой, послѣ чего она оживетъ. Sedum же Telephium названъ этимъ именемъ только потому, что онъ долго не вянетъ и не сохнетъ.

Кошмаръ Вотяки объясняютъ тѣмъ, что спящаго давитъ „кузюрчи“ или „жобъ“, который живетъ въ банѣ.

Ласточка осенью улетаетъ на небо.

Духъ живущій въ водѣ называется по вотски „ву—пэри“ или „ву—муртъ“; лѣсной духъ—„пулэс мурт“. По черемисски водяной духъ: „бут-ия“. Банный духъ по вотски „кузюрчи“ или „жобъ“; по черемиски—„шюкшiондал“ или „шюкшондал“.

Баба людоѣдка въ черемисскихъ сказкахъ называется: „пинэрэшкэ“; есть разсказъ, какъ одна женщина сожгла ее. Въ татарскихъ сказкахъ баба людоѣдка, хотѣвшая изжарить

мальчика, называется: „ит баш“, „сіир аяк“ (т. е. собачья голова, коровья нога) ([1]).

Самый сильный звѣрь по вотскому повѣрью называется „арслан—кышк“. Онъ говоритъ о себѣ: все, что на землѣ глазъ видитъ, все возьму! По повѣрью татаръ „крушь—канат“ сильнѣе льва, арслнаъ кыика онъ рѣжетъ крыломъ: по другому показанію—у крушь-каната на груди находится ножъ.

Когда дѣти не ведутся, умираютъ, новорожденнымъ даютъ птичьи имена; думаютъ, что ребенокъ съ птичьимъ именемъ лучше выживетъ.

Вѣра въ Кереметя, по словамъ вотяковъ, была прежде татарская вѣра. Кереметь—Богъ; его не слѣдуетъ смѣшивать съ Шайтаномъ. Вотяки вымѣняли Кереметя у татаръ на „уразу“. Если срубить дерево въ керемети (т. е. огороженномъ въ честь Кереметя мѣстѣ)—онъ покажется въ какомъ нибудь страшномъ видѣ, наприм. въ видѣ медвѣдя.

Было три брата: Кереметь, Видынь и Сотана.

Когда Богъ раздавалъ законъ, русскій надѣлъ сапоги и получилъ законъ; вотякъ, обуваясь въ лапти, прокопался, опоздалъ и остался безъ закона.

Названія созвѣздій, звѣздъ и нѣкоторыхъ небесныхъ явленій:

Большая медвѣдица по вотски Джекъ-кукъ ([2]); по черемисски Шордо-шудуръ (Шордо по черемисск. лось); по татарски Джидигянъ.

Оріонъ по вотски Тарази ([3]); по черемисски Битбарашу-

([1]) Въ вотскихъ—«Обыда». См. о. Б. Гаврилова: «Произведенія нар. слов. вотяковъ», стр. 125.

([2]) *Джекъ* по вотски—столъ, *кукъ*—ножка у мебели. Такимъ образомъ созвѣздіе какъ будто напоминало вотякамъ столъ на четырехъ ножкахъ. Замѣчательно, что якутское названіе Большой медвѣдицы *Арангассъ* примѣняется якутами также и къ полатямъ на четырехъ столбахъ, на которыхъ хоронятъ шамановъ. По монгольски столъ *ширe*; ср. «Окторгоинъ долонъ шире»—семь небесныхъ троновъ; такъ будтобы назывался высшій классъ въ линіи тибетскихъ князей или семь древнихъ тибетскихъ царей (см. у Cананъ Сэцэна, Semidt, Geschichte d. Ost mongolen. c. 23) Теперь Большая Медвѣдицы и по монгольски называется: «окторгоинъ—долонъ—бурхынъ».

([3]) *Тарази* по вотски—вѣсы. По киргизски это созвѣздіе называется *Таразы*, что также значитъ вѣсы. (Коромысло по вотски—карнакъ).

дуръ (битбара—по черем. коромысло); по татарски (елабуж. и мамад. у.) „кібнтö“, т. е. коромысло.

Плеяды по вотски „шерпуж кижели“ (шерпужъ—рѣшето), „вальвиръ-кижели“ (?); по черемисски—„шоктэ шудуръ“.

Зарница по вотски „чулпонъ“, по черем. „чолпанъ“, по тат. „чолпанъ“.

Радуга по вотски „ву-дись“ (буквально „воду пьетъ“); по черем. „сунаръ-былà“; по татар. „салавутъ-купыри“.

Млечный путь по вот. „луд-жяжекъ шурде“ т. е. „дорога дикихъ гусей“, по черемисски „каик комбу горно“, дорога дикихъ гусей.

Сѣверное сіяніе по вотски—„Иньмаръ пыртъ мачкэ“ (1). Какъ называется это явленіе по Черемисски—не могъ добить-

(1) «Пырт мачкась» называется тотъ духъ, который въ лѣсу дразнитъ человѣка, принимаетъ видъ знакомаго или сосѣда, вступаетъ въ разговоръ, заводитъ такимъ образомъ въ незнакомое мѣсто и вдругъ исчезаетъ, или пугаетъ путника показываясь медвѣдемъ, словомъ—продѣлываетъ тѣ опасныя шутки, которыя у насъ приписывается лѣшему. Не лишнее здѣсь прибавить, что у остяковъ поргъ называется лось; тѣмъ же именемъ они называютъ Большую медвѣдицу. У о. Гаврилова описанъ обычай, существующій въ вотской деревнѣ Уватукли, который состоитъ въ томъ, что въ день Корсунской Божіей матери (9 Октября) дѣвицы рядятся и подъ предсѣдательствомъ одной, имѣющей на головѣ высокую берестяную шапку, а въ рукахъ колокольчикъ и плеть, ходятъ изъ дома въ домъ и поютъ особыя пѣсни; при входѣ въ избу главная дѣвушка бьетъ плетью по стѣнѣ. Послѣднее напоминаетъ другой вотскій обрядъ—изгнаніе черта, который у вотяковъ бываетъ въ великій Четвертокъ. Уватуклинскій обрядъ, совершаемый девятаго октября, называется пöртъ маськонь; это слово о. Гавриловъ переводитъ: рядится, измѣнять образъ, что сходится съ толкованіемъ, которое вотяки и намъ давали. И такъ подъ именемъ «пöртъ-мачкэ» разумѣется: 1) призракъ, галлюцинація и 2) ряженье, маскированье. Сѣверное же сіянье—есть ряженье или призракъ Иньмара. У Мордвы (Мельникова «Очерки Мордвы», Рус. Вѣст. 1867 г., окт.) существуетъ лѣтній дѣвичій праздникъ въ честь Анге-Патяй (божества, которое очень сходно съ нашей Пятницей, черезъ что легенды о ней роднятся съ легендами о Богородицѣ; patäi—тетка по ерезянско-мордовскому нарѣчію: (см. Widemann Gramm der Ersamordwe Sprache; batüi—veterbruder на мокшанско-мордовскомъ нарѣчіи (см. Ahlquist's Versuch einer Mokscha-mordow. Grammatik); на этомъ праздникѣ также избирается одна дѣвица за главную и называется прявть-тевтерь; г. Мельниковъ переводитъ—«голова дѣвка»; въ виду однаго вотскаго названія «пытъ» и въ мордовскомъ «прявтъ» можетъ быть скорѣе слѣдуетъ видѣть видоизмѣненіе вотскаго имени праздника. У нѣмцевъ легенды, сходныя съ нашими

ся: то мнѣ говорили „сей уло“, что значитъ война будетъ и. такимъ образомъ, вмѣсто имени явленія, выдавали повидимому его значеніе въ смыслѣ послѣдствія для человѣчества; другіе приводили слово „пэлъ“, т. е. небо.

Громъ по вотски „гудури“.

Молнія по вотски „чиликіян“, „квась чиликія“(¹).

Громовая стрѣлка повотски „инкыле“, тат. „яшин-таши“ (яшинъ—молнія, ташъ—камень).

СКАЗКИ (²).

Золотое перо.

Жили старикъ со старухой; обоимъ было по семидесяти лѣтъ; они имѣли только одну кобылу. Проходилъ какой то прохожій, подивился на ихъ житье и ушелъ. По его уходѣ и старуха и кобыла стали беременны: у старухи родился мальчикъ, у кобылы—жеребенокъ. Старики подумали: „мы стары, это не кормильцы намъ будутъ, прежде чѣмъ выкормимъ ихъ мы умремъ“. И потому, чтобы лишнее не тратить на нихъ,

---

о. Пятницѣ,—относятся къ Бертѣ (древняя форма Pěhrat) или Гольдѣ. Дни посвященные Бертѣ были три четверга передъ Рождествомъ. или вобще святки. Въ эти дни дѣвицы и женщины наряжались и съ шумомъ и пѣснями ходили изъ дома въ домъ, причемъ главная изъ нихъ называлась Бертой; иногда Бертой назывался и ряженый мущина; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бертами назывались ряженые вообще (Веселовскій: «Берта, Анастасія и Пятница» въ Ж. М. Н. Пр., 1877, Февраль, 217—221 и 226—229.)

Сближеніе ряженія и призрака можно видѣть и въ другихъ случаяхъ, наприм. въ словѣ *маньякъ*; слово это въ Алтаѣ и Саянахъ означаетъ шаманскій плащъ, въ средней же Россіи употребляется въ смыслѣ призрака, привидѣнія; понятно, какимъ образомъ возникла родственность въ значеніи этихъ словъ: шаманъ, во время своего лицедѣйствія, облаченый въ маньякъ, дѣйствительно представляется иногда не въ человѣческомъ видѣ а обращеннымъ, наприм., въ видѣ медвѣдя и т. под. Желательно было бы собрать названія шаманскаго плаща на всѣхъ языкахъ Сибири; найдется ли между ними названія «портъ?»

(¹) Ср. монгольское слово *цзаилганъ*—молнія.

(²) Съ № 1 по 10 записаны отъ вотяка въ д. Асановой, съ № 11 по 13 отъ вотяковъ же въ селѣ Варзи-ятчи; № 14 отъ татарина дер. Салаушъ.

старикъ отвезъ сына и жеребенка въ поле и бросилъ. Тамъ жеребенокъ и мальчикъ выросли безъ корма и ухода; мальчикъ сѣлъ на жеребенка и поѣхалъ. Дорогой онъ видитъ,— золотое перо (зарни тылэ) лежитъ на землѣ. Онъ хочетъ взять его. Конь уговариваетъ: не бери, а то тебѣ будетъ худо. Мальчишка не послушался коня и взялъ перо. Пріѣхалъ въ городъ, гдѣ жилъ царь, и поступилъ на службу къ нему. Другіе служащіе у этого царя стали завидовать мальчику, потому что ему все удавалось, и сказали царю, что у него есть золотое перо. Царь потребовалъ перо и мальчикъ отдалъ его царю. Тогда служащіе стали говорить, что мальчикъ можетъ достать и самую птицу. Царь призываетъ мальчика и велитъ ему добыть птицу. Мальчикъ возвращается къ жеребенку и плачетъ; жеребенокъ упрекаетъ его за то, что онъ, не послушавшись совѣта, взялъ перо, но потомъ уговариваетъ его не плакать, обѣщаетъ помочь ему въ этомъ горѣ, велитъ садится и ѣхать. Жеребенокъ привезъ мальчика въ лѣсъ къ дереву, на которомъ сидѣлъ „душесъ" (ястребъ), потерявшій перо, поднятое мальчикомъ на дорогѣ. Жеребенокъ велитъ мальчику поставить въ лѣсу корытцо и налить его виномъ. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. На зарѣ къ корытцу слетѣлъ съ дерева ястребъ (душэсъ), весь золотой; блестящій свѣтъ отъ ястреба пошелъ по лѣсу. Ястребъ выпилъ вина, опьянѣлъ и заснулъ; тутъ его мальчикъ взялъ, сѣлъ на коня и отвезъ къ царю (¹). Царь былъ доволенъ его службой, но другіе еще болѣе захотѣли погубить его и стали говорить царю: у мальчика есть жеребенокъ. Царь призвалъ мальчика и приказалъ ему добыть табунъ сосѣдняго царя, а иначе онъ будетъ казненъ. Мальчикъ заплакалъ, пошелъ къ своему жеребенку, но тотъ не велѣлъ ему плакать, а садиться и ѣхать. Жеребенокъ привезъ его въ другое царство; тамъ ходитъ царскій табунъ подъ карауломъ жеребца. Жеребенокъ говоритъ своему хозяину: „Ты теперь слѣзь съ меня, ложись и не смотри въ ту сторону, гдѣ я буду биться съ жеребцомъ; хоть будетъ земля трястись, хоть страшно будетъ, ты все таки не смотри въ ту сторону; если ты исполнишъ это, я одолѣю жеребца". Сталъ жеребенокъ биться съ жеребцомъ, затряслась земля; мальчикъ пожалѣлъ своего жеребенка и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ

(¹) Ср. приводимыя Куномъ (Herabkunft d. Feuers, 33—34) легенды. латинскую о Нумѣ, изловившемъ посредствомъ выставленнаго вина Picus'а, греческую о Мидасѣ и Силенѣ, а также сходныя новѣйшія, аргаусскую и граубинденскую: во всѣхъ нихъ Кунъ видитъ миѳъ объ открытіи огня.

происходилъ бой: въ тотъ же мигъ его жеребенокъ упалъ на землю съ лопнувшимъ брюхомъ. Сѣлъ мальчикъ возлѣ своего коня и заплакалъ; прилетѣла ворона (куака). заслышавъ падаль, и начали каркать. Осердился на неё мальчикъ, захотѣлъ ее убить: сдѣлалъ силышко, поймалъ ворону и хочетъ ее пристукнуть. ворона говоритъ: „не убивай меня, я твоего коня оживлю". Мальчикъ отпустилъ ворону; она принесла воды, которою мальчикъ вспрыснулъ жеребенка и жеребенокъ ожилъ. „Теперь я снова буду биться", говоритъ жеребенокъ; „смотри же теперь, не гляди въ мою сторону". Началъ жеребенокъ биться съ жеребцомъ и убилъ его. Мальчикъ захватилъ табунъ и пригналъ къ царю. Послѣ этого царскіе слуги уговариваютъ царя послать мальчика достать кольцо съ руки царевны, дочери того царя, у котораго онъ угналъ лошадей, а потомъ и саму царевну. Разсказчикъ забылъ этотъ эпизодъ, помнилъ только конецъ сказки: царь велитъ мальчику нырнуть въ котелъ съ кипящей смолой (вѣроятно таково было требованіе царевны); мальчикъ нырнулъ, сидя на своемъ жеребенкѣ; жеребенокъ, очутившись въ смолѣ, сморкнулъ—и сопли окружили его и мальчика, отчего оба они вышли изъ смолы совершенно цѣлы. Потомъ стали нырять въ томъ же котлѣ царскіе слуги и самъ царь и сгорѣли; тогда мальчикъ сталъ царемъ и женился на привезенной царевнѣ.

№ 2. Купеческій сынъ и сестра.

Купеческій сынъ имѣлъ сестру; за что-то онъ рассердился на нее, обсѣкъ ей руки и прогналъ. Когда она ходила по полю—увидѣлъ ее другой купеческій сынъ; она понравилась ему и онъ взялъ ее за себя замужъ. Поѣхалъ онъ торговать; жена осталась беременной и родила мальчика. У этого купеческаго сына была мачиха; она написала купеческому сыну, что жена его родила щенка. Купеческій сынъ отвѣчалъ, чтобы подождали до его пріѣзда; мачиха это письмо скрала и написала вмѣсто него, чтобы выгнали жену, привязавъ ей щенка на грудь. Такъ и сдѣлали: привязали на грудь женѣ купеческаго сына щенка и выгнали ее, а настоящаго ее сына мачиха бросила въ воду. Ходила прогнанная по полю и захотѣла напиться; рукъ у нее не было: она наклонилась къ водѣ чтобы напиться и щенокъ упалъ въ воду.

Заплакала она, приговаривая: „кому щенокъ, а мнѣ дитя!“ Въ это время вышелъ старикъ и спрашиваетъ: о чемъ ты плачешь? „Я уронила своего щенка въ воду“, говоритъ она, „кому щенокъ, а мнѣ дитя“. Старикъ ей на это сказалъ: „собакѣ и собачья смерть! Вотъ твой сынъ!“—и онъ вывелъ къ ней мальчика и велѣлъ ей идти туда, куда онъ пойдетъ и не заходить въ дома, которые онъ мимо пройдетъ, какъ бы ее не приглашали зайдти. Идетъ мальчикъ впереди, мать за нимъ; вошли въ городъ. Увидѣлъ ее одинъ купеческій сынъ, зоветъ сильно къ себѣ въ гости; но мальчикъ пробѣжалъ мимо и мать пошла за нимъ. Другой купеческій сынъ зоветъ ихъ—и туда мальчикъ не зашелъ, а зашелъ въ крайнюю избу, гдѣ жила одна старуха. Два купеческихъ сына, приглашавшихъ женщину къ себѣ, тоже туда зашли. Мать мальчика загадываетъ имъ загадку, по которой они узнаютъ въ ней: одинъ свою сестру, другой—свою жену.

№ 3. Змѣя.

Крестьянинъ чистилъ чищобу, сдѣлалъ изъ валежника кучу вокругъ пенька и поджегъ. Вылѣзла змѣя на пенекъ и проситъ спасти ее. Мужикъ боится; змѣя говоритъ: „положи на пенекъ жердочку и я по ней сойду“. Вырубилъ мужикъ жердь, положилъ концемъ на пень и змѣя сошла на землю. Сошла и говоритъ мужику: „ну, ты теперь иди за мной“. Мужикъ пошелъ, пришли они къ норѣ. Змѣя улѣзла въ нору и возвратилась съ камешкомъ. „Лизни“, говоритъ мужику, „этотъ камешекъ и ты будешь знать языки“. Пошелъ мужикъ спать въ чищобу и слышитъ одна собака говоритъ другой: „намъ нужно раздѣлиться, я здѣсь при хозяинѣ останусь, сюда ночью придетъ медвѣдь. Если бы хозяинъ догадался, положилъ бы колоду, одѣлъ ее своей шубой, медвѣдь напалъ бы на колоду, а я схватила бы медвѣдя зубами за задъ, тутъ бы хозяинъ и убилъ медвѣдя. А ты бѣги въ деревню, потому что въ нашъ дворъ придетъ воръ. Если хозяйка будетъ крѣпко спать, ты лай подъ окномъ у сосѣда“. Мужикъ, ложась спать, такъ и сдѣлалъ, какъ совѣтовала собака: то есть одѣлъ колоду своей шубой а самъ спрятался. Пришелъ медвѣдь и онъ убилъ его. Приходитъ мужикъ домой и опять слышитъ какъ собаки говорятъ между собой. Одна говоритъ: „меня хозяинъ что то

хорошо кормить сталъ, будто нашъ разговоръ понимать сталъ; а тебя чѣмъ хозяйка кормила?“ „А меня, говоритъ другая собака, хозяйка кормила изъ корыта, въ которое сама нагадила, да еще и прибила“. Выслушавъ этотъ разговоръ, мужикъ сталъ бить жену. Жена проситъ его: скажи да скажи, какъ ты узналъ, чѣмъ я собаку кормила? Хозяинъ задумался: и сказать женѣ хочется, да и умереть боится, потому что отъ змѣи было ему заказано, не говорить о камешкѣ—не то смерть. Въ это время хозяйка выпустила на полъ куръ; пѣтухъ вышелъ на середину и закричалъ: „кококо! дуракъ хозяинъ! Одна у него жена да задумался: у меня семьдесятъ семь женъ, да я ни одной изъ нихъ не слушаюсь, а онъ одной жены слушается, кончить себя хочетъ. Побилъ бы ее хорошенько!“ Началъ мужикъ снова бить свою жену.

№ 4. Шудъ-таланъ.

Два брата раздѣлились; одинъ сталъ богатѣть, другой обѣднѣлъ. У одного хлѣбъ стѣной, у другого нѣтъ ничего. У богатаго брата была помочь; бѣднякъ тоже былъ на этой помочи, возилъ хлѣбъ, хлопоталъ, усталъ и заснулъ, его и оставили сонnаго въ полѣ; проснулся онъ и видитъ какого-то человѣка, который ходитъ по полю, подбираетъ разсоренные колосья и зерна и прячетъ ихъ въ снопы. „Ты кто?“ спрашиваетъ бѣднякъ того человѣка. „Я шудъ твоего брата, отвѣчаетъ тотъ; я помогаю ему богатѣть“. „А мой шудъ гдѣ?“ спрашиваетъ бѣднякъ. „Иди въ лѣсъ, говоритъ шудъ, и стань подъ липой; тутъ и найдешъ своего шуда“. Пошелъ бѣднякъ въ лѣсъ, сталъ подъ липой. Приходитъ къ нему мужикъ въ плисовыхъ штанахъ и въ александровской рубахѣ. „Ты мой шудъ?“ спрашиваетъ бѣднякъ. „Я!“ „Отчего же ты не помогаешъ мнѣ богатѣть какъ моему брату? его шудъ помогаетъ“. „Ты занимаешься хлѣбопашествомъ, потому я не могу помогать тебѣ. Если бы ты занялся торговлей, я бы ходилъ за тобой, помогалъ бы тебѣ, и ты бы сталъ богатѣть“. „Какъ же я буду торговать, не имѣя ничего?“ „Хоть займи да начни; вотъ хоть лыками начни торговать!“ Занялъ тотъ денегъ, принялся торговать лыкомъ и разбогатѣлъ. Позавидовалъ ему богатый братъ и думаетъ: дай и я начну торговать. Началъ, но что ни купитъ ни продастъ—все въ убытокъ и

въ конецъ раззорился, потому что его таланъ былъ къ хлѣбопашеству и пересталъ за нимъ ходить.

№ 5. Три царевны, унесенныя змѣями.

У царя было три дочери. Змѣи Аждагн-кый унесли ихъ изъ сада, когда онѣ гуляли. Одинъ солдатъ, пропивъ свое жалованье въ кабакѣ, похвастался, что онъ можетъ возвратить царевенъ. Его призвали во дворецъ. Сначала онъ выпросилъ себѣ позволеніе трое сутокъ пировать безданно безпошлинно, потомъ выпросилъ себѣ двухъ товарищей и отправился искать царевенъ. Въ одномъ лѣсу путники нашли избу и при ней быка; они поселились въ ней. Два товарища ушли въ лѣсъ на промыселъ, а третій остался въ избѣ. Пришелъ старикъ Куать-Султушъ, ростомъ съ четверть, а борода шесть маховыхъ саженъ, и избилъ караульщика. На другой день очередь оставаться въ избѣ досталась другому; и его избилъ Куать-Султушъ. На третій день очередь солдата. Солдатъ самого Куать-Султуша избилъ и заставилъ его везти себя туда, гдѣ три царевны находятся. Куать-Султашъ привезъ его къ отверзстію; тутъ солдатъ убилъ его, а товарищамъ своимъ велѣлъ себя спустить на цѣпи въ отверстіе. Въ подземномъ царствѣ онъ нашелъ сначала мѣдный домъ, въ которомъ жила одна изъ унесенныхъ царевенъ; царевна научила его до прибытія змѣя переставить бочки, въ которыхъ были налиты сильная и слабая вода; прилетѣлъ съ громомъ, дождемъ и градомъ шестиглавый змѣй, напился вмѣсто сильной слабой воды и началъ биться съ солдатомъ; солдатъ убилъ его. Послѣ боя солдатъ легъ спать и проспалъ часъ; въ это время царевна положила ему печать на лобъ. Потомъ она свернула мѣдный домъ въ яйцо и солдатъ положилъ его къ себѣ въ карманъ. Далѣе солдатъ встрѣчаетъ серебряный домъ: въ немъ живетъ другая царевна съ девятиголовымъ змѣемъ; за тѣмъ золотой домъ, въ которомъ живетъ третья царевна съ двѣнадцатиголовымъ змѣемъ. Солдатъ убиваетъ и этихъ змѣевъ; въ серебряномъ домѣ онъ проспалъ два часа, а въ золотомъ три. И двѣ другія царевны положили ему печати на лобъ и также свернули свои дома въ яица, которыя солдатъ положилъ въ карманъ и отправился теперь къ тому отверстію, черезъ которое спустился. Два товарища подни-

маютъ на цѣпи трехъ царевенъ, потомъ отсѣкаютъ цѣпь и солдатъ остается подъ землей. Началъ солдатъ тамъ бродить и нашелъ балалайку; ударилъ по ней, вышелъ баранъ (ыжтака); на немъ солдатъ поднялся (¹). Приходитъ въ одну избушку и просится пустить его жить. Его пустили. Вышелъ солдатъ въ поле и покатилъ три яйца, стали въ полѣ дома мѣдный, серебряный и золотой. Увидѣли дома царевны и пріостановили свои свадьбы; потребовали, одна башмаки, другая платокъ, третья платья. Солдатъ, по мѣрѣ заявленія требованій царевенъ, ходилъ въ дома, выносилъ изъ нихъ вещи, которыхъ требовали царевны, и отсылалъ во дворецъ съ старухой, въ избушкѣ которой жилъ. Тогда царевны просятъ позвать на сватьбу того портнаго, который шилъ будто бы вещи, доставленныя по ихъ заказу. Солдата позвали во дворецъ; онъ явился съ балалайкой; ударилъ по балалайкѣ—изъ нея выходитъ человѣкъ и начинаетъ плясать. Царевны нашли у него на лбу печати, которыя они положили и разсказали обо всемъ царю. Тогда царь велѣлъ казнить двухъ товарищей солдата.

№ 6. Рѣпа.

Одинъ старикъ сѣялъ рѣпу и завѣтилъ: кто первый отвѣдаетъ, тотъ три языка узнаетъ. Шедшій мимо человѣкъ слышалъ это и отвѣдалъ рѣпы; у него—только скажетъ слово, кромѣ устъ и еще изъ двухъ отверстій тоже слово раздается. Этотъ человѣкъ передаетъ свою болѣзнь кобылѣ, кобыла попу, попъ попадьѣ. Подробности разсказа не цензурны.

№ 7. Мулла и работникъ.

У одного муллы былъ работникъ и семеро телятъ. Однажды, послѣ дождика, замучился работникъ, не можетъ соединить телятъ въ одно стадо; сѣлъ подъ елку, тоскуетъ. Пришелъ къ нему старикъ и научилъ его: какъ пойдешь въ поле, мотни головой—всѣ телята въ одного теленка обратятся, а ко двору погонишъ, опять мотни головой: опять теленокъ

(¹) Баранъ явился вѣроятно потому, что въ старой редакціи стояло *ажидака* или *аждака*—змѣй.



распадется на семь телятъ. Такъ и сталъ дѣлать работникъ; но все таки ему житья не было отъ муллы. Вздумалъ мулла женить сына, взялъ невѣстку. Только легли молодые въ общую постель—работникъ мотнулъ головой и молодые срослись. Мулла призывалъ многихъ лекарей, но никто не могъ помочь горю. Послалъ мулла работника за ахуномъ; съѣздилъ работникъ, возвращается домой съ ахуномъ; дорогой ахунъ сошелъ съ кобылы за нуждой, сѣлъ, сдѣлалъ что хотѣлъ, и требуетъ чтобы работникъ обтеръ его; работникъ бѣгалъ, бѣгалъ по полю, наконецъ нашелъ мосолъ, приложилъ его къ тѣлу ахуна и мотнулъ головой: мосолъ приросъ. Ахунъ сталъ просить его указать средство, какъ отдѣлаться отъ мосла; работникъ говоритъ: приложи мосолъ подъ хвостъ кобылы. Ахунъ послушался, приложилъ: работникъ мотнулъ головой—мосолъ приросъ къ кобылѣ. Ахунъ взмолился и обѣщалъ, если работникъ его отдѣлитъ отъ кобылы и мосла, похлопотать за него. Работникъ освободилъ его и когда ахунъ пріѣхалъ къ муллѣ, то посовѣтовалъ ему отдать свою дочь за работника и надѣлить его домомъ и всякимъ добромъ ([1]).

№ 9. Мужикъ, сѣющій рѣпу, и медвѣдь.

Мужикъ сѣялъ рѣпу; медвѣдь говоритъ ему: „верхъ мой, низъ твой!“ „Ладно“, говоритъ мужикъ. Выросла рѣпа; собралъ мужикъ свою долю, а медвѣдю отдалъ вершки. Сгнила у медвѣдя доля. На другое лѣто мужикъ сѣетъ горохъ. Опять

([1]) Варіантъ этой сказки находится у Осетинъ. (Осетинскіе тексты Шифнера, въ Зап. Императ. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II). Осетинская сказка называется: «О сынѣ старшины, прозванномъ Мыстукусъ (мышиное ухо)», и начинается иначе: два алдара (старшины), встрѣтивъ другъ друга въ дорогѣ и освѣдомившись, что оба находятся въ грустномъ настроеніи потому, что жены у нихъ беременны, положили поженить ожидаемыхъ дѣтей, если они будутъ разныхъ половъ. Однако отецъ родившейся дѣвочки просваталъ ее другому; отецъ мальчика былъ огорченъ этимъ; сынъ, узнавъ отъ отца о причинѣ его огорченія, отправляется къ отцу своей суженой и нанимается въ пастухи телятъ. Градъ истребилъ весь скотъ въ полѣ; мальчикъ же спасъ своихъ телятъ, загнавши ихъ подъ дерево, а самъ залѣзъ въ дупло. Когда онъ возвращался домой, ему встрѣтился чертъ и далъ листокъ, отъ повертыванья котораго всѣ предметы прилипали другъ къ другу. Далѣе сказка разсказывается сходно съ вотской; въ концѣ юноша получаетъ свою невѣсту.

приходитъ медвѣдь и говоритъ: „Теперь пусть будетъ верхъ твой, а низъ мой!“ „Ладно“, говоритъ мужикъ. Пришло время, снялъ мужикъ горохъ, а медвѣжья доля опять сгнила.

№ 10. Заяцъ, лисица и журавль.

Заяцъ и лиса стали въ зимѣ строить дома и поспорили, чей домъ дольше простоитъ. Заяцъ построилъ домъ изъ костриги (пыши), а лиса изо льда. Весной домъ у лисы растаялъ; пошла лиса проситься къ зайцу въ домъ, заяцъ не пускаетъ. Она съ полѣномъ полѣзла къ зайцу на печь и выгнала его; убѣжалъ заяцъ въ лѣсъ. Поселилась лиса въ зайцевомъ домѣ и позвала въ гости журавля; насыпала ему въ кочевку гороху и угощаетъ. Журавль клюнетъ, горохъ покатится по ночевкѣ. Не наклевался журавль, ушелъ домой голодный и думаетъ: дай я ее заморю. Наклалъ онъ сметаны и масла въ „арьян вышкы“, т. е. узкую кадку (онѣ бываютъ вершковъ четырехъ въ діаметрѣ и аршина полтора вышиной) и позвалъ лисицу; про себя думаетъ: самъ я сметану достану, а она нѣтъ. А лиса залѣзла въ кадь, налакалась до сыта и вылѣзла.

№ 11. Три брата.

Жили три брата: двое умныхъ ѣздили торговать, младшій дуракъ все сидѣлъ на печи. Однажды, когда братья уѣхали, жены ихъ заставляютъ дурака сходить за водой. Дуракъ говоритъ: не хочу! Въ другой разъ посылаютъ, опять говоритъ: не хочу. Когда въ третій разъ послали, дуракъ взялъ коромысло съ ведрами, пришелъ на рѣку, зачерпнулъ и поймалъ щуку; хочетъ взять ее. Щука проситъ отпустить ея; пригожусь, говоритъ; только скажи: „щука говоритъ, я говорю“ (чипей шуэм сямэн мон шуэм сямэн) и все будетъ сдѣлано по твоему желанію (1). Дуракъ отпустилъ щуку и говоритъ: „щука говоритъ, я говорю: ведра идите домой!“ Ведра пошли домой. Пришелъ дуракъ домой и залѣзъ опять

(1) Въ татарскихъ варіянтахъ дуракъ говоритъ: берь худайнынг буюругу (вар. буйлугу) билян, акъ джиланнынг куйругу билян, т. е. повелѣніемъ единаго Бога, хвостомъ бѣлой змѣи (сообщено свящ. о Гавриловымъ).



на печь. Жены братьевъ опять посылаютъ его открыть трубу; говоритъ: не хочу! на повторенную просьбу опять отвѣчаетъ дуракъ: не хочу! а когда жены въ третій разъ послали, онъ сказалъ только: „щука говоритъ, я говорю: труба откройся!“ —и труба открылась. Испугались жены братьевъ, задумали погубить дурака; посылаютъ его за дровами въ казенный лѣсъ, думаютъ: поѣдетъ дуракъ съ дровами черезъ городъ, его схватятъ солдаты и убьютъ. Дуракъ сказалъ: „щука говоритъ, я говорю: сани явитесь!“ Явились сани. „Щука говоритъ, я говорю: солома ложись въ сани, топоръ ложись въ сани, сани поѣзжайте въ лѣсъ!“ Повезли сани дурака въ лѣсъ. Проѣзжая черезъ городъ, сани раздавили нѣсколько человѣкъ. Пріѣхалъ дуракъ въ лѣсъ и говоритъ: „Щука говоритъ, я говорю: сани стой! топоръ выруби рычагъ! рычагъ ложись возлѣ меня! топоръ наруби дровъ! дрова ложитесь въ сани, завяжитесь веревкой! сани поѣзжайте домой!“ Топоръ нарубилъ дровъ и вырубилъ рычагъ, дрова сложились, веревкой завязались и сами поѣхали домой. Но въ городѣ солдаты уже ожидали дурака и схватили его. Дуракъ говоритъ: „Щука говоритъ, я говорю: рычагъ, ты что дѣлаешъ, что смотришь!“ Рычагъ принялся бить солдатъ; солдаты разбѣжались. Пріѣхалъ дуракъ домой. Царь послалъ цѣлый отрядъ солдатъ взять дурака, но рычагъ опять прогналъ ихъ. Пріѣхали братья и стали уговаривать дурака отправиться къ царю. Дуракъ сказалъ тогда: „Щука говоритъ, я говорю: печь, вези меня къ царю“. Печь повезла дурака къ царю. Царь увидѣлъ его пріѣхавшаго на печи и отпустилъ, ничего не сдѣлавъ ему.

№ 12. Два яйца.

Ходилъ одинъ нищій и зашелъ къ нищему же ночевать; у того было немного муки сдѣлать табань (блинъ); онъ однако не пожалѣлъ, угостилъ гостя; табней хватило не только поужинать имъ обоимъ, но еще и на завтра осталось позавтракать. Прощаясь, гость говоритъ: „захочешъ ѣсть, приходи ко мнѣ въ городъ, я живу въ каменномъ домѣ; спрашивай купца Ивана“. Однажды бѣднякъ и отправился въ городъ, нашелъ купца Ивана и проситъ у него поѣсть. Купецъ говоритъ: „чѣмъ же мнѣ тебя накормить! У меня всего

только одно яйцо“, и отдалъ бѣдняку яйцо. Бѣднякъ вышелъ изъ города и думаетъ: „что я буду дѣлать съ этимъ яйцомъ? Много ли имъ наѣшься?“ Однако ударилъ яйцомъ: изъ него вышелъ солдатъ и спрашиваетъ: что нужно? „Ѣсть хочу“, говоритъ бѣднякъ. Солдатъ накрылъ столъ и накормилъ его. Бѣднякъ пришелъ домой, посредствомъ яйца накормилъ жену и потомъ назвалъ сосѣдей въ гости. Тѣ думаютъ: „что у него есть, что гостей зоветъ!“—однако собрались и онъ угостилъ ихъ. Кто то изъ гостей и укралъ яйцо. На завтра бѣднякъ хвать яйца—нѣтъ его. Пошелъ онъ въ городъ къ Ивану, говоритъ опять: ѣсть хочу! Иванъ далъ ему другое яйцо. Идетъ бѣднякъ дорогой, радуется, что опять будетъ сытъ. Стукнулъ яйцо, вышелъ солдатъ и спрашиваетъ: что нужно? „Ѣсть хочу“, говоритъ бѣднякъ. Началъ его солдатъ бить. Пришелъ бѣднякъ домой, созвалъ опять гостей и вызвалъ солдата изъ яйца; принялся тотъ бить гостей да приговаривать: „васъ угостили, а вы вмѣсто благодарности яйцо украли? отдайте!“ Укравшій яйцо возвратилъ его и старикъ сталъ жить въ довольствѣ ([1]).

№ 13. Женитьба царевича при помощи его дядьки.

Одинъ старикъ, имѣвшій трехъ сыновей, построилъ новый домъ и послалъ сначала старшаго сына ночевать въ немъ, а на другой день спросилъ его: что видѣлъ во снѣ? „Тебя по вѣкъ поить—кормить въ этомъ домѣ“, отвѣчалъ сынъ. На другую ночь въ новомъ домѣ ночевалъ второй сынъ и на вопросъ отца, что онъ видѣлъ во снѣ, отвѣчалъ тѣми же словами, какъ и старшій сынъ. На третью ночь ночевалъ младшій сынъ. На разспросы отца о снѣ, онъ отвѣчалъ, что ничего не видѣлъ во снѣ. Отецъ велѣлъ привязать его нагаго къ березѣ; на ней было много пауковъ, которые кусали несчастнаго, онъ кричалъ, но ничего не сказалъ. Отецъ велѣлъ такъ его и оставить. Ѣхали купцы изъ города, спросили его: что за человѣкъ? „Не знаю“, говоритъ привязанный. Откуда ты? „Не знаю!“ Кто тебя привязалъ? „Не

([1]) Въ татарскихъ варіантахъ второй подарокъ, который мститъ за покражу перваго, заключается въ кулѣ, внутри котораго находится «тогуз токмак», девять кототушэкъ (Сообщ. о. Гавриловымъ).

знаю!“ Купцы отвязали его отъ березы и привезли въ городъ. Царь велѣлъ его посадить въ каменный балаганъ. Въ это время царскій сынъ поѣхалъ жениться; невѣста хочетъ убить царевича: она была волшебница. Царевичь пишетъ объ этомъ письмо домой къ своей сестрѣ, сестра дѣлаетъ кличь въ народѣ; заточенный въ каменномъ балаганѣ говоритъ, что онъ можетъ избавить царевича отъ смерти, но требуетъ запись, что сестра царевича выйдетъ за него за мужъ; царевна даетъ запись. Тогда его выпускаютъ на волю; онъ требуетъ себѣ одиннадцать товарищей лице въ лице, цвѣтомъ волосъ и ростомъ какъ онъ самъ и, нашедши такихъ товарищей, ѣдетъ къ царевичу, который въ это время жилъ у невѣсты. Дорогой двѣнадцать товарищей видятъ избушку, въ которой черти дерутся; онъ велитъ товарищамъ идти дальше, а самъ заходитъ въ избушку. „О чемъ спорите?“ спрашиваетъ онъ чертей. „А тебѣ что за дѣло, убьемъ если будешь вмѣшиваться“. „Мнѣ что, говоритъ, хоть убейте другъ друга“. Тѣ опять говорятъ: „а что, не лучше ли спросить совѣта у дорожнаго человѣка; спросимъ о коврѣ“. „А что за коверъ?“, „А такой коверъ, что сядешь на него и полетишь куда захочешь“. Онъ выстрѣлилъ и говоритъ чертямъ: кто первый принесетъ стрѣлу, тому коверъ и достанется. Убѣжали всѣ черти за стрѣлой, а онъ сѣлъ на коверъ и улетѣлъ. Черти вернулись и остались безъ ковра. Такимъ же образомъ онъ пріобрѣтаетъ и шляпу невидимку. Съ этими вещами онъ прибылъ къ царевичу. Невѣста задаетъ царевичу загадку: что я найду, найдешь-ли? „Найду“—отвѣчаетъ царевичь по совѣту своего прибывшаго помощника, который между тѣмъ успѣлъ уже прикрывшись шляпой невидимкой, послушать разговоръ царевичевой невѣсты съ ея матерью. Невѣста послала въ лавкѣ купить общипанную утку, а парень, помощникъ царевича, въ той же лавкѣ купилъ селезня. Царевна и царевичь положили свои покупки въ тазъ съ водой. Царевнина утка вылетѣла изъ таза серебряной уткой, а царевичевъ селезень серебрянымъ селезнемъ и потопталъ утку. Тогда церевичева невѣста идетъ къ своему дѣду, который сидитъ за двѣнадцатью замками. Дѣдъ даетъ своей дочкѣ три волоса изъ головы, а парень, пришедшей за ней въ шляпѣ невидимкѣ, выхватилъ цѣлую горсть: „Что ты дочь дѣлаешъ!“ вскрикнулъ старикъ отъ боли. Потомъ дѣдъ даетъ ей три волоска изъ бороды, а парень опять выхватилъ цѣлую горсть. Невѣста по-

казываетъ царевичу шесть волосовъ, а царевичь ей двѣ горсти. Тогда царевна выходитъ замужъ за царевича; она хочетъ открыть, кто изъ двѣнадцати состоящихъ въ свитѣ царевича помогаетъ ему и кладетъ на подозрѣваемаго мѣтки, но у нихъ на другой день у всѣхъ тѣже мѣтки. Всѣ двѣнадцать ѣдятъ одной ложкой и ложатся спать въ одну постель, другъ на друга. Наконецъ царевичь и царевна поѣхали, а двѣнадцать товарищей оставили пировать двѣнадцать дней. Потомъ одинадцати велѣли ѣхать по домамъ, а парень, который помогъ царевичу жениться, поѣхалъ къ царевичу въ домъ и женился на его сестрѣ. Жена царевича говоритъ мужу, что этотъ парень очень мудрый и потому его нужно погубить. Но тотъ въ своей шляпѣ невидимкѣ все подслушиваетъ и на другой день спрашиваетъ, зачѣмъ его хотятъ убить? Тогда царевичь дѣлаетъ его по смерти своего отца царемъ. Пріѣхалъ къ царевичу одинъ купецъ и проситъ денегъ въ долгъ; царевичь говоритъ ему: „Теперь новый царь; не знаю, даетъ ли?“ Купецъ идетъ къ царю; тотъ оставляетъ его ночевать. Ночью купецъ захотѣлъ пить и нашелъ воды въ тазу, въ которомъ царь вымылъ ноги. Онъ выпилъ этой воды, подумавъ: царскія ноги чисты. Утромъ царь называетъ купца отцемъ. „Какъ я тебѣ буду отцемъ?“ спрашиваетъ купецъ. Царь разсказываетъ свою жизнь и свои приключенія, которыя начались съ того, какъ однажды онъ долженъ былъ по приказу отца ночевать въ новомъ домѣ и послѣ разсказать свой сонъ; но онъ увидѣлъ во снѣ, что отецъ его выпьетъ воду, въ которой онъ вымоетъ ноги, и не могъ сказать сонъ отцу, за что и былъ привязанъ къ березѣ. „Если бы я разсказалъ тогда этотъ сонъ, ты бы убилъ меня“ сказалъ царь. „Это правда“, сказалъ отецъ (1).

---

(1) Началомъ сказка напоминаетъ сказку крымскихъ татаръ о богатырѣ Фетлѣ. Сынъ видитъ сонъ и не хочетъ разказать отцу, за что отецъ его прогоняетъ. Не хочетъ онъ разсказать и царю, который за это садитъ его въ тюрьму. Изъ тюрьмы Фетла находитъ однако ходъ къ царской дочери и посѣщаетъ ее каждую ночь, Сосѣдній царь Чурскій Султанъ присылаетъ лукъ; никто въ государствѣ не можетъ натянуть его; царская дочь напоминаетъ царю о Фетлѣ, посаженномъ въ тюрьму. Фетла натягиваетъ лукъ и женится на царевнѣ, послѣ чего ѣдетъ къ Чурскому Султану; на дорогѣ находитъ товарищей, при помощи ихъ разнообразнаго искусства одерживаетъ побѣду на игрищахъ, а когда султанъ хочетъ отравить Фет-

№ 14. Шурали.

Отецъ моего дѣда Джулдашъ получилъ прозванье Иманай. Этотъ Иманай все время проводилъ въ лѣсу и, стрѣляя изъ лука, множество дикихъ звѣрей убивалъ. Однажды, заночевавъ въ лѣсу, сидѣлъ онъ у огня; на разложенный огонь прибѣгаетъ къ нему съ ржаньемъ и крикомъ Шурали и говоритъ: Иманай, широкая борода, здорово! („джуан сакал Иманай исэнь-му"), а самъ пляшетъ. Потомъ, поздоровавшись, Шурали спрашиваетъ Иманая: ты ночью какъ спишъ? Иманай отвѣтилъ: „я ночью сплю крѣпко, какъ чурбанъ,—ничего не слышу; а ты какъ?" Шурали говоритъ: „а я когда сплю, сначала изъ моего рта дымъ идетъ, а потомъ искры полетятъ, вотъ какъ я сплю". Поговоривъ, легли они спать, немного спустя Шурали заснулъ и сначала у него изо рта дымъ шелъ, а потомъ искры полетѣли. Поспѣшно вставъ, Иманай отрубилъ чурбанъ и, положивъ на свое мѣсто, прикрылъ своей одеждой; потомъ взялъ лукъ и стрѣлы, ушелъ къ одной соснѣ и сѣлъ подъ ней. Шурали проснувшись и думая, что Иманай спитъ на своемъ мѣстѣ, взялъ желѣзный заостреный колъ и положилъ его въ огонь. Когда колъ накалился, Шурали вынулъ его изъ огня и воткнулъ въ чурбанъ, прикрытый Иманаевой одеждой. Иманай выстрѣлилъ въ это время и стрѣла, попавъ Шурали въ грудь, вышла въ спину. Шурали сказалъ: „молодецъ Иманай!" —и сталъ просить, чтобы Иманай вторично выстрѣлилъ, но Иманай отказался и Шурали сказалъ: „оттого что ты не стрѣляешъ вторично, я долженъ умереть. Выслушай мои послѣднія слова. У меня есть дома дочь. Возьми ее за себя замужъ; послѣ моей смерти у нее никого не будетъ, кто бы ее призрѣлъ. Если завтра, вставши, пойдешь по слѣду моей крови, то найдешь мою дочь". Назавтра Иманай, идя по кровавому слѣду, нашелъ Шураліеву дочь одиноко сидящую въ домѣ и горько плачущую по отцѣ. Иманай женился на ней. Дочь Шурали дала ему совѣтъ, чтобы онъ никогда не являлся къ ней, не предупредивши; всегда прежде,

---

лу, одинъ изъ товарищей сдѣлался невидимкой, переставляетъ блюда и султанъ отравляется. (Кондараки: «Универсальн. описаніе Крыма», ч. 13, стр. 82—92.



чѣмъ отворить дверь, онъ долженъ былъ кашлянуть или потопать ногами, чтобы предупредить ее. Такъ Иманай и дѣлалъ. Но однажды его разобрало любопытство и онъ вошелъ въ домъ не кашлянувъ. Онъ увидѣлъ тогда, что жена его сидитъ и, держа на колѣняхъ снятыя, какъ шапка, волосы, ищетъ въ нихъ вшей. Какъ только онъ отворилъ дверь,—она упала и тутъ же умерла.

Дѣтскія пѣсни.

(Сообщена о. Б. Гавриловымъ; поется у крещеныхъ татаръ Мамадышскаго уѣзда).

Уйсу джирнынг уинда	На земельной впадинѣ
Минсылыунынг туинда	На свадьбѣ Минсилыу
Ашадылар ичтылар тойдылар	Поѣли, попили, насытились,
Кумыш срга джуйдилар	Потеряли серебряную серьгу.
Ана аг идильнынг боинда	Вонъ, возлѣ Камы
Ике ала каз утыра	Сидятъ два пѣгихъ гуся,
Петер билян Ишмяки	Петръ съ Ишмякеемъ
Киняш итыб утыра	Совѣтуются.
Итмяс ійә киняшнә	Не стали бы совѣтоваться,
Срга джуйган баласы	Потеряло серьгу дитя ихъ,
Срга джуйса баласы	Хотя и потеряло,
Кисмек туплюй бабасы	Да дѣдъ придѣлываетъ дно къ кадкѣ,
Туплесы да сатаса	Вставитъ дно да продастъ—
Кызына срга аласы.	Вотъ и купитъ дочери серьгу.

(Сообщена имъ-же; поется тамъ-же).

Дегенней улым,	Дегенней (¹) сынокъ,
Дегенней улым	Дегенней сынокъ!
Атанг минә кійный улым	Отецъ меня бьетъ, сынокъ.
Атанг куук булгачтын	Когда ты сдѣлаешься такимъ же, какъ отецъ,
Синьда атанг ны кійна улым.	И ты отца бей, сынокъ.

(¹) Дегене, по алтайски—племянникъ со стороны матери.

(Записана отъ киргизъ баякъаульскаго округа Семипалатинской области).

Али, али ǎппагам	Али, али, милочка!
Кǒзнынг джюны калпаган	
Акэм кэлэп той соар	Отецъ придетъ, жеребенка зарѣжетъ,
Шишэн кэлэп май берер	Мать придетъ, сала дастъ.
Джилаум уидый койдерер	Плачъ заставитъ домъ бросить.
Биздынг масфут кайд' икен	Спросятъ, гдѣ нашъ Масфудъ?
Кыздар минэн тойд' икен	Съ дѣвушками на праздникѣ,
Тойд' отурса отурсун	Если на праздникѣ, пусть сидитъ.
Колна джǒзюк толторсун	Пусть пальцы перстнями унижетъ.
Казакка джаман болсада	Если киргизамъ не нравится,
Узюмэ джаксы аппагом	То для меня ты милое дитя!

Биздынг бǒпэ кайд' икен	Гдѣ наше дитя?
Кыздар минен тойд' икен	Дѣвушки позвали его на праздникъ.
Кызыл алма колунда	Съ краснымъ яблочкомъ онъ въ рукѣ,
Кыздар минен соонда	А дѣвушки вслѣдъ за нимъ.

(Записано у крымскихъ татаръ въ деревнѣ Капсихаръ Ѳеодос. уѣзда).

Поется во время вѣтра:

Фортуна, фортуна (1)
Мин бабаным сыртына
Алсынъ китсын кардана
Сатсын вереин бордзына.

Поется во время дождя:

Яг яг ямур
Чилледы чамур
Текнеды амур.

---

(1) Фортуна—буря на языкѣ горныхъ татаръ въ Крыму.

Растенія.

(Сокращенія: Мышк. — Мышкина рукоп. словарь; Салаг. —Салагушъ, тат. деревня).

Acer platanoides L. (кленъ) Вотское *бадяръ.* Татарск. *чаган—а—гач; уранiы, урянiы.*

Achillea millifolium L. Тат. *аши псян* (горькая трава). Черем. *оша буян шудо.*

Actea spicata. Русск. (елаб. уѣзда) *бабы сердце.* Вот. *лыыр.*

Aconitum Lycoctonum. L. Вот. *гондыр кудо*, т. е. сватъ медвѣдя (?). Если его поѣсть, долго спать будешь. Медвѣдь осенью передъ тѣмъ, какъ ложиться въ берлогу, выкапываетъ этотъ корень и ѣстъ. Татарское *аю табаны*, т. е. медвѣжья лапа. Русск. елабуж. у. *христопрятка*; у елабужскихъ крестьянъ существуетъ преданіе, что подъ этимъ растеніемъ прятался Христосъ и корень растенія былъ истыканъ копьями жидовъ, почему онъ и теперь дыроватый. Черем. *полдран*; *ушкал буч*, т. е. коровій дягиль.

Agaricus muscarius L. Черем. *карму понго.*

Agrostemma-Githago L., куколь. Вот. *букро.* Тат. *сабын пшян,* т. е. мыльная трава; *бакрд.*

Agrimonia Eupatoria. Тат. *псэй куйругы*, т. е. кошачій хвостъ.

Allium Cepa L. Лукъ. Вот. *сугон*

Allium satirum L. Чеснокъ. Вот. (Мышк.) *кумыз.*

Alnus glutinosa, ольха. Вот. *лулпу.* Тат. *джирык* (?); *арямэ* (арямэ собственно ольховникъ; по вотски *арама*—займище). Черем. *нўльпў.*

Aegopodium Podagrarium. Тат. *шäрда.*

Artemisia—? Тат. *ак арэм* (?).

Aspidium Filix femina. Вот. *шиктанныт, çиктанныт,* (отъ *çиктан*—кодочикъ, орудіе для плетенія лаптей); *кэжиныл.* Тат. *кара абагы.* Черем. *шуркан.*

Avena sativa. Вот. *сежы* Черем. *шулё.*

Beta vulgaris Moqu. свекла. Вот. *горд кушман,* т. е. красная рѣдька. Черем. *ёшкар ушмэн.*

(*) Ср. русское названіе Сокдаръ, которое впрочемъ дается другому растенію: Ranunculus acris, см. Анненковъ, Бот. Сл., 290. Повѣрье о медвѣдѣ, добывающемъ хмѣльной корень, сообщается объ Anemone patens (ib., 34).

Betula alba, береза. Вот. *кэчпы*. Черем. *куз*.

Brassica Rapa L., рѣпа. Вот. (Мышк.) *сярчи*.

Caltha palustris L. Черем. *комбо шудо*, т: е. гусиная трава.

Camelina sativa. Вот. *шипкон*. Русск. елаб. у. *рыжикъ*.

Campanula—? Вот. *гырлытурум*, (*гырлы*—колокольчикъ, *турум*—трава).

Campanula (другой видъ). Тат. *кукы казаны*, т: е. котелъ кукушки. (Мамад. уѣзда): *марджа батаги*, т: е. Maria vulva (Салаг.). Вот. *улышіон* (шіон—ѣда). Вотскіе и татарскіе дѣти, гуляя въ лѣсу, накладываютъ въ эти колокольчики ягодъ и вмѣстѣ съ цвѣтами съѣдаютъ. Черемиск. *корак ёлаш*.

Cannabis sativa L., конопля. Вот. *пыш*. Черем. *кине*; посконь—*пачаш*.

Capsella bursa pastoris, L. Тат. *аби биты*, т: е. бабушкина вошь.

Carduus—? Вот. *кый боды*, т: е. посохъ змѣи. Татарск. *шайтан таягы*, т: е. палка дьявола. Черем. *шайтан шоор бондо*.

Carum Carvi, L. Тат. *анис*.

Centaurea Cyanus. Тат. *кук сясяк*, т: е. синій цвѣтокъ, *кок шяшка*; *кок тäтäй*. Вот. *лыз шяшка*, т: е. синій цвѣтокъ. Черем. *конда-буян*.

Chenopodium, лебеда. Тат. *ала бута*. Вот. *поод*. Чер. *кон-шудо*.

Cirsium arvense, осотъ Тат. *бпльчан*. Вот. *яны*. Черем. *пельчан*.

Convulvulus arvensis L. Вот. *пуны шюл* (çул), т: е. собачьи кишки. Татарск. *иш ичек*, собачьи кишки.

Corylus Avellana L., лещина. Вот. *пашпу*; орѣхи—*пашмули*. Черем. *пукшъ*.

Crataegus Oxyacantha, боярышникъ. Татар. *камыр агачъ*. (Салаг).

Cucumis sativus L., огурецъ. Вот. *кіяр*. Черем. *кіяр*.

Daphne mezereum, Вот. *кіон-нинь*, т: е. волчье лыко. Ягоды по татарски *бурӧ бурошӧ*, т: е. волчій перецъ.

Daucus carota, морковь. Вот. *чучи-кушман*. Черем. *кэшэр*.

Delphinium Consolida. Вот. *кузял-турум*, т: е. горькая трава.

Equisetum, хвощъ. Вот. *ширбыж*. Тат. *чирше-улеме*,— елка трава.

Eruum Lens L., чечевица. Тат. *ясмык, джасмык*. Вот. *ясник, ясьык*. Черем. *ясмык*.

Fagopyrum esculentum. Moench. Тат. *кара будай*, т: е. черная пшеница. Вот. *шöд - шябей* т: е. черная пшеница. Черем. *шемшедан*.

Fragaria collina Fhrh. клубника. Тае. *джеръ-джиляги*, т: е. земляная ягода, Вот. *боры́*.

Fragaria vesca, L., земляника. Тат. *каин-джиляги*, т: е. березовая ягода. Вот. *узы́*. Черем. *иснэга*.

Galeopsis Tetrahit., русск. въ елабуж. у. *жабрей*. Тат. *кузмут*. Вот. *порни*. Черем. *косятѝ*.

Galium—?, употребляется въ краску. Тат. *шерлан*. Вот. *вжипуд*. Черем. *сырланга*; *пютрилчо*.

Geranium pratense. Черем. *шюм-шудо*.

Geum urbanum. Вот. *иж-люгы*, т: е. овечій лопухъ. Чер. *чючю-шудо*.

Helianthus annuus, L., подсолнечникъ. Тат. *ай багар*., буквально—на луну смотрящій. Вот. *дурманкѝ*.

Hordeum vulgaris L., ячмень. Тат. *арпа*. Вот. *иды*. Чер. *шожъ*.

Humulus lupulus L., хмѣль. Тат. *кулмак*. Вот. *тус*.

Hyosciamus niger, бѣлена. Тат. *кетермеш*. Черем. *шукшудо;* курятъ сѣмена отъ зубной боли; дѣти объѣдаются сладкихъ корней.

Hypericum perforatum L., звѣробой. Тат. *сары матрушкö* (сары—желтый, матрушко—см. Origanum). Вот. *кэткыльтурум;* употребляется отъ поноса. Черем. *люгуш*.

Inula Britannica L. Тат. *итлы шяшка*, т: е. цвѣты съ собаками (*).

Iuniperus communis L. Можжевельникъ. Тат. *артыш агачы́*. Вот. *сусы-пу*.

Lappa tomentosa, лопухъ. Тат. *арикмянъ; апрян джапраги;* цвѣтокъ: *тигянэк*. Вот. елабуж. у. *люгы́;* вот. глазов. у. *арыкман*; цвѣт. головка *люгы*. Черем. *горшанга*.

(*) Въ Никольск. у. Вологод. губ. Leucanthemum Chrysanthemum зовутъ *попами*; дѣти, сорвавъ цвѣтокъ, приговариваютъ: «попъ, попъ! выпусти собакъ»! и ждутъ, когда изъ цвѣтка поползутъ черненькіе жучки Staphylinus'ы.



Leontodom (?) Вот. *кеч яны*, т: е. козлиное молоко.

Linaria vulgaris. Черем. *нарынджи-буян.*

Linum usitattissimum, L., ленъ. Вот. *этин.* Черемиск. *джитын.*

Lonicera (xylosteum?), жимолость. Тат. *зельпе.* Вот. *гузен-пу.*

Lychnis Chalcedonica, L., барская спѣсь; рус. въ елаб. у. *мыльчики.* Вот. *чяфран*

Lychnis flos cuculi, L. Тат. *шипшек джилемѐ*, т: е. воробьиный клей.

Lycoperdon Bovista, L., порховка. Тат. *джеръ-кукей*, т: е. земляное яйцо, а въ спѣломъ видѣ *тузгак* (отъ *туз*, пыль; есть татар. глаголъ: *тузана,* пчелы роятся; по вотски пыль *тузан*). Татарское повѣрье: если пыль отъ тузгака попадетъ въ ухо человѣка, оглохнетъ. Вот. *гудури-пуз* (*гудури*—громъ; второй членъ встрѣчается въ названiи куринаго яйца: *курэк-пуз*; отдѣльно *пуз* не употребляется и для яйца вообще есть особое слово: *кукяй*). Споровую пыль кладутъ въ уторы кадокъ, чтобъ не текли; а также подкладываютъ подъ дѣтей въ люльки, чтобы заднiя части ребенка не прѣли. Черемиское *пужга поню.*

Malva rotundifolia, L., проскурнякъ. Тат. *мяче борчагы,* т: е. кошачiй горохъ, *мяче бятяге* (vulva felina). Вот. *пыныкыжи*, т: е. собачiй горохъ.

Melilothus officinalis, L., донникъ. Тат. *кандалы-псян,* т: е. клоповая трава; *сарбан* Вот. *урбо-турум*, т: е. клопоая трава. Употребляется для истребленiя клоповъ.

Mentha arvensis, L., мята. Вот. (Мышк.) *бытник.*

Muscus, мохъ. Вот. (Мышк.) *джуй.* Черем. *мокъ.*

Myosotis palustris, незабудка. Вот. *пошькы шiин*, т: е. ласточкинъ глазъ.

Origanum vulgare, L., душица. Тат. *матрӳшкӧ.* Вот. *пыш-турум.* Черем. *корма-шудо.*

Orobus vernus, L. (?), горохъ. Тат. *тiин торнак*, т: е. коготь бѣлки. Черемисское *соло.*

Paeonia, пiонъ, марьинъ корень. Вот. *иньвожо çаçка.*

Panicum meliaceum, L., просо. Вот. *тари.* Черем. *тар.*

Papaver somniferum, L., макъ. Вот. *мак.* Черем. *мак.*

Paris quadrifolia, L, воронiй глазъ. Вот. *куака-шiин*, т: е. галчиный глазъ.

Phlomis tuberoso, L. Вот. *баджим пуш-турум.*

Pinus Abies, Du Roi, пихта. Вот. *нелпы.* Черем. *нулго.*

Pinus Picca, Du Roi, ель. Вот. *кыз.* Черем. *кож.*

Pinus sylvestris, L, сосна. Вот. *пужон.* Черем. *пынджe.*

Pisum sativum, L., горохъ. Вот. *кыжи.* Черем. *пурсà, пурсѝ.*

Plantago major, L, подорожникъ. Вот. *додикертон, пужи-куар* (*пужи*—рисунокъ, *куар*—листъ). Тат. *кіяу камчисы,* плеть жениха. Черем. *сӯснапылыш*—т: е. свиное ухо.

Роа (?). Тат. *каз-уты* (когда только что выходятъ изъ земли); *сюсян уты* (въ спѣломъ состояніи).

Polygonatum officinalis, L. Тат. *кàза сакалы,* т. е. козья борода. Вот. *тури-весь,* т. е. журавлины бусы.

Polygonum Convoulvulus, L. Черем. *сырланга.* Смѣшиваютъ съ Palium.

Populus tremula, осина. Вот. *пипу.*

Prunus Padus, L., черемуха. Тат. *шумурт.* Вот. *лёмпу.* Черем. *ломбу гычкэ*; *ломпа.*

Pteris aqnilina, L. Тат. *абагы.* Вот. *тури кук,* журавлиная нога. Черем. *кӯртніол шудо.*

Pyrus Malus, яблонь. Вот. *улмо-пу.* Черем. *амна.*

Ranunculus acris L. Тат. *даул шашкясы,* т: е. вѣтрянный цвѣтокъ. Черем. *тамаса шудо.* Вот. *питанча.* Русск. въ елаб. уѣздѣ *купальница.*

Rhaphanus sativus L., рѣдька. Вот. *кушман.* Черем. *ушмэн.* Тат. *трма.*

Rhynantus Cristo galli L. Тат. *камчау улямы,* (*улям*—трава на языкѣ крещеныхъ татаръ); этой травой лечатъ отъ болѣзни камчау. Вот *шальтра-торум.* Черем. *оксѝ шудо,* т: е. деньги—трава.

Ribes nigrum L, смородина. Тат. *кара-карагалан.* Вот. *шбд-сутэр.* Черем. *чоптур.*

Ribes rubrum L., красная смородина. Тат. *кызыл-караган.*

Rosa canina, L., шиповникъ. Тат. *ит-буруну,* т: е. собачій носъ. Вот. *лэгэчь-пу.* Черем. *лӧкаман.*

Rubus Idacus L., малина. Тат. *кура-джилягы.* Вот. *эмесь.* Черем. *енгиж.*

Rubus saxatilis, L. Тат. *бурлюгун.* Вот. *намэр.*

Rumex Acetosa, L., щавель. Тат. *кузгалак.* Вот. *кузюквар,* т: е. кислый листъ.

Rumex (Hydrolapatium ?) Вот. *чуни-быж,* т. е. хвостъ жеребенка. Черемиск. *чомà.*

Querquus дубъ. Вот. *тыпы*; жолудь: *тыкмыги*. Черем. *тумо*.

Saponaria officinalis, L. Тат. *шипшик сабаны*, т: е. воробьиное мыло.

Salix, ива. Вот. *вайдпу, бадъпу*. Черем. *шарангэ*.

Sanguisorba officinalis, L Тат. *тупи шяшка*. Вот. *горд-ир*, т: е. красная голова.

Sclerotium Clavus, D. C. Вот. *уж-зизек* т: е. рожь-самецъ. Тат. *арыж акасы*, т: е. мать ржи.

Secale cereale, L. рожь. Тат. *арыш*. Вот. *жижек* или *зизекъ*. Чер. *ружа̀*.

Sedum Telephium. Вот. *улыб-турум*.

Sorbus Aucuparia, L, рябина. Тат. *миляш* (Салаг). Вот. *калэзъ* (Мышк.). Черем. *пйзля*.

Spiraea Ulmaria, L. Тат. *кырлык*. Вот. *тузъ*. Черем. *корда̀*. Русскіе: *лабазникъ*.

Tilio parvifolia, L., липа. Вот. *пуппы*, *беризъ-пуе* (?). Черем. *пиште*; лутошка—*лымыште*.

Trapagopogon pratensis, L. Вот. *булук-турум*.

Triffolium pratense, L. Тат. *токран-баши* или *тукрам-баши*, т: е. голова дятла. Вот. *шизъ-ир*, дятлова - голова. Черем. *керъ губуй-шудо*.

Triticum Spelta L., полба. Тат. *брой*. Вот. *важ*; *вазъ* Черем. *бистэ*.

Triticum vulgare, L., пшеница. Тат. *будай*. Вот. *шябэй*, Черем. *шидан*.

Trollius europeus, L. куповка. Вот. *италмас*. Черем. *онгур-буянг* (?)

Tussilago Farfara, мать и мачиха; русск. въ елаб. у. зовутъ *студеный лопухъ*. Тат. *угэй джапрагы*, т: е. листъ сиротки. Вот. *ву-куар*, т: е. водяной листь. Черем. *манда-шудо*.

Ulmus campestris, илимъ. Черем. *налго*.

Ulmus·effusa, вязъ. Вот. *ширпу* (çирпу). Чер. *шола*.

Uredo Pegetum vers., головня. Вот. *шум-шэп*, т: е. угольный колосъ. (Мышк. *серенпум*).

Urtica urens, L. крапива. Вот. *пушнер*. Черем. *нуж*.

Vaccinium Myrtillus, L., черника. Тат. *кара-джилягы*, т: е. черная ягода.

Vaccinium Oxycoccus, клюква. Тат. *мук-джилягы*, т: е. моховая ягода. Вот. *юрмоли*.

Vaccinium Vitis Jdaea, L, брусника. Тат. *нарат-джиляпы*, т: е. сосновая ягода. Вот. *лягмули*. Черем. *пöчюжъ*.

Veratrum album (?). Тат. *ак-сыпгак*.

Verbascum Thapsus. Вот. *кус-турум*.

Viburnum Opulus, калина. Тат. *балан*. Вот. *шупуд* (ягода—*шу*) Черем. *пулан бундо*.

Vicia cracca, мышиный горохъ. Тат. *тытчкан-бурчагы*, мыш: горохъ. Мамад. у. *гаршкӓ* (Салаг.). Черем. *писбло*.

Viola tricolor, L. Вот. *посъкы пужи*, т: е. ласточк. цвѣтъ.

Waleriana officinalis, *маунъ*. Черем. *азяра шудо*.

Растенія, оставшіяся безъ опредѣленія:

Татарскія: *Таук кузö*. Если принести это растеніе въ домъ, то случится пожаръ.

Урман-кокысы.

Ирын-джарпашы, буквально—губоѣдъ.

Кара арэм (чернобыльникъ) (?)

Ат-кабыргасы (лошадиное ребро).

Шима купша (тоже растеніе, что по вотски *пикан*).

Сасы купша.

Джунну купша.

Тиле-купша

Ашӓлчи (по вотски также *ашялчи*), какое то душистое растеніе.

Баллы кыяк; какое то губоцвѣтное.

Таракань-тмыръ.

Тилитуш урлугы (Hyosciamus или Datura?)

Терс гумбöсы (шампиньонъ?)

Джеръ-картасы, родъ гриба.

Джиланъ гумбöсы, родъ гриба.

Чиршэ гумбöсы, родъ гриба.

Вотскія:

Мукули; весной появляется на пахотныхъ поляхъ; ѣдятъ. (Equisetum arvense ?).

Кукы катà, кукушкины башмаки (Cyprepedium ?)

СПИСОКЪ МѢСТНЫХЪ НАЗВАНІЙ ЖИВОТНЫХЪ.

Aegoceros hircus, коза. Вятское *кечь*. Черем. *каза*.
— ♂ козелъ. Вотское *кеч така*. Черем. *каза тагà*.
козленокъ. Вотское *кеч ни* Черем. *паран*.

Bos taurus ♂, быкъ. Вотское *ош*.
♀ корова. Вотское *скалъ, искалъ*. Черем. *ушкю, ушкал*.
телёнокъ. Вотское *кюняк*. Черем. *рэзя*.

Camelus bactrianus, L., верблюдъ. Вот. (Мышк.) *дуэ*.

Canis lupus, L, волкъ. Вот. *кіон*. Черем. *пире*.

Canis vulpes, L, лисица. Вот. *жючи*, *жече*, *ючи*. Черем. *рыбыж*, *рывыж*.

Canis familiaris, L. собака. Вот. *пуны*, *пыны*, *пуну*.
щенокъ. Вот. *куча пи*.

Castor Fiber, бобръ рѣчной. Татарское *кундуз*. Вот. (Мышк.) *мый*.

Cervus Alces, лось. Вот. *коик*. Черемиск. *шордо*.

Cervus tarandus, сѣв. олень. Вот. *пужей*. Черем. *пычо*.

Crycetus. Татарск. *комак*. Вот. *комак*.

Equus caballus, жеребецъ ♂ Вот. *ужвал*. Черем. имне (?)
кобыла ♀ Вот, *ирвал*. Черем. *булё*.

Equus caballus, лошадь. Вот. *вал*.
жеребенокъ. Вот. *чуни*. Черем. *ожо*.

Erinaceus vulgaris, L., ежъ. Вот. *шушіял*. Черем. *шòншо*. (Не разборчиво говорящему говорятъ: „ты ровно шòншо").

Felis domestica, кошка. Татарск. мамад. уѣздъ *мячи*: ласкательное *пясей*. Вот. *писей* (Мышк.) *кочик*. Черем. *парые*.

Felix Lynx, рысь. Тат. *слеусан*. Вот. *валян* (У Гаврилова: *балян*, стр. 47, Мышк.. *курэл*).

Hypudeus amphibius, кротъ. Тат. (Мам. уѣзда) *арлян*, (Салаг) *орлан*. Вот. *арлан*. Черем. *орлàн*.

Lepus timidus. Тат. *прусак* (Салаг). Вот. *пурсак*. Черем. *чубар-мерян*.

Lepus variabilis. Тат. *куян* (*). Вот. *луд кечь* (дикая коза). Черем. *мерян*.

(*) Есть еще сортъ *ур-кояны*; когда другіе зайцы стоятъ 10 коп., шкурка ур-кояны цѣнится въ 60 к.

Lutra vulgaris, выдра. Тат. *кама*. Вот. (Мышк.) *уад*. Черем. *комà*.

Meles taxus, барсукъ. Тат. *борсàк*, крещ. въ Мамад. у. *бурсык*. Вот. *бурсук*. Черем. *нерге*.

Mus musculus, L., мышь. Вот. *шир*. Черем. *кдля*.

Mus decumanus, крыса. Тат. *орлан*, Вот, *орлан*.

Mustella erminea, горностай. Тат. *ос*, крещ. мамад. у. *ас*. Вот. *шижмыр*, (Мышк.) *чежмер*. Черем. *йос*.

Mustella Putorius, хорекъ. Тат. (крещ. мамад. уѣзда) *сасы кузён*. Вот. *бузарà*.

Mustella vulgaris, ласочка. Тат. *ятчà*; *джатчà*; крещ. мамад. у. *лятчà*. Вот. *юрмэк*, (у Гаврилова: *јўрмэк*, стр. 54. Мышк. *юрмэг*).

Mustella lutzeola, норка. Тат. мамад. у. *чашкè*. Вот. *чан*. Черем. *шашкà*.

Mustella martes, куница. Тат. *соосар;* крещ. мамад. у. *сусар*. Вот. *çорө*. Чер. *луй*.

Mnstella zibellina, соболь. Вот. (Мышк.) *низ*.

Ovis airies, овца. Тат. *сарык*. Вот. *ыж;* (Мышк.) *иж*. Черем. *шорык*.

Ovis airies, ♂ баранъ. Тат. *сарык-такăсы*. Вот. *такà*, *ыж така*. Черем. *тагà*

ягненокъ Вот. *ыж пи*. Черем. *паран*.

Pteramys volans, летяга. Тат. *ушь калак; ушь калак тiин*. Вот. *пулё*. Черем. *обдбчо*.

Sciurus vulgaris, бѣлка. Вот. *кони*. Черем. *ур*.

Spermophilus, сусликъ. Тат *улу-тышкан* (мамад.); *хомак*. (Салаг). Вот. *комак*. Черем, *комак*.

Sus scrofa, свинья. Тат. *чушкō, донгус*. Вот. *парсь-парысь*. Черем. *сюсна*. Самка вотск. ♀ *мес-парысь*. Черем. ♀ *абà*. Боровъ ♂ Вот. варьспи, *уш парсь*. Черем. *узё*.

Поросенокъ Вот. Черем. *парсь пи*. Черем. *ига*.

Talpa europea, кротъ. Тат. мамад. *сокур тычкан*. Вот. *гудышки çерь* или *мудысь çерь*; *чунчи шир*. Черем. *сокур колà*.

Tamias striatus, бурундук. Тат. *черкас*. Вот. *урдд*. Чер. *урумдо*.

Ursus Arctos, медвѣдь. Вот. *гондыр*; уважительно: *песатай*, т: е. дѣдь съ отцевой стороны. Черем. *маськà*.

Vespertilio, летучая мышь. Тат. *ярканат*, *джарканат*. Вот. *урткышь;* (у Мышк. нетопырь—*урткыч*). Черем. *боду боджирàнга, бучиранга*.

Птицы.

Aegolius Opus (?) Сова. Вотское *кутулысь*, т: е. утколовъ. (Мышк. *югы*, а въ другомъ мѣстѣ *пелё*). Черем. *тумнд*.

·Alauda arvense, жаворонокъ. Вот. (Мышк.) *тюрягай*.

Anas, утка. Вот. *чбшъ*.

Astur palumbarius и Falco, ястребъ и соколъ. Вот. *душес*. Черем. *туреня*.

Aquila nobilis, орелъ. Вот. (Мышк.) *игы* (?) Черем. *кусюган*.

Bubo maximus, филинъ. Вот. *угў* (Мышк. *пелё*). Черем. *ўкгб*.

Caprimulgus, козодай. Вот. *унёбей* (?).

Ardea cinerea, цапля Тат. *чилян*. Вот. *ваням* (Мышк. *гагез газ*—цапля, *квенем*—аистъ). Черем. *чарланга*.

Columba livea, голубь дикій. Тат. *кукэшле* (этимъ именемъ ругаютъ дураковъ). Вот. *дыдык* (Мышк. *луд дыдык*, т: е. дикій голубь, переведено по русски ѳетюкъ).

Columba palumbus, голубь. Вот. *когырчин*, *кыпылат*. (Мышк. *дыдык*). Черем. *когурчан*.

Corvus cornix, ворона. Вот. *Куака̀*. Черем. *корак*.

Corvus monedula, галка. Вот. *шона*. Черем. *чанга*.

Corvus corax, воронъ. Вот. *кырныш*. (Мышк. *кырныж*.) Чеерем. *курныж*.

Coturnix dactylisonans, перепелъ. Вот. *бодднӧ*. Черем. *пудурчо*.

Cuculus canorus, кукушка. Тат. *куку̀*. Вот. *куку̀*. Черем. *ку̀ко*.

Cygnus musicus, лебедь. Вот. *юсь*; (въ казанск. у. *оюсь*, сообщено о. Гавриловымъ). Черем. *дюксё*.

Gallus domesticus, пѣтухъ. Вот. ♂ *атас*, курица ♀ *курекъ*.

Crex pratensis, коростель. Тат. *тартар*. Вот. *кважи*. Черем. *карше̇*.

Grus cinerea, журавль. Вот. *тури*. Черем. *турня̀*.

Hirundo rustica, ласточка. Вот. *вая-быж* Мыжк. *ваiобыж*. (гнѣздится въ куалахъ).

Hirundo urbica, ласточка. Вот. *пошькы*, *посьпы*. Черем. *пучюрук*.

Lagopus alpinus, куропатка. Вот. (Мышк.) *куропат*. Черем. *ир музё*.

Larus, мартышка. Тат. *ак чаракъ.* Вот. *чардáк* (Мышк. *седъ ир*). Черем. *трак.*

Loxio recurvirostro, клестъ. Вот. *кайсы.*

Lusciola philomela, соловей. Вот. *учы.* Черем. *шюшпык.*

Oriolus galbula, иволга. Черем. *ужар.*

Nucifraga caryocatactes, ронья. Вот. (Мышк.) *джакы.*

Parus cganus, синица. Вот. *пислэк* (Мышк. *пыслэг*).

Passer domestica, воробей. Вот. *жоргали* (Мышк. *дзіоргли*) Черем. *пыртъ каик.*

Pica caudata, сорока. Вот. *кочд.* Черем. *шогуртан.*

Picus major, дятелъ пестрый. Тат. *токран.* Вот. *сизъ.* Черем. *шиште.*

Picus viridis, дятелъ зеленый. Вот. *вош-кыр.*

Picus Martius, желна. Вот. *кор*; *вошкыр.* (Мышк. *кыр.*) Черем. *керге.*

Scolopax и др. виды кулика. Вот. *теллибует.*

Sturnus vulgaris, скворецъ. Вот. *чалбэр сэрчик.* (Мышк. *шбд юбер*, т: е. черный дроздъ, или *чуж - юбер.*). Черем. *шерчик.*

Surnia passerina, сычь. (?). Вот. *кучерян* (Мышк. *кучиран*).

Tetrao Bonasia, рябчикъ. Татарск. *буджор*; вотское *çала*; черем. *музб.*

Tetrao tetrix, тетеревъ. Вот. *тур.* Черем. *кыдыр.*

Tetrao urogallus, глухарь. Вот. *дакія.* Черем. *шузё.*

Vanellus cristatus, пиголица. Тат. *такарлык.* Вот. *сидык.* Черем. *киседык.*

Turdus, дроздъ. Вот. *юберъ* (Мышк. *юбер*). Если хотятъ что нибудь похвалить за красивый видъ, говорятъ: „похожъ на гнѣздо юбсра“—„юберъ кар кать“.

Fringilla spinus, чижъ. Вот. (Мышк) *стеци; стечи* (?).

Гады.

Змѣя. Вот. *кый* (Мышк. скорпія—*ргон кый; ргон*—мѣдь, поэтому *ргон кый* вѣроятно мѣдяница, тоже что по татар. *бакыр илан*). Чер. *кишкэ.*

Ящерица. Вот. *кинжали.* (Мышк. *кенжяла*). Черем. *шингшале.*

Лягушка. Вот. *бака.* Мышк. *эбек* (въ елабужскомъ уѣздѣ *эбек* — vulva). Черемиск. *жаба.*

Рыбы.

Esox lucius, щука. Вот. (Мышк.) *ципей, чипей.*
Lota vulgaris, налимъ. Вот. (Мышк.) *шалко.*
Perca fluviatilis, окунь. Вот. *юш.*
Abramis Brama, лещь. Вот. (Мышк.) *пая.*
Carassius vulgaris, карась. Вот. (Мышк.) *каракà.*

Суставчатыя и низшія.

Acanthia lectularia, клопъ. Тат. *кандала.* Вот. *урбд.* Чэрем. *ундулà.*

Apis mellifica, пчела. Вот. *муш.* (Мышк. *муш;* трутень: *уар возги*). Черем. *мюкш.*

Astachus fluviatilis, ракъ. Вот. *ракатà*—въ елабуж. у.; *кисло-кусло*—въ глазов. у. (по сообщ. о. Гаврилова; у Мышкина: *кисло*). Черем. *рàка.*

Blatta germanica, тараканъ. Вот. *таракан.* Черем. *таракан.*

Bombus, шмель. Вот. (Мышк.) *майсы.*

Coleoptera, жукъ. Вот. *бычй.* Черем. *лопшанга.*

Culex pipiens, комаръ. Вот. *кузь кук,* т. е. длинныя ноги (Мышк. *цибинь;* по сообщ. о. Гаврилова *чибинь*—мошка). Черем. *шанга.*

Cyprea moneta. Вот. *гырпень.* Черем. *кышкиби.*

Formica, муравей. Вот. *кужери* (Мышк. *кузли*). Черем. *кутко.*

Gryluus domesticus, сверчокъ, кузнечикъ. Вот. *джозы* (Мышк. *дзюзы*). Черем. *шудо ширчик.*

Hirudo officinalis, пьявка. Вот. (Мышк.) *иронуши* [т. е. головастый нуши; головастикъ?]; *кой-нуши* [жирный нуши]).

Lepidoptera, бабочка. Вот. *бубыли; татали.* Черем. *лепѐне.*

Libellula, коромысло. Тат. *урус кіянтасы,* т. е. русское коромысло. Вот. *вувыл карнан,* т. е. надводное коромысло.

Musca domestica, муха. Вот. (Мышк.) *кут.* Чер. *кàрме.*

Pediculus capitis, вошь. Вот. (Мышк.) *тэй;* гнида—*серел.* Черем. *ти.*

Pulex irritans, блоха. Вот. (Мышк.) *пыч.* Черем. *шỳршо.*

Tabanus, паутъ. Вот. *лузъ;* Черем. *пдрмо.*

Unio, ракушка. Вот. *кудлем* (ими чистятъ котлы, какъ скребками). Черем. *раквод.* (Послѣднее имя можетъ быть значитъ—раковина вообще).

Wespa, оса. Черем. *пачемше.*

Паукъ. Вот. *шбнярѝ* (Мышк. *чинари*). Черем. *энэрѐмше.* Тат. *урмякучъ.*

Улитка. Тат. *така мугузи* (козлиные рога). Дѣтская присказка къ ней: *такан, мукун! мугузынг чигар, сютлю сигыр берермен, берермен?* т. е. такан-мукун! выставь твои рога, дамъ молочную корову! Вот. *акачъ-тукачъ.*

Червякъ. Вот. *нумыр* (Мышк.) *номыр.* Черем. *ил, ял.*

ГОРОДИЩА БЛИЗЬ ДЕРЕВЕНЬ УТЧАНЪ И ВАРЗИ-ЯТЧИ
(Елабужскаго уѣзда, Вятской губ.).

Члена-сотрудника Г. Н. Потанина.

Близь деревни Утчанъ, къ западу отъ нея, находится городище, которое мѣстные жители называютъ *Каръ-четкеръ*; по объясненію людей, знающихъ вотскій языкъ и живущихъ на мѣстѣ, это названіе составлено изъ двухъ словъ: *каръ*—городъ, гнѣздо, логовище, и *четкеръ*—высокая гора. Пахотное поле въ 1½ версты ширины отдѣляетъ деревню отъ ряда значительныхъ высотъ, сопровождающихъ лѣвый берегъ рѣчки Вàраги (которая также называется Вàрега, Варяга и Варàжка); высоты эти представляютъ склонъ или окраину террасы, которая поднимается надъ берегомъ Вараги саженъ на 10. Окраина террасы прорѣзана многими поперечными оврагами, между которыми лежатъ болѣе или менѣе узкіе мысы. На одномъ изъ такихъ то мысовъ и находится городище. Мысъ имѣетъ ширины около 20 шаговъ, длина его будетъ около 30—40 саженъ; два параллельныхъ, ограничивающихъ мысъ оврага, направляются съ юго-востока на сѣверо-западъ и на юго-востокѣ открываются къ рѣчкѣ Варагѣ, которая и протекаетъ вплоть у нижняго конца мыса; юговосточные, т. е. верхніе концы овраговъ, соединяются и даютъ мысу видъ отдѣльной возвышенности. Какъ овраги, такъ и поверхность мыса, покрыты густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ. На самой высшей точкѣ мыса находится насыпь, имѣющая около 20 шаговъ въ поперечникѣ; къ ней непосредственно съ сѣверозапада прилегаетъ неглубокій ровъ до 20 шаговъ длины, около 2 или 3 шаговъ ширины и въ поясъ человѣку глу-

биной. Въ насыпи, лежащей къ югу отъ рва, мы уже нашли слѣдъ старыхъ раскопокъ —яму въ 2 арш. глубиной, сдѣланную въ югозападной подошвѣ насыпи. Яму эту годъ тому назадъ копалъ волостной писарь г. Гуляевъ, но еще до него кто-то рылся здѣсь давно. По разсказамъ одного крестьянина дер. Утчанъ, лѣтъ двадцать тому назадъ здѣсь уже была яма или какой-то провалъ, въ которомъ въ то время парни пробовали достать дно орѣховой жердью въ нѣсколько саженъ длиной. Сначала, по плотности почвы, которая обнаружилась при первомъ обнаженіи дна ямы, которое мы сдѣлали, такое извѣстіе казалось сомнительнымъ, но потомъ, при болѣе значительномъ углубленіи, дѣйствительно обнаружились остатки орѣховой жерди, которые рабочіе вынимали частями, по мѣрѣ углубленія ямы. Мы разделали яму до глубины одной сажени, но не нашли ничего, кромѣ незначительныхъ гнѣздъ изъ золы или угля; изрѣдка попадались черепки отъ глиняной посуды. Куски жерди, отъ времени размякшей въ кашеобразное тѣсто, вынимались до дна вырытой ямы, отвуда, кромѣ того, вынуто нѣсколько древесныхъ листьевъ, вѣроятно залетѣвшихъ туда, когда еще существовалъ провалъ или нора

Другія пробы раскопокъ мы сдѣлали ближе къ сѣверозападному концу мыса, именно въ двухъ мѣстахъ: 1) гдѣ бугоръ кончается и начинается крутой спускъ къ подошвѣ мыса и 2) на срединѣ этого спуска. Въ обоихъ мѣстахъ, подъ слоемъ насыпной земли въ аршинъ глубиной, мы встрѣтили слой золы, болѣе или менѣе смѣшанной съ глиной; подъ этимъ слоемъ залегаетъ плотная глина, которую мы приняли за коренникъ. Слой съ золой имѣетъ глубины не менѣе аршина; мѣстами встрѣчались залежи совершенно чистой золы. Въ нижней раскопкѣ, которую мы сдѣлали въ видѣ разрѣза поперегъ мыса, сажени въ $1^1/_2$ длиной, мы подмѣтили такое залеганіе золы, которое наводило на мысль, что это были пепелища, которымъ придавали видъ бугровъ и потомъ забрасывали землей. Разрѣзъ представлялъ два слоя. Верхній слой наносной земли—отъ нижняго, золу содержащаго, былъ отдѣленъ полосой неодинаковой ширины (отъ четверти до двухъ), окрашенной въ красный цвѣтъ; матеріалъ, входившій въ составъ этой полосы, являлся мѣстами рыхлымъ, мѣстами крѣпкимъ, въ родѣ обожженаго кирпича; внизу, т. е. ближе къ золѣ, окраска энергичнѣе; направленіе полосы другооб-

разное, такъ что рабочіе, раскрывъ это залеганіе, приняли полость, въ которой подъ обоженной землей лежала зола, за печь. Оказалось рядомъ два пепелища (или двѣ печи, какъ говорили рабочіе), одно подлѣ другаго. Когда рабочіе выгребли золу—въ разрѣзѣ дѣйствительно образовались двѣ глубокія ниши, разгороженныя узкой перегородкой. Дно этихъ углубленій или, такъ сказать, „подъ"—шелъ наклонно, параллельно наружному уклону горы. Когда зола была выбрана, бросилось въ глаза, что разгораживавшая ниши перегородка имѣла у основанія косвенное положеніе. Все это вызывало такое представленіе, какъ будто виновники этихъ остатковъ древности, склавъ одно пепелище и засыпавъ его землей, пока оно еще горячее—отчего нижніе слои насыпи обгорали и обращались въ кирпичь—черезъ нѣкоторый промежутокъ вревремени складывали рядомъ другое пепелище такъ близко, что часть золы ложилась на покрышку сосѣдняго бугра. Въ золу содержащемъ слоѣ мы нашли, какъ въ полугорѣ, такъ и при началѣ спуска, много черепковъ отъ горшковъ, костей, какъ домашнихъ животныхъ, такъ и рыбьихъ, двѣ желѣзныя вещи и одну костяную. Кости встрѣчались какъ цѣлыя, такъ и обугленныя; въ пластахъ чистой золы можно было различать куски пережженой кости, что подаетъ поводъ думать, что эти кострища состоятъ всецѣло изъ золы сожженныхъ костей животныхъ. Горшечные черепки въ изломѣ показывали такой же составъ, какъ и черепки на Ананьинскомъ могильникѣ, т. е. глина, изъ которой были сдѣланы горшки, была смѣшана съ осколками ракушекъ.

Другое изъ обслѣдованныхъ мною городищъ находится близъ деревни Варзи-ятчи и извѣстно у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *Каръ-гуресъ* (послѣдній членъ значитъ по вотски—гора вообще). Оно, подобно Утчанскому, расположено на краю высокой террасы, также на концѣ мыса. Подъ мысомъ, въ незначительномъ разстояніи, протекаетъ рѣка Варзи. Мысъ концомъ своимъ обращенъ на западъ; онъ значительно шире и тупѣе того, который описанъ раньше, но гораздо выше. Съ него открывается обширный видъ на долину р. Варзи, на которой раскинулись двѣ большія деревни—Варзи Ятчи и Янгишуръ. Бока мыса и крутой фасъ, по которому приходится взбираться на мысъ, поросли густымъ лѣсомъ; на вершинѣ мыса, гдѣ городище, лѣсъ порѣже.

Въ 20 саженяхъ отъ начала кручи, которою кончается мысъ, проходитъ замѣтный валъ въ 1 арш. высоты, концами упирающійся въ боковые овраги; онъ имѣетъ видъ слабой дуги, выгнутой стороной обращенной прочь отъ конца мыса. Длина вала 30 саженъ. Съ внѣшней стороны вала проходитъ ровикъ, который противъ середины вала едва замѣтенъ, но становится глубже и шире на концахъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ вала найдены были только куски угля и черепки; въ другихъ мѣстахъ находки были еще беднѣе. Только въ южномъ концѣ городища въ одномъ мѣстѣ найденъ желѣзный ножичекъ и тутъ же было собрано нѣсколько черепковъ отъ горшковъ (также имѣвшихъ въ изломахъ бѣлыя крапины отъ ракушника).

Списокъ найденныхъ вещей.

Городище близь дер. Утчанъ (Карь-четкеръ).

1) Желѣзное копье длиною въ 9 дюймовъ; наконечникъ двугранный, длиною въ $5^1/_2$ д.; остальная часть копья состоитъ изъ втулки для древка (1).

2) Желѣзное прямое шило, длиною 2 д. 7 линій.

3) Костяное издѣліе цилиндрической формы, длиной 3 д. 5 линій, толщиною въ 5 линій; одинъ конецъ представляетъ гладкій поперечный срѣзъ, другой—обломанъ; ближе къ обломанному концу три круглыхъ отверстія съ діаметромъ въ 1 л. (изъ нихъ два сквозныхъ). Ближе къ серединѣ костяного цилиндра сквозное отверстіе въ $1^1/_2$ лин. въ діаметрѣ.

Городище близь д. Варзи-Ятчи (Каръ-гуресь).

4) Желѣзный ножикъ съ небольшимъ стержнемъ для укрѣпленія въ дерево, длиною въ $4^1/_2$ д.

Деревня Бима.

5) Желѣзный топоръ длиною въ 4 д. 8 л., ширина топора въ обухѣ 1 д. 3 л., ширина вдоль лезвія 2 д. (пріобрѣтенъ покупкою, выпаханъ въ полѣ.).

---

(1) Рабочіе, отрывъ это орудіе, признали въ немъ медвѣжью острогу, по вотски—*чогіян*.

ОТРЫВКИ
ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ
ВО ВРЕМЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСКУРСІИ ПО ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ
въ 1880 году.

Члена-сотрудника **С. К. Кузнецова.**

Лѣтомъ 1880 года я забрался въ достаточно знакомую мнѣ окраину—Сардыкбашскую волость въ Малмыжскомъ уѣздѣ, чтобы нѣсколько дополнить свои свѣдѣнія о сюрэмѣ, который я въ первый разъ наблюдалъ здѣсь за два года передъ этимъ. Сюрэмъ черемисы отпраздновали на этотъ разъ не столь торжественно, какъ мнѣ показалось,—можетъ быть потому, что 1880-й годъ въ этой мѣстности обѣщалъ достаточный урожай, почему практичные въ дѣлахъ вѣры черемисы не считали особенно нужнымъ излишнее усердіе. За двѣ недѣли до сюрэма въ Сардыкбашской и сосѣднихъ волостяхъ начали валиться коровы, а потомъ овцы, поэтому число жертвъ было меньше противъ прошлаго года на 6 головъ. Мнѣ казалось однако, что народу на праздникѣ было даже больше, чѣмъ въ предъидущій сюрэмъ: должно быть хлѣбосольство черемисъ въ виду урожая приняло болѣе широкія размѣры, чѣмъ и объясняется бóльшій наплывъ гостей.

Къ крайнему удивленію, я засталъ большинство „кугузей" въ сильномъ горѣ: урядникъ, котораго за два года передъ этимъ не существовало, захотѣлъ показать свою власть и запретилъ совершать жертвоприношеніе, угрожая доносомъ. Кугучи-жрецы явились ко мнѣ и горько жаловались на притѣсненія новаго блюстителя порядка:

„Кончать совсѣмъ захотѣлъ! Кумышку варить безъ денегъ не давалъ: съ одного взялъ три, съ другаго пять рублей за котелъ... Топерь за костеръ по рублю, говоритъ, давайте.... Пожалста калякай ему!"..

Я уже хотѣлъ было отправиться къ уряднику, но встрѣтилъ его на дорогѣ; онъ оказался отставнымъ гвардейцемъ. Я спросилъ его, въ силу чего запрещаетъ онъ моленіе, о которомъ въ инструкціи для урядниковъ нѣтъ ни слова.

„А параграфъ-то 14-ый!.. Помилуйте-съ!"

На всякій случай со мной былъ экземпляръ инструкціи для урядниковъ, приложенный къ Казанскимъ губернскимъ вѣдомостямъ за тотъ годъ, и теперь онъ пригодился мнѣ. Тамъ, сколько помню, говорилось только о томъ, чтобы урядники блюли за порядкомъ во время скопленія народа на праздникахъ и ни слова о томъ, чтобы мѣшать какимъ-нибудь мирнымъ собраніямъ, а тѣмъ болѣе брать съ черемисъ деньги за то, чтобы позволять имъ молиться.

Оппозиція моя нѣсколько сдержала миссіонерскіе порывы урядника, и онъ, уже въ качествѣ скромнаго наблюдателя, сопровождалъ меня потомъ всюду,—впрочемъ ничуть не мѣшая и удаляясь, когда видѣлъ, что онъ человѣкъ лишній.

Нижеслѣдующій фактъ показываетъ, до чего могло дойти усердіе урядника: по окончаніи жертвоприношенія въ день сюрэма, когда кугузи молились въ юмон-ото (священной рощѣ) по заказу каждаго желающаго, урядникъ также сдѣлалъ пожертвованіе въ количествѣ десяти копѣекъ,—чѣмъ премного удивилъ черемисъ.

Я не буду здѣсь останавливаться на томъ, что удалось мнѣ вновь подмѣтить на сюрэмѣ, такъ какъ это составитъ предметъ особой работы. Постараюсь изложить только то, что имѣетъ нѣкоторый историко-археологическій интересъ.

I.

Легенда о 3 братьяхъ, почитаемыхъ черемисами. Бесѣда съ муллой Хуснудиномъ. Адаевскій и Казакларскій святой. Указаніе на нихъ у Шерефъ-эд-дина. Ахпатыръ Самобытна-ли черемисская легенда о 3 святыхъ братьяхъ? Татарское кладбище въ Адаевѣ. Могила Ишмухаммеда. Другіе проповѣдники ислама въ предѣлахъ Вятской губерніи. Заключеніе.

Въ своей статейкѣ о сюрэмѣ (*) я говорилъ о трехъ святыхъ братьяхъ, почитаемыхъ у черемисъ: Ахпатырѣ, Шик-

(*) См. «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1879 г., т. XV. Также отдѣльный оттискъ: «Четыре дня у черемисъ во время сюрэма». Спб. 1879. 8°. Стр. 8—9.

вавѣ и Казакларѣ. Приведу легенду, которая тамъ помѣщена:

„Давно было это. Русскіе сюда еще не приходили, а у насъ былъ свой князь. Жили тогда три брата: Ахпа́тыръ, Шиккава̀ и Казакла́ръ. Тутошніе были или пришли откуда, Богъ ихъ знаетъ. Праведны только были они и за то Юмо наградилъ ихъ: могли они *лѣчить* всякія болѣзни. Много добра дѣлали они на землѣ, за то почитали и слушались ихъ черемисы. Татары -- и тѣ ихъ не гнушались. Умеръ Ахпа́тыръ и велѣлъ себя тутъ (въ полуверстѣ отъ деревни *Китя́къ,* по дорогѣ къ Юмон-ото) закопать. Умерли послѣ Шиккава̀ и Казакла̀ръ: одинъ заказалъ похоронить себя тамъ, гдѣ татарское кладбище, а Казакла̀ръ—вонъ напротивъ. . Татары тоже почитаютъ нашего угодника, только зовутъ его по другому—*Адда́й;* они молятся ему и насъ пускаютъ на его могилу. Вотъ, коли болѣзнь нападетъ на кого, станетъ его ломать, онъ и ставитъ *на́дыр* (жертву) Ахпа̀тыру, либо Казакла̀ру, а не то Шиккавѣ. Ничего, больно помогаютъ, особливо Ахпатыръ"...

По этой легендѣ, записанной со словъ сѣдаго черемисина, оказывается, что всѣ три брата были природные черемисы. Однако на повѣрку вышло иначе. Когда я записалъ эту легенду, мнѣ не удалось провѣрить справедливость ея черезъ разспросы у татаръ. На этотъ разъ я рѣшилъ узнать все, что̀ будетъ возможно. Отъ черемисъ новаго я ничего не услыхалъ. Зная, что могила одного почитаемаго черемисами святаго находится на татарскомъ кладбищѣ, я отправился подъ вечеръ въ деревню *Аддево,* къ муллѣ *Хуснуддину,* который состоитъ благочиннымъ для этой окраины, почему и носитъ титулъ „зор хазыра̀т".

Нельзя было никоимъ образомъ отдѣлаться отъ чаю, предложеннаго муллой; впрочемъ, чай былъ отчасти пріятенъ послѣ трехверстнаго пѣшаго пути по пыльной полевой дорогѣ. Но Хуснуддинъ задумалъ угостить меня еще пловомъ и двумя другими неизвѣстными мнѣ блюдами, а затѣмъ уже оказалось возможнымъ приступить къ дѣлу.

Мулла принесъ изъ мечети красиво написанный экземпляръ „Таварих-Булгаріэ", въ холщевомъ, переплетѣ, in—4°, и открылъ мѣсто, въ которомъ говорится о мусульманскомъ святомъ, погребенномъ на адаевскомъ кладбищѣ. Первоначально переводя на татарскій, Хуснуддинъ передалъ мнѣ

потомъ содержаніе отрывка по русски; оно записано мною съ его словъ:

„*Иш-Мухаммедъ Тук-Мухаммедовъ* былъ праведный человѣкъ. Въ деревнѣ Адай 36 лѣтъ руководилъ школой, которая процвѣтала при немъ и привлекала много учениковъ. Его прозвали *Шаѣхъ-бабѣ*. Умеръ въ 996 году гиджры и похороненъ на правой сторонѣ рѣки *Бур*. Сынъ Иш-Мухаммеда ушелъ въ Каргалу около Оренбурга.—Другой святой, булгарскій человѣкъ, умеръ въ 976 году гиджры и погребенъ на лѣвой сторонѣ рѣки *Бур*. Имя его *Бейрашъ Абрашевъ* или *Халифинъ*".

Вотъ все, что могъ мнѣ найти Хуснуддинъ въ „Таварих-Булгаріэ" относительно мѣстныхъ татарскихъ святыхъ.

Такъ какъ книга Шерефъ—эд-дина бенъ Хасанъ эд-дина Булгарскаго въ подлинникѣ мнѣ недоступна, то я принужденъ былъ обратиться къ извлеченіямъ изъ „Булгарской исторіи", сдѣланнымъ г. *Березинымъ* въ его книгѣ „Булгаръ на Волгѣ (*)". Въ извлеченіи изъ 4-й главы сочиненія Шерефъ—эд-дина („Описаніе извѣстнѣйшихъ рѣкъ") мы находимъ:

„Съ южной стороны впадаетъ въ Вятку Буръ (بور) и Чушма (چوشما): послѣдняя называется *Чушма вятская* (стр. 76)". Въ другомъ мѣстѣ:

„Еще извѣстны послѣдователи на Чушмѣ, соединяющейся съ рѣкою Вяткою (نوقراط—*Нукратъ*), коихъ могилы тамъ находятся (стр. 83—84)".

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь говорится о *Шошмѣ*, на которой стоитъ уѣздный городъ *Малмыжъ*, а подъ рѣкой *Бур* нужно разумѣть *Бурецъ*, впадающій верстъ на 25 ниже Шошмы въ р. Вятку. Этотъ *Бурецъ* нельзя смѣшивать съ другой рѣкой *Бур*, которая впадаетъ въ р. *Уфу* (*ibid*, стр. 75).

Нечего говорить здѣсь, что способъ указанія извѣстной мѣстности исключительно по рѣкамъ и ихъ мелкимъ притокамъ столь же древенъ, какъ и сама географія: у Геродота онъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ, точно также у татарскихъ историковъ и географовъ, по словамъ г. Березина, „во всѣхъ указаніяхъ главную роль занимаютъ рѣки пото-

(*) Казань, 1852. gr. 8°. Весьма рѣдкая книга эта — отдѣльный оттискъ изъ № 3 «Ученыхъ Запис. Каз. Унив.» за 1852 годъ.



му, что татары еще и нынѣ дѣлятъ себя не по губерніямъ и уѣздамъ, а по теченію рѣкъ или по направленію старыхъ дорогъ, существовавшихъ во время татарскаго владычества(*)". Этотъ способъ преобладаетъ, какъ извѣстно, и въ старыхъ актахъ, а инородцы преимущественно имъ пользуются до сихъ поръ. Но воротимся снова къ Шерефъ—эд-дину.

Въ „Отдѣленіи о шейхахъ, знаменитыхъ на Востокѣ и Западѣ", гдѣ исчисляются шейхи до 989 года гиджры (1581), а „сначала тѣ, которые (были) до 909 (1503—1504)", мы находимъ:

„Съ ЮЗ стороны рѣки *Нукратъ* (Вятки) течетъ рѣчка *Буру* (بورى); тамъ въ Казакскомъ аулѣ (قزاقلار آولنده, теперь *Казакларъ*) (**) извѣстенъ Бейрашъ бенъ Ибрашъ Суфи, господинъ публичной зикры (***) и разрѣшитель (?—дающій по-

---

(*) *Булгаръ на Волгѣ*, примѣч. на стр. 81.

(**) Березинъ (*Булгаръ на Волгѣ*, стр. 87): «въ Казакскомъ аулѣ=*въ аулѣ Киргизовъ*». Лучшимъ объясненіемъ, по нашему мнѣнію, могутъ служить слова г. *Шпилевскаго*:» собственно булгарское населеніе противополагалось казакамъ, подъ которыми нужно разумѣть *простыхъ татаръ*» (*Древніе города*, стр. 91).

(***) «*Зикрами* ذكر называется чтеніе! Алкурана какимъ-нибудь духовнымъ лицемъ, а усердные правовѣрные сопровождаютъ это чтеніе качаньемъ тѣла, восклицаніями и пр», *Березинъ*, прим. на стр 87. Однако это объясненіе несовсѣмъ вѣрно.

Въ книгѣ покойнаго Г. С. Саблукова (Сличеніе мухаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. Казань. 1873. 8°), указаніемъ на которую мы обязаны любезности Е. А. *Малова*, мы находимъ прекрасное объясненіе, которое нелишнимъ считаемъ привести здѣсь:

«*Зикръ* въ переводѣ на нашъ языкъ значитъ «воспоминаніе».... Въ мохаммеданскомъ вѣроученіи словомъ *зикръ* называется благоговѣйное произнесеніе какого-либо имени Божія мохаммеданиномъ, какъ выраженіе благочестиваго настроенія души его.... каковы, напр., *Аллагъ акбяръ* и т. д. (стр 55)».

«Обязанность говорить зикръ мохаммедане, и аскеты, и неаскеты, видятъ въ предписаніяхъ Корана (56)»...

«Въ стихахъ Корана подъ словомъ *зикръ*, кажется, разумѣются и пять молитвъ, предписанныхъ имъ мохаммеданину .. Въ суфическихъ общинахъ, развивающихъ аскетическую жизнь по опредѣленнымъ въ каждой общинѣ уставамъ, зикры установлены правилами и сдѣланы обязательны-

зволеніе). Онъ учился въ Тюркестанѣ у **Хаджи Ахмета Сеюви** (по другому чтенію *Ясави*). По направленію той рѣки (т. е. Буръ = *Бурца*) въ аулѣ Адай-Черемишъ (آدامی چرمش) извѣстенъ Иш-Мухаммедъ, сынъ Тугк Мухаммеда; онъ учился у Ходжи Бейраша и былъ его великимъ послушникомъ (مریت мюридъ); также совершалъ публичныя зикры, а послушникомъ былъ шесть лѣтъ. Между тѣмъ въ теченіе двадцати лѣтъ изъ знающихъ этотъ путь и причастныхъ ему никого не осталось (*Березинъ*, ibid. стр. 87)".

Остановимся нѣсколько на нѣкоторыхъ разногласіяхъ, замѣчаемыхъ между только что приведенной цитатой изъ книги Березина и тѣмъ, что̀ записано мною со словъ муллы Хуснуддина.

1) Помѣщеніе Иш-Мухаммеда Тукмухамедова раньше Бейраша Абрашева можно считать въ передачѣ Хуснуддина случайнымъ: онъ просто началъ съ того святаго, который въ его деревнѣ погребенъ.

2) Послушничество Иш-Мухаммеда длилось, по передачѣ Хуснуддина, 36 лѣтъ, по переводу г. Березина—только 6; но послѣдній замѣчаетъ, что такая цифра стоитъ въ академической рукописи Шерефъ—эд-дина, въ собственномъ же спискѣ г. Березина (болѣе поздняго времени) поставлено 36. Къ этому списку и нужно пріурочивать тотъ, который хранится въ адаевской мечети; по всей вѣроятности послѣдній списанъ съ несовсѣмъ древней рукописи.

3) Въ цитатѣ г. Березина изъ книги Шереф-эд-дина мы не встрѣчаемъ словъ: „его прозвали *Шаехъ-баба*".

ми для каждаго ея члена *Зикры* составляютъ такъ называемый *тельккинъ*. Зикры входятъ въ составъ гимновъ, какіе въ опредѣленные часы дня поются въ честь Бога членами общины. Зикромъ долженъ освящать свою жизнь каждый аскетъ, остается ли онъ одинъ въ своей кельѣ, или когда является среди мохаммеданъ неаскетовъ, внѣ его общины».

«*Телькинъ* (наставленіе) есть обрядъ, по которому начальникъ суфической общины, шейхъ, какъ «руководитель» (*мюршидъ*) посвящаетъ въ аскетическую жизнь вновь поступившаго въ его общину «искателя» благочестивой жизни (*мюридъ*). Телькинъ состоитъ изъ семи зикровъ, которые одинъ послѣ другого долженъ произносить мюридъ въ продолженіе срочнаго времени для каждаго изъ нихъ, по указанію мюршида (стр. 57)».

4) Въ передачѣ муллы Хуснуддина мы находимъ хронологическія указанія на годъ смерти казакларскаго и адаевскаго святаго, которыхъ у г. Березина не встрѣчаемъ. Быть можетъ послѣдній выпустилъ эту дату при переводѣ. Впрочемъ, указаніе адаевскаго списка Шерефъ—эд-дина не противорѣчитъ повидимому истинѣ, потому что мусульманскій писатель говоритъ о подвижникахъ ислама за періодъ отъ 1503—1581 нашей эры Такимъ образомъ если, согласно съ г. Березинымъ, годомъ гиджры считать 594-й по Р. Хр. (592—595), получимъ, что годъ смерти Бейраша бенъ Ибраша былъ 1569-й, а годъ смерти Иш-Мухаммеда Тугк-Мухаммедова—1589-й по Р. Хр.

Подлинность существующихъ въ Адаевѣ и Казакларѣ могилъ мусульманскихъ святыхъ такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, напротивъ—вполнѣ подтверждается мусульманскимъ источникомъ. Объ *Ахпатырѣ* же, съ которымъ черемисская легенда связываетъ того и другаго изъ вышеупомянутыхъ святыхъ, нѣтъ ни слова ни въ передачѣ Хуснуддина, ни въ извлеченіи г. Березина. Хуснуддинъ, со словъ своего предшественника, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ болѣе чѣмъ столѣтнимъ старцемъ, подтвердилъ только, что уже покойный мулла говорилъ о почитаніи могилы Ахпатыра, какъ объ обычаѣ, идущемъ изъ глубокой старины, равно какъ и о почитаніе черемисами Иш-Мухаммеда, котораго они передѣлали почему-то въ *Адая*, назвавъ мусульманскаго святаго именемъ деревни, на кладбищѣ которой онъ погребенъ. Изъ прозвища *Шаѣх-баба*, даннаго Иш-Мухаммеду, черемисы выкроили другое имя — *Шикваѣ*, сдѣлавъ этого несуществующаго святаго братомъ Ахпатыра и принявъ могилу адаевскаго святаго за мѣсто погребенія своего Шикваѣ, котораго будто-бы татары зовутъ *Аддй*. Такимъ образомъ прозвище одного лица стало именемъ какъ-бы другого, ничего общаго съ первымъ неимѣющаго, хотя на самомъ дѣлѣ вышло противное. Не лучше поступили черемисы и съ другимъ мусульманскимъ святымъ—Бейрашемъ бенъ Ибрашъ: забывъ его имя, они просто стали называть его *Казакларомъ*, т. е. опять перенесли на лицо названіе деревни.

Что же за имя *Ахпатыръ*? Если мы развернемъ „Списокъ населенныхъ мѣстъ Вятской губ.“, то подъ № 8040 найдемъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ дер. *Акбатырево*. Съ этимъ

названіемъ близки будутъ по созвучію и происхожденію названія селеній: *Батырево* (подъ № 3557 въ Елабужскомъ уѣздѣ) и *Патыръ Верхній* (№ 3432 въ Глазовскомъ уѣздѣ). Первая деревня населена черемисами, обѣ послѣднія вотяками. Всѣ три названія селенія очевидно произошли отъ одного имени—*Батыръ.* А *батыр* — слово татарское и значитъ просто богатырь. силачъ, витязь.

Можно привести много примѣровъ въ доказательство того, что нарицательное имя языка татарскаго дѣлается именемъ собственнымъ у некрещенныхъ черемисъ, чувашъ и вотяковъ; отчасти это объясняется способомъ нареченія имени новорожденному, практикуемымъ у инор·дцевъ здѣшняго края. Въ большинствѣ случаевъ способъ этотъ таковъ: высѣкая искры ударомъ огнива о кремень, жрецъ, приглашенный для нареченія имени или просто повитуха, перебираетъ разныя имена, названія животныхъ, различныхъ предметовъ, словомъ все, что придетъ въ голову; при произнесеніи котораго изъ этихъ словъ загорится трутъ, то слово и дѣлается именемъ новорожденнаго.

Такъ какъ заимствованія изъ татарскаго лексикона производились какъ черемисами, такъ и чувашами и вотяками, то слово „батыр" въ смыслѣ имени мы находимъ у всѣхъ этихъ инородцевъ. Отсутствіе у татаръ такого собственнаго имени какъ *Ахпатыръ* (или *Акбатыръ*) даетъ возможность считать этого угодника чисто черемисскимъ святымъ, ничего общаго съ татарскими святыми неимѣющимъ.

Далѣе. Мнѣ кажется, что самое возникновеніе у черемисъ поклоненія Ахпатыру нельзя считать оригинальнымъ, а заимствованнымъ у татаръ. Почитаніе этого святаго развилось, по всей вѣроятности, по аналогіи съ таковымъ же почитаніемъ Иш-Мухаммеда и Бейраша у татаръ, которое имѣло историческое основаніе. Легенда о трехъ святыхъ братьяхъ является такимъ образомъ продуктомъ, съ одной стороны —вліянія татаръ, съ другой — стремленіемъ черемисъ найти связь между святыми, почитаемыми у татаръ, и тѣмъ святымъ, которому покланяются сами черемисы. Во всякомъ случаѣ, существованіе у черемисъ такого святаго, какъ Ахпатыръ, явленіе довольно рѣдкое, если не единственное. Нѣтъ примѣра, чтобы черемисы чтили кого-либо изъ бывшихъ смертныхъ не какъ *бодоша* или злаго духа, старающагося вредить на каждомъ шагу.

Послѣ обѣда, вмѣстѣ съ Хуснуддиномъ и азанчеемъ я отправился на адаевское кладбище, расположенное на ЮЗ. отъ мечети. Кладбище сплошь покрыто большими деревьями и тщательно огорожено. Шагая вдоль загородки кладбища, я насчиталъ 25 шаговъ по длинной сторонѣ и 22 по узкой. Входныя ворота были сдѣланы съ юговосточнаго угла кладбища, а отъ нихъ, параллельно южной сторонѣ загородки, шелъ шаговъ на 10 узкій корридоръ; затѣмъ этотъ корридоръ подъ прямымъ угломъ заворачивалъ къ центру кладбища и подходилъ къ могилѣ святаго расширяясь и образуя квадратъ, стороны котораго параллельны сторонамъ загородки. Въ самой срединѣ внутренней загородки небольшая рѣшетка, подобная той, которую я видѣлъ на могилѣ Ахпатыра. Рѣшетка эта въ $3^1/_2$ шага длины и въ 2 шага ширины, а вышиной съ небольшимъ два аршина. Въ видахъ предохраненія отъ дѣйствія дождей—верхъ рѣшетки накрытъ досками. Внутри бревенчатый срубъ въ два ряда—обычный у татаръ намогильный памятникъ. Двѣ огромныя сосны ростутъ по угламъ, внутри рѣшетки.

Хуснуддинъ заявилъ, что онъ ежедневно ходитъ сюда читать алкоранъ и что очень многіе правовѣрные заходятъ поклониться праху святаго, нѣкоторые изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Могила видимо содержится въ порядкѣ. Черемисы разъ въ годъ допускаются сюда для совершенія общей молитвы, а одиночные поклонники являются чаще,—довольно часто, по мѣрѣ собственной надобности, ограничиваясь денежными приношеніями, которыя поступаютъ на поддержаніе могилы. Вотъ почему внутри намогильнаго сруба не видно такихъ безобразныхъ приношеній, какъ разбитые горшки и никуда негодные лукошки, въ изобиліи замѣчаемые на могилѣ Ахпатыра.

Вокругъ могилы Иш - Мухаммеда погребены наиболѣе важныя и почитавшіяся при жизни лица изъ дер. *Адаевой*. Всѣхъ ближе къ могилѣ Иш-Мухаммеда огромный продолговатый бугоръ, скрывающій подъ собой прахъ столѣтняго муллы, трудолюбивой рукой котораго переписанъ для адаевской мечети экземпляръ *Таварих-Булгаріэ*. Рядомъ съ нимъ погребены его жена и старшій сынъ; кромѣ того—молодой сынъ нынѣшняго азанчи. Остальные покойники хоронятся внѣ малой внутренней загородки.

На могилѣ казакларскаго святаго Бейраша Абрашева мнѣ быть не удалось. Хуснуддинъ сказалъ впрочемъ, что могила Бейраша ничѣмъ почти не отличается отъ могилы Иш-Мухаммеда, только поклонниковъ туда стекается сравнительно меньше. Это кажется нѣсколько страннымъ, такъ какъ Бейрашъ, по Шерефъ - эд-дину, игралъ далеко болѣе важную роль.

Чтобы дополнить эту главу о мусульманскихъ святыхъ, которыхъ могилы находятся въ предѣлахъ нынѣшней вятской губерніи или въ предѣлахъ которой они проповѣдывали исламъ, приведу еще двѣ выдержки изъ Шерефъ - эд-дина.

Иш-Мухаммедъ былъ „послѣднимъ праведнымъ учителемъ вѣры“ и послѣ него „въ булгарскомъ народѣ уже не осталось знающаго созерцаніе ученаго мужа (мистика): были лишь ученые люди заблужденія. Изъ булгарскаго племени, изъ аула Терберди-Чали, *Идрисъ* сынъ Зуль-Мухаммеда, отправившись въ Ярканъ, поступилъ въ послушники къ Шейху Гедіэтъ-Улла и учился у него правиламъ мистицизма 15 лѣтъ. По прошествіи 20 лѣтъ отъ кончины Суфи Иш-Мухаммеда этотъ Идрисъ былъ посланъ намѣстникомъ (خليفة) въ Булгаръ, Тубулгу, Уфу, Казань и Сибиръ (Симбирскъ). Для наученія мистицизму его послали въ уфимскія юрты; потомъ онъ училъ въ Казани и въ странахъ около булгарскаго народа. Люди отъ него немного понаучились. Онъ скончался въ Терберди-Чалли. У него воспитался Шейхъ *Гкасимъ*, сынъ Ибрагима, изъ новой Казани, сдѣлавшійся намѣстникомъ. Живя въ Казани, онъ наставилъ многихъ людей изъ Кельчи, Алата, Бури (*), Алатура и Саратау. Нынѣ могила его находится въ Казани“ (*Булгаръ на Волгѣ*, стр. 88).

Такимъ образомъ мы имѣемъ свѣдѣнія о преемникахъ Иш-Мухаммеда. У Березина же (ibid., стр. 91) находимъ указаніе на новое лицо, учившееся вмѣстѣ съ Иш-Мухаммедомъ: „Въ аулѣ Бай-Джуре Черемшанъ, близъ Бѣлой, извѣстна могила Ходжи *Эмиръ Келяна*, послушника Ходжи Ахмеда *Сеюви* (**) туркестанскаго, который умеръ во время пелеринажа“.

(*) Можетъ быть *Бурца*, такъ какъ теперь сохранились по близости Адаева два села съ этимъ названіемъ.

(**) По другому чтенію *Ясави*.

„Въ Алабугѣ (Елабуга) находится гробъ *Ашлямъ-Ходжи* (ibid., стр. 90)“ (*).

Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія можно почерпнуть изъ Шерефъ—эд-дина по извлеченіямъ г. Березина. Мнѣ пришлось такимъ образомъ доказать невѣрность черемисской легенды о трехъ святыхъ братьяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлить мѣсто нахожденія могилъ двоихъ татарскихъ святыхъ, всѣ свѣдѣнія о которыхъ ограничивались только указаніемъ Шерефъ—эд-дина бенъ Хасанъ—эд-дина Булгарскаго.

II.

Нѣсколько словъ объ обращеніи черемисъ нашего края въ христіанство. Новокрещенская контора и устройство быта прозелитовъ. Льготы для обращающихся въ христіанство. Характеръ отношенія властей къ новокрещенымъ. Крещеные хоронятся отдѣльно отъ язычниковъ. Языческое кладбище. Окончательное обращеніе черемисъ описываемой мѣстности въ христіанство свящ. М. Танаевскимъ. Старикъ Паймась. Нынѣшнее состояніе языческаго кладбища. Результаты раскопокъ на немъ. Заключеніе.

За 12 верстъ отъ города Малмыжа, внизъ по р. Вяткѣ, есть старинное черемисское селеніе, одноименное съ городомъ. Сюда, по преданію, бѣжали черемисы изъ отнятаго у нихъ города и здѣсь же поселился братъ убитаго въ сраженіи черемисскаго князя Болтуша — Токтаушъ. Потомки княжескаго брата существуютъ и донынѣ, и у нихъ-то хранятся всѣ старинные документы, представляющіе не мало любопытнаго для исторіи черемисъ.

Уже издавна начато обращеніе черемисъ этой мѣстности въ христіанство. Изъ актовъ видно, что болѣе выдающіяся лица приняли христіанство довольно рано; по крайней мѣрѣ при Михаилѣ Θеодоровичѣ нѣкоторые изъ потомковъ Болтуша числятся христіанами. Со времени Елизаветы обращеніе началось систематичнѣе. Составлена была для этой цѣли инструкція, учреждена новокрещенская контора. Ближайшій, непосредственный надзоръ за прозелитами порученъ, по инструкціи, черемисскому сотнику. Сотники

(*) Въ бытность въ Елабугѣ (1 іюня 1881) я, къ сожалѣнію, совершенно забылъ навѣстить могилу этого мусульманскаго святаго, находящуюся подлѣ мечети. Говорятъ, на ней сохранился древній надгробный камень. *Позднѣйшее примѣч.*

постоянно, насколько я могъ прослѣдить по имѣющимся у меня документамъ, избирались изъ рода князя Болтуша. Сотникъ находился въ двойной зависимости: отъ священника, которому онъ отвѣчалъ за каждаго новобращеннаго, и отъ новокрещенской конторы, которой онъ долженъ былъ доставлять свѣдѣнія о числѣ душъ, объ аккуратномъ исполненіи черемисами христіанскихъ обязанностей; онъ же долженъ былъ по возможности „вводить русскіе обычаи“ вмѣсто черемисскихъ.

Черемисы, привлекаемые освобожденіемъ отъ рекрутства и трехлѣтней льготой относительно податей, крестились тѣмъ охотнѣе, что надзоръ за ними въ существѣ дѣла былъ весьма слабъ, и только изрѣдка власть показывала свою силу, больше тогда, когда это было совсѣмъ не нужно. Сотникъ, какъ человѣкъ болѣе зажиточный, отдѣлывался собственнымъ карманомъ отъ притязанія духовныхъ и свѣтскихъ властей. Изъ имѣющейся у меня въ рукахъ расходной книжки черемисскаго сотника за 1783-й годъ видно, напримѣръ, что въ трудную минуту сотникъ вёзъ исправнику барана, стоившаго по тогдашнимъ цѣнамъ 60 коп. асс., секретарю Терину давалъ четвертакъ на водку, а попу—пудъ какихъ-нибудь ягодъ, въ тоже время расходуя вмѣстѣ съ „пищикомъ“ (письмоводителемъ) на двухдневное проживаніе въ городѣ только пять коп. Этимъ дѣло и кончалось къ обоюдному удовольствію.

Но бѣда бываетъ не всегда одинакова: иногда для черемисъ наступали болѣе продолжительныя проволочки, напримѣръ при поимкѣ разбойниковъ, когда изъ города высылалась команда, располагавшаяся постомъ у черемисъ.

Въ сущности – крещеные отъ язычниковъ едва ли чѣмъ отличались, но какъ только началось обращеніе въ христіанство, новокрещенская контора предписала хоронить крещеныхъ отдѣльно отъ язычниковъ, ближе къ берегу р. Вятки, тамъ, гдѣ теперь стоитъ зданіе волостнаго правленія и пожарный амбаръ. Приказъ исполнялся въ точности во все время существованія конторы, пока Черемисскій Малмыжъ не вошелъ въ приходъ городскаго собора; съ этого времени, до 1866 года, когда деревня сдѣлалась селомъ, черемисы хоронились на городскомъ кладбищѣ.

Языческое кладбище расположено за деревней на высокой горѣ, приблизительно въ одной верстѣ отъ селенія, выдаваясь мысомъ въ оврагъ. Тутъ еще и теперь отчасти

уцѣлѣлъ *семýк-óто* (поминальный лѣсъ), въ которомъ немногіе язычники, сохранявшіеся до 1847 года и жившіе отдѣльной слободкой въ оврагѣ, ближе къ кладбищу, поминали въ среду на троицыной недѣлѣ своихъ предковъ. Случай сдѣлалъ и этихъ язычниковъ христіанами. Разъ (въ петровки 1847 года, когда черемисы въ ожиданіи сюрэма работами не занимаются) пришлось какъ-то такъ, что всѣ невре щеные мужчины, въ числѣ 7 человѣкъ, отправились въ городъ на базаръ. Дома остались только бабы и ребятишки, да слѣпой старикъ *Паймасъ*. Миссіонеромъ при соборѣ тогда состоялъ священникъ, позднѣе протоіерей, Михаилъ *Танаевскій*. Онъ какимъ-то образомъ узналъ, что всѣ язычники муж. пола изъ Черемисскаго Малмыжа съѣхались въ городъ на базаръ и подговорилъ русскихъ подозвать черемисъ къ рѣкѣ Шошмѣ, чтò тѣ и сдѣлали. А затѣмъ ихъ шутя загнали въ рѣку и тутъ крестили Иванами и Васильями (*). Потомъ крестили постепенно ихъ женъ и дѣтей, но не тронули Паймася, который ни за что не хотѣлъ оставить вѣры отцовъ своихъ, да такъ и умеръ поганымъ *чи-мáри* (некрещенымъ). Этому Паймасю пришлось лечь послѣднимъ на языческомъ кладбищѣ, на которомъ съ тѣхъ поръ хоронили изрѣдка, и то въ первое время только, однихъ самоубійцъ.

Въ теченіи сорока лѣтъ кладбище оставалось покинутымъ, лѣсъ кругомъ вырубили и отъ поминальной рощи остались только деревья поплоше. По словамъ старожиловъ, кладбище было огромныхъ размѣровъ, чтò и не удивительно, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ хоронились черемисы почти 300 лѣтъ, считая со времени основанія поселенія, которое, по преданію, современно покоренію Казани.

Теперь кладбище распахано больше чѣмъ на три четверти и чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ него слѣда не останется. Уцѣлѣвшая прощадь занимаетъ до 40 кв. саженъ, покрыта мелкой порослью и валежникомъ. Присутствіе могилъ легко узнать по небольшимъ продолговатымъ углубленіямъ, идущимъ правильными рядами отъ сѣвера къ югу.

(*) Въ формулярѣ покойнаго Танаевскаго отмѣчено, что, за обращеніе этихъ черемисъ, онъ награжденъ набедренникомъ, а самъ покойный любилъ воспоминать объ этомъ случаѣ своей миссіонерской практики.

Результаты произведенныхъ мною раскопокъ совсѣмъ не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя я на нихъ возлагалъ. Находки были крайне малочисленны, ничтожны и почти ничего характернаго не представляютъ.

Изъ 15 раскопанныхъ мною вполнѣ могилъ—только 4 дали что-нибудь; въ остальныхъ, вѣроятно болѣе древнихъ, даже отъ костей остались только слабые слѣды, а присутствіе мелкихъ металлическихъ украшеній можно было узнать по кускамъ зеленоватой и бурой ржавчины, которыя въ изломѣ разсыпались окончательно. Объясняю это тѣмъ, что почва необычайно жирна, состоитъ изъ чистаго чернозема на аршинъ въ глубину, а сверху прикрыта слоемъ торфа. Такая почва должна была слишкомъ много всасывать въ себя влаги и способствовать усиленному гніенію. Я, впрочемъ, не стараюсь этимъ показать, что не сдѣлалъ ошибки при раскопкахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда раскопка могилы оказывалась напрасной: очень легко можетъ быть, что слѣдовало разрывать глубже, чѣмъ это дѣлалъ я, или углубиться вбокъ, чтобы добраться до костяка.

Спѣшу оговориться, что принадлежность костяка мужчинѣ или женщинѣ я опредѣляю главнымъ образомъ по найденнымъ подлѣ костей украшеніямъ, а потомъ уже по тазовымъ костямъ и теменному шву, который на мужскомъ черепѣ не столь рѣзко очерченъ, какъ на женскомъ.

Могила 1-я. Женскій костякъ на глубинѣ $2^1/_2$ четвертей, ногами къ югу. Правая рука загнута къ подбородку, лѣвая вытянута вдоль остова. Ниже локтя лѣвой руки порядочно сохранившаяся трубка безъ чубука. По краямъ остова въ изобиліи орѣхи. Слѣдовъ колоды или гроба нѣтъ ни малѣйшихъ, но трупъ видимо былъ обложенъ плоскими каменными плитами совершенно закрывшими костякъ. Черепъ отъ случайнаго удара заступомъ развалился, потому что разрыхлѣлъ въ высшей степени. Нижнія конечности и кисти рукъ сгнили безъ слѣда, почему смѣрить длину костяка не оказалось возможности. Тамъ и сямъ въ землѣ попадались зеленоватые куски безформенной ржавчины: признакъ, что на трупѣ были мѣдныя украшенія. Орѣхи однако положительно указываютъ, что тутъ погребена была женщина.

Могила 2-я. Женскій остовъ на глубинѣ $^3/_4$ аршина. Длина 30 вершковъ. Скелетъ обращенъ сильно раздвинутыми ногами къ югу. Черепъ лежитъ на правомъ вискѣ; руки

вдоль туловища. По ту и другую сторону черепа двѣ круглыя, архаической формы, мѣдныя серьги съ бусинами; по стилю онѣ напоминаютъ носимыя доселѣ вотячками. Подъ кистью лѣвой руки небольшой ножъ; тутъ же большая мѣдная булавка, при помощи которой укрѣпляется обыкновенно на груди *ширкамà*,—мѣдное подковообразное украшенie, носимое женщинами. На указательномъ пальцѣ правой руки серебряный перстень съ непонятной фигурой, видимо старинной работы. На груди довольно большая пронизка, по опредѣленiю профес. *А. А. Штукенберга*—изъ нефрита. Нѣсколько ниже—мѣдная пряжка отъ *ширкамà*. Всюду въ изобилiи орѣхи. Сохранились слѣды тонкой липовой колоды, а въ головахъ и ногахъ кромѣ того—толстыя сосновыя доски. Быть можетъ обрубокъ липы, назначенный для колоды, оказался *дуплянымъ*, т. е. съ выгнившей срединой; такимъ образомъ голова и ноги трупа выставлялись бы изъ колоды наружу; во избѣжанiе этого пришлось поставить гдѣ слѣдуетъ стоймя сосновыя доски.

Могила 3-я. На глубинѣ одного аршина женскiй скелетъ, длиною 30 вершковъ, въ несоразмѣрно узкой и длинной (до 40 в.) сосновой колодѣ, сохранившейся вмѣстѣ съ крышкой, которая видимо была пришита лыкомъ въ двухъ мѣстахъ. Черепъ лежитъ на правомъ вискѣ, но шея покойника еще заживо, отъ старости или уже по смерти отъ тѣсной колоды, была согнута до такой степени, что два позвонка оказались выше черепа. Руки вдоль туловища. Ноги сильно стиснуты, и кости такъ плотно вошли въ полугнилую колоду, что только съ извѣстнымъ усилiемъ можно было ихъ оторвать. Лѣвая лопатка острымъ угломъ также засѣла въ деревѣ. Около рукъ и головы въ изобилiи орѣхи. На среднемъ пальцѣ правой руки мѣдное кольцо съ печатью, которая отвалилась при прикосновенiи. Нѣсколько выше тазовыхъ костей—пряжка отъ *ширкамà*. Черепъ бѣлый. Челюсти совершенно беззубы. Съ боковъ, въ головахъ и ногахъ, зачѣмъ-то досчатыя стойки. Нельзя не замѣтить, что способъ погребенiя, если не варварскiй, то крайне небрежный (*).

(*) Небрежность эта, впрочемъ, дѣлается легко понятной, если припомнимъ страхъ предъ мертвецомъ, присущiй всѣмъ инородцамъ вообще. Разъ человѣкъ умеръ, онъ, по понятiямъ черемисъ и вотяковъ, обра-

Могила 4-я. Мужской скелетъ, длиною 30 вершковъ, ногами обращенный къ югу, обнаруженъ на глубинѣ 1 аршина. Слѣдовъ колоды—ни малѣйшихъ. Черепъ на правомъ вискѣ. Подлѣ кисти лѣвой руки — кочедыкъ архаической формы изъ цѣльнаго желѣза и большой ножъ со слѣдами кожаныхъ ноженъ. Въ ногахъ справа — топоръ старинной формы, съ дубовымъ топорищемъ, доходившимъ до кисти правой руки. По малому количеству зубовъ въ обѣихъ челюстяхъ трудно, думаю, судить о возрастѣ погребеннаго тутъ черемисина.

Вотъ и все, что удалось мнѣ найти въ теченіе безпрерывныхъ двухдневныхъ раскопокъ. Быть можетъ новыя могилы дали бы больше находокъ, но неудача отбила всякую охоту продолжать раскопки. Остальныя 11 могилъ, кромѣ плохо сохранившихся костей, ничего не дали. Одно обстоятельство только возбудило мое вниманіе: во всѣхъ этихъ могилахъ *трупъ былъ обложенъ довольно большими гладкими камнями.*

И такъ, если допустимъ возможность дѣлать выводы относительно способа погребенія у черемисъ на основаніи этихъ незначительныхъ раскопокъ, то получимъ, что:

во 1-хъ) Въ болѣе древнее время черемисы хоронили своихъ покойниковъ безъ всякой колоды или гроба въ неглубокой ямѣ, обкладывая трупъ плоскими камнями.

во 2-хъ) Иногда они даже и этого не дѣлали, опуская покойника прямо въ могилу и засыпая землей.

въ 3-хъ) Если хоронили въ колодѣ (липовой или сосновой), то неособенно заботились, чтобы колода была впору; по видимому не стѣсняясь втискивали трупъ въ дупло, если

щается въ злобнаго духа, котораго нужно умилостивлять болѣе или менѣе частыми поминками. Присутствіе мертваго тѣла оскверняетъ домъ и тѣхъ, кто къ нему прикасается. По этой причинѣ черемисинъ и вотякъ спѣшитъ отдѣлаться отъ умершаго родича, кое-какъ обмываетъ его, и то не руками, а тряпкой, привязанной на длинную палку.

Могилу вотякъ и черемисинъ роетъ такъ, чтобы ему не приходилось вставать самому въ нее ногами: вотъ почему могилы вообще мелки.

Гробъ, обвязанный лыками, несутъ до могилы на палкѣ, положенной на плеча двухъ носильщиковъ. У могилы ножемъ стараются разомъ перерѣзать оба лыка и въ какомъ бы положеніи гробъ ни упалъ въ могилу—его такъ и закидываютъ землей.

послѣднее бывало нѣсколько маловато. Иногда такая колода дѣлалась въ видѣ глубокаго корыта съ крышкой, какъ это черемисы и теперь дѣлаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; иногда ограничивались простымъ дупломъ, часть котораго скалывалась и прикрѣплялась въ видѣ крышки, но въ послѣднемъ случаѣ въ головахъ и ногахъ ставились доски. Нахожденіе досчатыхъ стоекъ кругомъ всей могилы указываетъ на возможность особаго вида погребенія.

Во всякомъ случаѣ нужно ждать новыхъ раскопокъ въ черемисскихъ мѣстностяхъ, чтобы принять эти выводы вполнѣ.

О ЧАЛЛЫНСКОМЪ ГОРОДИЩѢ

ВЪ ЛАИШЕВСКОМЪ УѢЗДѢ, БЛИЗЬ ДЕР. ЧАЛЛЫ, ШУМБУТСКОЙ ВОЛОСТИ.

(Сообщеніе члена-сотрудника, муллы д. Кугарчина Мухамедзяна Биккинина Заитова).

Изъ книги, напечатанной въ Казани въ 1877 году, сочиненія г. Шпилевскаго, видно, что по дозорнымъ книгамъ 1619 года значится: „По указу.... ѣздилъ изъ Казани Григорій Кузьминскій по Зюрейской дорогѣ на пустошь, что бывало Чаллынское городище на рѣчкѣ Чаллынской, вверхъ Мамы рѣчки... Пріѣхавъ на пустошь, взялъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей деревень Шихазды, Пимерь, Мослякъ, Біюртъ (Скиюртъ), Верхнихъ Чалловъ новыхъ и Нижнихъ Чалловъ и тѣми людьми дозналъ про тое пустошь, что бывало изстари Татарское городище и отъ Казанскаго взятья стоитъ впустѣ".

Но впослѣдствіи, по справкамъ г. Невоструева, этого городища неоказалось. Точно также и въ настоящее время о мѣстоположеніи этого города пишутъ разнорѣчиво.

Живя въ д. Кугарчинѣ и зная всѣ ближайшія къ этому селенію мѣстности, я имѣю возможность разъяснить эти недоразумѣнія.

Чаллынское городище находится близь д. Чаллы (Тябердина), на лѣвомъ берегу р. Шумбута, которая въ прежнее время называлось Чаллою. Сѣверо-западная и сѣверо-восточная стороны этого городища окружены дугообразно тремя валами и двумя заключающимися между ними рвами. Ширина рвовъ—4 сажени, глубина ихъ—3; длина валовъ съ сѣверо-западной стороны—60, а съ сѣверо-восточной—80. На юго-востокѣ городище примыкаетъ къ глубокому и безводному оврагу, а на юго-западѣ—круто обрывается къ до-

линѣ р. Шумбута, поросшей рѣдкими и низкорослыми кустарниками. Длина городища съ этой стороны—65 саженъ. Внутренность городка—ровное распаханное поле, на которое можно въѣхать черезъ ворота, сдѣланные въ валахъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ.

По преданіямъ старыхъ лѣтъ, къ юго-востоку отъ городища, за оврагомъ, находилось селеніе, т. е. городскія постройки, а за валами стоялъ ханскій домъ и разныя казенныя зданія. Въ прежнее время на мѣстѣ селенія много находили глиняной посуды, кирпичей, стекла, татарскихъ монетъ и другихъ признаковъ жительства.

Саженъ за 100 отъ городища къ сѣверу, среди распаханнаго поля, есть старинное кладбище, занимающее около 1/4 десятины. Могильныхъ камней на немъ нѣтъ, но слѣды могилъ замѣтны. По сказаніямъ стариковъ, при ихъ прадѣдахъ кладбище это занимало до 4-хъ десятинъ.

Подъ городищемъ, въ рѣкѣ Шумбутѣ, находимы были прежде обдѣланныя въ треугольную и четыреугольную форму бѣлыя каменныя плиты. Одинъ Чаллынскій татаринъ вытащилъ изъ воды этихъ камней такъ много, что сложилъ фундаментъ дома и погребъ. По его словамъ, камни надъ водою были поставлены такъ складно и ровно, что между ними не проходилъ никакой рабочій инструментъ и приподнимать ихъ можно было только снизу, посредствомъ лома. Всѣ видавшіе эти камни утверждаютъ, что они были не самородные, а обдѣланные.

Кромѣ того, лѣтъ шесть тому назадъ, противъ городища три раза находили по куску чистаго воска: каждый изъ нихъ вѣсилъ по 3 фунта и имѣлъ форму кирпича; объ этомъ мнѣ разсказывалъ Кучуковскій татаринъ, купившій этотъ воскъ.

Описанное мною Чаллынское городище татары здѣшней стороны называютъ *Кала-тау*, т. е. городская гора.

По разсказамъ татаръ, городъ Чаллы построенъ былъ казанскимъ ханомъ въ самомъ центрѣ Ногайской дороги, т. е. дороги изъ Казани къ ногайскому хану, жившему около Мензелинска. Устроивъ для защиты отъ ногайцевъ городъ Чаллы на этой дорогѣ, по имени которой и весь здѣшній край сталъ называться Нагайской дорогой,—казанскій ханъ поставилъ здѣсь одного человѣка *беемъ*, т. е. губернаторомъ. Черезъ нѣкоторое время г. Чаллы оченъ усилился,

сталъ многолюденъ и богатъ; одинъ изъ беевъ его—Хаджи или Гази Гирей—рѣшился поэтому отдѣлится отъ Казани и объявилъ себя независимымъ ханомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя ханомъ въ Чаллахъ сдѣлался Хафизъ Гирей; при немъ началась сильная война съ Казанью. На 2-й годъ войны казанскій ханъ взялъ городъ Чаллы, раззорилъ и уничтожилъ его до конца, а Хафизъ-Гирей съ семействомъ своимъ бѣжалъ въ Бухару.

Многіе изъ жителей раззореннаго города ушли съ Хафизъ-Гиреемъ, другіе разселились на новыя мѣста и только частичка ихъ осталась на старомъ пепелищѣ, слѣды котораго и теперь называются Беюртъ или Искиюртъ. Старикъ Шейхъ-Зада съ родственниками своими поселился версты за 1½ къ западу отъ бывшаго города, при безыменной рѣчкѣ, основалъ деревню, которая, по имени старика Шейхъ-Зада, стала называться Шихаздой. Слѣды этой деревни, теперь уже несуществующей, указаваются на самой дорогѣ изъ д. Букаши (Котлубокаши) въ д. Кучукову, на берегу безымянной рѣчки. Близь Шихазды, по обѣимъ сторонамъ помянутой дороги, находится старинное нераспаханное кладбище, на которомъ замѣтны слѣды могилъ.

Другой старикъ - Бе-Амирь (Пимерь) ушелъ отъ города Чаллы версты за 4 къ юго-востоку и поселился здѣсь съ своими родственниками среди лѣсной поляны, на берегу небольшой рѣчки, основавъ такимъ образомъ деревню, которая, по имени старика Бе-Амара, равно какъ и рѣчка, стала прозываться Пимерью. На этой рѣчкѣ, до сихъ поръ называющейся Пимерью, и въ настоящее время указываются ясные слѣды находившейся здѣсь въ старину д. Пимери. Съ 1875 года это мѣсто стали распахивать, а до того времени здѣсь былъ казенный сѣнокосъ.

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ основанія указанныхъ деревень, пришли сюда неизвѣстно откуда казаки и поселились на мѣстѣ нынѣшняго Казаклара (Мамлы Казакова). Они стали обижать жителей Иски-Юрта, Шихазды и Пимери. Посовѣтовавшись между собою, населеніе этихъ трехъ деревень откочевало отсюда по казанской дорогѣ верстъ за 60 и поселилось по берегамъ р. Меши, основавъ селенія подъ тѣми же именами. По этой-то причинѣ и неоказалось впослѣдствіи около д. Чаллы этихъ трехъ деревень, упомянутыхъ въ дозорныхъ книгахъ 1819 года.

Кромѣ того, въ дозорныхъ книгахъ 1619 года ошибочно сказано, что „городище Чаллынское находится на рѣчкѣ Чаллынской—вверхъ Мамы рѣчки“,—такъ какъ Мама рѣчка, протекающая по границѣ Лаишевскаго и Мамадышскаго уѣзда, находится значительно выше городища и впадаетъ не въ Чаллу, а въ Машлякъ, и притомъ не близь д. Чаллы, а въ срединѣ между деревнями Казакларомъ и Чурашемъ (Бокчураевы Челны).

Что касается показанія Казанской писцовой книги 1648 года о мѣстонахожденіи д. Чаллы на берегахъ рѣчки Сулы, впослѣдствіи ненайденной,—то необходимо замѣтить, что тамъ дѣйствительно въ старые годы была маленькая рѣчка Сула, впадающая въ Шумбутъ или—по древнему—Чаллу, но она высохла и въ настоящее время представляетъ безводный оврагъ.

Такимъ образомъ измѣненіями въ именахъ рѣчекъ и деревень и другими перемѣнами, вполнѣ объясняется, почему много ошибаются и путаются писатели.

Городъ Чаллы былъ построенъ на самомъ высокомъ и веселомъ мѣстѣ, съ котораго видно въ настоящее время до 10 деревень.

Къ югу отъ города Чаллы, верстъ за 30, за Камой былъ еще городъ جوكه تاو т. е. Джуке-Тау (липовая гора) или Жукотинъ. Ниже Джуке Тау верстъ на 10, на правомъ берегу Камы, я знаю еще городище Туба-Тау. Но подробности о городищахъ Джуке-Тау и Туба-Тау и о деревнѣ Кріушѣ Кубердеевой сообщу будущимъ лѣтомъ, послѣ осмотра на мѣстѣ, въ натурѣ.

Представляю при этомъ полированный клинъ изъ дикаго камня, найденный мною на Чаллынскомъ городищѣ, а равно и чугунное ядро, выпаханное тамъ-же года три тому назадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаю, что подъ городищемъ, внизу, есть ключь, называемый Аулія-Чишма, т. е. святой ключь. Говорятъ, что его водою пользуются многіе больные татары; человѣка три лично мнѣ разсказывали о своемъ пользованіи ею.

Кромѣ того я представляю при этомъ сдѣланный мною планъ Чаллынскаго городища. Изъ него гг. сочлены могутъ понять то, что не выяснилось изъ моего описанія. Прошу извинить меня за недостатки рѣчи: я пишу не на родномъ языкѣ.

ОДНО ИЗЪ ДРЕВНИХЪ

БУЛГАРО-ТАТАРСКИХЪ ГОРОДИЩЪ

ВЪ ТЕТЮШСКОМЪ УѢЗДѢ.

Члена-сотрудника *Е. Т. Соловьева.*

Городище, котораго касается настоящій рефератъ, находится въ дачахъ с. Чудовки (извѣстнаго также подъ именемъ Колунца и Архангельскаго), Тетюшскаго уѣзда Казанской губерніи, Пролейкашинской волости,—и, по имени самого села, и городокъ называютъ Чудовскимъ. Онъ лежитъ на юго-востокъ отъ упомянутаго села, въ 4 верстахъ. Населенныя мѣста лежатъ отъ городища въ слѣдующемъ разстояніи:

СЪ СѢВЕРА.	*Сколько верстъ.*
С. Чудовка (русскіе)	4
Д. Бизяевка (русскіе)	3
Г. Тетюши (русскіе и татары). . . .	6
СЪ ЗАПАДА.	
Д. Большое Нечасово (русскіе) . . .	5
— Малое Нечасово (русскіе)	9
— Удѣльное Нечасово (русскіе) . . .	6½
СЪ ЮГА.	
Д. Богдашкина (чуваши).	8
— Пролейкаши (русскіе и чуваши). . .	8
— Юматовское городище.	11

Съ востока къ городищу прилегаетъ р. Волга въ разстояніи $5^{3}/_{5}$ верстъ.

Урочищами городища служатъ: къ сѣверозападу, въ верстѣ, старое сельбище, извѣстное у крестьянъ подъ именемъ *Чирбыша, Чирбаша* и *Чюрбаша*. На мѣстѣ этого сельбища весьма хорошо замѣтны слѣды бывшихъ построекъ. Дорога между этимъ сельбищемъ и городищемъ называется *городковою*. Къ югозападу отъ этой дороги, противъ нея, идутъ двѣ проселочныя дороги, изъ которыхъ ближайшая къ городищу называется дорогою *Забубкова*, а дальнѣйшая *Связкова*. По дорогѣ отъ городища къ Чудовкѣ, на сѣверо-западъ отъ него, въ 2-хъ верстахъ находится плоская возвышенность подъ именемъ *Одинцова бугра*. Нѣкоторые крестьяне Чудовки объясняютъ, что три послѣднія названія—суть имена старинныхъ владѣльцевъ земли. Далѣе, на западъ, въ 2 верстахъ отъ городища и въ 2 же верстахъ отъ Чудовки находится старое татарское сельбище, имени котораго крестьяне не помнятъ. Дорога къ этому сельбищу (гдѣ ясно видны слѣды построекъ), идущая отъ Чудовки на юго-востокъ, даже почти прямо на югъ, называется *татарскою*.

Овраги, окружающіе городище съ востока, запада и юга—носятъ названія не всѣ, а лишь восточный и западный. Первый называется *нищенскимъ*, второй—*стрѣлкой*.

Городище лежитъ на ровной площади, окруженной со всѣхъ сторонъ, кромѣ юго-восточной, юго-западной и южной; на пространствѣ не менѣе 40 десятинъ, лѣсомъ; съ упомянутыхъ же сторонъ городища находятся описанные овраги, глубина которыхъ достигаетъ до 15 саженъ.

Величина площади городища, ограниченной валомъ, равняется $4^{1}/_{8}$ десят. или 9,900 квад. саженямъ, а окружность ея составляетъ 360 саженъ. Форма площади представляетъ собой правильный кругъ. Площадь имѣетъ поверхность ровную, распахиваемую подъ посѣвъ. Она лежитъ надъ уровнемъ р. Волги на высотѣ не менѣе 60 саженъ.

Укрѣпленія, охватывающія площадь извнѣ, являются въ видѣ сплошнаго вала длиною въ 360 саж., шириною 5 саж., высотою 2 саж., и рва, сохранившагося мѣстами до 5 саж. ширины и до 3 саж. глубины. Этотъ ровъ былъ устроенъ вокругъ западной, сѣверной и восточной сторонъ вала и до-

ходилъ до овраговъ, при которыхъ онъ и теперь довольно глубокъ.

Валъ плотно примыкаетъ къ площади, а параллельно ему идетъ и ровъ, который по длинѣ своей достигаетъ 220 саженъ.

Входъ городище, какъ можно судить по сохранившемуся отчасти мѣстами валу, имѣло одинъ—съ юга.

Кургановъ около городища нѣтъ. По площади его встрѣчается разбросаннымъ тамъ и сямъ известковый плитнякъ, который крестьяне выпахиваютъ и изъ земли. Этотъ плитнякъ быть можетъ указываетъ на слѣды бывшихъ въ укрѣпленіи построекъ, тѣмъ болѣе, что каменныхъ породъ въ окружающей мѣстности не встрѣчается.

Въ оврагахъ съ восточной и западной сторонъ городища находятся два ключа, у которыхъ были, по словамъ крестьянъ, съ давняго времени кѣмъ-то устроенныя колодцы, срубы отъ которыхъ теперь растасканы на топливо.

Современный видъ укрѣпленій представляетъ собой значительное разрушеніе ихъ, но по существующимъ остаткамъ все таки есть полная возможность возстановить первоначальную форму городища.

Относительно преданій, сохранившихся въ народѣ о названіи и историческомъ значеніи городища, должно сказать лишь одно, что нѣкоторые изъ стариковъ с. Чудовки называютъ городище *татарскимъ*.

Историческихъ данныхъ о городищѣ не встрѣчается и въ археологической литературѣ описанія его нѣтъ.

Относительно находокъ въ городищѣ должно упомянуть, что въ 1879 году была найдена въ немъ, во время пашни, желѣзная палка, толщиною въ $^3/_4$ дюйма, длиною въ сажень, съ острымъ концомъ и загнутая у другого конца на 2 вершка подъ прямымъ угломъ. Она хранится у одного изъ Чудовскихъ крестьянъ. Не представляетъ ли эта палка потерянный щупъ какого-нибудь кладоискателя?

Время возникновенія городища неизвѣстно, но оно—судя по близости къ нему остатковъ двухъ упомянутыхъ сельбищъ, татарскаго и чувашскаго, съ названіемъ *Чирбышъ* (Чирбашъ, Чурбашъ), и другимъ даннымъ—должно быть отнесено ко времени задолго до покоренія Казанскаго царства. А что описываемое городище было татарское, на это, по моему мнѣнію, указываетъ древнее кладбище, описанное И. А.

Износковымъ и лежащее на югъ отъ него въ 11 верстахъ, въ 300—350 саж. отъ с. Урюма (жители русскіе и мордва) къ дер. Богдашкиной ([1]) (жители чуваши),—гдѣ одна надпись, приводимая С. М. Шпилевскимъ, говоритъ, что на этомъ кладбищѣ былъ похороненъ одинъ татаринъ въ 1325 г. по нашему счисленію ([2]).

Чудовское городище, въ отношеніи Юматовскаго, могло представлять собой съ сѣверо-запада передовое укрѣпленіе.

Что касается историческаго значенія описываемаго городища, то, насколько можно судить по мѣстности, на которой оно лежитъ, есть возможность допустить предположеніе, что роль его заключалась въ службѣ въ качествѣ наблюдательнаго военнаго поста и хорошаго стратегическаго пункта.

([1]) Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. Универ. за 1879 г., стр. 105.

([2]) Древ. города и друг. буд.-татар. памят. Каз. губ. С. М. Шпилевскаго, 1877 г., стр. 324.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДАНІЙ

ЧУВАШЕЙ И ТАТАРЪ

ЧЕБОКСАРСКАГО УѢЗДА

Казанской губерніи (*).

(Записаны отъ разныхъ лицъ чувашениномъ села Тюрдемы Максимомъ Петровымъ Арзамаровымъ).

Торъ-ханъ.

Назадъ тому около тысячи лѣтъ жили среди чувашей Торханы; Торханъ—значитъ великій, степенный, праведный человѣкъ. Ихъ выбирали народомъ для совершенія правосудія; весь народъ подчинялся ихъ водѣ. Избирали обыкновенно одного на весь народъ. Торханы строго наказывали провинившихся, а сами должны были учить народъ правдѣ и заставлять приносить животныя жертвы; въ началѣ же лѣта, передъ жнитвомъ, торханы обязаны были лично совершить жертвоприношеніе, къ которому собирался весь чувашскій народъ. И теперь это моленіе соблюдается чувашами, только сборище ограничивается не болѣе какъ двумя—тремя селеніями. Оно называется „учукъ" или „уйчукъ"; что по русски значитъ „полевая жертва".

По смерти торхана на его мѣсто вступалъ другой, избранный народомъ по достоинству заблаговременно; старый торханъ училъ новаго въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ совершать молитвы.

(*) Статья доставлена въ общество гг. В. К. Магницкимъ И. А. Износковымъ.

Торханы жили въ разныхъ мѣстахъ, оттого во многихъ мѣстахъ и есть „торханскіе" луга или поля. Торханское поле есть въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, къ сѣверу отъ села Тюрлемы; по преданію—тутъ торханъ воевалъ съ татарскимъ ханомъ. Причиною войны было то, что торханъ не далъ татарскому хану помощи въ войнѣ съ кѣмъ-то. Торханъ былъ убитъ татарскимъ ханомъ. Это былъ послѣдній торханъ: послѣ него торхановъ уже не было.

(Записано отъ Ивана Артамонова).

Чувашская невѣста.

Одна чувашская дѣвица была выдана братьями силой за мужъ за черемисина. Она пѣла слѣдующую пѣсню:

Ай аттесем аннесем
Аттем аннем пулмарэте
Мана та ыр кунзем пулмара
Алхах ядым потмарэ
Мерчень ядым юхмарэ
Хурын сирлы писне чух
Хурындажзенчень уйрчес
Сыр сырлы писнэ чух
Сырдень шывранъ уйрчес
Танды купси усна чух
Тандышзенчен уйрчес
Айхай чунсем самрок чон
Кандыр пекех ўсремэр
Пуза пекех уйрчес
Ай аттесем аннесем
Ай пиччесем ингесем
Есир мана курас сюх
Епьте сире курас сюк
Манын пусьри нухрадом
Адыл тўпне саролдор
Манын умри кўмўл тенге
Адыл тўпне сюдылдыр.

Т. е.

Ай батюшка, матушка!
(Какъ) отца—матери (у меня) не стало,
У меня не стало добрыхъ дней!

Жемчугъ (въ воду) опустилъ, не утонулъ,
Бисеръ опустилъ, не поплылъ,
Когда созрѣли березовыя ягоды,
Отъ родственниковъ (меня) отдѣлили,
Когда созрѣла земляника,
Съ землей, водой разлучили;
Во время произрастанія дягилей
Отъ родственниковъ (друзей) отдѣлили.
Ахъ, душа, молодая душа!
Какъ конопли росли,
Какъ посконь отдѣлили,
Ай батюшка, матушка!
(Одна строчка не переведена)
Вы меня не увидите
И я васъ не въ состояніи буду видѣть.
Мои головныя нухратки
На дно Волги разбросайте!
Мое нагрудное серебро
Пусть свѣтитъ на днѣ Волги.

Эту пѣсню она пѣла надъ Волгой; спѣвши ее, она съ лодки прыгнула прямо въ Волгу.

(Записано отъ Ивана Артамонова).

Основаніе города Казани.

Черемисы, Мордва, Чуваши и Болгары составляли прежде одно государство. У нихъ былъ свой князь. Столичный городъ былъ на берегу Волги, гдѣ теперь стоитъ Верхній Услонъ; тутъ жилъ болгарскій князь. Одна старуха болгарка, идучи по воду, поскользнулась, упала на камень и ушибла ногу. При этомъ она оскорбила своего князя словами: „Какой онъ князь! не нашелъ для столицы мѣста! дуракъ онъ! на неровномъ мѣстѣ выстроилъ городъ"! Слухи объ этихъ словахъ дошелъ до князя; онъ велѣлъ поставить старуху предъ себя. Старуха повинилась князю и просила позволенія сказать слово. Князь далъ ей позволеніе и она указала, какъ на мѣсто, приличное для столицы, на луговую сторону, гдѣ теперь стоитъ городъ Казань. Князь обидѣлся, потому что считалъ это мѣсто неудобнымъ; во первыхъ — оно было болотистое и лѣсистое, во вторыхъ — тутъ было много

страшныхъ змѣй, такъ что люди боялись туда за ягодами ходить. Старуха однако дала князю совѣтъ навозить на это мѣсто въ теченіи зимы соломы, а лѣтомъ, въ жаркое время, когда солома высохнетъ, сожечь её; съ соломой вмѣстѣ сгорятъ и всѣ змѣи, потому что въ это время онѣ всѣ соберутся на соломѣ. Вмѣстѣ съ этимъ и лѣса прочистятся. Князю совѣтъ понравился, вмѣсто наказанія князь поблагодарилъ старуху и велѣлъ ея совѣтъ привести въ исполненіе. Завалили соломой пространство въ четыре версты и зажгли; когда пожаръ кончился, мѣсто выровняли и перевели туда городъ, давъ ему имя Хузанъ.

(Записано отъ Ив. Артамонова).

Дополненіе.—Во время сожженія соломы -- одинъ большой змѣй спустился въ воду, въ Кабанъ. Это значило, что городъ когда нибудь возьметъ непріятель, потому что они самаго главнаго врага не могли убить.

(Запис. отъ татарина Вадита).

Уйпусь-киремечь.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ 4 верстахъ отъ села Тюрлемы, которое нынѣ принадлежитъ г. Козловскому, есть сильный ключь по имени Тимирька или Тимирчинскій; около него прежде много находили разныхъ металлическихъ вещей,—да и теперь находятся старинные кирпичные обломки. Въ настоящее время окрестность этого ключа чуваши называютъ „Уйпусь киремечь"; оно посвящено „великой богинѣ" (*асл ыр*), которой чуваши молятся съ приношеніемъ въ жертву бѣлыхъ гусей,—бѣдные черезъ три года, богатые ежегодно. Уйпусь по чувашски значитъ—вершина поля; уй—поле, пусь—голова.

Завоеваніе болгаръ татарами.

Разноплеменные народы, находившіеся подъ управленіемъ болгарскаго князя, жили мирно и вели торговлю съ сосѣдними народами. Кромѣ Казани у нихъ были и другіе города; у черемиссовъ былъ свой городъ Пинчень. Неожиданно съ юговостока пришли татары и раззорили ихъ до корня; несмѣтное число болгаръ было убито, князь былъ изгнанъ, на народъ наложили дань. Сначала болгарскій князь поселился въ селѣ Болгары, а потомъ куда болгары ушли—

неизвѣстно. Татары опустошили страну; татарскіе богатыри ходили по странѣ толпами, старыхъ убивали, молодыхъ уводили въ плѣнъ и пріучали вмѣстѣ разбойничать, дѣвицъ тоже полонили или безчестили, золото, серебро и всякое добро отбирали на хана. Поэтому чуваши, черемисы и мордва разбѣжались и стали жить въ лѣсахъ, въ глухихъ мѣстахъ, по овражкамъ, куда трудно было пріѣхать татарскимъ богатырямъ, ѣздившимъ обыкновенно верхомъ на лошадяхъ. Избъ чуваши и черемисы тогда не строили, избу у нихъ замѣнялъ лачукъ, сдѣланный изъ лубка; лачукъ имѣлъ двѣ двери и перетаскивался съ одного мѣста на другое. Въ этомъ лачукѣ они пекли прѣсныя лепешки и хлѣбъ; зерно мололи ручными жерновами, мясо жарили на огнѣ; самою лучшею пищею у нихъ былъ медъ, который имъ было легко добывать въ тогдашнихъ темныхъ лѣсахъ.

Построеніе Казани.

По завладѣніи Казанью—татарскій царь велѣлъ каменьщикамъ положить подъ крѣпость живаго человѣка, который первымъ подойдетъ къ нимъ на слѣдующее утро. Рано утромъ къ строителямъ крѣпости подошелъ царскій сынъ: строители не осмѣлились надъ нимъ исполнить царскій приговоръ; спустя нѣсколько часовъ послѣ царскаго сына прибѣжала къ нимъ красная собака; её они и положили подъ крѣпость. Во время обѣда пришелъ къ нимъ царь и спросилъ: кого вы положили подъ крѣпость? Тѣ сказали: приходилъ вашъ сынъ, мы его не осмѣлились положить подъ крѣпость; ожидали долго послѣ вашего сына, никто не приходилъ, а между тѣмъ солнце поднялось высоко. Наконецъ прибѣжала красная собака; эту собаку мы и положили. Тогда царь махнулъ рукой и сказалъ: „подъ крѣпость положили собаку—собаки и отнимутъ крѣпость; если бы вы положили моего сына, навѣки были бы цари изъ моего поколѣнія и владѣли бы надъ всѣми народами“. Тогда Угзагъ-Темиръ-ханъ сказалъ: „Надо дать городу имя Казанъ, чтобъ народъ кипѣлъ въ немъ, какъ вода въ котлѣ“ (*)

(Записаны отъ Валита, татарина деревни Альменевой, и чувашина Ив. Артамонова, изъ села Тюрлемы).

(*) *Казанъ*—котелъ по татарски.

[illegible]

[illegible] Сила была жестокая [illegible] побѣжали въ лѣсъ, а [illegible] въ этой битвѣ. Это былъ послѣдній [illegible].

Уразмедь.

Послѣ смерти послѣдняго тохтана чуваши не имѣли покоя. Татары безпрестанно нападали на ихъ селенія, которыя чуваши съ умысломъ строили небольшія, потому что большія селенія подвергались двумъ и тремъ нападеніямъ въ годъ. Обобравъ въ селеніи все цѣнное, татары собирали народъ въ кучу, каждый татарскій воинъ выбиралъ себѣ дѣвицъ, остальныхъ же или загоняли въ какой-нибудь анбаръ и сжигали или бросали въ воду. При такихъ дѣйствіяхъ они нѣкоторыхъ здоровыхъ парней уводили на службу къ царю. Иные изъ этихъ плѣнниковъ заслуживали татарскому царю; такъ, напримѣръ, одинъ плѣнникъ, по имени Уразмедь, жилъ у царя нѣсколько лѣтъ, ѣздилъ на войну при татарскомъ войскѣ и бывалъ его предводителемъ. За свою храбрость онъ получилъ отъ царя порученіе собирать кочующіе народы. Жилъ Уразмедь въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Уразмедевой, которая отъ него и имя получила. Здѣсь у него были два сада; между садами въ серединѣ были каменные дома: въ одномъ жилъ самъ Уразмедь, а въ другомъ жили солдаты; въ этотъ же домъ запирали виновныхъ. Обязанность Уразмедя состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ собирать съ народа подать и представлять ца-

рю, а также представлять ему дѣвицъ, которыхъ онъ захватывалъ силой; за это народъ не взлюбилъ и Уразмедя и царя Однажды Уразмедь вмѣстѣ съ царемъ уѣхалъ на войну; въ это время откуда-то пріѣхали казаки въ числѣ 375 человѣкъ. Узнавъ что Уразмедя нѣтъ дома, казаки напали на его дворецъ, избили все его войско и разграбили его золото и серебро. Возвратившись домой, Уразмедь съ нѣсколькими богатырями пустился вслѣдъ за казаками, догналъ ихъ близь деревни Васюковой Свіяжскаго уѣзда и перебилъ болѣе половины. Когда Уразмедь и другъ его Юмашъ умерли, царь велѣлъ поставить надъ ними камни или курганы, которые стоятъ и нынѣ. Во время Уразмедя многіе чуваши приняли магометанство (*).

Анчикъ.

По смерти Уразмедя через нѣсколько лѣтъ на его мѣсто царь поставилъ Анчика. Это былъ кроткій правитель. Онъ собиралъ подати со всѣхъ народовъ поровну и къ царю ѣздилъ рѣдко. Народъ былъ такъ расположенъ къ нему, что рѣшился возстать противъ казанскаго Абдулъ-хана. Татарскій ханъ, узнавъ объ этомъ, послалъ людей взять Анчика и привезти въ Казань; но Анчикъ велѣлъ запереть пословъ въ пустой анбаръ и сжечъ. Абдулъ-ханъ пріѣхалъ самъ съ войскомъ туда, гдѣ жилъ Анчикъ, но уже не засталъ его. Анчикъ со своими участниками ушелъ къ русскому царю. Когда чуваши дошли до рѣки Москвы, часовые приняли ихъ за непріятелей и не пускали въ Москву. Чуваши, чтобъ показать свою покорность, сѣли на колѣни и, снявъ шапки, кланялись каждому русскому человѣку. Дали знать царю о пришельцахъ и царь вышелъ къ нимъ и увидѣлъ, какъ они съ покорностью кланялись. Царь спросилъ Анчика, можно ли на нихъ положиться; Анчикъ отвѣчалъ, что они не только не измѣнятъ русскимъ, но сами будутъ

(*) Въ Цивильскомъ у. есть деревня Сюнчелеева, гдѣ лѣтъ двадцать тому назадъ болѣе половины населенія были чуваши, а нынѣ тамъ и духу нѣтъ чувашскаго, жители же сосѣднихъ деревень говорятъ, что прежде всѣ были чуваши. Также въ Курмышевскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ изъ чувашей образовалось племя, которое называютъ *Мижсрами*; они одежду носятъ, какъ чуваши, а говорятъ по татарски.



участвовать въ походѣ противъ татаръ и укажутъ дорогу; онъ даже увѣрилъ царя, что и татары будутъ рады русскимъ, потому что и между ними есть много недовольныхъ ханомъ за то, что его слуги, богатыри—воины, разбойничаютъ надъ ними. Тогда русскій царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ чувашамъ прорубать, показывать дороги, черезъ рѣки класть мосты. Отправивъ съ Анчикомъ отрядъ русскаго войска, царь съ большимъ войскомъ пошелъ по луговой сторонѣ. Прибывъ на родину, Анчикъ велѣлъ чувашамъ собирать съѣстные припасы: которые не боялись, принесли съ радостью, другіе отъ страха по прежнему оставались въ лѣсахъ. Русское войско три года лежало къ востоку отъ деревни Анчиковой въ Чебоксарск. уѣздѣ. Изъ того мѣста, гдѣ лежало это войско, [illegible] крестьянинъ вывезъ три воза золота, серебра и мѣди, которые онъ нашелъ во время пахоты.

(Записаны отъ тѣхъ же лицъ).

О сообщеніяхъ а) члена-сотрудника Е. Т. Соловьева: „Одна изъ древнихъ булгаро-татарскихъ крѣпостей въ Тетюшскомъ уѣздѣ" и б) члена-сотрудника В. М. Нохратскаго: „О нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ въ окрестностяхъ с. Дигитлей".

Дѣйствительнаго члена **И. А. Износкова.**

Членъ-сотрудникъ *Е. Т. Соловьевъ* въ прошедшемъ году сообщилъ Обществу: „О булгарскомъ городищѣ на Юматихѣ въ Тетюшскомъ уѣздѣ". Это сообщеніе было прочитано мною въ Общемъ Собраніи гг. членовъ Общества 17-го марта 1881 года. По прочтеніи сообщенія—я заявилъ въ томъ же Собраніи, что желательно было бы имѣть подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ памятникахъ старины, находящихся въ той же мѣстности, гдѣ находится городище Юматиха,—въ мѣстности простирающейся отъ г. Тетюшъ до с. Урюма и прилегающей къ правому берегу р. Волги. При этомъ я перечислилъ также и тѣ сосѣдніе съ городищемъ на Юматихѣ памятники, о которыхъ упоминается въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи" и въ составляемыхъ мною „Замѣткахъ о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи и о встрѣчающихся въ нихъ находкахъ" (*). Хотя я не привожу точныхъ указаній мѣстоположенія разныхъ городищъ и не дѣлаю подробнаго описанія имъ, но, несмотря на эти несовсѣмъ точныя, а мѣстами, можетъ быть, даже и не вѣрныя указанія въ замѣткахъ,—я вмѣстѣ съ тѣмъ дозволилъ себѣ сдѣлать приведен-

---

(*) Часть этихъ замѣтокъ напечатана въ Извѣстіяхъ Общества т. II стр. 105 и часть представлена въ Совѣтъ Общества для напечатанія въ III т. Извѣстій Общества (см. выше стр. 73).

ное мною выше заявленіе по поводу сообщенія Е. Т. Соловьева о городищѣ на Юматихѣ, потому что, послѣ тѣхъ археологическихъ изслѣдованій въ Казанской губерніи, которыя были уже предпринимаемы нѣкоторыми изъ гг. членовъ Общества, мнѣ казались недостаточно полными такія сообщенія, въ которыхъ приводится описаніе внѣшняго вида одного только какого нибудь городища. Въ представленномъ нынѣ сообщеніи Е. Т. Соловьева: „Одна изъ древнихъ булгаро - татарскихъ крѣпостей въ Тетюшскомъ уѣздѣ", къ подробному описанію Чудовскаго городища, которое онъ называетъ булгаро-татарскою крѣпостью, приложены: планъ этого городища и планъ части уѣзда отъ г Тетюшъ до с. Урюма (*). На этомъ послѣднемъ планѣ, какъ кажется, довольно точно указаны, кромѣ Чудовскаго городища, слѣдующія урочища: Чирбашъ или Чирбыши, Одинцовъ бугоръ, старое сельбище, городище Юматиха и древнее кладбище близь с. Урюма. Этотъ планъ можетъ, намъ кажется, принести свою долю пользы тому изслѣдователю, который пожелалъ бы подробно познакомиться съ этою любопытною въ археологическомъ отношеніи частью Тетюшскаго уѣзда; но нельзя не замѣтить, что планъ принесъ бы еще болѣе пользы, если бы членъ-сотрудникъ Е. Т. Соловьевъ имѣлъ достаточно времени на подробное ознакомленіе съ внѣшнимъ видомъ всей снятой имъ на планъ части уѣзда и если бы онъ показалъ на планѣ: размѣры древняго жилища на мѣстѣ г. Тетюшъ, Богородицкій рынокъ, урочище Юрмалку, яму у Студенаго ключа, урочище Долкова, старое жилища въ с. Чудовкѣ, овраги: Конный, Пирей-лей и пр. Предположенія, высказанныя Е. Т. Соловьевымъ объ описанномъ имъ Чудовскомъ городищѣ, что оно „должно быть отнесено ко времени задолго до покоренія казанскаго царства", что городище это татарское, потому что находящееся въ 11 верстахъ отъ него Урюмское кладбище принадлежало татарамъ, и что роль городища, „какъ можно судить по мѣстности, на которой оно лежитъ, заключалась въ службѣ въ качествѣ наблюдательнаго военнаго поста и хорошаго стратегическаго пункта"— едва ли не могутъ быть названы поспѣшными, потому что онъ же въ своемъ сообщеніи говоритъ, что современный видъ

(*) Упоминаемые планы хранятся въ портфеляхъ Общества.

укрѣпленій городища „представляетъ собой значительное разрушеніе“ и что находокъ, кромѣ одной желѣзной палки, представляющей собою „потерянный щупъ какого нибудь кладоискателя“, въ городищѣ не попадалось... Болѣе правдоподобныя предположенія относительно городища могутъ быть сдѣланы, конечно, только послѣ тщательныхъ археологическихъ изъисканій во всей мѣстности, гдѣ лежитъ городище.

Разсмотрѣвши сообщеніе Е. Т. Соловьева, согласно его желанію, и доложивъ о содержаніи этого сообщенія настоящему Общему Собранію гг. членовъ, я долженъ сказать, что, какъ описаніе Чудовскаго городища, о которомъ раньше нигдѣ не упоминалось, такъ и приложенные къ этому описанію планы,—даютъ довольно точное понятіе о мѣстѣ нахожденія городища и объ окружающихъ его урочищахъ. Чѣмъ болѣе такихъ описаній и плановъ будетъ поступать въ Общество, тѣмъ скорѣе, мнѣ кажется, можно будетъ приступить къ составленію археологической карты Казанской губерніи.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію сообщенія, поступившаго отъ члена-сотрудника *В. М. Нохратскаго:* „О нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ въ окрестностяхъ с. Дигитлей“ —имѣю честь доложить, что въ сообщеніи этомъ приводятся описанія памятниковъ старины, находящихся въ той части Мамадышскаго уѣзда, на которую было обращаемо уже вниманіе гг. членовъ Общества членомъ - сотрудникомъ Е. Т. Соловьевымъ въ его сообщеніи: „Гдѣ былъ древній булгарскій городъ Керманчукъ?“ (*) Памятники, описываемые г. Нохратскимъ, какъ видно изъ представляемаго при этомъ плана, находятся не далеко отъ селеній Кирменей, около которыхъ предполагается мѣстонахожденіе древняго Керманчука. Памятники эти расположены около с. Дигитлей и приходской къ нему деревни Букеней. Къ западу отъ Дигитлей, за оврагомъ, на довольно возвышенномъ мѣстѣ, находятся крестьянскія гумна; на этихъ гумнахъ попадаются нагробные камни съ арабскими надписями. Очень легко можетъ быть, что эти камни перенесены сюда крестьянами съ другаго мѣста,

---

(*) Прочитанъ въ XV Об. Соб. 16-го октября 1880 года.

потому что и теперь они переносятъ ихъ съ мѣста на мѣсто, счищаютъ съ нихъ надписи и употребляютъ для подставокъ подъ клади хлѣба. Членомъ-сотрудникомъ Нохратскимъ были сняты надписи съ двухъ камней и снимки были представлены черезъ меня въ Музей Общества. За гумнами, вдоль по возвышенію, простирающемуся надъ оврагомъ, расположенъ рядъ небольшихъ круглыхъ и продолговатыхъ углубленій засыпанныхъ камнями, а дальше, саженяхъ въ 50-ти къ сѣв.-зап., крестьяне указываютъ распахиваемую ими подъ посѣвы мѣстность, на которой, по словамъ ихъ, было татарское жилище; на немъ прежде находили цѣпи и черепки разбитой посуды. Далѣе къ югу, въ верстѣ отъ с. Дигитлей, поперекъ такъ называемой стрѣлки, образуемой развѣтвленіемъ оврага, идутъ ровъ и валъ: это такъ называемое городище, которое крестьяне называютъ иногда „чертовымъ городищемъ". О немъ и о разбойникахъ, которые въ немъ, будто-бы, когда-то жили—у Дигитлинскихъ крестьянъ сохранилось нѣсколько преданій, которыя и приводитъ въ своемъ сообщеніи г. Нохратскій. Одно изъ такихъ преданій сходно съ преданіемъ о Елабужскомъ чертовомъ городищѣ. На сѣверъ отъ села оврагъ, идущій отъ городища, соединяется съ другимъ, называемымъ „Подвишневымъ", а съ этимъ послѣднимъ соединяется оврагъ, называющійся „Елабугой". Названіе послѣдняго оврага и преданіе объ основаніи городища, сходное съ Елабужскимъ, можетъ быть, указываетъ на то, что жители с. Дигитлей выходцы изъ Вятской губерніи. Быть можетъ на это указываетъ также приводимый г. Нохратскимъ списокъ словъ, составляющій особенность говора дигитлинскихъ крестьянъ... Во всякомъ случаѣ, дигитлинскіе крестьяне считаютъ себя откуда то выселившимися: разсказываютъ, что одинъ изъ первыхъ переселенцевъ засталъ небольшой порядокъ домовъ въ мѣстности, представляющей уголъ, ограниченный съ одной стороны—городищенскимъ оврагомъ, а съ другой—оврагомъ, который проходитъ поперекъ села Дигитлей и носитъ названіе „луки". Жители этого небольшаго селенія были татары.

На юго-востокъ, противъ деревни Букеней и противъ оврага, по которому протекаетъ рч. Якинка, находится мѣстность, распахиваемая подъ посѣвы и называемая „жилищемъ", а отъ нея по горѣ, по другую сторону рч. Якинки, указываютъ старинную дорогу, слѣды которой и въ настоящее вре-

мя еще видны. Говорятъ, что эта дорога шла изъ жилища въ Кермени (т. е. можетъ быть въ городъ Керманчукъ). На жилищѣ, кромѣ массы глиняныхъ черепковъ, находятъ цѣльные глиняные сосуды, цѣпи, топоры, ножи и наконечники копій. Членомъ-сотрудникомъ Нохратскимъ доставлено нѣсколько каменныхъ и желѣзныхъ орудій, найденныхъ на жилищѣ и въ его окрестностяхъ, а къ сообщенію приложены рисунки тѣхъ вещей, которыя онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти.

Всѣ упоминаемые древніе памятники, подробно описанные въ сообщеніи г. Нохратскаго, я имѣлъ возможность осмотрѣть въ маѣ мѣсяцѣ прошедшаго года. Гумно съ надгробными камнями, такъ называемый „камешникъ", и оба татарскихъ жилища я обошелъ вмѣстѣ съ г. Нохратскимъ и издали съ горы видѣлъ мѣстность, называемую чертовымъ городищемъ.

Въ такомъ же почти разстояніи, какъ и с. Кирмени, находится отъ с. Дигитлей большое селеніе Омары, съ Омарскимъ починкомъ, гдѣ также находится уже распахиваемая мѣстность, называемая „кереметь"; вещи найденныя здѣсь учениками омарскаго двухклассчаго училища были уже представлены мною въ Музей Общества. Кромѣ того, въ маѣ мѣсяцѣ, отъ учителя того же училища г. Ѳадѣева, мною были получены, найденныя въ урочищѣ кереметь и въ окрестностяхъ деревни Березовки, разныя бронзовыя вещи.

Заканчивая свое сообщеніе, я позволяю себѣ повторить высказанное уже мною въ Замѣткахъ(*) мнѣніе, что мѣстность, на которой находятся села Кирмени, Дигитли, Омары, Сикепеса съ ихъ приходскими деревнями, заслуживаетъ болѣе подробнаго изслѣдованія, при которомъ она, вѣроятно, представитъ много интереснаго въ археологическомъ отношеніи. Въ этой же мѣстности находится дер. Бакырла, въ окрестностяхъ которой, судя по названію и по сохранившемуся преданію въ народѣ, находились мѣдныя копи.

(*) Изв. Общ. Т. II стр. 103- 104.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о

СЕЛѢ ЯМБУХТИНѢ,

ТЕТЮШСКАГО УѢЗДА

Казанской губерніи.

Члена-сотрудника Е. Т. **Соловьева.**

Недавно я услыхалъ отъ татаръ Тетюшскаго уѣзда, что, по преданію, нынѣшнее русское село Ямбухтино, того же уѣзда, было древнимъ татарскимъ городомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Ямбухта* (такъ и теперь называютъ татары село Ямбухтино); татары сообщаютъ также преданіе о томъ, что городъ имѣлъ у себя 1400 домовъ. При этомъ они указываютъ на бывшее у того же города кладбище, находящееся въ сѣверовосточной сторонѣ, во 100 саж. отъ дер. Большихъ Атрясъ и въ $2^1/_2$ вер. отъ нынѣшняго с. Ямбухтина (прежняго мѣста города) по прямому пути отъ этого села къ упомянутой деревнѣ. Одинъ изъ муллъ, что подтверждаютъ и мѣстные гг. исправникъ и становой приставъ 1-го стана, на одной арабской подписи (ихъ много на плитахъ кладбища) прочелъ имя магометанскаго святаго, и потому татары окопали мѣсто кладбища, перестали его распахивать и перевели на другое мѣсто лежавшую черезъ него дорогу. По временамъ татары на мѣсто кладбища собираются молиться. По словамъ татаръ и мѣстнаго становаго пристава, послѣ дождя, въ мѣстности, гдѣ лежитъ кладбище находятъ много древней глиняной посуды и древнихъ татарскихъ монетъ, изъ которыхъ одну мѣдную мнѣ удалось видѣть. Около с.

Ямбухтина, какъ говорятъ татары, есть городища, а по дорогѣ отъ этого села къ д. Большимъ Атрясамъ и курганы. По преданію сообщаютъ также, что когда татары, населявшіе городъ Ямбухта, не хотѣли повиноваться русскимъ, то пришли войска послѣднихъ и большая часть жителей бѣжала въ нынѣшній Спасскій уѣздъ Казанской губерніи, образовавъ тамъ новыя селенія и сохранивъ имя города, а потомъ городъ Ямбухта сталъ заселяться русскими. Добавляютъ еще, что населеніе (татарское) деревень Большіе и Малые Атрясы выходцы изъ г. Ямбухта; а жители—татары деревень Большіе и Малые Булгары представляютъ собой выходцевъ изъ древняго города Булгара, бѣжавшихъ оттуда послѣ послѣдняго похода на него русскихъ.

Весною я надѣюсь объ упомянутыхъ здѣсь древнихъ поселеніяхъ уѣзда собрать на мѣстахъ подробныя свѣдѣнія и представить ихъ на благоусмотрѣніе Общества.

ОСТАТКИ ДРЕВНОСТИ

ВЪ С. УСТЬ-НАБЕРЕЖНОМЪ УВѢКѢ,

САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ И УѢЗДА (*).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ГОРДІЯ СЕМЕНОВИЧА САБЛУКОВА

(составленный въ 1846-мъ году).

Въ Саратовѣ объ Увѣкѣ — когда рѣчь о немъ бываетъ въ историческомъ или археологическомъ отношеніи — говорятъ какъ о мѣстѣ, на которомъ нѣкогда былъ татарскій городъ; въ самомъ названіи его почитатели татарщины не хотятъ слышать другихъ звуковъ, кромѣ татарскихъ; здѣшніе любители нумизматики вообще и, въ частности, татарской,

---

(*) Въ 1878 году дѣйствительный членъ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи *П. А. Пономаревъ* посѣтилъ находящееся близь г. Саратова Увѣкское городище—о которомъ въ свое время и сдѣлалъ Обществу сообщеніе въ III-мъ Общемъ Собраніи его членовъ (см. «Извѣстія» Общества, томъ I, стр. 49). Узнавъ, что маститый и извѣстный казанскій оріенталистъ *Г. С. Саблуковъ* (нынѣ скончавшійся) весьма интересовался нѣкогда вопросомъ объ Увѣковскомъ городищѣ, П. А. Пономаревъ обратился къ Г. С. съ просьбою сообщить ему тѣ свѣдѣнія объ Увѣкѣ, которыя могъ собрать почтенный ученый во время жительства своего нѣкогда въ г. Саратовѣ. Удовлетворяя просьбѣ г. Пономарева, Г. С. Саблуковъ передалъ ему черновую рукопись набросаннаго имъ еще въ 1846-мъ г., но не напечатаннаго, очерка современнаго состоянія и прошлаго Увѣкскаго городища, согласившись предоставить рукопись въ распоряженіе Общества А., И. и Э. Эта то рукопись и является нынѣ въ печати подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, будучи такимъ образомъ цѣннымъ и есте-

заботятся достать монеты съ именемъ Укека, какъ представительницу прежняго татарскаго чекана на этомъ мѣстѣ. Что же есть теперь на Увѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ интереснаго или заслуживающаго вниманія? Въ отношеніи къ Увѣку здѣсь, на мѣстѣ, любопытство во многихъ питается видомъ увѣкской мѣстности и соединенными съ нею преданіями; въ другихъ возбуждается черепкомъ, квадратнымъ кирпичемъ или татарскою деньгою, поднятыми изъ пыли городища. Но Увѣкъ имѣетъ еще высшій интересъ, интересъ археологическій, научный: рѣшить или уяснить, по возможности, нѣкоторыя географическія и историческія задачи, представляющіяся въ исторіи Золотой Орды — есть прямой интересъ, влекущій къ Увѣку взглядъ изслѣдователя старины. Не претендуя нисколько на всестороннее разрѣшеніе вопроса объ Увѣкѣ и о значеніи увѣкскаго городища въ минувшихъ судьбахъ Золотоордынскаго царства, я рѣшаюсь въ краткомъ очеркѣ изложить современное состояніе увѣкскаго городища и тѣ отрывочныя преданія и историческія извѣстія, какія сохранились объ немъ до нашихъ дней, — не съ цѣлью внести этимъ хотя сколько нибудь полезный вкладъ въ науку русской археологіи, но хотя бы только для того, чтобы какой либо саратовскій чичероне, изъясняя старину мѣстнаго края и указывая любопытствующему путешественнику на высоту Увѣкскихъ горъ, не оправдалъ на себѣ словъ поэта, что у него отъ недоумѣнія:

Холодный потъ съ лица катился
И перстъ на воздухѣ дрожалъ.

I.

МѢСТНОСТЬ УВѢКА.

Въ Саратовѣ *Увѣкомъ* называютъ нынѣ село, стоящее на рѣчкѣ Увѣковкѣ, ниже Саратова въ 9 верстахъ — лѣтнею дорогою чрезъ Улеши, въ 15 верстахъ—горною дорогою,

---

ственнымъ восполненіемъ къ матеріаламъ, касающимся Увѣковскаго городища и уже напечатаннымъ въ «Извѣстіяхъ» Общества (см. Протоколъ III-го Общаго Собранія, въ I-мъ томѣ «Извѣстій», стр. 49-я; «Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близь дер. Увѣкъ», тамъ же, стр. 62-я, и «Описаніе коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укека», во II-мъ томѣ «Извѣстій», стр. 171).

20

по которой ѣздятъ во время весенняго половодья Волги, и въ $1^{1}/_{2}$ верстѣ отъ берега Волги. Именемъ Увѣка вообще означается также гора или гористый берегъ Волги, возвышающійся въ этомъ мѣстѣ надъ рѣкою, и сельце *Усть-набережный Увѣкъ*, состоящее изъ усадьбъ помѣщиковъ гг. Кабритова, Маурина, Жарскаго и Воздвиженскаго, расположенное на берегу Волги, при подошвѣ горы Увѣкской. Усть-набережный Увѣкъ занимаетъ часть того самаго мѣста, на которомъ видны древніе остатки, принимаемые за слѣды города. Мѣсто занимаемое ими представляетъ, при общемъ взглядѣ на него, изломанный скатъ горы, который нѣкогда былъ болѣе ровнымъ или, по крайней мѣрѣ, менѣе избугреннымъ отлогомъ отъ высоты горы до подошвы ея, т. е. до берега Волги. Преобразованіе его въ нынѣшній видъ совершалось, вѣроятно, постепенно и медленно: при взглядѣ на этотъ берегъ сразу поймешь, что не одно столѣтіе пролетѣло надъ этимъ городищемъ за то время, въ теченіи котораго оно, въ силу мѣстныхъ условій, приняло тѣ неправильныя формы, которыя въ настоящее время выставляются здѣсь передъ глазами. Чтобы понять происхожденіе всѣхъ этихъ изломовъ, впадинъ, осѣдокъ, холмовъ, гребней, и найти причины этихъ измѣненій—нужно сравнить съ этою мѣстностью нѣсколько подобныхъ-же мѣстъ по берегу Волги.

Гора Увѣкъ представляется однимъ изъ отроговъ горной цѣпи, которая тянется вдоль Саратовской губерніи, по правому берегу Волги, и идетъ, то непосредственно надъ рѣкою, составляя нагорный берегъ ея, то удаляясь отъ нея и образуя мѣстами пространныя долины, какова, напримѣръ, долина, занимаемая городомъ Саратовымъ, обогнутая полукругомъ горъ. На пространствѣ двадцати пяти верстъ берега Волги—къ верху и къ низу отъ города Саратова—находимъ мы три такихъ отрога, которые называютъ здѣсь вообще „горами"; они исходятъ отъ горной цѣпи, параллельной Волгѣ, и упираются въ русло этой рѣки. Въ 12 верстахъ выше Саратова лежитъ надъ Волгою гора *Пристанная*, на скатѣ которой стоитъ село Пристанное; на сѣверной окраинѣ города Саратова тянется къ Волгѣ гора *Соколова*, на южномъ ребрѣ которой раскинута часть города, называемая „*на горахъ*". Ниже Саратова, въ 9-ти верстахъ отъ Соколовой горы, высокимъ хребтомъ поднимается отрогъ *Увѣкскій* или гора Увѣкъ; направляясь отъ запада къ востоку, она окан-

чивается крутымъ спускомъ къ берегу Волги. Изъ этихъ трехъ горъ горы Соколова и Увѣкская, поднимаясь мысами надъ самымъ русломъ Волги, представляютъ собою своеобразныя формы; мысъ Соколовой горы представляетъ болѣе данныхъ для объясненія причинъ неровностей части берега Волги, занимаемой увѣкскими развалинами (*).

Оконечность Соколовой горы, на версту вдоль рѣки, глубоко осѣлась и въ крутомъ, почти отвѣсномъ, обрывѣ ея обнажилась первоначальная формація горы, открывъ для геолога тайники ея, со многими замѣчательными фактами постепеннаго образованія нашей планеты. Осѣвшая часть горы, образовавъ впадины, холмы, остроконечныя массы, торчащія вверхъ груды—приняла весьма своеобразныя очертанія, а такъ какъ гора эта о-бокъ съ городомъ, то нѣкоторыя измѣненія и переходы ея въ новыя формы совершались передъ глазами жителей Саратова и лѣтопись этого города на своихъ страницахъ отмѣтила нѣкоторыя изъ нихъ, ближайшія къ намъ по времени (**). Самое древнее изъ нихъ относится къ 1783 году: за это время часть горы сдвинулась къ Волгѣ. Въ 1818 году, 19 іюля, конецъ мыса Соколовой горы глубоко опустился; въ 1838 году прежде осѣвшійся берегъ еще ниже опустился на пространствѣ въ четверть версты, причемъ мѣстами изломался; нѣкоторыя части его осѣлись глубже, другія измѣнили прежнее положеніе свое. Подобные изломы горы безъ сомнѣнія случались и раньше: протокъ Волги Тарханка, отдѣляющій отъ берега Беклемишевъ отстровъ, противъ Соколовой горы, прорылъ себѣ нынѣшній путь сквозь осѣдшійся край горы; островъ былъ нѣкогда соединенъ съ берегомъ и нынѣ на него должно смотрѣть, какъ на отломившуюся и низко опустившуюся часть Соколовой горы (***). Нахожу двѣ причины такихъ изломовъ

(*) Ниже Саратова, на южной сторонѣ его, идетъ къ Волгѣ отрогъ *Лисьихъ* горъ; онъ мало виденъ изъ Саратова, но болѣе означается, если смотрѣть на него снизу, отъ Усть-Набережнаго Увѣка. Онъ, не доходя до Волги, уравнивается съ берегомъ и не представляетъ данныхъ для объясненія особенностей мѣстности Увѣка.

(**) «Краткій историческій очеркъ города Саратова» Леопольдова. Въ Губерн. Саратовск. Вѣдом. 1844 года. Отдѣльнаго оттиска стр. 23, 26.

(***) За пятьдесятъ лѣтъ назадъ протокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ небольшимъ ручьемъ, черезъ который дѣти легко переходили на островъ.

берега подъ Соколовой горой: одна усматривается въ положеніи берега надъ водою, другая, и существеннѣйшая, во внутреннемъ строеніи самаго берега. Волга на пространствѣ отъ Пристаннаго до Увѣка, изгибаясь полудугою, всею массою водъ, особенно во время полноводій, напираетъ на выдающіеся концы горъ и этою борьбою незамѣтно измѣняется прибрежье на главныхъ точкахъ столкновенія двухъ стихій. Обрывы горъ, подымаясь надъ рѣкою, показываютъ, что они давно уже въ спорѣ съ водами Волги и въ этой вѣковой борьбѣ постепенно теряли отдѣльныхъ членовъ своихъ авангардовъ. Впрочемъ въ настоящее время не замѣтно этого напора водъ на берегъ: это было давно, прежде нежели образовался нынѣшній правый берегъ русла Волжскаго,—крѣпкій, каменистый и неуступающій напору воды. Причина позднѣйшихъ изломовъ въ надрѣчныхъ мысахъ скрывается въ нѣдрѣ самихъ горъ. Гора Соколова образованія нептуническаго, состоитъ изъ нѣсколькихъ пластовъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ, что ясно видитъ всякой, когда взглянетъ на отломъ горы съ берега Волги. Въ половинѣ высоты горной стѣны лежитъ пластъ окаменившійся; онъ, отдѣляя верхнюю массу отъ низшей, представляетъ полость такого устройства, что даетъ собою пути для тока воды внутри горы: эта полость идетъ по всей Соколовой горѣ и въ половинѣ горъ Лисьихъ, окружающихъ Саратовъ съ запада. Изъ этого канала въ иныхъ мѣстахъ слабо точатся капли воды, въ другихъ мѣстахъ онѣ вырываются сильно и образуютъ ручьи, имѣющіеся въ разныхъ мѣстахъ южной стороны Лисьихъ горъ: въ Игуменскомъ буеракѣ, противъ сада купца Гладкова, въ Бараниковомъ буеракѣ и далѣе внизъ по Волгѣ, какъ и въ оврагѣ близь деревни Поливановки, гдѣ истоки составили рѣчку Ольшанку. Каналы всѣхъ этихъ истоковъ лежатъ въ этомъ каменномъ слоѣ, отдѣляющемъ верхнюю настилку отъ нижней и лежащемъ въ разныхъ мѣстахъ то ниже, то выше въ горѣ, смотря по разнымъ наклоненіямъ каменной полости. Ниже, много глубже ея, лежатъ другіе слои, но уже съ другимъ образованіемъ. Онѣ служатъ также каналами для воды, но другаго качества. Слой грунта, въ которомъ она имѣетъ движеніе и который передаетъ ей свое качество, лежитъ въ основаніи Соколовой горы и, составляя подошву ея, растилается широкою полостію по всему берегу Волги, занимаемому Саратовомъ. Оттого вы видите лѣтомъ соляной

отсѣдъ, лежащій по берегамъ Волги, оставляемый сочащеюся въ разныхъ мѣстахъ водою: грунтъ Саратовскій даетъ воду солонцоватую, непріятную, горьковатую на вкусъ. Таковы почти всѣ колодези въ Саратовѣ, таковъ родникъ въ берегу Волги подъ женскимъ Воздвиженскимъ монастыремъ, такова частію вода и въ бассейнахъ Саратовскихъ. Подъ Соколовою горою, въ разныхъ мѣстахъ берега, вы замѣтите движеніе этой солонцеватой воды. Пласты земли въ основаніи горы, сохранившіе въ себѣ начала морской осадки, а потому сообщающіе влагѣ, въ нихъ проходящей, свое свойство — соленость—доселѣ еще не окаменившись, сами легко разжижаются отъ влаги, въ нихъ двужущейся. Такимъ образомъ огромныя толщи земли въ оконечностяхъ горы, теряя крѣпость своихъ основаній, осѣдали время отъ времени, и потому не дождь размывалъ край Соколовой горы, не волна Волги истерзала грудь громадной оконечности ея, а влага, кроющаяся въ нѣдрахъ Саратовскаго грунта: незамѣтно истощая твердость основанія, она изломала оконечность Соколовой горы.

Слѣды подобныхъ измѣненій носитъ на себѣ и скатъ Увѣкской горы, на которомъ видны остатки древняго городища. Самый высокій хребетъ—Увѣкскій—стоитъ неколеблемо издавна, представляя въ себѣ начальное образованіе. Протянувшись до берега Волги, онъ остановился саженъ за 15 отъ берега, спускаясь крутымъ скатомъ, котораго верхняя острая оконечность означается у мѣстныхъ жителей именемъ *каланчи*, а уступъ въ половинѣ спуска—именемъ *шихана*. Сѣверная сторона Увѣкской горы отлога; съ различными неровностями спуски этой стороны болѣе и болѣе склоняются до рѣчки Увѣковки, которая льется по глубокому долу подъ горою, принимая въ себя вытекающіе изъ горы ручьи: Черниху, Ржавецъ и Малый Увѣкъ. Другая сторона Увѣкской горы, восточно-южная, къ сторонѣ Волги понижается нѣсколькими крутыми уступами; уступы эти представляются амфитеатромъ и тянутся одинъ надъ другимъ, перерѣзанные поперегъ по мѣстамъ оврагами, которые въ продолженіе столѣтій вырыты потоками водъ, лившихся отъ хребта къ Волгѣ. Восточныя оконечности увѣкскаго хребта и двухъ спусковъ, ему параллельныхъ, образуютъ неровные скаты къ берегу Волги и представляютъ въ себѣ слѣды позднѣйшихъ и, можно сказать, недав-

нихъ преобразованій; это то и есть то мѣсто, которое возбуждаетъ любопытство остатками древняго города. Обзоръ ската горы начнемъ снизу, изъ сельца Усть-набережнаго Увѣка. Сельцо это расположено на берегу Волги, на такой высотѣ, которой уже не достигаетъ вешнее возвышеніе воды этой рѣки. Мѣсто, занятое домами, идущее вверхъ по горѣ до усадьбы г. Маурина—представляетъ нижній уступъ, находящійся при подошвѣ горы: по отношенію къ дальнѣйшимъ возвышенностямъ я называю это пространство нижнею площадью или террасою. Но эта терраса не ровна: она вся изрыта впадинами, взбугрена холмами; сельскія избы крестьянъ разбросаны въ безпорядочномъ, нестройномъ видѣ, между отдѣльными холмами. Отъ берега, мимо усадьбы Маурина, идетъ дорога на вершину горы, находящейся на южной сторонѣ увѣкскаго горнаго гребня. Восходя по дорогѣ въ гору, въ лѣвой сторонѣ вы будете проходить черезъ три площади, лежащія одна надъ другой; изъ нихъ каждая отдѣляется гребнемъ, оставшимся послѣ осадки площади. Такъ, за усадьбою Маурина, лежитъ и нѣсколько огибаетъ усадьбу гребень, котораго сѣверный бокъ, къ усадьбѣ, крутой и покрытый дерномъ, а южный и до сихъ поръ осыпается,—потому кажется, что вторая площадь опустилась позднѣе занятой усадьбою: южный бокъ гребня не успѣлъ еще обрости травою. За гребнемъ, отдѣляющимъ усадьбу Маурина, лежитъ вторая площадь, которая также примыкаетъ къ подобному же гребню. Поднявшись далѣе по дорогѣ, вы взойдете еще черезъ третью площадь уже на самую верхнюю. Гребень, отдѣляющій ее отъ нижней, третьей, площади — поднимается надъ всѣми площадями и господствуетъ надъ берегомъ. Всѣ четыре площади или террасы, направляясь между ограничивающими ихъ гребнями къ юго-восточной сторонѣ, понижаются постепенно, спускаясь къ берегу Волги. Эти спуски, чѣмъ ниже идутъ они къ Волгѣ, тѣмъ болѣе изломаны, изрыты впадинами, простираясь до той линіи, которой достигаетъ вешній разливъ рѣки. Гребни же, составляющіе грани между площадями, идутъ вмѣстѣ съ послѣдними до спусковъ ихъ: тутъ острыя оконечности ихъ прекращаются осыпями. Увѣкскій берегъ, въ настоящее время представляющій безобразный, изломанный скатъ горы—прежде не долженъ былъ быть таковымъ, пред-

ставляя болѣе ровную, болѣе удобную для поселенія, площадь. Изломы берега произошли здѣсь также, какъ и въ горѣ Соколовой: сходныя положенія двухъ горъ заставляютъ предположить и одинаковыя причины, ихъ преобразовавшія. Въ лощинѣ подъ скатомъ увѣкской горы болота —въ нынѣшній годъ съ водою—объясняютъ, что и здѣсь воды горной подошвы были главными причинами изломовъ берега.—Изъ описанія этой мѣстности вывожу то, что этотъ берегъ былъ нѣкогда болѣе удобенъ для заселенія, что первые насельники, положившіе камень въ основу своего жилища, руководились выгоднымъ и удобнымъ мѣстоположеніемъ берега, который могъ благопріятствовать обширнымъ, и деревяннымъ и каменнымъ, постройкамъ. Тутъ дѣйствительно могъ основаться и существовать городъ.

II.

ДРЕВНОСТИ УВѢКСКІЯ.

Посмотримъ теперь, что представляютъ глазамъ наблюдателя остатки древности, находящіеся на скатѣ Увѣкской горы и свидѣтельствующіе о существовавшемъ здѣсь когда-то поселеніи. Съ вершины холма, возвышающагося надъ мѣстомъ всего городища, усматривается очертаніе послѣдняго. Самый холмъ, кажется, служилъ сторожевымъ мѣстомъ или каланчею, съ коей обозрѣвалась и окрестность съ трехъ сторонъ, и вся внутренность города. Отъ увѣкской горы до самаго берега Волги идетъ валъ, съ рвомъ по внѣшней сторонѣ, не глубокимъ въ настоящее время; это сооруженіе ясно говоритъ за свое назначеніе служить нѣкогда защитительною чертою этого мѣста. Съ высоты холма можно видѣть, что вся мѣстность заключающаяся между горою, рвомъ и берегомъ Волги, представляетъ площадь треугольника, ограниченнаго, съ восточной стороны—берегомъ Волги, съ сѣверо-западной стороны—Увѣкскою горою, съ юго-западной стороны—валомъ и рвомъ. На верхней площади, на внутренней сторонѣ рва, находятся слѣды четвереугольной постройки, у одного изъ угловъ которой замѣчаются остатки сооруженія, въ видѣ осыпи кургана. Эта насыпь, была ли

курганомъ, или какою-либо частью постройки,—опредѣлить въ настоящее время трудно. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого мѣста встрѣчаются подобныя же розсыпи, но уже меньшей величины. Онѣ также представляютъ близкое сходство съ курганами; центры ихъ опустились и образовали ямы значительной величины, что заставляетъ предполагать, что онѣ нѣкогда были разрыты. Края кургановъ, представляющіе теперь собою окружности кратеровъ, плотно улеглись, покрылись травою и проросли кореньями. Въ массѣ описываемыхъ насыпей обнаруживаются кирпичи, совершенно подобные кирпичамъ, обнаруживаемымъ въ окрестныхъ обвалившихся постройкахъ. Ближе къ берегу Волги, ниже гребней, отдѣляющихъ четыре площади, на нижней части спуска, близь сада Бѣлавина (?)—лежатъ основанія четвероугольнаго зданія: оно представляетъ квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ до 30 шаговъ и идетъ въ видѣ вала, очевидно образовавшагося изъ разрушившейся стѣны зданія. Изъ подъ дерна, которымъ заросъ остовъ зданія, во всѣхъ обвалахъ стѣнъ обнаруживаются кирпичи, изъ котораго построено было нѣкогда это сооруженіе. За двумя западными (къ горѣ) углами квадрата лежатъ осыпи въ видѣ колецъ; не отдѣляясь отъ стѣнъ зданія, или, лучше, соединенныя съ западными углами главнаго строенія, онѣ своимъ положеніемъ заставляютъ считать себя пристройками или частями бывшаго на мѣстѣ этого квадрата зданія. По протяженіи всего городища во множествѣ находятся осколки каменной домашней посуды, а также различные другіе предметы древности; особенно много черепковъ посуды попадается на скатѣ горы, между второю и третьею площадями. Многіе черепки посуды даютъ намъ видѣть, что каменная посуда, части которой они составляютъ, приготовлялась съ большимъ искусствомъ. Глина—бѣлая, какъ и въ современной намъ каменной посудѣ — муравилась, т. е. обливалась стекломъ и покрывалась разноцвѣтными красками, съ преобладаніемъ голубой, синей, зеленой, красной; краски накладывались въ разновидныхъ очертаніяхъ, иногда же на весь сосудъ наводилась сплошь какая либо одна краска. Отъ времени до времени находимы бываютъ на городищѣ и различныя галантерейныя вещи, свидѣтельствующія о роскоши населенія древняго города. Я видѣлъ у г. Мауриna два серебряныхъ кольца, одно золотое и три

или четыре сердоликовыхъ. Они найдены были на Увѣкѣ въ то время, когда г. Мауринъ населялъ здѣсь свое помѣстье. Замѣчателенъ своею величиною бирюзовый камень, найденный имъ въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. Лично мною найдено на Увѣкѣ небольшое серебряное кольцо, которому дана форма змѣи; принадлежало ли оно къ обыкновеннымъ уборамъ, или употреблялось при особливыхъ какихъ либо случаяхъ—рѣшить не берусь: оно найдено мною на поверхности земли, въ мѣстѣ гдѣ была могила, среди остатковъ ея, о которыхъ сказано будетъ ниже. Третій видъ увѣкскихъ древностей составляютъ серебряныя и мѣдныя монеты Золото-Ордынскаго царства. Ихъ находятъ порознь на всемъ пространствѣ, которое было нѣкогда занято городомъ. Монетъ прежде находили очень много; при умноженіи же народонаселенія находки ихъ уменьшились. Въ кабинетѣ г-на Маурина, который давно уже старательно собираетъ монеты, находимыя на Увѣкѣ, насчитывается до 2000 золотоордынскихъ монетъ различнаго достоинства. Всѣ находимыя здѣсь монеты относятся къ самому цвѣтущему времени Золото-Ордынскаго царства, отъ начала царствованія Токтагу-хана до Абдуллаха включительно, т. е. съ 1291 до 1375 года. Въ нынѣшнемъ году, въ бытность мою на Увѣкѣ, найдены были двѣ мѣдныя монеты, незначительныя нумизматическимъ достоинствомъ своимъ. Одна — экземпляръ монеты, которая описана въ Recensio Numorum Fhraeni, pag. 404, № 13, и въ „Монетахъ Улуса Джучіева (того же автора)“ подъ № 387; другая—экземпляръ монеты, описанной въ „Монетахъ Улуса Джучіева“ подъ № 45 и въ Recensio Numorum pag. 219, № 40. Не только на всемъ пространствѣ, заключающемся въ треугольникѣ, ограничивавшемъ собою городъ, но и на различныхъ мѣстахъ, находящихся внѣ городища, обнаруживаются слѣды древнихъ погребальныхъ сооруженій. Простираясь по двумъ среднимъ площадямъ городища, остатки погребальныхъ построекъ разбросаны въ немаломъ количествѣ и ниже, ближе къ Волгѣ, по чертѣ берега, которая назначена высшимъ разливомъ весенняго половодья Волги. Остатки ихъ видны также и на западной сторонѣ отъ вала, въ лощинахъ между грядами, образующими южный спускъ увѣкскаго хребта; изслѣдованныя мною могильныя сооруженія представляли слѣдую-

щій видъ. Въ землѣ выложенъ сводъ изъ кусковъ песчаника сѣро-розоваго цвѣта; эти куски имѣютъ различную величину—четверти двѣ, три, а иногда и менѣе—и тѣ формы, какія вообще способенъ принимать песчаникъ при его раздробленіи. Основаніе свода имѣетъ форму овала, длиною отъ сѣвера къ югу до трехъ аршинъ, при ширинѣ до полутора аршина. При этой каменной кладкѣ всегда попадаются кости, черепки глиняной посуды, обожженной на столько хорошо, что черепокъ, величиною въ четверть, издаетъ звонъ; нѣсколько обломковъ четвероугольнаго квадратнаго кирпича, толщиною въ одинъ вершокъ; иногда куски чугуна, величиною вершка въ два или три; угли изъ дубоваго, сосноваго и другихъ деревъ, иногда испепелившіеся, иногда же не догорѣвшіе вполнѣ и сохранившіеся въ видѣ гнилушекъ; значительное количество золы, смѣшавшейся съ землею, но сохранившей свой видъ и цвѣтъ. Въ различнаго вида костяхъ которыхъ я, не зная анатоміи, не умѣю точно отнести къ опредѣленному роду животныхъ, видны кости овечьи, лошадиныя, воловьи.

Всѣ эти вещества попадаются, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, во всѣхъ склепахъ и составляютъ какъ бы необходимую принадлежность ихъ. Нѣкоторые изъ склеповъ, найденные мною сохранившимися безъ всякаго повреждения, пояснили собою значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ остатковъ. Такъ, глиняные черепки, одинаковые по своей отдѣлкѣ и качеству глины, суть обломки вазъ различной величины, употреблявшихся при погребеніи; куски чугуна, находимые при могилахъ, были крышками отъ кувшиновъ. Это объяснилъ цѣльный кувшинъ, найденный мною на Увѣкѣ (26 іюля нынѣшняго 1846 года) при одной изъ могилъ, въ крутой осыпающейся оконечности гребня, который простирается за усадьбою г-на Маурина и отдѣляетъ нижнюю площадь отъ второй, лежащей выше. Конецъ гребня, осыпавшись понемногу, обнаружилъ обыкновенныя, описанныя выше, вещи: угли и куски согнившаго дерева, которое было жжено, кости и черепки глиняной посуды. Все это было прикрыто сверху слоемъ дерна толщиною въ четверть, открывшагося наружу черезъ осыпь. Подъ слоемъ золы, углей, костей, стоялъ цѣльный кувшинъ, прикрытый чугунною крышкою. Высота кувшина 14½ вершковъ, поперечникъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ 10 вершковъ, устье горла въ діаметрѣ

$3^1/_2$ вершковъ, дно—6 вершковъ. Ширина чугунной покрышки—въ діаметрѣ съ четверть и въ вершокъ толщиною. Въ сосудѣ, на вершокъ высоты отъ дна, сдѣлано отверстіе, какія обыкновенно дѣлаются для выцѣживанія жидкости. Неподалеку отъ кувшина, на аршинномъ разстояніи отъ него, примѣтно мѣсто или пустота, въ которой стоялъ подобный же сосудъ, но онъ былъ разбитъ и послѣ него осталась только впадина, имъ занимаемая, и нѣсколько черепковъ, показавшихъ собою, что этотъ разбитый кувшинъ имѣлъ другое устройство: устье у него было широкое, что придавало ему форму корчагъ нашего времени. Не въ далекѣ отъ мѣста, гдѣ найденъ кувшинъ, замѣчены подобныя же вещи: но кромѣ золы, угля, кувшинныхъ обломковъ, кусковъ отъ чугуннаго котла, сильно изоржавѣвшихъ, здѣсь оказалась кирпичная площадка, протяженіемъ во всѣ стороны болѣе, нежели на два аршина. Кирпичь, изъ котораго она выложена, четвероугольный, квадратный: всѣхъ кирпичей здѣсь найдено пятнадцать. Все вышесказанное приводитъ меня къ несомнѣнному заключенію, что изслѣдованная мною мѣстность представляетъ собою остатки древняго кладбища. При этомъ мнѣ представляется и слѣдующая картина совершавшагося здѣсь погребенія. Выкопавъ въ глубинѣ земли могилу, дѣлали въ ней склепъ изъ дикаго камня, въ которомъ и клали трупъ, головою или съ сѣвера на югъ, или обратно, съ юга на сѣверъ; выше склепа выстилалась кирпичная площадка, на которой, въ память или въ честь умершаго, сожигались различныя животныя. При покойникѣ ставили глиняный сосудъ, прикрытый чугунною крышкою и, быть можетъ, заключавшій въ себѣ тѣ или другія съѣстные припасы.

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ НА УВѢКЪ.

Остатки старины, находящіеся на скатѣ горы Увѣка, должны быть относимы къ различнымъ эпохамъ: не одинъ народъ оставилъ послѣ себя эти, все болѣе и болѣе сглаживающіеся, слѣды своей жизни на этомъ мѣстѣ. Чтобы вывести въ этомъ отношеніи какое либо правдоподобное

заключеніе, пересмотримъ историческія указанія на увѣкскія древности, начиная съ ближайшихъ къ намъ по времени и кончая древнѣйшими, за предѣлами которыхъ лежитъ уже область полной исторической неизвѣстности.

Приступая къ письменнымъ извѣстіямъ прежняго времени объ Увѣкѣ, не хочу умолчать о преданіяхъ настоящаго времени, которыя донынѣ живутъ среди мѣстныхъ жителей. Начинаю ими не потому, чтобы они могли сколько нибудь освѣтить намъ вопросъ, но только для того, чтобы полнѣе представить Увѣкъ въ настоящее время. Между людьми обыкновеннаго общежительнаго образованія господствуетъ мысль, что на этомъ мѣстѣ былъ какой-то татарскій городъ. Эта мысль въ здѣшней сторонѣ хотя обыкновенна и обща въ отношеніи ко многимъ мѣстамъ, съ какими бы ни было остатками старины, но, относимая и къ Увѣку, не ослабѣвается тѣмъ въ своей справедливости. Татарскія деньги, тутъ находимыя, служатъ опорою этому преданію. Къ этому присоединяется нѣсколько суевѣрныхъ разсказовъ, ходящихъ о городищѣ. Такъ, жители Усть-набережнаго Увѣка съ таинственнымъ видомъ разсказываютъ, что въ саду Воздвиженскаго, нѣсколько лѣтъ сряду, послѣ того какъ въ немъ сняты были яблоки, умирали караульщики сада. Нѣкоторые изъ Саратовскихъ жителей, снимавшіе садъ г-на Маурина, сообщали мнѣ въ 1841-мъ году, что въ одну грозную ночь, при шумѣ падающаго дождя и при грохотѣ грома — они слышали непрестанный вой какихъ то звѣрей въ густыхъ кустахъ дола, раздѣляющаго садъ г. Маурина; что злая собака при караульщикѣ сада, порываясь развѣдать причину этого воя, со страхомъ и съ визгомъ отбѣгала отъ этого мѣста всякій разъ, какъ готова была броситься туда; что по прошествіи грозы тамъ не замѣчено и слѣда какого бы то ни было животнаго. Люди словоохотливые высказывали соображеніе, что эти дива имѣютъ связь со множествомъ могилъ, разсѣянныхъ по скатамъ горъ,—отъ которыхъ и тянется долъ, проходящій чрезъ садъ, что всѣ эти ужасы совершаются потому, что на этихъ мѣстахъ было прежде татарское кладбище: добавляли къ этому, что тутъ находили цѣлые гроба въ разные года того времени, какъ поселились здѣсь русскіе. Изъ этихъ суевѣрныхъ разсказовъ, если выжать изъ нихъ всю сущность, можетъ быть выведено заключеніе,

что до настоящаго времени въ средѣ мѣстнаго населенія хранится преданіе о жительствѣ въ древности татаръ на этомъ мѣстѣ, что преданіе и простое наблюденіе указываютъ здѣсь кладбище и множество какихъ то могилъ. Но перехожу къ памятникамъ письменнымъ.

Ближайшее къ намъ письменное извѣстіе объ Увѣкѣ относится къ послѣдней четверти прошедшаго XVIII столѣтія. Оно находится въ „Географическомъ Словарѣ Россійскаго государства" и состоитъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:

„Городъ (Саратовъ) окружается горами. Знатнѣйшая изъ видимыхъ есть *Увекъ*; лежитъ надъ Волгою. Въ крутыхъ осыпяхъ сей горы видны остатки древняго города *Увеака* (*).

За пятьдесятъ семь лѣтъ до настоящаго времени увѣкскій берегъ былъ, кажется, совершенно въ такомъ же состояніи, въ какомъ видимъ его и теперь: различіе развѣ только въ томъ, что въ 1789 году не было еще нынѣшняго сельца Усть-набережнаго Увѣка. Это извѣстно не потому только, что Географическій словарь ничего не говоритъ о существованіи здѣсь поселенія, упоминая только объ остаткахъ древности въ осыпяхъ увѣкской горы, но и потому, что нынѣшій Усть-набережный Увѣкъ началъ селиться только въ концѣ прошедшаго столѣтія. Первая усадьба на этой землѣ, принадлежавшей городу Саратову, заведена г-мъ Мауринымъ, а послѣ него вскорѣ поселились тутъ и остальные нынѣшніе владѣльцы. Нынѣшнее же село Увѣкъ, хотя и давно существуетъ и въ прошедшемъ столѣтіи тутъ былъ даже монастырь,—какъ говоритъ преданіе, впрочемъ темное, не основанное на прямыхъ свидѣтельствахъ (по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что Саратовскій монастырь имѣлъ тутъ свои земли, каковыми и теперь владѣетъ нынѣшній Саратовскій Спасопреображенскій монастырь)—но, тѣмъ не менѣе, ни село, ни монастырь не заводили никакихъ строеній въ той части берега Волги, на которой расположенъ нынѣ Усть-набережный Увѣкъ, угнѣздившійся среди грудъ щебня, свидѣтельствующихъ о су-

---

(*) Новый и полный Географическій словарь Россійскаго Государства. Москва 1789. Часть V, стран. 86.



ществовавшемъ здѣсь въ древности поселеніи. Эти груды щебня Географическій Словарь принимаетъ за остатки древняго города и называетъ его *Увсакомъ*.

На какомъ основаніи авторъ Географическаго Словаря даетъ древнему городу это названіе — неизвѣстно. Можно бы думать, что оно основано на особомъ чтеніи этого слова на извѣстныхъ экземплярахъ золотоордынскихъ монетъ, но объ этомъ имени города, по надписи на этихъ монетахъ, у насъ въ Россіи до Френа никто не говорилъ; восточные (арабскіе) писатели также не даютъ основанія для пріуроченія этого названія къ нынѣшнему увѣкскому городищу, какъ не даютъ его—на сколько мнѣ это извѣстно— и предшествовавшіе отечественные письменные памятники.

Старѣйшее, сравнительно съ Географическимъ Словаремъ, письменное свидѣтельство объ увѣкскомъ городищѣ сохранилось отъ первой четверти XVII-го стол., именно въ „Книгѣ Большему Чертежу", въ которой мы находимъ описаніе состоянія усть-увѣкскаго берега въ первой четверти XVII вѣка или даже въ концѣ XVI-го, какъ можно заключить изъ общаго описанія этой мѣстности. Въ „Книгѣ Большему Чертежу" (стр. 157-я) читаемъ мы:

„А ниже Карамана рѣки 40 верстъ, на Волгѣ, городъ Саратовъ. Подъ Саратовымъ пала рѣчка изъ озера, а другая рѣчка пала изъ поля.

„А на Волгѣ рѣкѣ, противъ Саратова, островъ.

„А ниже тово острова, съ нагорныя стороны, пала въ Волгу рѣка Увѣша, а ниже ее городище *Увѣшинское*".

Составитель „Книги Большему Чертежу", то есть описанія къ большой или генеральной географической картѣ Россіи, въ приведенныхъ словахъ передаетъ намъ объ Увѣкѣ два историческія свѣдѣнія: во первыхъ, онъ указалъ мѣсто Увѣка, во вторыхъ, представилъ состояніе Увѣка въ концѣ XVI-го или въ началѣ XVII вѣковъ. Мѣстоположеніе Увѣка „Книга Б. Ч." опредѣляетъ положеніемъ Саратова и рѣчкою Увѣшою, которую нынѣ зовутъ и Увѣкомъ и Увѣковкою. Саратовъ, когда вносилось извѣстіе о немъ въ Книгу Б. Ч., стоялъ на луговой сторонѣ, ниже Карамана въ 40 верстахъ, на рѣчкахъ, изъ коихъ одна течетъ изъ озера, другая изъ поля, и противъ острова; Саратовъ стоялъ именно на устьи рѣчки Сара.

Въ какомъ положеніи былъ Увѣкъ въ концѣ XVI столѣтія и что древняго въ немъ было — извѣстіе объ этомъ заключается только въ томъ, что Увѣкъ названъ *„городищемъ"*. Словомъ *городище* авторъ выразилъ тоже, что и нынѣ означаютъ этимъ словомъ, т. е. мѣсто, на которомъ былъ нѣкогда городъ, жительство, укрѣпленное въ защиту отъ непріятельскихъ нападеній. Укрѣпленіемъ, при тогдашней степени искуства фортификаціи, служилъ всегда земляной валъ и при немъ съ внѣшней стороны ровъ; опоясывая жилище со сторонъ, открытыхъ нападеніямъ, они дѣлали ихъ „городомъ", мѣстомъ „огороженнымъ". Потому то ровъ, идущій въ настоящее время отъ южнаго ската увѣкской горы и спускающійся къ берегу Волги, и далъ, еще за два съ половиною вѣка до нашихъ дней, основаніе пріурочить къ интересующей насъ мѣстности наименованіе „городища".

Углубляясь далѣе въ древность, мы встрѣтимся съ свидѣтельствомъ объ Увѣкѣ у арабскаго географа *Абульфеды*, жившаго въ первой половинѣ XIV столѣтія нашего лѣтосчисленія. Описывая Приволжье въ цвѣтущее время Золото-Ордынскаго царства, онъ говоритъ объ Увѣкѣ (*):

„Итиль (рѣка Волга) течетъ отъ города Булара (Булгара) къ городу Укеку, стоящему на берегу ея; далѣе она течетъ къ селенію Бельджемену, которое стоитъ на южной сторонѣ ея".

Далѣе Абульфеда точнѣе указываетъ положеніе Укека:

„Городъ Укекъ стоитъ на западномъ берегу Итиля, между Буларомъ и Сераемъ, на половинѣ пути между ними, въ разстояніи отъ того и другаго почти на пятьнадцать дней пути. Укекъ есть пограничный городъ царя татарскаго въ смежности съ страною Беркетовъ, которая не вдалекѣ отъ него".

Изъ этой географической отмѣтки араба какое получаемъ мы свѣдѣніе объ Увѣкѣ? Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь есть разность въ имени города отъ того имени, какое нынѣ осталось въ названіи мѣста, составляющаго предметъ нашего разбора. Спрашивается, можетъ ли быть отожест-

---

(*) Sur les origines Russes. Extrais des manuscrits orientaux, par M. J. de Hammer. St. Petersburg, 1827. pag. 9, origin. pag. 82, 83.

вляемо названіе „Укекъ", встрѣчающееся у Абульфеды, съ названіемъ „Увѣкъ", которое носитъ нынѣ интересующая насъ мѣстность? Изъ свидѣтельства Абульфеды можетъ быть выведенъ отвѣтъ положительный; можетъ быть выведено заключеніе, что городъ Укекъ XIV-го вѣка находился именно тамъ, гдѣ впослѣдствіе, въ началѣ XVI столѣтія, русскій географъ указывалъ „городище Увѣшинское". Это видно изъ указанія мѣста города Укека между Булгаромъ, котораго древнее мѣстоположеніе достовѣрно извѣстно и котораго развалины до сего времени видны у села Успенскаго—Болгаръ и между Сараемъ, столицею Золото-Ордынскаго царства, котораго древнее мѣстонахожденіе доказано г-мъ Григорьевымъ: г. Григорьевъ, какъ ученый оріенталистъ, руководствуясь правилами ученаго изысканія и сильный логическою ясностію, отчетливо пересмотрѣлъ всѣ относящіеся къ вопросу источники и указалъ древнее мѣсто столицы Золотой Орды у нынѣшняго города Царева. Абулфеда говоритъ, что Укекъ находится на серединѣ пути отъ Булгара къ Сараю. Измѣривъ нынѣшнее разстояніе между этими двумя предѣльными пунктами, т. е. между Булгаромъ и Сараемъ, иначе—между селомъ Успенскимъ, стоящимъ на развалинахъ Булгара, и между г. Царевымъ, окруженномъ остатками Сарая, мы имѣемъ основаніе согласиться, что „Укекъ" Абульфеды находился именно тамъ, гдѣ нынѣ находится нашъ Увѣкъ. Дѣйствительно: отъ села Успенскаго до Увѣка пятьсотъ верстъ; отъ Увѣка до Царева, по нынѣшней большой дорогѣ, 430 верстъ. Разность, какая усматривается здѣсь въ числахъ, не должна приводить въ сомнѣніе относительно возможности примирить это разногласіе и свести въ одну точку, на Увѣкѣ, двѣ неровныя длины пути. Во первыхъ, арабскій географъ измѣряетъ пространство дневными переѣздами каравана, почему и въ измѣреніи не можетъ быть здѣсь той численной точности, какую представляетъ измѣреніе нашими верстами. Во вторыхъ, дороги на обѣихъ половинахъ пути къ Увеку, завися отъ мѣстныхъ выгодъ или невыгодъ переѣзда для путешественниковъ, и, допуская объѣзды на населенные пункты, не могли измѣряться съ тою математическою вѣрностію, съ какою мы циркулемъ измѣряемъ длину ихъ по картѣ и по масштабу. Вслѣдствіе всего сказаннаго, мы и не можемъ настаивать на томъ, чтобы искать мѣсто древ-

няго Укека, согласно буквальному указанію Абульфеды, на какомъ либо другомъ мѣстѣ, выше нынѣшняго Увѣка. Къ отожествленію Укека и Увѣка приводитъ и свидѣтельство Абульфеды о мѣстонахожденіи города Укека на западномъ, т. е. на правомъ, берегу Волги; къ этому же приводитъ насъ близкое родство обоихъ названій, народное преданіе и, наконецъ, археологическіе памятники древности, обнаруживающіеся на увѣкскомъ берегу.

Признавая такимъ образомъ, что Укекъ Абульфеды— есть Увѣкъ нашего времени, или, точнѣе, то самое городище, которое нынѣ занято Усть-набережнымъ Увѣкомъ,— мы извлекаемъ изъ сказаній арабскаго географа весьма немного историческихъ свѣдѣній о современномъ ему состояніи города Укека:

„Укекъ есть пограничный городъ царя Татарскаго въ смежности съ страною Беркетовъ, которая невдалекѣ отъ него".

Здѣсь уже съ самаго начала непонятнымъ кажется свидѣтельство Арабскаго писателя о томъ, что Укекъ былъ пограничнымъ городомъ царя Татарскаго; ибо, зная владѣнія Золото-Ордынскаго царства по исторически—достовѣрнымъ извѣстіямъ, мы увидимъ, что Укекъ, находясь на мѣстѣ нынѣшняго Увѣка, былъ однимъ изъ внутреннихъ городовъ Золотой Орды, слѣдовательно не могъ находиться на границѣ ея владѣній. Это свидѣтельство Абульфеды считаю я возможнымъ слѣдующимъ образомъ согласовать съ принятымъ нами мнѣніемъ о нахожденіи города Укека на мѣстѣ нынѣшняго Увѣка. Золото-Ордынскіе ханы, покоривъ племена, жившія къ западу отъ рѣки Волги—Буртасъ, въ нынѣшней Симбирской и Саратовской губерніяхъ, Мордву въ Пензенской, Половцевъ между Волгою, Дономъ и Днѣпромъ,—для себя и для Орды избрали главнымъ становищемъ заволжскую степь, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Саратовской, Астраханской и далѣе на востокъ, въ глубь степей сѣверо-восточнаго побережья Каспійскаго моря; дѣйствительно, въ первой четверти XIV столѣтія вся сила и жизнь Золотоордынскаго монголо-татарскаго царства сосредоточивалась въ предѣлахъ этой степи. Здѣсь, на правой сторонѣ Волги, жили другіе, иноплеменные завоевателямъ народы, которые рѣзко отличались отъ монголовъ. Указывая на Укекъ, какъ на границу Золотоордынскаго царства, Абульфеда тѣмъ са-

нымъ какъ бы провелъ черту, отдѣлившую собственно монголо-татаръ, которые тогда еще разительнѣе, нежели въ последующее время, сохраняли на себѣ черты монгольской жизни, отлившіяся въ свою форму тамъ, въ глубинѣ Азіи,— отъ буртасъ, половцевъ, мордвы и наконецъ отъ русскихъ, которые, находясь всѣ въ подчиненіи царю татарскому, представляли тѣмъ не менѣе что-то столь особенное отъ монголовъ, какъ по происхожденію, такъ и по образу жизни и по нравамъ, что арабскіе путешественники представляли ихъ себѣ чѣмъ-то отдѣльнымъ въ державѣ Золотоордынской. Народъ „Беркеты", которыхъ Абульфеда называетъ сосѣдями татаръ, было то самое племя, которое въ другихъ источникахъ встрѣчается подъ именемъ „Буртасъ" и которое жило, между прочимъ, и въ нынѣшней Саратовской губерніи. Съ другой стороны, называя Укекъ „городомъ татарскаго царя", Абульфеда намекаетъ на племенное происхожденіе его населенія, даетъ намъ понять, что въ его время Укекъ былъ населенъ преимущественно монголами, народомъ завоевавшимъ эту страну и основавшимъ Золотоордынское царство. Извѣстно, что въ каждой покоренной странѣ монголы вводили, руководствуясь своими законами и обыкновеніями, свое управленіе, давали странѣ своихъ чиновниковъ и оставляли при послѣднихъ значительное количество войска, вслѣдствіе чего *юртъ* или постъ, занимаемый областнымъ правителемъ въ покоренной странѣ, всецѣло носилъ на себѣ типъ монгольскій, съ преобладаніемъ здѣсь надъ туземнымъ элементомъ всего монгольскаго, всего татарскаго. Абульфеда описываетъ городъ Укекъ въ то время, когда не прошло еще и одного столѣтія со времени владычества здѣсь монголовъ: это время—было временемъ цвѣтущей силы Золотой Орды. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, Укекъ, или нынѣшній нашъ Усть-Набережный Увѣкъ, въ эпоху Абульфеды долженъ былъ носить типъ города въ полномъ смыслѣ слова монгольскаго. Такимъ образомъ Абульфеда, назвавъ Укекъ „пограничнымъ городомъ царя татарскаго",—указываетъ, по нашему мнѣнію, и на положеніе этого города среди племенъ, покоренныхъ ханами Золотой Орды, и на монгольскій типъ его, и на племенной составъ его населенія.

Укажемъ, наконецъ, послѣдній источникъ свѣдѣній нашихъ о древнемъ Укекѣ. Этимъ источникомъ является ну-

низматика, именно данныя, почерпаемыя изъ разсмотрѣнія монетъ Золотоордынскаго царства. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются серебряныя монеты, битыя при Токтогу—Ханѣ, монеты, на которыхъ мѣсто ихъ чеканки названо „Укекъ“. Эти монеты описаны въ трудахъ М. Х. Френа: „Recensio Numorum etc.“ (pag. 199, № 6 и pag. 649) и „Монеты Хановъ Улуса Джучіева“ (стр. 5, № 27). Эти монеты съ именемъ Укека биты въ 706 году гиджры или въ 1306 по Р. Х., а потому свидѣтельство ихъ почти современно свидѣтельству Абульфеды или предваряетъ послѣднее не болѣе какъ тремя десятками лѣтъ. Разсматриваемый нами нумизматическій фактъ является логическимъ восполненіемъ свидѣтельства Абульфеды.

Съ одной стороны, монета Токтогу Хана, битая въ Укекѣ въ 1306 году, подтверждаетъ, что дѣйствительно въ татарскомъ царствѣ существовалъ въ 1306 году городъ *Укекъ* и что въ немъ бита была даже монета, какъ и во многихъ другихъ Золотоордынскихъ городахъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ начертаніи буквами слова „Укекъ“ на монетѣ усматривается небольшая разность съ именемъ города у Абулфеды: на монетѣ онъ написанъ اوكاك, у Абульфеды اوكك, иногда اوكاك и اكك. Эта разность не должна вести къ предположенію о двухъ городахъ, сходныхъ именемъ: система письма арабскими буквами очень легко можетъ допустить подобныя измѣненія въ письмѣ и замѣнить въ словѣ гласныя буквы гласными знаками; это тѣмъ легче можетъ быть допущено, что арабскій писатель изображалъ названіе города иноязычное. А такъ какъ фактъ нумизматическій почти современенъ свидѣтельству иностраннаго писателя,—то несомнѣннымъ является, что арабскій писатель говоритъ здѣсь о томъ же городѣ, который указывается и на монетѣ, коль скоро онъ не говоритъ о существованіи въ Ордѣ въ тоже время еще другаго города съ такимъ же или съ подобнымъ именемъ. Въ значительномъ количествѣ монетъ, собранныхъ на Увѣкѣ, я встрѣтилъ нѣсколько экземпляровъ монеты Туктагу—Хана съ названіемъ города Укека. Но сами по себѣ эти монеты не могутъ еще доставить точку опоры, утвердившись на которой мы могли бы сказать что либо безусловно положительное относительно мѣста древняго Укека: онѣ могли также случайно попасть въ мѣстность ны-

нѣшняго Увѣка, какъ попали сюда и монеты, битыя въ Сараѣ, Харезмѣ, Азовѣ, Гюлистанѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Золотой Орды. И только соображаясь съ другими, выше приведенными данными, мы можемъ утверждать, что монеты съ именемъ Укека, находимыя среди дресвы въ развалинахъ нынѣшнаго Увѣка, *биты именно на этомъ мѣстѣ;* къ этому слѣдуетъ добавить, что монеты съ именемъ Укека находятъ чаще и преимущественнѣе здѣсь, нежели въ другихъ городищахъ Золотоордынскаго царства, гдѣ находки ихъ несравненно рѣже. Съ другой стороны, монета съ именемъ Укека, свидѣтельствуя, что въ Укекѣ былъ монетный дворъ, тѣмъ самымъ заставляетъ сдѣлать заключеніе, что этотъ городъ былъ однимъ изъ первостепенныхъ городовъ Орды, что, имѣя въ себѣ монетный дворъ, какъ и многіе лучшіе города Золотоордынскіе, онъ вмѣщалъ въ себѣ одно изъ улусныхъ управленій, былъ мѣстопребываніемъ областныхъ государственныхъ чиновниковъ,—слѣдовательно долженъ былъ удерживать верхъ надъ многими другими аулами Орды и своимъ политическимъ значеніемъ, и численностью населенія, и количествомъ домовъ, и качествомъ ихъ постройки. Наблюдая въ Увѣкскомъ городищѣ ничтожные остатки, которыя хотя сколько нибудь могутъ дать собою понятіе о домашнемъ бытѣ давноминувшей старины татарской,—я находилъ признаки большаго сходства домашняго быта Укекскихъ жителей съ тѣмъ, какой усматривается изъ остатковъ, сохранившихся на мѣстѣ столицы Золотоордынской, въ окрестностяхъ нынѣшняго города Царева: тѣже формы и орнаменты на черепкахъ глиняной домашней посуды; таже манерная цвѣтная полива; тѣже украшенія, бусы и другія галантерейныя вещи и т. п. Все это заставляетъ пріурочивать оба города—и Сарай и Укекъ—къ одной эпохѣ, къ одному народу.

Приведеннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшимъ, нумизматическимъ извѣстіемъ, почерпаемымъ изъ монеты Токтагу Хана,—ограничиваются мои свѣденія объ Увѣкѣ. Они заключаются слѣдовательно въ томъ, что въ началѣ XIV столѣтія существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго Увѣка древній монгольскій городъ Укекъ, который, въ цвѣтущій вѣкъ могущества Кипчакскаго царства, при ханѣ Узбекѣ, безъ сомнѣнія процвѣталъ вмѣстѣ съ другими городами Золотой Орды. Но что онъ былъ прежде? Кому онъ обязанъ началомъ своимъ?

Не существовалъ ли онъ прежде пришествія сюда монголовъ, напримѣръ при половцахъ, при буртасахъ, при хвалисахъ, при хазарахъ? Объ этомъ молчитъ древность,—а потому и мы ничего не можемъ высказать сколько нибудь положительнаго. Не знаемъ мы также достовѣрно и времени, когда Укекъ пересталъ быть городомъ, когда онъ былъ приведенъ въ то ничтожество, въ какомъ нынѣ видимъ мы его остатки; не знаемъ, чья рука бросила пламень, испепелившій и сгладившій съ лица земли этотъ, нѣкогда очевидно могущественный, Золотоордынскій городъ. Но, если по первому вопросу мы невольно должны ограничиться молчаніемъ,—по второму вопросу мы можемъ предложить отвѣтъ, если и не рѣшительный, то по крайней мѣрѣ имѣющій за собою значительную степень вѣроятности. Въ теченіи XIV-го вѣка, когда Золотоордынская держава была еще крѣпка, когда частыя междоусобія во второй половинѣ этого вѣка, истребляя народонаселеніе, не истребляли еще по крайней мѣрѣ наружнаго, внѣшняго, благосостоянія Орды —въ то время, конечно, и Укекъ существовалъ въ качествѣ города. Но въ послѣднее десятилѣтіе XIV-го вѣка могущественный противникъ Токтамыша прошелъ черезъ весь Кипчакъ съ мечемъ и пламенемъ: въ это время погибло много городовъ Золотоордынскихъ, въ это время палъ, по всей вѣроятности, и Укекъ. И дѣйствительно, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Тамерланъ, на пути отъ Сарая къ Ельцу, велъ свои полчища не пустыми степями, а черезъ города и юрты Кипчакскаго царства, въ которыхъ онъ могъ и насытить свое кровожадное мщеніе, и, съ другой стороны, дать своимъ полчищамъ возможность поживиться богатою добычею. Укекъ находился какъ разъ на пути этого побѣдоноснаго и разрушительнаго шествія,—и не могъ конечно не раздѣлить общей участи городовъ Золотой Орды.

IV.

ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЪИДУЩАГО.

Принимая въ соображеніе, съ одной строны—немногіе археологическіе памятники Увѣкскаго берега, а съ другой стороны—краткія историческія извѣстія объ Укекѣ, за-

вѣщанныя намъ несловоохотливою древностью, мы невольно столкнемся съ вопросомъ: отъ одной ли эпохи и отъ одного ли народа сохранились всѣ памятники древности, обнаруживаемые на Увѣкѣ, или, наоборотъ, могутъ они быть пріурочиваемы къ различнымъ эпохамъ и къ различнымъ народамъ? Факты, находящіеся въ нашемъ обладаніи, исключаютъ возможность прямаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Достовѣрно только то, что въ нынѣшнихъ остаткахъ Увѣкской старины нѣтъ ничего относительно новаго, ничего такого, что могло бы относиться къ столѣтіямъ XVIII-му, XVII-му и XVI-му, ко времени, въ которое здѣшняя страна, со времени покоренія Астрахани, сдѣлалась русскою. Некому да и незачѣмъ было бы здѣсь что либо строить. Ни русскіе не заводили тутъ заводовъ, какъ заводили они ихъ, напримѣръ, въ городкѣ Селитренномъ, который и названіе свое получилъ отъ промысла, заведеннаго на остаткахъ его монгольской старины; ни степныя орды киргизовъ, калмыковъ или другаго какого либо народа не останавливались тутъ для жительства, хотя бы и временнаго—по крайней мѣрѣ съ той поры какъ основанъ г. Саратовъ никогда и нигдѣ не упоминается о какихъ либо сосѣдяхъ—кочевникахъ, столь близкихъ къ нему. Да и частыя смуты и тревоги въ этой странѣ не позволяли останавливаться здѣсь такимъ пришельцамъ: они держались всегда въ нѣдрахъ степей, удаляясь отъ центровъ русской колонизаціи. Три столѣтія, протекшія отъ завоеванія Астрахани (въ 1556 году) до настоящаго времени (1846 г.), были временемъ, въ теченіи котораго Увѣкъ все болѣе и болѣе утрачивалъ слѣды своего прежняго величія, въ теченіи котораго все болѣе и болѣе гибли и утрачивались его археологическіе памятники. Будучи пунктомъ прибрежнымъ и притомъ представляясь удобнымъ пристанищемъ и для добрыхъ и для лихихъ плавателей по Волгѣ,—Увѣкъ, съ своими остатками старины, менѣе какого либо другаго прибрежнаго пункта могъ укрыться и отъ алчной хищности, которая безъ различія тащитъ все, что только кажется ей добромъ, и отъ тупаго варварства, которое безотчетно рубитъ, жжетъ и уничтожаетъ все, что только напоминаетъ о прежнихъ властителяхъ мѣстности, ненавистныхъ ему уже по одному имени (1).

(1) Въ этомъ мѣстѣ рукописи рукою автора приписано на поляхъ: «Донскіе казаки».

Такимъ образомъ, принявъ положеніе, что памятники Увѣкской старины древнѣе трехъ послѣднихъ столѣтій, что они восходятъ за времена русской колонизаціи этого края, зададимся теперь вопросомъ: что здѣсь оставилъ послѣ себя вѣкъ славы монголо-татарскаго царства? Въ немногихъ остаткахъ каменныхъ зданій, въ мелкихъ осколкахъ отъ домашней посуды, въ галантерейныхъ вещахъ изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ значительномъ числѣ татарскихъ денегъ—видимъ мы немногіе остатки отъ городской и домашней жизни древняго Укека. Остатки каменныхъ зданій хотя и ничего не говорятъ за себя, хотя они и ничѣмъ не увѣрили насъ, что они именно татарскіе—но подобныя же постройки на другихъ татарскихъ городищахъ, на которыхъ болѣе сохранились черты татарской эпохи, заставляютъ насъ отнести къ тому же времени и типу и Увѣкскія развалины, въ особенности, если мы останемся при убѣжденіи, что Укекъ былъ значительнымъ городомъ въ Ордѣ и сосредоточивалъ въ себѣ улусное управленіе. Предметы домашняго быта и предметы галантерейные обнаруживаютъ туже степень искусства, тотъ же вкусъ, какіе обнаруживаютъ подобные же предметы, найденные въ Царевѣ,—предметы, признаніе которыхъ остатками монголо-татарской культуры стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Татарскія монеты, разсѣянныя во множествѣ по всему городищу, свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда была осѣдлость именно этого народа,[1] а надписи на монетахъ ясно относятъ время существованія Укека къ эпохѣ процвѣтанія Золотой Орды; найденныя же здѣсь монеты съ именемъ города Укека —указываютъ на производившійся тутъ чеканъ монеты, а слѣдовательно даютъ основаніе и къ выводу объ относительной значительности этого города.

Выскажемъ въ заключеніе наше убѣжденіе въ томъ, что среди древнихъ памятниковъ Увѣка сохранилось не одно татарское: это положеніе легко провѣрить на обнаруживаемыхъ здѣсь древнихъ могилахъ. Несомнѣнно, что на Увѣкскомъ кладбищѣ *должно быть* татарское погребеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь очевидны также и слѣды погребенія до-татарскаго, или, если и татарскаго, то относящагося къ эпохѣ первоначальнаго поселенія здѣсь татарскаго племени, къ той эпохѣ, когда татаринъ не былъ еще мохаммеданиномъ. Во второмъ десяткѣ XIV столѣтія, съ возшествіемъ Узбека—хана на

престолъ Кипчакскій, магоммеданство взяло верхъ надъ прежнею религіею и, вмѣстѣ съ другими уставами, ввело свои обычаи и въ погребеніе умершихъ. Но, спрашивается, какъ же отличить на Увѣкѣ могилу магоммеданина отъ могилы язычника? Съ перваго взгляда всѣ находящіяся здѣсь могилы могутъ представиться магоммеданскими, такъ какъ онѣ представляютъ положеніе труповъ отъ сѣвера къ югу. Но въ этомъ только и заключается сходство; во всѣхъ остальныхъ признакахъ своихъ Увѣкскія могилы представляютъ уклоненія отъ общаго типа магоммеданскихъ могилъ: прежде всего мы не находимъ въ нихъ того, что у магоммеданъ называется—*ляхдъ*, т. е. вырытаго въ боку ямы углубленія, для положенія въ немъ трупа; далѣе кости животныхъ, кирпичныя настилки или площадки надъ поверхностію могилъ, угли и зола, заставляющія вспомнить о языческихъ кострахъ для сожженія жертвъ надъ могилами, кувшины, зарываемые при могилѣ—все это признаки языческой тризны, но отнюдь не магоммеданскихъ погребальныхъ обычаевъ! Такимъ образомъ я полагаю, что среди магоммеданскихъ могилъ Увѣкскаго городища должны быть въ значительномъ количествѣ выдѣляемы и могилы монголовъ—язычниковъ, а быть можетъ даже и народовъ, предшествовавшихъ монголамъ. Я допускаю болѣе нежели вѣроятнымъ предположеніе, что было время, когда Увѣкское прибрежье Волги было только кладбищемъ какого нибудь кочеваго народа, который, въ своей скитальческой жизни, избралъ это прибрежье для вѣчнаго успокоенія своихъ мертвецовъ. Половцы, Буртасы, Хвалисы, Булгары, Хазары, населявшіе въ разное время берега Волги, не оставивъ послѣ себѣ никакихъ письменныхъ памятниковъ, оставили въ различныхъ мѣстностяхъ здѣшняго края надъ прахомъ своихъ умершихъ, или урну, или камень, или курганъ,—каждое племя по своимъ обычаямъ и по требованіямъ своего религіознаго культа.

7 сентября 1846 года
Саратовъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНІЕ

О РЕЗУЛЬТАТАХЪ РАСКОПОКЪ ВЪ ЛАИШЕВСКОМЪ УѢЗДѢ,

БЛИЗЪ СЕЛА ШУРАНА И ДЕР. СОРОЧЬИХЪ ГОРЪ,

произведенныхъ лѣтомъ 1881-го года дѣйствительнымъ членомъ

П. А. Пономаревымъ.

Въ XXI Общемъ Собраніи гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи отъ 30-го октября 1881 года, дѣйствительный членъ П. А. Пономаревъ дѣлалъ сообщеніе о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1881 года, по порученію Общества, близъ с. Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ. Сущность сообщенія заключалась въ слѣдующемъ:

1) Раскопки произведены были референтомъ при содѣйствіи гг. Штукенберга, Зайцева, Чижевскаго, Дембровскаго, и Александрова на тѣхъ городкахъ, которые указаны были референтомъ еще въ 1879 году и отчасти обслѣдованы имъ въ 1880 г. при содѣйствіи гг. Загоскина и Лаврскаго.

2) Результаты раскопокъ этихъ городковъ, оригинальность которыхъ по внѣшнему виду (*) и находкамъ побудила референта еще въ прошломъ году выдѣлить ихъ изъ числа булгарскихъ, были нынѣ весьма благопріятны: на склонахъ двухъ городковъ (при устьи Гремячаго ключа и на Сорочьей горѣ), въ слоѣ сѣрой, сухой и разсыпчатой земли обнаружено было, кромѣ массы черепковъ и расколотыхъ костей различныхъ животныхъ, до 400 предметовъ сдѣланныхъ пре-

---

(*) Общій типъ городищъ этого вида — горный мысъ, огражденный съ доступной стороны кокошникообразнымъ или серпообразнымъ валомъ со рвомъ, а съ остальныхъ трехъ сторонъ защищенный естественными оврагами или обрывами.

имущественно изъ кости (молотки, иглы, лопатки, ложки, шилья, стрѣлы, гарпуны, удочки, пронизки изъ клыковъ медвѣдя и рѣзцовъ бобра и разные другіе предметы не вполнѣ опредѣленнаго назначенія). Изъ каменныхъ орудій при этомъ найдены были только два молотка, одна кремневая стрѣлка, нѣсколько рыболовныхъ грузилъ и точильныхъ камней изъ эоценоваго песчаника; изъ металлическихъ: одинъ желѣзный ножъ и одна мѣдная игла.

Въ заключеніе, исходя изъ сообщенныхъ фактовъ, П. А. Пономаревъ изложилъ слѣдующія общія соображенія:

1) Миніатюрные размѣры этихъ городковъ и незначительная распространенность ихъ въ юго-восточной полосѣ Казанской губерніи указываетъ на то, что племя ихъ населявшее было въ этой мѣстности немногочисленно и разбросано по небольшимъ поселкамъ.

2) Кухонные остатки—расколотыя кости домашнихъ и дикихъ животныхъ,—а равно стрѣлы, удочки и гарпуны указываютъ на характеръ пищи этого племени и на преобладающія занятія—скотоводство, охоту и рыбную ловлю.

3) Примитивность въ выдѣлкѣ посуды изъ раковистаго ила, однообразіе памятниковъ быта, преобладаніе издѣлій изъ кости—указываютъ на слабость культурнаго развитія племени.

4) Малая распространенность каменныхъ орудій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находки изъ мѣди и желѣза, хотя и незначительныя по количеству, лишаютъ возможности пріурочить это племя къ каменному періоду, тѣмъ болѣе, что металлическія находки встрѣчаются и на другихъ подобныхъ городищахъ.

5) Характерныя особенности въ строеніи укрѣпленій и въ памятникахъ быта не позволяютъ считать это племя тожественнымъ съ населеніемъ булгаро-татарскихъ городищъ.

6) Рѣзкія, бросающіяся въ глаза противоположности въ характерѣ этихъ городищъ и городищъ булгаро-татарскихъ, отсутствіе родственной связи въ культурныхъ признакахъ тѣхъ и другихъ, отсутствіе всякихъ слѣдовъ преемственнаго и послѣдовательнаго развитія формъ памятниковъ быта—не позволяютъ считать обитателей этихъ оригинальныхъ городищъ предками булгаро-татарской національности.

7) Сходство описанныхъ городищъ, какъ по строенію укрѣпленій, такъ и по характеру находокъ, со многими

чудскими городищами Вятской и Пермской губерній приводитъ къ заключенію, что эти своеобразныя городища юго-восточной полосы Казанской губерніи населены были народомъ такъ называемаго чудскаго племени.

8) Исходя изъ представленія о булгарской народности, какъ конгломератѣ племенъ, можно было-бы, повидимому, допустить одновременное существованіе городищъ булгаро-татарскихъ и описанныхъ чудскихъ. Но, отсутствіе всякаго воздѣйствія культуры первыхъ на культуру послѣднихъ, не смотря на то, что городища обоихъ типовъ расположены рядомъ, приводитъ къ необходимости отнесенія указанныхъ чудскихъ городищъ и другихъ имъ подобныхъ къ эпохѣ, предшествовавшей возникновенію городищъ булгаро-татарскихъ.

9) Болѣе опредѣленное рѣшеніе вопроса о времени возникновенія и существованія чудскихъ городищъ въ юго-восточной части Казанской губерніи въ настоящее время, по недостатку фактическаго матеріала, не представляется пока возможнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ разрѣшенія этого вопроса въ будущемъ, можно указать на слѣдующее:

a) Сосуды городищъ описаннаго типа по матеріялу, выдѣлкѣ и орнаментамъ однородны съ Ананьинскими, точно также какъ и желѣзные ножи.

b) Близь описанныхъ городищъ и другихъ имъ подобныхъ попадаются кельты, совершенно тождественные съ Ананьинскими.

c) Находки описанныхъ городищъ сходны, повидимому, съ находками такъ называемыхъ „костищъ“.

Такимъ образомъ болѣе опредѣленное разрѣшеніе хронологическаго, а равно и другихъ вопросовъ, можетъ быть поставлено въ прямую зависимость отъ дальнѣйшаго изученія чудскихъ памятниковъ и такъ называемыхъ „костищъ“.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНІЕ

О РЕЗУЛЬТАТАХЪ РАСКОПОКЪ НАДЪ РОЙСКИМЪ ИСТОКОМЪ,

НА ГРАНИЦѢ

УРЖУМСКАГО И МАЛМЫЖСКАГО УѢЗДОВЪ

Вятской губерніи,

произведенныхъ лѣтомъ 1881-го года членомъ сотрудникомъ

С. К. Кузнецовымъ.

Между двумя починками нагорнаго берега р. Вятки, Шишкинымъ (по списку населен. мѣстъ Вят. губ. № 15196) и Воробьевымъ (№ 15202), надъ Ройскимъ истокомъ, на стрѣлкѣ (узенькой площадкѣ), образуемой двумя глубокими оврагами — уже давно обращало на себя вниманіе большое искуственное возвышеніе, извѣстное у мѣстныхъ жителей подъ именемъ *„шихана“*, и загораживающее собою входъ на вышеозначенную стрѣлку. Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ одномъ изъ овраговъ начали обнаруживаться послѣ весеннихъ обваловъ разные желѣзные и бронзовые предметы, преимущественно оружіе. Все это собиралось мѣстными жителями и большею частью уничтожалось или передѣлывалось; самую стрѣлку около того же времени стали распахивать послѣ одного пожара, уничтожившаго росшій на ней лѣсъ. Изъ старыхъ находокъ до настоящаго времени у жителей сохраняются только длинные прямые клинки отъ мечей. Народная молва, по обыкновенію, считаетъ этотъ шиханъ укрѣпленіемъ, устроеннымъ разбойниками для защиты ихъ притона на стрѣлкѣ, которая можетъ считаться почти непри-

ступной. Жители починка Воробьева прямо называють себя потомками прежнихъ разбойниковъ, а теперешніе нравы ихъ отчасти подтверждають справедливость разсказываемаго ими преданія. Очень можетъ быть, что въ болѣе позднее время разбойники дѣйствительно имѣли притонъ подлѣ шихана, по крайней мѣрѣ нѣсколько землянокъ, числомъ четыре, съ сохранившимся еще на половину дубовымъ потолкомъ или уже совсѣмъ обрушившіяся — указывають на чье-то позднее поселеніе.

Не совсѣмъ точное описаніе шихана у Ройскаго истока помѣщено въ Отчетѣ Вятскаго Губ. Стат. Комитета за 1873 годъ, гдѣ упоминается и о сдѣланныхъ тутъ находкахъ и о связанныхъ съ шиханомъ преданіяхъ. Въ недавно вышедшей брошурѣ г. Спицина „Каталогъ древностей Вятскаго края" (В. 1881 г.) также есть коротенькое упоминаніе объ этомъ памятникѣ древности.

Роскопки шихана минувшимъ лѣтомъ производились С. К. Кузнецовымъ въ три пріема: 6-го іюня, съ участіемъ члена-сотрудника Императорскаго Русск. Географич. Общества М. В. Малахова; 10-го іюня, вмѣстѣ съ дѣйствит. членами Общества П. А. Пономаревымъ и А. А. Штукенбергомъ, и наконецъ 26—27 іюля единолично.

1. Раскопки 6-го іюня начаты были при участіи 18-ти рабочихъ, изъ которыхъ половина производила разрѣзъ шихана во всю его высоту, другая же половина вела неглубокую траншею на оконечности стрѣлки. Независимо отъ того — одна треть площади стрѣлки была вспахана. Находки были не особенно богаты, если не говорить о массѣ черепковъ съ разнообразнѣйшимъ орнаментомъ. На оконечности стрѣлки было найдено нѣсколько стрѣлъ изъ лосинаго рога, а при разрѣзѣ шихана—угли, жженыя кости и костяные копье и стрѣла. На площадкѣ стрѣлки при роспашкѣ найденъ сплавленный бронзовый предметъ, повидимому рукоятка отъ меча, и бронзовая же подвѣска. Произведенная раскопка выяснила, что площадь стрѣлки покрыта толстымъ слоемъ золы, которая дѣлается тоньше по мѣрѣ удаленія отъ шихана; самъ же шиханъ представляетъ въ разрѣзѣ слоистую насыпь, строившуюся очевидно въ различные промежутки времени.

2. Вторичная раскопка производилась вполнѣ систематично. П. А. Пономаревымъ былъ снятъ точный планъ стрѣлки и шихана, тщательно измѣрена вся площадь перво-

бытнаго поселенія и кромѣ того М. В. Малаховымъ сняты двѣ фотографіи съ шихана. На этотъ разъ раскопки дали довольно большое количество копій, стрѣлъ, шильевъ и иголъ изъ лосинаго рога, нѣсколько амулетовъ изъ медвѣжьихъ и бобровыхъ зубовъ, массу черепковъ и нѣсколько обдѣланныхъ точильныхъ камней, служившихъ очевидно для обработки костяныхъ орудій; было найдено также два желѣзныхъ меча. Много попадалось при этомъ раковинъ *unio*,—но еще больше костей домашнихъ и дикихъ животныхъ, частью расколотыхъ, частью обожженныхъ; попался между прочимъ цѣльный черепъ медвѣдя. Количество находимыхъ костей было по истинѣ изумительно.

3. Послѣднія двухдневныя раскопки (съ 18-ю рабочими) дали всего болѣе находокъ. Особенно богаты были находками траншеи, веденныя по сѣверному склону стрѣлки; здѣсь найдена масса костяныхъ стрѣлъ, черепковъ, костей домашнихъ и дикихъ животныхъ. Изъ выдающихся находокъ замѣчательны: костяная рукоятка отъ желѣзнаго ножа небольшой величины (найденнаго тутъ же, возлѣ рукоятки), имѣющая форму медвѣжьей или кабаньей головы съ ушами, костяная ложка, нѣсколько костяныхъ рыболовныхъ крючковъ, два медвѣжьихъ черепа.

Воздерживаясь пока, до окончанія раскопокъ, отъ какихъ либо окончательныхъ выводовъ, не пріурочивая этого памятника къ какому либо опредѣленному времени и указавъ на довольно близкое повидимому отношеніе его къ *костищамъ*,—референтъ констатировалъ фактъ, что по формѣ своей шиханъ похожъ на тѣ „кокошники" (серповидныя насыпи) близь с. Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ, о которыхъ сообщалъ дѣйствит. членъ Общества П. А. Пономаревъ (*). Форма насыпи напоминаетъ лежащую горбомъ къ верху продольную половину огурца, имѣющую посерединѣ луновидную выемку.

По словамъ референта, раскопку шихана далеко нельзя еще назвать окончательною. Значительная часть сѣвернаго склона еще не разрыта и можетъ дать обильныя находки, отчасти совершенно новыя, отчасти дополняющія уже сдѣланныя. Самое важное — кости человѣка—еще не найдены.

(*) См. предъидущее сообщеніе.

Очень можетъ быть, что мѣсто погребенія людей, населявшихъ стрѣлку, слѣдуетъ искать за сѣвернымъ или южнымъ оврагомъ, особенно за послѣднимъ, гдѣ, по словамъ крестьянъ, работавшихъ на расположенномъ здѣсь кирпичномъ заводѣ, они однажды наткнулись уже на человѣческія кости, почему и забросили въ этомъ мѣстѣ работы изъ страха.

Референтъ заключилъ свое сообщеніе выраженіемъ надежды, что окончательныя раскопки дадутъ возможность сдѣлать болѣе опредѣленные выводы относительно этого древняго поселенія; въ этомъ можно быть тѣмъ болѣе увѣреннымъ, что по правому берегу р. Вятки существуетъ не одинъ подобнаго рода шиханъ и даже напротивъ раскопаннаго, на луговой сторонѣ р. Вятки, стоитъ точно такой же шиханъ, по близости котораго лѣтъ 15 тому назадъ было найдено три серебрянныхъ жгута, проданныхъ на вѣсъ городскимъ купцамъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

по поводу раскопокъ: I) близь села Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ (въ Лаишевскомъ у. Казан. губ.) и II) надъ такъ называемымъ Ройскимъ Истокомъ (на границѣ Уржумскаго и Малмыжскаго уу. Вятской губ.). произведенныхъ лѣтомъ 1881-го года (*).

Дѣйствит. члена профессора **А. А. Штукенберга**.

I.

На правомъ берегу Камы, нѣсколько выше Лаишева, около села Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ, сохранилось довольно много памятниковъ старины. Между этими памятниками выдѣляются болѣе опредѣленно татаро-булгарскія городища, значеніе же другихъ — укрѣпленныхъ мысовъ и кургановъ—еще и теперь не вполнѣ выяснилось. На укрѣпленные мысы окрестностей села Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ впервые обратилъ вниманіе П. А. Пономаревъ, отдѣливъ ихъ отъ татаро-булгарскихъ городищъ. — Изслѣдованія г. Пономарева выяснили также существованіе около с. Шурана и д. Сорочьихъ Горъ двухъ типовъ укрѣпленныхъ мысовъ. Въ одномъ случаѣ укрѣпленіе представляетъ простой невысокій валъ, а въ другомъ укрѣпленіе состоитъ изъ серповиднаго вала, имѣющаго въ серединѣ холмообразную насыпь, называемую обыкновенно *шишкой*. Прежніе обитатели береговъ Камы укрѣпляли подобнымъ образомъ мыса или стрѣлки, образующіеся, или при сліяніи двухъ овраговъ, или при выходѣ овраговъ въ долину Камы. Серповидными валами съ шишками (Кошанская шишка, Кирюшкина шишка) укрѣплены, стрѣлки перваго рода, а простыми валами укрѣплены не далеко отъ Шурана и Сорочьихъ Горъ, стрѣлки втораго рода.

Не вдаваясь въ спеціальное описаніе укрѣпленныхъ мысовъ около с. Шурана, при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей

(*) См два предъидущихъ сообщенія.

горѣ, которые и были предметами изслѣдованія, я все же считаю не безполезнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Эти укрѣпленные мысы представляютъ стрѣлки, ограниченныя, съ одной стороны—отвѣсными обрывами праваго берега Камы, а съ другой—крутыми склонами овраговъ. Оба укрѣпленія имѣютъ очень небольшія площадки. Нужно еще прибавить, что стрѣлка при Гремячемъ ключѣ сложена изъ постъ-пліоценовой глины, а Сорочья гора образована толщей пластовъ пермской системы.

Укрѣпленныя площадки при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ очевидно служили мѣстомъ поселенія человѣка, хотя и трудно рѣшить, служили ли эти площадки для постояннаго или только временнаго обитанія. Очевидно также, что на этихъ площадкахъ могло размѣститься только небольшое племя, можетъ быть даже только нѣсколько семействъ. Стрѣлки при Гремучемъ ключѣ и Сорочьей горѣ были выбраны мѣстомъ для поселенія съ большимъ тактомъ, такъ какъ представляли много удобствъ обитателямъ, какъ со стороны безопасности, такъ и для добыванія пищи. — Со стороны защиты эти возвышенные мысы (стрѣлка при Гремячемъ ключѣ возвышается до 6 саж., а Сорочья гора до 10 саж. надъ уровнемъ Камы), ограниченные отвѣсными или же очень крутыми склонами, должны быть признаны хорошо выбранными, безопасными позиціями, по крайней мѣрѣ со стороны Камы, а близость рѣки и характеръ окружающей мѣстности представляли удобства и для охоты, и для рыбной ловли.

При изслѣдованіи укрѣпленныхъ мысовъ при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ раскопки производились и на площадкахъ и по склонамъ стрѣловъ, обращеннымъ къ оврагамъ. Раскопки площадокъ дали немного: подъ дерномъ были находимы, не особенно часто, черепки горшковъ изъ необожженной глины и кости домашнихъ животныхъ (свиньи, лошади, быка) то цѣлыя, то расколотыя. Гораздо большій интересъ представили раскопки склоновъ стрѣлокъ, обращенныхъ къ оврагамъ. Оказалось, что эти склоны покрыты осыпями, состоящими изъ сѣрой, рыхлой, легко осыпающейся земли, мѣстами мощными (склонъ стрѣлки при Гремячемъ ключѣ покрытъ осыпью толщиною до 1¼ арш.), мѣстами очень тонкими (осыпь на Сорочьей горѣ иногда не превышаетъ толщиною ¼ арш.). Осыпи эти оказались

необыкновенно богатыми содержаніемъ утвари, орудій, оружія, костей животныхъ, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ,— то цѣлыхъ, то раздробленныхъ и расколотыхъ, — костей птицъ, костей и твердыхъ образованій покрововъ рыбъ и створокъ рѣчныхъ раковинъ изъ рода *Unio*. Кромѣ того въ нихъ попадались куски древеснаго угля, угольный мусоръ и обожженныя кости. Содержаніе массы расколотыхъ костей, обломковъ глиняныхъ горшковъ, примѣсь угля и обожженныхъ костей—заставляютъ признать эти осыпи кухоннымъ отбросомъ, кухонными остатками обитателей стрѣлокъ.

Обильный матеріалъ, собранный въ осыпяхъ на Сорочьей горѣ и около Гремячего ключа, представляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе науки, такъ какъ вполнѣ уясняетъ и образъ жизни и культуру обитателей береговъ Камы,—насельниковъ укрѣпленныхъ мысовъ. Матеріалъ этотъ представляетъ большое значеніе еще и потому, что находился in situ и добытъ изъ однороднаго культурнаго слоя.

Изслѣдованіе костей, добытыхъ въ осыпяхъ на стрѣлкахъ при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ, убѣждаетъ, что обитатели ихъ владѣли слѣдующими домашними животными: лошадьми, рогатымъ скотомъ (между прочимъ и безрогой комолой породой), овцами, свиньями, собакой... Совмѣстно съ костями домашнихъ животныхъ оказались и кости дикихъ: медвѣдя, выдры, куницы, волка, лисицы, лося, бобра и хомяка... Костей птицъ (гуся и друг.) найдено немного. Изъ остатковъ рыбъ въ осыпяхъ были найдены бляшки и плавниковыя иглы осетровъ. Всѣ домашнія животныя, исключая собаки, а также многія дикія служили пищею обитателямъ укрѣпленныхъ мысовъ, доказательствомъ чего могутъ служить разбитыя и раздробленныя кости и пробоины череповъ, очевидно служившія для извлеченія мозга. Пищею служили, конечно, и птицы, и рыбы и, какъ кажется, обитатели укрѣпленныхъ мысовъ не брезгали и моллюсками (Unio pictorum, Unio tumidus), раковины которыхъ сотнями попадаются въ осыпяхъ, то въ видѣ цѣльныхъ створокъ, то въ видѣ обломковъ. Между орудіями, оружіемъ и украшеніями, собранными въ осыпяхъ, оказались до 400 предметовъ сдѣланныхъ изъ костей домашнихъ животныхъ, клыковъ медвѣдя и кабана, рѣзцовъ бобра, рога лося, нѣсколько предметовъ каменныхъ и два металлическихъ.

Утварь—разной величины горшки, покрытые по краямъ довольно простымъ бордюромъ — оказалась сдѣланною изъ необоженной глины.

Утварь (горшки изъ необоженной глины), орудія и оружіе изъ кости (шилья, иглы, скребки, долота, крючки для уженія рыбы, стрѣлы, гарпуны, копья и пр.), орудія изъ рога лося (молотки и пр.) и украшенія, состоящія изъ просверленныхъ клыковъ медвѣдя и кабана, рѣзцовъ бобра и свиныхъ бабокъ—достаточно характеризуютъ первобытную культуру обитателей укрѣпленныхъ мысовъ береговъ Камы, полуосѣдлыхъ рыболововъ и охотниковъ. – Каменныя орудія (кремневый наконечникъ стрѣлы, долото, два молотка изъ твердаго известняка, нѣсколько точилъ изъ эоценоваго песчаника, грузила), найденныя въ осыпяхъ хотя и въ незначительномъ числѣ, но разбросанныя во множествѣ въ окрестностяхъ (*), только подтверждаютъ этотъ выводъ, тѣмъ болѣе, что кость и рогъ, какъ матеріалъ для выдѣлки оружія, орудій и украшеній, нужно признать только суррогатомъ камня.

Нахожденіе въ осыпяхъ, совмѣстно съ каменными и костяными вещами, и металлическихъ (найдены желѣзный кривой ножъ и мѣдная игла), какъ мнѣ кажется, не можетъ возвысить степень культуры ихъ обитателей и должно служить только доказательствомъ ихъ сношеній съ болѣе культурными племенами.

Я не берусь пріурочить обиталища при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ къ тому или другому племени, къ той или другой эпохѣ, и ограничусь только указаніемъ на сходство бытовыхъ особенностей обитателей укрѣпленныхъ мысовъ береговъ Камы съ бытовыми особенностями племени, которое оставило слѣды своего существованія въ костищахъ Пермской губерніи. Мы, вѣроятно, скоро познакомимся съ антропологическими особенностями этого племени, благодаря г. Малахову, открывшему нѣсколько костяковъ при костищѣ въ Кудымкорѣ.

(*) Каменныя орудія весьма часто выпахиваютъ въ окрестностяхъ при обработкѣ полей и значительная коллекція ихъ имѣется въ музеѣ Общества.

II.

На правомъ берегу р. Вятки, въ предѣлахъ Уржумскаго уѣзда, въ 2-хъ верстахъ отъ поселка Воробьева, при такъ назыв. Ройскомъ истокѣ, С. К. Кузнецовъ розыскалъ мысъ, укрѣпленный подобно Кашанской и Кирюшкиной шишкамъ (на Камѣ, около Шурана и Сорочьихъ Горъ).—Этотъ укрѣпленный мысъ образованъ двумя глубокими оврагами, выходящими въ долину р. Вятки. Укрѣпленія этого мыса состоятъ изъ серповиднаго вала съ холмообразною насыпью (шишкой) по серединѣ. Эти сооруженія, насыпанныя для защиты площадки мыса, сложены частью изъ поверхностныхъ образованій, частью же изъ разрыхленныхъ пестрыхъ мергелей (краснаго и сѣраго цвѣта), составляющихъ верхнюю часть массива стрѣлки.—Раскопки были произведены на площадкѣ и по склонамъ, которые оказались покрытыми осыпью, переполненною кухонными отбросками (угольнымъ мусоромъ, обожженными и расколотыми костями, створками и обломками створокъ раковины Unio pictorum и пр.). Кромѣ того, въ осыпи обнаружено весьма много предметовъ бытовой обстановки (черепковъ горшковъ изъ необожженной глины, оружія, орудій) и масса костей животныхъ, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ, а также двѣ кости конечностей человѣка.

Между выкопанными костями животныхъ оказались кости медвѣдя, лося, бобра, куницы, зайца, лошади, быка, барана, свиньи... Между выкопанными предметами бытовой обстановки, кромѣ горшковъ изъ необожженой глины, оказалось до сотни вещей изъ кости и рога лося, нѣсколько каменныхъ орудій (скребокъ, точила изъ эоценоваго песчаника), а также и металлическія вещи (желѣзный ножъ, желѣзный мечъ и обломокъ мѣдной рукоятки).

Предметы, собранные на укрѣпленномъ мысу при Ройскомъ истокѣ, совершенно подобны предметамъ, собраннымъ на мысахъ при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ. Условія, при которыхъ они найдены, тѣже. Все это не позволяетъ обособлять обиталища, подобныя обиталищу при Ройскомъ истокѣ, отъ стрѣлокъ береговъ Камы, укрѣпленныхъ простыми валами, и мнѣ кажется, что ихъ слѣдуетъ пріурочить одному племени и одной эпохѣ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

КРАСНОСЛОБОДСКАГО (ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ) МУЖСКАГО

Спасо-Преображенскаго монастыря.

Члена-сотрудника *Д. В. Ильченко.*

Спасо-Преображенскій мужской монастырь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Пензенской епархіи; онъ находится въ Краснослободскомъ уѣздѣ, разстояніемъ отъ губернскаго города Пензы въ 180-ти, а отъ уѣзднаго г. Краснослободска—въ 50-ти верстахъ, и расположенъ квадратнымъ четыреугольникомъ на правомъ низменномъ берегу рѣки Мокши, въ обширной долинѣ, при окраинѣ лѣса.

Основаніе монастыря положено было въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1655 году, когда разрѣшено было патріархомъ Никономъ построить на теперешнемъ мѣстѣ первую церковь. На построеніе этой церкви въ монастырѣ имѣется подлинная грамота патріарха Никона, 1655 года. Изъ нея видно, что настоящее мѣсто монастыря, названное въ ней „пустынкою“, находилось среди дремучихъ лѣсовъ; что въ этой пустынкѣ уединенно пребывалъ тогда въ подвигахъ самоотверженія нѣкто „черный старецъ (монахъ) Діонисій“, и что окрестные жители, именно „Темниковскаго уѣзда государевы дворцовые Красной слободы Андрей Агапитовъ съ товарищи и всякихъ чиновъ люди“, вѣроятно побуждаемые славою подвиговъ пребывавшаго въ пустынкѣ отшельника, пожелали устроить въ ней обитель, потому что по близости къ Краснослободскому „присуду“ не было въ то время монастыря, а между тѣмъ желающихъ принять иночество ради спасенія

души, особенно передъ смертію, бывало немало. Съ этою цѣлью они входили къ патріарху Никону съ челобитьемъ о разрѣшеніи построить на мѣстѣ подвижнической жизни отшельника деревянную церковь, которую и разрѣшено было имъ строить изъ окружающаго лѣса,—во имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, съ двумя придѣлами во имя Казанской Божіей Матери и въ честь усѣкновенія главы Іоанна Предтечи; „а главы бы на той церкви и на придѣлѣхъ были круглыя, а не островерхія",— не забылъ прибавить въ своей грамотѣ строгій ревнитель византійскаго стиля. Когда окончательно отстроена и освящена была церковь и когда именно собралась при ней братія,—о томъ въ монастырѣ нѣтъ документовъ но, такъ какъ единственною цѣлью построенія церкви, по сказанію грамоты, было желаніе многихъ принимать при ней иноческій санъ, то несомнѣнно, что, по полученіи разрѣшенія на построеніе церкви просителями, она была въ самое непродолжительное время выстроена и освящена, послѣ чего, конечно, не замедлили собраться при ней и самыя лица, желавшія постриженія, такъ что среди непроходимыхъ, какъ говоритъ преданіе, дебрей, въ которыхъ доселѣ слышны были только вой хищныхъ звѣрей и крикъ хищныхъ птицъ—вскорѣ возвысился разумный человѣческій голосъ покаянныхъ и хвалебныхъ пѣснопѣній къ Творцу вселенной.

Откуда пришелъ въ эти дебри „черный старецъ" Діонисій и сколько времени онъ подвизался тутъ—о томъ въ монастырѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Но откуда бы онъ ни былъ—изъ патріаршей грамоты несомнѣнно видно, что пребываніе его въ бывшей пустынкѣ, среди лѣсовъ, извѣстно было властямъ и самому патріарху. Въ помянутой грамотѣ разрѣшено строить церковь изъ окружающаго лѣса и, какъ сказано выше, разрѣшеніе это послѣдовало въ 1655 году; отсюда видно, что лѣсъ и все мѣсто, окружавшее пустынку, принадлежало въ то время патріарху, иначе онъ не могъ бы разрѣшить лѣсъ „ронить".

Со времени устройства первой церкви нѣтъ никакихъ свѣдѣній о монастырѣ до 1677 года; съ этого же года онъ извѣстенъ уже по документамъ подъ именемъ Спасской пустыни и Спасскаго монастыря. Изъ позднѣйшей монастырской хроники видно, что деревянная церковь, которую построилъ „Андрюшка Агапитовъ съ товарищи", была сломана въ прошломъ XVIII столѣтіи и на мѣстѣ ея построили дру-

гую деревянную же церковь, которая въ первой половинѣ текущаго вѣка замѣнена уже каменной.

Въ монастырской библіотекѣ имѣются слѣдующіе памятники старины: 1) Мѣсячныя Минеи на весь годъ и Евангеліе, печатанныя при патріархѣ Никонѣ, и 2) Древнеписанныя грамоты, именно: а) Жалованная грамота патріарха московскаго Никона на построеніе первой деревянной церкви, 1655 года; б) Выпись изъ Краснослободскихъ писцовыхъ книгъ строителю Краснослободскаго Спасскаго монастыря Ѳеодосію на земли, пожертвованныя монастырю села Дмитріева Усада Путилкою Дмитріевымъ, 1683 года; в) Царская грамота стольнику Чирикову объ отказѣ Ивашкѣ Тимофееву отъ Тенишевской поляны и бортныхъ оброчныхъ угодій и о введеніе во владѣніе оными строителя Спасской пустыни, 1690 года; г) Грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны въ дворцовую Красную Слободу, Саввѣ Игнатьеву Украинцову, объ учиненіи изслѣдованія о правахъ владѣнія строителемъ Преображенскаго монастыря, старцемъ Герасимомъ, землею деревни Тенишевой, 1687 года; д) Такая же царская грамота тому же Саввѣ Украинцову о введеніи во владѣніе бортными и сѣнокосными угодьями. пожертвованными Краснослободскому монастырю Путилкою Дмитріевымъ, 1686 года.

Грамота патріарха Никона, точный снимокъ съ которой при семъ прилагается, написана на темной и плотной бумагѣ желтоватаго цвѣта, сдѣланной, по всей вѣроятности, изъ хлопка, изъ котораго обыкновенно выдѣлывалась встарину бумага, называвшаяся бомбициной. Бумага имѣетъ форму свитка, длиною 1 аршинъ и 2 вершка, а шириною 4 вершка; склеена въ двухъ мѣстахъ. Грамота написана скорописью XVII вѣка, отличающеюся неправильнымъ и некрасивымъ очертаніемъ буквъ, снабженныхъ сверху титлами и изукрашенныхъ совершенно излишними длинными росчерками и добавленіями. Въ концѣ грамоты, съ лѣвой стороны, была приложена печать красшаго воска, отъ которой остались только немногіе слѣды На оборотной сторонѣ грамоты написано: „Жалованная благословенная грамота", а по склейкѣ, также на оборотѣ: „Дьякъ Порфирій Ивановъ".—Вотъ ея подлинный текстъ:

„Божіею милостью се азъ, смиренный великій государь, святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи. Били намъ челомъ Темниковскаго уѣзда государевые дворцовые Красные слободы Андрюшка Агапитовъ съ товарищи и всякихъ чиновъ люди, а въ челобитной ихъ написано: въ Краснослободскомъ де кругу, вверхъ по р. Мокшѣ, въ большомъ лѣсу, на берегу рѣки Мокши, есть де у нихъ пустынка, а въ ней живетъ черный старецъ Діонисій, а у нихъ де въ Красной Слободѣ и въ Краснослободскомъ присудѣ, по всей волости, монастырей близко кругу нѣтъ, а которые де у нихъ люди по обѣщанію своему желаютъ, душевнаго ради спасенія и изнемогаючи къ смерти, постричися,—негдѣ, помираютъ безъ постриженія. И нынѣ де они обѣщались въ той пустынкѣ воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да въ предѣлѣхъ Пресвятыя Богородицы Казанскія да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи.—И намъ бы ихъ пожаловать, благословить и велѣть бы имъ на тое церковь и на предѣлы лѣсъ ронить и въ томъ лѣсу, въ той пустынкѣ, воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да въ предѣлѣхъ Пресвятыя Богородицы да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, и дать антиминсы. И азъ, смиренный великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи, Темниковскаго уѣзда государевы дворцовые Красные слободы Андрюшку Агапитова съ товарищи пожаловалъ благословилъ, велѣлъ имъ на тое церковь и на предѣлы лѣсъ ронить и въ томъ лѣсу, въ Краснослободскомъ кругу, вверхъ по рѣкѣ по Мокшѣ въ большомъ лѣсу, на берегу рѣки Мокши, въ той пустынкѣ воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да въ предѣлѣхъ Пресвятой Богородицы Казанскія, да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи; а предѣлы велѣлъ дѣлать по сторонамъ тоя церкви особою статьею и входъ въ предѣлы былъ бы изъ паперти; а главы бы на той церкви и на предѣлѣхъ были круглыя, а не островерхія. А какъ та церковь и предѣлы совершатся, и на тое церковь и на предѣлы велѣлъ имъ и антиминсы дать и освятить ту церковь и предѣлы попу со дьякономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ.

Писанъ на Москвѣ, лѣта 7163, августа въ 6 день.—Печатныя взяты“.

На подлинной грамотѣ приложена печать краснаго воска. На оборотѣ грамоты написано: „Жалованная благословенная грамота“. По склейкѣ, на оборотѣ же, написано: „Дьякъ Парфеній Ивановъ“.

ОПИСАНІЕ

РУССКИХЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ КОПѢЕКЪ ИЗЪ КЛАДА, НАЙДЕННАГО ЛѢТОМЪ 1881 ГОДА БЛИЗЪ ДЕРЕВНИ НОВОЙ ПОПОВКИ.

Дѣйствительнаго члена В. К. Савельева.

Минувшимъ лѣтомъ (1881 года), на землѣ крестьянъ деревни Новой Поповки (что подъ городомъ Казанью), арендуемой подъ кирпичный заводъ г. архитекторомъ П. Т. Жуковскимъ, рабочіе, при копаніи земли, нашли на глубинѣ одного аршина глиняный горшокъ, заключавшій въ себѣ русскія серебряныя копѣйки XVII и первыхъ годовъ XVI вѣковъ. Горшокъ разбился при извлеченіи его изъ земли.

Разборъ означеннаго клада обнаружилъ, что онъ заключалъ въ себѣ серебряныя копѣйки: великаго князя Іоанна IV Васильевича и царей и великихъ князей: Іоанна IV Васильевича, Θеодора Іоанновича, Бориса Θеодоровича, Димитрія Іоанновича (Самозванца) и Василія Іоанновича (Шуйскаго), слѣдовательно обнимаетъ собою промежутокъ времени съ 1533 по 1610 годъ. Это наводитъ на мысль, что кладъ былъ положенъ или въ царствованіе Василья Шуйскаго, или въ послѣдовавшее за нимъ смутное время междуцарствія.

Владѣлецъ клада П. Т. Жуковскій, довѣривъ мнѣ его для разбора, обязательно предоставилъ мнѣ отобрать изъ него по экземпляру всѣхъ видовъ копѣекъ для нумизматическаго собранія Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Отобравъ такимъ образомъ для нашего Общества 53 вида копѣекъ въ 63 экземплярахъ—я имѣю честь представить ихъ Обществу въ даръ отъ имени П. Т. Жуковскаго.

Приводимый ниже каталогъ монетъ, отобранныхъ мною для минцъ-кабинета Общества, вмѣстѣ съ тѣмъ представитъ собою и общую характеристику всего клада.

КАТАЛОГЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ КОПѢЕКЪ КЛАДА 1881 ГОДА.

В. К. Іоаннъ IV Васильевичъ (Грозный).

1533—1547.

1. Шуб. 314, подъ кон: пcv . . . . 1.
2. Шуб. 315. . . . . 2.
3. Шуб. 316, съ ободкомъ изъ точекъ около всадника . 1.
4. Шуб. 317, безъ ободка изъ точекъ на обѣихъ сторонахъ. 2.
5. Шуб. 318, съ ободкомъ изъ точекъ на обѣихъ сторонахъ . . . . 2.
6. Шуб. 319, съ ободкомъ изъ точекъ около надписи . 2.
7. Шуб. 322, подъ кон: w . . . . 1.
8. Шуб. 323, подъ кон: ф с. . . . . . . 1.
9. Шуб. 327 . . . . 2.
10. Шуб. 328 . . . . 1.
11. Шуб. 329, подъ кон: а . . . . 1.
12. Шуб. 332, мон. Госдрь. В. рѣдк. . . . . 1.

Царь и В. Князь Іоаннъ IV Васильевичъ.

1547—1584.

13. Шуб. 344, подъ кон: гр. . . . . 1.
14. Шуб. 345, подъ кон: пс . . . . 1.
15. Шуб. 351, подъ кон: ми . . . . 1.
16. Шуб. 252, подъ кон: лл . . . . 1.
17. Шуб. 353, подъ кон: ваю . . . . 1.
18. Шуб. 356, подъ кон: вл . . . . . . 1.
19. Шуб. 259, подъ кон: ю, передъ кон. р . . . . 1.
20. Шуб. 360, подъ задними ногами коня м—рѣдк. . 1.
21. Шуб. 367, подъ кон: де . . . . 1.
22. Шуб. 367, подъ коп: де съ ободкомъ изъ точекъ около всадника . . . . 1.

Царь Өеодоръ Іоанновичъ.

1584—1598.

23. Шуб. 374, подъ кон: пс . . . . 1.
24. Шуб. 375, подъ кон: пс . . . . 1.
25. Шуб. 378, подъ кон: м . . . . 1.
26. Шуб. 381, подъ кон: н съ ободкомъ около надписи. 2.
27. Шуб. 382, подъ кон: и . . . . 1.
28. Шуб. 382[a], подъ кон: п . . . . 1.
29. Шуб. 386, подъ кон: нов. рд — 104, В. Новгородъ 1596 . . . . 1.
30. Шуб. 386, подъ кон: норе, В. Новгородъ (7) 105 = 1597. 1.
31. Шуб. 387[a], подъ кон: норв, В. Новгородъ (7) 106 = 1598. 1.
32. Шуб. 389, подъ кон: перз?, Псковъ (7) 107 = 1599 . 1.

Царь Борисъ Өеодоровичъ (Годуновъ).

1598—1605.

33. Шуб. 394[a], гд—рь, подъ кон: мо, вовсе безъ ободка. 1.
34. Шуб. 395, в—о подъ кон: м . . . . . . 2.
35. Шуб. 395[a], подъ кон: м . . . . 2.
36. Шуб. 396, в—о подъ кон: м . . . . . . 1.
37. Шуб. 398, подъ кон: м . . . . 1.
38. Шуб. 399, подъ кон: м . . . . 1.
39. Шуб. 400, подъ кон: пс . . . . 1.
40. Шуб. 401, подъ кон: пс . . . . 1.
41. Шуб 402, подъ кон: п . . . . 1.
42. Шуб. 403, подъ кон: м . . . . 1.
43. Шуб. 409, подъ кон: перз, Псковъ, (7) 107 = 1599 . 2.
44. Шуб. 412, подь кон: норі, Новгородъ, (7) 110 = 1602. 1.
45. Шуб. 414, подъ кон: нраі, В. Новгородъ, (7) 111 = 1603. 1.
46. Шуб. 416, подъ кон: нвів, В. Новгородъ (71) 12 = 1604. 1.
47. Шуб. 417, подъ кон: нопі—(71) Новгородъ 12 = 1604. 1.

Царь Дмитрій Іоанновичъ (Самозванецъ).

1604.

48. Шуб. 430. . . . . 1.
49. Шуб. 433, подъ кон: пс . . . . 1.
50. Шуб. 438, подъ кон: рді, Новгородъ (7) 114 = 1606. 1.

Царь Василiи Iоанновичъ (Шуйскiй).

1606—1610.

51. Шуб. 449. . . . . 1.
52. Шуб. 450. . . . . 1.
53. Шуб. 453. . . . . 1.

Итого. . . 63 экз.

ОПИСАНІЕ
ДВУХЪ КОЛЛЕКЦІЙ ДЖУЧИДСКИХЪ МОНЕТЪ,

ПРИНЕСЕННЫХЪ ВЪ ДАРЪ

ОБЩЕСТВУ АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ,

В. М. Элендъ и К. Я. Михайловымъ.

Дѣйствит. члена **В. К. Савельева.**

Выполняя порученіе Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи — имѣю честь представить благоусмотрѣнію Общества описанія двухъ коллекцій Джучидскихъ монетъ, принесенныхъ въ даръ минцъ-кабинету Общества Варварою Михайловною Элендъ и Константиномъ Яковлевичемъ Михайловымъ, возвращая при этомъ въ разобранномъ видѣ и самыя монеты.

I.

ОПИСАНІЕ ДЖУЧИДСКИХЪ СЕРЕБРЯННЫХЪ МОНЕТЪ,

пріобрѣтенныхъ, изъ клада, найденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ г. Булгара, и принесенныхъ въ даръ Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи В. М. Элендъ.

1. Хызръ-ханъ, мон. г. Гюлистана. М. 760—хр. 1359, 60. Мон. хан. т. IV, № CV и R. р. 265, № 2.
2. Мухаммедъ Бирди - Бекъ ханъ. М. Новаго Сарая, М. 759. М. х. т. IV, № XCIII и R. р. 258, № 6.
3. Хызръ-ханъ, м. Новаго Сарая, 761—хр. 1359, 60. R. р. 266, № 4.

4. Джанибекъ-ханъ, м. Новаго Сарая. М. 752 — хр. 1351. R. р. 241, № 47.
5. Кильди-Бекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 763—хр. 1361, 2. М. х. т. V, № CXXII и R. р. 273, № 3.
6. Токтогу-ханъ, м. Богохранимаго Сарая. М. 710— хр 1310, 1. М. х. т. I, № XV и R. р. 199, № 7.
7. Хызръ-ханъ, г. Гюлистана. М. 762 — хр. 1360, 1. R. р. 277, № 10.
8. Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго; года не видно. R. р. 242, № 49.
9. Токтогу ханъ, м. Богохранимаго Сарая. М. 710— хр. 1310, 1. М. х. т. I, № XV R. р. 199, № 7.
10. Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ. М. Сарая Новаго. М. 752—хр. 1351. R. р. 242, № 50.
11. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 748 — хр. 1347, 8. R. р. 235, № 24.
12. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 747 — хр. 1346, 7. М. х. т. III, № LXIV и R. р. 233, № 20.
13. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 748 — хр. 1347, 8. М. х. т. III, № LXVI и R. р. 234, № 24.
14. Хызръ-ханъ, г. Гюлистана. М. 761 — хр. 1359, 60. М. х. т. IV, № CV и R. р. 265, № 2.
15. Мухаммедъ Бирди-бекъ ханъ. М. Нов. Сарая. М. 759. М. х. т. IV, № CXIII и R р. 258, № 6.
16. Мухаммедъ Неурусъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 761— х. 1359, 60. М. х. т. IV, № CIII^{b} и R. р. 263, № 3.
17. Мюридъ ханъ, м. Галистона Лисъ Сарай. М. 763— х. 1361, 2. М. х. т. V, № CXXVII и R. р. 276, № 4.
18. Джани-Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 753—хр. 1352. R. р. 244, № 61.
19. Бирди-Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759 — хр. 1357, 8. R. р. 257, № 8
20. Джани-Бекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 747—хр. 1346, 7. R. р. 233, № 20.
21. Узбекъ ханъ, м. Сарая. М. 717—хр. 1317, 8. Мон. хан. т. 1, № XXI и R. р. 206, № 3.
22. Мухаммедъ Узбекъ ханъ, м. Сарая. М. 739 — хр. 1338, 9. R. р. 220, № 41.
23. Джани-Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. Годъ неясенъ. R. р. 250, № 80.

24. Бирди - Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759 — хр. 1357, 8. R. p. 259, № 8.
25. Джани - Бекъ ханъ, м. Гюлистана. Годъ не вышелъ. М. х. т. III, № LXXII и R p. 243, № 56.
26. Джани - Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 747 — хр. 1346, 7. R. p. 233, № 20.
27. Джани-бекъ ханъ, м. Гюлистана. Годъ не вышелъ. М. х. т. III, № LXXII и R. p. 243, № 56.
28. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 751 — хр. 1350, 1. R. p. 240, № 41.
29. Джелалъ-эд-динъ Мухамедъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 745? R. p. 250, № 79.
30. Джанибекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759—хр. 1357, 8. R. p. 259, № 8.
31. Джени - бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 747 — хр. 1346, 7. М. х. т. III. № LXIV и R. p. 233, № 20.
32. Бирди - Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759 — хр. 1357, 8. R. p. 259, № 8.
33. Узбекъ ханъ, м. Сарая. М. 717—хр. 1317, 8. М. х. т. I, № XXI и R. p. 206, № 3.
34. Джани - Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 746 — хр. 1345, 6. R. p. 231, № 15.
35. Мухаммедъ Бирди-Бекъ ханъ, м. Новаго Сарая. М. 759. М. х. т. IV, № XCIII и R. p. 258, № 6.
36. Неурусъ-ханъ, м. Гюлистана. М. 761—хр. 1359, 60. R. p. 264, № 5.
37. Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 745? R. p. 249, № 77.
38. Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. R. p. 250, № 81.
39. Джани - Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 746 — хр. 1345. 6. R. p. 231, № 15.
40. Узбекъ ханъ, м. Богохранимаго Сарая. М. 722— хр. 1322. М. х. т. I, № XXVIII и R. p. 210, № 13.

Примѣч. **Всѣ вышеисчисленныя монеты позолочены, скрѣплены въ видѣ цѣпочки и въ такомъ видѣ принесены владѣтельницею въ даръ Обществу.**

II.

ОПИСАНІЕ ДЖУЧИДСКИХЪ МѢДНЫХЪ МОНЕТЪ,

принесенныхъ въ даръ Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи К. Я. Михайловымъ и пріобрѣтенныхъ имъ въ с. Болгарахъ.

1. а) Эн-Насиръ эд-динъ аллахъ, повелитель правовѣрныхъ.
   b) Жизнь кратка на подобіе часа, по сему употребляй оную на дѣла богоугодныя.
   Болѣе или менѣе ясныхъ, съ легендами болѣе или менѣе правильными . . 17 экз.
   Мон. Хан. Т. А. № II и Rec. p. 188 № 2.
2. а) Дважды выбитая съ открывками надписей Rec. № 2 и 21 . . . . . . 10 —
   Мон. Хан. Т. А. № IV и Rec. p. 190 № 2.

Узбекъ ханъ.

3. а) 16 пудъ денги, мон. Сарайская и годъ 721, хр. 1321.
   b) Печать Соломона. . . . . . . 1 —
   Мон. Хан. Т. II, № LVII и Rec. p. 209 № 12; испорчена ржавчиной.
4. а) Булгарскій пулъ.
   b) Печать Соломона и годъ М. 734—хр. 1333, 4. 19 —
   Мон. Хан. Т. XIII и Rec. p. 217 № 33.
5. а) Пулукъ Булгарскій.
   b) Печать Соломона и годъ М. 734—1333, 4. 12 —
   Мон. Хан. Т. А, № V и Rec. p. 217, № 34.

6. a) Высочайшее повелѣніе, мон. Сарайская, М. 737—хр. 1336, 7.
   b) Левъ съ изображеніемъ солнца . . . 10 экз.
   Мон. Хан. Т. II, № XLVI и Rec. p. 218 № 35.

7. a) Высочайшее повелѣніе, Мон. Сарайская, М. 737—хр. 1336, 7. . . . . . . 2 —
   b) Левъ съ изображеніемъ полнаго солнца.
   Мон. Хан. Т. II, № XLVII и Rec. p. 218, № 36.

Хызръ ханъ.

8. a) Мон. Нов. Сарая. М. 762—хр. 1360, 1. . . 22 —
   Rec. p. 266 № 8.

9. b) Мон. Гюлистана, М. 762—хр. 1360, 1. . 24 —
   Rec. p. 267 № 12.

10. b) Мон. Гюлистана, М. 762—хр. 1360, 1. . 6 —
   Nova Suppl. p. 308 № 4 и Rec. p. 267 № 12.

11. b) Мон. Гюлистана, М. ۷۶۶—вмѣсто ۸۶۲—М. 762—хр. 1360, 1. . . . . 1 —
   Rec. p. 268 № 14.

Неизвѣстныя:

12. a) Мон. Нов. Сарая, М. 761—хр. 1359, 60.
   b) Растужившійся цвѣтокъ . . . . . 17 —
   Мон. Хан. Т. X № CCCXLIV и Rec. p. 295 № 1. На прочихъ года не видно, а 2 эк. пробиты.

13. a) Мон. Булгарская.
   b) Фигура, образующая 6 небольшихъ полей . 20 —
   Мон. Хан. Т. IX № CCCXXV и Rec. p. 400 № 7.

14. a) Мон. Нов. Сарая, 16 денговъ.
   b) Фигура, похожая на двухглаваго орла . 25 —
   Мон. Хан. Т. X № CCCXLIII и Rec. p. 404 № 13. Монеты эти попадаются въ



значительномъ количествѣ разныхъ штемпелей. — Легенды на нѣкоторыхъ неправильны, а потому есть основаніе полагать, что онѣ биты и русскими.

15. a) Изображеніе двухглаваго орла.
b) Надпись неизвѣстная . . . . . 2 экз.
Мон. Хан. Т. XI № CCCXXVII.

16. a) Въ добрый часъ.
b) Въ треугольникѣ обыкновенная тамга . . 19 —
Мон. Хан. Т. X № CCCXXXVI и Rec. p. 403 № 9.

17. — Неизвѣстная Джучидская монета, на которой надчеканена тамга . . . . . . 1 —

18. — Неизвѣстная очень стертая Джучидская монета . . . . 1 —

Итого . . . 209 экз.

ОПИСАНІЕ КЛАДА

ЗОЛОТООРДЫНСКИХЪ И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ МОНЕТЪ,

НАЙДЕННАГО ВЪ 1881-МЪ ГОДУ БЛИЗЬ С. МАЛАГО ТОЛКИША,

ЧИСТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБ.

Дѣйствит. члена и секретаря Общества профес. Н. Н. Загоскина.

ПАМЯТИ В. К. САВЕЛЬЕВА.

20 іюля 1881 года крестьянинъ села Елантова, Чистопольскаго уѣзда, запасный рядовой Иванъ Никифоровъ *Солтановъ*, проживающій въ *селѣ Большомъ Толкишѣ* (Казанской губ., Чистопольскаго уѣзда, Б.—Толкишской волости), пася скотъ въ дачахъ с. Малаго Толкиша, замѣтилъ около лѣса, на берегу такъ называемаго „Мельничнаго оврага"—въ разстояніи около одной версты отъ с. М. Толкиша—показавшіяся изъ подъ земли мелкія серебряныя монеты. Солтановъ сталъ разрывать въ этомъ мѣстѣ землю палкой и собралъ до 50 штукъ монетъ, а затѣмъ, сказавъ о своемъ открытіи проходившей мимо въ с. Сарсасы крестьянкѣ с. М. Толкиша солдаткѣ Надеждѣ Софоновой Ершовой — началъ вмѣстѣ съ нею рыть землю на мѣстѣ находки. Трудъ ихъ скоро увѣнчался успѣхомъ: подъ дубовымъ пенькомъ оказался глиняный кувшинъ. Кувшинъ развалился при первомъ къ нему прикосновеніи, а изъ него посыпались мелкія серебряныя деньги, подобныя раньше найденнымъ; сложивъ монеты въ холщевый мѣшокъ—находчики унесли ихъ домой. Когда слухъ о найденномъ кладѣ распространился по селу, мѣстныя власти явились къ Солтанову, составили актъ, а самый кладъ былъ доставленъ въ волостное правленіе, гдѣ его опечатали и взвѣсили для препровожденія въ

уѣздное полицейское управленіе. Было осмотрѣно и самое мѣсто находки: земля оказалась здѣсь сильно изрытою, но ничего болѣе найдено уже не было, кромѣ четырехъ большихъ черепковъ отъ разбитаго кувшина, заключавшаго въ себѣ кладъ. Весь кладъ препровожденъ былъ исправникомъ Чистопольскаго уѣзда въ канцелярію г. Казанскаго губернатора, при чемъ вѣсъ клада, съ двумя холщевыми мѣшками, въ который онъ былъ уложенъ, съ бичевками и печатями, былъ показанъ въ $20^1/_8$ фунтовъ (т. е. 20 ф. 12 зол.).

По доставленіи клада въ г. Казань, г. Казанскій губернаторъ *А. К. Гейнсъ* препроводилъ его для разбора и опредѣленія его научнаго достоинства къ извѣстному Казанскому нумизмату, нынѣ, къ сожалѣнію, уже покойному, уважаемому сочлену нашему В. К. Савельеву, предоставивъ ему право, въ вознагражденіе за трудъ, отобрать изъ клада коллекцію монетъ для минцъ-кабинета Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Весь кладъ оказался заключавшимъ въ себѣ серебряныя Джучидскія монеты (т. е. монеты хановъ Золотой орды), съ крайне небольшимъ процентовъ монетъ Джелаиридскихъ и Джагатайскихъ (не болѣе 19 штукъ). Посвятивъ возложенному на него порученію всю зиму 1881—1882 года, В. К. Савельевъ выполнилъ его съ поразительною тщательностью, характеризующею трудолюбіе и горячую преданность своему дѣлу покойнаго нумизмата: онъ не только пересмотрѣлъ всѣ монеты клада (которыхъ оказалось счетомъ около 5000), но тщательно распредѣлилъ ихъ по ханамъ, по мѣстамъ чеканки, по годамъ по видамъ, по многочисленнымъ варіантамъ, отмѣтивъ самыя незначительныя различія въ чеканкѣ и размѣстивъ всѣ монеты клада по бумажнымъ капсюлькамъ, съ соотвѣтствующими надписями и цитатами на труды Френа, Григорьева и П. Савельева. Выйдя изъ кабинета покойнаго — Чистопольскій кладъ представлялъ собою нѣсколько пакетовъ, отмѣченныхъ именами хановъ; каждый такой пакетъ заключалъ въ себѣ нѣсколько меньшихъ пакетовъ, отмѣченныхъ названіями мѣстностей чеканки; въ этихъ послѣднихъ пакетахъ были заключены большія капсюли, вмѣщавшія въ себѣ монеты одного и того же года, въ нихъ находились меньшія капсюли, содержавшія монеты одного и того же вида и т. д.,—доходя до мельчайшихъ разновидностей монетъ, размѣщенныхъ уже въ капсюлькахъ наименьшей величины. Нельзя

было не изумиться при видѣ громадности выполненнаго труда, требовавшаго не только высшей степени энергіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ опытности и близкаго знакомства съ трудами по Джучидской нумизматикѣ. Покойный окончилъ свой трудъ лишь за нѣсколько дней до смерти....

За выдѣленіемъ изъ него коллекціи для Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи,—кладъ былъ возвращенъ въ канцелярію г. Казанскаго губернатора и въ указанной выше, строго научной и систематической, классификаціи препровожденъ минувшимъ лѣтомъ (1882 г.) въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы Чистопольскій кладъ получилъ назначеніе подобное тому, какое въ 1852 г. дано было знаменитому Екатеринославскому кладу: изъ послѣдняго, согласно Высочайше утвержденному докладу министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, рѣшено было „отдать по экземпляру въ минцъ-кабинетъ Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Университетовъ и Археологическаго Общества, а остальные экземпляры, за исключеніемъ совершенно стертыхъ, хранить для обмѣна на другія монеты, для пополненія собраній Эрмитажа, нашедшимъ же кладъ крестьянамъ выдать изъ государственнаго казначейства сумму, равняющуюся цѣнности металла“ (Записки Импер. Археол. Общ., т. XII, стр. 7-я, Спб. 1865).

Весь Чистопольскій кладъ 1881 года заключаетъ въ себѣ до 4805 экз. монетъ, распредѣляющихся слѣдующимъ образомъ:

№№	Разряды монетъ.	Число монетъ.
1.	Токтогу Ханъ	62.
2.	Узбекъ Ханъ	505.
3.	Джанибекъ (I) Ханъ	1472.
4.	Бирдибекъ Ханъ	430.
5.	Кульна Ханъ	130.
6.	Неврусъ Ханъ	106.
7.	Хызръ Ханъ	240.
8.	Урду-Меликъ Ханъ	8.
9.	Кильдибекъ Ханъ	25.

№№	Разряды монетъ.	Число монетъ.
10.	Мюридъ Ханъ	137.
11.	Джанибекъ (II) Ханъ	11.
12.	Азисъ-Шейхъ Ханъ	56.
13.	Абдулла Ханъ	86.
14.	Махоммедъ-Булякъ Ханъ	151.
15.	Тохтамышъ Ханъ	822.
16.	Разныхъ другихъ Хановъ . . . . . (въ томъ числѣ Тимуръ Ходжи, Миръ-Пулада и Джанибека III и монеты съ именами двухъ хановъ).	20.
17.	Джелаиридскихъ	9.
18.	Джагатайскихъ	10.
19.	Русскихъ подражаній Джучидск. монетамъ .	25.
20.	Совершенно нечеткихъ и стертыхъ до . .	500.
	Всего отдѣльныхъ монетъ до	4805.

Таковъ общій составъ Чистопольскаго клада. Что касается болѣе подробной характеристики его—то эта послѣдняя дается коллекціею, отобранною изъ него покойнымъ В. К. Савельевымъ для Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, такъ какъ въ эту коллекцію вошло *по экземпляру всѣхъ видовъ монетъ, оказавшихся въ кладѣ* (*). Ниже представляется полный списокъ монетъ вошедшихъ въ коллекцію Общества, который и даетъ обстоятельную характеристику клада; изъ этого списка видно, что въ коллекцію Общества вошло 305 видовъ монетъ въ 371 экземплярѣ, которыя распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

№№	Разряды монетъ.	Число видовъ.	Число экземпляровъ.
1.	Токтогу Ханъ	2	2
2.	Узбекъ Ханъ.	32	47
3.	Джанибекъ (I) Ханъ	97	106

(*) По нѣсколько экземпляровъ одного вида отбиралось лишь въ томъ случаѣ, когда монеты даннаго вида представляли значительныя различія въ штемпеляхъ.

№№	Разряды монетъ.	Число видовъ.	Число экземпляровъ.
4.	Бирдибекъ Ханъ	17	28
5.	Кульна Ханъ.	7	8
6.	Неврусъ Ханъ	6	7
7.	Хыззръ Ханъ.	13	14
8.	Тимуръ-Ходжа Ханъ	1	1
9.	Урду-Меликъ Ханъ	2	2
10.	Кильдибекъ Ханъ	4	5
11.	Мюридъ Ханъ	10	13
12.	Миръ-Пуладъ Ханъ	2	2
13.	Джанибекъ (II) Ханъ	4	4
14.	Азисъ-Шейхъ Ханъ	16	16
15.	Абдулла Ханъ	15	22
16.	Мухаммедъ-Булякъ Ханъ	17	19
17.	Джанибекъ (III) Ханъ	1	2
18.	Тохтамышъ Ханъ	44	56
19.	Джелаиридскихъ	4	5
20.	Джагатайскихъ	2	3
21.	Русскихъ подражаній джучидскимъ монетамъ	5	5
22.	Разныхъ	4	4
	Итого	305	371

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Чистопольскомъ кладѣ заключаются *монеты 18-ти хановъ* Золотой Орды, начиная съ Токтогу Хана и кончая Тохтамышемъ Ханомъ: въ кладѣ совершенно отсутствуютъ монеты хановъ, царствовавшихъ послѣ Тохтамыша. *Старѣйшею* по времени монетою клада является монета Токтогу Хана (см. № 2 нашего списка), битая въ Хорезмѣ въ 707 году гиждры (1307—8 г.), *позднѣйшею* — монеты Тохтомыша (№№ 272 и 273 нашего списка), битыя въ Ордѣ въ 791 году гиждры (1389 г.), а также Джагатайская монета (№ 296), битая въ томъ же году въ Самаркандѣ; слѣдовательно монеты клада обнимаютъ собою промежутокъ времени въ 82 года (1307—1389 гг.).

Чистопольскій кладъ 1881 г. представляется, если не ошибаемся, четвертымъ кладомъ Джучидскихъ монетъ, сдѣлавшимся достояніемъ науки; первымъ является Царевскій

кладъ, описанный въ 1846 г. В. В. Григорьевымъ; слѣдующими двумя являются Екатеринославскій кладъ 1851 года и Тетюшскій кладъ 1856 года, научнымъ образомъ описанные въ свое время П. С. Савельевымъ (см. Записки Импер. Археол. Общ., т. XII-й, Спб. 1865).

Екатеринославскій кладъ, состоявшій изъ 14350 серебр. монетъ, съ подавляющимъ преобладаніемъ джучидскихъ, былъ найденъ въ 1851 году, въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. Этотъ кладъ обнималъ собою промежутокъ времени въ 76 лѣтъ, съ 1317-го по 1393-й годъ, причемъ громадное большинство монетъ—именно 13694 изъ 14350 — относилось къ царствованію Тохтамыша Хана. Екатеринославскій кладъ далъ богатый вкладъ въ джучидскую нумизматику: на основаніи монетъ этого клада были открыты два неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ хана, одинъ Золотой, а другой Зауральской Орды, и три новыхъ города, названія которыхъ раньше не встрѣчались въ историческихъ памятникахъ.

Тетюшскій кладъ былъ найденъ въ 1856 году; мѣсто и обстоятельства его находки остались неизвѣстными въ точности. Исторія этого клада тѣсно связана съ именемъ нашего покойнаго сочлена В. К. Савельева; послушаемъ, что говорилъ по этому поводу его почтенный Петербургскій однофамилецъ П. С. Савельевъ, научнымъ образомъ разработавшій этотъ кладъ: „За спасеніе этой находки отъ истребленія наука обязана ревностному Казанскому нумизмату, корреспонденту Археологическаго Общества, Виктору Константиновичу Савельеву, достойному преемнику Потó, Фукса и Неѣлова, прославленныхъ Френомъ, и имѣющему передъ ними то преимущество, что къ пламенной любви къ монетамъ онъ присоединяетъ и глубокую нумизматическую опытность. Обладая прекраснымъ собраніемъ монетъ, какъ русскихъ такъ и джучидскихъ, имѣя обширныя сношенія по губерніи, В. К. Савельевъ слѣдитъ за каждою вновь появляющеюся монетой и часто по нѣсколькимъ доходитъ до открытія большихъ кладовъ, скрываемыхъ торговцами“.

В. К. Савельевымъ было разсмотрѣно до 10,000 монетъ изъ Тетюшскаго клада, хотя существуютъ основанія предполагать, что этотъ кладъ въ первоначальномъ видѣ своемъ былъ гораздо значительнѣе. Тетюшскій кладъ обнимаетъ собою промежутокъ времени нѣсколько болѣе столѣтія; древнѣйшая изъ

его монетъ относится къ 1281 году, новѣйшая—къ 1393 году, слѣдовательно онъ обрывается на томъ же годѣ, которымъ кончается и кладъ Екатеринославскій. Научный интересъ Тетюшскаго клада представляется еще болѣе значительнымъ, въ сравненіи съ кладомъ Екатеринославскимъ: этотъ кладъ указалъ имена четырехъ новыхъ хановъ и наполнилъ многіе пробѣлы въ годахъ исторіи Золотой Орды, давъ при этомъ значительное количество новыхъ варіантовъ и экземпляровъ монетъ, считавшихся до тѣхъ поръ весьма рѣдкими. Какъ и въ кладѣ Екатеринославскомъ—главную массу монетъ составляютъ здѣсь монеты Тохтамыша хана.

Обращаясь къ *нашему кладу,* мы прежде всего должны отмѣтить аналогію его съ кладами Екатеринославскимъ и Тетюшскимъ, аналогію замѣчаемую въ томъ, что всѣ три клада обрываются царствованіемъ Тохтамыша: это ясно указываетъ намъ на то, что всѣ три клада были положены въ землю въ эпоху этого хана (*). Екатеринославскій и Тетюшскій кладъ оканчиваются однимъ и тѣмъ же годомъ—1393-мъ; этотъ годъ весьма краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, указывая на эпоху борьбы Тохтамыша съ Тамерланомъ (1393—1395 гг.) и пріурочивая время зарытія этого клада къ кровавому вторженію Тамерлана въ предѣлы нынѣшняго отечества нашего и къ его побѣдоносному шествію на Елецъ, которое должно было неминуемо породить всеобщую панику и заставить населеніе позаботиться о спасеніи какъ своей жизни, такъ и своего имущества. Чистопольскій кладъ обрывается 1389-мъ годомъ, т. е. четырьмя годами ранѣе двухъ предъидущихъ кладовъ. Можетъ ли быть время зарытія его также пріурочено къ 1393 — 1395 годамъ, т. е. также къ эпохѣ борьбы Тохтамыша съ Тамерланомъ? Оставляя рѣшеніе этого вопроса оріенталистамъ, я позволю себѣ только напомнить два историческіе факта, которые не лишены, быть можетъ, нѣкотораго значенія для соображеній о нашемъ кладѣ. Въ 1391 году имѣлъ мѣсто походъ на Вятку ордынскаго царевича Бектута, относительно котораго мы читаемъ

(*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ Чистопольскомъ кладѣ 1881 года монеты Тохтамыша особенно хорошо сохранились: весьма многія изъ нихъ до того свѣжи, четки и полновѣсны—какъ будто онѣ только что вышли изъ подъ штемпеля.

въ лѣтописи: „Того же лѣта (6899) царь Тохтамышъ посла царевича, именемъ Бектута, на Вятку ратію; онъ же шедъ взя Вятку, а люди посѣче, а иные въ полонъ поведе" (*). Нынѣшній Чистопольскій уѣздъ лежалъ на пути движенія ордынской рати, а условія военныхъ движеній того времени — отъ которыхъ нерѣдко дружеское населеніе терпѣло не менѣе вражескаго—легко могли побудить жителей принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для обезопасенія своего имущества. Въ слѣдующемъ 1392 году произошло нападеніе на низовья Камы Новгородскихъ ушкуйниковъ, — нападеніе, которое должно было произвести еще большій переполохъ въ мѣстномъ населеніи: „Того же лѣта (6900) — свидѣтельствуетъ лѣтопись—Новгородцы и Устюжане и прочіи, къ тому совокупившеся, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на низъ и взяша *Жукотинъ* и Казань (Кашанъ?) и вышедше па Волгу, пограбивше гостей всѣхъ, возвратишася" (**). Если мы воспомнимъ, что мѣстность нынѣшняго с. Малаго Толкиша находилась въ округѣ древняго Жукотина (Жукотинское городище находится верстахъ въ 6 ниже г. Чистополя а с. М. Толкишъ, мѣстонахожденіе клада, верстахъ въ 15-ти къ юго-востоку отъ него), — то поймемъ, что мѣстность эта находилась въ ближайшемъ районѣ хищничества ушкуйниковъ, а это, быть можетъ, дастъ и нѣкоторое основаніе связать съ этимъ набѣгомъ фактъ зарытія въ землю нашего клада.

Главнымъ различіемъ въ характерѣ кладовъ, Екатеринославскаго и Тетюшскаго—съ одной стороны, и Чистопольскаго—съ другой стороны, представляется преобладаніе въ первыхъ двухъ монетъ Тохтамыша. Свѣдѣній о первоначальномъ составѣ Тетюшскаго клада не сохранилось; не сохранилось и свѣдѣній о взаимномъ численномъ соотношеніи въ немъ монетъ различныхъ хановъ,—вслѣдствіе чего мы должны довольствоваться заявленіями П. С. Савельева и покойнаго В. К. Савельева, что монеты Тохтамыша Хана составляли *главную массу* его содержанія. Что касается Екатерино-

(*) Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., т. VIII, стр. 61.

(**) Ibid.—Замѣтимъ, что въ своемъ трудѣ: «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губ.» (К. 1877)—проф. С. М. Шпилевскій ошибочно отнесъ этотъ набѣгъ къ 1931 му году.

славскаго клада, то здѣсь монеты Тохтамыша составляли подавляющее большинство: на 13694 монеты Тохтамыша и и на 393 монеты его современниковъ съ монетами нечеткими, неопредѣленными и поддѣльными—приходилось здѣсь *только 263 монеты* его предшественниковъ по Кипчакскому престолу, т. е. менѣе 2%, менѣе двухъ монетъ на 100 монетъ всего клада! Совершенно иное находимъ мы въ Чистопольскомъ кладѣ: исключая изъ всей массы его содержанія 544 монеты, принадлежащія Джагатаямъ, Джелаиридамъ, а также нечеткія, неопредѣленныя и поддѣлки—мы найдемъ, что на 822 монеты Тохтамыша приходится здѣсь 3439 монетъ его предшественниковъ, т. е. монеты Тохтамыша составляютъ здѣсь только около 25% послѣднихъ (*)! Преобладаніе остается въ Чистопольскомъ кладѣ за монетами Джанибека (I): ихъ оказалось въ немъ 1472 экз., и только за ними слѣдуютъ уже монеты Тохтамыша (822 шт.), затѣмъ монеты Узбека (505), Бирдибека (430), Хызэръ Хана (240) и т. д. Чѣмъ объяснить такое бьющее въ глаза различіе въ составѣ кладовъ, схороненныхъ къ западу отъ Волги, одинъ — въ степяхъ сѣвернаго побережья Азовскаго моря, другой—въ мѣстности Поволжья, находящейся между рр. Волгою и Сурою, въ сравненіи съ кладомъ, схороненнымъ къ востоку отъ Волги, въ самомъ центрѣ Прикамской Булгаріи? Въ послѣдней находимъ мы въ эпоху Тохтамыша полное обращеніе джучидскихъ монетъ предшественниковъ этого хана, широкое примѣненіе золотоордынской денежной системы; на Черноморско-Азовскомъ побережьи, и даже въ долинѣ теченія р. Свіяги, это обращеніе какъ бы стѣснено, ограничено, за исключеніемъ монетъ Тохтамыша, наводняющихъ собою мѣстные рынки,—до того ограничено, что въ при-Азовскомъ краѣ встрѣчается менѣе двухъ монетъ предшественниковъ Тохтамыша на сто монетъ этого послѣдняго хана, — до того ограничено, что въ исходѣ XIV-го вѣка въ этомъ краѣ перваго рода монеты должны были быть буквально *рѣдки*. Оставимъ оріенталистамъ высказать свои соображенія по поводу этого вопроса, невольно возникаю-

(*) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что среди 500 неясныхъ и нечеткихъ монетъ — преобладаютъ опять такъ монеты предшественниковъ Тохтамыша.

щаго при сопоставленіи кладовъ Екатеринославскаго и Тетюшскаго съ нашимъ Чистопольскимъ кладомъ 1881 года.

Разсматриваемый съ точки зрѣнія обогащенія нумизматики новыми данными—Чистопольскій кладъ далеко не можетъ идти въ паралель съ кладами Екатеринославскимъ и Тетюшскимъ: онъ не открываетъ намъ ни именъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ хановъ, ни новыхъ мѣстностей чеканки монетъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ кладъ даетъ намъ какъ нѣсколько видовъ монетъ еще неизданныхъ, такъ и значительное число варіантовъ монетъ уже описанныхъ, а также даетъ и нѣсколько данныхъ для пополненія хронологіи джучидской нумизматики (*); онъ представляетъ матеріалъ и для выясненія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ въ чтеніи тѣхъ или другихъ джучидскихъ монетъ.

Въ прилагаемомъ ниже спискѣ монетъ Чистопольскаго клада приняты слѣдующія сокращенія въ цитатахъ:

Rec.—„Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imper. Scientiarum Petropolitanae", Х. М. Френа, Спб. 1826.

М. Х.—„Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды", его-же, Спб. 1832.

Григор.—„Описаніе клада изъ Золотоордынскихъ монетъ, найденнаго близь развалинъ Сарая", В. В. Григорьева (Записки Археологическо-Нумизматическаго Общества, т. II, Спб. 1849).

Савельевъ, Екат. кладъ.—„Екатеринославскій кладъ", П. С. Савельева (Записки Императ. Археол. Общ., т. XII, Спб. 1865, стр. 4—174).

Савельевъ, Тет. кладъ.—„Тетюшскій кладъ", П. С. Савельева, (тамъ-же, стр. 175—265).

(*) См. №№ 29—34, 122—131, 155, 191, 210—213, 226, 290 нашего списка.

p—pagina, страница; *тб.*—таблица; *рс.*—рисунокъ; I—сторона монеты, заключающая имя хана; II—обратная сторона монеты.

При описаніи монеты—лѣвая и правая сторона ея принимаются съ точки зрѣнія лица, читающаго ея.

Считаю своею обязанностью заявить, что описаніемъ монетъ Чистопольскаго клада 1881-го года — я довершаю только работу, которую подготовилъ В. К. Савельевъ. Поэтому на настоящее сообщеніе свое я смотрю, какъ на нравственный долгъ и посильное приношеніе незабвенной памяти нашего маститаго и уважаемаго сочлена.

КАТАЛОГЪ МОНЕТЪ
ЧИСТОПОЛЬСКАГО КЛАДА 1881 ГОДА,
ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ
КАЗАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ.

А. Монеты Джучидскія.

I. Токтогу Ханъ.

1. I. Султанъ верховный Гаясъ-эд-динъ *Токтогу* (по монгольски) Ханъ правосудный.
II. Чеканъ Сарая Богохранимаго, г. 710=1310, 11. (Rec. p. 119, № 7; Мон. Хан. тб. I, № XV). *Надчеканена*.

2. I. Токту-бекъ правосудный.
II. Чеканъ Хорезма, г. 707=1307,8. (Rec. p. 204, № 15; M. X. тб. III, № LXXIX).

II. Узбекъ Ханъ.

3. I. Султанъ верховный Узбекъ. Года не видно.
II. Суннитскій символъ („Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Магометъ посланникъ Бога“). (Rec. p. 205; M. X. тб. I, № XX).

4. I. Султанъ верховный Узбекъ. Года не видно.
II. Суннитскій символъ и обыкнов. монетное украшеніе. (*Под.* Rec. p. 205, № 2).

5. Подобна предъидущей, но другаго штемпеля.

6. Подобна предъидущимъ двумъ, но г. 717=1317, 18. (Rec. p. 206, № 3; M. X. тб. I, № XXI).

7. Подобна предъидущимъ тремъ, но г. 718=1318,19. (Rec. p. 206, № 6).

8. Подобна предъидущимъ, но годовое число ٨١٨ вмѣсто ٨١٧ (718) или ٧١٧ (717). (Rec. p. 207, № 7).

9. I. Султанъ Гаясъ-эд-динъ Узбекъ Ханъ правосудный.
II. Чеканъ Мухши, г. 718 или 717 (٨١٨). (Rec. p. 207, № 8).

10. I. Султанъ правосудный Узбекъ.
II. Чеканъ Хорезма, г. 721=1321 (Rec. p. 208, № 10, M. X. тб. I, № XXVI).

11. I. Султанъ верховный Узбекъ, г. 721=1321.
II. Сунннтскій символъ (Rec. p. 209, № 11).

12. I. Султанъ Мухамедъ Узбекъ Ханъ правосудный.
II. Чеканъ Сарая Богохранимаго, г. 722=1322 (Rec. p. 210, № 13; M. X. тб. I, № XXVII). *Надчеканена.*

13. I. Султанъ правосудный Узбекъ Ханъ, да длится царствованіе его. Тамга.
II. Чеканъ Мухши, г. 722 или 723=1322—23 (Rec, p. 210, № 15).

14. I. Султанъ верховный Мухамедъ Узбекъ Ханъ.
II. Суннитскій символъ. По краямъ: Монета Сарая, г. 727=1326,7 (Под. Rec. p. 211, № 18). *Два экз. разл. штемпелей.*

15. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ. Сверху: Сарай.
II. Суннитскій символъ. По краямъ: Монета Сарая, г. 727=1326,7 (Rec. p. 212, № 20).

16. Подобна предъидущей, но безъ слова „Сарай“ на первой сторонѣ (Rec. p. 212, № 21).

17. I. Султанъ верховный Мухамедъ Узбекъ Ханъ. Сверху: „Чеканъ“, внизу: „Сарай“.

II. Суннитскій символъ. По краямъ: Монета Сарая, г. 727=1326,7 (٧٢٨) (Rec. p. 212, № 22). *Два экз. разл. штемпелей.*

18. I. Султанъ Мухамедъ Узбекъ Ханъ, да будетъ долговѣченъ.

II. Чеканъ Болгара Богохранимаго, г. 731=1330,1. Тамга (Rec. p. 214, № 26; M. X. тб. II, № XXV). *Три экз. разн. штемпелей.*

19. Подобна предъидущей, но годъ 732=1331,2 (Rec. p. 214, № 27). *Два экз разл. штемпелей.*

20. Подобна предъидущимъ двумъ, но годъ 733=1332,3. (Rec. p. 216, №—0—).

21. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ. По краямъ: Чеканъ Сарая, г. 734=1333,4.

II. Суннитскій символъ и по краямъ имена четырехъ первыхъ калифовъ: Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ, Али (Rec. p. 216, № 31). *Надчеканена.*

22. Подобна предъидущей (Rec. p. 217, № 32; M. X. тб. II, № XLV). Года не видно. *Три экз. разл. штемпелей.*

23. Подобна предъидущимъ двумъ, но годовое число начеканено: справа سنه, внизу ٥٧٣ (Rec. p. 217, № 32; M. X. тб. II, № XLV). *Два экз. разл. штемпелей.*

24. Подобна № 22-му (Rec. p. 217, № 32), но съ надчеканкой.

25. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ. По краямъ: Чеканъ Сарая, годъ 737 (=1336,7).

II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Монетное украшеніе (Rec. p. 219, № 39). *Четыре экз. разл. штемпелей.*

26. Подобна предъидущей, но съ надчеканкой.

27. I. Султанъ верховный Мухамедъ Узбекъ Ханъ, г. 740=1339,40.

II. Суннитскій символъ (Rec. p. 221, № 43). *Три экз. разл. штемпелей.*

28. Монета Узбека Хана (?), чеканенная въ Мухшѣ (См. Мон. Хановъ № 71 и таб. A, № VIII).

29. I. Султанъ | верховный | Узбекъ (*въ квадратѣ и кругѣ изъ точекъ*). *Съ правой стороны квадрата*: 714 (?) =1314,5.

II. Суннитскій символъ (*въ осьмиугольной фигурѣ*).

30. I. Султанъ | верховный | Узбекъ (*въ квадратѣ изъ линій и кругѣ изъ точекъ*). *Съ правой стороны квадрата:* Сарай. *Внизу* 4 (?)=714 (?)=1314,5.

II. Суннитскій символъ (*въ осьмиугольной фигурѣ*).

31. I. *Въ кругѣ*: Султанъ | Гаясъ-эд-динъ | Узбекъ | Ханъ правосудный. *По срединѣ тамга (под. Мон. Хан. тб. XIII, № 13).*

II. Чеканъ Мухши, 718 (٧١٨) года = *1318,9 (въ квадратѣ). Два экз. разл. штемпелей.*

32. I. *Въ квадратѣ:* Султанъ | правосудный | Узбекъ Ханъ (*два раза ударено*).

II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ.

33. I. Султанъ | правосудный | Узбекъ.

II. Чеканъ Хорезма, годъ 720=1320,21. *Два экз. разл. штемпелей. Неиздана, но, кромѣ года, во всемъ под. Rec. p. 208, № 10.*

34. I. Султанъ | правосудный | Узбекъ Ханъ (*въ осьмиугольной фигурѣ*).
II. Чеканъ | Булгара | Богохранимаго, | г. 740 = 1339,40, (*въ сферическомъ шестиугольникѣ*).

III. Джанибекъ (I) Ханъ.

35. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. По краямъ: Чеканъ года 741 (= 1340,1).
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 7 (Rec. p. 225, № 1). *Два экз. разл. штемпелей.*

36. I. Джанибекъ Ханъ. Вокругъ: Правосудный Хаканъ Джелаль-эд-динъ Махмудъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 743 г. = 1342,3 (Rec. p. 227, № 6).

37. I. Султанъ правосудный Джанибекъ. Надчеканено украшеніе.
II. Чеканъ Хорезма, г. 743 = 1342,3 (Rec. p. 228, № 10).

38. I. Султанъ правосудный *Чамбекъ Ханъ* (по монгольски) Джелаль-эд-динъ Махмудъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 744 = 1343,4. (Rec. p. 229, № 11; M. X. № 74).

39. I. Султанъ правосудный Джанибекъ.
II. Чеканъ Хорезма, годъ 744 = 1343,4 (Варіантъ къ Rec. p. 229, № 12).

40. I. Султанъ правосудный *Чамбекъ Ханъ* (по монгольски) Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, г. 745 = 1344,5. (Rec. p. 229, № 13).

41. I. Султанъ верховный Джанибекъ.
II. Чеканъ Хорезма, годъ 745 = 1344,5 (Подобна (Rec. p. 230, №—0—).

42. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три монетныхъ украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746 = 1345,6 (Rec. p. 231, № 15).

43. } Варіанты предъидущей монеты.
44.

45. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746 = 1345,6 (Подобна Rec. p. 231, № 16; M. X. тб. III, № LXXX).

46. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746 = 1345,6 (Rec. p. 231, № 17).

47. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746 = 1345,6 (Rec. p. 232, №—0—).

48. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746 = 1345,6 (Под. Rec. p. 232, № 18; M. X. тб. III, № LXXX).

49. Варіантъ предъидущей монеты.

50. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746 = 1345,6 (Rec. p. 232, № 19).

51. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747 = 1346,7 (Rec. p. 233, № 20; M. X. тб. III, № LXIV).

52. } Варіанты предъидущей монеты.
53.

54. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Два украшенія, звѣздочка и точка.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747=1346,7 (Под. (Rec. p. 233, № 20*a*). *Два экз. разл. штемпелей.*

55. Подобна предъидущей, но на I вмѣсто звѣздочки вторая точка.

56. Подобна предъидущимъ двумъ, но три обыкнов украшенія дополняются четвертымъ, подобному украшенію на № 40 Григорьева.

57. Монета № 54 съ надчеканкою.

58. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшенія. Надчеканено عدل или خان.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747=1346,7 (Rec. p. 233, № 20*c*; М. Х. тб. III, № LXIV).

59. I. Султанъ Джанибекъ правосудный.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747=346,7 (Rec. p. 233, № 21; М. Х. тб. III, № LXV).

60. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747=1346,7 (Rec. p. 234, № 22).

61. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшенія и звѣздочка.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 748=1347,8. Украшеніе (Rec. p. 234, № 24).

62. Подобна предъидущей, но на I четыре украшенія (Rec. p. 235, № 25; М. Х. тб. III, № LXVI). *Два экз. разл. штемпелей.*

63. I. Султанъ правосудный Джелаль-эд-диннъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ. Два (?) украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 748=1347,8. Украшеніе (Rec. p. 235, № 26). *Два экз. разл. штемпелей.*

64. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 749 = 1348,9 (Под. Rec. p. 235, № 27; М. Х. тб. III, № LXIX).

65. Подобна предыдущей монетѣ, но съ надчеканкой.

66. I. Султанъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Богохранимаго, 749 = 1348,9. (Rec. p. 236, № 28; М. Х. тб. III, № LXVIII). *Два экз. разл. штемпелей.*

67. I. Джанибекъ Ханъ. Два украшенія. Вокругъ: Выбита въ дни правосуднаго царя Джалалъ-эд-дина Махмуда Султана.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 742 (?) = 1341,2. Годовое число поставленно прописью. (Rec. p. 236, № 31; М. Х. тб. III, № LXXXVI).

68. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Четыре украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 746 = 1345,6, Годовое число — прописью. (Rec. p. 237, № 32).

69. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 746 = 1345,6. Годовое число — прописью (Rec. p. 237, № 33; М. Х. тб. III, № LXXXV).

70. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 751 = 1350,1 (Rec. p. 239, № 36; М. Х. № 91).

71. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, 751 (написано ١٥٧) = 1360,1.
II. Чеканъ Сарая Новаго; видны слово „годъ“ и цифра 7. (Rec. p. 240, № 40).

72. Подобна монетѣ № 71 (Rec. p. 240, № 41).

73. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 752=1951 (Rec. p. 241, № 47).

74. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 752=1351 (Rec. p. 241, № 48).

75. Подобная предъидущей монетѣ (Rec. p. 241, № 47; Григорьевъ, p. 16, № 53, тб. I, рс. 7).

76. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752=1351 (Rec. p. 242, № 49).

77. Варіантъ предъидущей монеты.

78. I. Султанъ верховный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ, 752.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752=1351 (Rec. p. 242, № 50). *Два экз. разн. штемпелей.*

79. Подобная предъидущей, но съ надчеканкой (Григорьевъ, p. 16, № 51).

80. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752=1351 (Под. Rec. p. 242, № 52).

81. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 752=1351 (Rec. p. 243, № 54; М. Х. тб. III, № LXXIII).

82. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана (куфическое письмо), годъ 752=1351 (Rec. p. 243, № 56; М. Х. тб. III, № LXXII).

83. Подобна предъидущей, но безъ года и первая сторона, кажется, перечеканена.

84. Подобно № 82, но безъ года.

85. Подобно 82, но совершенно особаго чекана.

86. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистанъ (куфич. письмо), годъ 752=1351 (Rec. p. 244, № 57; M. X. тб. III, № LXXII.

87. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана (куфич. письмо), годъ 752=1351 (Rec. p. 244, № 58).

88. Варіантъ предъидущей монеты.

89. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 753=1352 (Rec. p. 244, № 59; M. X. № 98).

90. I. Подобна предъидущей (ср. Григорьевъ, p. 19, № 60 *в*). *Три экз. разн. штемпелей.*

91. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, 753=1352 (Rec. p. 244, № 61).

92. Варіантъ предъидущей монеты.

93. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 753=1352 (Rec. p. 245, № 62).

94. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 753=1352 (Rec. p. 245, № 63).

95. Варіантъ предъидущей монеты.

96. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 754=1353,4 (Rec. p. 246, № 67).

97. Подобна предъидущей (Rec. p. 246, № 68).

98. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана (куфич. письмо), годъ 756=1355 (Rec. p. 247, № 70).

99. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 745? (Rec. p. 249, № 77).

100. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 743? (Rec. p. 250, № 79).

101. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 745? (Rec. p. 250, № 80).

102. Монета, подобная предъидущей (Rec. p. 250, № 81).

103. I. Султанъ верховный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 743? (Rec. p. 250, № 82).

104. Монета, подобная предъидущей, но съ надчеканкой.

105. Варіантъ монеты № 103 (Rec. p. 250, № 83).

106. Варіантъ монеты № 103, но годъ 742? (Rec. p. 250, № 84).

107. Варіантъ монеты № 103 (Rec. p. 250, № 85).

108. Варіантъ монеты № 103 (Rec. p. 251, № 86).

109. Варіантъ монеты № 103 (Rec. p. 251, № 87).

110. I. Султанъ правосудный *Чамбекъ Ханъ* (по монгольски) Джелалъ-эд-динъ Махмудъ.
II. Чеканъ города Гюлистана Новаго. Безъ года. (Rec. p. 254, № — 0 —).

111. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 748 = 1347,8 (Под. Григорьевъ, р. 13, № 41, тб. I, рс. 5).

112. Варіантъ предъидущей монеты.

113. Варіантъ предъидущей монеты.

114. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 748 = 1947,8 (Под. Григорьевъ, р. 14, № 43).

115. I. Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 751 = 1350,1 (Под. Григорьевъ, р. 15, № 50, тб. I, рс. 6).

116. Варіантъ предъидущей монеты.

117. I. Султанъ верховный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годоваго числа нѣтъ. (Под. Григорьевъ, р. 16, № 52).

118. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ...
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752 = 1351 (Под. Григорьевъ, р. 17, № 54, тб. I, рс. 8).

119. I. Султанъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 741 (١٣٤١) = 1340,1 (Савельевъ, Тетюшскій кладъ, р. 186, № 378, тб. VI, рс. 88).

120. I. Султанъ.....

II. Чеканъ Сарая Новаго, ٧٥١ = 1350,1 (Типа: Савельевъ, Тетюшкій кладъ, р. 186, № 378, тб. VI, рс. 88).

121. I. Султанъ правосудный | Джелаль-эд-динъ | Джанибекъ.

II. *Въ квадратѣ*: „Сарай Новый". *Верху*: „Монета". *Слѣва*: 743 = 1342,3).

122. ... I. Султанъ | Джелалъ-эд-динъ... | Джанибекъ...

II. Чеканъ Сарая | Новаго, | 747 (٧٤٧) года = 1346,7 (*въ многоугольной сферической фигурѣ*).

123. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ (*въ двойномъ кругѣ—изъ линіи и изъ точекъ*). *Во второй строкѣ три украшенія*.

II. Чеканъ Сарая (*въ два ряда*) | Новаго (*украшеніе въ серединѣ*). *Внизу* ٧, *съ лѣвой стороны* ٤٨, *т. е.* 748 = 1347,8 (*въ многоугольной сферической фигурѣ*.

124. Варіантъ предъидущей монеты.

125. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ, | да длится царствованіе его (*въ многоугольной сферической фигурѣ*).

II. *Въ квадратѣ:* Чеканъ Сарая (*въ два ряда*) Новаго | 752 = 1351.

126. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ | да длился царствованіе его (*въ кругѣ*). *Между второю и третьею строкою, на одномъ экземплярѣ—обыкнов. монетное украшеніе, на второмъ—весьма маленькій завитокъ*.

II. *Въ квадратѣ, окруженномъ завитками и кругомъ изъ точекъ*: Чеканъ Сарая | Новаго. *Внизу* ٧٥, *вверху въ лѣвомъ углу на одномъ экземплярѣ ясно видно* 0, *т. е.* ٧٥٠ = 750 = 1349,50. *Два экз. разн. штемпелей*.

127. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ (*въ кругу*). *Между строками видны два украшенія, третье не видно.*

II. *Въ кругѣ:* Чеканъ Сарая | Новаго. *Въ серединѣ украшеніе. Внизу видно* ٧ (7).

128. I. *Въ двойномъ кругѣ изъ линіи и изъ точекъ:* Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ.

II. *Въ многоугольникѣ и въ такомъ же двойномъ кругѣ:* Чеканъ... | Новаго. *Между обѣими строками украшеніе, а правѣе цифра* ٧ (7).

129. I. *Въ двойномъ кругѣ изъ линіи и изъ точекъ:* Султанъ правосудный | Джанибекъ... (*съ правой стороны украшеніе*).

II. *Въ двойномъ многоугольникѣ и въ кругахъ изъ линіи и изъ точекъ:* Чеканъ... | Новаго. *Въ серединѣ украшенія. Внизу видны цифры* ٧ (7).

130. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ, | да длится и пр. *Въ верхней строкѣ украшеніе.*

II. *Въ сферическомъ шестиугольникѣ:* Чеканъ Сарая (*въ два ряда*) | Новаго. *Года не видно.*

131. I. Султанъ верховный | Джелалъ-эд-динъ Махмудъ | Джанибекъ...

II. *Въ квадратѣ:* Чеканъ Сарая | Новаго.

IV. Бирдибекъ Ханъ.

132. I. Султанъ правосудный Мухамедъ Бирдибекъ Ханъ.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 758=1357 (Rec. p. 257, № 1; M. X. тб. IV, № XCII). *Два экз. раз. штемпелей.*

133. I. Султанъ правосудный Мухамедъ Бирдибекъ Ханъ.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 759 (Rec. p. 258, № 6; M. X. тб. IV, № XCIII).

134. Варіантъ предъидущей монеты. *Два экз. разн. штемпелей.*

135.
136. } Варіанты № 133.

137. I. Бирдибекъ Ханъ.

II. Чеканъ Азака, годъ 760 = 1358,9 (Rec. p. 259, № — 0 —). *Два экз. разн. штемпелей.*

138. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 759 = 1357,8 (Rec. p. 259, № 8). *Четыре экз. разн. штемпелей* (разн. типовъ украшенія подъ годовымъ числомъ).

139. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 760 (٧٦٠) = 1358,9 (Rec. p. 259, № 9; M. X. тб. IV, № XCVII). *Два экз. разн. штемпелей.*

140. Варіантъ предъидущей монеты (годовое число ٧٦٥).

141. Варіантъ № 139 (съ большимъ монет. украшеніемъ на II).

142. Варіанъ № 139 (годовое число ٧٠٩).

143. I. Султанъ Бирдибекъ Ханъ верховный.

II. Чеканъ Хорезма, годъ 760 (٥٢٧) = 1358,9 (Rec. p. 260, № 11). *Два экз. разн. штемпелей.*

144. I. Султанъ правосудный Мухамедъ Бирдибекъ Ханъ.

II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 760 (٧٦٥) = 1358,9 (Rec. p. 260, № 12; M. X. № 115). *Три экз разн. штемпелей.*

145. Подобна предъидущей, но годовое число ٥٢٧ (Rec. p. 260, № — 0 —; M. X. тб. IV, № XCVIII).

146. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 753=1352 (Rec. p. 260, № 13). *Два экз. разныхъ штемпелей.*

147. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 760=1358,9. Сверхъ того поставлено: вверху справа ٧, слѣва ٥, внизу ٤). (Савельевъ, Екат. кладъ, p. 26, № 38, тб. I, рс. 5).

148. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761=1358,9 (Савельевъ, Тет. кладъ, p. 189, № 387).

V. Кульна Ханъ.

149. I. Султанъ правосудный Кульна Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 760=1359. (Rec. p. 261, № 1; M. X. тб. IV, № C).

150. Подобна предъидущей, но съ надчеканкой на I

151. I. Кульна Ханъ.
II. Чеканъ Азака, 760=1359 (Rec. p. 261, № 2).

152. I. Султанъ правосудный Кульна Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 760=1359 (Rec. p. 261, № 3; M. X. тб. IV, № CI). *Два экз. разн. штемпелей.*

153. I. Султанъ правосудный Кульна Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761=1359 (Rec. p. 262, № 4).

154. Подобна предъидущей, но съ надчеканкой на Ӏ. (Rec. p. 262, № 4 *a*).

155. I. Султанъ правосудный | Кульна Ханъ, | да длится царствованіе его.

II. *Въ многоугольникѣ и кругѣ*: Чеканъ Сарая | Новаго | ٧٦١ = 761 = 1359.

VI. Неврусъ-Бекъ Ханъ.

156. I. Неврусъ-Бекъ Ханъ.

II. Чеканъ Азака, годъ 760 = 1359 (Rec. p. 263, № 1; M. X., № 121). *Два экз. разн. штемпелей.*

157. I. Султанъ правосудный Неврусъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 761 = 1359,60 (Rec. p. 263, № 2).

158. I. Султанъ правосудный Мухамедъ Неврусъ Ханъ.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 761 = 1359,60 (Под. Rec. p. 263, № 3; M. X. тб. IV, № CIII *в*).

159. I. Султанъ правосудный Неврусъ-Бекъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 761 = 1359,60. (Rec. p. 264, № 4).

160. I. Султанъ правосудный Неврусъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761 = 1359,60. (Rec. p. 264, № 5; M. X. № 123).

161. I. Султанъ правосудный Неврусъ-Бекъ Ханъ, да длится царство его.

II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761 = 1359,60. (Rec. p. 264, № 6; M. X. тб. IV, № CIII).

VII. Хызръ Ханъ.

162. I. Султанъ Хыззръ Ханъ.
II. Чеканъ Азака, годъ 760 = 1359 (Rec. p. 265, № 1; М. Х. тб. IV, № CIV).

163. I. Султанъ правосудный Хыззръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761 = 1359,60. (Rec. p. 265, № 2; М. Х. тб. IV, № CV).

164. Варіантъ предъидущей монеты.

165. Подобна № 163, но годовое число ٧٢١ (Rec. p. 265, № 3).

166 I. Султанъ правосудный Хыззръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 761 = 1359,60 (Rec. p. 266, № 4). *Два экз. разн. штемпелей.*

167. Варіантъ предъидущей монеты.

168. I. Султанъ правосудный Махмудъ Хыззръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 761 = 1359,60 (Rec. p. 266, № 5; под. М. Х. тб. IV, № CVI).

169. Варіантъ предъидущей монеты. На I украшеніе.

170. I. Султанъ правосудный Хыззръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 762 = 1360,1 (Rec. p. 266, № 6).

171. Подобна предъидущей монетѣ, но годовое число начеканено неправильно ٧٤٤ (Rec. p. 266, № 7).

172. I. Султанъ правосудный Хыззръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 762 = 1360,1 (Rec. p. 267, № 10).

173. I. Султанъ Хыззръ Ханъ.

II. Чеканъ Азака, 762 (٧٦٢)=1360,1 (Под. Зап. Имп. Археол. Общества, XII, тб. I, № 6 и Rec. p. 269, №—0—).

174. I. Хыззръ Султанъ Ханъ.

II. Чеканъ Азака, годъ 762=1360,1. Двѣ черты изъ точекъ (Савельевъ, Екат. кладъ, p. 33, № 58, тб. I, рс. 6).

VIII. Тимуръ Ходжа Ханъ.

175. I. Султанъ правосудный Тимуръ Ходжа Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 762=1360,1 (Rec. p. 271, № 2; M. X. тб. IV, № CXVII).

IX. Урду-Меликъ Ханъ.

176. I. Султанъ правосудный Урду-Меликъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 762=1360,1 (Rec. p. 272, № 1).

177. I. Ханъ Урду-Меликъ правосудный.

II. Чеканъ Азака, годъ 762=1360,1 (Rec. p. 272, № 2; M. X. тб. IV, № CXXI).

X. Кильди-Бекъ Ханъ.

178. I. Султанъ правосудный Кильдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 762—1361 (Rec. p. 273, № 1; M. X. тб. V, № CXXII).

179. Варіантъ предъидущей монеты. *Два экз. разн. штемпелей.*

180. I. Султанъ правосудный Кильдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 763=1361,2 (Rec. p. 273, № 3).

118. I. Ханъ Кильдибекъ правосудный.
II. Чеканъ Азака, годъ 763=1361,2 (Rec. p. 274, № 5).

XI. Мюридъ Ханъ.

182. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, 763=1361,2 (Rec. p. 275, № 1; М. Х. тб. A, № IX). *Два экз. разл. штемпелей.*

183. Варіантъ предъидущей монеты.

184. Подобна № 182, но годъ начеканенъ ٧٦٣ (Rec. p. 275, № — 0 —; М. Х. тб. V № CXXIX).

185. Варіантъ предъидущей монеты.

186. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана — Лисъ—Сарая, годъ 763=1361,2 (Rec. p. 276, № 3; М. Х. тб. V, № CXXVII).

187. Варіантъ предъидущей монеты (Rec. p. 276, № 4; М. Х. тб. V, № CXXVII).

188. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, 764=1362,3 (Rec. p. 276, № 5). *Два экз. разн. штемпелей.*

189. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана, 764=1362,3. Украшеніе (Rec. p. 276, № 6; М. Х. № 152). *Два экз. разн. штемпелей.*

190. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится....
II. Чеканъ Сарая Новаго., 76.? (Григорьевъ, p. 30, тб. II, рс. 22).

191. I. *Въ кругѣ:* Султанъ правосудный | Мюридъ Ханъ, | да длится царствованіе его.

II. Чеканъ | города Гюлистана. *Года не видно. Весьма грубаго чекана.*

XII. Миръ-Пуладъ Ханъ.

192. I. Султанъ правосудный Миръ-Пуладъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 764=1362,3 (Rec. р. 278, № — 0 —;М. X. тб. IV, № CXVIII).

193. I. Султанъ правосудный Пуладъ Ходжа Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Гюлистана, годъ 766=1364,5 (Rec. р. 278, № 3; Григорьевъ, р. 32, № 121,тб. II, рс. 23).

XIII. Джанибекъ II.

194. I. Султанъ Джанибекъ Ханъ (въ пяти паралелограмахъ).

II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Екат. кладъ, р. 47, № 78, тб. II, рс. 16). *Грубой чеканки почеркомъ несхи.*

195. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его (въ пяти паралелограмахъ).

II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Тет. кладъ, р. 139, № 393, тб. VII, рс. 98).

196. I. Султанъ правосудный Джанибекъ, да продлится царствованіе его (въ пяти паралелограмахъ, почеркомъ несхи).

II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Тет. кладъ, р. 195, № 397, тб. VII, рс. 101).

197. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его (въ пяти паралелограмахъ).

II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Тет. кладъ, p. 196, № 400 *c*).

XIV. Азисъ-Шейхъ Ханъ.

198. I. Султанъ правосудный Азисъ Шейхъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 767 = 1365,6 (Монеты Хановъ и пр., № 162).

199. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, годъ 767 = 1365,6 (Rec. p. 280, № 1; M. X. тб. V, № CXXXI, *в*).

200. I. Султанъ правосудный Азисъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана, 767 = 1365,6 (Rec. p. 280, № — 0 —; M. X. тб. V, № CXXXI).

201. Султанъ.... Азисъ - Шейхъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 768 (прописью) = 1366,7 (Rec. p. 281, № 4).

202. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана Новаго (Rec. p. 282, № 5).

203. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ....
II. Чеканъ Гюлистана, 766 = 1364,5. *Надчеканена* (Григорьевъ, p. 33, № 127, тб. III, p. 28).

204. I. Султанъ Азисъ-Шейхъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 767 = 1365,6 (Григорьевъ, p. 35, № 130, тб. II, рс. 30).

205. Султанъ Азисъ-Шейхъ Ханъ....
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 767 = 1365,6 (Григорьевъ, p. 36, № 131, тб. II, рс. 30).

206. Монета, подобная предъидущей, но съ надчеканкой на II.

207. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ, да длится....

II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 767 = 1365,6 (Григорьевъ, р. 36, № 132, тб. III, рс. 32).

208. I. .... Азисъ-Шейхъ Ханъ.

II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 768 (٧٦٨) = 1366,7 (Григорьевъ, р. 39, № 141, тб. IV, рс. 37).

209. Султанъ правосудный Азисъ Ханъ.

II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 768 (٧٦٨) = 1366,7 (Григорьевъ, р. 40, № 142).

210. I. *Въ кругѣ*: Султанъ правосудный | Азисъ-Шейхъ Ханъ | да длится царствованіе его.

II. *Въ сферическомъ многоугольникѣ и кругахъ изъ линіи и изъ точекъ*: Чеканъ | Новаго Сарая | ٧٦٦, т. е. 766 = 1364,5.

211. I. *Въ кругѣ*: Султанъ правосудный | Азисъ Ханъ | да длится царствованіе его. *Въ серединѣ второй строки украшеніе.*

II. *Въ двойномъ сферическомъ многоугольникѣ*: Чеканъ | Гюлистана | (٧)٦٧, *т. е. (7)67 = 1365,6. Надъ первою и второю строками маленькія звѣздочки.*

212. I. *Въ кругѣ*: Султанъ | Азисъ-Шейхъ, | да длится царствованіе его.

II. *Въ кругѣ*: Богохранимаго | чеканъ | Гюлистана. *Года не видно.*

213. I. *Въ сферическомъ шестиугольникѣ и кругѣ изъ точекъ:* Султанъ | правосудный Ази | съ-Шейхъ Ханъ, да длится и пр.

II. *Въ такомъ же шестиугольникѣ*: Чеканъ | Сарая | Новаго. *Года не видно.*

XV. Абдулла Ханъ.

214. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 764=1362,3 (Rec. р. 283, № 1; Григорьевъ, № 123, тб. II, рс. 25).

215. I. Ханъ Абдулла, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 764=1362,3 (Rec. р. 283, № 2; М. X. тб. V, № CXXXII). *Пять экз. разн. штемпелей.*

216. I. Ханъ Абдулла, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 765=1363,4 (Rec. р. 283, № — 0 —; М. X. тб. V, № CXXXIII).

217. I. Абдулла Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 765 (написанъ ٥٢٧)= 1363,4 (Rec. р. 284, № — 0 —; М. X. № 168). *Два экз. разныхъ штемпелей.*

218. I. Абдулла Ханъ....
II. Чеканъ Орды, годъ 767=1365,6 (Rec. р. 284, № 3).

219. Подобна предъидущей, но съ украшеніемъ на II. *Три экз. разн. штемпелей.*

220. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 770 (семьдесятъ—прописью)=1368,9 (Под. Rec. р. 285, № 5 и М. X. № 171).

221.
222. Варіанты предъидущей монеты.
223.

224. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 770 (семьдесятъ—прописью) = 1368,9 (Rec. p. 285, № 7; М. Х. тб. А, № Х).

225. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ.
II. Чеканъ Янги-Шегри. Года не видно, но долженъ быть 765. (Григорьевъ, р. 33, № 124, тб. II, рс. 26).

226. *Въ сферическомъ многоугольникѣ и кругахъ изъ линіи и точекъ*: Абдулла (*крупнымъ письмомъ*).
II. *Въ кругахъ изъ линіи и точекъ*: Чеканъ Азака | ٧٦٥, *т. е. 765 = 1363,4.*

227. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ; да длится...
II. Чеканъ Орды, года семидесятаго 7, т. е. 770 = 1368,9. (Въ остальномъ типа: Савел., Екат. кладъ, р. 42, № 72 *в*, тб. I, рс. 9). Вверху стоитъ знакъ, совершенно схожій съ цифрой ٧٤ (774 годъ?).

228. Монета, подобная предъидущей, но на II вверху стоитъ ٥.

XVI. Мухаммедъ Буликъ Ханъ.

229. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 771 = 1369,70 (Rec. p. 287, № 1).

230. Варіантъ предъидущей монеты (ср. Григорьевъ, р. 48, № 79, тб. II, рс. 17).

231. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 772 (7 семьдесятъ 2) = 1370,1 (Rec. p. 288, № 2; М. Х. тб. V, № CXLVII).

232 I. Султанъ правосудный Гаясъ-эд-динъ-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 772=1370,1. Куфическимъ письмомъ (Rec. p. 288, № 3).

233. Варіанты предъидущей монеты.

234. I. Султанъ правосудный Гаясъ-эд-динъ-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 773=1371,2 (Rec. p. 288, № 4; M. X. № 173).

235.
236. } Варіанты предъидущей монеты.

237. Варіантъ № 230 (ср. Савельевъ, Екатер. кладъ, p. 50; № 82, тб. II, рс. 19).

238. I. Султанъ правосудный Гаясъ-эд-динъ-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 774=1372,3 (Rec. p. 288, № — 0 —).

239. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Ханъ, да длится....
II. Чеканъ Маджара Новаго, 774=1372,3. Въ серединѣ, въ квадратѣ, тамга (Rec. p. 289, № 5; M. X. тб. V, № CXLVII).

240. I. Султанъ правосудный Гаясъ-эд-дин-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, 777 (VVV)=1375,6. Въ серединѣ: Царство принадлежитъ Богу (Rec. p. 290, № 8). *Два экз. разн. штемпелей.*

241. Варіантъ № 236 (ср. Савельевъ, Екат. кладъ, p. 52, № 85).

242. I. Султанъ верховный Булякъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Суннитскій символъ. (Нѣтъ Бога кромѣ Бога и пр.), 782 или 786 (۷۸۶)=1380 или 1384,5 (Rec. p. 291, № 10; М. Х. тб. V, № CXLIV). *Два экз. разн. штемпелей.*

243. Подобна № 236, но годъ написанъ ۷۸۱ (Rec. p. 291, № 11).

244. Подобна № 236, но годъ написанъ ۷۷ и различія въ начертаніи словъ (Rec. p. 291, № 12).

245. Подобна предъидущимъ №№ 236 и 241 (Rec. p. 291, № 13; ср. Савельевъ, Екат. кладъ, р. 54, № 91).

XVII. Джанибекъ III.

246. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго. Безъ года (Савельевъ, Тет. кладъ, р. 227, № 425, тб. VIII, рс. 119). *Два экз. разн. штемпелей.*

XVIII. Тохтамышъ Ханъ.

247. I. Султанъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Сарая, 782=1380 (Rec. p. 304, № 1; М. Х. тб. V, № CLIII). *Четыре экз. разл. штемпелей.*

248. Султанъ правосудный *Тохтамышъ* (по монгольски) Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782=1380 (Rec. p. 304, № 2). *Два экз. разл. штемпелей.*

249. I. Султанъ правосудный *Токтани* (грубое монгольское письмо) Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782=1380 (Rec. p. 305, № 2 *a*).

250. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782=1380 (Rec. p. 305, № 3).

251. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782=1380 (Rec. p. 305, № 6; М. Х. тб. V, № CLIV).

252.
253. } Варіанты предъидущей монеты.

254. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарайчука, годъ 782=1380 (Rec. p. 306, № 9).

255. I. Султанъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Азака, 782=1380 (Rec. p. 307, № 13, М. Х. тб. VI, № CLVII).

256. Монета, подобная предъидущей, но другаго штемпеля.

257. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Азака, годъ 782=1380 (Rec. p. 308, № 14; М Х. тб. VI, № CLVII).

258. I. Султанъ верховный Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ города Азака, годъ 782=1380 (Rec. p. 308, № 15).

259. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Азака Богохранимаго, годъ 783=1381,2 (Rec. p. 309, № 18; М. Х. тб. VI, № CLVIII).

360. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Орды Новой, годъ 785 (прописью) = 1383,4 (Rec. p. 312, № 28; М. X. тб. А, № XI).

261. I. Султанъ правосудный *Тохтамышъ* (по монгольски) Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 786 = 1384,5 (Rec. p. 313, № 29). *Два экз. разн. штемпелей.*

262. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Богохранимаго, годъ 786 = 1384,5 (Rec. p. 314, № — 0 —; М. X. № 202).

263. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 787 = 1385,6 (Rec. p. 315, № 35).

264. I. Султанъ правосудный.... Ханъ....
II. Чеканъ города Азака, 787 = 1385,6 (Rec. p. 315, № 40).

265. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ (куфическое письмо).
II. Чеканъ Хорезма, годъ 787 = 1385,6 (Rec. p. 316, № 42).

266. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 788 = 1386,7 (Rec. p. 316, № 43; М. X. № 208). *Три экз. разн. штемпелей.*

167. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды высочайшей, годъ 789 (٧٨٩) = 1387 (Rec. p. 317, № 45).

268. Варіантъ предъидущей монеты (годъ написанъ ٧٨٢).

269. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Орды высочайшей, годъ 789=1387 (Rec. p. 317, № 46; M. X. № 210). *Два экз. разл. штемпелей.*

270. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Сарая, 789=1387 (Rec. p. 318, № 49).

271. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ города Сарая, 790=1388 (Rec. p. 319, № — 0 —; M X № 215). *Два экз. разл. штемпелей.*

272. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды высочайшей, 791=1389 (Rec. p. 320, № 57; M. X. тб. VI, № CLXXV). *Два экз. разн. штемпелей.*

273. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ....
II. Чеканъ Орды высочайшей, 791=1389 (Rec. p. 321, № — 0 —).

274. I. Султанъ Тохтамышъ Ханъ, да длится.... (Двѣ звѣздочки).
II. Чеканъ Сарая Новаго. Отъ года видно только ٧. Украшеніе (Rec. p. 329, № 86). *Грубаго письма.*

275. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, ٥٧٨. Украшеніе (Rec. p. 329, № 89; M. X. № 199).

276. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ.... (Украшеніе).
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782 (٧٨٢)=1380 (Rec. p. 332, № 106; M. X. № 186).

277. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ города Крыма.... ٧٨٧ (Rec. p. 334, № 116; М. Х. тб. VI, № CXCVIII).

278. I. Султанъ правосудный (?) Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Азака, годъ ٨٧ (Rec. p. 336, № 127).

279. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Орды ٧٨٢ (Rec. p. 339, № 135; М. Х. тб. VII, № CCXXIX; №№ 265—267). *Два экз. разл. штемпелей.*

280. Варіантъ предъидущей монеты (Rec. p. 339, № 136). *Два экз. разл. штемпелей.*

281. I. Султанъ правосудный Гаясъ-эд-Дунья-в'эд-динъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды Новой, годъ пятый и семьсотый и... (прописью), 785 (?) (Rec. p. 342, № — 0 —; М Х. тб. VI, № CXCIV).

282. I. Султанъ правосудый Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ города.... (Rec. p. 345, № 162; М. Х. тб. VII, № CCVIII).

283. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его, 783 (٧٨٣)=1381,2.
II. Чеканъ Орды. Въ серединѣ: Царство принадлежитъ Богу (Rec. p. 346, № 170).

284. Варіантъ предъидущей монеты (Rec. p. 346, № 170 *в*; М. Х. тб. VII, № CCXVIII).

285. I. Султанъ правосудный Гаясъ-эд-Дунья-в'эд-динъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Какъ на № 279 (Rec. p. 347, № 172; М. Х. тб. VII, № CCXV).

286. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Суннитскій символъ. Безъ года (Rec. p. 349, № 189).

287. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Орды высочайшей, 789=1387. Украшеніе въ концѣ годоваго числа (Савельевъ, Екат. кладъ, p. 90, № 191).

288. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Орды высочайшей. Безъ года (Савельевъ, Екат. кладъ, p. 92, № 197).

289. I. Султанъ | правосудный | .... | Тохтамышъ.... |
II. Суннитскій символъ. Безъ года.

290. I. *Въ квадратѣ и кругѣ изъ точекъ:* (Султанъ) | правосудный | Тохтамышъ (*куфич. письмо*).

II. *Въ сферическомъ многоугольникѣ:* Чеканъ | Хорезма | ٧٨٥, *т. е. 785=1384,5* (*куфич. письмо*).

Б. Джелаиридскія монеты.

291. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелалъ-эд-динъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ 780.

II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Чеканъ Тебриза (см. Савельевъ, Тет. кладъ, № 470 и Nova Supplementa, p. 294, № 1 *a*). *Два экземпляра.*

292. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелалъ-эд-динъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ семьсотъ восемдесятъ третій (783=1381,2).

II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Шемаха (см. Савельевъ, Тет. кладъ, № 476).

293. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелалъ-эддинъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ. 7.

II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Чеканъ Гамадана (ср. Савельевъ, Екат. кладъ, р. 164, № 344, тб. V, рс. 66).

294. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелалъ-эддинъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ... 9. Чеканъ Тебриза.

II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Чеканъ Тебриза (ср. Савельевъ, Тет. кладъ, р. 256, № 469, тб. X, рс. 136).

В. Джагатайскія монеты.

295. I. Суюргатмыша повелѣніе. Эмиръ Тимуръ Гуреканъ...

II. Суннитскій символъ, 785—1383. Сверху: Самаркандъ (Rec. р. 424, № 6; М. Х. тб. XV, № 3). *Два экземпляра.*

296. I. Султана Махмуда повелѣніе. Миръ Тимуръ Гуреканъ, слово наше.

II. Суннитскій символъ. Чеканъ Самарканда. Года не видно, но долженъ быть 791-ый (см. Савельевъ, Екат. кладъ, № 340).

Русскія подражанія Джучидскимъ монетамъ.

297. Подражаніе монетѣ Узбека Хана: Мон. Хан., тб. II, № XLV и Rec. р. 217, № 32.

298. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Бирдибекъ Ханъ, да длится и пр.

II. Чеканъ Сарая Новаго.

299. I. Султанъ правосудный Хыззръ Ханъ, да длится и пр.
II. Чеканъ Гюлистана, г. 760.

300. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго. *Надписи на оборотъ.*

301. I. Чеканъ Сарая Новаго, г. 743.
II. Чеканъ Сарая Новаго, г. 743. *Надписи на оборотъ.*

Монеты съ именами двухъ хановъ.

302. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ.
II. Султанъ правосудный Мухаммедъ Бирдибекъ Ханъ.

303. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Султанъ правосудный Кульна Ханъ.

Монета неопредѣленная.

304. I. سلطان‌هان‌س.... Султанъ....
II. چکن بولا Чеканъ | Була.... *Грубаго письма.*

Монета позолоченная и пробитая.

305. I. (Султанъ) | верховный | Узбекъ Ханъ.
II. Суннитскій символъ, годъ 732.

Прим. Отмѣчаемъ эту монету—какъ найденную въ кладѣ пробитою и позолоченною, слѣдоват. служившую предметомъ украшенія еще въ XIV-мъ вѣкѣ.

АТАМАНОВЫ КОСТИ [1].

(Могильникъ бронзовой эпохи близъ с. Черемисскаго Малмыжа и дер. Ахпая, въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губ.).

Члена-сотрудника *С. К. Кузнецова.*

I.

Первое знакомство съ могильникомъ „Атамановы кости". Преданія о разбойникахъ и кладѣ. Пѣсня. Топографія могильника. Показанія кладовщиковъ и др. крестьянъ о могильникѣ. Дорога къ могильнику. Теперешнее состояніе „Атамановыхъ костей". Первыя раскопки.

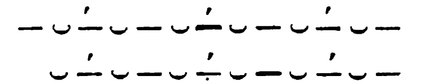
Пять лѣтъ тому назадъ совершенно случайно узналъ я въ одну изъ своихъ экскурсій, что верстахъ въ четырехъ ниже села *Черемисскаго Малмыжа* (въ 12 верст. отъ г. Малмыжа) уже нѣсколько лѣтъ весенней водой вымываетъ въ берегу р. *Вятки* человѣческія кости. Такъ какъ разсказчики упомянули о нѣкоторыхъ находкахъ, то я постарался тогда же собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ кладбищѣ отъ мѣстныхъ стариковъ. Вотъ что мнѣ передавали:

„Давно ковда-то—дѣды и прадѣды наши ишо слыхали про ето отъ отцовъ своехъ да намъ, робетишкамъ, розсказывали,—въ етомъ самомъ мѣстѣ розбойники притонъ держали. Тутъ у нихъ землянка болшая такая была, съ одной дверью безъ оконъ, а подъ нѣй подвалъ: туда православныхъ

[1] Первая половина этой статьи была помѣщена въ X т. Трудовъ Импер. Русск. Археол. Общ., и здѣсь приводится почти цѣликомъ, съ необходимыми измѣненіями и дополненіями. *Примѣч. автора.*

сажали и голодомъ морили, коли которые денёгъ имъ отдать не хотѣли. Много ихъ, розбойниковъ етехъ, было,—можотъ не одинъ и не два десятка. Лѣсъ-то тутъ перёжъ (прежде) все крупной былъ,—ну имъ и вольготно было жить; а мѣсто тутъ самолутчоё.. Помретъ которой изъ розбойниковъ, тутъ его безъ гроба и хоронятъ, а коли поважнѣе, дакъ въ коверъ завéртятъ и одѣнутъ богато, да снарядовъ ихныхъ душегубскихъ накладутъ: сабель тамъ, къ примѣру, копье, ружье, да денёгъ... Не потерпѣлъ только Осподь ихъ грѣховъ розбойницкихъ, послалъ смерть атаману ихному. А любили, должно, его больно... схоронили съ честью: надѣли на его самолутчоё платьё, въ желѣзной нагрудникъ нарядили, ружей, сабель тутъ наклали—все самолутчихъ и добро его все тутъжо схоронили—золото и серебро, котороё поотнималъ онъ у добрыхъ людей, а самого на коня посадили, да такъ и зарыли... Безъ атамана розбойникамъ—все ровнò безъ головы. Какъ быть? стали выбирать новаго. Выбрали... и ладно будто, да все не по прежному: удачи стало мало. Надумали въ другоё мѣсто утти, сѣли въ лодки и уѣхали въ низовые города. Старики сказывали—пѣсню про ето сáмоё розбойники сложили... И топерь ее мужики наши поютъ".

Пѣсню эту я тутъ же записалъ со всѣми особенностями роднаго мнѣ говора. Вотъ она:



Во чистóмъ полѣ далéче, во роздóльицѣ
Не ясные соколички слетáлися:
Онѣ думали-гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую—да заединую:
„Кому изъ насъ, робята, атаманомъ быть?"
Атаман-отъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Исавул-отъ говоритъ, кáкъ во свирю игратъ,
Во свирю игратъ, выговариватъ:
„Атаманомъ быть, робяты, все Микитушкѣ,
„Исавуломъ быть, робяты, Тимоѳееву".

Во чистомъ полѣ далече, во роздольицѣ
Не ясные соколички слеталися—

То добрые молодчики сбиралися:
Онѣ думали—гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую—да заединую.
Атаманъ тутъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Исавул-отъ говоритъ, выговариватъ:
„Не полнд̀ ли намъ, робяты, жить̀ *на островѣ*,
„Не пора ли намъ, робяты, во Русеюшку,
„Во Русеюшку, робяты, въ Волгу—матушку!
„Ужь мы сядёмте, робяты, въ легку лоточку,
„Въ легку лоточку, въ воровску косну,
„Въ воровску косну, во розбойницку;
„Ужъ мы сядёмте, поѣдёмъ во Камышинъ—городокъ! (1)
„Мы Саратово, Сызрань во глуху возмемъ полночь,
„Мы Самарѣ—городочку не поклонимся,
„Мы въ сызранскіехъ горахъ остоновимся,
„А въ Сызранѣ—городочкѣ жить построимся“!

Но тутъ, по словамъ стариковъ, разбойники раздѣлились во мнѣніяхъ: одни захотѣли уѣхать,—больше все бездомные, безъ роду, безъ племени,—а другіе, у которыхъ были по близости родные (2), остались на томъ же мѣстѣ, гдѣ жили прежде.

Могилу атамана указываютъ между двумя логами, или оврагами—*Кужинерью* (сѣв.) и *Бахмутовымъ* (южн.)—на „плёсѣ“, т. е. широкомъ полуостровѣ, покрытомъ встарину густымъ лѣсомъ; этотъ „плёсъ“ иначе называется „островомъ“, потому что, будучи значительно выше остальнаго берега, притомъ еще покрытый лѣсомъ, онъ возвышался и надъ рѣкой и представлялъ разбойникамъ значительныя удобства, дѣлая неприступнымъ ихъ притонъ. Мало по малу однако „плёсъ“ начало обрывать водой во время весенняго разлива, и разбойники покинули свой притонъ, удалившись въ болѣе удобное мѣсто. Прежнее ихъ жилище получило названіе *атама-*

---

(1) Я позволилъ себѣ въ этомъ мѣстѣ исправить невольную ошибку пѣвца, замѣнивъ *Камышловъ—городъ* Камышинымъ, какъ болѣе согласнымъ съ географіей.

(2) Любопытно, что въ селѣ *Черемисск. Малмыжѣ* до сихъ поръ существуетъ фамилія *Атамановыхъ*, ведущихъ свое происхожденіе отъ одного изъ разбойниковъ, подвизавшихся въ этой мѣстности.

новыхъ костей, соединивъ съ собой различныя преданія о кладахъ, будто бы зарытыхъ тутъ прежними обитателями. Но ужасъ, внушаемый суевѣрному крестьянину подобной мѣстностью и систематическіе грабежи разбойниковъ, безнаказанно грабившихъ жителей до конца прошлаго столѣтія, мѣшали крестьянамъ приняться за отысканіе сокровищъ, скрытыхъ въ землѣ разбойниками. Нечаянныя находки около этой мѣстности, да и не только тутъ, а по всему правому берегу р. Вятки на протяженіи 30—40 верстъ, побудили обратиться и къ „атамановымъ костямъ". Попытки въ началѣ были неудачны, да и долго, быть можетъ, не дали бы никакого результата, если бы не помогла стихія—вода, размывъ берегъ и обнаруживъ человѣческія кости. Такимъ образомъ преданіе, перешедшее не черезъ одно поколѣніе, оправдалось. „Кладовщики" набросились на знаменитый „плесъ" и стали его рыть вдоль и поперекъ. Рѣка Вятка дѣйствовала съ ними за одно, и въ какіе-нибудь 15 лѣтъ не осталось почти ничего отъ этого „плеса", столь богатаго воспоминаніями.

Изъ желанія собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, я началъ распрашивать, кто и когда отыскивалъ на „плесѣ" клады. Такъ какъ въ Черемисскомъ Малмыжѣ въ день моего пріѣзда былъ праздникъ—память св. апостоловъ Петра и Павла—то охотниковъ до росказней явилось много; нашлись даже такіе, которые сами копались въ землѣ, желая найдти кладъ. Привожу *показанія* этихъ людей относительно „атамановыхъ костей". Показанія эти любопытны въ томъ отношеніи, что прекрасно рисуютъ глубокую вѣру нашихъ мужиковъ въ клады.

1. *Яковъ Николаевъ*, черемисинъ лѣтъ подъ 50 (¹). По его словамъ, онъ видѣлъ атаманову могилу лѣтъ 15—17 тому назадъ, весны по двѣ сряду, когда жилъ въ Черемисскомъ Малмыжѣ работникомъ. Онъ раньше слыхалъ, что тутъ жили разбойники и тутъ же хоронили своихъ мертвыхъ товарищей. Особенныхъ подробностей Яковъ сообщить не могъ, но землянку видѣлъ: сколько припомнить, она длиной была аршинъ 6, ширины 4, надъ поверхностью земли возвышалась до аршина. Могильный холмъ покрытъ былъ „какъ мостомъ"

(¹) Изъ с. *Большихъ Рожковъ*, за 26 в. отъ города по вятскому тракту.

каменными широкими плитами, которыя отъ времени обросли травой и мохомъ, а въ разсѣлинахъ поднялись деревья. Съ восточной стороны, обращенной къ р. Вяткѣ, Яковъ замѣтилъ невысокую сгнившую дверь, сквозь отверстія въ которой виднѣлась внутри пустота. Кругомъ землянки замѣтны были небольшіе бугорки, также покрытые камнями. Въ то время еще часть „плёса“, уцѣлѣвшая отъ напора воды, была покрыта крупнымъ лѣсомъ, но отъ бероговаго обрыва землянка отстояла только на аршинъ, не больше. Копать на этомъ мѣстѣ не рѣшались, изъ страха предъ привидѣніями.

2. Крестьянинъ *Димитрій*, изъ рыбаковъ по ремеслу, 63-лѣтній старикъ (¹). Онъ смолоду слыхалъ, что на „плёсѣ“ существуетъ землянка, но ходить туда считалось опаснымъ. По ремеслу своему ему часто приходилось заночевывать на берегу, но ночевать тамъ, гдѣ „атамановы кости“, одинъ онъ не рѣшался. Разъ, во время рыбной ловли, застигла его съ товарищемъ гроза какъ разъ противъ этого мѣста; поднялось сильное волненіе на рѣкѣ и поневолѣ пришлось ночевать на „атамановыхъ костяхъ“. Ночь прошла однако безъ страховъ, и онъ безъ опаски ночевалъ тутъ потомъ одинъ. Димитрій видѣлъ самъ землянку и описалъ ее точно такъ же, какъ Яковъ. По его словамъ, покушаться на раскопки стали лѣтъ 20 тому назадъ. Добро „разбойницкое“ многимъ не давало покоя, но рыли неуспѣшно. Одинъ охотникъ до кладовъ добылъ старую „запись“, въ которой говорилось, что разбойники зарыли на другой сторонѣ р. Вятки (²) сороковикъ серебра; онъ кинулся туда и изрылъ весь берегъ, но ничего не нашелъ. Между тѣмъ вода начала обрывать берегъ и стали попадаться мелкія вещи, которыя подбирались кѣмъ-попало. Лѣтъ десять назадъ крестьяне дерр. *Ахпая* и *Бурца* принялись рыть берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчались кости. Въ этотъ годъ обвалъ слегка прихватилъ землянку. Бурецкіе крестьяне усердно начали тутъ копаться. Имъ удалось найти золото и серебро въ небольшихъ слиткахъ, клинчатыя монеты изъ серебра и ружейный стволъ со штыкомъ. Монеты были проданы за безцѣнокъ серебряку въ городѣ Малмыжѣ; золото употреблено было на кольца. Самъ Димитрій

(¹) Изъ дер. *Троедворки*, за 3 версты отъ Чер. Малмыжа.

(²) Близь теперешней *Армянской* лѣсной пристани.

рыть не пробовалъ, но каждую весну похаживалъ смотрѣть, не вымоетъ ли чего водой. Однако только въ прошломъ году нашелъ онъ большую желѣзную скобу, употребленную имъ потомъ на гвозди, а больше ничего ни находилъ.

3. *Василій* изъ *Ахпая* (деревня за 4 версты), тоже пожилой, за 50 лѣтъ. Надъ самымъ этимъ мѣстомъ онъ имѣетъ на горѣ около пяти лѣтъ пчельникъ. Какъ человѣкъ некорыстолюбивый, могилъ онъ не разрывалъ, хотя видалъ кости человѣческія въ большомъ количествѣ, а разъ, послѣ спада воды, видѣлъ на берегу рядомъ два костяка—конскій и человѣческій. Видалъ много мелкихъ и крупныхъ вещей, но „могильнымъ добромъ не корыстовался: хто его знатъ, како оно? А для пчелъ ето худо, да и самому *лихо* можотъ быть“. Изъ любопытства только сматривалъ часто, какъ другіе рылисъ, видалъ и бурецкихъ кладовщиковъ: лѣтъ семь (1875) назадъ нашли они *„двѣ прямыя сабли*, кресты какіе то, должно быть тѣльники, да ишо какую-то мелочь, которой и *способія* не придумать“...

4. *Прокофій Плаксинъ*, тоже изъ *Ахпая*, лѣтъ сорока. Крайне нерѣшительно, отнѣкиваясь, сознался что въ его семействѣ изстари велись кладовщики. Дядя раззорился на кладахъ, запилъ съ горя; отецъ былъ перепуганъ „кладовымъ“ (бѣсомъ, охраняющимъ кладъ). Самъ онъ тоже много искалъ кладовъ. До „атамановыхъ костей“ онъ добрался раньше другихъ: землянка еще держалась въ берегу. Такъ какъ тутъ собралось одновременно много народу, но рыли всѣ безъ толку и часто ссорились между собой, то онъ съ семейными принялся за работу ночью, чтобы избѣжать столкновеній съ кладовщиками. Попробовавъ копать въ разныхъ мѣстахъ, онъ своротилъ камни, покрывавшіе верхъ землянки и, отступя немного отъ берега, началъ рыть. Ему попалась совершенно нетронутая могила съ богатымъ содержаніемъ. Между прочимъ вотъ что добылъ онъ:

1. *Множество желѣзныхъ и мѣдныхъ наконечниковъ* отъ стрѣлъ и копій; часть древка у нихъ еще сохранилась, и можно было видѣть, что наконечники укрѣплялись помощью колецъ;

2) *Нѣсколько мѣдныхъ и желѣзныхъ*, слегка погнутыхъ *полосъ*, шириною въ два вершка, длиною до полуаршина и нѣсколько болѣе;

3) *Желѣзный колпакъ*;

4) *Двѣ сабли* съ прямыми крестообразными рукоятками;

5) *„Обечко“* (овальной формы раму) изъ желѣза, четвертей до 3-хъ длины и полуаршина ширины, на которое натянутъ желѣзный листъ; его Прокофій счелъ *заслонкой;*

6) *Рубашку изъ колецъ* до того ржавую, что она легко разрывалась и

7) *Поясъ*, составленный изъ причудливыхъ фигуръ на подобіе утокъ или гусей, изъ цѣннаго металла ([1]), потому что не поддался ржавчинѣ ([2]).

Всѣ эти вещи перемѣшаны были съ костями и камнями, которые, очевидно, прикрывали погребенный трупъ. Мѣдь и желѣзо сильно поддались ржавчинѣ, но годны еще въ дѣло. Кости сохранили только наружную форму и легко раздроблялись. Въ какомъ порядкѣ лежали вещи, Прокофій не упомнилъ; одно могъ только сказать, что на ножныхъ костяхъ замѣтилъ хорошо (?) сохранившіеся сапоги, при прикосновеніи раздробившіеся на кусочки. Много мелкихъ вещей Прокофій побросалъ въ рѣку, а изъ тѣхъ, которыя увезъ домой, больше половины пошло въ передѣлку: „доброе вышло желѣзо!“ Поясныя украшенія (больше половины) продалъ серебряку, копѣекъ по 20 съ фунта... Часть этихъ вещей я видѣлъ тогда (1877 г.) у Прокофья и предлагалъ продать ихъ мнѣ. Такъ какъ „старика“ дома не было, то Прокофій назначилъ 5 часовъ утра слѣдующаго дня, обѣщая принести ихъ ко мнѣ на квартиру, но не пріѣхалъ, вѣроятно запуганный старикомъ—отцомъ...

5. *Федоръ Спиридоновъ* изъ сл. *Сиротскаго* ([3]), лѣтъ 35. Недѣли за три до моего пріѣзда (8 іюня) былъ на берегу Вятки, на „плёсѣ“ и замѣтилъ высунувшіяся человѣческія кости. О находкахъ онъ зналъ, и у него блеснула мысль попытать счастья. Первымъ попавшимся подъ руку коломъ онъ началъ рыть около костей, но нашелъ только *ремень съ мѣдной пряжкой*, украшенной рѣзьбой, да остатки кожаныхъ сапогъ.

([1]) *Свѣтлой бронзы*, сколько можно судить по найденнымъ мною позднѣе вещамъ.

([2]) Вещи подъ № 2, по моему мнѣнію, части составнаго панцыря; № 3—шлемъ; № 4—два меча; № 5—щитъ; № 6—кольчуга но здѣсь я оставилъ вещамъ тѣ названія, которыя далъ самъ Прокофій

([3]) Въ одной верстѣ отъ *Чер. Малмыжа.*

Около костей и подъ ними оказалось довольно хорошо сохранившаяся на видъ мочальная рогожка. Попадались и другія мелкія вещи: подобіе ризы (?) отъ иконы, желѣзное; обрывки кольчатой рубашки, разныя желѣзныя и мѣдныя небольшихъ размѣровъ *пряжечки* и *кружки*, сильно изоржавѣвшіе. Кромѣ пряжки Ѳедоръ все побросалъ въ воду. Но опасаясь насмѣшекъ за пустую находку, онъ отдалъ пряжку встрѣчному рыбаку, а тотъ, какъ вещь ненужную, бросилъ ее на берегу.

Хотя пять лѣтъ тому назадъ археологія мало меня привлекала, однако я заинтересовался этими сообщеніями и отправился на „атамановы кости". Пройдя версты полторы полемъ, мы добрались съ Ѳедоромъ Спиридоновымъ до р. Вятки. Берегомъ пришлось идти до 2½ верстъ, постоянно пробираясь чрезъ ручьи, вытекающіе изъ крутаго нагорнаго берега. До атамановой могилы мнѣ удалось насчитать 12 ключей. Вешняя вода и ключи изрыли весь берегъ, изрѣзавъ его мелкими овражками; большею частью это ручьи—безымянки, только одинъ окрещенъ *Памáсомъ*, но это есть ничто иное, какъ искаженіе черемисскаго слова *памàш*=ключъ. Помимо ручьевъ тропинку то и дѣло пересѣкали огромныя глыбы песчаника, изумляющія своею величиною. Чѣмъ ближе подходила дорожка къ „плёсу", тѣмъ ближе и ближе къ рѣкѣ надвигалась крутая береговая гора. Подлѣ оврага *Кужинеръ* [1] она совсѣмъ подошла къ водѣ. Сильный ключъ, текущій по кужинерскому оврагу наметалъ въ рѣку длиную косу изъ ила и мелкаго камня. По ту сторону ключа уже начался „плёсъ". Еще и теперь онъ дугою выступаетъ въ рѣку. Что тутъ былъ крупный лѣсъ, нѣтъ сомнѣнія, потому что на берегу видны вывороченныя деревья, чуть держащіяся корнями за почву. Слѣдующее половодье снесетъ ихъ и снова отторгнетъ другія деревья; близко уже время, когда рѣка подойдетъ къ самой горѣ и тогда слѣдовъ не будетъ отъ „атамановыхъ костей". Отъ

---

(1) *Кужинеръ*—слегка измѣнившееся въ русскомъ произношеніи черемисск. слово *куж-енер*. *Куж*=«длинный». *енеръ*=«текущій по оврагу ключъ», а также «оврагъ». *Бахмутовъ*, или *Ахмутовъ* оврагъ получилъ свое названіе по всей вѣроятности отъ собственнаго имени («Махмудъ, Бахмутъ, Ахмутъ»).

берега до подошвы горы въ 1877 году оставалось не больше восьми саженъ, а теперь только пять. Остающаяся площадь до Бахмутова оврага покрыта и теперь лѣсомъ и кустарникомъ. Есть холмики, похожіе на могильную насыпь, даже покрытые камнями до аршина въ діаметрѣ, но ихъ такъ много, что трудно принять ихъ за могильные. Ближе къ водѣ валялись человѣческія кости, цѣльныя и раздробленныя, во множествѣ. Очевидно, ни рука человѣка, ни влажная стихія не щадили злополучный „плёсъ". Осмотрѣвъ берегъ во всю длину, гдѣ встрѣчались кости, я нашелъ ихъ на 15 саженяхъ, и это, по моему, настоящая длина кладбища, потому что тщательный осмотръ не показалъ присутствія костей дальше этого предѣла. Образуя замѣтное возвышеніе ближе къ берегу, „плёсъ" по мѣстамъ понижается къ горѣ и окаймляется топкими ключевинами какъ разъ тамъ, гдѣ предѣлъ нахожденія костей. Өедоръ показалъ мѣсто своей раскопки; тщательно собравъ разбросанныя имъ кости, я нашелъ слѣдующія: три крупныя части черепа замѣчательной толщины, нижнюю челюсть съ отлично сохранившимися зубами, семь реберныхъ костей, два спинныхъ позвонка, двѣ плечевыя и двѣ локтевыя кости и одну берцовую. Кости оказались замѣчательной бѣлизны, но сдѣлались дряблыми; онѣ отличались своей величиной, такъ что должны были принадлежать крупному индивидууму.

Осматривая берегъ, въ двухъ мѣстахъ я замѣтилъ кости, приблизительно на аршинной глубинѣ; но надо замѣтить, что уже верхній слой земли, приблизительно аршина въ два толщины, былъ подмытъ водой и скатился внизъ. Осторожно снимая землю, я замѣтилъ два костяка рядомъ, но оконечности ихъ оказались оборванными водой. Кости сохранились далеко не всѣ; большая часть сгнила безслѣдно, окрасивъ только землю въ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Кости лежали въ рыхломъ, слегка каменисто-песчаномъ грунтѣ и были покрыты большими камнями; подъ ними оказались слѣды одежды, по видимому суконной. Костякъ головой обращенъ на западъ, черепъ лежалъ на правомъ вискѣ; это обстоятельство, а также и то, что локтевыя кости оказались далеко въ сторонѣ, заставляетъ меня предположить что трупъ зарытъ наскоро. Отъ другого скелета явственно сохранился только одинъ черепъ; тотъ и другой черепъ по вынутіи изъ земли распались. По

бокамъ втораго скелета замѣтны небольшіе куски ржавчины, но что тутъ было положено, опредѣлить невозможно.

Такимъ образомъ первые поиски не дали въ результатѣ ничего, но они подтвердили существованіе на „плёсѣ“ кладбища. Ограничившись 5 лѣтъ тому назадъ небольшой пробный раскопкой, разсмотрѣвши только ничтожную часть находокъ, я пришелъ къ такому выводу, что болѣе 300 лѣтъ кладбищу этому дать нельзя, и относилъ его ко времени завоеванія Казанскаго царства, когда Адашевъ съ сильною ратью ходилъ правымъ берегомъ р. Вятки для усмиренія возмутившихся черемисъ. Неодинаковая степень сохранности костей, разнородность найденнаго, по словамъ крестьянъ, оружія давали мнѣ поводъ думать, что на этомъ мѣстѣ послѣдовательно хоронилось не одно поколѣніе. Увлекаясь въ область предположеній, въ силу послѣдняго обстоятельства я готовъ даже былъ допустить, что еще новгородскіе ушкуйники впервые познакомились съ этимъ мѣстомъ. Допустить послѣднее предположеніе побуждало меня существованіе у черемисъ этой окраины преданія о нападеніяхъ, которыя дѣлали на нихъ съ р. Вятки неизвѣстные имъ, богато вооруженные люди.

Однако вышло иначе. Съ 1877 года до прошлаго лѣта я даже не бывалъ на Атамановыхъ костяхъ, но мнѣ стало казаться, что могильникъ этотъ принадлежитъ къ гораздо болѣе древней эпохѣ, чѣмъ я относилъ первоначально. Поэтому я рѣшилъ произвести на немъ вторичныя розысканія.

II.

Вторичный осмотръ могильника въ 1881 году. Береговое укрѣпленіе и верхняя площадка. Перечень предметовъ, пріобрѣтенныхъ отъ крестьянъ и найденныхъ на берегу. Любопытный способъ погребенія. Заключеніе и выводы.

При болѣе тщательномъ изученіи „Атамановыхъ костей“ лѣтомъ 1881 года я нашелъ, что могильникъ этотъ расположенъ на второй заросшей травой террасѣ, неширокой полосой (отъ 3 до 5 саж.) тянущейся между все болѣе и болѣе обмываемымъ весеннею водою берегомъ р. Вятки и обрывисто поднимающейся береговой горой. Длина могильника

не превышаетъ 15 саженъ. Ближе къ берегу рѣки терраса слегка опускается, но все же мощность чернозема достигаетъ здѣсь отъ 1 до 1½ аршинъ. Ниже чернозема идетъ подкладка изъ бураго песку съ мелкимъ камнемъ, который чѣмъ глубже, тѣмъ дѣлается крупнѣе. Естественною границей могильника на сѣверѣ является *Кужинерскій*, на югѣ *Бахмутовъ* (или *Ахмутовъ*) оврагъ. Ближе къ первому оврагу вторая терраса еще цѣла, но подвигаясь на югъ, она все болѣе и болѣе понижается и около Бахмутова оврага совершенно исчезаетъ. Во всю длину могильника береговая гора немного отступаетъ отъ берега, образуя дугу. Тщательный осмотръ береговой горы показалъ, что надъ нею нѣкогда много трудилисъ человѣческія руки. Прежде всего поразительна крутизна гребня, всюду доходящая до 45°, а самый гребень тянется на 70 саженъ, отъ одного оврага до другаго, нѣсколько вдаваясь внутрь въ самой срединѣ. Саженъ 10 ниже гребня горизонтально идетъ узенькая площадка (до 3 саж. наибольшей ширины), а на 5 саженъ еще ниже —другая такая-же площадка, на которой замѣтны два курганообразныхъ возвышенія, не выше 1½ саженъ, въ которыя щупъ проникаетъ весьма легко, какъ почти вездѣ на той и другой площадкѣ. Точныя измѣренія оказались здѣсь рѣшительно невозможны, такъ какъ отъ самаго гребня горы до берега рѣки все сплошь поросло густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ и покрыто непролазной чащею, залегающей въ высокой травѣ. Доступъ снизу на гребень горы возможенъ, и то съ трудомъ, только вдоль крутаго мыса, образуемаго пересѣченіемъ береговой горы съ Кужинерскимъ оврагомъ.

Площадь верхней террасы между оврагами очевидно служила мѣстомъ поселенія первобытнаго человѣка, такъ какъ здѣсь, по словамъ крестьянъ, нерѣдко находили бронзовые и желѣзные предметы, и особенно черепки. Склоны того и другаго овраговъ слишкомъ ужъ правильно круты, да кромѣ того чуть замѣтное углубленіе, пересѣкающее площадь по направленію отъ одного оврага къ другому, несомнѣнно указываетъ на остатки рва. Къ несчастію для меня, этотъ участокъ былъ засѣянъ рожью и стало быть недоступенъ, тогда какъ обыкновенно онъ служитъ яблокомъ раздора для двухъ сосѣднихъ деревень—Черемисскаго *Малмыжа* и *Ахпая*, оставаясь незасѣяннымъ и вызывая подчасъ серьезныя стычки за обладаніе имъ, сопровождающіяся увѣчьемъ

и смертью, какъ это было напримѣръ въ 1876 году, когда при подобныхъ обстоятельствахъ убили двухъ человѣкъ.

По склонамъ овраговъ и ниже гребня на извѣстной глубинѣ долженъ залегать, сколько можно судить по аналогіи съ укрѣпленіемъ около починка *надъ Ройскимъ истокомъ*, культурный слой, но по вышеуказанной причинѣ невозможно было произвести развѣдокъ, такъ какъ пришлось бы рубить лѣсъ.

Когда я выразилъ желаніе пріобрѣсти находки, мнѣ доставили слѣдующія вещи:

1) Двѣ поясныхъ пряжки изъ *свѣтлой бронзы*.

2) *Бронзовый* ободокъ въ формѣ лентовиднаго браслета, очевидно служившій для прикрѣпленія наколѣнниковъ или локотниковъ.

3) *Бронзовую* подвѣску.

4) *Бронзовую* бляху отъ пояса.

5) Двѣ *бронзовыя* подвѣски въ формѣ кистей, по видимому отъ сбруи.

6) Неопредѣленный *бронзовый* предметъ въ формѣ треугольника, съ круглой дырочкой на верхнемъ концѣ; нижній край видимо былъ заостренъ.

7) Неправильный кружокъ изъ *свѣтлой бронзы*, до 1 вершк. въ діаметрѣ; въ срединѣ дырочка.

8) *Желѣзный* трехгранный наконечникъ отъ стрѣлы, обыкновеннаго типа.

9) Массивный *бронзовый* предметъ съ характернымъ веревочнымъ и кружко-подобнымъ орнаментомъ, напоминающій собою эполету. Съ нижней стороны видѣнъ крючокъ для пристегиванія, а по краямъ небольшія ушки для прикрѣпленія желѣзной кольчуги, слѣды которой еще замѣтны.

10) *Бронзовый*, слегка вогнутый кружокъ до $2\frac{1}{2}$ вершк. въ діаметрѣ, съ небольшимъ отросткомъ съ одного края и круглымъ отверстіемъ по срединѣ. Быть можетъ зеркало.

По словамъ крестьянъ — продавцовъ, всѣ эти вещи найдены на берегу *уже послѣ* того, какъ кладовщики взрыли „Атаманову могилу". Есть основаніе вѣрить этому, такъ какъ при небрежной ночной раскопкѣ легко можно было не замѣтить многіе мелкіе предметы. Сколько я ни распрашивалъ о болѣе крупныхъ находкахъ, особенно объ оружіи, я получалъ только уклончивые отвѣты, что „было много, да извели на разныя подѣлки", чему плохо вѣрится.

Уже на основаніи пріобрѣтенныхъ предметовъ можно было заключить, что я имѣю дѣло съ древнимъ *могильникомъ бронзовой эпохи*, къ крайнему прискорбію погибшимъ для науки, благодаря извинительному невѣжеству крестьянъ, совершенно незнающихъ того, что за предъявленныя находки они, въ силу закона, могутъ получить вознагражденіе.

Съ приходомъ рабочихъ я спустился на „плёсъ", къ могильнику. Присматриваясь къ береговой осыпи, мы подобрали на поверхности земли слѣдующія предметы:

1) Довольно грубо сдѣланныя *изъ бронзы* пряжку отъ пояса и колечко.

2) Половинку *стеклянной* бусины свѣтлоголубаго цвѣта.

3) Два неопредѣленныхъ обломка *изъ бронзы*.

4) Небольшаго размѣра *желѣзный* кельтъ.

5) Два небольшихъ *желѣзныхъ* ножа.

6) Миніатюрныхъ размѣровъ *бронзовую* пуговочку.

Всѣ предметы слегка окислились подъ вліяніемъ недавняго дождя. Найденныя нами вещи раскиданы были во всю длину могильника и не давали никакого опредѣленнаго указанія на то, гдѣ слѣдовало начинать раскопку. Обходя береговой обрывъ, я только въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ кости, но вскрытіе ихъ, кромѣ совершенно рассыпавшагося черепа, не дало въ результатѣ ничего, хотя земля просѣвалась. На поверхности могильника щупъ почти повсемѣстно шелъ въ глубь довольно легко. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ точныхъ признаковъ могилъ на поверхности приводилось рыть на угадъ.

Я заложилъ траншею почти подлѣ самой воды, прямо въ осыпи. Однако пришлось рыть до самаго обрыва напрасно. Когда подлѣ береговаго обрыва была очищена осыпь, стало замѣтно, что мы имѣемъ дѣло съ насыпной землей, такъ какъ черноземъ достигалъ здѣсь болѣе чѣмъ аршинной глубины. Рыхлая земля вела прямо подъ корни срубленныхъ и растущихъ деревьевъ, которыя пришлось корчевать. Когда, по удаленіи деревьевъ вмѣстѣ съ корнями, сняли слой земли до полуаршина, обнаружился костякъ, отъ котораго явственно уцѣлѣли только крупныя кости и черепъ, все остальное истлѣло почти безслѣдно. Положеніе костяка таково: сильно раздвинутыя ноги обращены на сѣверовостокъ, руки раскинуты врозь, перпендикулярно къ туловищу, черепъ лежитъ глазными впадинами внизъ, подъ нимъ челюсть. По-

добное положеніе костяка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто трупъ первоначально былъ въ наклонномъ къ югозападу положеніи и видимо брошенъ лицомъ внизъ на скорую руку. При костякѣ рѣшительно ничего не найдено, а измѣреній нельзя было производить по той причинѣ, что конечности сгнили безслѣдно. Пришлось ограничиться однимъ черепомъ, совершенно разсыпавшимся при вынутіи изъ земли.

Земля подъ этимъ костякомъ была еще довольно рыхла. Снявъ слой земли до полуаршина, я наткнулся на другой костякъ, головой на югъ, съ вытянутыми вдоль туловища руками, оконечности которыхъ, какъ и ногъ, сгнили совершенно. Съ праваго боку этого скелета, подлѣ правой руки и ноги оказалось по парѣ лошадиныхъ ногъ, копытами на сѣверъ, а рядомъ съ развалившимся подъ тяжестью земли человѣческимъ черепомъ—черепъ лошади, мордою обращенный къ югу. Всѣ вообще кости, особенно лошадиныя, сгнили до такой степени, что напоминаютъ собою какую то кашу. Счищая землю около костяка, нѣсколько выше таза я нашелъ крайне любопытную *пряжку* изъ серебристой бронзы, ничуть не пострадавшую отъ ржавчины. Пряжка въ формѣ коня съ сѣдломъ на спинѣ; ноги соединены полоской, за которую быть можетъ продѣвался одинъ конецъ ремня, а у сѣдла видны два колечка, къ которымъ могъ быть пришитъ ремень. Подъ черепомъ и нѣсколько вправо отъ него найдены:

1) Точильный *шиферный брусокъ* до 2 вершк. длины, съ дырочкой на одномъ концѣ.

2) *Желѣзная* пряжка съ язычкомъ.

3) Средней и малой величины *желѣзные* ножи и

4) Небольшое *желѣзное* шило.

Просѣваніе земли не дало никакого результата. Раскопка одной только могилы и обслѣдованіе береговой горы съ ясными слѣдами укрѣпленія заняли цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, что даетъ отчасти понятіе о трудности работы. Несомнѣнно однако, что новыя систематическія раскопки дадутъ и новыя находки, хотя могильникъ этотъ уже въ достаточной мѣрѣ расхищенъ. Самымъ удобнымъ временемъ для подобныхъ раскопокъ можетъ служить осень, когда склоны береговой горы дѣлаются далеко доступнѣе, такъ какъ пропадаетъ густая трава и опадаютъ листья, благодаря чему возможенъ болѣе тщательный осмотръ и измѣренія.

Нельзя не признать, что мы имѣемъ предъ собой весьма любопытный памятникъ древности. Смѣсь *бронзовыхъ* вещей довольно высокой работы и *желѣзныхъ* предметовъ, особенно ножей, указываетъ на то, что могильникъ принадлежитъ *къ концу бронзовой эпохи.* Многія изъ находокъ напоминаютъ тѣ, которыя были добыты изъ *Пьяноборскаго* могильника, напр. бронзовый предметъ въ формѣ эполеты, подвѣски на подобіе кистей, бронзовые кружки; нѣкоторыя же, какъ напр. пряжки, до мелочей сходны съ такими же пряжками, пріобрѣтенными нами въ дер. *Воробьевой*, изъ числа найденныхъ въ смытомъ уже теперь весеннею водою могильникѣ бронзовой эпохи. По словамъ кладовщиковъ, на Атамановыхъ костяхъ были найдены *желѣзные* прямые мечи, а именно такіе вырыты были нами на городкѣ близъ поч. *надъ Ройскимъ истокомъ.* Все это даетъ возможность сближенія между этими могильниками и пріуроченія ихъ къ одной эпохѣ.

То обстоятельство, что во время раскопокъ 1877 года мнѣ и нѣкоторымъ изъ кладоискателей пришлось попасть на могилы со слѣдами обуви и одежды, можетъ лишь указывать на то, что укромное мѣстечко на „плёсѣ" служило не рѣдко мѣстомъ погребенія для удальцовъ, безвременно сложившихъ свою буйную голову. А мало ли бывало, еще и не столь давно, этихъ удальцовъ на святой Руси? Приведенная нами пѣсня, а также и преданіе о разбойникахъ даютъ еще болѣе вѣроятія подобному предположенію.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя разрытая нами на Атамановыхъ костяхъ могила съ двумя костяками. Неправильное положеніе верхняго костяка не служитъ ли указаніемъ на то, что онъ принадлежитъ рабу, убитому на могилѣ господина и схороненному на скорую руку? Наконецъ, что̀ означаетъ погребеніе рядомъ съ человѣкомъ головы и ногъ лошади? Сколько намъ извѣстно, такого погребенія еще никто не описывалъ, между тѣмъ какъ у Геродота (IV книга), при описаніи погребальныхъ обычаевъ скиѳовъ, мы не разъ встрѣчаемъ описаніе подобнаго погребенія, но, какъ кажется, раскопки, производившіяся въ южной Россіи, еще не подтвердили указаній Геродота. Только *П. Д. Шестаковъ*, производя раскопку Ананьинскаго могильника, нашелъ лошадиныя кости вмѣстѣ со сжеными человѣческими костями, что невольно побудило его видѣть въ такомъ способѣ погре-

бенія сильное сходство съ погребеніемъ у скиѳовъ, какъ его описываетъ Геродотъ (¹).

Съ другой стороны, намъ извѣстенъ обычай вотяковъ и черемисъ, теперь уже сохранившійся только въ глухихъ мѣстностяхъ, отчасти объясняющій, по аналогіи, появленіе лошадиныхъ костей рядомъ съ человѣческими въ одной и той же могилѣ. Когда трупъ покойника опущенъ въ могилу, его слегка закидываютъ землей, а потомъ начинаютъ поминки; для этой послѣдней цѣли закалается какое-нибудь мелкое животное, кости котораго кидаются въ могилу, и послѣдняя уже окончательно засыпается землей. При раскопкахъ старинныхъ могилъ (черемисскихъ и вотскихъ) почти всегда приходится натыкаться на кости домашнихъ животныхъ, лежащія на незначительной глубинѣ. Это именно обстоятельство даетъ намъ возможность сближать скиѳское погребеніе съ найденнымъ нами, а также объяснить присутствіе въ разрытой нами могилѣ лошадиныхъ костей не иначе, какъ и въ вотскихъ или черемисскихъ могилахъ, съ тою лишь разницею, что кости лошади положены при трупѣ, остававшемся открытымъ во время поминокъ, а потомъ засыпаны вмѣстѣ землею.

Мнѣ приходится въ заключеніе высказать сожалѣніе, что два черепа изъ этой, въ высшей степени любопытной въ погребальномъ отношеніи могилы оказались въ столь плачевномъ состояніи, что реставрація ихъ въ первоначальномъ видѣ совершенно невозможна. Невозможно, стало быть, хотя бы приблизительное опредѣленіе племени, къ какому могъ принадлежать погребенный.

15 мая 1882.

(¹) Смотр. Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этнографіи 1879 г., т. II, стр. 129 и 131. *Рычковъ* высказываетъ такое же предположеніе. См. его «Журналъ или дневныя записки». Спб. 1770. 4°, стр. 79.

СОДЕРЖАНІЕ III ТОМА.

Страница.

Страница.

Страница.

Страница.



Администрація Общества съ 18 марта 1884 года:

1. **Предсѣдатель**, ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій*.

2. **Товарищъ Предсѣдателя**, директоръ народныхъ училищъ казанской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иліодоръ Александровичъ *Износковъ*.

3. **Казначей**, и. д. начальника университетской типографіи Александръ Титовичъ *Соловьевъ* (въ зданіи типографіи).

4. **Секретарь** Степанъ Карповичъ *Кузнецовъ* (въ зданіи Университета).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

а) **А. А. Дубровина** (Гостиный дворъ № 11) и

б) **Б. И. Алексѣева** (Воскресенская ул., д. Сапожниковой), продаются слѣдующія изданія Общества, которыя можно также получать прямо чрезъ Секретаря Общества:

1. Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн.: Томъ I, 1878 годъ. **Цѣна 50 коп.** — Томъ II, 1879 годъ. **Цѣна 1 руб.** — Томъ III, 1880—1882 годы. **Цѣна 2 руб. 50 коп.**

2. Отчеты о дѣятельности и состояніи Общества за [illegible] годы, — **по 25 коп.**

3. Каталогъ археологической и этнографической выставки, организованной Обществомъ въ 1882 году. Обнимаетъ, въ систематическомъ порядкѣ, всѣ коллекціи Общества. — **Цѣна 30 коп.**

Цѣна III тома 2 руб. 50 коп.